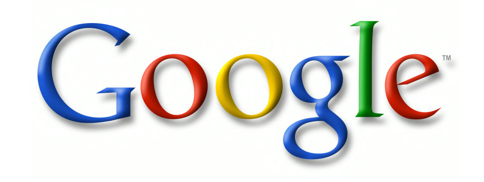
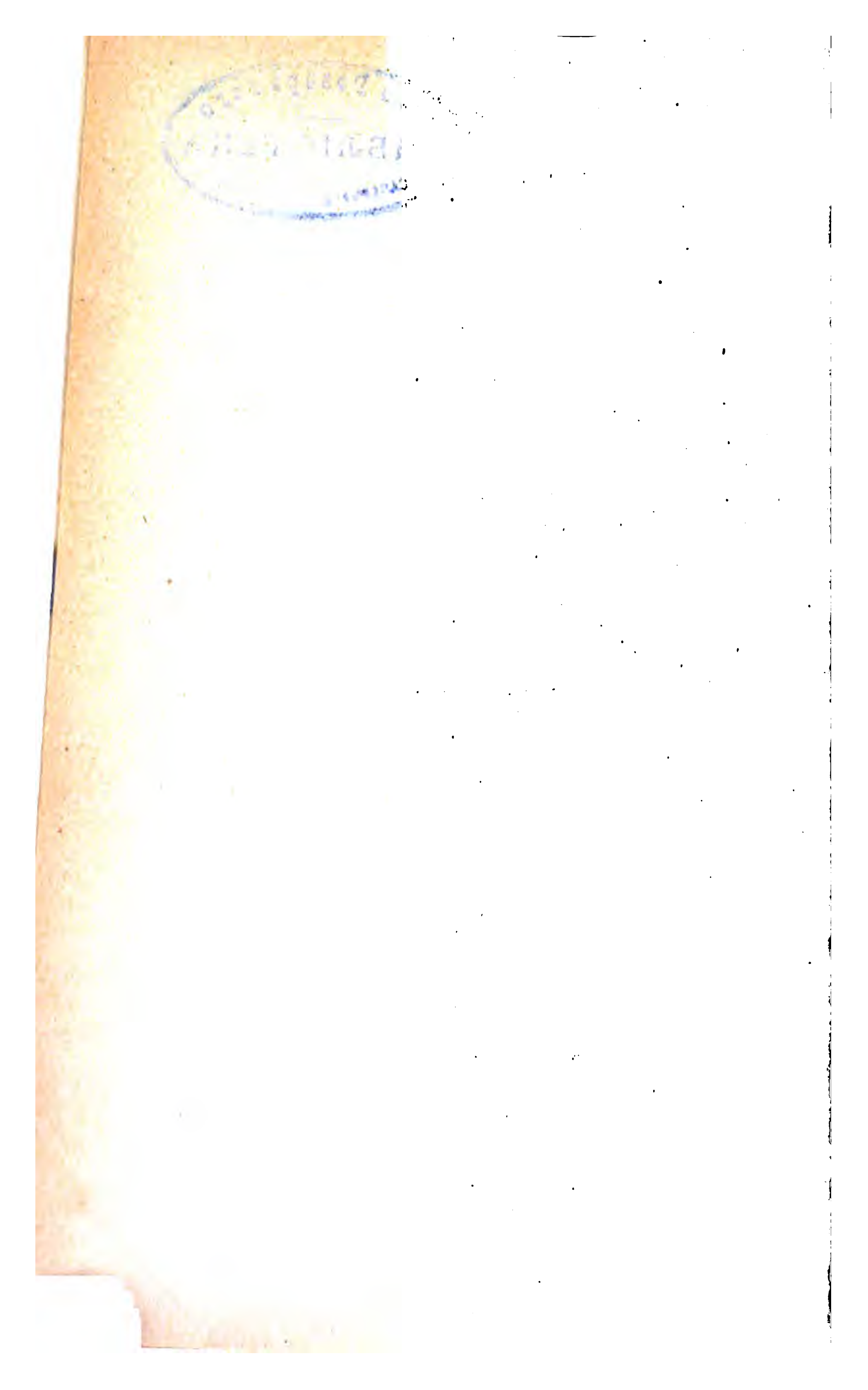

Google

общественныхъ учрежденій исполняются безъ задатка, причемъ требованія должны быть написаны на бланкѣ учрежденія за текущимъ № и подписью завѣдующаго учрежденіемъ. На заказахъ всѣхъ вышеупомянутыхъ учрежденій магазинъ дѣлаетъ постоянную уступку **отъ 10 до 15 процентовъ**, въ зависимости отъ суммы заказа.

За болѣе подробными условіями **магазинъ** проситъ обращаться письменно.

е) Заказы гг. книгопродавцевъ исполняются на условіяхъ вычета обычныхъ 5%% коммиссіонныхъ, по возможности въ день полученія заказа.

ж) При выпискѣ книгъ просятъ по возможности точно обозначать автора, названіе и цѣну книги, а также и родъ пересылки (почтой, черезъ транспорт. конт., жел. дор.). При отсутствіи въ требованіяхъ такихъ указаній магазинъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, выбирая то, что, по его мнѣнію, болѣе удобно въ интересахъ заказчика.

з) **Магазинъ также высылаетъ ноты, письменныя и учебныя принадлежности, физическіе аппараты для школъ, глобусы, карты и проч.** При подобныхъ заказахъ просятъ обязательно прилагать задатокъ.

и) Всѣ поступающіе въ магазинъ заказы исполняются, въ очередномъ порядкѣ, **ни въ какомъ случаѣ не позже 3-хъ дней,** исключая заказовъ на иностранныя изданія и частью провинціальныя, которыя часто приходится пріобрѣтать на мѣстѣ ихъ изданія.

к) Такъ какъ магазинъ обращаетъ преимущественное вниманіе на аккуратное и быстрое исполненіе заказовъ иногороднихъ покупателей, то администрація магазина покорнѣйше проситъ о всякомъ промедленіи (исключая вышеуказанныхъ случаевъ: выписки книгъ изъ-за границы или другихъ городовъ) доводить немедленно до ея свѣдѣнія, для принятія своевременныхъ мѣръ къ устраненію подобныхъ недоразумѣній, причемъ магазинъ принимаетъ на свой счетъ убытки, происшедшіе отъ неаккуратности или недостаточно-добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу служащихъ магазина.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА IX.

МОСКВА.

1896.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЛЯЛЬКА *).

(Изъ «Сказокъ дѣйствительности»).

XIII.

Первые признаки преображенія «молодого человѣка» въ «скучнаго холостяка» это—боль въ поясницѣ, слабость въ ногахъ и вялость сердца. Они подходятъ незамѣтно. Вы, оглядываясь назадъ, никакъ не опредѣлите не только часъ или день, но даже годъ, когда вы перестали быть юношей и сдѣлались нашимъ «многоуважаемымъ»! Долгое время еще вы себя считаете по старой памяти въ числѣ «подающихъ надежды» и волнуетесь, когда фракъ не сидитъ, какъ слѣдуетъ, а тѣ, къ кому вы пристаете, т.-е. молодежь, давно уже считаетъ васъ чужимъ, исподтишка надъ вами подсмѣивается, переглядывается за вашею спиной и между собою непочтительно обзываетъ васъ облѣзлымъ попугаемъ, и даже грубо «старымъ чортомъ...» Удивляясь тому, что съ этою «молодежью» вамъ не весело (хоть между собою ей отлично), вы начинаете умозаключать, что нынѣшнее юношество ничего не стоитъ,—нѣтъ въ немъ живости, увлеченія, ничего такого, чѣмъ вы еще вчера отличались сами. И, вѣдь, никому изъ этихъ еще не сознавшихъ себя «старыхъ чертей» въ голову не приходитъ, какое увлеченіе и живость не распугаются ихъ невѣроятными плѣшинами!... «Молодой человѣкъ» не можетъ встать со стула, не почувствовавъ туги въ поясницѣ, а посидитъ подольше—ноги у него свинцомъ литы; на третій этажъ войдетъ, запыхается, точно онъ комодъ себѣ втащилъ, пульсъ у него будто у выросшей на картофелѣ ститутки,—такъ какая-то ниточка дергается,—а тоже бѣгаетъ телефонною и конюшенною придворнаго вѣдомства дѣвицей,

*) Русская Мысль, кн. VIII.

хоть въ этомъ спортѣ любой сверхштатный писецъ его департамента сорокъ очковъ ему впередъ дастъ и всѣ шары въ лузу положитъ! Букеты покупаетъ, конфеты возитъ въ розовыхъ бонбоньеркахъ, бумагу выбираетъ нѣжныхъ цвѣтовъ съ птичками, дѣлаетъ роковые глаза изъ-подъ шляпы и все разсчитываетъ на искреннее имъ, старымъ козломъ, увлеченіе... Надо какое-нибудь рѣшительное событіе: клубный скандалъ, торжественное посмѣяніе, обидный отказъ на предложеніе, чтобы «молодой человѣкъ» понялъ, что онъ уже вычеркнутъ изъ списковъ за ненадобностью. Да когда же это случилось?—мучительно вспоминаетъ онъ.—Помилуйте, давно ли кажется! Начинаетъ считать и вдругъ оказывается «давно»,—такъ давно, что даже страшно становится: неужели всѣ эти длинные годы я былъ дуракомъ и игралъ смѣшную роль? И, вѣдь, никакъ сразу не мирится съ этимъ человѣкъ накладной молодости. Я еще поспорю, позвольте. Съ чего-жъ это, если я чувствую себя такъ и сякъ? Самый фальшивый документъ—метрическое свидѣтельство!... И начинается борьба. Но увы! она только свидѣтельствуетъ о его упорствѣ и храбрости, ибо, ежедневно терпя одно пораженіе за другимъ, онъ еще нѣсколько лѣтъ никакъ не рѣшается оставить поля сраженій. Отъ него бѣгаютъ, онъ дѣлается чѣмъ-то подобнымъ тѣни отца Гамлета, при появленіи которой даже дураки Гильденштернъ и Розенкранцъ трепещутъ. Во время танцевъ—его рѣшительный видъ и приближеніе заставляютъ блѣднѣть телефонную дѣвицу и доводятъ до неистовства ухаживающаго за нею студента. Въ отместку его заставляютъ платить за чужіе ужины, оставаться у подъѣзда, когда найденная имъ тройка исчезаетъ въ пространствѣ, дежурить на морозѣ у театра цѣлые часы и мучительно подозрѣвать, что привлекшая его сюда конюшенная дѣвица придворнаго вѣдомства кушаетъ теперь чай въ отдѣльномъ кабинетѣ у Палкина въ пріятномъ обществѣ берейтора или кадета. Онъ получаетъ ежедневно анонимныя посланія—столь несомнѣннаго содержанія, что морщинки у его глазъ размножаются неимовѣрно, а въ голосѣ вдругъ являются брюзжащія нотки. Онъ поминутно останавливается у парикмахерскихъ и парфюмерій, симпатично разсматривая коробки съ натуральными красками для волосъ, и принимаетъ на слово рекомендаціи фабрикантовъ, увѣряющихъ, что тѣ еще лучше естественнаго цвѣта. Наконецъ, онъ самъ вдругъ появляется публично въ полномъ блескѣ фіолетоваго, зеленоватаго или иного богомерзкаго колера, и тотчасъ же анонимы сообщают ему смѣхотворные на тотъ же предметъ рецепты. Явится въ газетахъ объявленіе: «нѣтъ болѣе сѣдыхъ волосъ» или «секретъ вѣч-

ной молодости», или «искусство побѣждать старость»,—онъ такъ и знаетъ, что на другой день городская почта ему доставитъ десятки вырѣзокъ этого содержанія. Въ глазахъ молодежи, у которой онъ оспариваетъ поле сраженія, облѣзлый попугай читаетъ нѣчто, заставляющее его въ каждомъ подозрѣвать невѣдомаго корреспондента, пока, наконецъ, не разражается скандалъ, опредѣляющій разъ навсегда положеніе стараго козла!... Онъ разомъ переходитъ въ миноръ, подчеркиваетъ, что «наша де-пѣсня спѣта», что какая у меня жизнь! Не жизнь, а житіе! Довольно, поработали—теперь пусть другіе, но въ его голосѣ слышится, что онъ еще «готовъ» и всегда можетъ доказать это. Меня судьба спасла отъ подобнаго униженія. И не судьба, а именно соображеніе, что далеко отъ меня, гдѣ-то тамъ въ пространствѣ, растетъ милая и дорогая дѣвочка—Лялька, ради которой мнѣ надо еще пожить и потрудиться. Куда ужъ мнѣ цѣпляться за безжалостно уходящую молодость,—дай Богъ силъ поставить на ноги мою дѣтку, да такъ, чтобъ ей ничего въ жизни страшнаго не было! Но если ты, моя прелесть, избавила меня отъ разочарованій старости, одно твое присутствіе въ этомъ громадномъ, въ сравненіи съ тобою и со мною, свѣтѣ еще болѣе подчеркнуло томленія одиночества и жуткость моей оставленности. Мнѣ отвратительна дѣлалась моя квартира. Мечтая о тебѣ, я бѣжалъ подальше отъ ея надоѣвшихъ стѣнъ, отъ этого письменнаго стола, на которомъ лежали все тѣ же казенныя бумаги; поэтому можешь себѣ представить, какъ я обрадовался, когда Аглая Дмитріевна въ одномъ изъ своихъ писемъ сообщала мнѣ, что твой отецъ, благороднѣйшій господинъ Скворешниковъ, тебя не любитъ, и для того, чтобы онъ тебя терпѣлъ при твоемъ братѣ Богданѣ (на свѣтъ появился и таковой экземпляръ, причемъ они ухитрились и на сей случай сорвать съ меня что-то!),—надобны съ моей стороны нѣкоторыя пожертвованія! Это мнѣ открыло новые горизонты. Я, разумѣется, отвѣтилъ твоей матери конвертомъ съ пятью печатями и потребовалъ, чтобы ты мнѣ тоже писала... Пора же было вступить съ тобою въ прямыя сношенія.

XIV.

Твоя мать, впрочемъ, въ этомъ случаѣ оказалась настоящею женщиной. Она нашла нашу съ тобой переписку почти невозможной. Писать мнѣ какъ къ «крестному», тогда какъ Аглая впослѣдствіи должна открыть тебѣ обстоятельства твоего рожденія, значило бы съ самаго начала поселить ложь между нами. Сказать те-

бѣ тотчасъ же обо всемъ было бы неудобно. Что за положеніе въ семьѣ ты заняла бы послѣ такихъ откровенностей и какъ бы ты смотрѣла на Игнатія Никоновича, къ которому и безъ этого твое сердце не лежало. Сверхъ того городъ маленькій, все тамъ у васъ на чеку и на виду. Лишнее блюдо къ обѣду готовятъ, а уже изъ слободки бѣгутъ узнать, что случилось? Времена тамъ не далеки отъ гоголевскихъ, и любитель литературы, мѣстный почтмейстеръ, лакомится на сонъ грядущій чтеніемъ писемъ изъ Петербурга, даже по наивности разсказываетъ ихъ содержаніе своимъ пріятелямъ за преферансомъ. На тебя привыкли смотрѣть какъ на Скворешникову. Хотя и не согласившись съ этими соображеніями, я все-таки долженъ былъ отказаться отъ мысли, заранѣе приводившей меня въ восхищеніе—переписываться съ тобой. За то твоя мать, наконецъ-то, прислала мнѣ портретъ моей далекой дѣтки. Карточка была скверная. Она вышла изъ рукъ бродячаго фотографа, который одновременно и зубы дергаетъ, и кровь останавливаетъ, и негативы снимаетъ, а по праздникамъ въ мѣстныхъ клубахъ даетъ представленія, именуя себя докторомъ «бѣлой и черной соединенныхъ магій», включая при этомъ въ ковычки «удостоенъ одобренія монарховъ во всѣхъ Европахъ». Должно быть твоя карточка побывала въ безчисленныхъ рукахъ,—она была вся захватана. Ты ее найдешь на первой страницѣ большого альбома. Оттуда на тебя взглянетъ, также какъ оно взглянуло на меня, худенькое личико хилой дѣвочки. Еслибы ты видѣла, какъ часто и какъ подолгу я всматривался въ твои большіе не по лѣтамъ глаза, съ темными кругами подъ ними, серьезныя губы и узенькій лобикъ, отыскивая въ нихъ сходство хотя бы отдаленное со мною. Хороша ли ты или нѣтъ? Трудно было рѣшить. Дѣти вообще въ подобныхъ случаяхъ подкупаютъ беззащитностью и слабостью. Нужно ребенку быть уродомъ, чтобы не показаться прелестнымъ. Я думаю, ты скорѣе была красива, или, лучше сказать, обѣщала сдѣлаться такою въ будущемъ. Должно быть, приходило мнѣ въ голову, тебя не особенно закармливаютъ дома, иначе плечики твои не выдавались бы такими острыми углами, не были бы костлявы. Или, какъ писала Аглая, требуя съ меня на учителей, ты любишь слишкомъ много заниматься, и даже тебя по ночамъ застаютъ за книжкой. Что-жъ, не переутомляйся только! Къ тому времени, когда ты потребуешь отъ жизни своего счастья, восковыя куклы будутъ не въ особенномъ фаворѣ. Къ русской въ особенности женщинѣ съ каждымъ днемъ предъявляется больше требованій. Слишкомъ уже она способна и избаловала насъ умственнымъ превосходствомъ. А ты должна быть и умной, и образо-

ванною дѣвушкой. Я хочу гордиться тобой. Я самъ всю жизнь былъ черезчуръ скромнымъ человѣкомъ, чтобы не желать въ этомъ отношеніи тебѣ самаго шумнаго успѣха. Когда я тебя буду вести подъ руку, я вѣрно встрѣчу взгляды, полные удивленія и уваженія. Еще лучше, еслибъ изъ тебя выработалось что-нибудь особенное. Женою и матерью быть прекрасное назначеніе, но удачный выборъ себѣ мужа и отца своимъ дѣтямъ очень рѣдокъ. Малѣйшая ошибка въ этомъ случаѣ разбиваетъ жизнь, если въ ней нѣтъ другого высшаго интереса, болѣе идеальнаго назначенія. Избави Богъ, чтобы я желалъ видѣть тебя на сценѣ! Эта выставка красоты и таланта всегда принижаетъ женщину, и тутъ для побѣды нужно много и часто поступаться не только достоинствомъ, но, бываетъ, и честью. Приходится лгать, льстить, покупать и подкупать, завидовать и интриговать, отбивать удары и наносить ихъ, не говоря уже о томъ, что каждый вечеръ тебя мысленно раздѣваютъ тысячи глазъ, оцѣнивая всѣ твои стати, точно ты скаковая лошадь. Нѣтъ, не объ этомъ я мечталъ для тебя! Но если бы ты сдѣлалась видною писательницей, художницей, музыкантшей, даже композиторшей—дѣло другое. Тутъ тебѣ не пришлось бы считаться съ чужими капризами и приноравливаться къ огрубѣвшимъ нервамъ требующей вѣчнаго показа толпы. Особенно въ виду состоянія, которое я тебѣ оставлю, ты была бы вполнѣ независима. Вчера, продолжая свои воспоминанія,—дневникъ мой до сегодняшняго дня, вѣдь, не дошелъ, и я еще имѣю дѣло съ прошлымъ,—я написалъ, что «нерасположеніе» къ тебѣ господина Скворешникова искренно меня обрадовало. Еще бы, ты и сама поймешь мои чувства, когда сообразишь, что, томясь одиночествомъ и безцѣльностью жизни,—не департаментское же бѣличье колесо могло ее наполнить,—я только и мечталъ впослѣдствіи, когда все устроится, взять тебя къ себѣ. Окончивъ гимназію, ты, разумѣется (видишь, я рѣшаю за тебя), захочешь высшаго образованія—и тебѣ надо будетъ ѣхать въ Петербургъ. Тутъ-то я и явлюсь въ твою далекую глушь и увезу тебя съ собою и ко мнѣ. Мы поселимся вмѣстѣ и, разумѣется, не «нерасположенный» къ тебѣ господинъ Скворешниковъ удержитъ мою дѣтку въ холодномъ кругѣ своей семьи. Онъ даже, пожалуй, обрадуется раздѣлаться съ тобою,—разумѣется, только капитализируетъ тебя въ опредѣленную сумму, которую, видитъ Богъ, на тотъ разъ я ему уплачу съ превеликимъ удовольствіемъ. А я до тѣхъ поръ приготовлю тебѣ двѣ комнатки, впередъ угадывая твой вкусъ, или если онъ у тебя не развился, то устраивая ихъ такъ, чтобы одна декорація уже бросала на твою жизнь радостный отсвѣтъ покоя и изя-

щества. Ты увидишь, какъ тебѣ будетъ у меня легко и хорошо. Я постараюсь не обратиться въ стараго брюзгу, портящаго день за днемъ и себѣ, и другимъ. Напротивъ, надо будетъ сохранить свѣжесть сердца и чуткость молодости, чтобы жить съ тобою одними чувствами и интересами. Это меня вознаградитъ за все, что я перестрадалъ. По крайней мѣрѣ, самую страшную пору жизни я проведу, радуясь твоему счастью... Для Аглаи Дмитріевны разлука съ тобою не думаю, чтобы была слишкомъ тяжела. Ей, все-таки, ты—укоръ, хотя и отлично оплаченный. Я полагаю даже, что въ семейныхъ сценахъ «благороднѣйшій» господинъ Скворешниковъ упрекаетъ ее тобою, забывая великодушно, что ты была для него источникомъ его довольства и служебнаго успѣха. Ему бы на тебя Богу молиться!... Что касается до бабки, то эта щемящая старуха сдѣлана не изъ того матеріала, который вызываетъ привязанность. «Совсѣмъ напротивъ»,—какъ говорятъ наши писатели. Да и не вѣчно же она будетъ жить. Кстати, она, вѣдь, и до сихъ поръ не оставляетъ меня въ покоѣ, и въ рѣшительныхъ случаяхъ Игнатій Никоновичъ да и Аглая Дмитріевна выдвигаютъ ее противу меня какъ трубу іерихонскую, отъ которой должны пасть въ прахъ предполагаемыя каменныя стѣны моей скупости. На этихъ дняхъ твоя бабка даже потребовала отъ меня перевода г. Скворешникова въ губернію. Ну, это дудки! Для него и уѣздный городъ хорошъ. Не доставало только, чтобы этому честолюбцу захотѣлось быть губернаторомъ!... Къ счастью, я не настолько силенъ, а то бы они и на этомъ сумѣли настоять.

XV.

Ты должно быть сильно заработалась въ гимназіи. Переутомленіе очень опасно. Въ наше время мы его не знали. Положимъ, и тогда на физическое воспитаніе обращали вниманіе только въ кадетскихъ корпусахъ, но, все-таки, мы больше были на воздухѣ, чаще играли и меньше сидѣли сгорбившись за книгами, не наживая такимъ образомъ ни сутуловатости, ни хилости, ни близорукости. У моихъ знакомыхъ есть дочери въ институтахъ. Такъ между ними ни одной стройной не найдешь,—все какія-то искривленія позвоночника. Сидятъ такъ, что ли, за пюпитрами? Не знаю, но сравненіе старыхъ поэтовъ женщины съ пальмой должно быть сдано въ архивъ за ненадобностью. Впрочемъ, вѣдь и пальмы бываютъ кривыя! Во всякомъ случаѣ, меня страшно встревожило письмо Аглаи Дмитріевны, и я очень радъ, что на этотъ разъ уже

не было недостатка въ средствахъ, чтобы вызвать къ вамъ лучшаго губернскаго врача, который тебя и поставилъ на ноги. Спасибо ему! Чтобы пополнить брешь, сдѣланную въ твоемъ приданомъ, я побольше поработаю, откажу себѣ кое въ чемъ и не поѣду лѣтомъ въ отпускъ. Врачи меня гонятъ изъ Петербурга, но мнѣ кажется, что я всѣхъ ихъ надую. Меня не даромъ называли двужильнымъ когда-то. Правда, эту зиму я страдаю безсонницами, а если и засыпаю, то вижу сны, которые совсѣмъ неприличны мирному тайному совѣтнику. То меня рѣжутъ, то я кого-нибудь увѣчу до смерти!... Утромъ подняться съ постели трудно,—такъ разламываетъ поясницу; на лѣвой сторонѣ я уже давно спать не могу—сердце жалуется, а на правой тоже—печень не въ порядкѣ. Неврастенія въ соединеніи со всевозможными мерзостями. Что дѣлать,—Петербургъ! Профессоръ говоритъ: гуляйте больше. Да позвольте спросить, гдѣ же это? Шуба болтается между ногами, да и вѣсу въ ней чуть не пудъ. Снѣгъ сыплется сверху, внизу слякоть. А подморозитъ—еще хуже, того и гляди голову себѣ разобьешь. По сторонамъ раздраженныя или до смерти озабоченныя лица. Какъ же тутъ гулять? «Это вамъ доставитъ удовольствіе!» Хорошо удовольствіе! По судебному приговору,—я еще понимаю, а по доброй волѣ—нѣтъ. Кстати, заношу въ дневникъ одно наблюденіе, хоть оно къ тебѣ и не относится, Лялька. Мнѣ какъ-то раза два-три случилось быть на далекомъ югѣ. И вотъ что меня поразило: на петербургской улицѣ вглядываешься въ людей, и всѣ они кажутся мучениками. Одинъ злится на что-то, у другого, видимое дѣло, нервы такъ натянуты, что дотронься до него—его скрючитъ всего до неузнаваемости, третій и походя шипитъ на все, четвертый еще издали цѣлому міру кричитъ: «Что вамъ угодно отъ меня, милостивый государь? Убирайтесь вы ко всѣмъ чертямъ и оставьте меня въ покоѣ!»—пятый до кроваваго пота озабоченъ вопросомъ, гдѣ бы достать денегъ, шестой весь свѣтъ объявилъ на военномъ положеніи, седьмой такъ идетъ, точно каждаго, кто ему попадется на дорогѣ, сейчасъ растопчетъ и безъ остатка. И всѣ мысленно поражаютъ враговъ, дѣлаютъ кому-то зло и на воображаемые удары отвѣчаютъ такими безпощадными карами, что страшно становится. Улови свои мысли—и удивишься. Вѣчно представляешь себѣ, что противъ тебя кто-то дѣйствуетъ и злоумышляетъ, а ты въ отместку сражаешь его такъ, что тому ужъ не подняться. Такіе мы всѣ на сѣверѣ «злыдни» въ душѣ. Другое дѣло на югѣ. Всматриваешься,—да неужели и эти отъ Адама и Евы, или у нихъ были другіе прародители? Лица свѣтлыя, въ глазахъ радость жизни, бла-

гополучіе, улыбка привѣтливая. Видимое дѣло—солнце пригрѣло, природа обласкала, и они чувствуютъ всю полноту, всю прелесть существованія! А мы—совсѣмъ обдѣленный народъ. Петръ Великій, прорубая окно въ Европу (и Европа-то хороша—чухонская), загналъ насъ, какъ древніе германцы римлянъ, въ болота,—и ничего у насъ: ни свѣта, ни тепла, ни голубого неба. Какой-нибудь турокъ—ужъ на что народъ обиженный. И пятки у него для палокъ, и спина тоже. Ни свободы, ни денегъ, ни утѣшенія дорого купленнымъ національнымъ величіемъ. Да за то есть солнце и море! Выйдетъ на берегъ, сядетъ и любуется яхонтовыми волнами, ласково обмывающими ему еще вчера отбитыя пятки!... Ну, такъ вотъ я по поводу твоей болѣзни Богъ знаетъ чего не наговорилъ. Волновался я за тебя страшно. Сонъ, и безъ того скверный, совсѣмъ улетучился и на службѣ я мотался какъ «въ умѣ поврежденный», по словамъ нашего курьера, такъ опредѣлившаго моего предмѣстника. А можетъ быть и у того было свое тайное горе. Вѣдь, сквозь вицмундиръ его не увидишь, да и некому смотрѣть, всѣ заняты «бумагой», а въ антрактахъ — воспоминаніями о клубѣ и о семи въ червяхъ.

Когда я получилъ отъ Аглаи Дмитріевны посланіе о томъ, что ты выздоровѣла и опять ходишь въ гимназію, я немедленно далъ ей знать, чтобы лѣтомъ она везла тебя на кумысъ. Такъ нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ все поколѣніе выростаетъ калѣками, и только благодаря сухости и честолюбію родителей. Я безъ отвращенія никогда не могъ видѣть счастливыхъ папашъ и мамашъ, которые выведутъ къ гостямъ чадо — въ чемъ только душа держится! Грудь впалая, руки—плеть-плетью, шея—точно ниточка игрушечнаго воздушнаго шара—вотъ-вотъ оборвется и голова отлетитъ и лопнетъ тутъ же недалеко. Глаза безцвѣтные, усталые, скучающіе. Ни кровинки въ лицѣ и губы бѣлыя. А торжествующая дура или дуракъ похваляются: «Нашъ Петя идетъ первымъ—поздравьте! Да, именно Господь благословилъ насъ въ сынѣ!...» А тамъ, смотришь, не долѣзъ еще Петя до седьмого класса, а въ газетахъ уже появляется въ черной рамкѣ траурное объявленіе, извѣщающее о душевномъ прискорбіи родителей, оплакивающихъ Петичку. Завидная судьба! Родиться, измучиться, изныть надъ книжкой, чтобы оправдать существованіе господъ директоровъ похоронныхъ процессій! Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, лучше иди въ серединѣ и не старайся быть первой, только не утрать совершенно здоровья!... Я, впрочемъ, по этому поводу отписалъ господину Скворешникову, что сына своего можетъ онъ заставлять работать сколько угодно,—

до этого мнѣ нѣтъ дѣла,—ну, а что касается тебя, пусть онъ отложитъ попеченіе о «генеральскомъ дитяти», какъ онъ назвалъ тебя въ письмѣ.

XVI.

Я комнаты твои началъ устраивать, какъ только ты перешла въ шестой классъ. Еслибы ты видѣла издали, какое это мнѣ доставляло наслажденіе. Покупаешь, бывало, вещь за вещью и обдумываешь всякую мелочь. Мнѣ, главное, хотѣлось, чтобы твой уголокъ производилъ свѣтлое впечатлѣніе. Тебѣ должно быть въ немъ тепло и радостно. Ты слишкомъ долго была лишена этого. Твое дѣтство остужено—пора отогрѣться въ иной обстановкѣ. Какъ ни дороги текинскіе ковры, а я твой будуарчикъ или, лучше, кабинетъ устлалъ ими. Въ спальню и простые годятся. Спальня у тебя бѣлая. У насъ такъ рѣдко солнце, что наше пристрастіе къ темнымъ обоямъ и завѣшаннымъ мрачными гардинами окнамъ кажется мнѣ совершенно необъяснимымъ. Отъ какого это невыносимаго глазамъ свѣта мы постоянно защищаемся? Или такъ ужъ противно на улицу смотрѣть, что мы стараемся всѣми мѣрами заслониться отъ нея? Зато у тебя ясно и пріятно. И обои свѣтлые, и коверъ свѣтлый, и туалетъ бѣлый, и постель бѣлая. Одѣяло только съ едва намѣченнымъ узоромъ. Я и квартиру такъ подобралъ, что твои окна выходятъ въ садъ. Это у насъ рѣдкость. Въ первый же зимній день я подошелъ къ нимъ, взглянулъ и точно что-то у меня въ душѣ закипѣло. Оголенныя деревья стояли въ серебряныхъ ризахъ. Между ними ложились чистыя голубыя тѣни. Блѣдное, чуть тронутое лазурью, небо казалось цѣломудреннымъ, святымъ. Взоръ уходилъ въ него безъ конца. Въ немъ не было обыкновенной печали сѣвера,—напротивъ, оно молилось. Ни одна вѣтка внизу не была забыта,—никакой ювелиръ не сумѣетъ создать такого филиграна!... Все въ общемъ было такъ нѣжно, ясно, безгрѣшно, что, какъ выразилась моя знакомая, глаза невольно отыскивали Богородицу въ этомъ благоговѣйномъ маревѣ. Тебѣ будетъ хорошо здѣсь! А весною, когда все покроется молодымъ листомъ, желтоватымъ еще, кроткимъ и радостнымъ!... Ты живо здѣсь научишься улыбаться и любить весь міръ. Вѣдь, онъ, въ сущности, прекрасенъ. Надо только, чтобы чувство красоты было въ душѣ, солнце въ крови, и тогда все остальное приложится. Я позволилъ себѣ только одну вольность. Она покажется неподходящимъ диссонансомъ, можетъ быть, но ты, вѣдь, не взыщешь съ меня? Я повѣсилъ занавѣсъ къ окнамъ твоей спальни изъ желтоватой тонкой

матеріи. Если ты прикроешь ею стекла, вся твоя комната, какъ бы ни было сумрачно на дворѣ, кажется затопленною теплымъ свѣтомъ, совсѣмъ золотымъ, точно въ ней закатывается солнце. Воздуху у тебя въ волю, только дыши! Твой кабинетикъ еще не готовъ. Надо повѣсить на стѣны нѣсколько пейзажей. Ты знаешь, одного я не могу понять: въ такомъ обдѣленномъ природою городѣ, какъ Петербургъ, пейзажисты должны бы, кажется, процвѣтать, а они чуть съ голоду не умираютъ. Вѣдь, въ сущности, глазу пріятно бы хоть на стѣнѣ видѣть горы и море, цвѣтущія долины, залитыя солнечнымъ свѣтомъ, пышные южные сады, все затопляющіе полнотою на диво развившейся жизни. Не правда ли? А мой хорошій знакомый, господинъ Обносковъ, какими-то мрачными сюжетами убралъ свою роскошную квартиру. Какъ коровѣ сѣдло выходитъ, а онъ гордится. Этакая сверхъестественная дубина! Внизу шелковые пуфы и какія-то скверныя козетки, а надъ ними вдругъ «умирающій отъ голоду нищій»... Я поищу тебѣ пейзажей не нашей унылой природы, а гдѣ побольше красокъ, знаешь, эмалевыхъ, чтобы глазъ имъ радовался. У насъ и безъ того много въ душѣ туману и мари, не мѣшаетъ брызнуть въ нее лучомъ живоноснаго свѣта, чтобы хоть немного ее опривѣтить. Потомъ надъ твоимъ письменнымъ столикомъ—почему-то мебельщикъ окрестилъ его: «изъ лимоннаго дерева»—я приказалъ прибить полочку, гдѣ уже стоятъ томикъ къ томику лучшіе наши поэты и всѣ въ изящныхъ переплетамъ—не однообразныхъ. Это было бы слишкомъ сухо. Есть красные, желтые, голубые. Справа—будетъ этажерка для классиковъ, я ихъ считаю съ Жуковскаго и Пушкина и кончаю пока Львомъ Толстымъ. Относительно яснополянскаго гиганта, пожалуй, меня и не одобрятъ слѣпые кроты литературнаго цеха. Но мнѣ кажется, что въ его видимой и кажущейся ненависти къ человѣчеству гораздо болѣе любви и любви страстной, чѣмъ во всѣхъ сантиментальныхъ и слезоточивыхъ проповѣдникахъ добра и правды. По крайней мѣрѣ, читая послѣднихъ, точно ѣшь розовое варенье. И приторно, и тошно. Не оттого ли молодежь такъ любитъ Толстого? Онъ согрѣваетъ ее, и она чутко подъ сѣрою корою отличаетъ золотую сердцевину его самородковъ... Тебѣ, вѣдь, до сихъ поръ некогда было читать? А съ тобою вмѣстѣ и я переберу вно' любимыхъ писателей. Я представляю себѣ, какъ это будетъ прія но въ холодные и дождливые вечера! Тебя я усажу въ кресло самъ сяду рядомъ, и мы по очереди вслухъ будемъ пробѣгать од за другою вдохновенныя страницы, гдѣ въ каждомъ словѣ бьют невидимые пульсы. Поскорѣе бы только пришло это время. Что-

не можется въ ожиданіи. Пока не жизнь, а вѣчная тягота. Самому себѣ представляешься странникомъ, въ зимній холодъ и непогоду затерявшимся въ степи. Вдали нѣтъ - нѣтъ — да и мелькнетъ огонекъ... Идешь туда, утопая въ сугробахъ. Быть бы ему уже близко, а онъ, точно смѣясь надъ тобою, опять убѣгаетъ вдаль и дразнитъ среди остуженной мари свѣтомъ и тепломъ уютнаго и привѣтливаго уголка... Да кстати я забылъ тебѣ сказать (я уже начинаю съ тобой разговаривать въ дневникѣ, точно ты меня слышишь и понимаешь!), что жалкую фотографическую карточку твою, нѣсколько лѣтъ назадъ присланную мнѣ Аглаей Дмитріевной, я далъ художнику и тотъ, увеличивъ ее, сдѣлалъ прелестный портретъ. Онъ въ бѣлой плюшевой рамѣ виситъ «у тебя» надъ диванчикомъ. Я часто сажусь напротивъ и часами не свожу съ тебя глазъ... Если наши мысли связаны невидимыми токами и мы,—тѣ, кто любитъ, даемъ знать о себѣ тѣмъ, кого мы любимъ, ты должна часто вечерами чувствовать нѣжное прикосновеніе невидимыхъ устъ къ своему чистому блѣдному лобику. Если тебѣ покажется, что твои вьющіеся волосы шевельнулись отъ чего-то,—это не просто «что-то», это моя мысленная ласка, долетѣвшая къ тебѣ невѣдомыми путями!... Я не понимаю только, отчего Аглая Дмитріевна такъ рѣшительно отказывается снять тебя еще разъ. Сколько я послалъ по этому предмету требованій! То нѣтъ фотографа, то ты больна, то негативъ не удался, то ты сама не захотѣла, то некогда. Это въ восемь долгихъ лѣтъ не найти часу на такое пустое дѣло! Она только отдѣлывается сообщеніемъ мнѣ разныхъ твоихъ примѣтъ и лишь изъ этого я узналъ, что ты хорошѣешь, что волосы твои темнорусы и вьются отъ природы, что голубые глаза у тебя прелестны по выраженію, а на правой щекѣ точно мушка—родинка... Я ее цѣлую издали. Ай да молодецъ растетъ у меня дочка! Храни ее Господь и пошли ей побольше здоровья...

XVII.

Рояль я поставлю къ себѣ. Въ твоемъ кабинетикѣ мало мѣста. Пусть она остается въ залѣ. Тутъ лучше резонансъ. Какъ жаль, что ты такъ поздно начнешь учиться музыкѣ. Это такое наслажденіе. Нашъ нѣмой міръ только и живетъ аккордами. Въ нихъ что-то неясное, но возвышающее душу. Можетъ быть, это единственный залогъ иного существованія, сферъ, откуда мы пришли и куда уйдемъ! Ихъ языкъ тамъ понятный и опредѣленный, а здѣсь дающій не идеи, а настроенія! Я, на зло моей чиновничьей сухости, никогда

не былъ равнодушенъ къ музыкѣ, даже плохой. У насъ на сѣверѣ все до такой степени беззвучно, монотонно, точно это не столица громадной Имперіи, а какой-то чудовищный пенитенціарій. Право! Поэтому мнѣ казалось лишеніемъ, когда строгая и къ тишинѣ приверженная полиція (подумаешь, какой меломанъ изъ жандармовъ былъ хотя бы Треповъ!) запретила шарманки и уличные оркестры, точно мы страдали избыткомъ жизни! Безъ нихъ сдѣлалось еще скучнѣе. Я помню, какъ все оживлялось, когда въ высокій, какъ колодезь, дворъ петербургскаго дома являлись жалкая волторна съ флейтой и скрипкой. Растворялись окна, распаренныя отъ плиты кухарки вылетали на лѣстницы, горничныя часто съ утюгомъ въ рукахъ стремились внизъ, дворники (нынче господа дворники!) оставляли изысканія въ области внутренней политики третьяго и четвертаго этажей, и на всѣхъ лицахъ отражалось неописуемое удовольствіе. Точно на сѣрую и холодную гладь изъ-за тучъ брызнуло солнце воскрешающимъ огнемъ своихъ лучей. Дѣти принимались плясать, отцы подымали отъ письменныхъ столовъ усталыя головы, хозяйки, заскорузлыя отъ заботъ, на минуту дѣлались опять молодыми и красивыми. Просыпалась вѣра въ жизнь и часто хотя и безумная, но дающая силу все переносить мечта. Но, вѣдь, это былъ непорядокъ. Точно мы живемъ для полицейской регламентаціи, а не она для насъ. Ахъ, этотъ порядокъ, я не знаю, куда скоро придется намъ бѣжать отъ него! Все такъ размѣрено, разсчитано, на все составлены такія распредѣленія и расписанія, что для сердца и фантазіи уже ничего не осталось. Общество столь благоустроено, что свобода ни къ чему, каждое біеніе пульса предвидѣно и занумеровано. Хоть въ тюрьму уходи искать души и воли! Скучно, такъ скучно, точно кругомъ однѣ таблицы логарифмовъ, а еще удивляются, что русская толпа похожа на похоронную процессію. Такъ вотъ, Лялька, чтобъ избавить тебя отъ этой подавляющей тишины, я въ окнахъ твоей спальни и будуара повѣшу клѣтки съ птицами. Сердце человѣка такъ устроено, что ему постоянно нужно заботиться о комъ-нибудь, кто слабѣе его. Это такая живая потребность, которой не чужды даже убійцы въ каторжныхъ острогахъ. У нихъ, говорятъ, въ великой любви и нѣжности воспитываются щенки, котята, мыши—и ужъ не знаю, что еще. Когда тебѣ нечего дѣлать, возись съ канарейками, щеглами. Соловья я тебѣ не куплю. Соловей — поэтъ лауреатъ (есть такіе за границей). Когда поетъ, — онъ слишкомъ торжественъ и точно приглашаетъ весь міръ слушать его въ религіозномъ безмолвіи. Когда же молчитъ,—онъ вовсе не интересенъ. Простыя пичужки веселѣе и за-

пимательнѣе. Только, разумѣется, я не стапу разсаживать «кинаря отъ кинарки», какъ называетъ ихъ мой человѣкъ, въ разныя клѣтки. Онъ отъ этого лучше поетъ, но, вѣдь, это жестокость и какая? Намъ весело, а имъ?... Щеглы—тѣ возятся вѣчно, имъ достаточно соломенки, чтобы разодраться, и капли воды—помириться. Я ихъ всегда люблю и любилъ такъ же, какъ и безвинно оклеветанныхъ чижей, которые являются въ самомъ дѣлѣ благопристойнѣйшими птицами. Тебѣ не такъ скучно будетъ съ ними. Особенно подъ солнцемъ, когда канарейки, какъ золотые комочки, запрыгаютъ въ клѣткахъ!... Цвѣты, если захочешь, ты выберешь сама. Опи за стеклами и въ заперти всегда на меня производили больничное впечатлѣніе. Когда я смотрю на ихъ склонившіяся головки, мнѣ такъ и кажется, что они говорятъ: «Зачѣмъ насъ выростили, къ чему это искусственное существованіе?»... Скоро твои комнаты будутъ готовы. Еще одинъ годъ, и ты тоже «поспѣешь». Я не думаю, чтобы мой пріѣздъ доставилъ большое удовольствіе Аглаѣ Дмитріевнѣ или мадамъ Клюкиной, но господинъ Скворешниковъ будетъ весьма польщенъ и расхвастается мною и моимъ значеніемъ. Твоя мать слишкомъ постарѣла и далеко отошла отъ нашихъ общихъ воспоминаній. Ей будетъ стыдно ихъ, тѣмъ болѣе, что у нея на рукахъ взрослый сынъ. Да и подурнѣла она, воображаю. Уѣздная скука разноситъ ихъ всѣхъ Богъ знаетъ какъ. Въ пять-шесть лѣтъ не узнаешь... А тутъ столько ихъ прошло, что и счесть страшно. Цѣлъ ли *тотъ* садъ и *та* бесѣдка? Стоятъ ли еще деревья, слышавшія наши признанія, и такъ же ли прохладенъ и ароматенъ сумракъ разросшейся на свободѣ аллеи? Или отъ всего этого не осталось и слѣда? Удивительно глупо счастье человѣка. Кажется, весь міръ въ немъ, и какой міръ—безграничный! А замретъ оно, облетятъ вѣнчики цвѣтовъ, кадившихъ ему своимъ фиміамомъ, пожелтѣютъ молившіеся ему листы—и ни мира, ни счастья... Одни трупы...

XVIII—XXV.

Мы пропускаемъ значительную часть тетради, оставшейся послѣ Ардальона Петровича Петрова. Тутъ мало интереснаго для читателя. Идетъ нескончаемый разсказъ о томъ, какъ устраивались комнаты его Лялькн, подробность за подробностью, и хотя каждая строка ихъ освѣщена теплымъ отблескомъ любви стараго холостяка къ единственному существу въ мірѣ, связанному съ нимъ болѣе тѣсными узами, но для насъ все это повтореніе уже бывшаго ранѣе. Въ тѣхъ же главахъ (кстати форма этого дневника очень странна,—

я думаю, что авторъ напрасно его назвалъ такъ: это—скорѣе воспоминанія, написанныя съ претензіей на литературность, чѣмъ хроника всего случавшагося съ покойнымъ изо дня въ день) разсказывается опять о безчисленныхъ болѣзняхъ Ляльки, о суровости къ ней ея «метрическаго» отца, смягчавшагося только вслѣдъ за присылкой ему конвертовъ съ пятью печатями, о массѣ расходовъ на содержаніе дѣвочки, которая воспитывалась не какъ-нибудь, а «на особой линіи». «Для нашего Богдашки и обноски хороши,—сообщалъ «благороднѣйшій господинъ Скворешниковъ»,—ну, а для Людмилы, предназначенной самимъ Богомъ занять высокое положеніе въ свѣтѣ, еще надумаешься, что ей купить» и т. д. Переходимъ поэтому къ главѣ XXVI, съ которой опять послѣ довольно значительнаго перерыва начинается интересъ разсказа.

XXVI.

Сколько времени я уже директорствую, а до сихъ поръ не воспользовался еще ни разу правомъ на отдыхъ. Мои «вице» чуть не каждое лѣто уѣзжаютъ кто въ Крымъ, кто на Кавказъ. Даже въ Италіи и Швейцаріи побывали, а я все тяну лямку, такъ что сегодня мнѣ даже министръ во время доклада замѣтилъ: отдохнули бы вы, Ардальонъ Петровичъ. Смотрите, въ нашемъ возрастѣ нельзя съ этимъ шутить. Бьется, бьется сердце, да и остановится. Вѣдь это только мозеровскимъ часамъ износу нѣтъ, да и тѣ подправлять и чистить приходится. Возьмите-ка вы отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ, я вамъ пособіе выхлопочу,—вы въ правѣ, слава Богу, потрудились. Забудьте, что существуетъ на свѣтѣ вашъ департаментъ, посовѣтуйтесь съ докторомъ, поѣзжайте на воды или къ морю. Нынче вотъ Абаццію хвалятъ, новый адріатическій курортъ. Мой товарищъ ѣздилъ туда въ прошломъ году — вернулся въ восторгѣ. Авось и судьбу тамъ найдете, осенью на свадьбу меня пригласите! Не могъ же я ему сказать, что судьбы мнѣ нечего искать, она давно есть у меня въ твоемъ лицѣ, моя дорогая Лялька. А поѣхать мнѣ дѣйствительно слѣдовало. Въ груди какія-то ржавыя петли. По утрамъ кашляешь, кашляешь, едва опамятуешься,—ну, и желудокъ ни къ чорту не годенъ. Неужели, не доживъ до пятидесяти лѣтъ, въ вегетаріанцы записываться!... Да и мозги провѣтрить не лишнее. Много въ нихъ завелось департаментской моли, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ пружины ослабли. Море подбодритъ меня, я знаю самъ. Такъ и тянетъ къ его голубому простору. На наши изношенные нервы нѣтъ лучшаго цѣлителя. Тамъ и движеніе полно

ритмическаго покоя, оно не волнуетъ, не разбиваетъ, а всего тебя погружаетъ въ сладкую дрему,—разумѣется, когда нѣтъ бури. Да какія же непогоды лѣтомъ до равноденствія! И потомъ засидѣвшемуся человѣку волны говорятъ такъ много. Открытая дорога во всѣ части свѣта, за ея лазурнымъ туманомъ столько таинственнаго, манящаго, загадочнаго. Смотришь въ него цѣлые дни и сами намѣчиваются передъ тобою въ зноѣ и свѣтѣ и стройные минареты Стамбула, сторожащіе величавые куполы своихъ мечетей, и руины Аѳинъ съ царственнымъ Парѳенономъ, и заласканные нѣжнымъ Эгейскимъ моремъ сказочные острова Архипелага. А дальше въ стоячемъ жару строгой пустыни золотыя пирамиды, опаленная солнцемъ Палестина съ ея вѣчными воспоминаніями и въ безконечность ложащіеся океаны. Куда тутъ думать о департаментѣ! Онъ, вѣдь, меньше точки на этой ландкартѣ. Я думаю, самъ министръ былъ очень удивленъ моимъ слишкомъ поспѣшнымъ согласіемъ на его предложеніе. Думалъ, что я откажусь, какъ отказывался прежде, ссылаясь на то, что я поправлюсь на рыбной ловлѣ. Что-жъ я радъ... радъ!...—Двухъ мѣсяцевъ вамъ довольно?—Я бы попросилъ больше...—«Ну, съ Богомъ... съ Богомъ, поправляйтесь, а я о васъ подумаю!»—Чего тебѣ обо мнѣ думать,—шевельнулось у меня въ головѣ.—Мнѣ, вѣдь, все равно, кромѣ отпуска, ничего не надо. Въ товарищи къ тебѣ я вовсе не стремлюсь. Я бы хотѣлъ и умереть на своемъ мѣстѣ. Ужъ очень сжился съ нимъ и до мелочей все знаю. Ну, а въ наши годы къ новому привыкать и приноравливаться—не особенно легко. Домой я пріѣхалъ въ нѣкоторомъ угарѣ. Вѣдь, объ этомъ отпускѣ я думалъ ради тебя, моя Лялька. Разумѣется, тебѣ пора ужъ оставить постылую и холодную семью. Она и безъ того достаточно остудила твое молодое сердце. Много надо будетъ ласки и заботы, чтобъ отогрѣть его. И всего лучше, если я сдѣлаю такъ: отправлюсь за тобой, не предупреждая Аглаи. Какъ снѣгъ на голову, иначе твои «метрическіе» родители, обдумавъ все, заломятъ съ меня столько, что мнѣ и не расквитаться съ ними. Да и съ чего я стану брать изъ твоего капитала подачки господину Скворешникову. Я даже и не вправѣ на это. Нѣтъ, именно такъ: налетѣть нежданно-негаданно, отдать чего не жалко, пугнуть даже при случаѣ, выхватить тебя оттуда и увезти на все лѣто къ морю. Въ Крыму мы не остановимся. Развратный уголъ съ публичными татарами—не для молодой дѣвушки. Уѣдемъ лучше на Кавказъ, тамъ около Сухума есть чудесные уголки, и удобно и дешево. И солнца въ-волю, и море поетъ чудную сказку, и въ горахъ—прохлада лѣсовъ и ароматъ травы. Потомъ слетаемъ, пожа-

луй, на Принцевы острова,—по пути Константинополемъ полюбуемся, св. Софіи поклонимся,—не даромъ же я десятый годъ дѣлаю взносы въ славянскій комитетъ! До одури надышемся тепломъ и свѣтомъ, а къ осени домой, въ Петербургъ, гдѣ ты увидишь сама, сколько заботы и воображенія я потратилъ на то, чтобы среди нашихъ сѣверныхъ, безсолнечныхъ болотъ создать для тебя маленькій рай. Мы сживемся скоро. Я представляю себѣ, какимъ дичкомъ ты будешь на первыхъ порахъ. Какъ мышенокъ изъ норы, будешь высматривать, что это за странный отецъ упалъ къ тебѣ съ луны. Ну, да авось разглядишь живо. Молодое сердце воспріимчиво, и его не надуешь. Оно разомъ отличитъ чистое золото отъ поддѣлки. Искренность завоевываетъ, и нѣтъ лучшаго словаря съ вами, какъ любовь и ласка. Я боюсь не холодности и замкнутости твоей, а того, что не слишкомъ ли ты захирѣла тамъ? Не поздно ли я ѣду за тобой? Ну, да полно, не зачѣмъ вовсе создавать себѣ мрачные призраки. Жизнь и безъ нихъ—мачиха! До скораго свиданія, милая, дорогая дѣтка!...

XXVII.

Ты не можешь себѣ представить, до какой степени холоденъ и безпріютенъ показался мнѣ мой уголъ, когда я, наконецъ, рѣшился ѣхать за тобою. Точно я до сихъ поръ болтался въ громадномъ склепѣ и только сейчасъ понялъ это. Еще въ твоихъ комнатахъ дышется легко. Воображеніе рисуетъ твою худенькую фигурку на этихъ диванахъ, за этимъ столомъ, подъ тусклымъ свѣтомъ лампы. Закрываешь глаза—и возбужденнымъ слухомъ ловишь шаги твои въ спальнѣ, твое дыханіе, твой голосокъ, точно ты уже здѣсь, со мною. А къ себѣ хоть и не показывайся. Такая жуть и тьма. Одинъ мой письменный столъ чего стòитъ. Садишься къ нему, привычно разбираешь доставленныя курьеромъ изъ департамента бумаги, а сердце болитъ, болитъ, точно его безпощадными, костлявыми пальцами сжимаетъ чья-то рука. И противно здѣсь, разомъ воскресаетъ моя проклятая, одинокая жизнь, согрѣтая только мечтой о тебѣ и ни разу не улыбнувшаяся живою дѣйствительность. Это именно квартира казеннаго человѣка, у котораго ничего своего за душою нѣтъ, а все предусмотрѣно соотвѣтствующими томами свода законовъ, да надлежащими циркулярами и инструкціями. Неужели я именно такъ скороталъ около тридцати лѣтъ? Другіе въ это время любили и были любимы, ненавидѣли, боролись, путешествовали, падали и подымались, ласкали дѣтей, дѣлали гл...

сти, переживали одно впечатлѣніе за другимъ, а я только писалъ бумаги. Тридцать лѣтъ такой несознанной каторги и ни малѣйшаго проблеска счастія. На этомъ полотнѣ наведенъ только фонъ будущей картины, но ни фигуръ, ни свѣта, ни тѣни. Вѣчное однообразіе, что-то слившееся, сплывшееся. И, вѣдь, многіе такъ. На службѣ чиновники стали замѣчать со мною перемѣну. Неужели и съ ними я сдѣлался раздражителенъ? Явился даже слухъ, что министръ хочетъ прогнать меня въ отставку—дураки! Да вы безъ меня трехъ дней не обойдетесь. То-то г. Коломенцевъ, котораго я вычеркнулъ изъ представленія къ св. Аннѣ третьей степени, такъ независимо держалъ руки въ карманахъ и насвистывалъ что-то, когда я проходилъ мимо. Ну, постой. Къ концу года придется мнѣ назначать награды, ты у меня посвищешь! А Раздѣльновъ такъ и бѣгаетъ за моимъ «вице». Несчастный воображаетъ, что тотъ сядетъ на мое мѣсто и вытащитъ его, наконецъ, въ начальники отдѣленія за усерднѣйшія посѣщенія Аркадій, Ливадій, Альказаровъ и тому подобныхъ вертеповъ. Да и самъ «вице» выдумалъ вдругъ кокъ на лбу изъ остатка волосъ. Должно быть, тоже вѣритъ въ свое назначеніе и старается уже заранѣе усвоить una bella figura, какъ говорятъ итальянцы. Я ему покажу bella figura, сегодня же такъ разнесу при чиновникахъ, что и г. Раздѣльновъ сразу подожметъ хвостъ и станетъ по десяти разъ на день попадаться мнѣ на глаза и кланяться. Воображаю, Лялька, какъ всѣ они будутъ смѣшны тебѣ, когда ты, наконецъ, узнаешь это осиное гнѣздо, страшное только для тѣхъ, кто долженъ имѣть дѣло съ ними. Наши чиновники новаго образца еще ждутъ своего Гоголя или Островскаго. Комизма въ нихъ не меньше, чѣмъ въ прежнихъ, хотя они далеко ушли отъ дѣдушекъ и папенекъ дореформеннаго строя. Нынѣшній Сквозникъ-Дмухановскій играетъ въ любительскихъ спектакляхъ благородныхъ отцовъ и на велосипедныхъ состязаніяхъ получаетъ медали, словно взятка ему вовсе не извѣстна, хоть съ казны онъ ухитряется по нѣскольку разъ въ годъ получать воспособленія, прибавки, ассигновки на какія-то самонужнѣйшія заготовки чего,— о томъ никто не вѣдаетъ. Онъ и въ Парижѣ, и въ Сѣверной Америкѣ побывалъ на казенный счетъ, даже изъ Севильи на тѣ же рессурсы привезъ сюда какую-то огнедышащую гитану. А г. Тяпкинъ-Ляпкинъ? Предложите-ка ему «барашка въ бумажкѣ», да онъ глаза вамъ выцарапаетъ. И зачѣмъ ему: онъ делегатъ отъ правительства на выставкахъ, у него даже японскій орденъ восходящаго солнца на шеѣ и какая-то звѣзда «зеленаго змія» отъ небывалаго государства на спинѣ. Даже Бобчинскій и Добчинскій (ихъ, вѣдь,

въ концѣ-концовъ, удалось усыновить-таки!) по особымъ порученіямъ летаютъ по всей Россійской имперіи и на губернаторовъ нагоняютъ спасительный страхъ. Одинъ Хлестаковъ остался тѣмъ же, что и былъ. Рѣка временъ его обошла мимо. Онъ у меня въ департаментѣ до сихъ поръ изъ помощниковъ столоначальника выбиться не можетъ и недавно отличился: переписалъ повѣсть Толстого и читалъ ее товарищамъ за свою. Говорятъ, ему за это мазали лицо горчицей и поливали голову керосиномъ. Но на другой день онъ какъ ни въ чемъ не бывало танцовалъ у Марцинкевича и имѣлъ непріятность съ участковымъ приставомъ, пригласившимъ его нѣсколько умѣрить свой балетный восторгъ. Подъ протоколомъ онъ подписался вице-директоромъ департамента и на утро со слезами умолялъ простить его «молодость и легкомысліе». За то внукъ Яичницы чуть было не превознесся превыше свѣтилъ небесныхъ. Его послали въ Западный край и онъ явился столь усерднымъ и прямолинейнымъ обрусителемъ въ шорахъ, что сначала его всѣмъ приводили въ примѣръ, но потомъ кому-то пришло въ голову снять съ него шоры, и молодой Яичница растерялся: никакъ не могъ понять, гдѣ правая сторона и гдѣ лѣвая. Такъ и запутался. Одно только успѣлъ сдѣлать: не имѣя копѣйки въ карманѣ, милліонное имѣніе купилъ у Гогенлоэ въ Виленской губерніи и теперь образовываетъ для эксплоатаціи его акціонерную компанію, во главѣ которой стоялъ Ѳемистоклюсъ Маниловъ и внукъ Собакевича, преловкій и пребойкій молодой человѣкъ изъ правовѣдовъ. Этотъ всю карьеру сдѣлалъ легкими танцами на балу у начальства. Подумаешь—какъ измѣнились люди! Впрочемъ, родъ Ноздревыхъ вѣренъ себѣ. Послѣдній изъ нихъ недавно вылетѣлъ изъ уѣздныхъ начальниковъ. Онъ Коробочкину внуку заложилъ цѣлую волость съ мужиками и былъ за то нещадно избитъ. Сказываютъ, его скоро будутъ судить съ сословными представителями. Да кровь въ нихъ сказывается, все-таки! Только Собакевичъ удалился отъ родовыхъ признаковъ, за то Чичиковъ дослужился до тайнаго совѣтника, выбранъ былъ городскимъ головою въ большомъ городѣ и Богъ знаетъ въ какіе бы высокія хоромы залетѣлъ, да не выдержалъ. Разумѣется, Лялька, ты поймешь, что все это шутка, но шутка, имѣющая серьезныя основанія. Я только, какъ ботаникъ растенія, отнесъ попадавшіеся мнѣ типы по ихъ видовымъ отличіямъ къ родоначальникамъ современнаго россійскаго чиновника, классифицированнымъ и описаннымъ незабвеннымъ естествоиспытателемъ Гоголемъ. Ни больше, ни меньше.

XXVIII.

Нашъ братъ, коренной петербужецъ, совершенно иначе себя чувствуетъ, когда у него отпускъ въ карманѣ. Я никакъ не могу забыть моего «вице», человѣка такихъ убѣжденій, что жандармскій корпусъ долженъ былъ бы поднести ему вѣнокъ въ день пятидесятилѣтняго юбилея прохожденія имъ гражданскихъ чиновъ. И что же, уѣзжая за границу (мы ему особую командировку придумали, нѣчто въ родѣ изученія института кормилицъ въ Швейцаріи!), онъ вдругъ заговорилъ о болгарской конституціи. И меня министръ, когда я зашелъ къ нему поклониться на прощаніе, огорошилъ: «что это вы какой сегодня елейный, Ардальонъ Петровичъ, не хотятъ ли васъ въ архіереи помазать?» И дѣйствительно, оглянулся я въ зеркало и засмѣялся. Точно заново лицо лакомъ покрыто. Блеститъ и глаза мѵро источаютъ. На желѣзной дорогѣ я все время думалъ о томъ: сконфузишься ты и убѣжишь отъ меня при встрѣчѣ или нѣтъ? Въ какомъ видѣ я найду Аглаю? Хорошо, что бабку твою годъ назадъ предали землѣ. Единственный случай, примиряющій меня съ предателями! Только бы благороднѣйшій господинъ Скворешниковъ не вздумалъ привѣтствовать мое появленіе у васъ торжественнымъ обѣдомъ съ властями и корреспонденціями въ *Московскія Вѣдомости*. Я, по крайней мѣрѣ, тамъ встрѣчаю извѣстія изъ вашего городка. Теперь желѣзная дорога проходитъ отъ васъ въ тридцати верстахъ, такъ что можно добраться къ вамъ быстро и незамѣтно. А то бы,—я знаю нравы и обычаи подобныхъ захолустій,—первый же станціонный смотритель далъ знать почтмейстеру о томъ, что по направленію къ нему прослѣдовала особа. Вѣдь нашъ братъ въ уѣздѣ считается чѣмъ-то вродѣ циклона, угрожающаго нивамъ и садамъ немедленнымъ истребленіемъ. Странно, когда я проѣзжалъ знакомыми мѣстами, они ли такъ измѣнились, или съ годами я менѣе впечатлителенъ. То, что семнадцать лѣтъ назадъ обдавало меня тепломъ и свѣтомъ, теперь казалось тусклымъ и холоднымъ. Гдѣ тѣ лѣса, которые стояли сплошною дремой по Камѣ? — на ихъ мѣстѣ однѣ песчаныя осыпи. Деревни еще ниже припали къ землѣ, точно отъ чего-то страшнаго торопились поглубже врасти въ нее по самыя крыши. И крыши какія!—ободранныя, зіяющія. Такъ и чудилось, что тутъ не люди живутъ, а просто лежитъ падаль, объѣденная волками, голыя ребра ея торчатъ на солнцѣ. Мужики... но, Боже мой, неужели это тѣ самые, у коихъ мы, по словамъ нашихъ бытописателей, должны учиться чему-то? Въ одномъ мѣстѣ я оставилъ желѣзную дорогу.

Хотѣлось отдохнуть, голова болѣла, силъ не хватало и не спалось совсѣмъ. Вечеромъ выхожу на гвалтъ—и вижу! Господи, что это за варвары! Мужичище, которому кули бы таскать на Волгѣ пудовъ по пятнадцати въ каждомъ, во всю свою звѣриную силу не бьетъ даже, а именно дуетъ несчастную растерзанную бабу. Та ужъ и не кричитъ. Голосъ давно перехватило въ горлѣ. Она только вздрагиваетъ и полыхается ногами и руками, какъ корова, которую заживо потрошатъ. А надъ нею стоитъ патріархъ. Бѣлая борода до пояса, лицо почтенное, трезвенное, и одобряетъ: «жги, жги ее, Ванька... Лупи, стерву... Будетъ знать. Хорошенько... Оберни, да по живому мѣсту!...» А въ рукахъ у него у самого возжа, чтобы потомъ черезъ всю улицу протащить тѣло, въ которомъ чудомъ держится жизнь и бьется еще сердце. У мужика глаза на выкатѣ и кровью налились, а «трудолюбивые» поселяне, добродѣтелямъ коихъ намъ слѣдуетъ завидовать ежечасно, любуются этимъ позорищемъ и только изрѣдка подаютъ совѣты: «Подъ вздохъ ее не шибко, — околѣетъ, ты лучше задери ей ноги, да по бѣгаламъ-то, чтобы знала, какъ отъ мужа шляться». Я попробовалъ вступиться. Куда! Смотрю,—урядникъ около. Приказываю ему. «Да вы-то кто? Каждаго слушаться...» Ну, тутъ я и себя показалъ. Сунулъ ему въ носъ свой отпускъ, да какъ крикну. Откуда прыть и служебное усердіе взялись. Сейчасъ же мужику руки назадъ и протоколъ. Потомъ приходитъ ко мнѣ этотъ чинъ. «Осмѣлюсь доложить...»—Что такое?—«Убьютъ они ее теперь...»—Кого?—«Марью, за вашу заступу, значитъ, если не выпустите». Поневолѣ пришлось рукой махнуть. Нѣтъ, видимое дѣло—не оправить развинченные петербургскіе нервы на отечественныхъ картинахъ. Я не могу сказать тебѣ, до какого состоянія эти нервы дошли сегодня вечеромъ, когда я уже былъ близко отъ васъ! Поѣздъ остановился, выбросилъ меня на платформу. Былъ вечеръ. Синяя марь скрадывала дали. Въ ней тонули и поля, и самый городокъ, колокольни котораго днемъ, какъ говорятъ, видны отсюда. Тридцать верстъ до нихъ не по прямому направленію, а по зигзагамъ, которые дѣлаетъ дорога, сначала отбѣгая назадъ въ село Воронцовское, а потомъ уже ложась стрѣлкою къ вамъ. Но я напрасно разсчитывалъ сегодня же увидѣть тебя и обнять. Извозчика не было, а пѣшкомъ не дойдешь. Какой-то ободранный, созданный потребностями чугунки, человѣкъ въ форменной фуражкѣ министерства народнаго просвѣщенія, рваной рубахѣ и безъ сапогъ рѣшительно объявилъ: «Полтинника не пожалѣете, я слетаю въ Воронцовское къ Пимену». Оказывается, Пименъ держитъ лошадей. Я полтинника не пожалѣлъ и черезъ часъ

лошади были уже здѣсь. Я попаду въ городъ не раньше, какъ черезъ три часа. Значитъ, къ вамъ уже поздно. Что дѣлать, ждалъ дольше, потерплю еще до утра. Да оно и лучше. Нагрянешь вечеромъ, когда у всѣхъ у васъ нервы утомлены, произведешь, пожалуй, смутное, а чего добраго—и дурное впечатлѣніе. Я бы этого не желалъ ни подъ какимъ видомъ. Вѣдь, намъ съ тобою полжизни вмѣстѣ провести, а отъ первой встрѣчи зависитъ такъ много. Пока разберусь съ сегодняшнимъ днемъ; пріѣду, запишу въ дневникъ, какъ я нашелъ это далекое захолустье черезъ семнадцать лѣтъ. Это успокоитъ мои взволнованныя чувства и завтра я буду вполнѣ владѣть собою. Я, впрочемъ, такъ уже привыкъ къ этимъ бѣлымъ, ожидающимъ моей исповѣди, страничкамъ! Что̀ бы ни случилось, въ какомъ бы состояніи я ни былъ, а меня тянетъ къ нимъ. Даже стараешься писать съ «обработкой», какъ говоритъ знакомый редакторъ. Еще бы, у меня вѣдь будетъ своя читательница, хоть одна, да какая! Всѣхъ сто̀итъ. Если и улыбнется иногда надъ старикомъ отцомъ, за то призадумается и вздохнетъ порою надъ его памятью. Это, вѣдь, мертвый изъ-за гробовой доски говоритъ сердцу дочери.

XXIX.

Пишу передъ разсвѣтомъ. Остановился въ гостиницѣ. И здѣсь завелась такая. Какъ все измѣнилось! Что дѣлалось со мною, когда вдали въ голубомъ царствѣ яркой лунной ночи намѣтился городъ? Я его сейчасъ узналъ. Вонъ высокія деревья у кладбища. Церковь съ тонкою колокольней. Она вся на свѣту теперь. Другая пониже вдали. Тамъ въ мое время жилъ звонарь, отбивавшій у «ученаго» доктора всю его практику. Мнѣ даже о. Стефанъ (былъ такой, едва ли онъ живъ теперь) говаривалъ: «у медика-то земного отъ суетныя науки. Онъ гордынею силенъ и зміиною мудростью подвизается. На латинскихъ хитросплетеніяхъ созидаетъ искусство врачебное. А звонарь у меня боговдохновенный. Онъ съ молитвой и съ крестомъ исцѣляетъ недуги. У него такія изреченія на сей предметъ существуютъ и въ каждомъ имя Господа поминается!» А вонъ еще одна церковка видна съ узорочнымъ куполомъ, точно его на образецъ московскаго Василія Блаженнаго строители вывели. За нею опять садъ густой, тѣнистый. Птицы тамъ въ мое время было до страсти. Придешь днемъ—никого нѣтъ. Всѣ либо на службѣ, либо при дѣлѣ. Сядешь въ тѣни—и глушитъ тебя пернатое населеніе этой чащи. Гнѣздъ точно просыпало сверху безъ числа, и они

тамъ и оставались, куда падали. Я только одного гуляющаго и встрѣчалъ здѣсь—старика мѣщанина. Идетъ, бывало, понурясь... Разговорились мы разъ. «О чемъ вы это думаете все?» — «Ни о чемъ-съ, господинъ. Я внимаю!»—«Кому?»—«Гласамъ природы». Начитанный оказался старикъ. Изъ ключа къ таинствамъ натуры, Эккарстгаузена, цѣлыя страницы наизусть произносилъ. Гдѣ это все? Поди, ужъ покоится на кладбищѣ подъ зелеными, ласковыми ивами... Странно... Садъ все такъ же живетъ, цвѣтетъ, благоухаетъ, а тѣхъ, которые этимъ любовались, слышали это, нѣтъ уже. Когда я подъѣхалъ уже къ самому городу и подо мною внизъ къ рѣчушкѣ побѣжали приземистыя избы убогихъ слободокъ, а на томъ берегу блеснули огни въ домахъ еще не спавшихъ обывателей, мнѣ стало больно, съ такою силой забилось сердце. Гдѣ, въ какомъ изъ этихъ окошекъ видна теперь кудрявая головка Ляльки? Сидитъ за книжками, готовитъ уроки на завтра моя дѣтка и не предчувствуетъ даже, что отецъ ея близко, близко. А, можетъ быть, она вышла подышать вечернею прохладой, я проѣду мимо нея по пыльнымъ улицамъ и не узнаю ея даже. Неужели чутье не подскажетъ? Ночь такъ ясна, что я буду вглядываться въ каждую, кого встрѣчу... Такъ думалось мнѣ, когда я уже въѣзалъ въ городъ... Да, онъ дѣйствительно не тотъ. Обновился, выросъ. И улицы смотрятъ иначе. На главной даже нѣсколько керосиновыхъ фонарей! Скажите, пожалуйста... Громадная трехъ-этажная глыба—женская гимназія. Ай да мы! Сюда она ходила вотъ уже семь лѣтъ... На меня тепломъ повѣяло отъ этихъ большихъ и темныхъ оконъ. Вѣдь за ними сидѣла она, то внимательная къ слову учителя, то мечтательно уносившаяся мыслями Богъ вѣсть куда... въ волшебную сказку будущаго!... По деревянному тротуару гуляющіе. Дѣвичій смѣхъ. Голоса. Нѣтъ ли ея тутъ?... Я сталъ пристально всматриваться... Бойкія барышни. Одна даже мнѣ языкъ показала. Нѣтъ, моя не можетъ быть такою... «Поѣзжай тише!» — приказалъ я извозчику. Тотъ пріудержалъ коней. Опять гуляющія дамы; батюшки, даже французскій языкъ! При мнѣ зналъ его только ссыльный полякъ, а теперь и на улицахъ слышишь. Нѣтъ, и тутъ ея нѣтъ. Это, вѣрно, дамы, судя по обстоятельности украшающихъ ихъ даровъ природы... «Сверни-ка направо... Постой, да гдѣ же тутъ былъ домъ госпожи Клюкиной?» — «Не слыхалъ-съ, ваше высокородіе. Вотъ домъ купчихи Савиной, а это мѣщанина Сквалыгина».—«Не можетъ быть, и домъ, и садъ стояли вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ». Теперь тутъ нелѣпо торчала громадная, выкрашенная въ синюю краску, подъ зеленою желѣзною крышей трехъ-этажная хоромина,

съ ни къ мѣсту налѣпленными коньками, пѣтушками, балкончиками и даже,— о верхъ глупости!— тремя коринѳскими колоннами впереди. «Чей это домъ?» Извозчикъ даже шапку сдернулъ, проѣзжая. «Это-съ господина Скворешникова».—Меня такъ и обдало жаромъ. Разумѣется, старый домъ сломали, садъ свели и поставили тутъ эту дылду.—«Господина Скворешникова! Первѣющій дворецъ у насъ... Пріѣзжающіе ѣздіютъ смотрѣть. Во всѣхъ подстолицахъ не найти такого!»—«Такъ это тутъ!...» Я съ лихорадочною поспѣшностью обѣгалъ упорнымъ взглядомъ окна. Вонъ одно освѣщено во второмъ этажѣ. «Постой-ка». Лампа тамъ. Абажуръ спущенъ слишкомъ низко... Кто подъ нимъ, не Лялька ли?... Милая дѣтка моя, оправданіе всей моей сухой и чахлой жизни, радость!... Ничего не разберешь... Хорошо, что извозчикъ пояснилъ. «Тутъ по переду у нихъ для парату; господа самые во дворъ... А верхи внаемъ отдаютъ и низы. Въ низахъ исправникъ воинствуетъ, а подъ крышей господа чиновники существуютъ»... Полагая, что онъ все мнѣ объяснилъ какъ слѣдуетъ, извозчикъ тронулъ коней, и домъ г. Скворешникова исчезъ позади... У меня невольно шевельнулось въ головѣ, — вѣдь тутъ каждый кирпичъ купленъ на мои деньги, какъ извозчикъ вдругъ обернулся: «Вы что думаете, господинъ, у г. Скворешникова еще четыре дома въ городу. Богато живетъ. Въ одномъ у него клубъ!... Подъ городомъ у него садъ съ музыкой. По воскресеньямъ и буфетъ, гдѣ водка. Для разныхъ сословій, помилуйте!...» Пошли, значитъ, ему въ прокъ мои конверты съ пятью печатями. Ну, да вѣрно и самъ не зѣвалъ, дралъ съ живого и мертваго... Спросилъ я объ этомъ у извозчика. Онъ сейчасъ же перешелъ въ фамильярный тонъ: «Если у тебя, братъ, дѣло къ нему, такъ съ пустымъ не суйся. Онъ счетъ знаетъ вотъ какъ! То-есть до бѣла. Ну, и не показывай тоже много,—все сниметъ». Значитъ, все такъ и есть, какъ я думалъ. «А ты его семью знаешь?» Даже сердце захолонуло у меня въ ожиданіи отвѣта.—«Каку?»—«Ну, жену, дочь...»—«Нѣтъ. Гдѣ-жъ намъ. Мы въ Воронцовкѣ живемъ. Такъ только ежели проѣзжающихъ въ городъ возимъ!... А только что видимъ — богато живетъ. Такіе задаетъ банкеты»...—«Что, что?»—«Банкеты. Потому и театръ держитъ, и музыка у него своя. Совсѣмъ по-благородному!...» Я почувствовалъ себя раздавленнымъ этими подробностями... Гостиница оказалась въ слѣдующей улицѣ, длинная двухъ-этажная постройка съ молодцомъ въ спинжакѣ у крыльца. Комнату мнѣ отвели съ запахомъ, точно тутъ былъ складъ грязнаго бѣлья. Оставивъ вещи, я опять ушелъ къ дому Скворешникова. Чувствовала ли ты, Лялька,

что я долго, долго бродилъ около? Окна потухли. Собаки во дворѣ полаяли-полаяли и тоже заснули. Сторожъ мимо съ трещоткой. Замѣтивъ меня у дома, обезпокоился было, но различилъ кокарду на фуражкѣ и проковылялъ дальше... Вонъ тамъ, гдѣ теперь флигель, зеленѣлъ садъ когда-то и стояла полуразвалившаяся бесѣдка. Казалось, давно ли это... А у меня ужъ виски сѣдые и старое тѣло на погоду жалуется... Какъ бы мнѣ увидѣть другую сторону Скворешниковскаго дома? Вѣдь должна же быть улица позади? Она и нашлась дѣйствительно. Сюда выходили деревья и заборъ Клюкинскаго сада. Теперь тутъ низенькія службы и конюшни. Вонъ, второй этажъ виденъ... Тамъ и живетъ хозяинъ съ семьей. Только ни въ одномъ окнѣ нѣтъ огня. Вѣрно, и онъ, и Аглая, и Лялька спятъ... Въ самомъ дѣлѣ, уже полночь. А здѣсь рано ложатся... Что имъ дѣлать? Только изъ угловой комнаты чуть мерещится слабый розоватый свѣтъ, должно быть тамъ у образовъ зажжены лампадки... Когда ты молишься, родная, поминаешь ли меня? Чу... Что это?— растворилось окно, какой-то бѣлый силуетъ мелькнулъ въ немъ. Вѣрно, ты. Что меня удержало окрикнуть тебя. Призывъ замеръ въ горлѣ. Воображаю, какъ бы ты испугалась... До свиданія... Спи спокойно, моя радость! До утра, до чуднаго, свѣтлаго, солнечнаго утра!...

XXX.

«За что это, Господи?... За что?...

Нѣтъ силъ писать болѣе. Вся моя жизнь сошла на «нѣтъ». Что я буду дѣлать теперь?

Мѣсяцъ назадъ—Лялька умерла!...

Я даже не узнаю ея во снѣ, потому что ни разу не видалъ мою дѣвочку...

Семнадцать лѣтъ любить, волноваться, работать для тебя, отказывать себѣ во всемъ, прятаться отъ всего живого, что тебя не напоминаетъ, и для чего?... Чтобы, пріѣхавъ къ тебѣ, отслужить только панихиду на могилѣ».

Вслѣдъ за этою короткою записью въ дневникѣ Ардальона Петровича Петрова перерывъ въ шесть мѣсяцевъ. Есть только краткія замѣтки вродѣ: изъ Одессы съ пароходомъ «Пушкинъ» отправился въ Ялту. Или «изъ Константинополя выѣзжаю въ Аѳины». И вдругъ краткое, но совершенно непонятное «подлецы, подлецы!» Потомъ вслѣдъ за строкою «отъ Патраса до Корфу всего десять часовъ на пароходѣ. Тамъ рекомендуютъ «Отель Санъ-

Джорджъ» опять восклицаніе: люди хуже всякаго послѣдняго скота, и дуракъ тотъ, кто имъ вѣритъ. Достаточно быть человѣкомъ, чтобы носить въ душѣ задатки всевозможныхъ гнусностей». Вслѣдъ за этимъ: «получилъ отъ министра письмо, онъ меня не торопитъ назадъ. Совѣтуетъ оправиться и тогда только вернуться. Жалованье за мною сохранено, и сверхъ того еще въ Неаполѣ на банкъ, Мерикоферъ и К° переведено пособіе... Спасибо сослуживцамъ. Оказывается, они меня вовсе не такъ ненавидѣли, какъ я думалъ. Но, все-таки, за что, за что?... Что я сдѣлалъ тѣмъ мерзавцамъ? И Аглая, Аглая... Неужели ея кроткая улыбка семнадцать лѣтъ назадъ, ея слезы и ласковый шепотъ были только одною сплошною ложью?»

Прочитывая эти страницы, я ничего не понималъ, мнѣ ужъ показалось, не спятилъ ли почтенный директоръ департамента. Съ ними это случается отъ усиленныхъ занятій. Какъ вдругъ, перевернувъ листокъ, я наткнулся на совершенно связное продолженіе дневника, поразившее меня такою неожиданностью, что я нѣсколько разъ оставлялъ его и снова за него принимался. По-неволѣ, надо было привести въ порядокъ совершенно расползавшіяся мысли,—такъ конецъ этихъ тетрадей противорѣчилъ всему, мною въ нихъ прочитанному. Одно только я понялъ вполнѣ и сразу: Ардальонъ Петровичъ вправѣ былъ проклинать родъ человѣческій.

Я понялъ одно изъ его восклицаній въ этомъ безпорядочномъ перерывѣ записей: «мнѣ не денегъ жаль, а всей моей жизни, ушедшей на эту ложь, на этотъ призракъ. Неужели жъ я не стою ничего лучшаго?»

Впрочемъ, обратимся къ его разсказу.

XXXI.

Я опять въ Петербургѣ, вновь у себя и могу приняться за прерванный дневникъ! Я думалъ, что сойду съ ума,—такъ у меня болѣло все. Ни на что не хотѣлось смотрѣть: чудеса природы и искусства проходили мимо, даже не задѣвая моего любопытства. Я катился впередъ, какъ камень съ горы, и только. Мнѣ такъ хотѣлось умереть. Къ чему въ самомъ дѣлѣ жить теперь, когда послѣдняя надежда угасла? Неужели же сосредоточить всѣ свои чувства, всю оставшуюся вѣру—въ моемъ директорскомъ кабинетѣ, на докладахъ начальниковъ отдѣленій и на винтѣ сельско-хозяйственнаго клуба? Жалкая жизнь! Что жъ, по-неволѣ придется тянуть ее какъ лямку. Вѣдь, смерть не за горами. Она впервые постучалась тогда

ко мнѣ въ сердце, когда Аглая объявила мнѣ, что Лялька умерла. Точно какая-то огненная рука проникла мнѣ въ мозгъ, сожигая его. Я упалъ и только черезъ часъ пришелъ въ себя.

Потомъ въ Бриндизи, сходя съ парохода, я повалился на руки слѣдовавшаго позади факино съ моими вещами. Вѣроятно, скоро за какимъ-нибудь ужиномъ полечу со стула и больше уже не подымусь. И хорошо. Не зачѣмъ жить и нечѣмъ жить. Ничего не осталось ни въ головѣ, ни въ сердцѣ. Слава Богу, теперь хоть могу возобновить свой дневникъ. Для кого?... Для себя самого. Старческая привычка: тянетъ къ перу, къ этимъ бѣлымъ страничкамъ. Перечитываешь грустную быль моего прошлаго, и, кажется, сердце разрывается отъ обиды и муки. То, что посторонній назоветъ анекдотомъ, мнѣ стоило семнадцать долгихъ лѣтъ, лишеній, одиночества, скуки. Вѣдь, я могъ обзавестись семьей, няньчить и воспитывать дѣтей или, наконецъ, развратничать и наслаждаться, какъ всѣ мои пріятели. Ради чего же я отказался ото всего?... Вѣдь, оглядываясь на длинную пройденную дорогу, я ничего на ней не нахожу, кромѣ обмана и разочарованій!...

Ляльки ужъ нѣтъ у меня, *да ея никогда и не было.*

Еслибъ я помѣшался, воплотилъ несуществующій призракъ въ живую дѣйствительность, жилъ бы заботою о немъ, любовью къ нему—и потомъ вдругъ выздоровѣлъ, мнѣ было бы легче! Ну отошло и кончено. А то... Впрочемъ, благо связно писать могу, вернусь къ прерванной мною нити событій моей тусклой и странной жизни. Я остановился на той ночи, когда, весь въ трепетѣ ожиданія, я бродилъ вокругъ Скворешниковскаго дома, заглядывая въ его окна, не покажется ли въ одномъ изъ нихъ Лялька. Сообразивъ, что до утра будетъ это напрасно, потому что дѣтка моя вѣрно уже спитъ и, какъ говорится, второй сонъ видитъ, я вернулся въ гостиницу, легъ въ постель, но не смыкалъ глазъ ни на одну минуту. Мнѣ было и мучительно ворочаться въ жаркой комнатѣ на мягкомъ тюфякѣ, и сладко думать, что только нѣсколько часовъ отдѣляютъ меня до радостной встрѣчи. Я обдумывалъ, что я скажу, и потомъ отбрасывалъ это въ сторону, соображая, что въ рѣшительную минуту заговоришь совершенно иначе, можетъ быть лучше, а можетъ быть и хуже. Зажигалъ и опять тушилъ свѣчу, вставалъ, бродилъ изъ угла въ уголъ, слушалъ тонкій и пронзительный визгъ мухи, попавшей въ паутину, дожидался стука сторожевой трещетки, смотрѣлъ на часы, считая, сколько еще осталось. Только передъ самымъ разсвѣтомъ утомленіе сказалось. Я не то что заснулъ, а задремалъ, поминутно вздрагивая и открывая глаза: не пора ли?

Въ девять часовъ, нельзя же было ранѣе, я, наконецъ, вышелъ изъ дому. Городъ мнѣ показался гораздо хуже вчерашняго. Ночь и луна скрадывали его изъяны и прорѣхи. И дома принизились, и улицы точно запачкались, и бѣдность смотрѣла на меня откровеннѣе изъ оконъ и изъ-за заборовъ. Только Скворешниковскій домъ предсталъ передо мною въ полной неприкосновенности. Онъ такъ и дразнилъ глазъ нелѣпостью голубой масляной краски. Мнѣ даже пришло въ голову: «неужели бѣдная Лялька мирится съ этой кричащей выставкой бахвальнаго уѣзднаго довольства?»... Коринѳскія колонны у подъѣзда съ коньками и пѣтушками такъ блестѣли, что было больно смотрѣть. Какъ глупо!—невольно срывалось съ языка. Я позвонилъ. Какая-то дѣвка на босу ногу и въ распашонкѣ откровеннаго направленія отворила. Мнѣ каждая мелочь этого дня памятна! И запахъ, отъ котораго я повелъ носомъ, и отвѣтъ ея на мое: «Аглая Дмитріевна принимэютъ?»—А толкнитесь на верхъ, тамъ вамъ скажутъ. На верху, т.-е. во второмъ этажѣ, у двери г. Скворешникова,—верхъ изящества по его мнѣнію,—висѣли олеографіи на стѣнѣ и стояла на деревянныхъ подставкахъ герань, такая затрепанная и пыльная, точно ею сметаютъ грязь съ этихъ самыхъ картинъ. Звонка тутъ не полагалось. Пока я стучался, на меня со стѣны смотрѣла толстая бабища съ такими икрами, что въ эпоху свайныхъ построекъ на нихъ можно было бы соорудить цѣлую семейную хоромину. Наконецъ дверь полуотворилась, и въ ней показалось кудлатое молодое лицо съ попытками на усы и бороду кустарнаго производства. Я догадался, что это и есть Богдашка, о которомъ мнѣ не разъ писала Аглая. Братъ Ляльки. Я готовъ былъ его обнять и расцѣловать, какъ родного, не глядя на зловѣщую бородавку, украсившую его переносицу.

Г. Скворешниковъ?—спросилъ я его о немъ самомъ, но онъ очевидно, не такъ понялъ меня.—Вамъ отца надо? Если по дѣлу, такъ въ контору къ нему ступайте. Онъ тамъ принимаетъ.—Нѣтъ, мнѣ не по такому дѣлу. И не вашего батюшку, а Аглаю Дмитріевну.—Мать одѣвается... Пожалуйте. Какъ о васъ сказать?... Я назвалъ себя и испугался. Богдашку отъ меня точно вихремъ снесло. Онъ оставилъ дверь настежъ, кинулся во внутреннія комнаты съ крикомъ: Мама! Самъ Петровъ, Ардальонъ Петровичъ, пріѣхалъ. Тебя требуетъ! — Гдѣ-то вдали, что-то, не то умывальникъ, не то тарелки, трахнулось на полъ и разсыпалось въ дребезги. Дверь въ комнату, куда я вошелъ, извнутри захлопнулась съ силой. Позади забѣгали. Кто-то кричалъ, видимо оторопѣвъ: Игнатій Никоновичъ, Игнаша! Ступай ты!—Ступай сама! — съ явственной для меня

дрожью отвѣчалъ г. Скворешниковъ. Я въ крайнемъ нетерпѣніи шагалъ изъ угла въ уголъ. Мнѣ хотѣлось крикнуть имъ всѣмъ: да ну васъ, пришлите мнѣ Ляльку и дѣлайте тамъ у себя, что хотите, мнѣ, вѣдь, не васъ нужно. Вѣроятно, я такъ бы и поступилъ, еслибы за дверями не послышался торопливый, растерянный шепотъ и споръ. «Ты скажи!» — Сама скажи! — Твое дѣло. Онъ не проситель, что я съ нимъ буду объясняться!... Иди, иди!... Я не вытерпѣлъ и отворилъ. Какая-то толстая, распаренная дама бросилась прочь. Сухой и длинный старикъ уже, съ сѣдыми бачками, какъ пуля влетѣлъ въ другую комнату и затворился. Что тутъ такое?... Я воспользовался тѣмъ, что первой некуда было дѣваться, и она, прижавшись къ стѣнѣ, смотрѣла на меня округлившимися отъ ужаса глазами. «Мнѣ бы Аглаю Дмитріевну!»—Я... ей... ей Богу. Ваше высокопрево... превосходительство.—А сама дрожитъ, зубъ на зубъ не попадаетъ. Я всмотрѣлся въ нее. Неужели это Агичка, которую я такъ страстно цѣловалъ когда-то? Слѣда не осталось. Только въ глазахъ мелькнула знакомая мнѣ робость съ оттѣнкомъ хитрости, точно у звѣря, попавшаго въ западню и не утратившаго надежды выскользнуть изъ нея. Вмѣсто густыхъ и длинныхъ волосъ,—какъ я любилъ навивать ихъ на свои пальцы... — теперь торчалъ крысиный хвостъ, да и тотъ растрепанный. Нѣтъ, вотъ еще на лѣвой сторонѣ подъ щекою родинка, вздрагивавшая, когда Аглая бывало смѣялась... Повѣрите ли! Меня, стараго холостяка, даже умиленіе разобрало при видѣ этой массы жира, облеченной въ капотъ далеко не третьей даже свѣжести... Неужели ты... вы... Аглая Дмитріевна? Да успокойтесь ради Бога. Вѣдь, я не ѣмъ людей... «Ардальонъ Петровичъ! Видитъ Богъ... А я не при чемъ... Я не ждала... Еслибъ я знала».

И все тотъ же трепетъ. Вѣроятно, я не добился бы отъ нея никакого отвѣта и долго не могъ бы ничего узнать, еслибы вдругъ на другой сторонѣ не отворились двери, и въ нихъ не вошелъ бы самъ м-сье Скворешниковъ съ Анною на шеѣ и въ вицъ-мундирѣ.

— Ваше высокопревосходительство... Папашенька!—Это онъ, который былъ меня старше лѣтъ на пять, повидимому, величалъ меня столь нѣжно.

— Мы съ Аглаей и не ждали. Какая намъ честь!... И не гадали... Господи... Да что же мы!...

И вдругъ, наклонясь, онъ поцѣловалъ мнѣ руку... Я не успѣлъ даже попытаться ее отдернуть.

— А у насъ-то, ваше высокопревосходительство, какое горе

Ахъ Боже мой! Какъ и сказать-то не знаю. Письмо-то васъ ужъ вѣрно не застало?

У меня точно что-то въ груди оборвалось.

— Что случилось? Ради Христа! Гдѣ Лялька? Людмила-то есть?...

Онъ возвелъ очи горѣ и перекрестился даже

— Мѣсяцъ назадъ... О Господи!

— Ну?

— Умерла!

Я такъ и грохнулся.

XXXII.

Очутился я на кровати, куда меня перенесли изъ гостиной. Меня уже раздѣли и надо мною хлопотали Аглая, г. Скворешниковъ и какой-то мрачный господинъ, у котораго онъ то и дѣло спрашивалъ: Ну что? Какъ его высокопревосходительству? Вы поймите, Ѳома Иннокентьевичъ, какая особа! И вдругъ въ нашемъ домѣ!... Посаженнаго папеньку не сберегли. Ужъ вы приложите всѣ старанія. Персона-то, знаете, и въ Петербургѣ мало равныхъ. Уйди, Иродъ! зло оглядывался онъ на кудлатаго Богдашку въ гимназическомъ мундирчикѣ, изъ котораго давно выросли его длинныя, красныя и грубыя лапы. Странно, что эти подробности я замѣтилъ, и онѣ въ моей памяти отпечатлѣлись необыкновенно рѣзко и живо, а главнаго въ эти первыя минуты пробужденія я не соображалъ еще. Ну, слава Богу! — опять сладко, сладко заговорилъ Игнатій Никоновичъ. Глазки открыли... Ваше высокопревосходительство!... И опять давай мнѣ цѣловать руки. Усиливаясь вспомнить, что случилось, я не отнималъ ихъ, да и не могъ бы отнять, еслибы и хотѣлъ, — силы еще не хватало.... «Помилуйте, Ѳома Иннокентьевичъ, какой государственный господинъ! — опять шепталъ онъ и каждый звукъ его отвратительнаго голоса отдавался во мнѣ съ назойливою отчетливостью. — Самъ министръ!... — доносилось до меня точно издалека, потому что я опять терялъ сознаніе. Меня точно обносило и какія-то волны подхватывали, ...ымали и, баюкая, влекли мое тѣло въ даль, полную одуряю...го тумана. И вдругъ туманъ разсѣивался, я опять видѣлъ ...тъ, безпомощное и все еще испуганное лицо Аглаи Дми...евны и слышалъ все то же торопливое, но явственное: «Бѣлаго ...а имѣетъ!... Это не то, что Анну на шеѣ! Да-съ. Вы ужъ, Ѳо... Иннокентьевичъ, приложите старанія. Вѣдь, ежели что, всему ...пу поношеніе... Помилуйте...» — «Лучше всего вы теперь ос-

тавьте его высопревосходительство! Дайте ему успокоиться». Чего онъ такъ кричитъ, этотъ докторъ,—хотѣлось замѣтить мнѣ, но потомъ оказалось, что это его обыкновенный голосъ. Игнатій Никоновичъ вышелъ на цыпочкахъ вонъ и въ дверяхъ еще обернулся и невѣдомо на кого шикнулъ, хоть и безъ того здѣсь царствовало мертвое молчаніе. Аглая, какъ-то странно всхлипывая, пошла за нимъ, и въ комнатѣ остался только докторъ. Когда я обратилъ вниманіе на него, я увидѣлъ, что онъ съ тѣмъ же задумчивымъ и сосредоточеннымъ видомъ, нахмуривъ брови, ловитъ на стѣнахъ мухъ громадною ладонью. Поймавъ, держитъ въ кулакѣ, хмурясь, и со вздохомъ выпускаетъ обратно. За дверями послышался негодующій голосъ Богдашки: «Ну что, подличали, подличали, теперь и выворачивайтесь!»—«Не съ тобою, дуракомъ, будемъ совѣтоваться».—«Мой совѣтъ одинъ—идите, хлопъ на колѣни и кайтесь!»—«Пошелъ вонъ!»—«Я пойду, мнѣ что, я въ вашихъ гадостяхъ не виноватъ!» Потомъ голоса удалились, а докторъ все продолжалъ партизанскую войну съ мухами.

Теперь, припоминая случившееся и переболѣвъ всѣми нервами, я уже пишу спокойно, но тогда было далеко не такъ. Трудно передать, какую безъисходную тоску я ощутилъ, придя, наконецъ, въ себя и вспомнивъ, что бѣдной Ляльки нѣтъ. Я всталъ, вышелъ въ гостиную и позвалъ къ себѣ Аглаю. Она уже была въ черномъ платьѣ и казалась менѣе уродливѣй, чѣмъ утромъ. Въ домѣ все было тихо, даже чего-то испугавшаяся прислуга ходила на цыпочкахъ и говорила шепотомъ. Аглая, какъ виноватая, стояла передо мною. Должно быть г. Скворешниковъ слѣдилъ за нами. По крайней мѣрѣ, когда я, вооружась твердостью, спросилъ ее:

— Когда это случилось?

Она растерянно и безпомощно заоглядывалась, и изъ-за двери вдругъ послышалось:

— Двадцать восемь дней назадъ,—ваше высокопревосходительство.

— Во-первыхъ, я не высоко... А во-вторыхъ, почему вы меня не увѣдомили телеграммой?

Игнатій Никоновичъ выступилъ изъ-за кулисъ. Фу, какой былъ онъ вкрадчивый и склизкій! У насъ простонародье такихъ называетъ: «поросячьими хвостами»,—никакъ-де его не ухватишь...

— Помилуйте... Посаженный папаша...

— Бросьте вы это ради Христа. Говорите толкомъ.

— Дозвольте доложить. Мы, вѣдь, маленькіе, насъ уничтожить не трудно. Мы сомнѣвались, какъ бы сразу не огорчить. Все равно,

полагалъ я, дѣла не поправишь. Святую нашу не воскресишь. Она, вѣдь, скоропостижно, такъ что вы и поспѣть не могли; что-жъ что чугунка! Людмила-то и больна не была. Утромъ Аглаюшка думаетъ, что Люша не встаетъ, и пошла къ ней, а она, бѣдненькая, лежитъ въ постелькѣ, ручки сложила, такъ вотъ и глаза на образѣ... Въ раю теперь чистая ея душенька!

За дверями послышалось чье-то негодующее рычаніе. Я только потомъ сообразилъ и понялъ эти мелочи.

— Богдашка, мерзавецъ!—вскипѣлъ отецъ и выскочилъ туда.—Запорю!—донеслось до меня оттуда.

— Ахъ, наказалъ меня Господь сыномъ, вотъ наказалъ. Грубіанъ, самовольникъ, супротивникъ. Подлинно, ваше высоко... виноватъ, превосходительство, крестъ несемъ... Въ сокрушеніи-съ.

— Аглая Дмитріевна, что вы молчите?—обратился я къ ней.

— Папенька!... Ужели же не понятно, материнское сердце! Я думалъ, она у меня съ ума сойдетъ. Такъ убивалась, такъ убивалась...

— Покажите мнѣ ея комнату!

— Въ ремонтѣ-съ... Ваше высоко... въ ремонтѣ. Перемѣняемъ обои... Вѣчно будутъ тамъ лампадки горѣть... При иконахъ, гдѣ постель... Она, то-есть Людмила, послѣдніе дни все про васъ спрашивала. Столь крестнымъ интересовалась, даже удивительно. Я такъ понимаю—кровь въ ней говорила. И такъ знаете,—ахъ, какая дѣвица была, подлинно ангелъ небесный угасъ! Все въ высокомъ стилѣ, увижу, говоритъ, папашу и сейчасъ покажу ему свою образованность. Она у насъ и по-французски могла... Вотъ-съ это ея фортепьяны. Ничего не жалѣли... Помилуйте, она не то, что дѣвицы Великанскія, не съ пальца, а по нотамъ могла. Всякую пѣсню посмотритъ и разберетъ.

Я вернулся домой весь разбитый. Приказалъ никого къ себѣ не пускать, потомъ оказалось совершенно напрасно. Въ коридорѣ все время пребывалъ г. Скворешниковъ и берегъ меня, какъ зѣницу ока. Тотъ день я проплакалъ какъ ребенокъ. Цѣлая полоса жизни уходила прочь, не оставивъ по себѣ никакого слѣда. Я понималъ, о теперь обреченъ на вѣчное одиночество. Поздно уже было создаъ для себя что-нибудь новое. Не откуда взять силъ, ушедшихъ Ляльку! Каждому изъ насъ нужна привязанность. Эта—отняла еня все, что было, и, не давъ ничего въ замѣнъ, исчезла... ъ исчезаетъ туманъ подъ солнцемъ... Только у меня сердце лось кровью... Гдѣ-то Лялька теперь? Въ эту первую, длин-, ужасную ночь мнѣ казалось, что ея призракъ здѣсь, около...

Я ощущалъ вѣяніе на моемъ лицѣ, точно что-то безплотное проносилось мимо, слегка касаясь меня. Я падалъ на полъ, бился въ безсильныхъ рыданіяхъ, подползалъ къ образу, умоляя или убить меня (кому я нуженъ?), или дать мнѣ забвенье. За эту молодую, разомъ оборвавшуюся жизнь я готовъ былъ заплатить своею. Я видѣлъ наказаніе Божіе въ преждевременной смерти дорогого мнѣ существа. Я чувствовалъ, что до сихъ поръ былъ эгоистомъ и Ляльку-то любилъ для самого себя, потому что видѣлъ въ ней утѣшеніе моей холодной старости. Небо ударило меня именно по больному мѣсту. Мнѣ было зачтено то, что я бросилъ на произволъ судьбы женщину, мнѣ преданную. Мнѣ слѣдовало жениться на ней, не обращать вниманія на полусумасшедшую старуху и взять Аглаю съ собою въ Петербургъ, вмѣстѣ съ нею выростить свою дѣтку, заботиться о малюткѣ, тогда бы, разумѣется, она бы уцѣлѣла, и единственное солнце моей жизни не погасло бы именно тогда, когда моя простуженная душа больше всего нуждалась въ его согрѣвающихъ лучахъ. Я чувствовалъ, что на меня отовсюду надвигался мракъ, и я былъ безпомощенъ передъ нимъ. Та рука, которая смѣло бы взяла меня и повела за собою черезъ немногіе оставшіеся мнѣ годы, лежитъ теперь подъ гробовой доской на недвижной груди... Тѣ глаза, кроткаго взгляда которыхъ такъ жаждало мое изсохшее сердце, погасли и губы, одною улыбкою освѣтившія бы мнѣ мою мрачную даль, стали прибѣжищемъ могильныхъ червей... А ночь длилась, длилась безъ конца!... Другой такой въ моей жизни не было и разумѣется не будетъ!

XXXIII

До какой степени мнѣ представляется теперь глупымъ мое положеніе! Вѣдь, они—Аглая и благороднѣйшій г. Скворешниковъ—возили меня на могилу Людмилы! На другой же день я потребовалъ этого опять, и вновь былъ на кладбищѣ. У Игнатія Никоновича оказалась карета, и я подъѣхалъ въ ней къ густому саду, покрывавшему прохладною тѣнью мѣсто общаго успокоенія. Что было со мною, когда я переступалъ черезъ порогъ его. Теперь только мнѣ понятно безпокойство и волненіе Аглаи и тревожныя оглядыванія во всѣ стороны ея мужа. Тутъ было тихо и печально. Однѣ пчелы носились надъ зелеными горбами и бѣлыми крестами, наполняя благоговѣйное безмолвіе города мертвыхъ едва различимымъ звономъ... Даже птицы примолкли. Въ томъ настроеніи, въ какомъ я былъ тогда, мнѣ казалось, что онѣ хотятъ дать мнѣ выплакать-

ся. Изрѣдка просыпался вѣтеръ и слегка шевелилъ траву, выросшую на могилахъ, будто провѣряя, все ли тутъ на мѣстѣ, или разыскивая кого-то, скрывшагося въ ихъ тонкихъ стебляхъ. Цвѣты наивно смотрѣли на меня, и я говорилъ Аглаѣ, что они вѣрно выросли отъ слезъ, падавшихъ сюда. Аглая была молчалива, смятена и растеряна. Мнѣ было странно тогда, что на ея лицѣ ничего не выражается, кромѣ испуга. Какъ мать, она должна была горевать и плакать; я думалъ, что и Скворешниковъ соображалъ это, потому что онъ часто ее толкалъ и указывалъ на меня глазами. Могила Людмилы была затеряна между другими. Они даже не потрудились купить ей мѣсто около церкви, бѣлыя стѣны и золотой куполъ которой мелькали далеко изъ-за деревьевъ. Надъ ней не было креста, но Игнатій Никоновичъ объяснилъ, что онъ въ губернскомъ городѣ заказалъ ужъ «мраморный постаментъ» и посему думалъ, что простого креста не требуется. Онъ, видите ли, не хотѣлъ меня обидѣть. Я ему, впрочемъ, сказалъ, что за памятникъ заплачу самъ и, къ моему изумленію, Скворешниковъ огорчился! «Нѣтъ ужъ, это намъ дозвольте. На нашихъ рукахъ росла» Даже слезу смахнулъ съ глазъ. Очень уныло выглядывала эта могила! Сухой бугоръ растрескался и трава забрала его по краямъ только. Точно лысина, обрамленная полоской жиденькихъ волосъ. И это все, что отъ тебя осталось, моя дѣтка, на всемъ большомъ и чуждомъ свѣтѣ, по которому такъ незамѣтно прошла ты, одинокая въ терпѣвшей тебя семьѣ и вѣрно молчаливая, ни съ кѣмъ не дѣлившаяся маленькимъ, дѣтскимъ, но глубокимъ горемъ! Я представлялъ себѣ, какъ она лежитъ подъ желтоватыми комьями глины, смѣшанной съ пескомъ, прикрытая отъ нихъ только тоненькими досками гроба. Ее похоронили въ бѣломъ платьѣ. Глухо у нея, въ ея послѣдней обители. Ни малѣйшій звукъ не достигаетъ туда, и моего рыданія никто не услышитъ. Г. Скворешниковъ хотѣлъ деликатно дать мнѣ наплакаться и отвелъ Аглаю. Я оглянулся. Они были вдали и скоро совсѣмъ пропали за деревьями. Я оставался одинъ. Я упалъ лицомъ на могилу. О чемъ я думалъ, не знаю. Я только бился, какъ раненый, всѣмъ своимъ старымъ тѣломъ на эт[illegible] песчаномъ бугрѣ. Я никогда такъ не молился. Мнѣ теперь предст[illegible]чется уже смутно, какъ я звалъ ее, умолялъ простить мнѣ... Б[illegible] неодолимая потребность унестись прочь изъ этого міра... Я [illegible]ько тутъ, на безвѣстной могилѣ, понялъ, что «молитва — со[illegible] души». Безъ нея въ ней царила бы вѣчная и холодна[illegible]ь. Страшно горе, когда уста не находятъ словъ молитв[illegible]ердце не источаетъ примиряющихъ слезъ. Жалокъ тотъ, кш[illegible]

кто не падалъ передъ Незнаемымъ и Великимъ и въ одномъ порывѣ весь не уносился къ Нему въ Его недосягаемую высь... Можетъ быть, и смерть такой же одинъ могучій порывъ. Тѣло изношенное, больное, недвижное — внизу, а отъ души ужъ нѣтъ и слѣда, она далеко, у самаго источника жизни и свѣта!... Я такъ ослабѣлъ на этотъ разъ, что безропотно позволилъ себя увезти съ кладбища. На другой день я проснулся чуть свѣтъ. Наканунѣ измученный я заснулъ слѣпо и глухо и такъ же внезапно всталъ, когда солнце поднималось. Одѣлся, вышелъ и пѣшкомъ пробрался на кладбище. Тутъ стоялъ утренній холодокъ. Тѣни были темны и длинны. Роса дрожала на лепесткахъ цвѣтовъ и на стебляхъ освѣжѣвшей за ночь травы. Пахло мятой и медомъ. Вверху деревья гремѣли голосами проснувшихся птицъ. Казалось, каждый листокъ ожилъ и поетъ, какъ можетъ... Обманывался ли я? Разумѣется, да, но мнѣ казалось, что подъ горбами могилъ слышится торжественный и величавый гулъ, какъ отзвукъ далекихъ колоколовъ... Мертвые тоже молились, привѣтствуя Господа силъ, во всей Его славѣ подымавшагося надъ утомленною ночнымъ покоемъ и мракомъ землей!... Я хотѣлъ привезти цвѣтовъ на убогую могилку моей Ляльки, но въ уѣздномъ городѣ никто не торговалъ ими. Тучка бѣжала по небу, и ея тѣнь двигалась по кладбищу, заключила въ себя на мгновеніе желтый растрескавшійся холмъ и ушла дальше. Солнце зажгло его. Какая-то яркая бабочка остановилась на немъ, трепеща нѣжными крылышками, и отлетѣла... Небесная синь была глубока. Въ этой голубой безднѣ—разгадка всего, что намъ кажется здѣсь темнымъ, неяснымъ, невѣроятнымъ... Я съ упованіемъ смотрѣлъ туда, и мнѣ мерещилось, что тамъ скользитъ порой что-то едва проступающее, прозрачное, съ бѣлыми сквозными крыльями. Неужели это головка моей Ляльки мелькнула на минуту и улыбнулась изъ своего далека? Въ тотъ же день Скворешниковы заѣхали ко мнѣ, и мы вмѣстѣ отправились въ церковь отслужить панихиду по Лялькѣ... Я не видѣлъ человѣка, который оставался бы нетронутымъ и спокойнымъ, когда запоютъ «надгробное рыданіе», и не потрясеннымъ грустнымъ, вѣющимъ мистическою тайной восклицаніемъ «вѣчная память». Эти два слова—послѣднее прощай. Они застываютъ крикомъ больной души на [illegible]-бежѣ нашего и того міровъ. Въ нихъ и печаль, и утѣшеніе... I[illegible]е тѣмъ мертвымъ, которые забыты на землѣ... Они несутся пад[illegible]-щими звѣздами въ необъятную пропасть недвижнаго эѳира. У н[illegible]ъ позади ничего.

XXXIV.

Изъ этой эпохи моей жизни мнѣ остается записать немного. На другой же день случилось нѣчто, сбившее меня со всѣхъ путей, отнявшее у меня прошлое и лишившее грустныхъ воспоминаній въ будущемъ. Человѣкъ таковъ: если у него нѣтъ надеждъ, онъ живетъ печалями былого. Иначе кругомъ какая-то пустота, безотраднѣе которой нѣтъ ничего! Меня точно рыбу выхватили изъ воды и выбросили на берегъ. Въ первую минуту я думалъ, что мнѣ будетъ легче, не о комъ и не о чемъ горевать, но вдругъ мнѣ такъ стала дорога моя вчерашняя тоска, что я плакалъ и по ней, какъ по дорогому и милому мертвецу. Я наскоро запишу событія этого дня. Я еще лежалъ въ постели, когда ко мнѣ постучались. Посмотрѣлъ на часы—пять. Кому я оказался нуженъ въ такую рань? Всталъ, отворилъ дверь и передо мною предстала кудлатая башка черномазаго съ кустарными усами Богдашки. Руки у него, красныя и громадныя, все такъ же нелѣпо торчали изъ слишкомъ узкаго и коротенькаго гимназическаго мундирчика. Ноги ступали съ опаской и къ крайнему моему изумленію были босы.

— Сапоги отецъ заперъ... Чтобы я не смѣлъ уходить.

Я молчалъ. Что же мнѣ было за дѣло до этого!

— И сверхъ того вчера... выпоролъ!...

И вдругъ Богдашка какъ-то осѣлъ и зарыдалъ. Зарыдалъ съ болью и муками оскорбленнаго человѣческаго достоинства. Билъ себя по лицу, по груди, рвалъ торчавшія во всѣ стороны лохмы. Мнѣ его стало искренно жалко.

— Богданъ Игнатьевичъ... успокойтесь.

— Позвольте, за что, за что? За то, что они всѣ подлецы?... Развѣ такъ жить надо? Зачѣмъ тогда и учиться? Вѣдь, помилуйте,—живого мѣста въ душѣ не оставили.

Все это онъ ронялъ оборванно, безъ связи, всхлипывая и сопровождая каждое слово глухимъ рычаніемъ. Я подалъ ему стаканъ воды. Онъ застучалъ зубами по стеклу его, но не могъ сразу напиться. Наконецъ, собирая послѣднія усилія, сдѣлалъ глотокъ и п...ерхнулся.

— Нѣтъ. Я и такъ сейчасъ. Погодите.

... подождалъ четверть часа. Рыданія успокоились. И вдругъ м...ой Скворешниковъ, судорожно вздрагивая, объявилъ мнѣ:

Я отъ нихъ въ окно. По водосточной трубѣ.

Зачѣмъ и, вообще, за что это васъ?

Потому, Ардальонъ Петровичъ, что я не могу стерпѣть

ихней подлости. Всю жизнь лгутъ и лгутъ. Обманываютъ-съ. Тебѣ же, говорятъ, наживаемъ. Да мнѣ лучше голодному бѣгать. Развѣ я могу оцѣнить это? Я вчера погрозилъ имъ, что все разскажу вамъ. Потому что развѣ можно такъ играть людскимъ сердцемъ? Вѣдь, это что же—разбой лучше. Сразу ограбятъ человѣка или зарѣжутъ и кончено. А тутъ-съ позвольте,—я въ седьмомъ классѣ, я понимаю,—душу выматываютъ. Нервъ за нервомъ. Что же я былъ бы за подлецъ, еслибы молчалъ? Развѣ мнѣ нужны ихніе дома, лошади? Вѣдь, отъ этого богатства въ головѣ мутится. Никому въ глаза прямо не взглянешь. Я-съ Добролюбова прочелъ и такимъ мерзавцемъ себя почувствовалъ.

— Позвольте. Я ничего не пойму. О чемъ вы это?

— А о томъ, что Людмилы никогда не было.

— Что?...

«Ужъ не сумасшедшій ли?» Должно быть это очень откровенно выразилось въ моемъ лицѣ. Потому что Богдашка прямо отвѣтилъ мнѣ:

— Не сомнѣвайтесь. Я въ своемъ умѣ-съ. Можете справиться въ гимназіи у Егора Васильевича.

— Позвольте, что вы хотите сказать этимъ?

— А то, что вамъ, Ардальонъ Петровичъ, плакать не о чемъ. Я знаю, что они меня истерзаютъ теперь, но я не желаю помогать ихъ подлостямъ. Еще мама не такъ виновата. А спачала бабушка и потомъ отецъ. Это они выдумали Людмилу.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы деньги съ васъ брать. Господи, стыдъ какой! Да еслибы мнѣ достались эти дома, я бы бѣжалъ отъ нихъ.

— Постойте, постойте. Какую вы чепуху говорите. Я понимаю ваше раздраженіе на отца, но зачѣмъ же вы такою монетою платите ему?

— Вы думаете, я вру? Да я, чтобы отъ дурного балла отдѣлаться, ни разу не совралъ учителю!

— Какъ же Людмилы нѣтъ, когда у меня ея портретъ?

— Это они карточку Бажеряновской дочки изъ альбома украли.

Я вскочилъ, схватился за голову. Думалъ, что помѣшаюс[illegible]

— А болѣзни, доктора? Волоса ея? Счеты за книги?

— Все подлость и подлость и ничего больше.

— А могила наконецъ? Вы, кажется, съ ума сошли. М[illegible]-то? Вѣдь, я и вчера, и третьяго дня...

— А ужъ это такая гадость, что хуже нѣтъ... Въ могилѣ [illegible],

я все у нашего Анемподиста кучера узналъ,—тамъ, вѣдь,— горничная у мамы Глаша была,—ну, она и похоронена. Ее солдатъ избилъ на кухнѣ, она и померла. И солдата этого скоро судить будутъ. Я далъ себѣ слово,—еще какъ въ шестой классъ перешелъ и все началъ понимать, что, какъ только будетъ возможно, все, все вамъ разскажу. Я не хочу подлецомъ быть. У насъ объ этомъ Иванъ Сергѣевичъ—учитель отлично говоритъ. Такими же звѣрями выросли бы, если бы не онъ. Это Добролюбовъ называетъ— «воскресить душу въ человѣкѣ»! Да вотъ что-съ, я вижу, вы еще не вѣрите мнѣ. Хотите сейчасъ съѣздить на кладбище?

— Хорошо.

— Мы тамъ у сторожа Слѣпнева справимся по книгѣ, чья это могила.

Я одѣлся.

— Только... нѣтъ ли у васъ калошъ. Сапоги ваши на меня не влѣзутъ. А калоши какъ разъ.

Я только сейчасъ сообразилъ, что онъ босъ, и далъ ему резиновыя.

Мы поѣхали. Богдашка, оказалось, не солгалъ ни однимъ словомъ. Могила, на которой я рыдалъ и бился, какъ раненый, гдѣ я молился и весь исходилъ мучительными и сладкими порывами души, была за № 283. Въ книгѣ она значилась «принадлежащей мѣщанской дѣвицѣ Глафирѣ Мазюкиной, сорока двухъ лѣтъ отъ роду, скончавшейся въ общественной больницѣ сего 18 января 18... года».

— Позвольте, но на что жъ разсчитывалъ вашъ отецъ?

— А вотъ на что: они хотѣли написать вамъ, что она кончила гимназію, потомъ сдѣлать ей на вашъ счетъ приданое, отправить ее подальше, яко бы на кумысъ, и дать вамъ знать, что она на кумысѣ умерла! Идите, разыскивайте ее тамъ въ Башкирскихъ степяхъ!

XXXV.

нѣ, дѣйствительно, не о чемъ стало плакать, но я далеко не
.. благодаренъ Богдашкѣ за его разоблаченія. Мнѣ такъ было
.. моей печали, моихъ слезъ. Въ пустотѣ, окружившей меня
ѣ этого, вчерашнія рыданія и тоска казались мнѣ величай-
ъ счастіемъ. Весь смыслъ у моей жизни былъ отнятъ,—и гру-
..образно. Никогда еще людской обманъ, несмотря на его ка-
..ся мелочность, пошлость, не посягалъ такъ глубоко на свя-

тое святыхъ—жаждущей привязанности и любви души. Мое горе теперь, когда я узналъ правду, было еще ужаснѣе. Въ немъ не оказывалось слезъ по любимому и дорогому человѣку. Мнѣ было некого оплакивать,—я очутился въ сухой пустынѣ, и ея горячій самумъ душилъ меня и засыпалъ песками. Къ печали, которая разбила меня, примѣшивалась бы сладость сознанія, что было на свѣтѣ милое существо, что я объ немъ заботился, думалъ, готовилъ для него ясную и спокойную будущность. Я могъ бы приходить въ устроенныя для Ляльки комнаты и молиться тамъ, и эта молитва поднимала бы мою мысль и чувство надъ повседневною мелочью. Этимъ была бы жива моя душа. А теперь! Понятно, что я ненавидѣлъ Богдашку. Почему было меня не оставить въ этой счастливой сравнительно съ моимъ настоящимъ—иллюзіи. Я—жертва обмана, но обмана, наполнившаго мое прошлое, длившагося семнадцать лѣтъ, его слѣдовало бы вести до конца. Теперь мнѣ не о комъ грустить и не о чемъ плакать! Точно изъ-подъ ногъ вырвали доску, и я чудомъ повисъ въ пространствѣ! Зачѣмъ жить? Господи, Боже мой, да вѣдь, не для департамента же съ его гемороидальными чиновниками и безчисленными дѣлами о выѣденномъ яйцѣ. О, какъ мнѣ тяжело, какъ невыносимо! Иной разъ—брѣешься,—а въ голову приходитъ: чкнуть себя по горлу—и всему конецъ. Рухнешь на полъ, потянется къ дверямъ струйка крови. Побьешься минуту и погаснешь, утонешь въ вѣчномъ, лишенномъ сознанія, мракѣ. Что меня останавливаетъ? Неужели трусость?

XXXVI.

Я встрѣтилъ вчера Богдашку на Невскомъ. Ободранъ бѣдняга, голоденъ, но смотритъ бодро. Онъ бѣжалъ отъ своихъ. «Что жъ, что отецъ, говоритъ, а если я не могу выносить подлости?» Позвалъ его къ себѣ, накормилъ. Какъ волкъ накинулся на ѣду. Самъ признался,—второй день не ѣлъ. «Чѣмъ же вы существуете?»—«Уроками, да всѣ вышли. Были—по четвертаку за часъ. Я, все-таки, не помиралъ. Ночевалъ у товарищей». Такой же несообразный лохмачъ онъ — и та же кустарная растительность на лицѣ во все стороны претъ. Точно ей тѣсно внутри. Жаль мнѣ его стало.

— Слушайте, Богданъ Игнатьевичъ.

— Ну?

— Переѣзжайте ко мнѣ.

— То есть какъ это «переѣзжайте»?

— Такъ, забирайте свои вещи.

— Какія?...

— Да неужели у васъ ничего?

— Все, что есть, на мнѣ. Высокіе сапоги были—пріятелю отдалъ.

— Ну, такъ оставайтесь у меня.

— Зачѣмъ?

— Жить.

— Я и такъ живу.

— Ну, какая это жизнь?Вамъ и работать какъ слѣдуетъ нельзя. Воображаю, что при такихъ условіяхъ выходитъ у васъ изъ университетскихъ лекцій!

— Ровно ничего не выходитъ. Только зачѣмъ же я у васъ буду?

— Мнѣ самому легче. Я томлюсь одиночествомъ.

— Нѣтъ. Это не модель!... Я вамъ буду постоянно напоминать про подлость.

— Бросьте. Вы тамъ ни причемъ.

Большого мнѣ труда это стоило, но я его убѣдилъ.

— Вы вотъ что. Вы человѣка отпустите. Я и за него могу службу справить.

— Зачѣмъ?

— Да что жъ мнѣ даромъ вашъ хлѣбъ ѣсть?

— Человѣкъ у меня давно, а вотъ переписку я вамъ дамъ.

Слава Богу, что хоть это пришло въ голову. Онъ недовѣрчиво покосился на меня.

— Да вамъ это нужно?

— Еще бы. Видите какіе вороха бумаги.—Не говорить же ему было, что у меня писцовъ, какъ нерѣзанныхъ собакъ.

— Ну, это хорошо. Это я пожалуй... бурчалъ онъ. А только вотъ что: вы мнѣ не комнату, а кутокъ.

— Какой кутокъ?

— Ну, уголъ, все равно. Тюфячишко, старое пальто, если есть, подъ голову, и довольно.

— Дѣлайте, какъ хотите. Какъ вы тогда отдѣлались отъ своихъ?

— Такъ поротый и сбѣжалъ.

— Въ тотъ же день?

— Нѣтъ, черезъ мѣсяцъ. Они меня опять вздумали. . сѣчь.

— Да какъ же вы добрались?...

— Пѣшкомъ. По дорогѣ мужики кормили. Мужики добрые И у нихъ праведный, его просить не стыдно. Они безъ подживутъ...

XXXVII.

Богдашка у меня выжилъ два года. Я было привязался къ нему, да сталъ онъ читать Льва Толстого и вдругъ «ощутилъ совѣсть».

— Такъ нельзя!—объявилъ онъ.

— Что это?

— Жить подлостью.

— Да, вѣдь, ты работаешь?

— Что это?

— А бумаги мнѣ переписываешь.

— Да кому ваши бумаги нужны? Въ вашихъ бумагахъ тоже, кромѣ подлости, ничего нѣтъ. Вы думаете, я ихъ просто переписывалъ,—я и думалъ: зачѣмъ и къ чему какая.

— Ну, и что же?

— И увидѣлъ, что ни къ чему и ни какая. Тутъ у васъ—такая же ложь, какъ и вездѣ. Такъ нельзя, по правдѣ ежели—отряси прахъ отъ ногъ твоихъ и уходи. Я васъ люблю, Ардальонъ Петровичъ, вы меня пригрѣли. А только я такъ не могу,—отпустите вы меня. У меня сердце по васъ болитъ, но я не могу. Вчера у васъ, напримѣръ, докладъ этотъ. Бухаринская волость кажется?...

— Ну?

— Помилуйте, денной грабежъ. Я проходилъ черезъ эту Бухаринскую волость. Мужики голодные, бѣдные, а послѣдней краюхой со мной дѣлились. И вдругъ вы теперь ихъ судить чтобы. За что? Я доподлинно знаю, баринъ этотъ—подлецъ-съ. Вотъ его бы слѣдовало...

Такъ и ушелъ.

Допрашивался я у него: куда ты? «У насъ, говоритъ, собралась артель. Будемъ съ землей теперь по простотѣ по самой, по правдѣ,—безъ подлостей. Народъ все хорошій. Каждый этой подлости вотъ какъ наглотался, съ верхомъ! Претитъ она. Ну, мы по душѣ. А вамъ я всегда благодаренъ.

— Да кончи сначала, убѣждалъ его, университетъ, а потомъ иди, куда хочешь,—съ дипломомъ.

— Вамъ по-чиновничьи, на все марка да казенная бумага [illegible] ны. Зачѣмъ мнѣ дипломъ? Земля его не спроситъ. И учить[illegible] мнѣ не зачѣмъ. Вчера профессоръ на лекціи о незаконно-ро[illegible] ныхъ говорилъ. Подлость вѣдь, а онъ защищаетъ. По наукѣ, в[illegible] те, такъ выходитъ. Ну, а мнѣ такія науки не надо. Я лучше [illegible]

Я ужъ его не видѣлъ больше.

Не слышно его тяжелыхъ шаговъ въ моихъ комнатахъ, не видна сутулая фигура съ лохмами на головѣ. А какіе у него были кроткіе и правдивые глаза! Послѣ обѣда я по часамъ смотрѣлъ въ нихъ, и мнѣ дѣлалось такъ тепло и хорошо! Должно быть привязался я къ нему. Потому-то теперь мнѣ тяжело мое одиночество. Тяжелѣе, чѣмъ прежде. Ахъ жизнь, жизнь!...

Дневникъ Ардальона Петровича кончается какъ-то странно.

«А, все-таки, что они тамъ ни говори, а Лялька не умерла. И хоть ея никогда не было, а я знаю, что она жила. Для меня—это настоящая дѣйствительность. Я каждый день захожу въ ея комнаты, сажусь тамъ и думаю о ней. Вѣдь міръ только потому и существуетъ, что онъ въ насъ отражается. Значитъ довольно того, что она была для меня не выдумкою, а моимъ милымъ, дорогимъ ребенкомъ. Я до сихъ поръ люблю тебя, моя дѣтка, и плачу подъ твоимъ портретомъ. И та далекая могила, на которой я молился,—близка мнѣ и ото всѣхъ воспоминаній льются на меня горячіе лучи. Они одни согрѣваютъ меня въ одиночествѣ».

Вас. Немировичъ-Данченко.

СЕРГѢЙ ШУМОВЪ *).

Повѣсть.

XX.

На другой день Сергѣй проснулся очень рано и тотчасъ же былъ охваченъ роемъ безпокойныхъ мыслей, которыя какъ будто подстерегали моментъ его пробужденія, чтобы напасть на него. Такъ всегда бывало съ нимъ за послѣднее время: пробуждаясь, онъ еще сквозь сонъ начиналъ ощущать неопредѣленное безпокойство; привычная тревога, то глухая, то острая, даже въ тѣ минуты, когда сознаніе еще дремало, дѣлалась для него уже ощутительной, какъ грозовая туча, нависшая надъ горизонтомъ, которой еще не видишь, но которую уже чувствуешь въ воздухѣ.

Онъ ощущалъ страшную тяжесть въ головѣ, въ ногахъ слабость и ломъ. Ему было душно, тѣсно, неудобно. Онъ хотѣлъ встать, одѣться и выйти на воздухъ, но его охватила непреодолимая лѣнь: ему трудно было пошевельнуться, и онъ оставался лежать пластомъ, тревожимый безпорядочными, назойливыми мыслями. Съ отвращеніемъ думалъ онъ, что все-таки ему придется встать, одѣваться, ходить, говорить, слышать шумъ, смѣхъ, разговоры, видѣть затылокъ Виржинова, подмигиванья тетки, презрительныя гримасы Елены. Съ отвращеніемъ вспомнилъ онъ Кринича, Брониславскаго, классы, звонки, учебники, и у него пронеслось въ головѣ, что хорошо бы никогда не вставать, не жить бо[льше], не тревожить себя ничѣмъ. «Изъ-за чего волноваться, на[ры]ваться, когда все такъ гадко и скучно?—думалъ онъ, чу[в]ствуя, что отлежалъ бокъ, и не рѣшаясь перевернуться на др[у]гой. — Противно каждый день вставать съ сквернымъ настр[о]ніемъ, мыкаться съ утра до ночи... То и дѣло неудачи, уни[...]

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

нія... и сегодня, и завтра, и всегда... Скука, безпокойство, больные нервы — и мертвечина вездѣ, вездѣ... Елена расшибается въ лепешку изъ-за медали... Дура, дура!... Отецъ умнѣе: онъ наплевалъ на все и прожигаетъ жизнь. Вѣдь и я могъ бы плюнуть на все и пуститься во всѣ тяжкія... Нѣтъ, лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ этотъ угаръ, этотъ мракъ... А вѣдь вотъ отецъ можетъ! Правду сказалъ Чуриловъ, что я—чувствительная дрянь и больше ничего. Впрочемъ, онъ не такъ сказалъ... ну, да все равно... Завидую теткѣ, ея стрекозиной натурѣ... Вотъ еще Алябьеву завидую: встанетъ, возьметъ холодный душъ и идетъ себѣ бодрый, веселый, довольный собой... И Позняковой онъ нравится: ужъ одного этого за-глаза довольно... А изъ гимназіи я вылечу, и это будетъ очень скверно... Ахъ, еслибы какъ-нибудь незамѣтно умереть!»

Онъ повернулся на другой бокъ, взялъ было папиросу, но, почувствовавъ горечь во рту, со злостью швырнулъ ее на полъ.

«Да, мое положеніе безвыходное,— думалъ онъ.— Я не понималъ этого прежде, потому что жилъ слѣпо..., а теперь я вижу всю голую, мерзкую правду. Обстоятельства могутъ перемѣниться, да я-то не передѣлаюсь,—ужъ сколько разъ пробовалъ, да ничего изъ этого не выходило. Я—горбатый, а горбатаго одна могила исправитъ... Кто, бишь, сказалъ это? Какой мудрецъ?... Нѣтъ, не мудрецъ, а Лобзиковъ... Тутъ разгадка простая: я родился негоднымъ для жизни, и всѣ это чувствуютъ, начиная съ матери и кончая нашею пансіонскою мелюзгой, и сторонятся отъ меня, избѣгаютъ меня подъ разными благовидными предлогами, и всѣ какъ-то подозрительно косятся на меня. Прежде это не бросалось мнѣ въ глаза, потому что я самъ былъ лучше и ко мнѣ относились лучше, а теперь я сталъ хуже, и всякій старается увильнуть отъ меня, какъ отъ какого-нибудь оглашеннаго. Родятся же дѣти физическими уродами: слѣпыя, горбатыя; точно такъ же бываютъ и нравственные выродки, каковъ я... А все-таки я ненавижу людей, потому что я не виноватъ... Я не хочу, чтобы меня мучили и оскорбляли, я не позволю этого... Они такъ низки, что лежачаго бьютъ... Та же хищная природа, что у кошки, которая тѣшится надъ мышью... Господи, что мнѣ придумать, чтобы отвязаться отъ этихъ мыслей? Куда бѣжать, за что схватиться?»

И онъ началъ поспѣшно одѣваться, точно боясь опоздать куда. Такъ же торопливо онъ умылся и вышелъ въ столовую, гдѣ засталъ одну тетку, которая варила кофе. Она испустила громкое «!», точно видѣла передъ собой выходца съ того свѣта.

— Ужъ всталъ?—изумилась она.—А маменька еще спитъ... Катя одѣвается,—къ обѣднѣ идетъ... Леночка ужъ напилась молока и пошла прогуляться: на головную боль жалуется. Еще бы! отъ такой отчаянной зубрежки голова не только что заболитъ, — отскочитъ!... «Желтокъ» не приходилъ еще: онъ является ровно въ десять, точно на службу... Ха, ха... Ну, вотъ и отлично! Садись: ты мнѣ компанію составишь.

Она налила Сергѣю кофе, не переставая тараторить:

— Людмила Степановна, пожалуй, не выйдетъ изъ спальной: ослабла. «Желтушка» говоритъ, что ты ее разстроилъ... Вретъ онъ! Вчера страсть на тебя обозлился: это за отца... Ишь, выдумали: заставляютъ сына отъ родного отца отказываться! Да и сама-то Людмила Степановна хороша!... Положимъ, Павелъ—безпутный, я ужъ на него рукой махнула, — а все же... Сухариковъ не хочешь ли? Въ нашей булочной—хорошіе сухари. Или хлѣба съ масломъ? Хочешь, я тебѣ бутербродъ сдѣлаю?... Не хочешь?... Ты вчера что-то рано завалился. Должно быть, усталъ? Или разстроился?... Я тебѣ хотѣла чаю принести.

— Мнѣ нездоровилось, — сказалъ Сергѣй, чтобы отдѣлаться отъ разспросовъ.

— Да, да, ты ужасно осунулся! Клади сахаръ, а то остынетъ... Хорошъ кофе? Не перекипѣлъ?...

Сергѣй молча пилъ кофе. Ему было тошно слушать болтовню тетки, но онъ былъ увѣренъ, что она приберегаетъ для него какую-то новость: въ этомъ его убѣждалъ тотъ особенный блескъ, который всегда появлялся въ ея глазахъ, когда она имѣла сообщить что-нибудь сенсаціонное. Онъ не ошибся. Выпивъ свою чашку и закуривъ папиросу, Евгенія Петровна жадно затянулась и сказала, смакуя свои слова:

— А у насъ какая новость! Умрешь—не угадаешь!

— Что такое?

— Угадай!

— Не знаю.

— Ну, что бы ты думалъ?

— Я ничего не думаю.

— Ну, вообрази что-нибудь.

— Ничего не могу вообразить.

Тогда Евгенія Петровна отодвинулась для пущаго эффекта о стола и торжественно произнесла:

— У насъ свадьба.

— Какая?—спросилъ Сергѣй, вздрогнувъ.—Неужели мат

— Ха, ха! До этого пока еще не дошло: еще развода нѣтъ.

— Кто же: Елена?

— Ну, вотъ еще! До того ли ей?

— Такъ вы, что ли?—разсердился Сергѣй, досадуя на то, что она его интригуетъ.

— Ха, ха, ха!—залилась тетка.—Ну, ужъ сказалъ!... Уморилъ! Мнѣ еще рано: я слишкомъ молода для этого... Ха, ха, ха!

— Говорите же!... Какъ это скучно!

— Познякова, вотъ кто!

Сергѣй поблѣднѣлъ бы, еслибы и безъ того не былъ блѣденъ. Онъ стиснулъ зубы и молча смотрѣлъ на тетку.

— Не вѣришь, а? — спросила та, наслаждаясь эффектомъ.— Выходитъ за Алябьева... Вчера вечеромъ объявила. Я-то ужъ давно видѣла, что къ тому дѣло идетъ... И шальная же эта Познякова! Не хочетъ кончать гимназію, говоритъ: «надоѣло». Лена вчера битый часъ пилила ее, а та смѣется. Наладила одно: «Лѣнь, голубчикъ! Хочу погулять до свадьбы»... Да и вправду: зачѣмъ ей дипломъ? Мать у нея имѣетъ хорошія средства, женихъ тоже какое-то наслѣдство долженъ получить... Не будетъ же она бѣгать по урокамъ... Хочетъ вмѣстѣ съ мужемъ астрономіей заниматься. Вчера бѣгала съ женихомъ на обсерваторію и ужъ въ такой восторгъ пришла!... Конечно, чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало!... Еще стаканчикъ... Не хочешь? Ну, папиросочку?

Сергѣй началъ закуривать. Его исхудалыя руки дрожали, на лицѣ его рѣзко выступило страданіе, которое онъ всѣми силами старался скрыть отъ тетки.

— У тебя не мигрень ли, Сережа?—спросила съ бурнымъ участіемъ Евгенія Петровна.—Ахъ, бѣдный! Самая подлая штука эта мигрень: по себѣ знаю... Постой, я одеколону принесу. Сію секундочку! Я тебя вылѣчу!

И, не дожидаясь отвѣта, она вылетѣла изъ комнаты. Сергѣй, воспользовавшись этимъ, схватилъ пальто, фуражку и вышелъ изъ дому. Ему стоило страшныхъ усилій сдержаться при теткѣ; теперь силы оставили его, и онъ, прижавшись въ углу крыльца къ стѣнѣ, ...разился истерическимъ смѣхомъ. Познякова послѣдніе два года ...а единственнымъ свѣтлымъ лучомъ, который скрашивалъ и ...влялъ его сѣренькую жизнь гимназиста, и онъ, никогда не ду... серьезно о взаимности, питалъ къ этой всеобщей баловницѣ ...ную страсть. Эту страсть онъ раздулъ въ себѣ за два года панской лямки, когда его голова и сердце, создавали себѣ искусст...ю жизнь, носились съ нею и выращивали ее въ себѣ до урод-

ливыхъ размѣровъ. Онъ дорожилъ этой страстью, какъ пьяница виномъ, потому что она возбуждала его и поддерживала въ немъ жизнь: безъ нея онъ впадалъ въ апатію и превращался въ автомата. Познякову занимала эта страсть, какъ невинная игра въ чувство, для нея—интересная, для Сергѣя—мучительная. Отъ времени до времени она подливала масла въ огонь, прибѣгая для этого къ разнымъ невиннымъ средствамъ: къ ласковымъ улыбкамъ, лукавымъ взглядамъ, легкому, шутливому кокетству... Остальное Сергѣй съ избыткомъ дополнялъ своимъ воображеніемъ.

И вдругъ теперь вся эта мучительная игра въ страсть разрѣшилась такъ неожиданно для него и такъ просто. Ударъ этотъ засталъ его врасплохъ и вонзился въ давно наболѣвшее сердце, которое ныло отъ всякаго грубаго прикосновенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обидная простота этого финала, эта банальная развязка его фантастической поэмы, которою онъ жилъ цѣлыхъ два года, и рядомъ съ этимъ сознаніе, что все вышло какъ нельзя болѣе естественно и что иначе и быть не могло,—все это, соединившись въ одно ядовитое цѣлое, жестокое и, вмѣстѣ, комичное, оскорбительное и смѣшное, вызвало въ немъ припадокъ истерическаго смѣха. Онъ вспомнилъ свою послѣднюю встрѣчу съ Позняковой на бульварѣ и ея насмѣшливыя слова, подумалъ о томъ, какимъ смѣшнымъ и жалкимъ казался онъ Позняковой и Алябьеву. «Примите холодный душъ... Ха, ха, ха!» Онъ нарочно старался представить себѣ какъ можно ярче весь комизмъ своего положенія, нарочно искалъ въ своемъ лицѣ, въ своей фигурѣ, въ своихъ «дурацкихъ гимназическихъ» мечтахъ смѣшныя стороны и находилъ злую радость въ издѣвательствѣ надъ самимъ собой.

— Ну, что же теперь?... Куда?—спрашивалъ онъ себя, когда припадокъ затихъ.—Развѣ Ливіемъ позаняться?

«Переводишь, переводишь,—
И безсмыслица всегда»...

вспомнился ему куплетъ Чурилова, и онъ опять началъ смѣяться.

Онъ сошелъ съ крыльца и направился, куда глаза глядятъ.

«Развѣ къ отцу? — спросилъ онъ себя, дойдя до перекрестка двухъ улицъ.—Мать не желаетъ, чтобы я ходилъ... Мало ли чт[о] Не всегда выходитъ такъ, какъ мы желаемъ, а скорѣе—на зло. Пойду... Трезвый онъ теперь или не трезвый? Первое хорошо, второе... тоже хорошо... или нѣтъ: и то, и другое скверно... Ма[ть] говоритъ про него, что онъ — циникъ... А я его понимаю... У[ж] отецъ не сталъ бы утопать въ мечтахъ и млѣть, какъ я: шали[лъ]

Нѣтъ, онъ повелъ бы дѣло проще... Уважаю за это!... Размечтаешься, а жизнь возьметъ да и смажетъ тебя всею пятерней. Отецъ понимаетъ это и самъ дѣлаетъ смазь всѣмъ этимъ возвышенностямъ... Какъ это онъ говорилъ на вокзалѣ? «Я валяюсь подъ заборомъ, а все-таки живу лучше матери, живѣе»... Правда, правда! Я вотъ не валяюсь подъ заборомъ, а все-таки я—плачевный нуль, даже хуже—минусъ единица, и всякій дѣлаетъ мнѣ смазь, каждый по-своему... Да и вся жизнь такова: всѣ только тѣмъ и занимаются, что дѣлаютъ смази другъ другу, а я только лицо подставляю... Умникъ, умникъ отецъ: онъ наплевалъ на всѣхъ и живетъ въ свое удовольствіе. А мать... Впрочемъ, мнѣ жаль ее... только ради чего и зачѣмъ она всю жизнь надрывалась? Плюнула бы на все и берегла свое здоровье... Эта проклятая чувствительность къ добру не приводитъ: живешь точно съ ободранною кожей и отъ всякаго прикосновенія корчишься... Хорошо только эгоистамъ, да беззаботнымъ мотылькамъ, да самодовольнымъ нахаламъ. Павловичъ и подобные ему торжествуютъ, а Прокоповы чахнутъ... Какъ бы мнѣ хотѣлось встрѣтиться съ нимъ сейчасъ. Я бы сказалъ ему все... Я пробылъ бы съ нимъ цѣлый день, не отвязался бы отъ него... Онъ приглашалъ меня на лѣто къ себѣ, только дождусь ли я лѣта? Мнѣ все кажется, что надо мной что-нибудь разразится... Впрочемъ, я не вѣрю въ предчувствія... Ахъ, еслибы можно было сейчасъ перенестись куда-нибудь далеко-далеко!»

Сергѣй остановился передъ переулкомъ, гдѣ квартировалъ Павелъ Петровичъ, и задумался. На него вдругъ напалъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ болѣзненной нерѣшительности, которые часто случались съ нимъ въ послѣднее время: прежде чѣмъ рѣшиться на самый незначительный шагъ, онъ долго мучился разными сомнѣніями, какъ будто ему предстояло рѣшить вопросъ жизни и смерти. Остановившись на углу, онъ долго не зналъ, что ему дѣлать съ собой, и испытывалъ внутри борьбу, которой конца не было: то рѣшался завернуть въ переулокъ, то думалъ, что лучше идти назадъ, а самъ стоялъ неподвижно, точно скованный. «Если часы у часовщика показываютъ два,—думалъ онъ,—то вернусь домой; а если меньше двухъ, то пойду къ отцу». Онъ заглянулъ въ окно къ ...овщику: часы показывали сорокъ минутъ второго. Сергѣй бы...о вошелъ въ переулокъ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вдругъ ...омнилъ «шерстяную» женщину и рѣшительно повернулъ назадъ. ...гъ онъ представилъ себѣ, что̀ ждетъ его дома, представилъ ...чякову съ Алябьевымъ, почувствовалъ тоску, зависть, оби...—и повернулъ къ переулку. Но здѣсь ему пришло въ голову,

что его метанія взадъ и впередъ могутъ броситься въ глаза прохожимъ,—и онъ остановился. «Куда же, куда?—спрашивалъ онъ въ отчаяніи.—Вотъ, если этотъ извозчикъ повернетъ въ переулокъ, то и я поверну: значитъ—судьба»,—загадалъ онъ. Извозчикъ повернулъ за уголъ и остановился. Сергѣй тоже остановился. Еслибы въ эту минуту кто-нибудь подошелъ къ нему, взялъ его подъ руку и повелъ въ трактиръ, на кладбище, въ поле, Сергѣй пошелъ бы за нимъ безпрекословно.

Неожиданная сцена вывела его изъ этой летаргіи. Невдалекѣ отъ себя онъ увидѣлъ отца. Павелъ Петровичъ шелъ по противоположному тротуару со свертками въ рукахъ; въ своей щегольской, но уже испачканной размахайкѣ, въ новомъ цилиндрѣ, надѣтомъ на затылокъ, онъ имѣлъ странный и смѣшной видъ. Наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, придерживая руками свертки и сильно шатаясь, онъ торопливо шелъ, поминутно рискуя потерять равновѣсіе. Нѣсколько зрителей съ любопытствомъ слѣдили за его движеніями. Мальчишка изъ овощной лавки смотрѣлъ и ухмылялся во весь ротъ; извозчикъ, перегнувшись на козлахъ, видимо наслаждался зрѣлищемъ; нищая старуха, опершись на палку, охала и бормотала что-то; двое мастеровыхъ, которые шли, обнявшись, по мостовой и были сильно навеселѣ, остановились и многозначительно посвистывали; барыня, идущая навстрѣчу Павлу Петровичу, плюнула и перешла на другой тротуаръ. Мастеровые покатились со смѣху; одинъ изъ нихъ крикнулъ: «Небось, пройдетъ, не зацѣпитъ: не въ первой, чай! Ишь, какой шагистый!» Сергѣй, оторопѣвъ, смотрѣлъ на эту сцену. Павелъ Петровичъ повернулся съ бранью къ мастеровому и увидалъ сына.

— Сергѣй! Сережа! Сынъ мой! — закричалъ онъ пьянымъ голосомъ.

Забывъ о сверткахъ, онъ замахалъ ему руками; свертки разсыпались, — онъ бросился поднимать ихъ, нагнулся, потерялъ равновѣсіе и покатился съ высокаго деревяннаго тротуара на мостовую. Ушибся ли онъ при этомъ, или былъ сильно пьянъ, но онъ дѣлалъ тщетныя усилія подняться, барахтаясь на землѣ и наполняя переулокъ бранью. Зрители надрывались отъ смѣха.

— Вотъ такъ попалъ!—кричалъ одинъ изъ мастеровыхъ, поднимая откатившійся на нѣсколько шаговъ цилиндръ.

— Баланецъ потерялъ!—замѣтилъ извозчикъ и, завидя городового, принялся нахлестывать лошадь, чтобы уѣхать поскорѣй.

— Сынъ мой! — возглашалъ Павелъ Петровичъ, пересыпая свои воззванія бранными словами.—Сережка!... Анаѳема!...

Сергѣю было невыносимо стыдно за отца и невыносимо жалко его; но все это покрывалось ожесточеннымъ презрѣніемъ къ этому валяющемуся на улицѣ человѣку.

— Сынъ мой!... Подними меня! — кричалъ Павелъ Петровичъ жалкимъ и дикимъ голосомъ.—Охъ, охъ!... Черти, дьяволы!...

Но Сергѣй, бѣжалъ уже прочь, невольно прислушиваясь къ проклятіямъ и воплямъ отца и задыхаясь отъ волненія. Внѣ себя добѣжалъ онъ до дому, влетѣлъ, какъ безумный, въ классную и, не снимая пальто, упалъ на диванъ.

XXI.

— Подлецъ я!... Трусъ я!— восклицалъ онъ, судорожно сжимая кулаки.—Презрѣнное, низкое созданье!

— Сережа, Сережа, что ты!—говорила Катя испуганнымъ голосомъ и охватила рукой его шею.—Сережа... это я!

Въ ея голосѣ слышались уже слезы.

— Оставь!—произнесъ Сергѣй сквозь зубы.—Уйди!

Онъ чувствовалъ, что еще слово,—и онъ разрыдается на весь домъ.

— Ты плачешь, плачешь?—говорила Катя, притягивая его за шею и сама начиная плакать.

— Да оставишь ли ты меня въ покоѣ!—вскрикнулъ онъ дикимъ голосомъ и грубо оттолкнулъ сестру.

— Ты злой, злой!—сказала Катя, разражаясь слезами и убѣгая изъ комнаты.

Въ ея словахъ Сергѣй уловилъ не гнѣвъ, а только огорченіе и страхъ за него, и это отозвалось жгучею болью въ его сердцѣ. Вернись сейчасъ Катя, онъ бы бросился цѣловать ея руки и просить прощенья; но въ то же время что-то жесткое и тоскливое, сидѣвшее внутри, мѣшало ему позвать ее. Сердце точно закрылось въ немъ и дѣлало судорожныя усилія открыться. Онъ старался подавить въ себѣ мучившее его жестокое чувство, но вмѣсто этого ожесточался все больше и больше, чувствуя, что онъ попалъ подъ власть какой-то темной и злой силы. Онъ всталъ, заперъ дверь и легъ ничкомъ на диванъ.

Тетка подошла, постучала и окликнула его. Онъ не отозвался. Черезъ нѣсколько минутъ за дверью послышался голосъ Виржинова:

— Сергѣй, оставь свои дурачества. Что ты кривляешься?

Сергѣй молчалъ; онъ чувствовалъ, что способенъ въ эту минуту ударить Виржинова.

— Сергѣй, что за невѣжество? — повысилъ голосъ Виржиновъ. — Отопри! Мать безпокоится за тебя. Такъ поступать — неумно и некрасиво.

Сергѣй лежалъ, плотно зажавъ уши, чтобы не слыхать голоса, который возбуждалъ въ немъ бѣшенство. Виржиновъ ушелъ, за дверью стало тихо. Сергѣй не двигался, впадая все глубже и глубже въ состояніе окаменѣлости. На него напала дремота, похожая на кошмаръ. Онъ слышалъ, какъ сквозь сонъ, шепотъ и движенье за дверью, но не сознавалъ, гдѣ онъ и что онъ. Послышался легкій стукъ въ дверь и голосъ:

— Можно войти?

Сергѣй вздрогнулъ, но не пошевелился.

— Можно войти? — повторился тотъ же вопросъ.

Этотъ голосъ подѣйствовалъ на него, какъ электрическій токъ. Сергѣй вскочилъ съ дивана, точно сброшенный какою-то силой, торопливо вытеръ глаза и отперъ дверь. Вошла Познякова, веселая, жизнерадостная, во всемъ обаяніи красоты и свѣжей молодости, представляя поразительный контрастъ съ угрюмымъ и блѣднымъ Сергѣемъ, въ неподвижномъ и какъ будто постарѣвшемъ лицѣ котораго рѣзко отпечатлѣлись слѣды недавняго ожесточенія.

— Ай, какой вы нехорошій! — сказала Познякова, здороваясь и садясь. — Вы напугали Людмилу Степановну.

Сергѣя вдругъ охватила злость.

— Васъ сюда тетка отрядила? — грубо спросилъ онъ.

Познякова, не привыкшая къ такому тону, взглянула на него съ удивленіемъ; потомъ, слегка покраснѣвъ отъ досады, сухо возразила:

— Меня никто не можетъ отряжать... Меня просили зайти къ вамъ, потому что вы тамъ всѣхъ перепугали. Пойду, скажу, что вы живы, но не въ своей тарелкѣ.

И она встала, чтобы уйти. Она привыкла къ тому, что при первомъ ея появленіи, при первой улыбкѣ, хмурыя лица мужчинъ переставали быть хмурыми, рѣзкій тонъ смягчался, глаза прояснялись и блестѣли. Это всегда выходило само собой, и поэтому она не признавала нужнымъ считаться съ настроеніемъ окружающихъ, употреблять какія-нибудь усилія, чтобы измѣнить его, и вообще не привыкла безпокоиться. И вдругъ теперь тотъ самый Сергѣй, который прежде приходилъ въ волненіе отъ одного ея взгляда, остается неподвижнымъ и мрачнымъ, позволяетъ себѣ этотъ рѣзкій тонъ и глядитъ такъ холодно, почти злобно. Въ Позняковой заговорила оскорбленная женщина, избалованная поклонниками и поклонни-

цами, учителями и подругами, своими и чужими людьми, привыкшая безсознательно повелѣвать, казнить и миловать по своему капризу, постоянно сознавать великую силу своей красоты, къ которой она, какъ ей казалось, относилась съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ.

Увидя, что она уходитъ, Сергѣй встрепенулся и заволновался.

— Нѣтъ, вы посидите, пожалуйста,—сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, инстинктивно цѣпляясь за этотъ лучъ, такъ долго скрашивавшій ему жизнь. — Я, дѣйствительно, нехорошъ... давно ужъ нехорошъ. А вы посидите.

Познякова не сѣла, а остановилась возлѣ двери и ждала. Сергѣй смущенно и нервно потиралъ руки, силясь собрать расползавшіяся мысли.

— Я слышалъ, вы замужъ выходите?

— Да.

— Поздравляю.

— Merçi.

Сергѣй отвернулся и стиснулъ себѣ пальцами лобъ.

— Дайте мнѣ вашу карточку,—сказалъ онъ какимъ-то сдавленнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ вамъ?

— Вы давно обѣщали... Мнѣ это нужно.

— У меня нѣтъ свободной.

— Вы обѣщали.

— Не помню.

— А я помню... Дайте мнѣ карточку!—сказалъ онъ, вдругъ рѣзко повышая голосъ.

— Я васъ не понимаю,—сухо произнесла Познякова и взялась за ручку двери.

— Постойте же!—вырвалось съ болью у Сергѣя.— Я вамъ хочу сказать... я давно хотѣлъ... Мнѣ очень скучно... какая-то тоска всегда... Я бы смотрѣлъ на карточку, и мнѣ было бы лучше. Мнѣ кажется это... Видите ли, особа моя устроена такъ, что я постоянно чувствую себя неловко; все думаю: не сказалъ ли я какой-нибудь пошлости? И на самомъ дѣлѣ говорю...

— Для философа это неприлично,—замѣтила Познякова, довольная тѣмъ, что можетъ перейти на шутливый тонъ, и усмѣхнулась.

— Какой я философъ? Я сумасшедшій,—возразилъ Сергѣй, чувствуя, какъ отъ улыбки Позняковой воскресаетъ въ немъ замиравшая жизнь.

— Зачѣмъ вы сидите въ пальто?—спросила Познякова, съ любопытствомъ смотря на Сергѣя большими глазами. — Развѣ вамъ холодно?

— Да, мнѣ холодно... мнѣ всегда холодно. Это оттого, что никому до меня дѣла нѣтъ, и еще отъ того, что вы... Вѣдь, вы—мой идеалъ, а между тѣмъ вы...

— Валентина Николаевна,—послышался голосъ Алябьева.

— Сейчасъ!—откликнулась Познякова, уходя своей граціозной, летающей походкой.

Сергѣй подождалъ и, убѣдившись, что она совсѣмъ ушла, до крови закусилъ себѣ губу. «Взяла и ушла... взяла и ушла»,— безсознательно повторялъ онъ, и опять обидная неожиданность и простота финала, которымъ закончилось объясненіе, глубоко возмутили его душу. Тоскливая жажда любви и жизнь, только что вспыхнувшая въ немъ, сразу исчезли: вмѣсто нихъ внутри поднималась неопредѣленная жажда разрушенія, сливаясь страннымъ образомъ съ припадками болѣзненной чувственности. Упавъ на диванъ и стиснувъ зубами рукавъ своего пальто, Сергѣй весь отдался во власть горячечному воображенію, болѣзненно наслаждаясь какою-то уродливой жизнью, не имѣющею ничего общаго съ невыносимою дѣйствительностью. Въ разнузданной фантазіи его смѣшивались въ одно и тоска, и грязь, и бѣшенство, и слезы. Воображеніе бросалось изъ одной крайности въ другую, какъ маятникъ, который чѣмъ сильнѣе качнется въ одну сторону, тѣмъ дальше откачнется въ другую. Оно рисовало передъ Сергѣемъ счастливца Алябьева, Познякову, Виржинова и цѣлый рядъ людей въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ, и ему хотѣлось истребить этихъ самодовольныхъ эгоистовъ. Онъ съ злорадствомъ представлялъ ихъ себѣ обезображенными болѣзнью, калѣками, умирающими. Потомъ воображеніе въ испугѣ отшатывалось отъ этихъ картинъ и рисовало передъ Сергѣемъ грубо-соблазнительныя сцены. И вдругъ все это смѣнялось жгучимъ чувствомъ своего позора, своего нравственнаго паденія. И снова грязь и ожесточеніе, ожесточеніе и грязь, а за ними отчаяніе, что онъ упалъ такъ низко и что ужъ не встать ему. «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!» — шепталъ онъ полусознательно чтобы загородить передъ собой ту грязную, отвратительную п[illegible] пасть, куда онъ катился по наклонной плоскости, онъ судор[illegible] искалъ воспаленнымъ воображеніемъ чего-нибудь остраго, кр[illegible] щаго, одуряющаго. «Пусть мучатъ, пусть унижаютъ!—твер[illegible] онъ, сжимая бѣшено руки.—Пусть втопчатъ въ самую грязь! [illegible]

хуже, тѣмъ лучше! Нарочно опущусь на самое дно. Вѣдь, все равно, я ужъ погибъ: все кончено... Такъ пусть же засасываетъ!»

Но пришла, наконецъ, минута, когда ему представилось съ безпощадной ужасающей яркостью, до чего онъ дошелъ. Думалъ ли онъ когда-нибудь, что можетъ такъ низко пасть? Представлялъ ли онъ себя когда-нибудь такимъ жестокимъ, злымъ, безнравственнымъ? А, вѣдь, онъ именно такой... да и всегда, всегда былъ такимъ. Ему вдругъ вспомнилось, какъ подло онъ убѣжалъ отъ отца, какъ грубо оттолкнулъ отъ себя добрую, нѣжную Катю, вспомнилъ всѣ свои грѣшныя мысли... Ему хотѣлось бичевать себя, позорить публично, вытравить изъ своего сердца низость и грязь. Онъ простоналъ и вскочилъ, какъ ужаленный, съ дивана. Взглядъ его упалъ на ручку со стальнымъ перомъ... Онъ схватилъ ее и воткнулъ перо въ ладонь. «Муцій Сцевола!»—громко сказалъ онъ и истерически захохоталъ.

Вбѣжала тетка и, всплеснувъ руками, помчалась за одеколономъ; черезъ полминуты она вернулась въ сопровожденіи Людмилы Степановны и Виржинова и принялась мочить Сергѣю виски одеколономъ.

— Богъ мой, что съ нимъ такое?!—испугалась Людмила Степановна.

— Просто, распустилъ себя,—замѣтилъ брюзгливо Виржиновъ.—Валяется по цѣлымъ часамъ на диванѣ, да еще не снимая пальто... Безобразіе!... Вы поменьше вздыхайте надъ нимъ.

— Но съ нимъ дурно!—воскликнула съ испугомъ Людмила Степановна.

— Скорѣй отъ него дурно всѣмъ,—желчно возразилъ Виржиновъ.—Вы, пожалуйста, не начните нѣжничать съ нимъ: тогда онъ еще больше распустится.

— Пустите! — сказалъ Сергѣй, отстраняя руку тетки.—Я пойду...

— Куда ты пойдешь въ такомъ видѣ?—заволновалась Людмила Степановна.

— Куда-нибудь... на улицу... на воздухъ... Я не могу здѣсь...

— Шатается чортъ знаетъ гдѣ, а потомъ начинаетъ сумасшествовать!—сердился Виржиновъ.—Это онъ, должно быть, опять съ Пенькой любезнымъ спутался: вотъ и результаты!

— Врете вы!—закричалъ Сергѣй.—Я убѣжалъ отъ него, а онъ ошибся... Трусъ я, подлый трусъ!...

— Ну, такъ и есть!—воскликнулъ съ злостью Виржиновъ.—Пенька втянулъ его въ какой-то скандалъ... Исторія извѣстная!

— И онъ опять, опять пойдетъ къ нему!?—простонала Людмила Степановна.—Онъ совсѣмъ потеряннымъ станетъ! Онъ ужъ и теперь безумствуетъ!

— А вы, главное, поменьше безпокойтесь о немъ,—сказалъ Виржиновъ, бросивъ недовольный взглядъ на Людмилу Степановну.—Я его просто не пущу—вотъ и все.

Сергѣй, который за минуту передъ этимъ не думалъ идти къ отцу, а хотѣлъ только убѣжать изъ этой комнаты, страшной и глубоко противной для него, теперь вдругъ вспыхнулъ весь злымъ чувствомъ противорѣчія и вырвался изъ рукъ Виржинова.

— Ты хочешь скандальничать, какъ отецъ?—окрысился Виржиновъ.

— Сергѣй! Сережа! Опомнись!—кричали мать и тетка.

— Оставьте меня!—крикнулъ Сергѣй.—Мнѣ никого не надо!... Я всѣхъ ненавижу, всѣхъ! Пустите!

— Онъ уйдетъ туда!...—говорила въ отчаяніи мать.—Тамъ пьянство... развратъ... Эта гадкая женщина... Господи!

— Развѣ ты не понимаешь, несчастный, что къ твоему отцу не могутъ ходить порядочные люди?—сказалъ Виржиновъ, хватая Сергѣя за бортъ пальто и приближая къ нему въ упоръ свое желтое, обозленное лицо.

— А къ чужимъ женамъ могутъ ходить порядочные люди?... Ха, ха, ха!—разразился Сергѣй и съ силой оттолкнулъ отъ себя Виржинова.

— Что?... что?...—крикнула мать.—Уведите его отъ меня!... Я не могу видѣть его... Второй отецъ!... Та же порода... такой же цинизмъ... Боже мой, Боже мой!

Съ ней сдѣлалось дурно.

XXII.

Сергѣй пришелъ къ отцу, какъ лунатикъ, который не сознаетъ, что̀ онъ дѣлаетъ и куда идетъ, но тѣмъ не менѣе совершаетъ иногда довольно длинный путь, инстинктивно обходя препятствія. Едва онъ отворилъ дверь, какъ на него бросилось съ лаемъ нѣчт признаваемое Павломъ Петровичемъ за понтера. Усмиривъ собак Павелъ Петровичъ поздоровался съ сыномъ и повелъ его къ себ въ комнату. Онъ уже успѣлъ протрезвиться, ходилъ съежившис сгорбившись, растерянно потиралъ дрожащія руки и также раст рянно бѣгалъ воспаленными глазами, избѣгая взглядовъ сын Комната, куда онъ привелъ Сергѣя, была загромождена всевозмо

нымъ хламомъ. Рядомъ съ дорогимъ мягкимъ, но уже изодраннымъ кресломъ, стоялъ неуклюжій, просаленный табуретъ, стулъ безъ спинки, деревянная, безобразная кровать, заваленная грязными ситцевыми подушками, тряпками и разной мелочью, которой мѣсто менѣе всего на кровати; тутъ же помѣщался на блюдѣ пирогъ, прикрытый газетною бумагой. Надъ постелью висѣло на стѣнѣ ружье, ягдташъ, а рядомъ съ ними красовалось изображеніе тучной женщины, вылѣзающей изъ ванны. Передъ однимъ окномъ стоялъ письменный столъ, зеленый, выцвѣтшій, закапанный стеариномъ, покрытый чернильными пятнами; на столѣ была нагромождена въ ужасающемъ безпорядкѣ груда истрепанныхъ книгъ и бумагъ, стояла чернильница въ видѣ мышенка, сидящаго на шляпѣ, и валялось давно знакомое и противное для Сергѣя прессъ-папье съ изображеніемъ непристойной сцены; здѣсь же лежалъ купленный недавно кларнетъ. У другого окна помѣщался чайный столъ, на которомъ стоялъ новенькій серебряный самоваръ, новенькая чайная посуда и печенье разныхъ сортовъ, наваленное въ кучу. Все окно было заставлено бутылками разныхъ цвѣтовъ, закусками на тарелкахъ, въ жестянкахъ и просто въ бумагѣ. У одной изъ стѣнъ стояла мягкая кушетка, когда-то бывшая изящной, а теперь продавленная и вылинявшая; на кушеткѣ лежала гитара, рядомъ съ коробкой копчужекъ и раздавленнымъ виноградомъ.

Какъ ни былъ разстроенъ Сергѣй, ему все-таки бросилась въ глаза невиданная имъ картина какого-то хаотическаго и вмѣстѣ неряшливаго изобилія, къ которому онъ сразу почувствовалъ омерзѣніе: на него пахнуло чѣмъ-то болѣзненно-безпутнымъ, жалкимъ и тошнотворнымъ; чудился какой-то мутный угаръ, пиръ во время чумы. Но всего сильнѣе ошеломилъ его контрастъ между отцомъ и тою «гадкою женщиной», о которой упоминала съ ужасомъ мать и которая двѣ недѣли тому назадъ такъ возмутила его. Она сидѣла на табуретѣ за самоваромъ и пила чай, держа блюдце на растопыренной пятернѣ и поддерживая локоть другою рукой; въ своей оранжевой кофтѣ и малиновомъ шелковомъ платкѣ она напоминала толстаго разноцвѣтнаго пугая. Ея красное отъ жары, выпитаго чаю, а можетъ быть, отъ вина, лицо свѣтилось необыкновеннымъ самодовольствомъ и покойною важностью, и вся фигура ея дышала чѣмъ-то нахально-непоколебимымъ. Рядомъ съ ней сгорбленный, сморщенный Павелъ Петровичъ, въ своемъ черномъ драповомъ истасканномъ халатѣ, который онъ всегда надѣвалъ въ скорбныя минуты, тихій, смущенный, производилъ жалкое и болѣзненно-смѣшное впеча-

тлѣніе,—особенно при взглядѣ на его модную размахайку и цилиндръ, валявшіеся на сундукѣ.

При появленіи Сергѣя женщина, не торопясь, встала изъ-за стола, медленно утерла рукавомъ свои толстыя, пунцовыя губы и взяла самоваръ.

— Подогрѣть, что ли?—лѣниво сказала она и вышла, густо скрипя башмаками, послѣ чего въ комнатѣ стало какъ будто вдвое просторнѣе.

Павелъ Петровичъ смущенно суетился кругомъ стола, бормоча что-то и хватаясь дрожащими руками то за одну вещь, то за другую.

— Ну, вотъ и хорошо, и ладно...—твердилъ онъ растерянно.— Будемъ чаи гонять... Побалагуримъ... Садись-ка.

Забылъ ли онъ о недавней сценѣ въ переулкѣ, или стыдился вспоминать о ней,—неизвѣстно; только онъ не обмолвился объ этомъ ни однимъ словомъ, какъ будто ничего и не было.

— Михрютка, вылѣзай,—чего ты тамъ притулился?—сказалъ онъ, смотря въ уголъ.

Изъ угла вылѣзъ мальчикъ лѣтъ восьми, довольно миловидный, но до-нельзя грязный и обтрепанный.

— Вотъ рекомендую,—сказалъ Павелъ Петровичъ сыну:—вчера подцѣпилъ этого субъекта на улицѣ. По міру ходитъ,—говоритъ: «мамка бьетъ». «А коли бьетъ, говорю, такъ ну ее къ лѣшему:—ползи ко мнѣ!» Вотъ и приползъ... Теперь у меня пресмыкается. Какъ тебя звать-то?

— Егорка,—отвѣтилъ мальчикъ надтреснутымъ голосомъ.

— Ну, а у меня будешь «Михрютка».

И Павелъ Петровичъ, довольный тѣмъ, что нашелъ тему для разговора, началъ подробно разсказывать о мальчикѣ, попрежнему избѣгая смотрѣть на сына.

— Ну, садись, Михрютка, сейчасъ будемъ тебя чаемъ поить,— заключилъ онъ.—На, вотъ пока апельсинъ,—ѣшь... да нюхалку свою сначала утри.

Сказавъ это, онъ вышелъ изъ комнаты и пропадалъ гдѣ-то минутъ пять; потомъ явился съ самоваромъ и болѣе оживленнымъ лицомъ.

— Ты не хочешь ли наливочки... сладенькой?—спросилъ о[н] сына.

— Давайте: мнѣ хочется напиться вдребезги!

— Что ты, что ты! Боже тебя сохрани.

И Павелъ Петровичъ началъ крестить его маленькими к[ре]стиками.

— Вотъ тебѣ мое отцовское завѣщаніе: бойся чарки! Это великій грѣхъ передъ Богомъ и людьми... и передъ самимъ собой... Нѣсть яда паче вина. Пить—значитъ жизнь загубить,—говорилъ онъ, наливая наливку въ рюмки.

— А куда беречь ее? Кому она нужна?

— Прежде всего тебѣ самому, а потомъ и людямъ... Вотъ эту пить можно: эта—сладкая.

— Людямъ?—сказалъ Сергѣй, выпивъ залпомъ рюмку.—Наплевать мнѣ на людей: я бы истребилъ всѣхъ.

— Вотъ ужъ вольнодумства не люблю! — замѣтилъ Павелъ Петровичъ, наливая по второй.—Я замѣчаю въ тебѣ «духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія», а духа смиренномудрія и терпѣнія въ тебѣ не вижу. Это нехорошо, непохвально и неблагопотребно... Михрютка, хочешь наливки?

Онъ налилъ мальчику полрюмки, а себѣ и сыну—по третьей.

— Я смраденъ и безпутенъ,—сказалъ онъ, ударивъ себя въ грудь,—и потому говорю тебѣ: бойся Бога, Сергѣй,—бойся Его на всякое время и на всякій часъ!

А Сергѣй усмѣхнулся, и, побуждаемый какой-то злою силой, принялся, по выраженію Павла Петровича, «буемыслить и буесловить».

Павелъ Петровичъ сначала крестилъ его маленькими крестиками, потомъ разсердился и произнесъ съ гнѣвомъ:

— Безумецъ!... Суесловъ и празднословъ!

Онъ вскочилъ, порылся въ книгахъ, вынулъ какой-то фоліантъ въ старомъ кожаномъ переплетѣ и началъ съ жаромъ толковать Сергѣю различные, никогда не слыханные имъ, тексты. Сергѣй пропускалъ мимо ушей его догматическія тонкости и пилъ рюмку за рюмкой, жалѣя, что наливка слишкомъ слаба. Наконецъ, Павелъ Петровичъ захлопнулъ фоліантъ и, сердито ворча, вышелъ. Сергѣй видѣлъ въ неплотно притворенную дверь, какъ онъ вынулъ изъ шкапчика бутылку и долго пилъ прямо изъ горлышка. Очевидно, онъ тоже находилъ наливку черезчуръ слабой.

Онъ вошелъ съ покраснѣвшимъ лицомъ и уже не потиралъ въ ...щеніи руки, а развязно помахивалъ ими. Спина его распрями...ь, глаза весело блестѣли, лицо стало добрѣе и оживленнѣе.

— Ну, ты, карапузъ, пей чай,—сказалъ онъ, наливая маль...у чашку,—а мы вотъ лучше соорудимъ закусочку.

И онъ, окончательно оживившись, принялся хлопотать надъ за...ками. Сергѣй чувствовалъ легкій шумъ въ головѣ; ему дѣла...ь веселѣе, пропадало мало-по-малу отвращеніе къ безалаберной

обстановкѣ; все окружающее становилось для него какъ-то понятнѣе, ближе, безобиднѣе; ему уже почти нравились и женщина, вылѣзающая изъ ванны, и пирогъ, прикрытый газетой, и облѣзлый песъ, котораго онъ гладилъ подъ столомъ. Наблюдая съ улыбкой хлопоты Павла Петровича, который доказывалъ теперь, что изрѣдка выпить—не грѣхъ, Сергѣй думалъ о томъ, что мать несправедлива къ отцу, что она не понимаетъ, насколько онъ умнѣе и человѣчнѣе Виржинова. «Женщины вообще обращаютъ вниманіе только на внѣшность и тому подобный вздоръ; поэтому всѣ онѣ черезчуръ мелочны, узки и нетерпимы... а вслѣдствіе этого и нестерпимы. Впрочемъ, у меня, кажется, начинаетъ въ головѣ шумѣть... Ну, такъ что же? Въ этомъ ничего страшнаго нѣтъ... Можетъ быть, я путаюсь въ мысляхъ? Надо будетъ слѣдить за собой... Семью восемь—сколько? Пятьдесятъ шесть. Ну, значитъ, все обстоитъ благополучно».

— Ужъ ты, братъ, извини,—перебилъ его размышленія Павелъ Петровичъ:—надо позвать Ѳедосью Ивановну на помощь. Безъ бабы никакое хозяйство не клеится.

Теперь Сергѣй и противъ Ѳедосьи Ивановны ничего не имѣлъ; ему только казалось все необыкновенно смѣшнымъ. Вошла Ѳедосья Ивановна и заскрипѣла по комнатѣ башмаками, разставляя закуски. Сергѣй слѣдилъ за ея плавными, самоувѣренными движеніями, видѣлъ передъ собой ея лицо, покрытое веснушками, и оно казалось ему не лишеннымъ пріятности.

— Вотъ, братъ, тебѣ мой завѣтъ,—говорилъ Павелъ Петровичъ, все болѣе и болѣе оживляясь:—не женись на барышнѣ,—онѣ всѣ чахлыя и кислыя.—То ли дѣло Ѳедосьюшка: молодецъ, крендель-баба! Все сдѣлаетъ, все устроитъ... Упадешь пьяный на улицѣ,—на рукахъ домой принесетъ! Ха, ха, ха! Ей Богу!... Кутнемъ съ тобой, Сережа,—что киснуть-то? Всѣ мы—люди, всѣ—человѣки, всѣ во грѣсѣхъ родились и всѣ должны пріять смертный часъ... Трапеза готова? Ай да Ѳеша!... Ай да молодецъ!

И онъ дружески похлопалъ ее по спинѣ. Сергѣй и это нашелъ забавнымъ. Всѣ усѣлись за столъ, стали выпивать и закусывать. Вошла женщина въ чепцѣ; носъ у нея былъ запачканъ нюхательнымъ табакомъ, и это разсмѣшило Сергѣя. «Чепецъ» подсѣлъ . столу и началъ хлопать рюмку за рюмкой: Сергѣй глядѣлъ на н и хохоталъ, какъ сумасшедшій. Рѣшительно все заставляло его п катываться со смѣху: и «Михрютка», и Ѳедосьюшка, и Павелъ I тровичъ, который при каждой новой рюмкѣ говорилъ новую при утку. Сергѣй чокался, выпивалъ, хохоталъ и думалъ, что пить

очень пріятно: «вотъ только сердце бьется, да въ вискахъ стучитъ, — но, вѣдь, это съ непривычки, а если привыкнуть, то все будетъ хорошо». Теперь ему казалось все неважнымъ,—скорѣе забавнымъ, чѣмъ мрачнымъ: гимназія—плевое дѣло, чехъ—смѣшной чудакъ, Елена — уморительная дура, Позднякова... чортъ съ ней!... Все въ жизни легко, а главное все — трынъ трава. «Эта Ѳедосья— право, очень добродушная толстуха и отлично готовитъ селедку; а эта... въ чепчикѣ... тоже простая и... безъ всякой хитрости... А отецъ добрый: онъ пріютилъ «Михрютку». Право, съ ними весело... и, вообще, изрѣдка выпить не грѣхъ... Да и вообще: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше... А главное: всѣ мы—люди, всѣ—человѣки».

Вдругъ онъ почувствовалъ, что больше не можетъ пить, и отодвинулъ отъ себя рюмку.

— Эхъ ты, слюняй!—сказалъ презрительно отецъ и выпилъ его рюмку.

Сергѣй смутно понималъ, что отецъ начинаетъ приходить въ состояніе, которое самъ Павелъ Петровичъ называлъ «третьей редакціей»: въ первой—онъ смиренъ, сокрушенъ о грѣхахъ своихъ и склоненъ къ морализированью, во второй—веселъ, остроуменъ, живетъ минутой, смотритъ на все крайне легко и не признаетъ ничего, кромѣ наслажденія; что касается третьей, то она не обѣщаетъ ничего хорошаго для окружающихъ.

— Маменькинъ сынокъ!—замѣтилъ Павелъ Петровичъ, смотря въ упоръ на сына помутившимся взглядомъ.—Брезгуетъ нами! Всѣ вы съ вашей мамочкой—фрикасе и прокисе! Всѣхъ васъ въ одинъ мѣшокъ да въ воду!

Это замѣчаніе не понравилось Сергѣю. И вообще многое вдругъ перестало ему нравиться: лицо Ѳедосьи показалось слишкомъ краснымъ и грубымъ, женщина въ чепцѣ—развязной до нахальства, глаза отца подозрительно-шальными.

— Вотъ мы съ нимъ сладенькаго выпьемъ,—сказала Ѳедосья, наливая двѣ рюмки.

Сергѣй оттолкнулъ и эту рюмку.

— Полно кочевряжиться-то!—замѣтила Ѳедосья и визгливо запѣла пѣсню.

— На вотъ, пей, щенокъ!—сказалъ Павелъ Петровичъ, придвигая рюмку Сергѣя «Михрюткѣ».—Покажи ему, какъ добрые люди пьютъ.

Но «Михрютка» тоже не могъ пить. Павелъ Петровичъ взбѣленился.

— Пей, чертенокъ!—кричалъ онъ, топая ногами.—Тебѣ уваженіе дѣлаютъ... Пей!

«Михрютка» заревѣлъ. Павелъ Петровичъ сшибъ его подзатыльникомъ съ табурета и вышвырнулъ за дверь.

— Это гадко, гадко!—хотѣлъ крикнуть Сергѣй, но не могъ справиться съ языкомъ.

Тогда ему сдѣлалось тоскливо и страшно оттого, что языкъ не слушается его, передъ глазами точно туманъ, а въ сознаніи—тяжелая муть. Онъ налилъ себѣ чашку крѣпкаго чаю и залпомъ выпилъ ее. Въ головѣ его стало проясняться.

Между тѣмъ, Павелъ Петровичъ приходилъ все въ болѣе буйное настроеніе и выкрикивалъ неестественнымъ голосомъ:

— Я думалъ, онъ мой, а онъ маменькинъ сынокъ, юбочникъ. Ну, и пусть идетъ къ... маменькѣ... Тамъ отъ добродѣтели не продохнешь: благородство, тонкость въ обращеніи, деликатесъ! Только «Русланъ» больно дохлый, да зато «корректный» мальчикъ... «Люблю, говоритъ, его за то, что онъ «вполнѣ корректный...» Ѳешка, понимаешь, что такое «корректный»?

— Ишь, его трелюдитъ,—отозвалась Ѳедосья.

— Ты не понимаешь этого, потому что ты—дура набитая, невѣжда. А Сергѣй понимаетъ... «Корректный»! Да моя палка еще корректнѣе! Такъ что ли, Сергѣй Павловичъ? Что ты носъ-то ворочаешь? Вы съ маменькой тянетесь въ аристократы? Трезоръ, пиль его, пиль! На отца фыркаетъ... важная птица! Дрянь—больше ничего! Правда, Ѳешка? Вотъ бы сестру сюда: она бы показала тебѣ, кисляю, какъ надо вести себя въ компаніи!... Впрочемъ, нѣтъ, ну ее къ свиньямъ! Подъ носомъ юлитъ, деньги выманиваетъ, а за глаза ругаетъ... За грошъ продастъ, гуттаперчевая душонка! Выманила у меня серьги... Я бы лучше Ѳешкѣ подарилъ. Ѳешка, цѣлуй меня, тумба этакая! Эй ты, Петровна, раскуси живого таракана: рублевку дамъ. Ха, ха, ха!

— А то не раскушу?—отвѣтила Петровна хрипло.—Я те на четвертной билетъ накусаю.

— Ха, ха, ха! Ну, кусай подъ музыку, старая кочерга!

Павелъ Петровичъ заигралъ что-то невозможное на кларнет[illegible] Трезоръ завылъ, бабы взвизгали отъ смѣху. Сергѣй всталъ и, г[illegible]шатываясь, направился къ выходу. Ѳедосья хотѣла схватить [illegible] рукой за шею, но Сергѣй ударилъ ее козырькомъ фуражки по рук[illegible]

— Ты драться, драться?—закричалъ Павелъ Петровичъ. Вонъ! Сейчасъ же вонъ отсюда! Трезоръ, пиль его, пиль!...

Сергѣй неровными шагами подходилъ къ дому.

- Коллега!—раздалось надъ его ухомъ, и кто-то заключилъ его въ объятія.

Это былъ Поляковъ. Онъ подвыпилъ и сильно покачивался.

— Привѣтъ! Salve!—говорилъ онъ заплетающимся языкомъ.—Выпьемъ, коллега!

— Выпьемъ,—отвѣчалъ Сергѣй.

— Уважаю за это!—воскликнулъ Поляковъ.—Дай, облобызну!... Надо соединять пріятное съ полезнымъ. In viro venitas... тьфу!... in vino veritas. Идемъ къ «кумушкѣ»!

— Идемъ!

XXIII.

На утро Сергѣй пришелъ въ гимназію, когда классы уже начались. Въ корридорѣ инспекторъ увидалъ его и прокричалъ ему вслѣдъ:

— Опоздалъ! Будешь сидѣть безъ отпуска!

Первый урокъ былъ латинскій. Когда Шумовъ вошелъ, Криничъ покосился на него.

— Шумовъ!—вызвалъ онъ, едва только тотъ усѣлся.

Шумовъ машинально поднялся съ мѣста.

— Читали вы Ливія?

— Да,—машинально солгалъ Шумовъ.

Криничъ назвалъ главу и велѣлъ переводить. Шумовъ смотрѣлъ въ книгу и ничего не понималъ; Криничъ смотрѣлъ на Шумова и блѣднѣлъ отъ негодованія.

— Онъ читалъ!—сказалъ Криничъ, презрительно махнувъ головой.—Разскажите о Гораціяхъ и Куріаціахъ.

Шумовъ сталъ припоминать: съ одной стороны, это было что-то очень знакомое, а съ другой,—у него точно оборвалась всякая связь съ этими Гораціями и Куріаціями, и онъ не зналъ, какъ къ нимъ подступиться. «Муція Сцеволу» онъ хорошо помнилъ по вчерашнему дню, потому что онъ «тоже воткнулъ себѣ въ ладонь пе-: вотъ и рука болитъ».

Вмѣсто Гораціевъ и Куріаціевъ Шумовъ невольно вспоминалъ ‹со›бытія вчерашняго дня, и передъ нимъ мелькали Виржиновъ, ‹ку›пецъ, Познякова, Ѳедосья, наборщикъ, «кумушка». Криничъ, ‹сти›снувъ зубы и дергая себя за усы, ждалъ отвѣта.

— Кто были Гораціи?—спросилъ онъ.

Шумовъ молчалъ и думалъ: «Еслибы хоть одинъ намекъ, я бы

вспомнилъ». Но въ головѣ его опять завертѣлись безсвязныя мысли.

— Ну?—сказалъ Криничъ.

Въ классѣ царила зловѣщая тишина. Шумовъ стоялъ, опустивъ голову и нервно комкая пальцами книгу. Его глаза остановились на спинѣ Лобзикова, и онъ началъ думать о томъ, что у Лобзикова сзади вмѣсто четырехъ только три пуговицы, изъ которыхъ одна болтается на ниточкѣ. На этомъ мысль его безнадежно и окончательно застыла.

— Кто побѣдилъ: Гораціи или Куріаціи?—спрашивалъ Криничъ, обмакнувъ перо въ чернила и держа его надъ клѣткой въ журналѣ. Въ глазахъ его виднѣлась затаенная ярость.

Шумову смутно припоминалось, что Гораціи дрались съ Куріаціями и кто-то за кѣмъ-то бѣжалъ; но дальше память его застилалась туманомъ. Прошла минута молчанія. Шумову подсказывали; онъ силился понять—и не могъ.

— Садитесь,—сказалъ Криничъ замогильнымъ голосомъ и поставилъ единицу.

Шумовъ сѣлъ, смотря тупымъ взглядомъ на застывшее въ негодованіи лицо Кринича, на классную доску, на которой еще отъ субботы остались нестертыми алгебраическія формулы, на товарищей, которые избѣгали его взглядовъ, на колокольню, виднѣвшуюся въ окно, на стаю галокъ, унизавшихъ крестъ. Лучи солнца играли на каѳедрѣ, на переднихъ партахъ и заливали печку. Занавѣски тихо колебались отъ вѣтра, и въ окна врывался дребезжащій стукъ колесъ. У Шумова промелькнуло въ головѣ, что все это отнынѣ умерло для него.

Въ такомъ состояніи онъ ходилъ послѣ класса по корридору. Гимназисты не безпокоили его разспросами, понимая, что ему тяжело говорить, что съ нимъ происходитъ что-то неладное.

— Я васъ ищу, Шумовъ, — торопливо сказалъ ему Прокоповъ.—Ваши дѣла дрянныя. Криничъ—человѣкъ не злой, но онъ—фанатикъ: онъ не пропуститъ васъ въ VIII классъ, если вы не будете знать этихъ Куріаціевъ. Онъ сейчасъ въ учительской съ пѣной у рта говорилъ объ этомъ. Я думалъ, вамъ опасность грозит со стороны Брониславскаго, — а оказалось, что вамъ придетс имѣть дѣло съ Криничемъ. Вы ужъ какъ-нибудь приналягте, вы учите для него на зубокъ страницу—двѣ изъ Ливія или что-ни будь въ этомъ родѣ,—онъ и смягчится. Надо же какъ-нибуд изворачиваться.

— Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше,—произнесъ апатично Шумов

— Э, голубчикъ, такъ нельзя,—сказалъ Прокоповъ, качая головой.—Я вижу, вы упали духомъ. Надо бороться: недаромъ же вы семь лѣтъ протрубили въ гимназіи. Подождите унывать: посмотримъ, нельзя ли дѣло поправить. Вечеромъ педагогическій совѣтъ: я постараюсь, насколько отъ меня зависитъ, отстоять васъ. А въ большую перемѣну я предварительно поговорю о васъ кое съ кѣмъ. Криничъ хочетъ вывести вамъ за четверть двойку: если выведетъ, васъ не допустятъ до экзамена. Надо дѣйствовать на Кринича.

Раздался звонокъ, и Прокоповъ долженъ былъ идти въ классъ.

— Такъ смотрите, не падайте духомъ!—сказалъ онъ.

Шумовъ тоскливо посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Во время большой перемѣны въ учительской сидѣли за часмъ директоръ, Криничъ, Павловичъ и батюшка, красивый старикъ съ холодными глазами; добродушный математикъ жевалъ пирогъ, а учитель словесности наскоро поправлялъ сочиненія «О вредѣ землетрясеній». Разговоръ шелъ о Шумовѣ.

— Онъ лѣнится,—говорилъ Криничъ,—не хочетъ учиться... совсѣмъ не хочетъ. Я ему говору, а онъ упорствуетъ... Вотъ!

— Это вообще упрямый и дерзкій господинъ, — вставилъ Павловичъ.

Вошелъ Прокоповъ.

— Значитъ, онъ—негодная трава,—говорилъ директоръ, захватывая у батюшки изъ табакерки щепотку. — Ее надо вырвать съ корнемъ... да, съ корнемъ.

— Шумовъ по математикѣ ничего себѣ... сносенъ,—произнесъ добродушный математикъ, дожевывая пирогъ.

— Я, съ своей стороны, долженъ сказать о Шумовѣ, что онъ всегда былъ у меня однимъ изъ лучшихъ учениковъ,—заявилъ учитель словесности: — онъ выдается изъ всѣхъ гладкимъ слогомъ, живостью изложенія и грамматической корректностью. Только въ послѣднее время у него стали попадаться грубыя орѳографическія ошибки, объясняемыя или небрежностью, или недостат-...ъ вниманія.

— Намъ нужна не живость изложенія, а мм... добропорядоч-... направленіе,—возразилъ директоръ.—Вообще, намъ живость нужна... да, не нужна.

— Я знаю Шумова за серьезнаго и способнаго юношу, —...шался Прокоповъ. — Я былъ его класснымъ наставникомъ, ...глядѣлся къ нему и могу сказать многое въ его защиту.

— Здѣсь не судъ присяжныхъ, и вы не адвокатъ, а преподаватель, — строго замѣтилъ директоръ, давно предубѣжденный противъ Прокопова.

— Гдѣ есть прокуроры, — возразилъ Прокоповъ, бросивъ взглядъ на Павловича,—тамъ должны быть и адвокаты. Всѣ знаютъ, что прежде Шумовъ былъ отличнымъ ученикомъ. Я могу засвидѣтельствовать, что онъ занимался у меня исторіей съ горячимъ увлеченіемъ.

— Ну, горячаго увлеченія намъ не нужно... да, не нужно,— сказалъ директоръ.

— Онъ extemporale плохо пишетъ, — замѣтилъ Криничъ.— Ливія не читаетъ... Онъ ничего не знаетъ... Вотъ!

— Вы лучше объясните, почему Шумовъ вдругъ пересталъ заниматься?—сказалъ Прокоповъ.

— Намъ некогда изслѣдовать причины ученической лѣни,— отрѣзалъ директоръ.— Я не потерплю распущенности... да, не потерплю! Для лѣнтяевъ нужна палка... да, палка!—прибавилъ онъ, сердито стуча чайной ложечкой по столу.

— Палька... да, палька,—подтвердилъ Криничъ:—римляне воспитывали своихъ дѣтей...

— На палочкѣ вы далеко не уѣдете,—перебилъ его Прокоповъ.—Вѣдь, мы имѣемъ дѣло съ дѣтьми, а не съ звѣрями, которыхъ нужно укрощать.

— Шумовъ былъ подъ вліяніемъ Чурилова,—сказалъ, обращаясь къ директору, Павловичъ:—это надо имѣть въ виду.

— Господа, да, вѣдь, ему восемнадцать лѣтъ!—воскликнулъ Прокоповъ.—Вы знаете, что это—самый больной, самый критическій возрастъ: тутъ и острое юношеское самолюбіе, и неуравновѣшенное чувство, и склонность ко всякимъ увлеченіямъ... Тутъ имѣютъ мѣсто разныя крайности, разные неврозы... Тутъ начинаетъ складываться міросозерцаніе,—и, право, господа, очень важно, при какихъ условіяхъ оно складывается. Неужели мы равнодушно выбросимъ за бортъ юное даровитое существо только потому, что оно временно потеряло почву изъ-подъ ногъ?

— Вы хотите прочитать намъ лекцію по психологіи или г-рали?—спросилъ съ ироніей директоръ.

— Вовсе нѣтъ: я просто говорю о Шумовѣ. Прежде чѣмъ с- вить надъ нимъ крестъ, надо узнать, что мѣшаетъ ему учить. До насъ дошли слухи о неурядицѣ въ его семьѣ: не это ли имен мѣшаетъ ему спокойно заниматься своимъ дѣломъ? Я лично всеі боюсь за этихъ угрюмыхъ, нервныхъ юношей, каковъ Шумо

мнѣ кажется, что они больнѣе другихъ воспринимаютъ жизнь и вслѣдствіе этого труднѣе переживаютъ критическій возрастъ... Къ такимъ надо подходить очень осторожно, чтобы незамѣтно смягчить ихъ рѣзкость. Впослѣдствіи они вспомнятъ съ благодарностью тѣхъ, кто дружески помогъ имъ пережить трудное время. Господа, юное существо особенно нуждается въ томъ, чтобы къ нему относились не съ сухой, формальной строгостью, а съ сердечнымъ участіемъ...

— Я ему давалъ поблажку,—сказалъ Криничъ,—а онъ...вотъ... даже о Гораціяхъ и Куріаціяхъ не знаетъ... Что жъ это такое?!

— Вы—его классный наставникъ,—обратился къ нему Прокоповъ,—вы, въ качествѣ наставника, должны быть другомъ своего класса, трибуномъ его... совѣстью, если можно такъ выразиться. Отнеситесь же къ Шумову участливо... Пройдетъ у него эта болѣзненная полоса, и онъ наверстаетъ свои недочеты. А выключатъ его изъ гимназіи,—и его жизнь въ самомъ началѣ будетъ испорчена... Господа, надо пожалѣть Шумова!

— Я виведу ему двойку,—упрямо твердилъ Криничъ.

— Ну, кажется, мы сейчасъ довольно наслушались умныхъ рѣчей, которыя, кстати сказать, не особенно идутъ къ дѣлу,— вмѣшался директоръ, недовольный уже однимъ тѣмъ, что рѣчь произнесъ Прокоповъ, а не онъ.—Теперь прошу васъ обратиться къ своимъ прямымъ обязанностямъ... Звонокъ уже былъ: приглашаю васъ идти въ классы. Вечеромъ на совѣтѣ мы вернемся къ нашему разговору, но только не въ такомъ духѣ... да, не въ такомъ... Мы будемъ оцѣнивать поведеніе и успѣхи воспитанниковъ, а не вдаваться въ дебри... да, въ дебри... Для этого у насъ нѣтъ времени, да мы и устарѣли немножко... да, устарѣли... Итакъ, господа, прошу васъ къ 7 часамъ вечера на засѣданіе совѣта.

XXIV.

Въ седьмомъ часу вечера директоръ передъ засѣданіемъ педагогическаго совѣта совершалъ свой обычный вечерній обходъ. Пансионеры готовили уроки; Масловъ, въ качествѣ дежурнаго, тихонько расхаживалъ по заламъ.

— Э... э... Шумовъ! — крикнулъ директоръ среди гробовой тишины, царившей въ залахъ.

Всѣ заволновались и повернули головы въ сторону Шумова. Шумовъ, вздрогнувъ, поднялся и подошелъ къ директору.

— Поздравляю!—произнесъ директоръ, презрительно покачи-

вая головой.—Опять по-латыни за четверть двойка... Поздравляю, братецъ, поздравляю!... Въ актеры хочешь идти, а? Или съ шарманкой по улицамъ, а?

Въ залахъ послышалось сдержанное фырканье. Шумовъ стоялъ, понуря голову, и смотрѣлъ на директорскій животъ.

— Ты гримасы-то не строй... Опусти руки! Почему у тебя двойки пошли, а?

Шумовъ отвернулся и молча смотрѣлъ на косякъ двери.

— Почему ты бросилъ учиться, а? — продолжалъ директоръ, отводя Шумова въ дальній уголъ.

— Такъ...—угрюмо отвѣтилъ тотъ.

— Такъ? Да, вѣдь, «такъ»-то и чирей не вскочитъ... да, не вскочитъ. Или тебѣ надоѣло учиться, а? «Не хочу учиться, хочу жениться»... Такъ, что ли?... Отвѣчай!

— Тоска...—глухо отвѣтилъ Шумовъ, окончательно отвернувшись отъ директора.

— Что, что? Тоска? Петръ Ивановичъ, вы не знаете ли какого-нибудь средства противъ тоски... да, противъ тоски, а?...

Масловъ подошелъ, улыбаясь подобострастно. Пансіонеры вытянули шеи и захихикали.

— Отчего это у тебя? Съ глазу, что ли, попритчилось?—спросилъ директоръ, смотря на Шумова съ брезгливымъ состраданіемъ.—Тебѣ скучно у насъ, а? Утѣшься: скоро мы разстанемся съ тобой. Придется тебѣ покинуть гимназію,— что дѣлать?... Ну, что-жъ... иди въ актеры... да... или въ жокеи... э... э... куда хочешь... Въ гусары...

— Въ гусары собирается?—спросилъ инспекторъ, подходя на своихъ кривыхъ ногахъ къ директору.

Тотъ не удостоилъ его отвѣтомъ, а заложивъ руки за спину и замычавъ что-то, отбылъ изъ залы.

— Ты соскучился по гусарскомъ мундирѣ?... Что?—спросилъ инспекторъ, и, не находя на этотъ разъ никакой остроты, пошелъ въ библіотеку.

— Плавда, вы въ гусалы собилаетесь? — спросилъ Масловъ, поглупѣвшій отъ радости, что съ нимъ заговорилъ директоръ.

— Пѣтухъ индѣйскій!—проворчалъ довольно громко Шумов[ъ].

Масловъ оторопѣлъ. Буркинъ, Рыбинъ, Сверчковъ и Лобзико[въ] засмѣялись.

— Его кукурекутство женится, — сказалъ Буркинъ, об[ра]щаясь къ товарищамъ.—Купчиху на Зацѣпѣ беретъ. Приданое трактиръ на Вшивой горкѣ да бани на Живодеркѣ.

Раздался хохотъ. Масловъ поспѣшилъ убраться, дѣлая видъ, что ему очень смѣшно.

Вошелъ торопливою походкой Прокоповъ и вызвалъ Шумова въ корридоръ. Онъ имѣлъ усталый и взволнованный видъ.

— Сейчасъ рѣшается ваша судьба, Шумовъ,—сказалъ онъ.— Повторяю, не падайте прежде времени духомъ. Я постараюсь сдѣлать для васъ все, что̀ отъ меня зависитъ. Кромѣ меня, еще кое-кто изъ учителей за васъ. Да и директора вы не очень бойтесь: онъ—взбалмошный, но у него есть сердце; случалось, что онъ горой стоялъ за воспитанниковъ. Криничъ, Павловичъ и Брониславскій—вотъ самый опасный тріумвиратъ... Я забѣгу сообщить вамъ о результатахъ... До свиданія!... Не унывайте!...

Онъ поспѣшно ушелъ. Шумовъ не вернулся въ репетиціонную залу, а направился къ чугунной лѣстницѣ, ведущей внизъ, и, ставъ около перилъ, рѣшился ожидать здѣсь Прокопова. Ему хотѣлось быть одному и въ темнотѣ. Перевѣсившись черезъ перила, онъ смотрѣлъ въ глубокій пролетъ лѣстницы, освѣщенной въ самомъ низу стѣнной лампочкой, при свѣтѣ которой едва виднѣлся каменный полъ нижняго корридора. Изъ учительской по временамъ чуть слышно доносились голоса спорящихъ, — особенно директорскій.

Шумовъ ничего не обдумывалъ, ни о чемъ не разсуждалъ, но онъ твердо зналъ, что̀ онъ сдѣлаетъ или, лучше сказать, что̀ съ нимъ сдѣлается. А произойдетъ вотъ что: черезъ полчаса или черезъ часъ Прокоповъ поднимется по лѣстницѣ, и Шумовъ на лицѣ его прочтетъ свою участь; тогда Шумовъ перевѣсится черезъ перила немножко больше, чѣмъ онъ сейчасъ перевѣсился, и полетитъ внизъ и упадетъ на тотъ каменный квадратъ, который освѣщенъ лампой. Вотъ и все, и больше ничего не будетъ: не будетъ Шумова, не будетъ тоски, страха, злости... «Не буду ждать по субботамъ отпускного билета, а по понедѣльникамъ не буду возвращаться въ гимназію; не буду лгать учителямъ, получать двойки, не буду слоняться безъ конца по этимъ гадкимъ корридорамъ... не буду, не буду, не буду... Не увижу Позняковой: тамъ будетъ св...ьба, а здѣсь—похороны... а она будетъ заниматься съ Алябьев... астрономіей...

...нъ не узнавалъ себя: ему казалось, что перевѣсился черезъ пе...ла не онъ, а кто-то другой, жалкій, странный, полуживой, и ем... представлялось это дикимъ и жуткимъ. Онъ отошелъ отъ лѣстни... въ корридоръ, тускло освѣщенный на одномъ концѣ лампой, и ...чился. Кругомъ было мрачно, пусто, голо. Ему чудилось,

что окружающая его темная пустота заползаетъ ему въ самую душу: эти непривѣтливыя казенныя стѣны, эти пустые, тоскливые классы, просвѣчивающіе сквозь стеклянныя двери—все это какъ будто проникаетъ въ самую глубину его внутренняго міра, гдѣ такъ же пусто, тускло, холодно, какъ и снаружи. У него смутно промелькнуло въ сознаніи, что вся его жизнь такая же: холодная, тоскливая, непривѣтливая; и прошлое, и настоящее, и будущее представлялись ему въ видѣ какихъ-то черныхъ пятенъ. Вдругъ онъ увидалъ передъ собой «Инфузорію»: она шла по корридору, отпросившись на минутку у Маслова, и разминала на просторѣ свое маленькое тѣло гимнастикой. Увидя Шумова, «Инфузорія» въ испугѣ остановилась... Шумовъ смотрѣлъ на ея дѣтское, наивное лицо, и ему захотѣлось говорить съ «Инфузоріей» о чемъ-нибудь,—все равно о чемъ,—ласкать ее, видѣть ея младенческіе глаза, чтобы только не чувствовать самого себя, не ощущать холода, пустоты и одиночества.

— Куда ты, «Инфузорія»? — спросилъ онъ, взявъ ее за плечи.—Постой немного: я хочу спросить тебя... Да постой же!

Но «Инфузорія», испуганная его блѣднымъ, страннымъ лицомъ, выскользнула изъ его рукъ, шарахнулась въ сторону и убѣжала по корридору.

— Гусалъ! — крикнула она ему издали.—Актелъ! Актелъ!...

- Всѣ отъ меня!—прошепталъ Шумовъ.—Значитъ, опять къ лѣстницѣ?...

Онъ пошелъ къ периламъ и снова подумалъ, что это идетъ не онъ, а кто-то другой, и у него пронеслось въ головѣ: за что онъ сброситъ съ лѣстницы этого несчастнаго, измученнаго, полуживого человѣка? «Всѣ живутъ и будутъ жить; и тѣ, которые мучили Шумова, будутъ жить, а я буду лежать, разбитый вдребезги, и обо мнѣ забудутъ и будутъ веселы, какъ ни въ чемъ ни бывало. За что они истерзали меня? За что они всю жизнь оскорбляли, отталкивали меня?»

Его начинала душить злость, что-то клокотало внутри, и закипала глухая жажда разрушенія. Всѣ казались ему виновниками его несчастія, и онъ готовъ былъ наброситься на перваго встрѣчнаго. Стиснувъ зубы, онъ бѣшено отламывалъ пальцами известку отъ стѣны и швырялъ ее внизъ, представляя себѣ, что онъ скатываетъ камни на головы идущихъ внизу. Вдругъ на полуосвѣщенномъ квадратѣ нижняго корридора показалась человѣческая фигура. «Прокоповъ! — пронеслось молніей въ головѣ Шумова. — Сейчасъ смерть... такъ скоро!» Онъ перевѣсился черезъ перила и вонзился

глазами въ неясную фигуру. Фигура подошла къ лампѣ и оказалась ламповщикомъ. Шумовъ вдругъ почувствовалъ страшную слабость. Сердце, которое на секунду замерло въ немъ, теперь отчаянно заколотилось, точно хотѣло выпрыгнуть вонъ... Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, сѣлъ на верхнюю ступеньку и беззвучно зарыдалъ. Долго плакалъ онъ, заглушая рыданія. Кругомъ было попрежнему тихо и темно. Онъ плакалъ потому, что ему было жаль себя и страшно за себя: смерть, къ которой онъ только-что подошелъ такъ близко, ужаснула и потрясла его. Онъ точно остался одинъ на одинъ со смертью и почувствовалъ весь ужасъ одиночества. Тогда, инстинктивно отыскивая противовѣса этому страшному чувству, желая спастись отъ развернувшейся передъ нимъ мертвой бездны, онъ началъ молиться.

«Господи, исцѣли душу мою!... Господи, не оставь меня!...»

Онъ видѣлъ передъ собой что-то свѣтлое, проникающее своимъ свѣтомъ все существо его; онъ чувствовалъ, какъ передъ этимъ свѣтомъ все остальное умалялось и исчезало, точно окутанное облакомъ; онъ чувствовалъ, какъ сердце его таяло отъ лучей этого свѣта и словно просачивалось наружу крупными, теплыми слезами, и ему становилось легче, легче... Что-то страшно сильное коснулось его души: она тонула въ этомъ необъятномъ, и въ ней сладко дрожали струны новой, свѣтлой жизни...

— Сто вы тутъ дѣлаете, Сумовъ? — спросилъ Масловъ, появляясь внезапно на площадкѣ лѣстницы.

Шумовъ вздрогнулъ, вскочилъ и чуть не упалъ; ноги подкашивались подъ нимъ.

— Вы тутъ, вѣлоятно, кулите, — говорилъ Масловъ, сильно раздраженный противъ Шумова. — Смотлите, я дилектолу сказу... Не смѣйте кулить! Вы совсѣмъ отъ лукъ отбились... Смотлите!

И онъ ушелъ, погрозя пальцемъ. Шумовъ тщетно старался воскресить въ себѣ молитвенное настроеніе: та мощная, свѣтлая сила, которая сейчасъ такъ высоко вознесла его надъ всѣми страданіями и злобами, теперь покинула его, и онъ опять полетѣлъ въ холодную бездну, и опять почувствовалъ себя одинокимъ. Онъ снова и снова начиналъ молиться, тоскливо призывая Бога, но сердце его все больше наполнялось страхомъ и отчаяніемъ... Тогда онъ рѣшилъ, что Богъ отступилъ отъ него, потому что онъ черезчуръ грѣшенъ и гадокъ, завистливъ и мстителенъ; онъ вспоминалъ свое прошлое, находилъ тамъ тысячи подтвержденій своей мысли и терзался раскаяніемъ; вспоминалъ объ отцѣ—и находилъ въ себѣ всѣ низменныя стороны и признавалъ себя нравственно погиб-

шимъ... Теперь ему стало ясно, что надъ нимъ тяготѣетъ проклятіе, что ему на роду написано погибнуть отъ собственной злой и грязной натуры... «Надо уничтожить себя!»

И онъ опять перевѣсился черезъ перила, устремивъ глаза на роковой квадратъ.

Въ эту минуту онъ ненавидѣлъ себя и испытывалъ къ самому себѣ такое острое отвращеніе, какого не ощущалъ никогда ни къ кому: Сергѣй Шумовъ, съ его озлобленной, гадкой душой, съ его низкими помыслами и страстями, этотъ некрасивый, нескладный полумужчина, полумальчикъ, никого не любящій и никѣмъ не любимый, болѣзненный, навязчивый, сдѣлавшійся всѣмъ въ тягость,—казался ему глубоко противнымъ, и въ немъ все сильнѣе разгаралось ожесточенное желаніе уничтожить себя...

Вдругъ кто-то показался на темной лѣстницѣ. «Это Прокоповъ!» пронеслось во всемъ существѣ Шумова, какъ электрическая искра... Онъ не испугался, а ждалъ, перевѣсившись черезъ перила и весь застывъ въ судорожномъ порывѣ... Шаги приблизились, и на площадкѣ оказался Павловичъ.

— Исключаетесь! — злорадно сказалъ онъ, разсмотрѣвъ Шумова.

Шумовъ вскрикнулъ и бросился на Павловича: съ нимъ сдѣлался припадокъ.

XXV.

Прійдя на другой день въ гимназію, Прокоповъ узналъ, что Шумовъ лежитъ въ больницѣ, и зашелъ навѣстить его. Шумовъ метался по койкѣ и бредилъ... Возлѣ койки сидѣлъ гимназическій докторъ, ветхій старичокъ, втайнѣ тяготѣвшій къ гомеопатіи и болѣе склонный къ подробному описыванію своихъ многочисленныхъ недуговъ, чѣмъ къ врачеванію чужихъ.

— Докторъ, что съ нимъ такое?—спросилъ съ испугомъ Прокоповъ.

Старичокъ безпомощно развелъ руками.

— Это что-то нервное, — сказалъ онъ со вздохомъ. — Вотъ ждемъ невропатолога... Плоха стала молодежь, плоха... А у меня вотъ все ломитъ въ колѣнкахъ: какъ поднимусь по лѣстницѣ, такъ сейчасъ же и замозжитъ въ ногахъ. И какая странная боль...

— Мм... ну, что у васъ?... Какъ?—спросилъ директоръ, входя и здороваясь съ докторомъ.—Что съ нимъ такое?

— Неврозъ какой-то,—сказалъ старичокъ, пожимая плечами.

— Неврозъ!—презрительно повторилъ директоръ.—Отъ этого никому не легче. Что такое онъ тамъ бормочетъ?

Шумовъ выкрикивалъ безсвязныя фразы. Ему представлялось, что онъ бѣжитъ отъ кого-то, что ему грозитъ какая-то опасность. Поминутно среди его бреда слышались голоса: «Гораціи... Куріаціи... больно... страшно... отецъ... Муцій Сцевола... «Желтокъ»... упаду!... мучители!»...

— Ну, вотъ! — произнесъ директоръ, укоризненно кивая на Шумова.—Допрыгался!

Вошелъ Масловъ, котораго директоръ посылалъ извѣстить родныхъ Шумова о случившемся. Онъ объявилъ, что мать Шумова сама лежитъ больная, тетки онъ не засталъ дома, а отца нигдѣ не могъ разыскать.

— Славная семейка! — проворчалъ директоръ. — Скверно, братъ,— прибавилъ онъ, обращаясь къ койкѣ, и вышелъ, въ сопровожденіи Маслова въ сосѣднюю комнату, гдѣ толпились товарищи Шумова, пришедшіе навѣстить больного.

— Грустно, господа, грустно,—сказалъ имъ директоръ, пользуясь случаемъ произнести рѣчь. — Все это печально, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и поучительно для васъ... да, поучительно. Пускай примѣръ Шумова послужитъ для васъ... э-э... предостереженіемъ... да, предостереженіемъ. Когда мы идемъ по улицѣ и видимъ, что человѣкъ, идущій передъ нами, упалъ и расшибся, мы озаботимся принять мѣры, чтобы и намъ не поскользнуться и не упасть... да, не упасть.

Онъ сдѣлалъ паузу, чтобъ усилить впечатлѣніе. Гимназисты стояли, понуря головы; Масловъ имѣлъ чрезвычайно глубокомысленный видъ, потому что не совсѣмъ понималъ, куда клонится директорская рѣчь.

— Мнѣ отъ души жаль бѣднягу Шумова,—продолжалъ директоръ, — онъ одаренъ хорошими способностями и можетъ отлично учиться. Богъ дастъ, онъ оправится и приступитъ къ занятіямъ со свѣжими силами. Я надѣюсь, что, въ виду его болѣзненнаго состоянія, наставники будутъ... э... э... снисходительны къ нему. Я, съ оей стороны, приму во вниманіе... да, во вниманіе... слабость о здоровья и приму... э... э... соотвѣтствующія мѣры, чтобы дать у возможность кончить курсъ... Надѣюсь также, что Шумовъ, рнувшись къ своимъ занятіямъ, будетъ умнѣе вести себя... да, нѣе... ибо, спрашиваю васъ: что̀ привело его въ больницу, какъ безалаберное... пряму скажу, предосудительное... да, предосу-ельное, поведеніе?! Я знаю, что онъ, вмѣсто безпрекословнаго

исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, велъ праздную и безпорядочную... да, безпорядочную, жизнь, читалъ потихоньку посторонніи книги, которыя отнюдь не соотвѣтствовали его... его прямымъ обязанностямъ; при этомъ онъ, вѣроятно, покуривалъ табакъ, такъ какъ эта вредная привычка, къ сожалѣнію, до сихъ поръ имѣетъ у насъ мѣсто среди воспитанниковъ. Предупреждаю васъ, что я буду строжайше преслѣдовать куреніе табаку, я очищу заведеніе отъ всякихъ плевелъ... да, плевелъ... Сегодня воспитанникъ выкурилъ папироску, а завтра онъ уже пьетъ вино... да, вино... а послѣ завтра, смотришь, лежитъ въ больницѣ для умалишенныхъ... Петръ Ивановичъ, — обратился онъ къ Маслову, — поставьте солдата въ корридорѣ около канцеляріи: я замѣтилъ, что тамъ курятъ въ печурку. А тѣхъ, кого поймаете въ куреньѣ, препровождайте ко мнѣ: я самъ побесѣдую съ этими мерзавцами. Ну, съ Богомъ, господа, ступайте, навѣстите товарища, только отнюдь не шумѣть и не безпокоить больного!

И онъ, величественно повернувшись, ушелъ. Гимназисты вошли къ Шумову. Всѣ были серьезны и безмолвны. Лобзиковъ жалобно моргалъ, добрякъ Вальтеръ съ трудомъ удерживалъ слезы; Прокоповъ, сидя на койкѣ, держалъ исхудалую руку больного въ своихъ рукахъ и говорилъ ему тихія, ласковыя слова, какъ заботливая, нѣжная мать, которая старается успокоить своего больного ребенка; даже Масловъ имѣлъ разстроенный видъ и глядѣлъ на Шумова съ тревожнымъ участіемъ. Никогда еще не окружала Шумова такая атмосфера нѣжнаго вниманія, заботливости, горячаго чувства. Казалось, гимназія вышла для него на время изъ своей обычной колеи и повернулась къ нему своими лучшими сторонами. Но Шумовъ не чувствовалъ этого: онъ по-прежнему метался и бредилъ.

Вдругъ онъ широко раскрылъ глаза и остановилъ на Прокоповѣ мутный, неподвижный взглядъ. Прокоповъ, думая, что больной приходитъ въ сознаніе, нагнулся къ нему и приложилъ къ его лбу свою холодную руку. Шумовъ судорожно охватилъ руками его шею и, весь трепеща, заговорилъ быстро, быстро:

— Спасите! Упаду...Держите же меня!...Мнѣ страшно... Бога ради!... Они гонятся за мной... Сейчасъ покачусь внизъ... Глубоко, темно... Я не могу, я не могу... Держите же меня!...

Вальтеръ громко всхлипнулъ; Рождественскій, глубоко потрясенный, выбѣжалъ изъ комнаты.

Пріѣхалъ невропатологъ, освидѣтельствовалъ больного, подробно разспросилъ присутствующихъ о его характерѣ и образѣ жиз-

и объявилъ, что у него, «повидимому, *raptus melancholicus*, острый припадокъ меланхоліи, явившійся, вѣроятно, результатомъ тяжелыхъ психическихъ моментовъ, какого-нибудь нравственнаго потрясенія, на почвѣ неустойчивой или расшатанной нервной системы».

— Это опасно, докторъ?—спросилъ Прокоповъ.

Всѣ замерли въ ожиданіи.

— Прогнозъ благопріятный, — сказалъ докторъ. — Требуется полное спокойствіе... Я увѣренъ, что больной выздоровѣетъ.

Вздохъ облегченія вырвался у всѣхъ; послышались радостныя: «Слава Богу! Слава Богу!» Еслибы Шумовъ видѣлъ въ эту минуту лица товарищей, онъ примирился бы съ людьми.

Н. Тимковскій.

ПОЛНАЯ ИСПОВѢДЬ.

Разсказъ Ф. Филипса.

I.

Какъ бы ни было дурно мое поведеніе, я была достаточно наказана. Никто не станетъ отрицать, что нѣтъ женщины, которая не пришла бы въ ужасъ, еслибы представила себя или свою дочь въ моемъ положеніи. Другое дѣло, будете ли вы симпатизировать мнѣ. По всему вѣроятію, нѣтъ! Вы, конечно, больше симпатизировали бы мнѣ, еслибъ я была безупречна. Но, съ другой стороны, вы нашли бы мой разсказъ болѣе скучнымъ. Какіе бы недостатки я ни раскрыла въ этой правдивой автобіографіи, скуки не будетъ въ ихъ числѣ. Вы можете бранить меня, вы можете говорить, что я нескромна, неприлична, но въ концѣ-концовъ вы не можете сказать, что я заставила васъ читать безцвѣтную хронику, въ которой нѣтъ ничего особеннаго. Событія, о которыхъ мнѣ приходится вспоминать, случились давно тому назадъ; съ тѣхъ поръ мнѣ многое пришлось видѣть и слышать, но никогда я не слышала ничего подобнаго моей исторіи,—ничего, что̀ хотя бы только приближалось къ ней. И она начинается, какъ всѣ исторіи въ свѣтѣ, со слова:—слушайте!

Сцена происходитъ въ дортуарѣ школы для молодыхъ дѣвицъ въ Морвилѣ, во Франціи; время — полночь. Здѣсь должны спать шесть молодыхъ дѣвицъ, но онѣ не спятъ. Онѣ сидятъ въ болѣе или менѣе живописныхъ позахъ вокругъ простыни, которая разл[illegible] жена на полу и должна изображать скатерть; происходитъ пиръ

Тутъ *пирожное*, опять *пирожное* и опять *пирожное*. Тутъ [illegible] *ропы* чудныхъ цвѣтовъ и восхитительныхъ ароматовъ, и стака[illegible] съ умывальниковъ, чтобы пить изъ нихъ. Одна изъ молодыхъ [illegible] встаетъ и предлагаетъ тостъ,— не громко, такъ какъ празднест[illegible] происходитъ въ строгомъ секретѣ и мадемуазель Дюранъ, помѣ[illegible]

ніе которой находится въ томъ же этажѣ, можетъ услышать. Она говоритъ чуть слышно съ сдержаннымъ краснорѣчіемъ: «Я предлагаю тостъ, друзья мои, за здоровье и счастье Элеоноры Лингудъ— нашей подруги. Я предлагаю тостъ, друзья мои, за здоровье и счастье того, для кого она оставляетъ насъ. Но къ радости, которую мы раздѣляемъ вмѣстѣ съ ней по случаю этого счастливаго событія, примѣшиваются два сожалѣнія, что мы должны разстаться съ ней и что мы не можемъ быть ея подневѣстницами. За Элеонору Лингудъ и ея будущаго супруга!»

Затѣмъ она сѣла и раздались сдержанныя поздравленія, на которыя я отвѣчала благодарностью, такъ какъ пиръ дается въ мою честь,—это мой прощальный банкетъ, и я бѣгу изъ школы для того, чтобы выйти замужъ.

Я сказала, что это будетъ разсказъ изъ жизни простой женщины, и я была достаточно проста, Небу извѣстно! Я видѣла моего Адониса двѣнадцать разъ, по вечерамъ, и я готова была ради него бросить все. Развѣ это такъ неправдоподобно? Двѣнадцать разъ, честное слово,—первый разъ случайно на пикникѣ въ лѣсу; остальные разы тайно, и мысленно я каждый разъ давала себѣ клятву никогда больше не повторять этого. Я встрѣтила его и влюбилась въ него, а онъ объяснялся мнѣ въ любви со всѣмъ пыломъ Клавдія Мельнота. Я не хочу оправдываться, но тѣмъ не менѣе я не могу умолчать о двухъ вещахъ: 1) мой отецъ былъ въ Индіи,—я едва помнила его и мою мать, которая умерла, когда я была совсѣмъ маленькая; 2) мнѣ было шестнадцать лѣтъ.

Въ часъ мы разошлись, но можно ли предположить, чтобы я спала? Я лежала, думая тысячу думъ; дикія, романтическія грезы кружились въ моей головѣ.

Между мной и моимъ «принцемъ» было рѣшено, что я уйду изъ дома въ семь часовъ. Въ этотъ часъ можно было совершить побѣгъ вполнѣ благополучно. Конечно, я не могла взять съ собой мой багажъ, и я вспоминаю, что, несмотря на мое возбужденіе и на мою радость, у меня защемило сердце, когда я подумала, что онъ никогда не увидитъ меня въ платьѣ, которое на мой взглядъ было верхомъ моды и изящества.

Не должна ли я казаться легкомысленной, бездушной, преждевременно испорченной? Бѣжать съ человѣкомъ, мнѣ въ сущности незнакомымъ, и, при такихъ серьезныхъ обстоятельствахъ, сокрушаться о платьѣ, котораго нельзя взять съ собой! Но, оглядываясь назадъ, я могу сказать по чести, что во мнѣ не было тщеславія. Если только я не была развита преждевременно, я была въ дѣйстви-

тельности моложе своихъ лѣтъ. Я согласилась бѣжать изъ школы съ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, къ которому я пылала романтическою любовью, съ легкимъ сердцемъ, подобно дитяти, бѣгущему изъ дома, чтобы жить, какъ цыгане.

Какъ я сказала, у меня не было матери, которой я могла бы довѣриться, не было никого, кто бы могъ научить меня разуму. Тому, что я знала,—географіи, ботаникѣ, музыкѣ,—я научилась только отъ миссъ Дюранъ, а мои школьныя подруги и всѣ тѣ, кому я довѣрила свою тайну, были такъ же глупы и сантиментальны, какъ и я.

Нашъ ужинъ тому свидѣтель! Развѣ хоть одна изъ нихъ сказала мнѣ: «Не слишкомъ ли необдуманно ты поступаешь? Кто онъ? Что ты знаешь о немъ? Бракъ совершается на долгое время!» Ни одна! Ни одинъ голосъ не раздался, чтобы предостеречь меня, ни одна рука не протянулась, чтобы удержать меня. Пять дѣвушекъ видѣли, какъ я уходила, пять дѣвушекъ поздравляли меня. Теперь всѣ онѣ, конечно, занимаютъ положеніе. У нихъ квартиры или дома, у нихъ мужья и дѣти, и собственныя мнѣнія. Вспоминаютъ ли онѣ о подругѣ, которая шла у нихъ на глазахъ, въ семь часовъ утра, по росистому саду, для того чтобы выйти замужъ, и упрекаютъ ли онѣ себя?—Конечно, нѣтъ! Или если и вспоминаютъ иногда въ минуту грусти, то говорятъ себѣ: «никогда не отдамъ въ школу милую «Жоржету» или «Аделаиду»,—тамъ можно встрѣтить дѣвочекъ съ такими дурными наклонностями!» Но у меня не было дурныхъ наклонностей, я была только такъ же глупа, какъ и онѣ сами.

Въ шесть часовъ я встала, и посмотрѣвъ на часы, которые мой отецъ прислалъ мнѣ изъ Бенгаліи въ день моего рожденія, начала одѣваться.

Покуда я собиралась, проснулись одна за другой остальныя обитательницы комнаты, здоровались со мной и хоромъ желали мнѣ всего лучшаго.

Теперь я была въ тоскливомъ, нервномъ, боязливомъ состояніи. Въ концѣ-концовъ что-то стало говорить во мнѣ о важности того шага, который я готовилась сдѣлать, сердце мое сжималос[illegible] были минуты, когда я готова была остаться. Старшая изъ дѣ[illegible]шекъ утѣшала меня и старалась поддержать во мнѣ мужество. «[illegible] плачь,—говорила она.—Вѣдь это такъ хорошо,—о чемъ же п[illegible]кать? Подумай, ты выйдешь замужъ сегодня утромъ, а мы въ [illegible] время будемъ коптѣть въ противномъ классѣ!»

Это напоминаніе нѣсколько поддержало меня. Да, урок[illegible]

больше не будетъ. Я покончила съ учебниками, со всею этою рутиной, и проведу въ путешествіи мой медовый мѣсяцъ. Мы должны были ѣхать съ утреннимъ поѣздомъ въ Парижъ и вѣнчаться тамъ, такъ рѣшилъ мой возлюбленный. Я смахнула слезы и улыбнулась.

— Невѣсты всегда плачутъ,—сказала другая дѣвушка.— Не бойся, Нелли. Ни одна изъ насъ не отказалась бы помѣняться мѣстомъ съ тобой, еслибъ это было можно, увѣряю тебя.

— Я чувствую себя такою одинокой,—сказала я,— и... и... я чувствую теперь, что поступаю дурно. Что будетъ, если отецъ не проститъ меня, когда я напишу къ нему?

— О, онъ сейчасъ же проститъ тебя. Одинока?... Съ твоимъ Рэджинальдомъ ты не будешь одинока, дурочка. Ну же, скорѣе, а то ты опоздаешь.

Теперь я была готова. Я начала прощаться со всѣми, я крѣпко обнимала ихъ и снова заплакала.

— Махните мнѣ руками изъ окна,—просила я.—Я буду смотрѣть на васъ. Махните мнѣ руками!

Я открыла дверь и тихо спустилась съ лѣстницы. Каждый скрипъ отзывался въ моемъ сердцѣ. Викторъ, пудель, спавшій на порогѣ столовой, подбѣжалъ ко мнѣ и ласково увивался около моихъ ногъ; я боялась, какъ бы онъ не сталъ громко выражать своего восторга и не разбудилъ кого-нибудь.

Окно было закрыто и заперто, и мои руки такъ дрожали, что прошло не менѣе пяти минутъ прежде, чѣмъ я открыла его, какъ ни просты были задвижки. Наконецъ, оно было отворено, и я выпрыгнула на лугъ. Солнце ярко сіяло; на цвѣтахъ блестѣла роса; на востокѣ весело чирикали птицы. Эта картина всегда будетъ жить въ моемъ воспоминаніи.

— Прощай, старая школа,—прошептала я,—прощайте всѣ!

Наверху конспираторши одобрительно махали мнѣ платками и полотенцами. Я оглянулась назадъ въ послѣдній разъ и послала имъ поцѣлуй. Деревья скрыли ихъ отъ моихъ глазъ, я была одна. Черезъ минуту я была въ объятіяхъ Рэджи.

Какъ онъ былъ прекрасенъ! Щеки его разгорѣлись отъ ожиданія, а глаза блестѣли любовью.

— Милая моя!—воскликнулъ онъ,—моя женушка!

— О, Рэджи,—съ трудомъ проговорила я,—люби меня! Я поступила очень дурно, и теперь ты одинъ у меня.

Онъ прижалъ меня къ себѣ и сталъ говорить мнѣ, что за жизнь мы поведемъ вдвоемъ.

— Ты боишься,—сказалъ онъ,—это понятно. Но ты никогда

не раскаешься, что довѣрилась мнѣ, никогда! Дорогая моя, черезъ нѣсколько часовъ ты будешь мистрисъ Рэджинальдъ Маунтъ, ты будешь въ Парижѣ, купишь себѣ кучу хорошенькихъ вещицъ и будешь смѣяться надъ своимъ прежнимъ страхомъ. Вѣрь мнѣ, будь мужественна и вѣрь мнѣ!

Онъ сжалъ мою руку. Нѣкоторыя изъ моихъ опасеній разсѣялись.

— Когда мы пріѣдемъ?—спросила я дрожащимъ голосомъ.— Что, если m-lle Дюранъ пошлетъ телеграмму по линіи и заставитъ меня вернуться!

— Какъ же она узнаетъ, по какому направленію ты поѣхала... Нѣтъ, съ этой стороны опасности не предвидится. Какая ты хорошенькая, Нелли, совсѣмъ дитя! Подумать только, что мѣсяцъ тому назадъ я совсѣмъ не зналъ тебя! Пойдемъ, милая, идти недалеко, и мы будемъ тогда въ поѣздѣ.

Мы пошли по красивой дорогѣ, обсаженной фруктовыми деревьями. На станціи мы выпили по чашкѣ кофе и искрошили по бріошу. Несмотря на его увѣренія, что намъ нечего опасаться преслѣдованія, я не могла отдѣлаться отъ страха и почувствовала большое облегченіе, когда увидѣла, что его чемоданъ внесли въ багажный вагонъ; но и тогда мои глаза невольно и съ тревогой обращались къ висѣвшимъ часамъ. Всякіе шаги на платформѣ заставляли меня оборачиваться съ ужасомъ, и нѣтъ словъ, чтобы описать чувство облегченія, охватившее меня, когда я откинулась наконецъ на подушки купэ перваго класса и замѣтила, что мы наконецъ поѣхали; m-elle Дюранъ и академія остались сзади. Мой *женихъ* и я благополучно совершили побѣгъ.

Онъ сѣлъ рядомъ со мной и сталъ говорить. О чемъ? О чемъ можетъ говорить мужчина въ день своего вѣнчанія? О тысячѣ вещей, которыя я слушала съ большимъ наслажденіемъ и которыя онъ говорилъ, навѣрное, съ такимъ же наслажденіемъ. Онъ шутилъ такъ забавно, что я разсмѣялась и скоро стала болтать сама. Но какъ ни была я неопытна и какъ ни были прелестны планы, которые онъ рисовалъ мнѣ, я все же знала, что было нѣчто, что надо было сдѣлать прежде всего. Прежде всего—мы должны были обвѣнчаться.

— Въ которомъ часу назначено вѣнчаніе, Рэджи?—спросила я

— Въ три часа,—быстро отвѣтилъ онъ.—У тебя будетъ время надѣть другое платье. Ты должна смотрѣть болѣе взрослой, дѣточка, а то они не захотятъ имѣть съ тобою дѣло.

— Ты шутишь?—воскликнула я.

— Глупенькая! Конечно, я шучу! Ты сдѣлаешься мистрисъ Маунтъ, но не говори потомъ, что ты желала бы, чтобъ этого не было.

— Зачѣмъ мнѣ говорить это?—я была слишкомъ молода, чтобы шутливо относиться къ серьезнымъ вещамъ.—Зачѣмъ мнѣ говорить это? О, Рэджи, какое дурное предзнаменованіе!

— Предзнаменованіе! Ты вѣришь въ предзнаменованія, и въ гаданье, и въ заклинанія, да? Я опять пошутилъ!

— Ты все шутишь,—сказала я съ огорченіемъ.—Я не люблю этого.

— Черезъ десять лѣтъ ты сама научишься шутить, если будешь умна,—отвѣчалъ онъ.—Жизнь невыносима, если смотрѣть на нее серьезно. «Смѣяться и толстѣть»—вотъ истинная философія.

— Но я не хочу толстѣть,—заявила я.—Я хочу остаться такой, какъ теперь.

— Ты не можешь быть лучше,—объявилъ онъ, лаская меня.—Но ты не обидишься, если я скажу тебѣ, что я совсѣмъ пораженъ тѣмъ, что я дѣлаю? Бѣжать со школьницей—мнѣ! Мнѣ становится смѣшно, какъ только я представлю себѣ это. Но, Нелли, въ тебѣ очарованіе женщины соединяется съ пикантностью ребенка. Противъ такого соединенія устоять нельзя.

— Я никогда тебѣ не надоѣмъ, и ты не разлюбишь меня?—сказала я.

— Вѣрь мнѣ,—улыбнулся онъ.

— Я *вѣрю* тебѣ,—сказала я, и онъ нашелъ этотъ отвѣтъ такимъ очаровательнымъ, что снова сталъ цѣловать меня, еще и еще, и около получаса мы ѣхали молча, онъ держалъ мою руку, я опустила голову на его плечо. Потомъ мистеръ Роджинальдъ Маунтъ заявилъ, что мнѣ надо подкрѣпить свои силы, досталъ откуда-то корзину съ виноградомъ и персиками и полбутылки шампанскаго, которое онъ открылъ съ необыкновенною ловкостью и которое мы стали пить поочереди изъ серебряной кружки.

Вино было для меня вновѣ. И мысли мои завертѣлись и закружились, какъ только я выпила его. Я была удивительно счастли-
, и все мнѣ представлялось тогда въ розовомъ цвѣтѣ, настоя-
е и будущее, и даже прошедшее съ его ботаникой и неправильны-
глаголами. Я стала говорить, какъ я счастлива и довольна, но
эту минуту поѣздъ остановился и Рэджи сталъ собирать вещи.

— Развѣ мы должны выходить?—воскликнула я.—Гдѣ же мы?

— Въ Парижѣ, милая моя простушка, — весело отвѣтилъ
— выходи и поѣдемъ вѣнчаться.

II.

Да, мы были въ Парижѣ,—въ Парижѣ, о которомъ я ничего не знала,—въ Парижѣ, который я видѣла въ первый разъ и куда меня привезъ молодой незнакомецъ, котораго я воображала, что люблю. Немудрено, что я приходила во все большее возбужденіе по мѣрѣ того, какъ мы, усѣвшись въ экипажъ, ѣхали по большимъ, незнакомымъ улицамъ, къ нашей квартирѣ, которую онъ, должно быть, нанялъ заранѣе. Здѣсь все было готово къ нашему пріему. Насъ сейчасъ же ввели въ гостиную, прелестную, чудно убранную комнату. Столъ былъ накрытъ для завтрака, а на туалетѣ въ комнатѣ, куда провела меня вѣжливая горничная, я нашла духи въ большихъ серебряныхъ и хрустальныхъ флаконахъ и щеточки изъ слоновой кости съ золотымъ вензелемъ «Э» на обратной сторонѣ, и огромную корзину розъ и полевыхъ лилій, края которой были украшены бантами и лентами. Вдыхая чудный ароматъ цвѣтовъ, я подумала, что мой возлюбленный былъ самымъ очаровательнымъ человѣкомъ въ мірѣ.

Я свершала свой туалетъ съ совсѣмъ новымъ для меня чувствомъ удовольствія. Какая разница между обычными обливаніями изъ-подъ крана съ кое-какимъ мыломъ, и этимъ роскошнымъ омовеніемъ въ душистой водѣ, въ комнатѣ, каждая вещица которой служила для тщеславія и самовлюбленности. Едва я успѣла одѣться, какъ ко мнѣ постучалась горничная, говоря, что завтракъ поданъ, а я была достаточно голодна, несмотря на персики и шампанское, чтобы выслушать это извѣщеніе съ удовольствіемъ.

Мой *женихъ* ждалъ меня, стоя у камина, и когда я вошла, пригласилъ меня, смѣясь, сѣсть на первомъ мѣстѣ. Трудно было сказать, какое было первое мѣсто, но я сѣла тамъ, гдѣ онъ мнѣ сказалъ, и лакей открылъ блюда.

Если я нашла, что моя уборная отличалась отъ простой уборной миссъ Дюранъ, то что должна была я сказать при видѣ открывшихся передо мною блюдъ? Я попала въ волшебную страну. Кушанья, блестящій хрусталь, игристыя вина, цвѣты и фрукты,— все это казалось чѣмъ-то волшебнымъ. Какъ ни была я наивна, я не могла не подумать, что мой возлюбленный долженъ быть страшно богатъ. Невозможно было не видѣть этого, хотя въ шестнадцать лѣтъ я, конечно, не могла знать истинную стоимость роскоши, и я спрашивала себя, откуда у него столько денегъ. Я рѣшила спросить его объ этомъ, такъ какъ до сихъ поръ у насъ никогда не было разговора о такихъ земныхъ предметахъ, и, пощипывая клубнику, я сказала:

— Рэджинальдъ, ты тратишь, кажется, массу денегъ; я надѣюсь, что ты дѣлаешь всѣ эти безумныя траты не для меня.

— Э! Не безпокойся, — легкомысленно отвѣтилъ онъ, — я достану еще денегъ, когда истрачу эти.

— Достанешь?—переспросила я.—Гдѣ? Чѣмъ ты занимаешься?

— А какъ ты думаешь, чѣмъ?

Я покачала головой въ знакъ незнанія.

— Я... былъ... я служу въ арміи,—сказалъ онъ.—Не ломай голову надъ этими вещами, дитя. Пользуйся благами, которыя посылаютъ тебѣ боги, и будь довольна.

— Мой отецъ тоже въ арміи,— возразила я,— но онъ не богатъ, Рэджи. Я всегда слышала, что жалованье офицеровъ не очень велико.

— Да, конечно, я добавляю изъ своихъ,—сказалъ онъ, пожимая плечами.—Ты будешь жить въ довольствѣ, Нелли, и тебѣ никогда не придется имѣть дѣло со счетами или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Развѣ съ тебя не достаточно знать это?

Я видѣла, что ему не нравятся мои разспросы, а я была слишкомъ влюблена въ него,—да, я слишкомъ благоговѣла передъ нимъ,—для того, чтобы идти противъ его желанія. Я перемѣнила предметъ разговора и обратилась къ нашему вѣнчанію, гдѣ оно будетъ и когда намъ нужно выходить.

— Мы выйдемъ сейчасъ же,— объявилъ онъ,— если ты хочешь. Мы поѣдемъ дѣлать покупки. Бѣги, надѣнь шляпу, а я пошлю за экипажемъ.

Экипажъ стоялъ у дверей, когда мы вышли, и десять минутъ спустя мы подъѣхали къ магазину портнихи, по окнамъ котораго даже мой неопытный глазъ могъ догадаться, что она «очень модная».

— Сезамъ, отворись,— улыбнулся Рэджинальдъ. — Пойдемъ смотрѣть на дворецъ Аладина, Бэбэ!

Это былъ въ самомъ дѣлѣ дворецъ Аладина. Неужели всѣ эти шелка и кружева, всѣ эти чудныя вещи будутъ украшать еще недавно очень простенькую дѣвушку? А какъ любезна была сама madame ...ndine, какъ она хлопотала, какое участіе принимала во мнѣ!

...Геліотропъ,—сказала она,—oh, mais oui, геліотропъ! У madan... ...чень изящная наружность!—Меня называютъ «madame»— как... ...восторгъ!—Геліотропъ съ жемчугомъ, мы подхватимъ здѣсь и з... —вотъ такъ.—Въ ея рукахъ была волшебная сила.—Madan... ...детъ очень довольна, я обѣщаюсь.

...для катанья?—сказалъ мой возлюбленный.

— Для катанья? О, да. Этотъ сезонъ мода совершенно... Mademoiselle, принесите мнѣ, пожалуйста, костюмъ, сдѣланный для графини Борегаръ. Madame посмотритъ. Что до меня, я стояла бы за костюмъ въ стилѣ графини, съ нѣкоторыми измѣненіями, конечно, необходимыми въ виду крайней молодости madame.

Я была въ восхищеніи. Мои глаза пылали отъ восторга.

— А для театра? — сказалъ мой возлюбленный. — А утренній туалетъ? а послѣполуденный?

Былъ ли когда-нибудь другой такой человѣкъ! И когда мы оставили madame Celandine, куда намъ было ѣхать, какъ не въ магазинъ шляпъ,—какихъ шляпъ!—а послѣ шляпъ въ магазинъ, куда онъ просилъ меня войти одной и тратить не стѣсняясь столько денегъ, сколько я захочу. Но, наконецъ, все было куплено!

— У тебя нѣтъ обручальнаго кольца,—сказалъ онъ.—Поѣдемъ въ Rue de la Paix.

Какъ блестѣли камни на бѣлыхъ бархатныхъ подушкахъ! Онъ спросилъ меня, что я хочу имѣть: бриллiанты, изумруды, сапфиры или рубины, но всѣ эти названія ровно ничего не значили для меня и, растерявшись отъ такого разнообразія, я указала, наконецъ, на темный сапфиръ, имѣвшій форму сердца и осыпанный кругомъ блестящими бриллiантами; я замѣтила, что продавецъ улыбнулся при этомъ выборѣ, и смутилась, думая, что я выбрала слишкомъ дорогую вещь.

— Это очень дорого? — спросила я, когда мы вышли и снова заняли наши мѣста въ экипажѣ.

— Дурочка,— отвѣтилъ онъ.— Нѣтъ, дешево, потому что понравилось тебѣ!

И это былъ единственный отвѣтъ, который онъ далъ мнѣ.

Я рѣшила не писать моему отцу до тѣхъ поръ, пока не буду въ состояніи сказать ему, что я не только обручилась, но вышла замужъ, и болѣе чѣмъ когда-либо я чувствовала теперь, что буду счастлива. Правда, Рэджинальдъ избѣгалъ моихъ разспросовъ о денежныхъ дѣлахъ, но его преданность, его великодушіе, его постоянныя заботы о томъ, чтобы сдѣлать мнѣ пріятное, какъ о томъ свидѣтельствовалъ букетъ на моемъ столѣ, когда мы вернули[illegible] конечно, вознаграждали меня за ту невинную сдержанность, ко[illegible] онъ обнаруживалъ по отношенію къ этому вопросу. Такъ, по кр[illegible] мѣрѣ, казалось мнѣ, и я была совсѣмъ ошеломлена какъ внез[illegible] метаморфозой, совершившейся со мной, такъ и удивитель[illegible] ливымъ случаемъ, благодаря которому онъ попалъ въ м[illegible] гдѣ жила я, точно волшебникъ, внезапно спустившійся с[illegible]

Я опять стала думать объ этомъ, онъ обернулся и спросилъ, въ чемъ причина моей задумчивости.

— Я думаю о томъ, какъ чудесно мы встрѣтились, — объяснила я.—Точно въ романѣ.

— А какой у тебя былъ видъ испуганнаго мышенка, когда ты выбѣжала ко мнѣ! — воскликнулъ онъ. — Я всегда буду помнить твое лицо,—одинъ глазъ смотрѣлъ на меня, а другой боязливо оглядывался на школьную дверь!

— Зачѣмъ ты выбралъ Морвиль?—спросила я.

— Богъ вѣдаетъ!—отвѣтилъ онъ.—Игра, случай! Я путешествовалъ. Я высадился въ Діеппѣ и поѣхалъ, такъ сказать, куда глаза глядятъ. Еслибы поѣздъ шелъ скорѣе, я, можетъ быть, никогда не увидалъ бы ни Морвиля, ни тебя, но онъ шелъ медленно, невыносимо медленно, и вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Парижъ, какъ я намѣревался, я вышелъ, чтобы отдохнуть. Въ лѣсу я встрѣтилъ мою Дріаду,—и вотъ! Я хотѣлъ бы знать, что дѣлаетъ теперь mademoiselle Дюранъ!

— Бѣснуется! — сказала я. — Но изъ записки, которую я ей оставила, она увидитъ, что я въ хорошихъ рукахъ.

Онъ съ комическимъ видомъ поднялъ брови.

— Ты думаешь? Что до меня, я боюсь, что твоя записка врядъ ли успокоитъ добрую лэди. Напротивъ, ея волненіе возрастетъ, когда она узнаетъ, что ты убѣжала съ молодымъ человѣкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы поступили очень дурно! Но у нея видъ настоящей людоѣдки, я не могъ чувствовать къ ней симпатіи.

— Она не злая,—сказала я,—только въ своемъ родѣ. Сердце у нея доброе.

— Хотя лицо у нея строгое! Бѣдная mademoiselle Дюранъ, намъ надо будетъ какъ-нибудь съѣздить къ ней. Долго ты пробыла у нея?

— Около шести лѣтъ, милый. Моя тетка помѣстила меня къ ней за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти. Она воспитывала меня съ тѣхъ поръ, какъ мой отецъ уѣхалъ въ Индію, ты знаешь.

— Я *не зналъ*. Я почти ничего не знаю и только сейчасъ подумалъ объ этомъ! Кто была твоя тетя?

— Кто она была? Ты хочешь знаеть ея фамилію? Мисиссъ Мёр... Я очень любила ее. Она была моею единственною родственницей, за исключеніемъ моего отца. Послѣ ея смерти mademoiselle ранъ всегда держала меня у себя. Ты видишь, что мнѣ никогда приходилось ѣздить на вакаціи. Школа стала моимъ домомъ.

· Ты должна была страшно тосковать? — сказалъ онъ съ сожаленіемъ.

— Иногда, когда кончались занятія и другія дѣвочки уѣзжали въ Англію, становилось очень тоскливо. Мнѣ казалось, что я никому не нужна, но потомъ я привыкла.

— Бѣдная моя дѣточка!

— Зачѣмъ ты такъ зовешь меня? — воскликнула я. — Можно подумать, что ты самъ лѣтъ на сто старше меня!

— А сколько лѣтъ ты даешь мнѣ?—сказалъ онъ шутливо, разглаживая свои усы.

Я колебалась; я никогда не думала объ этомъ.

— Двадцать три?—рискнула я, наконецъ.

— Не такъ дурно. Мнѣ двадцать пять. Но сравнительно съ тобой, моя Виргинія, я Маѳусаилъ, да еще съ мудростью Соломона. И поэтому,—тѣнь пробѣжала по его лицу,—меня надо винить за нашъ безумный поступокъ,—меня, а не тебя.

— Никого изъ насъ не надо винить,—гордо заявила я.—Что мы сдѣлали дурного? И другіе бѣгутъ и женятся. И другіе дѣлаютъ то же, что и мы. Такъ *почему же* мы виновнѣе?

Онъ сидѣлъ въ креслѣ у окна, и когда я говорила это, привлекъ меня къ себѣ.

— Дитя, — сказалъ онъ,— какую жизнь ты рисовала себѣ со мной? Скажи мнѣ, какъ сильно ты меня любишь!

— Какъ — какъ? — проговорила я. Я широко раскрыла руки, какъ дѣлаютъ дѣти.—Вотъ какъ.

— Правда? И ты могла бы принести для меня жертву? И ты могла бы сдѣлать что - нибудь, — что - нибудь, что тебѣ было бы очень непріятно, еслибъ я попросилъ тебя?

— Конечно,—сказала я,—но... но я не понимаю.

— Ты не стала бы упрекать меня, еслибы случилось, что мы не могли бы... О, тебѣ только шестнадцать лѣтъ, всякому извѣстно, что дѣвочка въ шестнадцать лѣтъ не много знаетъ. У тебя есть отецъ, онъ, конечно... — онъ вскочилъ. — Прочь серьезность!— воскликнулъ онъ.—Поцѣлуй меня, Нелли, и будемъ веселы.

Но меня охватилъ внезапный, невыразимый страхъ. И я ни за что не могла также скоро измѣнить свое настроеніе.

— Договори, что ты хотѣлъ сказать,— просила я. — Да, мнѣ только шестнадцать лѣтъ, Рэджинальдъ, что-жъ изъ этого?

— Я спрашивалъ себя, что это счастье или несчастье,— сказалъ онъ.—Поможетъ ли это мнѣ или, напротивъ, послужитъ препятствіемъ.

— Препятствіемъ къ чему?—прошептала я.

— Къ той жизни, которую я намѣреваюсь вести вмѣстѣ съ тобой.

Его слова пугали меня; я почувствовала, какъ румянецъ сбѣжалъ съ моихъ щекъ, хотя я по-прежнему не могла бы съ точностью сказать, чего я боялась. Наступило молчаніе. Сердце мое страшно билось, губы дрожали. Медленно, такъ медленно, что процессъ этотъ казался цѣлою вѣчностью нестерпимой пытки, во мнѣ стало подниматься сознаніе всей пагубной неосторожности сдѣланнаго мною шага. Я стала понимать, что довѣрила все свое спокойствіе, свою жизнь человѣку, у котораго, можетъ быть, не было ни совѣсти, ни чести. Никогда, никогда не забуду я этого медленнаго нарастанія страшныхъ опасеній. Комната, въ которой я находилась, и сейчасъ стоитъ въ моей головѣ отчетливо, какъ фотографическій снимокъ; красныя стѣны, купидоны на потолкѣ, каминная доска изъ чернаго дерева, заставленная китайскими бездѣлушками. Я съ трудомъ дышала, но мой возлюбленный, повидимому, ничего не замѣчалъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, со складкой раздраженія между бровями. Среди молчанія раздался бой бронзовыхъ часовъ между двумя канделябрами; пробило три часа. У меня вырвался крикъ отчаянія, и онъ обернулся. Я бросилась къ нему и страстно схватила его за руку.

— Реджинальдъ,—воскликнула я,—Реджинальдъ! Я думала, что въ три часа мы будемъ вѣнчаться.

III.

— Эти часы идутъ впередъ, — сказалъ онъ; потомъ, посмотрѣвъ на свои:—Все равно намъ надо пускаться въ путь,—прибавилъ онъ.—Что съ тобой, дорогая моя, ты вся дрожишь?

Я не сразу могла понять, что весь мой внезапный страхъ оказался неосновательнымъ. Такъ значитъ у него не было намѣренія избѣжать вѣнчанія? Слезы брызнули изъ моихъ глазъ, когда я представила себѣ, какъ страшно я была виновата передъ нимъ. Мысль, что бракъ совсѣмъ не обязательно долженъ былъ навсегда привязать его ко мнѣ, не могла придти мнѣ въ голову, и я была къ нему такъ нѣжна, какъ только могла, для того, чтобы загладить мои несправедливыя, какъ мнѣ казалось теперь, подозрѣнія.

О послѣдующихъ часахъ у меня сохранилось только самое смутное воспоминаніе. Я знала, что мы были обвѣнчаны, но только не въ церкви. Я знаю, что какой-то человѣкъ съ патріархальною наружностью бормоталъ что-то непонятное, что я, какъ въ

туманѣ, подписала свою фамилію, и что когда мы вышли на улицу, Рэджинальдъ назвалъ меня своею женой.

Я устала и была близка къ истерикѣ. Его слова о томъ, что случилось, не произвели на меня никакого впечатлѣнія. Я чувствовала себя,—какъ ни странно это можетъ звучать,—еще болѣе одинокой и покинутой теперь, когда Рубиконъ былъ перейденъ, чѣмъ раньше. Мнѣ страшно хотѣлось остаться одной, подумать, успокоиться, и Рэджинальдъ, замѣтивъ мое состояніе, предложилъ мнѣ пойти отдохнуть.

Совѣтъ его былъ хорошъ; сонъ такъ освѣжилъ меня, что когда я проснулась, я снова была совершенно бодра. Нѣсколько минутъ я лежала, размышляя о чудесныхъ происшествіяхъ этого дня. Я была «Мистриссъ Маунтъ», я была окружена величайшею роскошью. Моя голова покоилась на мягкихъ подушкахъ, обшитыхъ тонкими кружевами. Мои ноги были покрыты шелковымъ, затканнымъ одѣяломъ. Дотронувшись до пуговки около моей постели, я могла залить свою комнату свѣтомъ или позвать горничную. Ради забавы я прижала ближайшую изъ пуговокъ. Сейчасъ же лампы на бархатныхъ подставкахъ и свѣчи около зеркала, съ розоватыми абажурами, засвѣтились чуднымъ свѣтомъ. Противъ такого приглашенія нельзя было устоять. Я вскочила съ постели и стала любоваться на свое отраженіе въ зеркалѣ. Затѣмъ, окунувъ лицо въ большой серебряный тазъ со свѣжею водой и пригладивъ волосы, я вышла въ гостиную къ моему мужу.

Онъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Онъ прижалъ меня къ себѣ, заявилъ, что я съ каждою минутой становлюсь все красивѣе, и поцѣловалъ еще и еще.

— Не будемъ обѣдать дома, — сказалъ онъ. — Это самое лучшее, что можно сдѣлать, увѣряю тебя. Ты, навѣрное, ужасно будешь вести себя, если мы цѣлый вечеръ проведемъ дома.

Вести себя! Но тѣмъ не менѣе планъ былъ превосходенъ. Я побѣжала назадъ, принесла шляпу и накидку, и мы поѣхали въ большой ресторанъ, мѣсто, гдѣ до тѣхъ поръ мнѣ ни разу не приходилось быть. Всѣ кушанья здѣсь были такъ красиво убраны, что казалось прямо грѣхомъ разрушать ихъ, и до этого вечера я ни за что не могла бы представить себѣ, что можно, не жалуясь на скуку, просидѣть за столомъ часъ съ четвертью.

Конечно, мы не все время ѣли—не подумайте только, что я обжора, какіе бы ни были другіе недостатки, которые вы готовы сложить у моихъ дверей,—но послѣ дессерта мы пили кофе, потомъ болтали; потомъ явились маленькія рюмочки, наполненныя какой-

то необыкновенною зеленою жидкостью; мой мужъ сказалъ, что это зеленый кюрасо, и мы разболтались еще больше, когда попробовали его. Прелесть такого обѣда была вновѣ для меня, а Рэджинальдъ конечно не могъ думать о расходахъ теперь, когда даже я не думала о такомъ вздорѣ. Я видѣла по его глазамъ, что онъ любуется мной.

— Куда мы поѣдемъ?—спросилъ онъ, когда мы наконецъ встали.—Въ театръ, въ оперу или въ Café Chantant, куда ты хочешь!

— Въ Café Chantant!—храбро сказала я.—Я никогда не была тамъ.

— И ты хочешь ѣхать туда, потому что ты думаешь, что это не хорошо?—смѣясь спросилъ онъ.

— О, теперь я замужняя женщина,—отвѣтила я съ большой важностью.—Я могу ѣхать, куда хочу, съ моимъ мужемъ.

Отвѣтъ этотъ ему такъ понравился, что одну минуту я боялась, что онъ схватитъ меня и поцѣлуетъ на глазахъ у всѣхъ. Но онъ удовлетворился тѣмъ, что бросилъ мнѣ взглядъ, въ которомъ выражалось это желаніе, и, снова подозвалъ экипажъ;—мысль о томъ, сколько онъ долженъ былъ тратить на экипажи, наполнила меня ужасомъ; мнѣ казалось это гораздо большею роскошью, чѣмъ обѣдъ. Мы поѣхали, смѣясь, по направленію къ деревьямъ Елисейскихъ Полей. Не совсѣмъ прилично проводила я день своей свадьбы; но все это подходило къ моему безумному обрученію.

Мы сѣли за маленькимъ столикомъ противъ сосны, гдѣ мужчины и женщины выходили и пѣли странныя пѣсни, казавшіяся мнѣ безсмысленными, хотя ихъ привѣтствовали громкими рукоплесканіями. Тѣмъ не менѣе мнѣ было интересно; мнѣ нравилась новизна, и я только что хотѣла подѣлиться своими впечатлѣніями съ Рэджинальдомъ, который, какъ я замѣтила, обладалъ гораздо большимъ знаніемъ французскаго языка, чѣмъ я, какъ у него вырвалось короткое восклицаніе.

Я увидѣла человѣка скорѣе въ костюмѣ для верховой ѣзды, въ картузѣ верблюжьяго цвѣта и въ свѣтлыхъ рейтузахъ, онъ ударилъ Рэджи по плечу и сказалъ что-то такъ скоро, что я не могла разобрать.

— Великій Боже!—простоналъ Рэджинальдъ, весь поблѣднѣвъ.—Пойдемъ,—сказалъ онъ мнѣ, мы должны уйти, дорогая моя.

— Уйти?—повторила я съ изумленіемъ.—О, хорошо, я готова.

Въ эту минуту около меня опрокинули стулъ и послышался шумъ борьбы. Въ одну минуту всѣ были на ногахъ. Я видѣла, что жандармы брали кого-то, но сейчасъ же все смѣшалось, и толпа

скрыла отъ моихъ глазъ и полицію, и ея добычу. Я протянула руку, чтобы взять подъ руку моего мужа, но его не было около меня. Во время свалки толпа отдѣлила его отъ меня. Рэджи,—закричала я, гдѣ ты?—Внѣ себя бросилась впередъ—его нигдѣ не было видно. Въ эту минуту одинъ господинъ, сидѣвшій недалеко отъ меня,—поднялъ шляпу и сказалъ по-французски:—Не безпокойтесь, mademoiselle. Вы потеряли вашего друга, если позволите, я провожу васъ къ нему?

Я вздохнула съ облегченіемъ. О, благодарю васъ,—сказала я;—что случилось съ нимъ? Вы видѣли?

— Совсѣмъ въ обратномъ направленіи,—отвѣтилъ онъ улыбаясь;—позвольте мнѣ...

Онъ предложилъ мнѣ руку и быстро повелъ черезъ толпу къ Елисейскимъ Полямъ. Пошелъ дождь. Онъ позвалъ закрытый фіакръ и сталъ совѣтовать подождать въ немъ.

— Такъ будетъ лучше для васъ,—пробормоталъ онъ,—вы взволнованы.—Посидите спокойно минутъ пять, я вернусь въ Café и приведу къ вамъ вашего друга.

— Я думала, что онъ ушелъ оттуда. Мнѣ казалось, вы сказали, что онъ ушелъ.

— Я могъ ошибиться,—мягко отвѣтилъ онъ,—не видя васъ, онъ могъ вернуться назадъ.—Вотъ мой совѣтъ; сидите смирно въ фіакрѣ. Если вы вернетесь назадъ, то можете пробѣгать другъ за другомъ болѣе часа.

Онъ опять поднялъ шляпу, закрылъ дверцу и оставилъ меня дрожащей отъ волненія. Не прошло и минуты послѣ его ухода, какъ экипажъ сталъ двигаться. Что сталось съ кучеромъ? Я опустила стекло и высунула голову.

— Стойте,—закричала я.—Что вы дѣлаете? ждите здѣсь.

Кучеръ не отвѣчалъ. Мы быстро двигались по улицѣ.

— Стойте!—неистово крикнула я.—Слышите, что я говорю вамъ? поверните сейчасъ же назадъ!

Онъ пробормоталъ что-то черезъ плечо, чего не было возможности разобрать, и, ударивъ изъ всей силы кнутомъ по лошади, пустилъ ее во всю прыть.

Сердце мое замирало отъ ужаса. Что случилось со мной: я попала, быть можетъ, въ руки негодяя, который, увидѣвъ, что я одна, задумалъ воспользоваться этимъ, чтобъ обобрать меня и убить.

Всѣ исторіи подобнаго рода, какія мнѣ когда-либо приходилось слышать, вихремъ пронеслись въ моей головѣ! А Рэджи, какъ онъ долженъ былъ тревожиться обо мнѣ! Я снова высунула голову и

стала кричать,—не кучеру, а чтобы привлечь вниманіе кого-нибудь изъ прохожихъ.

— Помогите!—кричала я.—Остановите его! Помогите, помогите!

Дождь превратился теперь въ настоящій потопъ, и улицы были пустынны. При свѣтѣ огней, и насколько возможно было разглядѣть при нашей быстрой ѣздѣ, я успѣла замѣтить, что мы въѣхали въ грязную улицу, видъ которой еще болѣе усилилъ мой страхъ. Я сдѣлала послѣднее отчаянное усиліе, чтобы спастись:—Если вы не повернете сейчасъ же назадъ, я велю взять васъ въ тюрьму.

Онъ снова отвѣтилъ мнѣ безсвязнымъ бормотаньемъ и продолжалъ ѣхать дальше. Пять минутъ спустя мы внезапно остановились, и я услыхала стукъ другого экипажа сзади насъ.

Я соскочила на землю, прямо подъ дождь, и стала махать рукой и кричать другому фіакру, чтобъ онъ подъѣхалъ. Но онъ сдѣлалъ это и безъ моего приглашенія, и, къ моему удивленію, изъ него вышелъ незнакомецъ, благодаря совѣтамъ котораго я попала въ такое положеніе, и подошелъ ко мнѣ.

— Бѣдная дѣвочка!—весело сказалъ онъ.—Вы промокните, дитя мое!

— Что это значитъ?—воскликнула я съ негодованіемъ.—Такъ значитъ этотъ пьяный негодяй привезъ меня сюда по вашему приказанію! Вы обманули меня.

— Да, — холодно сказалъ онъ, — я приказалъ ему. А теперь я отошлю оба фіакра.

Я поняла теперь, какъ я была глупа.

— Вы не сдѣлаете ничего подобнаго,—сказала я, стараясь придать возможно больше твердости моему голосу.—Одинъ изъ этихъ фіакровъ долженъ немедленно отвезти меня назадъ къ тому мѣсту, откуда я пріѣхала, а если вы вздумаете помѣшать этому, то предупреждаю васъ, вы поплатитесь за это сильнѣе, чѣмъ вы думаете. Я не ребенокъ, сэръ, и не беззащитная дѣвушка. Мой мужъ сначала отколотитъ васъ, а потомъ отдастъ въ руки полиціи.

Къ моему величайшему удивленію, онъ началъ тихо плакать.

— Слышать такія грубости,—стоналъ онъ,—отъ своей собвенной дочери! Какъ грубо, какъ грубо, и какъ жестоко!

— Какъ вы смѣете!—сказала я задыхаясь.—Что говорите вы! Я стояла подъ навѣсомъ двери и озиралась направо и налѣво, надеждѣ увидѣть какого-нибудь прохожаго. Оба кучера, болтая между собой, подобрали возжи и уѣхали, попрежнему не обращая никакого вниманія на мои слова. Незнакомецъ, впрочемъ, не вы-

разилъ никакого удовольствія, когда они уѣхали. Онъ стоялъ, отирая глаза, и смотрѣлъ на меня.

— Моя родная дочь,—повторялъ онъ,—я цѣлые годы искалъ ее, годы—годы! Наконецъ, я нашелъ тебя, Доротея. Что за жизнь, во всемъ неудача. Что за жизнь!

— Вы съ ума сошли?—воскликнула я.—Меня зовутъ не «Доротея»; я никогда не видѣла васъ. Какъ вы смѣете, какъ вы смѣете такъ обращаться со мной, вы—жалкій вы человѣкъ!...

— Ты забыла меня,—сказалъ онъ,—да, да, ты забыла меня! Это такъ.—Ты была такъ молода, а съ тѣхъ поръ прошло такъ много времени. Тебѣ тогда не было и двадцати лѣтъ.

Я смотрѣла на него болѣе внимательно, и новый ужасъ охватилъ меня. Тусклый, блуждающій взглядъ, безсвязныя слова, дѣтскія слезы изъ-за моей, какъ онъ выражался, грубости, все говорило мнѣ, что передо мною былъ слабоумный.

— Вы ошиблись,—сказала я, смотря ему прямо въ глаза и твердо отчеканивая каждое слово, въ надеждѣ подѣйствовать на него.—Я вамъ совсѣмъ чужая, желаю вамъ покойной ночи. Надѣюсь, что завтра вы увидите Доротею. Прощайте.

Къ моему большому облегченію онъ не сдѣлалъ никакого усилія, чтобы удержать меня. Онъ вынулъ ключъ изъ кармана и отперь дверь, около которой мы стояли, повидимому совершенно забывъ о моемъ существованіи.

Я была совсѣмъ разбита, и меня страшно волновала мысль о Рэджинальдѣ, безпокойство котораго теперь должно было достигнуть крайнихъ предѣловъ. Вдругъ я вспомнила, что не разслышала названія Café, гдѣ мы были и куда я должна была вернуться.

— Одну минуту,—сказала я: смѣлость вернулась ко мнѣ, когда я увидѣла, что онъ не хочетъ сдѣлать мнѣ ничего дурного,—одну минуту! Вы поступили очень дурно и конечно сознаете это. Мой мужъ долженъ теперь страшно безпокоиться обо мнѣ, и вы къ тому же напугали меня. Единственно, что вы можете сдѣлать теперь, это сказать мнѣ, какъ называется мѣсто, гдѣ мы встрѣтились. Я первый разъ въ Парижѣ. Какъ называется Café?

— «Ambassadeur»,—отвѣтилъ онъ.—Безъ сомнѣнія, онъ ждетъ васъ тамъ. Покойной ночи, mademoiselle. Дождь пересталъ, вы хорошо пройдетесь. Такъ вы вполнѣ увѣрены, что вы не Доротея?—прибавилъ онъ, снова подозрительно посмотрѣвъ на меня.

— Вполнѣ увѣрена,—поспѣшно отвѣтила я,—вполнѣ!—И не давъ ему времени снова приняться за его жалобы, какъ онъ повидимому намѣревался, я быстро убѣжала отъ него.

IV.

Но въ какую сторону должна была я направить свои шаги? Я не знала, гдѣ я находилась, и весь городъ былъ для меня своего рода лабиринтомъ. Къ счастью, ужасный человѣкъ сказалъ правду, дождь пересталъ, но я настолько промокла, что погода не могла имѣть для меня значенія.

Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, я остановилась и оглянулась вокругъ, задыхаясь отъ волненія. Я увидѣла, что судьба вела меня по направленію къ широкому проспекту съ блестящими магазинами. Онъ пересѣкалъ грязную улицу, въ которой я находилась, и съ того мѣста, гдѣ я стояла, я могла уже слышать грохотъ экипажей и звонки трамваевъ.

Дойдя до конца моей улицы, я увидѣла, что названіе проспекта, на который я вышла, было «Avenue des Termes», и, обратившись къ первому проходившему мимо меня человѣку, я попросила его сказать мнѣ, какъ пройти въ «Café des Ambassadeurs».

Онъ вѣжливо объяснилъ мнѣ, но сказалъ, что мнѣ надо взять фіакръ, такъ какъ это очень далеко, и я могу сбиться съ дороги.

Совѣтъ его былъ хорошъ, но мнѣ невозможно было исполнить его, такъ какъ у меня не было денегъ. Тѣмъ не менѣе я поблагодарила и пошла по указанному направленію такъ скоро, какъ только могла, чтобы поскорѣе найти Рэджи и успокоить его.

Это ночное странствованіе по большому, незнакомому городу было похоже на страшный кошмаръ. Только въ кошмарѣ приходилось мнѣ и раньше, и потомъ испытывать томительное чувство безпомощности, весь ужасъ положенія, когда стремишься по незнакомымъ мѣстамъ къ цѣли, которой, повидимому, достигнуть невозможно.

Мои собственные шаги пугали меня; проходившіе мимо меня люди, казалось, угрожали мнѣ, и только видъ полисменовъ съ ихъ фуражками и военною выправкой на время нѣсколько успокоивалъ меня.

Потомъ новое сомнѣніе сжало мое сердце. Кафе, куда я шла, могло быть заперто! Я потеряла счетъ времени и даже не знала, въ которомъ часу произошелъ скандалъ. Вѣдь, если кафе заперто, Рэджинальдъ долженъ былъ уйти. И тогда мнѣ пришлось бы остаться одной подъ черными, намокшими отъ дождя деревьями! О, что было дѣлать тогда? Я проходила мимо многихъ фіакровъ, но, какъ было сказано, у меня не было ни гроша, а мое недавнее приключеніе такъ напугало меня, что я ни въ какомъ случаѣ не рѣ-

шилась бы сѣсть ни въ одинъ изъ нихъ. Мои ноги болѣли; отчаяніе душило меня; въ вискахъ у меня страшно стучало. И это былъ день моей свадьбы! День моей свадьбы—Боже правый! Да, можетъ быть, я заслужила это! Но эта мысль не могла мнѣ доставить никакого облегченія.

Наконецъ мои напряженные глаза замѣтили длинную бѣлую линію огней, и разспросы помогли мнѣ найти кафе, которое я искала.

Самое худшее изъ моихъ опасеній оправдалось: кафе было заперто. Я подбѣжала ко входу и стала безпокойно озираться вокругъ. Если Рэджи не ушелъ отсюда, потерявъ надежду найти меня здѣсь, онъ долженъ былъ ждать меня около входа, но его не было видно. Много народу проходило мимо, но его не было. Мои глаза перебѣгали съ одного на другого; я горячо молилась, чтобъ услышать его голосъ.

Съ какою жадностью всматривалась я въ лица проходившихъ мимо людей. Темныя, свѣтлыя, мрачныя и веселыя лица проходили мимо меня, но только не Рэджинальдъ! Можетъ быть, онъ ушелъ домой, отчаявшись встрѣтить меня? Но даже и тогда, узнавъ, что я не возвратилась, онъ долженъ былъ бы опять вернуться сюда? Но не могла же я стоять здѣсь до безконечности, и самое лучшее, что я могла дѣлать, это—отправиться на нашу квартиру и ждать тамъ. Для этого мнѣ, конечно, можно было нанять фіакръ; еслибы даже Рэджинальда тамъ не было, прислуга могла бы заплатить за проѣздъ, и какъ разъ кучеръ съ широкимъ, добродушнымъ, внушающимъ довѣріе лицомъ предложилъ мнѣ свои услуги.

— Хорошо,—сказала я и хотѣла взойти въ экипажъ.

— Куда, мадемуазель?—спросилъ онъ.

— Куда?—Я чуть не упала при этомъ вопросѣ. Какъ ни неправдоподобно это можетъ показаться, но до этой минуты мнѣ ни разу не приходило въ голову, что я совершенно не знала адреса квартиры. Я не знала ни номера, ни улицы. «Куда?»—Никуда! Я не могла указать ему мѣсто. Я затерялась, подобно ребенку, затерялась въ день моей свадьбы въ Парижѣ.

— Никуда,—пробормотала я.—Не надо, я не поѣду.

Онъ посмотрѣлъ на меня и сталъ ворчать что-то. Я снова пошла, ошеломленная, убитая этимъ новымъ несчастіемъ. Куда мнѣ было идти? Что мнѣ было дѣлать?

Я шла, спотыкаясь, ничего не видя передъ собой. Я потеряла всякую способность соображать и не могла найти никакого выхода изъ моего отчаяннаго положенія. Одна мысль безостановочно стучала въ моей головѣ—надо было необходимо найти нашу квартиру;

и я рѣшилась бродить по улицамъ, выбирая изъ нихъ лучшія, до тѣхъ поръ, пока случайно не наткнусь на нее.

Теперь я была на бульварахъ и покуда я стояла, соображая, хватитъ ли у меня силъ, чтобъ исполнить это невѣроятное намѣреніе, я услышала, что кто-то съ удивленіемъ произнесъ мое имя.

Я быстро обернулась и увидѣла даму и господина въ вечернихъ туалетахъ, выходившихъ изъ одного ярко-освѣщеннаго ресторана.

— Нелли,—повторила дама,—узнаешь ли ты меня?

Я вздохнула съ облегченіемъ. Да, я узнала ее. Это была Долли, три года тому назадъ оставившая пансіонъ мадемуазель Дюранъ, Долли—мой лучшій другъ!

— О, Долли!—воскликнула я и, плача отъ радости, бросилась къ ней на шею.

— Что это значитъ? — воскликнула она, — что ты дѣлаешь здѣсь одна? Джеральдъ, тебѣ часто приходилось слышать отъ меня о миссъ Лингудъ — моей школьной подругѣ? Нелли, позволь представить тебѣ моего мужа. Дитя мое, ты совсѣмъ промокла!

— Я самая несчастная женщина въ свѣтѣ,—рыдая, проговорила я.—Я потерялась,—сегодня утромъ я вышла замужъ, и я не знаю ни гдѣ мой мужъ, ни гдѣ онъ живетъ, и я почти умираю отъ страха.

Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на меня.

— Ты вышла замужъ сегодня утромъ?—повторила она.—Ну, прежде всего ты должна ѣхать со мною домой и перемѣнить платье,—оно насквозь промокло. Потомъ ты разскажешь мнѣ все, что съ тобой случилось.

И прежде чѣмъ я успѣла сообразить хорошенько внезапную перемѣну въ моей судьбѣ, мы уже ѣхали втроемъ къ отелю, гдѣ остановились моя подруга и ея мужъ, а черезъ полчаса я сидѣла передъ огнемъ въ комфортабельной спальнѣ въ тепломъ капотѣ, съ чашкой бульона въ рукахъ, а противъ меня Долли, которая смотрѣла во всѣ глаза и была воплощенное вниманіе.

— Я подумала, что намъ будетъ лучше остаться однѣмъ,— сказала она.—Такимъ образомъ, ты можешь все разсказать мнѣ, а если можно будетъ что-нибудь передать Джеральду, то мы сдѣлаемъ это завтра.

— У меня рѣшительно ничего нѣтъ, чего бы я должна была стыдиться,— объявила я,—рѣшительно ничего. За исключеніемъ только одного, конечно,—я бѣжала изъ школы, и я думаю, что это было нехорошо.

— Ты убѣжала отъ мадемуазель Дюранъ?—улыбнулась она,—

и ты вышла замужъ сегодня и въ толпѣ потеряла своего мужа? Великій Боже, сколько приключеній!

Я передала ей всѣ событія съ начала до конца: какъ мы поѣхали въ Ambassadeurs, какъ произошло замѣшательство, во время котораго исчезъ Реджинальдъ, и какой-то сумасшедшій хотѣлъ затѣмъ завладѣть мной, потому что я напоминала ему дочь, которую онъ потерялъ.

— Это самыя удивительныя приключенія, какія мнѣ когда-либо приходилось слышать!—воскликнула она.—Этого достаточно, чтобы посѣдѣть; и какъ я рада, что увидала тебя! Я чуть было не прошла мимо, не окликнувъ тебя, такъ какъ подумала, что ты никакъ не можешь быть здѣсь.

— Что было бы со мной, еслибъ ты не окликнула меня? Даже теперь, при одной мысли объ этомъ, мнѣ чуть не дѣлается дурно!

— Дорогая моя, бѣдная, я понимаю это, — сказала Долли.— Какое начало замужней жизни! У меня сейчасъ тоже медовый мѣсяцъ, ты знаешь, такъ что я вполнѣ могу представить себѣ твое положеніе. Мы повѣнчались съ Джеральдомъ ровно двѣ недѣли тому назадъ. Онъ—изъ колоній, очень издалека. Онъ никогда не бывалъ въ Англіи и пріѣхалъ туда только три мѣсяца тому назадъ. Онъ пріѣхалъ, увидѣлъ меня—и побѣдилъ. Душечка моя!—она обняла меня,—какъ я рада, что снова вижу твое милое личико. Не печалься! Твой мужъ завтра будетъ съ тобой, обѣщаю тебѣ. Ты можешь быть увѣрена, что теперь онъ бѣгаетъ по всему Парижу въ поискахъ за тобой.

Я была увѣрена въ этомъ, но это не могло успокоить меня. Мысль, что онъ думаетъ, можетъ быть, что я убита, что его мучаютъ всевозможныя опасенія по поводу моей судьбы, тогда какъ я сижу въ роскошномъ креслѣ передъ веселымъ огнемъ, была мнѣ невыносима. Я сказала это Долли.

— О,—возразила она,—конечно, я понимаю это. Но врядъ ли было бы лучше, еслибъ ты лежала теперь на скамейкѣ, на открытомъ воздухѣ. Будь увѣрена, что когда мистеръ Маунтъ пріѣдетъ завтра за тобой, онъ будетъ очень радъ, что ты устроилась такъ хорошо.

— Я знаю все это, знаю, но...

— Но ты останешься здѣсь и ляжешь спать, — отвѣтила она рѣшительнымъ тономъ.—А тѣмъ временемъ я пойду и разскажу все Джеральду. Кто родные твоего мужа?

— Я не знаю,—отвѣчала я.

— Ты не знаешь? Развѣ онъ ничего не разсказывалъ тебѣ о себѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтила я,—почти ничего.

— Но ты знаешь все же адресъ кого-нибудь, къ кому бы можно было обратиться? Его матери или отца—*кого-нибудь*.

— Я никого не знаю,—съ отчаяніемъ прошептала я.

— И ты не знаешь, ты не имѣешь ни малѣйшаго представленія о томъ, гдѣ находится квартира. Близко отъ станціи? Или далеко отъ станціи? Мимо какихъ зданій проѣзжали вы, когда ѣхали?

— Я смотрѣла на Рэджинальда, — сказала я,—я не замѣтила ни зданій, ни сколько времени мы ѣхали.

— Удивительно,— воскликнула пораженная Долли.—Ты увѣрена, по крайней мѣрѣ, что квартира была въ дѣйствительности? Ты не во снѣ это видѣла?

— Это была прекрасная квартира, — увѣренно сказала я.— Она въ первомъ этажѣ. Все тамъ великолѣпно. Всѣ туалетныя принадлежности изъ серебра; на стѣнахъ чудныя картины. Въ гостиной мраморныя и бронзовыя вещи, которыя стόятъ, навѣрное, страшно дорого. Я никогда не видѣла ничего, что хотя бы нѣсколько приближалось къ этому.

— Ты, повидимому, очень хорошо замѣтила все, что находится въ этой чудной квартирѣ,—сказала Долли.—Жаль одного, что ты не знаешь, гдѣ она.

Я не могла ни возражать ей, ни оправдывать свою глупость. Во-первыхъ, она была права, а, во-вторыхъ, я была слишкомъ утомлена для того, чтобы спорить. Я начинала желать, чтобъ она прекратила этотъ разговоръ на сегодня и оставила бы меня одну, чтобы дать мнѣ попробовать уснуть. Было, правда, трудно себѣ представить, чтобы всѣ происшествія, о которыхъ ей пришлось слышать, какъ она говорила въ первый разъ въ жизни, случились всѣ въ одинъ день,—и голова моя страшно болѣла. Только сегодня утромъ я тихо кралась по Морвильскому саду, и казалось, что прошла недѣля, даже мѣсяцъ! Только сегодня утромъ я была пансіонеркой, а вечеромъ въ тотъ же день я была женой безъ мужа, замужнею женщиной, не имѣющей своего угла! Небо, какъ тяжела была моя голова! Долли замѣтила, наконецъ, мое состояніе и собралась уходить.

— У тебя есть все, что надо,—сказала она,—ничего больше не нужно? Теперь будь паинька и не волнуйся. И не вставай до тѣхъ поръ, пока не почувствуешь, что совсѣмъ хорошо отдохнула. Долгій, долгій сонъ лучше всего поможетъ тебѣ; въ концѣ концо

тебѣ и нечего особенно безпокоиться, знаешь, *онъ* сдѣлаетъ все возможное. Я надѣюсь, что до завтрака мы уже услышимъ о немъ. Джеральдъ пойдетъ и наведетъ справки, а теперь ты можешь лежать спокойно, тѣмъ болѣе, что ты можешь утѣшаться тѣмъ, что съ своей стороны истратила достаточно энергіи.

Она поцѣловала меня въ щеку и оставила меня, и только поздно, какъ поздно, я не могу сказать, но уже на небѣ стало свѣтло, я погрузилась въ тревожный сонъ, въ которомъ пережила снова всѣ мои бѣдствія, страстно искала Рэджинальда, и мнѣ казалось, что я ищу его цѣлую вѣчность по всѣмъ кварталамъ Парижа и все такъ же безуспѣшно.

Когда я проснулась, Долли сидѣла около моей кровати и съ ласковою улыбкой смотрѣла на меня.

— Вотъ это хорошо, — сказала она. — Вы проспали почти полдня, молодая женщина. Какъ ты себя чувствуешь?

— Лучше!—отвѣтила я.—Который часъ?

— Три часа. Ты голодна?

— Что новаго? Есть какія-нибудь извѣстія?—воскликнула я.

Она опустила глаза и стала нервно перебирать бахрому одѣяла, ничего не отвѣтивъ мнѣ.

— Долли?

— Джеральдъ наводилъ справки,—медленно отвѣтила она,— но до сихъ поръ ничего не извѣстно. Мы долго разговаривали съ Джеральдомъ обо всемъ этомъ, дорогая моя.

— Да?—сказала я.—Да? Что же онъ совѣтуетъ?

Что-то въ ея лицѣ пугало меня, и я не могла собраться съ духомъ повторить свой вопросъ. Когда же я повторила его, она тоже отвѣтила мнѣ вопросомъ.

— Ты вполнѣ увѣрена, что все было такъ, какъ ты разсказывала,—сказала она,—точно такъ?

— Вполнѣ увѣрена. Но что же это?—простонала я.—Неужели ты не вѣришь мнѣ, Боже мой! Зачѣмъ ты спрашиваешь такимъ тономъ?

Она снова замолчала, потомъ взяла мою руку и стала гладить ее.

— Я хотѣла бы серьезно поговорить съ тобой, Нелли, — сказала она,—если только ты въ силахъ выслушать меня!

V.

Что хотѣла она сказать? Ея послѣднія слова были еще ужаснѣе первыхъ.

— Такъ ли это необходимо въ концѣ концовъ употреблять всѣ усилія, чтобы разыскать этого человѣка?—сказала она.

— Разыскать кого—Реджинальда?

— Да, Реджинальда, если это дѣйствительно его имя! Можетъ быть, какъ ни дурно все то, что случилось, но могло бы случиться гораздо хуже, дорогой мой дружокъ.

— Долли!

— Видишь,— продолжала она, — какъ я тебѣ сказала, я все разсказала Джеральду, и ему бросились въ глаза нѣкоторые факты, которые требуютъ поясненія, дитя мое. Ты должна узнать, что всѣ эти обстоятельства кажутся очень подозрительными. Ты встрѣтила незнакомаго человѣка, глупо, безумно влюбилась въ него и убѣжала съ нимъ. Ты ничего ровно не знаешь о немъ. Ты обвѣнчалась, хотя неизвѣстно, было ли это дѣйствительно вѣнчаніе, и вдругъ онъ исчезаетъ.

— Долли,—повторяла я съ мучительною тоской,—Долли!

— Да, я знаю, это ужасно слышать, но ты должна узнать правду, ты должна. Джеральдъ, скажу тебѣ прямо, ни на минуту не сомнѣвался, что никакого вѣнчанія не было. И еслибы не внезапное исчезновеніе этого человѣка вчера ночью, твоя жизнь была бы навсегда испорчена, Нелли. Какъ ни странно это можетъ звучать, но путь, который онъ избралъ для того, чтобы обмануть и погубить тебя, можетъ послужить къ твоему спасенію. Если ты не его жена, ты никогда больше не увидишься съ нимъ. Молись, молись о томъ, чтобъ это было дѣйствительно такъ и чтобы ты не была связана съ г. «Реджинальдомъ Маунтъ».

Я не могла говорить и лежала молча, смотря на нее. Я думала, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе пяти минутъ, и, наконецъ, сказала:

— Онъ не «исчезъ», я потеряла его.

Она покачала головой.

— Но какъ?

— Какъ? Въ толпѣ.

— Въ какой толпѣ, какъ образовалась толпа, дорогая моя?

— Арестовали человѣка, ты знаешь, я разсказывала тебѣ!

— Ты видѣла, кого арестовали?

— Н-нѣтъ,—сказала я.—Такъ что-жъ изъ этого?

— *Что* ты видѣла?

— Я видѣла, что опрокинули стулъ и два жандарма пробивали себѣ путь черезъ толпу. Ничего нельзя было хорошо разобрать.

— А гдѣ же былъ тогда мистеръ Маунтъ?

— Рэджинальдъ только что всталъ. Но ты уже слышала все это.

— Знаю, что слышала, — отвѣтила она. — Но мнѣ хочется снова услышать отъ тебя все это. Продолжай.

— Рэджинальдъ только что всталъ.

— Внезапно?

— Д-да, можетъ быть, немного внезапно. Онъ сказалъ: «Пойдемъ!» — и поднялся.

— Это удивило тебя?

— Не знаю, чему мнѣ было удивляться, я подумала, что онъ чѣмъ-нибудь встревоженъ, вотъ и все.

— Если ты подумала, что онъ встревоженъ, значитъ, ты была удивлена. Мнѣ кажется, ты говорила, что какой-то человѣкъ шепнулъ ему что-то на ухо.

— Да. Какой-то человѣкъ подошелъ къ нему какъ разъ передъ тѣмъ, какъ былъ опрокинутъ стулъ.

— Что отвѣтилъ мистеръ Маунтъ?

— Онъ сказалъ: «Великій Боже», или что-то въ этомъ родѣ. Потомъ онъ всталъ.

— Показался онъ тебѣ взволнованнымъ?

Я чувствовала, что мой языкъ начинаетъ прилипать къ гортани.

— Да, онъ поблѣднѣлъ.

— Очень?

— Очень, онъ сказалъ: надо идти, и мы пошли. Потомъ произошла свалка. Вбѣжали жандармы. Всѣ повскакали. Меня оттѣснили отъ него, и...

— И мистеръ Маунтъ ушелъ?

Я подтвердила это:

— Мистеръ Маунтъ ушелъ.

Долли закусила губы и стала пристально разсматривать кончикъ своей ботинки.

— Какой же выводъ? — медленно сказала она.

Но я отказалась сдѣлать какой-либо выводъ. На самомъ дѣлѣ, я была потрясена внезапно сверкнувшимъ во мнѣ подозрѣніемъ.

— Не знаю, — прошептала я.

— Нѣтъ, дорогая, — сказала она, — ты знаешь. Конечно, мы можемъ ошибиться, и я очень, очень хочу, чтобы мы ошиблись, но такъ, какъ теперь стоитъ дѣло, выводъ ясенъ. Человѣкъ, котораго арестовали, и человѣкъ, за котораго ты вышла замужъ, или думала, что выходишь, одно и то же лицо.

Я застонала. И хотя я ни за что не хотѣла допустить этого,

безпощадный выводъ, высказанный такъ прямо моею подругой, подобно кинжалу вонзился въ мое сердце.

— Скажи мнѣ,—продолжала она,—гдѣ происходило твое вѣнчаніе? Самое важное теперь — это узнать, дѣйствительно ли ты его жена.

— Я ничего не могу сказать тебѣ относительно этого. Я была смущена, взволнована. Оно происходило въ комнатѣ.

— Въ Мэріи?

— Почемъ я знаю!

— Въ которомъ часу?

— Въ три часа. Я припоминаю...

— Что ты припоминаешь?—спросила Долли.

— Я припоминаю, что... о, это не относится къ дѣлу, все равно.

— Нѣтъ относится. Джеральдъ говоритъ, что самыя, повидимому, незначительныя вещи могутъ имѣть огромное значеніе. Ты говоришь?

— Я хотѣла сказать, что какъ разъ передъ тѣмъ, какъ оставить квартиру, я одну минуту боялась,—только одну,—что онъ въ концѣ-концовъ совсѣмъ не хочетъ жениться на мнѣ. Онъ такъ странно говорилъ, но я тогда такъ же несправедливо заподозрила его, какъ ты сейчасъ!

— Но развѣ нельзя предположить, что для того, чтобъ удовлетворить твое желаніе, онъ устроилъ фальшивый обрядъ вѣнчанія?

— Не знаю, ничего не знаю,—простонала я и, уткнувъ лицо въ подушки, повернулась къ стѣнѣ и разразилась рыданіями.

Долли встала, подошла къ окну и стала смотрѣть на улицу, потомъ, когда прошелъ первый взрывъ моего отчаянія, сказала:

— Послѣ обѣда мы обсудимъ все это дѣло вмѣстѣ съ Джеральдомъ. А теперь пока не приходи въ такое отчаяніе. Ты можешь заболѣть, а при настоящемъ положеніи вещей это самое худшее, что можетъ быть, помни это. Во всякомъ случаѣ скоро все должно выясниться. Или онъ свободенъ и ищетъ тебя по всему Парижу, или онъ въ тюрьмѣ. Если онъ ищетъ тебя, то мы сегодня же услышимъ о немъ, если же мы ничего не услышимъ до завтра, то какъ ни грустно, мы должны будемъ предположить худшее, и тогда рѣшить, что дѣлать. А теперь я уйду, а ты вставай.

Но я тѣмъ не менѣе встала не тотчасъ же. Меня давило предчувствіе, что мы *ничего* не услышимъ, и въ глубинѣ своего сердца я была убѣждена, что подозрѣніе ея было вѣрно. Что должно стать-

ся со мной? Была я его женой или нѣтъ? А если была, то можно ли было сдѣлать это вѣнчаніе недѣйствительнымъ?

Эти вопросы терзали мою душу. Что могла я написать моему отцу? Гдѣ мнѣ было жить? Какъ долго могла я пользоваться гостепріимствомъ Долли и ея мужа? Я была достаточно умна, чтобы сообразить, что ея мужъ не могъ быть доволенъ моимъ присутствіемъ именно теперь, не говоря уже обо всѣхъ другихъ обстоятельствахъ, и что онъ будетъ очень недоволенъ, если я останусь до завтра.

Когда я сошла и снова увидѣла его, мое предположеніе оправдалось. Онъ былъ безукоризненно вѣжливъ, но никто не могъ бы найти въ немъ хоть немного сердечности по отношенію ко мнѣ. Долли напрасно старалась заставить его высказаться. На ея вопросы онъ отвѣчалъ весьма односложно.

— Я боюсь, что мало что могу сказать для успокоенія миссъ Лингудъ,—сказалъ онъ,—обстоятельства складываются очень неблагопріятно.

— Думаете вы, что это было фальшивое вѣнчаніе, мистеръ Уэсерби?—нервно спросила я.

Онъ поднялъ брови и пожалъ плечами.

— А сказать вамъ правду, я нахожу, что это такой вопросъ, который трудно обсуждать съ вами, миссъ Лингудъ,—отвѣтилъ онъ. Но изъ его намѣреннаго повторенія моего дѣвичьяго имени я поняла, что онъ не вѣритъ въ этотъ бракъ.

Долли замѣтила какое впечатлѣніе производитъ на меня его отношеніе ко мнѣ, мнѣ казалось даже, что навѣрно утромъ между ними произошла маленькая ссора по поводу меня, и въ ея стараніяхъ разсѣять это дурное впечатлѣніе особенной лаской и внимательностью ко мнѣ чувствовалась нѣкоторая неловкость.

— Я былъ во всѣхъ мѣстахъ,—продолжалъ мистеръ Уэсерби,—куда долженъ былъ бы обратиться этотъ человѣкъ... мистеръ Маунтъ... еслибъ онъ принялся за розыски, но мнѣ сказали, что никто къ нимъ не обращался. Я сообщилъ свѣдѣніе о васъ и о вашемъ мѣстопребываніи во всѣ необходимыя учрежденія, и я сожалѣю, что ничего больше нельзя сдѣлать.

Но его тонъ говорилъ мнѣ: вы неприличная, испорченная дѣвушка, и я ни въ какомъ случаѣ не могу одобрить дружбу моей жены къ вамъ.

— Одно несомнѣнно!—объявила Долли.—Это неопредѣленное положеніе скоро должно кончиться, и мы не должны забывать это! Мы каждую минуту можемъ увидать твоего таинственнаго джентльмена, дорогая моя!

Втайнѣ я продолжала лелѣять эту мечту: гдѣ жизнь, тамъ и надежда,—это была соломинка, за которую я хваталась. Я провела цѣлый вечеръ въ напряженномъ ожиданіи, прислушивалась, не раздастся ли стукъ въ гостиную дверь и не выйдетъ ли слуга, чтобы сказать, что «господинъ» желаетъ меня видѣть.

Увы, часы проходили, и ничего не случилось. Въ десять я пошла спать, не потому, что мнѣ хотѣлось спать, но потому, что я чувствовала, что мѣшаю. Утромъ моимъ первымъ вопросомъ было: «Слышали что-нибудь о немъ?» И первыя слова, которыя я услышала: «Нѣтъ, еще ничего не извѣстно».

Ничего не извѣстно! Это былъ мягкій способъ сказать мнѣ, что надо предполагать худшее. Вѣжливость мужа по отношенію ко мнѣ становилась ледяной, и для меня было несомнѣнно, что я должна была какъ можно скорѣе проститься съ Долли и съ нимъ.

Но, Боже мой, куда же мнѣ было идти? Безъ денегъ, безъ родныхъ, безъ друзей, которые могли бы открыть мнѣ двери своего дома; я не могла скрыть своего безпокойства, но я не хотѣла также скрывать своего намѣренія. Я сказала о немъ мистеру и мистрисъ Уэсерби.

— Я должна поблагодарить васъ обоихъ за вашу доброту; я никогда не забуду объ этомъ. Сегодня я разстанусь съ вами.

Первый изъ нихъ ничего не отвѣтилъ. Онъ, казалось, вѣжливо соглашался со мной. Но Долли, конечно, взволновалась.

— Ты хочешь уйти отъ насъ, но куда же, Нелли?—воскликнула она.

Я колебалась.

— Дѣло въ томъ,—сказала я,—что я сама хорошенько не знаю, что мнѣ дѣлать теперь. Мой отецъ въ Индіи, и я не могу ѣхать къ нему; за исключеніемъ мадемуазель Дюранъ я никого не знаю.

— Но, вѣдь, это же ужасно!—воскликнула Долли съ сочувствіемъ,—я бы просила тебя остаться съ *нами*, но...

— О, благодарю,—сказала я,—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

— Видишь ли,—продолжала она,—мы путешествуемъ, и...

— Если вы позволите мнѣ дать совѣтъ,—перебилъ ее мужъ,—я сказалъ бы, что для миссъ Лингудъ лучше всего вернуться въ школу, изъ которой она ушла. Конечно, тутъ есть свои неудобства, но это ея домъ—и единственный домъ, куда она можетъ обратиться.

— О!—съ трудомъ проговорила я,—я не могу! Это невозмож-

но для меня! Къ тому же «mademoiselle» ни за что не согласится принять меня,—это невозможно.

— Такъ что же вы думаете дѣлать?—спросилъ онъ.

Я безпомощно опустила голову.

— Я знаю, конечно, что нахожусь въ очень затруднительномъ положеніи.

— Вы находитесь въ труднѣйшемъ положеніи, милая барышня,—сказалъ онъ,—и изъ этого положенія есть только одинъ выходъ. Отправляйтесь къ вашей наставницѣ и попросите у нея прощеніе, займите ваше прежнее положеніе въ школѣ; и пусть эта печальная исторія послужитъ вамъ урокомъ на будущее время! Вотъ самый мудрый совѣтъ, который только можно дать вамъ. Тѣмъ временемъ я постараюсь узнать, дѣйствительно ли вы обвѣнчаны съ мистеромъ Рэджинальдомъ Маунтъ. Если моя жена напишетъ вамъ, что такого брака не было, то вы должны будете возблагодарить небо за то, что ваша неосторожность въ конецъ не испортила вамъ жизнь.

— Знаешь, что я скажу тебѣ, душечка,—прибавила Долли,—если хочешь, я сама свезу тебя къ мадемуазель Дюранъ и постараюсь употребить все свое вліяніе, чтобъ уладить это. Мы можемъ умолчать о томъ, что побудило тебя бѣжать; и она никогда не узнаетъ, что ты убѣжала для того, чтобы выйти замужъ.

— Я уже сказала ей,—воскликнула я,—я разсказала ей все въ запискѣ, которую оставила ей.

— Гм...—сказала она,—это очень грустно! Тѣмъ не менѣе я думаю, что тебѣ лучше всего вернуться,—подумай объ этомъ хорошенько.

Но я рѣшила, что не сдѣлаю ничего подобнаго. Мое униженіе было бы слишкомъ сильно, слишкомъ ужасно! Нѣтъ, другая мысль блеснула у меня въ головѣ. Можно было продать кольцо, которое мнѣ подарилъ Рэджинальдъ, и съ деньгами, вырученными за продажу, я могла жить до тѣхъ поръ, пока не нашла бы себѣ другихъ средствъ для существованія. Я могла поступить на сцену,—карьера, ставшая моей мечтой съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ выступила въ шарадахъ при окончаніи занятій. У меня было небольшое, пріятное сопрано, и я занималась пѣніемъ. Долли и ея колоніальный медвѣдь стали бы, конечно, дѣлать возраженія, еслибъ я сообщила имъ мой проектъ, но я рѣшила ничего не говорить для того, чтобъ они не могли удержать меня. Снова вернуться къ скучной жизни, снова подчиниться школьной дисциплинѣ, отвѣчать не правильные глаголы и римскую исторію моей наставницѣ послѣ

этихъ трехъ дней было невозможно. Я выйду изъ отеля рано утромъ и оставлю письмо, въ которомъ объясню, куда я пошла. Они говорятъ, что моя жизнь могла быть испорчена моей неосторожностью. «Испорченная» или нѣтъ, это была теперь моя собственная жизнь, и я никогда не могла бы подчиняться болѣе требованіямъ школьной наставницы.

VI

На слѣдующее утро я вышла изъ отеля въ десять часовъ утра, позавтракавъ шоколатомъ съ маленькими хлѣбцами. Мое письмо я попросила передать горничную, и въ немъ я написала почти все то, что сказала здѣсь. Я сказала Долли, что не могу слѣдовать совѣтамъ ея мужа и что, несмотря на то, что по годамъ я еще дѣвочка, я чувствую, что перешагнула черту, за которой лежитъ мое дѣтство, и съ этихъ поръ буду жить самостоятельно.

Не знаю почему, но какъ только я вышла изъ отеля на освѣщенную солнцемъ улицу, я почувствовала, точно бремя моихъ несчастій свалилось съ меня. Отель сдѣлался для меня воплощеніемъ моихъ бѣдствій, и хотя они произошли раньше, но мнѣ казалось, что я переживала ихъ именно тамъ. Это было глупо, но я не могла бороться противъ этого ощущенія. Я даже радовалась ему и была довольна, что сохранила еще достаточно мужества, чтобы съ надеждой смотрѣть на начало моей жизни.

Прежде всего надо было получить деньги за кольцо. Система закладовъ была извѣстна мнѣ только по названію, но я была такъ невѣжественна, что совершенно не знала, ни гдѣ, ни какъ это дѣлается, и поэтому ни минуты не могла остановиться на этой мысли. Я вошла въ большой магазинъ ювелирныхъ вещей и предложила купить кольцо.

Продавецъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня. По всему вѣроятію стоимость кольца не соотвѣтствовала моему возрасту.

— Это собственность мадемуазель?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтила я, стараясь, но не особенно успѣшно, преодолѣть свое смущеніе,—кольцо мое.—Его недавно купили, чтобы подарить мнѣ. Мнѣ нужны деньги, и я хочу продать его.

Онъ снова принялся разсматривать его, потомъ, отойдя на другой конецъ комнаты, сталъ совѣтоваться съ пожилымъ господиномъ съ сѣдыми волосами. Я съ тревогой ждала его отвѣта.

Черезъ двѣ или три минуты онъ подошелъ ко мнѣ.

— Къ сожалѣнію,—сказалъ онъ,—мы не имѣемъ обыкновенія

пріобрѣтать вещи такимъ путемъ. Если вы желаете заложить его, то обратитесь въ Mont de-Piété. Прощайте, мадемуазель.

Онъ открылъ передо мною дверь, и я скорѣе скользнула, чѣмъ вышла изъ нея на бульваръ. Его отказъ страшно поразилъ меня, и меня сейчасъ же охватилъ страхъ, что пожалуй кольцо окажется для меня безполезнымъ, и мнѣ все придется выслушивать отказы.

Я надѣялась, что, быть можетъ, мнѣ удастся найти магазинъ, гдѣ кольцо было куплено, и гдѣ поэтому легче было бы уладить дѣло, но я не нашла его и, рѣшивъ, что или я *должна* была найти покупщика, или скромно и покорно явиться къ Долли, я попробовала войти въ другой магазинъ.

И здѣсь приказчикъ вступилъ въ продолжительный разговоръ съ хозяиномъ, но исходъ ихъ бесѣды былъ болѣе благопріятенъ.

— Вы просите?—спросилъ онъ, подходя ко мнѣ. У меня не было ни малѣйшаго представленія о цѣнѣ.

— Самое бо̀льшее, что вы можете дать,—съ отчаяніемъ сказала я.

Онъ предложилъ мнѣ семьсотъ пятьдесятъ франковъ, и я согласилась съ восторгомъ. Мои пальцы дрожали, когда я принимала отъ него кредитные билеты.

— Ваша фамилія и адресъ?...Такъ всегда дѣлается.

Мнѣ ничего не оставалось, какъ назвать отель, я такъ и сдѣлала.

— Мадемуазель Лингудъ, у мадамъ Уэсерби, отель Чатамъ.

— Хорошо, мадемуазель.

Онъ записалъ мой адресъ въ книгу, а я, выйдя изъ магазина съ семьсотъ пятидесятью франками въ карманѣ, пошла на Елисейскія Поля, чтобы посидѣть тамъ и подумать.

Мнѣ надо было найти теперь помѣщеніе, а также сдѣлать нѣкоторыя необходимыя покупки.

Послѣднее было гораздо легче сдѣлать, чѣмъ первое, такъ какъ я могла предложить очень скромную плату, но, наконецъ, и это было сдѣлано, и я нашла крохотную комнатку въ маленькомъ отелѣ, въ улицѣ Мустикъ, за восемнадцать франковъ въ недѣлю.

Тѣмъ временемъ пробило пять часовъ. Я слишкомъ устала для того, чтобы снова выходить, и рѣшила одинъ разъ пообѣдать за table d'hôte'омъ, хотя благодаря моимъ странствованіямъ я уже узнала, что могла пообѣдать дешевле въ нѣкоторыхъ кафе. Мое радостное настроеніе скоро исчезло, и я снова чувствовала себя покинутой и одинокой. Комната моя была далеко не роскошна, а видъ изъ маленькихъ оконъ на крыши и каменныя трубы, конечно, не могъ настроить меня на болѣе веселый ладъ.

Спустившись послѣ послѣдняго звонка внизъ, я нашла только съ полдюжины лицъ, пользовавшихся столомъ отеля Мустикъ. Они сидѣли съ меланхолическими лицами за длиннымъ столомъ, покрытымъ грязною скатертью, и молча ѣли блѣдный супъ. О томъ, кто были мои сосѣди, я не имѣла ни малѣйшаго представленія. Я не знала, были ли это купцы или артисты и только наружность моего визави навела меня на мысль, что это, должно быть, артистъ, такъ какъ у него были длинные курчавые волосы и онъ носилъ коричневый бархатный пиджакъ; конечно, это долженъ былъ быть или артистъ, или писатель, или наѣздникъ въ циркѣ.

Моя наружность, кажется, тоже обратила его вниманіе, отъ времени до времени онъ пристально смотрѣлъ на меня и разъ или два, какъ мнѣ казалось, готовъ былъ даже заговорить со мной, но почему-то, хотя съ видимымъ смущеніемъ, измѣнилъ свое намѣреніе.

Теперь я знаю причину его молчанія. Онъ думалъ, что я француженка, а онъ не зналъ французскаго языка. Онъ сказалъ слугѣ по-англійски дать ему судакъ, и такъ какъ его не поняли, я пришла ему на помощь и перевела его слова съ лучшимъ акцентомъ Мервильской академіи.

— Премного обязанъ,—сказалъ онъ,—благодарю васъ, милочка.—Такъ вы говорите по-англійски, да? Я думалъ, что тутъ всѣ говорятъ по-англійски, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ говорили, но они всѣ здѣсь чушки какія-то. Я не нашелъ ни одного изъ тысячи. Невѣжественный народъ!

— Я знаю англійскій языкъ потому, что я сама англичанка,—отвѣтила я, улыбаясь.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Никогда бы не угадалъ этого, еслибъ вы не заговорили!—воскликнулъ онъ.—Я очень радъ. Ей-Богу, это настоящее счастье встрѣтить землячку среди всѣхъ этихъ болтуновъ. Какой жалкій обѣдъ, не правда ли?

— Онъ не очень хорошъ,—отвѣтила я.—Что, здѣсь всегда такъ плохо кормятъ?

— Я здѣсь недѣлю, и до сихъ поръ тутъ рѣшительно ничего невозможно было ѣсть. Если хотите послушаться моего совѣта, то не оставайтесь здѣсь долго.

— А вы не остаетесь здѣсь?—спросила я.

— Нѣтъ,—возразилъ онъ,—сегодня ночью я возвращаюсь въ Лондонъ.

Онъ перекатывалъ по своей тарелкѣ кость, стараясь найти на ней хоть немного мяса

— Мое дѣло сдѣлано.

Мнѣ хотѣлось знать, въ чемъ заключалось дѣло, но такъ какъ онъ не продолжалъ разговора, я молча занялась своимъ кушаньемъ.

Послѣ небольшой паузы онъ снова заговорилъ:

— Позволю себѣ спросить васъ, какая ваша профессія?—сказалъ онъ.

— У меня нѣтъ никакой профессіи,—возразила я,—а вы чѣмъ занимаетесь?

— Чѣмъ? Я содержатель кафе-шантана—пѣніе и танцы. — Вотъ,—онъ полѣзъ въ карманъ,—вотъ моя карточка! Буду очень радъ видѣть васъ, милочка, если вы когда-нибудь будете въ нашихъ странахъ. Для васъ всегда найдется мѣсто, каждый вечеръ, если хотите,—только не въ субботу. Въ субботу не могу служить вамъ, но во всѣ другіе вечера я съ удовольствіемъ проведу васъ.

— Благодарю васъ,—сказала я, заинтересованная, и я прочла:

Натанаэль Жессами, Эсквайръ.

Директоръ кафе-шантана «Созвѣздіе».

— Я думаю,—пробормоталъ онъ,—что вы могли бы мнѣ пригодиться.—Я пріѣхалъ сюда для того, чтобы посмотрѣть «таланты», но народъ здѣсь невѣжественный, говорятъ только по-французски, съ ними нельзя имѣть дѣло. У васъ очень хорошенькое личико, а въ бѣлокуромъ парикѣ вы будете настоящимъ ангеломъ. Вы поете?

— О, да,—сказала я,—я пою, и мнѣ кажется, что я могу немного играть. И странная вещь, я страшно хочу поступить на сцену.

— Правда?—съ восхищеніемъ сказалъ онъ.—Я очень радъ! Будьте добры сказать лакею, что я хочу еще — поменьше соусу и побольше мяса.

Я исполнила его просьбу и стала дожидаться его заключенія. Его слова начинали волновать меня.

— А родители какъ относятся къ этому?—спросилъ онъ, когда тарелка его снова была наполнена.

— Никто рѣшительно не можетъ ничего запрещать мнѣ.

— Не можетъ быть!—съ восторгомъ воскликнулъ онъ.—И вы конечно согласитесь служить безъ жалованья? Я не сомнѣваюсь въ этомъ, только для того, чтобы быть на сценѣ.

— Мнѣ... мнѣ хотѣлось бы зарабатывать себѣ жизнь,—объяснила я,—вотъ почему мнѣ такъ хочется сдѣлаться актрисой.

— Артисткой,—сказалъ онъ,—артисткой. Не говорите «актриса»,—это нехорошо. Итакъ, вы хотите зарабатывать себѣ

хлѣбъ,—это очень похвально, очень хорошо для такой молоденькой дѣвочки, какъ вы, несомнѣнно, но вы, конечно, не думаете, что вамъ можно положить какое-нибудь жалованье, пока вы не изучите свое дѣло, не такъ ли? О, милочка, ни копейки, ни копейки, вы не стóите пока ни гроша.

— Я думала,—сказала я,—немного, совсѣмъ немного, только чтобы...

— О, нѣтъ, душечка,—быстро перебилъ онъ,—о нѣтъ, душечка! Ничего подобнаго мнѣ еще не приходилось слышать за всю мою жизнь! Какъ, вы, совершеннѣйшій новичокъ, никогда не бывавшая на подмосткахъ, не имѣющая никакого представленія о сценѣ, вы приходите ко мнѣ и требуете отъ меня платнаго ангажемента такъ хладнокровно, какъ будто бы это было ваше полное право. Господь съ вами, я не могу въ себя прійти отъ изумленія.

Мнѣ хотѣлось сказать ему, что я ничего не требовала отъ него, что онъ самъ навелъ меня на мысль объ ангажементѣ, но онъ такъ разгорячился, что я не рѣшилась что-нибудь возражать ему.

— Нѣтъ, моя дѣвочка,—продолжалъ онъ,—я человѣкъ справедливый, могу сказать больше, я великодушный человѣкъ. Если вы подойдете ко мнѣ, или вашъ голосъ будетъ достаточно хорошъ для «Созвѣздія» и вы будете серьезно работать, а я въ этомъ увѣренъ,—я положу вамъ жалованье, которое обезпечитъ вашу жизнь, не говорю уже о бенефисахъ. Дальше этого я не могъ бы пойти даже для моей жены и дѣтей.

Я сказала: «благодарю васъ» насколько могла благодарнѣе. Онъ протянулъ руку и думалъ навѣрно, что я сдѣлаю то же. Но я совсѣмъ не была увѣрена, что то, что онъ предлагалъ мнѣ, могло оказать мнѣ дѣйствительную помощь, и онъ прочелъ сомнѣнія на моемъ лицѣ.

— Вотъ что,—сказалъ онъ,—когда обѣдъ, или то, что эти французы называютъ «обѣдомъ», кончится, тогда вы подойдете къ роялю и пропоете мнѣ пѣсенку! Я человѣкъ честный, говорю вамъ, и не обману васъ. Если вашъ голосъ не подойдетъ мнѣ, то я прямо скажу вамъ это.

Я снова сказала «благодарю васъ»,—мнѣ приходилось все время благодарить его за смутныя надежды, которыя онъ подавалъ мнѣ,—и не успѣлъ лакей убрать со стола, какъ я приготовилась повиноваться.

Мистеръ Натаніэль Жессами зажегъ сигару и усѣлся на низенькій диванъ.

— Что вы хотите пѣть?—спросилъ онъ.—Что нибудь комическое или сантиментальную балладу?

— Я ничего не знаю комическаго,—призналась я.—Я думала спѣть балладу.

— «Приди ко мнѣ, когда луна», э? Знаю я вашъ вкусъ. Ну валяйте.

— Это не любовная вещь,—пробормотала я;—я не знаю ни одной любовной пѣсни. Эта пѣсенка очень проста.

— Ну, валяйте эту, покажите только вашъ голосъ!—сказалъ онъ.—Пойте, что хотите, но такъ, чтобы васъ было слышно въ заднихъ рядахъ галлерей. Теперь начинайте.

Я начала—взявъ невѣрный аккордъ,—такъ я была взволнована; но когда я начала пѣть, я забыла, что меня слушаютъ, и въ общемъ, когда кончила, была довольна собой.

Мистеръ Жессами захлопалъ руками.

— Браво, крошка,—сказалъ онъ,—очень миленькій и чистый голосокъ. Мы одѣнемъ васъ въ бѣлое платье—какъ разъ до подъема и опояшемъ кушакомъ. Теперь покажите, какъ вы играете.

— Играю?—повторила она.— Какъ же я могу играть одна въ комнатѣ?

— Можете вы продекламировать что-нибудь? Что хотите!

Я встала и начала декламировать въ скверномъ салонѣ плохонькаго отеля отрывокъ изъ послѣдней шарады, которую мы играли у мадемуазель Дюранъ. Я была «Сандрильона» и, проводивъ своихъ сестеръ, сидѣла въ кухнѣ передъ огнемъ и изливала свою скорбь въ поэзіи. Директоръ кафе-шантана тѣмъ временемъ сосалъ свою сигару и одобрительно посматривалъ на меня.

— Хорошо,—сказалъ онъ ласково, когда я кончила, — очень хорошо! Я человѣкъ своего слова, и когда скажу что, то уже не отступаюсь отъ даннаго слова. Вотъ моя рука! Если хотите ѣхать со мной, я васъ отвезу и устрою тамъ. Вы выступаете черезъ недѣлю, и сначала я вамъ ничего не плачу. Это не удовлетворяетъ васъ,—да поговорите же съ дѣловой женщиной, чортъ возьми! Потомъ я сдѣлаю больше! Въ концѣ мѣсяца я переведу васъ на жалованье, и клянусь честью, тогда мы поговоримъ объ условіяхъ. Ну, барышня, да или нѣтъ? Мнѣ надо укладывать чемоданъ; рѣшайте!

— Вы ѣдете сейчасъ?—прошептала я.

— Черезъ часъ. Завтра утромъ я буду въ «Созвѣздіи». Какой же вашъ отвѣтъ?

— Я поѣду съ вами,—сказала я.—Когда вы сойдете внизъ, я буду уже готова.

VII.

И я была готова. Могла ли я предполагать, когда утромъ входила въ отель Мустикъ, что мнѣ придется такъ мало пробыть тамъ! Мистеръ Жессами отправился въ Лондонъ вмѣстѣ со мной, и моимъ возвращеніемъ на родину послѣ шестилѣтняго отсутствія я была обязана директору кафе-шантана «Созвѣздіе».

Очень мало привлекательнымъ показалось мнѣ жилище, у двери котораго остановился кэбъ и въ которомъ находилось частное помѣщеніе директора. Кафе-шантанъ находился въ маленькомъ, грязномъ зданіи между лавкой зеленщика съ одной стороны и продавцомъ платьевъ съ другой. Квартира Натаніэла Жессами находилась надъ магазиномъ платьевъ; онъ познакомилъ меня съ женой и дѣтьми.

— Теперь мы найдемъ для васъ квартиру,—сказалъ онъ.— Сколько приблизительно вы можете платить?

Я не имѣла никакого представленія о лондонскихъ квартирныхъ цѣнахъ и отвѣтила, что хотѣла бы имѣть комнату какъ можно дешевле.

Мистрисъ Жессами, огромная, краснощекая женщина, по внѣшнему виду которой ясно было видно, что она одѣвается у продавца платьевъ внизу, спросила меня, на какую «работу» я поступаю.

— Она новичокъ,—сказалъ ея господинъ и повелитель,—она еще сама не знаетъ, на что она годна, но это хорошая дѣвушка, Мэри, изъ нея выйдетъ толкъ! Надо вамъ размѣнять деньги?— спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Послѣ репетиціи я пойду къ мѣнялѣ и могу размѣнять также и для васъ, если хотите.

Я отдала ему все, что у меня было, и это кажется произвело на него впечатлѣніе—моя ли довѣрчивость или мое богатство, не могу сказать—и нѣсколько часовъ спустя онъ вернулъ мнѣ всю сумму въ англійскихъ бумагахъ и монетахъ, за исключеніемъ только двухъ фунтовъ, которые онъ попросилъ одолжить ему взаймы.

Я пообѣдала въ этотъ день съ мистеромъ и мистрисъ Жессами и, перебравшись въ двѣ грязненькія комнатки, нанятыя для меня, пошла въ «Созвѣздіе», чтобы посмотрѣть актеровъ. Можетъ быть, это тщеславіе съ моей стороны, но никто изъ нихъ не произвелъ на меня впечатлѣніе, хотя директоръ, который подошелъ ко мнѣ и время отъ времени переговаривался со мной, увѣрялъ меня, что нѣкоторые изъ актеровъ почти геніальны. Голоса ихъ казались мнѣ страшно рѣзкими, и хотя я нисколько не воображала, что могу подражать ихъ «манерѣ», но она казалась мнѣ страшно вульгарной и безсмысленной, и я не собиралась подражать ей.

— У меня есть пѣсенка, написанная точно нарочно для васъ,— сказалъ мистеръ Жессами, громко хлопая вмѣстѣ съ другими какому-то созданію, одѣтому въ розовое съ голубымъ и черные башмаки,—у меня есть пѣсенка, написанная какъ разъ для васъ, я завтра найду ее, и если вы будете изучать ее подъ моимъ руководствомъ, то можете выступить передъ публикой черезъ недѣлю. Я думаю, вы умѣете немного прыгать?

— Прыгать?—повторила я.

— Я хочу сказать, умѣете ли вы танцовать? Можете вы танцовать, какъ вотъ эти?

— Нѣтъ, я не умѣю такъ танцовать, нѣтъ,—призналась я.

— Жаль,—сказалъ онъ, — очень жаль! Я забылъ спросить васъ, умѣете ли вы танцовать. Ну, вы можете пропѣть еще вашу пѣсенку, ту маленькую. О, я никогда не требую невозможнаго. Разъ вы говорите, что не можете танцовать, значитъ не можете; я человѣкъ разумный, да.

На другой день онъ принесъ мнѣ пѣсенку и сказалъ, чтобы я проиграла ее и разучила сначала одна.

— Когда вы разучите ее,—сказалъ онъ,—я научу васъ, какъ надо пѣть. Да кстати, за нее надо заплатить тридцать шиллинговъ, знаете?

Я не знала, но не имѣла смѣлости сказать ему это. Я поднялась на верхъ, гдѣ были спрятаны мои деньги, и принесла ему сумму, которую онъ спрашивалъ. Потомъ, когда онъ ушелъ, оставивъ послѣ себя сильный запахъ табаку, я подошла къ жалкому роялю и начала разучивать пѣсню.

Люблю ходить на пристань я,
Когда тамъ музыка играетъ,
И много публики гуляетъ.
Да, каждый вечеръ безъ сомнѣнья
Найти тамъ можете меня.
  Цѣна недорога,
  А все такъ хорошо, прелестно.
И какъ только появляюсь,
Всѣ мужчины восклицаютъ:
О! эта крошка такъ мила!...

Слова были мнѣ непонятны, музыка казалась очень слабой. Тѣмъ не менѣе я продолжала терпѣливо разучивать, а на слѣдующее утро м-ръ Жессами позвалъ меня на репетицію.

— Теперь я прослушаю васъ,—сказалъ онъ.—Идите, Коллинсъ, проаккомпанируйте намъ.

— Люблю ходить на пристань я,—начала я.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ. — Пойте медленнѣе: «Люблю ходить на пристань я»,—старайтесь придать значеніе каждой строчкѣ.

Я подумала съ грустью, что значеніе этой пѣсенки не стоило того труда, который я на нее тратила. «Люблю ходить на пристань я»,—снова запѣла я, «когда тамъ музыка играетъ».

— Поймите вотъ что!—перебилъ онъ,—это надо пропѣть тонко, очень тонко, чортъ возьми! А вы точно гимнъ поете. Прослушайте меня. Коллинсъ, начните снова, пожалуйста!

Бѣдный аккомпаніаторъ снова заигралъ прелюдію, а мистеръ Жессами подошелъ къ рампѣ, улыбнулся безобразной улыбкой, которую онъ навѣрно считалъ обворожительной и, страшно кривляясь, сталъ показывать мнѣ «манеру» пѣть, которую я должна была пріобрѣсти, по его мнѣнію.

— Можете вы пропѣть такъ?

— О да,—съ отчаяніемъ сказала я,—постараюсь; попробую! «Люблю ходить на пристань я.—Когда тамъ музыка играетъ».

— Теперь лучше,—сказалъ онъ.—Ну, начните опять и пропойте до конца.

Я пропѣла.

— «О, *эта крошка* такъ *мила*! — сказалъ мистеръ Жессами».—Вотъ такъ.

Онъ безнадежно вздохнулъ, я остановилась и смотрѣла на него.

— Да,—сказалъ онъ,—это не слишкомъ дурно, но у васъ нѣтъ пониманія, нѣтъ.

Мнѣ кажется, что мы съ мистеромъ Жессами, по крайней мѣрѣ въ продолженіе часа пѣли попеременно: «О, эта крошка такъ мила!» и я вернулась къ себѣ совсѣмъ измученная.

Слѣдуя его совѣту, я каждый вечеръ ходила въ «Созвѣздіе» и по возвращеніи домой, послѣ скуднаго ужина, старалась воспроизвести улыбки актрисъ передъ зеркаломъ и пріобрѣсти то, что директоръ называлъ «еспьеглири».

Къ концу недѣли я сдѣлала такіе успѣхи, что онъ рѣшилъ назначить день моего дебюта. Мое платье было заказано въ магазинѣ внизу, причемъ мистрисъ Жессами рекомендовала меня какъ очень «скромную», и было рѣшено, что я не надѣну парика, а распущу по спинѣ свои собственные волосы.

Я затратила столько денегъ, что у меня оставалось меньше двадцати фунтовъ, и я страшно безпокоилась за день своего де-

бюта. Если я буду имѣть успѣхъ, мистеръ Жессами долженъ былъ черезъ мѣсяцъ «перевести меня на жалованье», но если мнѣ будутъ апплодировать меньше, чѣмъ я разсчитывала, если я не понравлюсь мистеру Жессами, то кто знаетъ, сколько времени пройдетъ, прежде чѣмъ я буду получать жалованье!

И *какъ* я репетировала тѣмъ временемъ! Не только утромъ въ грязномъ залѣ, но и вечеромъ въ маленькой комнатѣ у огня! Я обходилась безъ аккомпанимента и, ходя взадъ и впередъ и продѣлывая всѣ жесты, которые я считала необходимыми, я снова и снова повторяла мою пѣсню. Моя хозяйка говорила, что у нея никогда не бывало такой добросовѣстной артистки, какъ я, «клянусь вашимъ хорошенькимъ личикомъ, никогда!»

Платья мои были недурны. Для баллады я должна была надѣть дѣтское платье изъ бѣлаго кашемира и стоять безъ движенія съ букетомъ алыхъ, бумажныхъ розъ въ рукахъ. Для второй пѣсни,— ужасная пѣсня, стоившая мнѣ тридцать шиллинговъ, на которую директоръ возлагалъ всѣ свои надежды,— у меня былъ матросскій костюмъ, синій съ бѣлымъ, матросская шляпа, въ рукахъ палка съ серебрянымъ набалдашникомъ, и я старалась держать себя насколько возможно неестественно и глупо.

Когда наступило утро этого дня, я была почти больна отъ страха и волненія. Передъ завтракомъ у меня была послѣдняя репетиція, послѣ которой мистеръ Жессами посовѣтовалъ мнѣ пойти къ себѣ и пролежать до вечера на диванѣ.

— Сонъ,— сказалъ онъ,— если вы хотите имѣть успѣхъ— главное сонъ! И выпейте полбутылки портеру передъ выходомъ, принесите его съ собой въ уборную.

Хозяйка принесла мнѣ чашку чаю въ шесть часовъ и остановилась, чтобы разсказать мнѣ разныя исторіи о женщинахъ, которыя начинали свою карьеру, какъ я, а потомъ каждый вечеръ заработывали огромныя деньги. Откуда она получала всѣ эти свѣдѣнія, я не знаю, но, судя по ея словамъ, по крайней мѣрѣ пѣвицъ шесть изъ «Созвѣздія» получали потомъ по ста фунтовъ въ недѣлю.

Я съ благодарностью выпила чашку чаю и пощипала немного хлѣба. Вечеромъ я пошла въ «Созвѣздіе». Мои костюмы были въ ящикѣ, въ углу уборной, и, съ помощью газа подъ бѣлымъ шаромъ и треснутаго зеркала, я начала свой туалетъ.

Пока я одѣвалась, долетавшіе до меня звуки оркестра и голоса пѣвцовъ еще болѣе увеличивали мой страхъ. Я такъ дрожала, что мнѣ казалось, что я никогда не кончу одѣваться, и звукъ апплодисментовъ или свистковъ казался мнѣ настоящимъ землетрясеніемъ.

Наконецъ, я была готова. Слѣдуя указаніямъ, я положила немного румянъ на щеки, но была такъ блѣдна, что два красныхъ пятна выдѣлялись слишкомъ грубо, и мнѣ не надо было неодобрительнаго взгляда мистера Жессами, когда я пришла за кулисы, чтобы знать, что я была совсѣмъ неинтересна.

Я ждала своей очереди съ такимъ мучительнымъ чувствомъ, какого никогда не испытывала ни раньше, ни позднѣе. Сердце мое то подкатывало мнѣ къ горлу, то такъ мучительно билось въ моей груди, что мнѣ казалось, что оно разорвется. Руки мои были влажны, во рту пересохло. Передо мной по программѣ должны были исполняться комическіе куплеты, и я съ тоской ожидала конца этого номера, боясь каждую минуту, что этотъ актеръ кончитъ и наступитъ мой чередъ.

Онъ поклонился и вышелъ слишкомъ скоро. Весь залъ задрожалъ отъ восторга. Онъ снова вышелъ и опять поклонился. Въ моихъ глазахъ потемнѣло. Кто-то положилъ руку ко мнѣ на плечо и сказалъ: «Подождите минутку — теперь!» Я вышла. Музыка снова съиграла интродукцію, я схватила красныя бумажныя розы.

— Начинайте! — сказалъ Жессами изъ-за кулисъ. — Ну же, дѣвочка, начинайте!

Что это, у меня пропалъ голосъ? Неужели онъ не вернется? Нѣтъ, я пѣла, но сама не замѣчала этого! Я уже пѣла конецъ перваго стиха.

Я начала различать дирижерскую палочку, разсѣкающую воздухъ, и толпу за рампой. Я спѣла второй стихъ, — я могла бы спѣть и лучше, потомъ — третій. Оркестръ проигралъ финалъ; я сдѣлала реверансъ по-дѣтски, какъ меня учили, и ушла. Раздалось съ полдюжины апплодисментовъ, и я бросилась въ уборную, чтобы перемѣнить костюмъ. Боже мой, мнѣ никогда не одѣться! Ничто не хотѣло застегиваться, я ничего не могла найти! Гдѣ была моя шляпа? Я слышала, что публика начала уже нетерпѣливо стучать. Сверху послышался крикъ «скорѣе!» Но теперь я не могла найти своей палки. Ахъ, вотъ она. Я бросилась вверхъ по лѣстницѣ и, задыхаясь, явилась передъ публикой. «Люблю на пристани гулять! — прерывающимся голосомъ запѣла я, — когда тамъ музыка играетъ».

— Громче! — закричалъ какой-то голосъ съ галлереи, — что такое вы любите!

— «И каждый вечеръ, безъ сомнѣнья, найти тамъ можете меня!»

Кошачье мяуканье внезапно остановило меня; какой-то маль-

чишка сзади грубо передразнивалъ меня. Рампа заколыхалась передо мною, я чуть не упала въ обморокъ.

Но я собрала всѣ силы и старалась догнать аккомпаниментъ, который на тактъ опередилъ меня, но теперь меня невозможно было слышать, такъ какъ шумъ въ залѣ заглушалъ и меня, и музыку.

— Подите и обрѣжьте ваши волосы, миссъ! — ревѣлъ одинъ. Другой визжалъ, передразнивая меня.

— О, уберите ее! — кричалъ третій. — Убирайтесь, убирайтесь!

Я растерянно посмотрѣла на дверь; мистеръ Жессами отчаянно махалъ мнѣ оттуда рукой, его лицо сдѣлалось багровымъ, глаза, казалось, готовы были выскочить. Я разразилась слезами и, спотыкаясь, убѣжала со сцены, преслѣдуемая хохотомъ публики, который больно отозвался въ моемъ мозгу.

— У-у! — сердито воскликнулъ директоръ, толкая меня. — Вы никогда ни на что не будете годны и навсегда останетесь глупой дѣвчонкой, какъ сейчасъ!

VIII.

Это былъ провалъ, полный, безусловный провалъ. Я была слишкомъ оскорблена, чтобъ отвѣчать ему, слишкомъ унижена для того, чтобы желать видѣть его. Я страстно желала только одного—сбросить съ себя костюмъ, стереть румяна и бѣжать домой. И, не обращая вниманія на то, что мистеръ Жессами прислалъ сказать мнѣ, что желаетъ видѣть меня, я переодѣлась насколько могла скоро и убѣжала домой.

Мысль о разспросахъ, которыми должна была осыпать меня моя хозяйка, какъ ножомъ, рѣзала мое сердце. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла, что она встрѣчаетъ меня у дверей, и прочла на ея лицѣ страшное безпокойство, которое, очевидно, заставило ее забыть о моемъ дебютѣ.

Слезы текли по ея щекамъ, и она била себя въ грудь, какъ сумасшедшая.

— О, милая, — стонала она, — о, милая, случилась самая страшная вещь! О, у меня кровь останавливается въ жилахъ! Двадцать лѣтъ, какъ я въ этомъ домѣ, и никогда ничего подобнаго не случалось, никогда, дорогая моя! О, я только что пришла, и какъ, я скажу вамъ, это одинъ Богъ знаетъ.

Оказалось, что она вышла «по порученію» и, должно быть, оставила дверь не затворенной, хотя была увѣрена, что хорошо за-

крыла ее. Вернувшись черезъ пять минутъ, она увидѣла, что кто-то вошелъ въ квартиру и унесъ всѣ вещи, которыя можно было унести. Между прочимъ все содержимое въ моемъ комодѣ, ящики котораго оказались выломанными.

Я побѣжала наверхъ, поблѣднѣвъ, какъ смерть. Въ комодѣ было все, что я имѣла, а теперь онъ былъ совершенно пустъ, въ немъ валялись только башмакъ и носовой платокъ. Мои деньги,— послѣднее, что я имѣла,—пропали!

— Единственно, на что я надѣюсь и о чемъ я молю,— стонала мистрисъ Джиббсъ, которая послѣдовала за мной,— это чтобы тамъ не было ничего цѣннаго! Господи, помоги! Я въ такомъ состояніи, что не знаю, стою я на головѣ или на ногахъ. Можетъ быть, пропали только пустяки, это послѣдняя соломинка, за которую я хватаюсь!

— Мои деньги,— воскликнула я,— всѣ мои деньги! У меня все украли, я нищая!

— О, милочка,— бормотала она,— о, милочка, не говорите этого!

Я не могла сердиться на нее. Рѣзкія слова, навѣрное, довели бы ее до истерическаго припадка. Я опустилась на край постели и попросила ее уйти.

— Уйдите,— сказала я,— я не обвиняю васъ, но уйдите. Я не больна, я не могу говорить, оставьте меня.

Она ушла, а я сидѣла на своемъ чердачкѣ, совсѣмъ разбитая, съ ужасомъ думая о будущемъ. Захочетъ ли мистеръ Жессами держать меня послѣ фіаско этого вечера? Я сомнѣвалась въ этомъ. А если онъ не захочетъ, что мнѣ было дѣлать? «О, Рэджинальдъ,— стонала я,— Рэджи, дорогой мой, въ какое ужасное положеніе ты вовлекъ меня! Зачѣмъ я встрѣтила тебя?»

Послѣдній кутила нашего квартала, навѣрное, давно уже былъ дома, а я все еще не могла уснуть. Я проворочалась почти всю ночь и до такой степени была разбита физически и нравственно, что была бы счастлива, еслибы кто-нибудь бросилъ меня въ холодный потокъ, волны котораго навсегда бы сомкнулись надъ моей головой, и я никогда бы больше не проснулась.

Наконецъ, я заснула и проснулась только въ одиннадцать часовъ; я проспала бы еще дольше, но мистрисъ Джиббсъ постучала въ мою дверь и сказала мнѣ, что мистеръ Жессами ждетъ меня въ гостиной.

Я съ трудомъ открыла глаза, и воспоминанія о моихъ бѣдствіяхъ съ новою силой нахлынули на меня.

— Скажите ему, что черезъ десять минутъ я сойду внизъ,— со стономъ сказала я. — О, ради Бога, мистрисъ Джиббсъ, сдѣлайте мнѣ чашку самаго крѣпкаго чаю, какого только можете.

Потомъ я встала, одѣлась и сошла внизъ, чтобы выслушивать его упреки.

— Славно,—сказалъ онъ, здороваясь со мной,—провалились окончательно! Что вы скажете въ свое оправданіе, а?

— Я сдѣлала все, что могла,—возразила я,—что же мнѣ дѣлать, если я не понравилась имъ?

— Не понравилась имъ? — съ яростью воскликнулъ онъ.— Васъ освистали,—да, освистали,—васъ прогнали. Вы круглая дура.

— Это не моя вина! Бранить меня теперь ни къ чему не послужитъ, мистеръ Жессами. Я попробовала и провалилась, а теперь надо покончить съ этимъ.

— Да,—сказалъ онъ,—покончимъ съ этимъ, барышня,—это конецъ вашей карьеры въ «Созвѣздіи». Ужъ очень много вы о себѣ воображаете! Вы, навѣрное, думали, что я приду къ вамъ съ поздравленіями и съ букетомъ въ рукахъ.

Я подошла къ столу и принялась за чай; онъ сердито смотрѣлъ на меня.

— Самое лучшее, что вы можете сдѣлать, — сказалъ онъ, — это собрать ваши тряпки и снова вернуться въ отель «Мустикъ», и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Вы мнѣ не нужны. Я человѣкъ откровенный, да!

— Очень хорошо,—пробормотала я,—понимаю васъ! Но я не могу собрать мои тряпки, потому что ихъ украли у меня, а вмѣстѣ съ ними и мои деньги.

— Что такое?—сказалъ онъ.—Что вы говорите?

Я разсказала ему, что случилось.

— У меня нѣтъ ни копейки,—объяснила я,—и если вы будете такъ добры и отдадите мнѣ два фунта, которые заняли у меня въ день моего пріѣзда, то доставите мнѣ большую радость.

— Гм... — сказалъ онъ. — Другіе директора не вернули бы вамъ этихъ денегъ, а оставили бы ихъ у себя въ вознагражденіе за убытокъ, который вы причинили,—да, убытокъ, потому что вы подорвали репутацію заведенія, вы сами должны это знать. Но я благородный человѣкъ, я не откажу вамъ. Вы получите ваши деньги,—вотъ онѣ.

Онъ дѣйствительно принялъ такой благородный видъ, когда положилъ ихъ на скатерть около меня, что я почувствовала себя обязанной выразить ему благодарность, и, имѣя теперь между со-

бой и безъисходной бѣдностью эти два соверена, я кончала завтракъ почти весело.

Мое профессіональное честолюбіе разсѣялось, какъ дымъ. Мистеръ Жессами пожалъ руки и пожелалъ «успѣха», что было очень любезно и ничего ему не стоило. Теперь мнѣ приходилось принять какое-нибудь немедленное и окончательное рѣшеніе. Рѣшаться на независимую жизнь съ семьсотъ пятидесятью франками въ карманѣ или только съ пятидесятью представляетъ нѣкоторую разницу, и какъ ни была я глупа, а все же не была совершенною идіоткой.

Послѣ крушенія моихъ надеждъ въ кафе-шантанѣ «Созвѣздіе» мнѣ оставался только одинъ исходъ, если я не хотѣла сложить руки и кончить голодною смертью. Только однѣ двери могли открыться передо мной, только въ одномъ мѣстѣ съ меня не потребовали бы платы. Я должна была побѣдить свою гордость и, какъ это ни было тяжело, вернуться въ школу.

Къ счастью, у меня было достаточно денегъ, чтобы привести въ исполненіе этотъ планъ. Я узнала, что ближайшій путь на Морвиль черезъ Діеппъ, путь этотъ былъ и самый дешевый, и подробно разспросила, какъ мнѣ совершить это путешествіе.

Въ ночь я переплыла черезъ каналъ и на слѣдующее утро уже снова стояла на французской почвѣ. Поѣздъ въ Морвиль уходилъ въ одиннадцать часовъ утра, и я воспользовалась промежуткомъ, чтобы погулять по городу, ярко освѣщенному солнцемъ, посмотрѣть на Распятія изъ слоновой кости въ окнахъ Grande Rue и съѣсть одинъ или два éclair'а съ чашкой шоколата вмѣсто завтрака.

Противъ моего кресла стояло большое зеркало и въ первый разъ мнѣ бросилось въ глаза, какъ страшно я измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ оставила академію для молодыхъ дѣвицъ. Трудно было бы опредѣлить эту перемѣну въ подробностяхъ, но мнѣ казалось, что я сдѣлалась старше лѣтъ на пять. Я больше не глядѣла ребенкомъ, но женщиной. И именно потому, что я была *женщина*, мысль о томъ, что, можетъ быть, завтра я буду стоять въ толпѣ пансіонерокъ съ опущенными глазами и заложенными за спину руками, казалась мнѣ особенно забавной. Но я надѣялась, что, можетъ быть, мадемуазель Дюранъ не обратитъ на это вниманія.

Я во-время пришла на станцію и, наконецъ, мы стали медленно отъѣзжать. Я съѣла яблоко и просмотрѣла иллюстрированную газету, которую предложилъ мнѣ мой сосѣдъ. Путешествіе было не длинно, и я не успѣла опомниться, какъ мы уже пріѣхали, и я снова стояла на столь знакомой мнѣ Морвильской платформѣ.

И снова я шла по красивой дорогѣ, обсаженной фруктовыми деревьями, по которой я шла вмѣстѣ съ Рэджи, когда бѣжала изъ школы. Тѣ же деревья весело трепетали отъ вѣтра; тѣ же фрукты качались между вѣтками; все было, какъ прежде, за исключеніемъ меня самой.

А вотъ и школа. Я почувствовала себя почти такъ же дурно, какъ за кулисами «Созвѣздія». Я должна была приготовиться къ упрекамъ, къ наказанію. Я взошла на подъѣздъ и потянула звонокъ. Служанка, встрѣтившая меня, посмотрѣла на меня такими испуганными глазами, точно я была привидѣніемъ.

— Я вернулась, Мэри,— сказала я,— гдѣ мадемуазель Дюранъ?

— О, Боже мой!—воскликнула она,—войдите въ пріемную, мадемуазель, я доложу ей.

Я пробыла тамъ не болѣе минуты, какъ появилась моя наставница. Губы ея были крѣпко сжаты, глаза сверкали, руки выразительно сложены на груди. Она стояла передо мной, какъ воплощеніе Минервы и Немезиды, и смотрѣла на меня, пока я присѣдала передъ ней.

— *Tiens*,—сказала она,—вы вернулись. Ужасная, испорченная дѣвчонка, какъ смѣли вы явиться сюда?

— Я пришла, чтобы просить у васъ прощенія,—воскликнула я.—О, мадемуазель, не будьте жестоки ко мнѣ,—я уже довольно наказана, страшно, жестоко наказана!

— Отплатить такою неблагодарностью мнѣ,—мнѣ, которая всегда была такъ добра къ вамъ! Нѣтъ, я не хочу и слушать васъ. Вы недостойны теперь быть въ обществѣ невинныхъ дѣвушекъ. Ваше присутствіе оскорбляетъ меня!

— Выслушайте меня, прошу васъ, выслушайте!—умоляла я и, рыдая, пересказала ей всѣ мои приключенія.

Она слушала все съ бòльшимъ и большимъ изумленіемъ. Что я могла пережить такія приключенія, чтобы кому - нибудь было извѣстно нѣчто подобное, казалось ей совсѣмъ невѣроятнымъ.

— Чего же вы просите у меня?—спросила она, наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія,—чего вы хотите?

— Возьмите меня опять къ себѣ!—просила я.—Мадемуазель, у меня нѣтъ ни денегъ, ни друзей, и, если вы откажете мнѣ, я умру.

— *Cette misérable*,—процѣдила она сквозь зубы,—такъ обмануть насъ.

— У меня никого нѣтъ, кромѣ васъ,—продолжала я,—здѣсь

мое единственное пристанище. Напишите моему отцу, если хотите, пусть онъ возьметъ меня, но пока, пока, мадемуазель...

Она ходила по комнатѣ нѣсколько успокоенная.

— Если я соглашусь,—сказала она,—вы не должны никогда — я требую, чтобы вы поклялись мнѣ въ этомъ!—не должны никогда ни слова не проронить вашимъ товаркамъ о вашихъ приключеніяхъ за этими стѣнами. Понимаете вы меня?

— Клянусь вамъ.

— И вы должны быть наказаны публично, такъ какъ вы оскорбили меня, ваше начальство, убѣжавъ отсюда.

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—воскликнула я,—только не это!

— Вы должны быть наказаны,—непреклонно повторила она,— этого нельзя избѣгнуть. Или вы согласитесь, или я попрошу васъ сейчасъ же уйти отсюда и навсегда.

— Я согласна,—сказала я.

— Bien,—сказала она,—оставайтесь здѣсь, пока я не пришлю за вами.

Я сѣла на жесткую зеленую кушетку, опустивъ руки на колѣни, и ждала до тѣхъ поръ, пока золотые часы на каминѣ не пробили три четверти перваго. Тогда ручка двери повернулась, вошла Мэри и сказала, что меня просятъ въ классную.

Вся школа сидѣла на скамейкахъ по порядку, какъ въ театрѣ, чтобы быть свидѣтельницей моего позора. Много глазъ, должно быть, съ любопытствомъ устремились на меня, когда я вошла, но я не осмѣливалась ни на кого смотрѣть. Мадемуазель Дюранъ стояла у стола посерединѣ, около нея двѣ ея помощницы. Была полная тишина.

— Мадемуазель Лингудъ,—сказала она, когда я стала передъ ней,—мадемуазель Лингудъ, седьмого числа этого мѣсяца вы безъ позволенія, тайно, оставили школу! Вы, къ которой всѣ относились съ такимъ вниманіемъ и съ такою добротой, вы злоупотребили нашимъ довѣріемъ и убѣжали. Сегодня вы вернулись. Сегодня вы со слезами умоляли простить васъ и снова принять васъ. Мадемуазель, ваши слезы тронули меня, и я согласилась принять васъ, но справедливость такъ же необходима, какъ и состраданіе. И передъ вашими невинными подругами, на которыхъ могъ дурно повліять вашъ пагубный примѣръ, вы должны понести наказаніе. Мадемуазель Лингудъ, протяните ваши руки.

Я сдѣлала шагъ впередъ, опустивъ голову, и она взяла трость. Въ эту минуту вдругъ опять вошла Мэри.

— Лордъ Понтефрактъ! — воскликнула она. — Лордъ Понте-

фрактъ хочетъ сейчасъ же видѣть мадемуазель Лингудъ. Онъ не хочетъ ждать.

Нѣтъ, онъ не хотѣлъ ждать ни минуты, когда узналъ, что, наконецъ, нашелъ меня. Рэджи, самъ Рэджи вошелъ въ комнату съ блѣднымъ лицомъ и блестящими отъ радости глазами!

— Нелли! — воскликнулъ онъ, — о, Нелли, моя дорогая дѣвочка!

Никакая дисциплина не могла тутъ выдержать. Мадемуазель Дюранъ уронила трость, всѣ моментально были на ногахъ.

— Рэджи! — воскликнула я и черезъ минуту была въ его объятіяхъ.

Понимаете ли вы, что произошло? Извѣстіе, которое Рэджинальдъ Маунтъ услышалъ вечеромъ въ кафе - шантанѣ отъ своего друга, сына герцога Эссекскаго, было извѣстіемъ о смерти его отца. Не удивительно, что онъ былъ пораженъ и потрясенъ! Въ смятеніи, которое произошло во время ареста карманника, онъ на минуту потерялъ меня и потомъ не могъ найти, благодаря хитрости сумасшедшаго, предупредившаго его. Съ тѣхъ поръ онъ былъ въ непрестанномъ сношеніи съ полиціей, страшно мучаясь за меня (я подозрѣваю, что французскій языкъ Доллина австралійца былъ далеко не такъ понятенъ, какъ онъ говорилъ), и въ ночь, когда я уѣхала въ Лондонъ съ мистеромъ Жессами, весь Парижъ былъ наполненъ объявленіями. Мой мужъ ухватился, наконецъ, за послѣднее средство и пріѣхалъ въ Морвиль, чтобъ узнать, не получала ли какихъ-нибудь извѣстій мадемуазель Дюранъ, и у дверей узналъ, что я пришла за часъ до него. Могла ли она наказывать меня послѣ этого? Конечно, нѣтъ, — едва ли можно.

А. П.

ПОДВАЛЬНЫЙ ЭТАЖЪ.

(Повѣсть).

I.

Слесарь Викентій былъ разстроенъ. Нилъ Назаровичъ замѣтилъ это съ самаго начала, еще когда они пришли въ портерную; а они вошли въ нее одновременно, встрѣтившись на каменныхъ ступенькахъ, которыя вели внизъ, въ подвальный этажъ.

Это вышло случайно. Они не условливались, но при встрѣчѣ оба были довольны, потому что у каждаго было о чемъ поговорить. Нилъ Назаровичъ сразу замѣтилъ, что у слесаря сумрачное лицо, но онъ не нашелъ въ этомъ ничего особеннаго; онъ зналъ, что дѣла Викентія вообще идутъ плохо.

Но обыкновенно вторая кружка пива прогоняла съ Викентіева лица всѣ тѣни, угрюмая молчаливость проходила, и онъ дѣлался словоохотливымъ, откровеннымъ и привѣтливымъ. А на этотъ разъ пиво на него не дѣйствовало. Они уже выпили по три кружки и теперь пробовали для разнообразія бутылочное, а слесарь все оставался мрачнымъ.

— Э, ну, Викентій, развеселись!—говорилъ Нилъ Назаровичъ своимъ спокойнымъ, благороднымъ тепоромъ, съ оттѣнкомъ добродушія, присущаго людямъ, у которыхъ дѣла идутъ хорошо.—А то ты и на меня смотришь такъ, какъ будто я тебѣ врагъ. А я тебѣ е врагъ, Викентій, а даже напротивъ.

Викентій, прежде чѣмъ отвѣтить, довольно грозно проскрипѣлъ имъ горломъ, откашлялся и сплюнулъ, а потомъ сказалъ скоро- воркой, немного заикаясь, надтреснутымъ басомъ.

— Очень плохи дѣла мои, Нилъ Назаровичъ... Очень плохи ѣла... Оттого...

— Неужто такъ уже плохи?

— Такъ плохи, что хуже и нельзя...

— Гм... странно мнѣ это... Мастеръ ты хорошій, исправный и, можно сказать, не пьющій... пиво пьешь, такъ это что-жъ?— пустой напитокъ, не сурьезный... Отчего бы, кажись? Не понимаю... А знаешь, въ бутылкахъ оно какъ будто лучше, а?... Какъ находишь?

— Не беретъ меня и въ бутылкахъ,—мрачно отвѣтилъ Викентій.

Однако, Викентій выпилъ залпомъ еще стаканъ, который, кажется, таки взялъ его, потому что послѣ этого онъ сталъ разговорчивѣй.

— Причина есть, Нилъ Назаровичъ. Причина, я вамъ скажу, есть... Напримѣръ, у васъ дѣла идутъ хорошо, такъ это понятно...

— У меня хорошо. Пожаловаться никакъ не могу... Оно, конечно, можно бы и лучше,—много есть помѣхи въ нашемъ дѣлѣ,— а только все же хорошо!—подтвердилъ Нилъ Назаровичъ.

— Ну, да, такъ это и понятно... Ваше дѣло такое, что всегда отъ руки... Тутъ безъ человѣка никакъ нельзя обойтись, потому для человѣческаго тѣла приходится работать, все одно, какъ портняжное ремесло. Ужъ тутъ что ни дѣлай, а всегда рука нужна: и мѣрку снять, и скроить, и приладить, и то и се... А у насъ машина все отняла. Все нынче машиной дѣлать стали. Все желѣзное искусство машина перехватила. Нашему брату только и остается, что позовутъ замокъ отперетъ, когда ключъ потеряютъ, да дверь съ петли снять да на петли поставить, а этимъ не проживешь никакъ. Да я такъ вамъ скажу, Нилъ Назаровичъ, что самъ я уже какънибудь проживу свой вѣкъ. Мнѣ немного и осталось... Хотя я и не старъ, а грудью слабъ и, должно быть, долго не протяну. А вотъ съ Васькой не знаю какъ обойтись; своему дѣлу даже и обучать его не охота. Что-жъ толку, коли работы нѣтъ? Да и дѣло такое, что силы требуетъ. Все съ желѣзомъ, а желѣзо—оно сильное... А Васька у меня мальчикъ слабоватъ. Ему бы полегче что, да и повыгоднѣй... Вотъ посовѣтуйте.

— Что же я тебѣ посовѣтую, Викентій? Не охотникъ я брать на свою душу чужую судьбу. Что-жъ я могу посовѣтовать?

— Думалъ я, думалъ,—продолжалъ Викентій,—ломалъ голову и такъ и этакъ, и засѣла у меня одна мысль. Вотъ вы говорите, Нилъ Назаровичъ, что дѣло ваше выгодное, да и не очень трудное. Хочется мнѣ моего Ваську къ вамъ въ науку отдать...

— Ко мнѣ? — слегка поднявъ брови, спросилъ Нилъ Назаровичъ.

— Къ вамъ, чтобъ вашему ремеслу научился. А что?

— Гм...

И Нилъ Назаровичъ задумался, потому что дѣло коснулось его ремесла, а ремесло у него было не такое простое, какъ у Викентія, а совсѣмъ особенное,—такое ремесло, надъ которымъ и не онъ одинъ задумывался. Оно обладало всѣми свойствами, способными навести на размышленія.

Еслибы кто-нибудь увидалъ этихъ двухъ людей въ первый разъ и ему стало извѣстно, что одинъ изъ нихъ слесарь, а другой гробовщикъ, то онъ, ни минуты не колеблясь, призналъ бы гробовщикомъ высокаго узкогрудаго человѣка, съ волосатой большой головой, съ скуластымъ, обросшимъ темными волосами, лицомъ, съ густыми нависшими бровями, да вдобавокъ еще со скрипучимъ, рѣзкимъ голосомъ. Свойственную этому лицу угрюмость, конечно, онъ приписалъ бы вліянію мрачнаго ремесла, которое отняло у этого человѣка способность улыбаться. И когда онъ смѣялся, то слышались только раскаты его громкаго голоса, но глаза не прояснялись и зубы, густо задрапированные богатыми усами, не показывались. Съ другой стороны, безъ сомнѣнія, человѣка средняго роста, умѣренной плотности, обладавшаго небольшимъ брюшкомъ, неспѣшными благообразными манерами, пріятнымъ голосомъ и столь же пріятнымъ лицомъ, съ выраженіемъ благополучія и дѣловитой серьезности, съ небольшой лысинкой на головѣ,—естественно было отнести къ слесарному цеху.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, было наоборотъ. Всѣми признаками угрюмаго ремесла обладалъ Викентій, и онъ былъ слесарь, а у Нила Назаровича во внѣшности было столько мягкости, благодушія и, такъ сказать, доброжелательности, что никому не пришло бы въ голову заподозрѣть его въ занятіи мрачнымъ ремесломъ, помогающимъ отправлять людей на тотъ свѣтъ. Между тѣмъ онъ занимался этимъ искусствомъ всю свою жизнь, унаслѣдовавъ его отъ отца, который тоже позналъ его отъ своихъ предковъ.

Они не были близкими пріятелями, а только давно и хорошо знали и уважали другъ друга. Викентій уважалъ Нила Нозаровича ьше, чѣмъ Нилъ Назаровичъ Викентія, и это естественно, такъ ъ дѣла Нила Назаровича шли лучше, чѣмъ дѣла Викентія. Поому самому слесарь называлъ гробовщика по отчеству, тогда какъ отъ называлъ слесаря просто Викентіемъ. Еслибы какъ-нибудь случилось, что судьба перепутала карты, и вдругъ стало везти есарю, а дѣла Нила Назаровича пошли бы плохо, то, по всей оятности, онъ тотчасъ превратился бы въ Нила, утративъ по-

чтенную приставку къ своему имени, а слесарь сталъ бы Викентіемъ Арнольдовичемъ. Это въ порядкѣ вещей. Чѣмъ лучше идутъ дѣла у человѣка, тѣмъ больше собирается приставокъ около его имени.

Слесарь и гробовщикъ не всегда встрѣчались на ступенькахъ, которыя вели въ портерную,—это была случайность; но въ самой портерной они находили другъ друга довольно часто, почти каждый вечеръ. Викентій шелъ сюда потому, что дѣла его были плохи, а Нилъ Назаровичъ—потому, что дѣла его были хороши. Портерная была не самая лучшая на Петербургской Сторонѣ, но все же не изъ дурныхъ. Они къ ней привыкли и всегда садились за одинъ и тотъ же столикъ. И если случалось, что столикъ былъ кѣмъ-нибудь занятъ, то посѣтитель при появленіи одного изъ нихъ вставалъ, переносилъ свою кружку на другой столъ и говорилъ:

— Извините, я на вашемъ мѣстѣ сѣлъ.

Почти всѣ посѣтители портерной были между собой знакомы.

Обсудивъ представившееся ему новое обстоятельство, Нилъ Назаровичъ придвинулся къ столу и сказалъ съ видомъ большой основательности:

— На это я тебѣ, Викентій, отвѣчу. Я твоего сына, Ваську, взять готовъ; это мнѣ ни почемъ, и даже пріятно, потому онъ моему сынишкѣ, Андрею, товарищемъ будетъ, а только надо тебѣ сказать, что мое дѣло особенное и не всякій его перенести способенъ. Это, я тебѣ скажу, дѣло такое, что какъ кому. Иной, напримѣръ, человѣкъ такого характера, что и двухъ дней не вынесетъ, а другому ничего. Ваше, напримѣръ, слесарное дѣло всякій можетъ. Тутъ нужна сила и болѣе ничего, а въ нашемъ дѣлѣ и силы особенной не требуется, а, какъ бы сказать, духъ надобенъ, крѣпкій духъ, чтобы человѣкъ не впалъ въ мрачность. Я говорю тебѣ: это какъ на кого. Мнѣ, напримѣръ, совершенно ничего, и я даже не понимаю, что̀ тутъ такого особеннаго. Ремесло—какъ ремесло. Приходитъ человѣкъ и дѣлаетъ заказъ, а ты снимаешь мѣрку и работаешь, все одно какъ портной или сапожникъ. Заказъ представилъ и деньги получилъ—вотъ и все. А это, ежели разсуждать да добиваться, что, да какъ, да почему, такъ этакъ и до помраченія ума дойти можно. Такъ вотъ я говорю: ты своего Ваську сперва опроси, есть ли у него охота къ нашему дѣлу.

— Что его опрашивать? Стану я его еще опрашивать! У него ни къ чему охоты нѣтъ. Такъ вотъ сядетъ около окна да и глядитъ куда-то и Богъ его знаетъ куда, и глаза у него въ это время какіе-то растерянные. Вотъ къ чему у него есть охота. Такъ за это денегъ никто не заплатитъ.

— Какъ знаешь, Викентій, а я, ежели не по охотѣ, не возьму. Потому дѣло особенное.

— Ну, и будетъ охота. Прикажу и будетъ!—рѣшительно и твердо сказалъ Викентій. — Такъ, значитъ, берете, Нилъ Назаровичъ?

— Говорю тебѣ: коли охота проявится, такъ мнѣ даже пріятно. По крайности моему сыну компанія будетъ. Я, положимъ, своего Андрея еще не опрашивалъ. Онъ еще въ школу ходитъ и ремесла не начиналъ. Но полагаю, что онъ по отцу пойдетъ.

— Такъ я завтра и приведу его!—сказалъ Викентій и видимо прояснѣлъ. Было очевидно, что Васька представлялъ главную заботу этого дня и былъ причиной того, что̀ пиво такъ долго не хотѣло брать его.

Уже зажгли единственный газовый рожокъ, въ видѣ длиннаго крючка выступавшій изъ средины потолка, когда Нилъ Назаровичъ вспомнилъ, что у него дома подмастерья работаютъ надъ важнымъ заказомъ: умерла жена лабазника, который жилъ на той же улицѣ, гдѣ помѣщалась его мастерская, и ему поручено было снарядить ее въ загробный путь. Онъ постучалъ стаканомъ о подносъ, призывая такимъ образомъ слугу.

— Пойду,—сказалъ онъ,—хозяйскій глазъ нуженъ. У меня правило: самому во все вникать; а то, вѣдь, чуть отвлечешься, наплетутъ такого, что не то что человѣка или женщину, а козла положить неприлично.

— Имѣете заказъ, Нилъ Назаровичъ?—съ нѣкоторой тайной завистью спросилъ Викентій.

— Хорошій заказъ. Отличный. Для лабазниковой супруги. Сегодня послѣ полудня скончалась, царство ей небесное! Богатый снарядъ. И трудно мнѣ достался этотъ заказъ. Хотѣлъ Артамонъ Савельичъ въ процессіи заказать... Я и говорю: зачѣмъ вамъ процессія, Артамонъ Савельевичъ? Что у нихъ дрожки и тамъ факелы и прочее? Такъ факелы я вамъ устрою, а на дрожкахъ прилично ли любезную супругу везти? Всякій вамъ скажетъ, что ее надобно снести на рукахъ. Это означаетъ любовь и уваженіе къ праху... вась въ лабазѣ пятеро здоровыхъ молодцовъ служатъ, вотъ они понесутъ... Ну, убѣдилъ-таки. Охъ, Викентій, эта процессія много у нашего брата отнимаетъ! Все равно, какъ у тебя машина.

При этомъ онъ вынулъ кошелекъ, чтобы заплатить за пиво, но Викентій не допустилъ, взялъ его руку съ кошелькомъ и направилъ ее обратно въ карманъ.

— Нѣтъ, это мое. Сына въ хорошую науку отдалъ, такъ ужъ позвольте мнѣ, Нилъ Назаровичъ.

И онъ, порывшись въ жилетномъ карманѣ, досталъ оттуда тридцать копеекъ мѣдью и отдалъ слугѣ.

— Сдачи не надо!—сказалъ онъ, и они оба поднялись.

II.

Были скверныя сумерки поздней осени. Воздухъ былъ пропитанъ холодною сыростью. Небо окутано сплошною тучей. Фонари горѣли тускло, съ мостовой, отъ колесъ проѣзжавшихъ извозчиковъ, на пѣшеходовъ летѣла жидкая грязь. Пахло дымомъ.

Нилъ Назаровичъ возвращался домой около семи часовъ вечера. Викентій навелъ его на серьезныя мысли. Сыну его Андрею пошелъ тринадцатый годъ. Онъ предоставлялъ ему учиться въ школѣ, чтобъ онъ былъ грамотенъ и также чтобъ получилъ льготу по военной службѣ. Андрей у него былъ пока единственный наслѣдникъ. Была у него дочь, которую звали Мариной, но ее онъ не могъ принимать въ разсчетъ. «Не такое у нея направленіе мыслей, чтобъ вести отцовское дѣло,—думалъ Нилъ Назаровичъ.—Развѣ случаемъ за гробовщика замужъ выйдетъ, только наврядъ».

А Андрею въ сущности уже было пора пріучаться къ дѣлу. Это ничего, что онъ ходитъ въ школу, одно другому не мѣшаетъ. Школа днемъ, а вечеркомъ можетъ присматриваться къ ремеслу.

«Я не старъ и не слабъ, не могу пожаловаться,—думалъ про себя Нилъ Назаровичъ:—самъ могу еще во все входить и за всѣмъ присматривать, а коли надо, то и молоткомъ дѣйствовать. Но однако подъ Богомъ ходимъ. Вдругъ болѣзнь какая-нибудь, либо что. Вотъ когда сынъ будетъ пріученъ къ дѣлу, оно и ничего. Нѣтъ, надо опросить Андрея. Можетъ случиться, что онъ имѣетъ отвращеніе къ нашему дѣлу. Насиловать не могу. Во всякомъ другомъ дѣлѣ можно приказать, а въ нашемъ—нельзя, потому оно прямо на душу дѣйствуетъ. А если у него есть охота къ другому ремеслу, такъ и другое пора начинать».

И думая такимъ образомъ, Нилъ Назаровичъ въ глубинѣ души испытывалъ страхъ, что у Андрея вдругъ можетъ оказаться отвращеніе къ его наслѣдственному ремеслу. Самъ онъ страстно любилъ свое дѣло и думалъ, что нѣтъ болѣе благороднаго ремесла; а главное, что фирма его была старинная и очень уважаемая, и мысль о томъ, что послѣ его смерти фирма эта можетъ прекратить свое существованіе, пугала его. Всякому дорого свое дѣло.

Но было нѣчто еще болѣе важное, нѣчто такое, о чемъ Нилъ Назаровичъ даже себѣ самому не признавался. Онъ и думалъ объ этомъ только тогда, когда въ комнатѣ не было ни души, а онъ былъ одинъ, и думая, онъ старался увѣрить себя, что это такъ себѣ, въ шутку. Это была мечта, далекая, трудно осуществимая, но желанная. Ни одному еще человѣку онъ не признался въ ней и даже женѣ своей, женщинѣ почтенной, которую онъ очень уважалъ, онъ ни разу не заикнулся о своей мечтѣ. И даже были основанія думать, что мысли Нила Назаровича настроены какъ разъ наоборотъ. Но объ этомъ говорить рано. Мечта, она, можетъ, осуществится, а, можетъ, и заглохнетъ,—это зависитъ отъ счастья. По разсчету Нила Назаровича, ему надо еще цѣлыхъ семь лѣтъ работать и копить деньгу, чтобы осуществить ее. Развѣ случай какой-нибудь счастливый выручитъ: нападетъ моръ на людей и пойдутъ большіе заказы или такъ просто съ десятокъ богатыхъ людей отойдутъ въ лучшій міръ.

Если бы сказали, что со стороны Нила Назаровича не хорошо желать мора на людей, то это была бы неправда. Нилъ Назаровичъ никому не желалъ смерти,—пусть себѣ живутъ люди, они ему не мѣшаютъ; но, вѣдь, бываетъ и моръ, бываетъ и всякая другая смерть, и не гробовщики же виноваты въ томъ, что люди умираютъ. Но ужъ ихъ такое ремесло, что они зависятъ отъ смерти. Если бы всѣ люди вдругъ перестали умирать, то гробовщикамъ нечего было бы ѣсть.

Нилъ Назаровичъ уже видѣлъ свою квартиру, освѣщаемую уличнымъ фонаремъ, но онъ на минуту остановился у лабаза, хозяйка котораго была теперь его кліенткой. Лабазъ былъ освѣщенъ; въ немъ двигались три сидѣльца въ передникахъ, засыпанныхъ мукой, и нѣсколько бабъ-покупательницъ. Все шло такъ же, какъ и вчера, только хозяина не было за конторкой, а на его мѣстѣ сидѣлъ старшій приказчикъ, который заложилъ карандашъ за ухо совершенно такъ же, какъ это дѣлалъ и самъ хозяинъ.

«Онъ навѣрно женится на хозяйской дочкѣ и будетъ торговать въ лабазѣ», подумалъ Нилъ Назаровичъ и заглянулъ еще вверхъ, на окна второго этажа, гдѣ жилъ хозяинъ. Они были ярко освѣщены; это направило его мысли на заказъ. Онъ ускорилъ шаги и дошелъ къ своему дому.

Домъ былъ трехъэтажный, каменный, очень маленькій и довольно грязный. Окна состояли изъ безчисленнаго множества стеколъ разныхъ зеленоватыхъ оттѣнковъ. Ходъ съ улицы походилъ

на четырехъугольную дыру, въ уровень съ тротуаромъ, безъ навѣса и безъ двери.

Но у Нила Назаровича былъ особый ходъ. Онъ занималъ подвальный этажъ и къ нему надо было спуститься по каменной лѣсенкѣ. По обѣ стороны входной двери было по два полуоконца, которыя были всецѣло посвящены рекламѣ ремесла Нила Назаровича.

На одномъ стоялъ вдоль маленькій, чрезвычайно веселаго вида гробикъ, обитый серебрянымъ глазетомъ съ золотымъ галуномъ и съ пышными кистями на углахъ, на хорошенькихъ золоченыхъ ножкахъ. На другомъ стояли два такихъ же маленькихъ гробика, но поперекъ, обращенные тонкими краями къ улицѣ. Одинъ былъ совершенно черный, въ бархатѣ, съ серебряною бахромой, другой—малиновый, съ бахромой изъ золота. Первый смотрѣлъ строго и, напоминая прохожимъ о смерти, вмѣстѣ съ тѣмъ заставлялъ подумать и о грѣхахъ; у второго же видъ былъ болѣе снисходительный, и, глядя на его нарядную внѣшность, приходило на мысль, что лежать въ такой хорошенькой штучкѣ не такъ ужъ непріятно. Третье окно занималъ солидный, основательно сколоченный, гробъ, обтянутый темно-коричневымъ коленкоромъ, предназначенный, очевидно, для простого рабочаго человѣка, для котораго важнѣе всего, чтобъ было крѣпко сдѣлано и чтобы надольше хватило. Наконецъ, въ четвертомъ окнѣ были въ живописномъ порядкѣ развѣшены нѣкоторыя другія принадлежности ремесла, какъ-то: бахрома, парча, кисти и еще какія-то производства, названія которыхъ были извѣстны только Нилу Назаровичу и людямъ его цеха.

Надъ входною дверью возвышалась, доходя до самаго карниза второго этажа, большая деревянная доска, на которой былъ искусною рукой изображенъ гробъ, по бокамъ его горящія толстыя свѣчи въ церковныхъ подсвѣчникахъ, надъ гробомъ вѣнокъ, а надъ всѣмъ этимъ черный балдахинъ; а внизу, хотя это и такъ было ясно, стояла надпись золотыми буквами: «гробовщикъ Нилъ Акуловъ».

Все, что было нарисовано на вывѣскѣ, и то, что стояло въ окнахъ, днемъ освѣщалось солнцемъ,—а ночью уличнымъ фонаремъ, и такимъ образомъ мастерская Нила Акулова никогда не оставалась въ тѣни.

Это выгодное положеніе далъ ей еще отдаленный предокъ, положившій основаніе фирмѣ, поэтому-то она и ютилась въ подвальномъ этажѣ стараго неряшливаго дома, хотя ходъ дѣлъ Акулова позволялъ ему перенести мастерскую въ болѣе видное и приличное мѣсто. У Нила Назаровича было, неизвѣстно какъ образовавшееся, убѣжденіе, что гробовщицкій цехъ долженъ непремѣнно помѣщать-

ся въ подвальномъ этажѣ. Можетъ быть, это было сопоставленіе съ тѣмъ обстоятельствомъ, что товаръ, производимый въ мастерской, подымался надъ уровнемъ земли всего на нѣсколько часовъ, чтобы вмѣстить въ себя своего жильца, и затѣмъ шелъ прямо въ землю.

Было еще и то соображеніе, что въ этомъ домѣ дѣла мастерской шли хорошо и, значитъ, мѣсто было счастливое и мѣнять его на новое съ неизвѣстною судьбой было дѣло рискованное. Поэтому Нилъ Назаровичъ, принявъ отъ отца заведеніе и сознавая всѣ недостатки стараго дома, остался на мѣстѣ своихъ предковъ.

Акуловъ спустился по ступенькамъ и отворилъ дверь, обитую по краямъ войлокомъ и кленкой, въ защиту отъ уличной сырости.

Мастерская представляла собой обширную комнату, сильно удлиненную въ глубь, съ очень низкимъ, порядочно закоптѣлымъ потолкомъ. Вдоль правой стѣны тянулся стеклянный шкафъ, изъ котораго, какъ бы въ дополненіе къ предметамъ, выставленнымъ на окнахъ, выглядывали маленькіе гробики во всевозможныхъ обивкахъ: это были модели или образцы, по которымъ заказчикъ облюбовывалъ тотъ или другой сортъ. Часть другой стѣны была занята шкафомъ поменьше: тамъ хранились куски бархата, глазета, парчи, галунъ, кисти, все необходимое для обивки гробовъ, придающее имъ видъ и цѣнность. Остальное пространство вдоль стѣнъ заполнялось длинными неподвижными скамейками, на которыхъ сидѣли во время работы, пилили доски, валялись инструменты и стружки, а въ послѣобѣденный часъ на тѣхъ же скамьяхъ спали подмастерья. Нѣсколько влѣво стоялъ большой невысокій четырехъугольный столъ съ дубовыми досками, на которыхъ производилась главная работа—вычерчивались гробы сообразно мѣркѣ, снятой съ кліента. Комната освѣщалась единственной, не особенно ярко горѣвшею лампой, которая распространяла въ комнатѣ запахъ нефтяной копоти. Въ мастерской было жарко и душно, и когда кто-нибудь входилъ съ улицы, то изъ нея на улицу вылетали клубы пара, какъ изъ бани или парового котла.

Маленькая дверь, помѣщавшаяся какъ разъ противъ входной, вела въ жилище Нила Назаровича съ семействомъ. Но мастера не жили тутъ. Они ютились на отдѣльныхъ квартирахъ, а отъ хозяина только получали столъ и пользовались скамейками для послѣобѣденнаго отдыха.

Два подмастерья хлопотали надъ постройкой, которая видимо приходила уже къ концу. Главная часть уже была готова и стояла въ сторонѣ. Только внутренность ея не была обита матеріей, и Нилъ

Назаровичъ тотчасъ же выразительно покосился на это обстоятельство.

— Безъ васъ не посмѣли, Нилъ Назаровичъ,—объясняли мастера,—боялись испортить... Очень деликатный заказъ.

— Гм...—отозвался на это Акуловъ:—пора бы, кажись, научиться...

Но сказалъ онъ это безъ малѣйшаго упрека, больше по обязанности хозяина, который не долженъ пропускать ни одного случая, чтобы сдѣлать внушеніе мастерамъ. Но въ сущности ему было пріятно это признаніе его авторитета въ дѣлѣ обивки внутренней части. Онъ смотрѣлъ на эту сторону дѣла очень серьезно. Онъ, конечно, столь же серьезно относился и ко всѣмъ другимъ сторонамъ своего ремесла, но придавалъ особое значеніе внутренней обивкѣ. Онъ говорилъ:

— Это, что сверху, это такъ, для глаза, это только отъ дому до кладбища; а то, что внутри—на немъ покойнику лежать приходится; это его послѣдняя постель до самаго второго пришествія. Такъ ужъ тутъ хорошій мастеръ долженъ особенное стараніе приложить...

И въ самомъ дѣлѣ онъ прилагалъ все стараніе, и обивка внутри гробовъ, вышедшихъ изъ его мастерской, отличалась артистическою работой. Если его можно было упрекнуть въ нѣкоторыхъ недочетахъ по другимъ частямъ, то въ этой части онъ достигалъ совершенства. Онъ съ какимъ-то, ему только извѣстнымъ, искусствомъ подкладывалъ вату на днѣ и въ бокахъ и такъ ловко обтягивалъ внутренность шелкомъ или атласомъ, или коленкоромъ, смотря по цѣнѣ заказа и по достоинству покойника, что покойникъ ложился въ него съ такимъ же удовольствіемъ, какъ будто это была мягкая постель. Если бы покойники захотѣли сообщить намъ свои ощущенія, то навѣрно всѣ въ одинъ голосъ заявили бы, что лучше всего лежать въ гробахъ изъ мастерской Нила Акулова. Поэтому подмастерья, свободно обтягивавшіе гробы подешевле, останавливались передъ этимъ дѣломъ, когда приходилось пускать въ ходъ атласъ. Случалось, что Нилъ Назаровичъ, усмотрѣвъ неаккуратность въ ихъ работѣ, въ порывѣ артистическаго раздраженія срывалъ всю обивку и, не останавливаясь передъ расходами, принимался собственноручно выкраивать новую. Вообще осторожный разсчетливый и экономный, онъ оказывался расточительнымъ когда дѣло касалось существенной стороны его ремесла.

— Ну, ладно,—сказалъ онъ,—кончайте крышку, а ужъ я сам

обобью. А завтра въ шесть часовъ утра надо заказъ оттащить къ лабазнику.

Онъ снялъ пальто и пиджакъ и остался въ жилеткѣ; потомъ онъ вынулъ изъ комода кусокъ богатаго атласа, вооружился ножницами и началъ выкраивать обивку для внутренности гроба, въ который завтра ляжетъ жена лабазника. Онъ работалъ быстро и необыкновенно искусно. Подмастерья не разъ оставляли крышку и заглядывались на то, какъ аккуратно и красиво внутренность гроба покрывалась атласомъ и какъ пышно отдувались бока и дно, своею мягкостью маня лечь не только покойника, но и живого человѣка.

Было чему поучиться у Нила Назаровича.

III.

Онъ кончилъ обивку, когда подмастерья еще возились съ крышкой. Оглядѣвъ свою работу, онъ сказалъ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія.

— Важно вышло. Красиво смотрѣть! Жаль, что рано надо нести, а то бы постоять ему денекъ на окнѣ,—для вывѣски такой гробъ очень хорошъ.

— Хорошъ!—въ одинъ голосъ сказали оба подмастерья. Они поднялись, стали по обѣ стороны гроба и съ нескрываемымъ восхищеніемъ любовались дѣломъ рукъ своего хозяина.

— Это не гробъ, а прямо, можно сказать, игрушка!—говорили они.—Прямо конфетная коробочка.

И въ самомъ дѣлѣ гробъ былъ удивительно хорошъ. Обтянутый сверху темносинимъ бархатомъ съ серебристымъ галуномъ по краямъ, весело блистая своими посеребренными ручками, на изящныхъ тонкихъ закругленныхъ ножкахъ, онъ напоминалъ бомбоньерку и казался легкимъ воздушнымъ созданіемъ, а между тѣмъ онъ былъ сколоченъ крѣпко, какъ все, что выходило изъ мастерской Акулова. Лабазникъ Рычковъ могъ быть увѣренъ, что не даромъ заплатитъ деньги за заказъ.

— Гм...—говорилъ самодовольно Нилъ Назаровичъ, обращаясь къ мастерамъ:—а онъ хотѣлъ въ процессію... А что толку, что они ему подъ серебро гробъ сдѣлаютъ? Изъ металла всякій сдѣлать можетъ, такъ въ немъ же никакой красоты нѣтъ. Какъ ты его ни полируй, а все видно что онъ цинковый. Притомъ же оно какъ-то и неприлично, чтобы въ гробѣ дерева не было. Испоконъ вѣковъ человѣка въ деревянный гробъ кладутъ. Нѣтъ, процессія не мо-

жетъ такъ сдѣлать, какъ хорошій мастеръ. Во всякомъ дѣлѣ важно мастерство, а процессія—она гробы сотнями дѣлаетъ, какъ же она можетъ? какое же это мастерство?

Въ то самое время, когда хозяинъ съ учениками разсматривали свѣжій товаръ, дверь, которая вела въ жилыя комнаты, пріотворилась, и оттуда донеслись странные сложные звуки, состоявшіе изъ плача младенца и шипѣнія какого-то блюда, жарившагося на плитѣ. Вмѣстѣ съ этимъ въ мастерскую ворвался пріятный запахъ лука, поджареннаго на маслѣ. Нилъ Назаровичъ зналъ, что плита работаетъ для него и что онъ заслужилъ свой ужинъ.

Раскрытая дверь отвлекла его мысли отъ искусства къ семейнымъ дѣламъ. Тамъ происходилъ разговоръ между его женой и дочерью Мариной, а иногда вмѣшивался и Андрей. Марина, повидимому, куда-то торопилась и искала свой зонтикъ.

— Постоянно затаскаютъ его въ какую-нибудь дыру!—негодующимъ, но довольно нѣжнымъ и симпатичнымъ голосомъ говорила она:—ужъ это навѣрно Андрюшка въ лавочку подъ зонтикомъ бѣгалъ.

— Очень мнѣ нуженъ дамскій зонтикъ! стану я ходить подъ дамскимъ зонтикомъ!—съ оттѣнкомъ презрѣнія возражалъ Андрей:—я подъ тятинькинымъ хожу, когда мнѣ надо.

— А ты поищи, ворона,—вступалась мать,—некому тутъ тебѣ прислуживать. Думаешь, какъ шляпку надѣла съ перьями, да высокій задъ себѣ устроила, такъ уже и барыней стала. Нѣту тутъ баръ... Ищи сама. Ну, вотъ нашла же, напрасно только на мальчика клеплешь.

— Господи! да почемъ же я могу знать, что его въ гробъ засадили! На самомъ днѣ лежитъ и крышкой накрытъ. Этакъ когда-нибудь мою шляпку либо юбку съ покойникомъ въ землю зароютъ. Ну, жизнь! Когда я только выберусь изъ этого кладбища!

Этотъ разговоръ сразу возстановилъ въ головѣ Нила Назаровича всѣ семейныя отношенія въ его домѣ, которыя, надо сказать правду, были порядочно запутаны. Запутывала ихъ собственно Марина, у которой были вкусы, совсѣмъ не вязавшіеся съ ремесломъ Акулова. Вотъ она отыскала свой зонтикъ и вышла въ мастерскую во всемъ величіи своего наряда. Ей надо было выйти н улицу, а другого хода не было, поэтому ей пришлось пройти мим гробовъ и произвести среди нихъ смущеніе тѣмъ контрастомъ, ко торый по отношенію къ нимъ представляла ея наружность.

— Уже! Шлендрать идешь...—укоризненно сказалъ Нилъ Н заровичъ.

— Ахъ, тятенька, оставьте меня въ покоѣ!—довольно сердито бросила ему Марина.

— Фу, ты, строгость какая!

Подмастерья дали ей дорогу, а она прошла, даже не взглянувъ на гробъ, который представлялъ предметъ гордости цѣлой мастерской.

Она была хорошенькая, и подмастерья относились къ ней за это съ большимъ почтеніемъ. Можетъ быть, они оба были даже влюблены въ нее и каждый жалѣлъ о томъ, что она не выйдетъ за него замужъ. У нея были быстрые лукавые глазки, розовенькія щечки съ ямочками, красивый ротикъ съ пышными алыми губками. Сама она была тонкая, стройная, ловкая въ движеніяхъ и что-то задорное было въ ея взглядѣ, голосѣ и манерѣ ходить и держаться. Странно было видѣть такое существо постоянно живущимъ среди гробовъ, въ квартирѣ, гдѣ даже въ коридорѣ стояли наскоро сколоченные, не обитые гробы на случай быстраго спроса или большого заказа куда-нибудь въ больницу, гуртомъ. Странно звучалъ здѣсь ея звонкій голосъ, въ которомъ было что-то радостное, какая-то жажда жизни, что-то призывающее къ счастью и менѣе всего мирящееся со смертью, а между тѣмъ, смерть напоминала о себѣ здѣсь въ каждомъ углу, въ каждой точкѣ.

Нарядъ ея не представлялъ ничего особеннаго и только развѣ по сравненію съ обстановкой родного дома могъ показаться пышнымъ. Напротивъ, онъ былъ слишкомъ скроменъ въ сравненіи съ ея вкусами и желаніями, а ея хорошенькое личико заслуживало лучшаго. Это была простая черная шерстяная юбка съ самымъ незначительнымъ возвышеніемъ сзади, скромная темносиняя, доходившая до пояса накидка съ мѣховой опушкой, боа, красиво окутывавшее шею, и маленькая фетровая шляпка съ синимъ бантомъ, устроеннымъ ея собственными руками. Все это было очень не ново и еслибы присмотрѣться поближе къ подробностямъ, то можно было бы открыть множество слабыхъ мѣстъ, указывавшихъ на собственноручныя передѣлки и всякаго рода приспособленія. И когда Марина появлялась въ мастерской въ новомъ платьѣ, то нужно было обладать тайной ея искусства, чтобы понять, что это въ сущности все то же ея единственное платье, только съ маленькой перемѣной гдѣ-то, въ чемъ-то, чего не могъ уловить непосвященный глазъ. У Марины было много прирожденнаго вкуса, который вѣчно боролся съ бѣдностью ея костюма и гораздо чаще побѣждалъ, чѣмъ терпѣлъ пораженіе.

И достаточно было взглянуть на изящную фигурку Марины,

такъ отличавшуюся отъ всего, что было въ домѣ, на ея блестящіе быстрые глазки, въ которыхъ всегда горѣлъ какой-то заманчивый огонекъ,—чтобы понять, что она дѣйствительно должна вносить путаницу въ этотъ домъ.

Она проскользнула между разступившихся передъ нею мастеровъ и исчезла на улицѣ.

— Охъ, промолвилъ ей вслѣдъ Нилъ Назаровичъ,—и что только изъ нея выйдетъ, одинъ Богъ знаетъ. И въ кого только она уродилась?

Но онъ тотчасъ же возвратился къ дѣлу и прибавилъ, обращаясь къ мастерамъ:—Ну, кончайте крышку, да чтобъ завтра чѣмъ свѣтъ отнести въ лабазъ. И факелы, не забудьте факелы! Да чтобы факельщики были въ свое время на мѣстѣ. Имъ сказано уже. Я даже рубль задатку далъ.

И сказавъ это, онъ ушелъ въ семейную часть своей квартиры.

Въ квартирѣ этой, кромѣ мастерской, было еще три комнаты, хотя не всѣ онѣ въ равной степени заслуживали это названіе. Одна была дѣйствительно комната, въ ней помѣщалась большая тесовая кровать со множествомъ высоко наложенныхъ подушекъ, прикрытыхъ голубымъ шелковымъ стеганнымъ одѣяломъ, маленькій столикъ, большой шкапъ и угольникъ съ образами и лампадкой, которая зажигалась съ субботы на воскресенье. Здѣсь было тихо, пахло сыростью и деревяннымъ масломъ; низенькая кафельная печка всегда была нагрѣта до высшаго градуса; здѣсь была спальня Нила Назаровича и супруги его Анны Степановны. Они всю совмѣстную жизнь помѣщались на этой кровати, въ этой самой комнатѣ. Эта кровать была ихъ брачной постелью, и на ней Анна Степановна произвела на свѣтъ все свое потомство, въ настоящее время состоявшее изъ Марины, Андрея и маленькой полуторагодовалой дѣвочки, Глашутки. Она обитала тутъ же въ небольшой подвѣшенной къ потолку люлькѣ на такомъ разстояніи отъ кровати, чтобъ Анна Степановна могла ночью, не вставая съ постели, усмирять ее, раскачивая люльку изъ стороны въ сторону, и была предметомъ обожанія обоихъ супруговъ.

Другая комната заключала въ себѣ плиту, кухонный столъ и рядъ полокъ съ посудой, но тутъ же стояла узенькая желѣзная кровать, на которой спалъ Андрей. Сюда онъ перешелъ прямо изъ люльки, когда наступили соотвѣтствующіе годы. Здѣсь на стѣнѣ надъ кроватью висѣли принадлежности его туалета и вообще тотъ уголъ, гдѣ стояла кровать, принадлежалъ ему.

Третье помѣщеніе было совсѣмъ странное. Это было нѣчто вр

дѣ большой кладовки; здѣсь вдоль стѣнъ стояли гробы въ различныхъ моментахъ своего возникновенія: совершенно конченные, поставленные одинъ на другой, обтянутые матеріей и обнаженные, съ крышкой и безъ крышекъ, одни только крышки... Тутъ же въ углу были свалены въ кучу остатки обивныхъ матерій, бахромы, кистей, парчевыхъ прошивокъ, шнуровъ. Все это характеризовало комнату, какъ кладовую мастерской. Здѣсь же въ отдѣльномъ уголку стояло ведерко съ лакомъ, клей, краска, лежали тонко заструганные деревянные гвозди, молоточки.

Но среди этихъ принадлежностей ремесла, почти посрединѣ комнаты, возвышалась стоячая вѣшалка, совершенно облѣпленная юбками, домашними кофточками, всевозможными принадлежностями дамскаго туалета. Внизу стояли дамскіе ботинки и калоши для маленькой ножки, а на подоконникѣ единственнаго окна, выходившаго прямо въ стѣну сосѣдняго флигеля, стояли зеркало, коробочки и флакончики съ пудрой, духами, шпильками, булавками. Эти предметы свидѣтельствовали, что въ кладовой живетъ изящное существо, живетъ и страшно борется за свою жизнь, и этимъ существомъ была Марина, для которой въ домѣ не было другого помѣщенія.

Здѣсь не было никакихъ признаковъ кровати или кушетки, или чего-нибудь такого, на чемъ можно было спать. Когда наступалъ часъ отхода ко сну, Марина раздвигала кучу обойныхъ остатковъ, придавая ей плоскій видъ, потомъ изъ одного изъ гробовъ, служившаго ей комодомъ, вынимала простыню, одѣяло, подушку и устраивала себѣ прекрасную постель.

Нилъ Назаровичъ зашелъ въ спальню и снесъ туда пиджакъ, въ которомъ всегда выходилъ на улицу или, если случалось дѣло, напримѣръ, снять мѣрку съ покойника. Тутъ же онъ скинулъ и жилетку, повѣсилъ то и другое въ шкапъ и остался въ рубахѣ. Въ такомъ видѣ онъ направился въ кухню, гдѣ уже столъ былъ накрытъ сѣрой скатертью и приготовлены три прибора для ужина. Андрей сидѣлъ уже за столомъ, тоже въ одной рубахѣ, всученной въ штаны, а Анна Степановна возилась около плиты. Въ комнатѣ 'ояла духота, а воздухъ былъ пропитанъ всѣми кухонными за-ахами. Но семья къ этому привыкла и находила все это недур-ымъ.

— Ну, вотъ я и освободился!—сказалъ Нилъ Назаровичъ, са-ясь за столъ.—Какую штуку для лабазницы смастерили, просто аглядѣться можно... Не гробъ, а пряникъ, скушать хочется, по-чи-ка, Андрей!

Андрей тотчасъ же заинтересовался и побѣжалъ въ мастерскую. Черезъ минуту онъ вернулся съ сіяющимъ лицомъ.

— Чудо гробъ!—сказалъ онъ.—Дорогой, должно быть?

— Да ужъ, конечно, не дешевый! Для лабазницы. Я думаю, съ нее можно взять.

— Много взялъ, Нилъ?—спросила Анна Степановна, обливавшаяся пòтомъ у плиты.

— Много не много, а сотенную дастъ, да еще, можетъ, отъ факеловъ что-нибудь перепадетъ. Этакіе заказы почаще бы Богъ посылалъ... Да, ужъ можно сказать, гробикъ первый сортъ. Гм... А еще лабазникъ въ процессіи хотѣлъ заказать. Развѣ процессія можетъ такой гробъ поставить? Они что дѣлаютъ? Охтенскимъ заказываютъ, а тѣ всякую гниль скупаютъ, да изъ нея и мастерятъ,—ну, а потомъ обтянутъ красивой тряпицей, вотъ тебѣ и гробъ... А у меня, ужъ если я берусь, такъ крѣпко дѣлаю, на сто лѣтъ хватитъ... Ну, присаживайся, Анюта, и ты, Андрей, я съ вами хочу разговоръ имѣть. Это касательно Андрея, а ты, какъ мать, должна при этомъ быть...

Анна Степановна поставила на столъ съѣстное, потомъ сняла съ головы платокъ, имъ же вытерла потъ съ лица и сѣла за столъ. Андрей тоже присосѣдился, началась трапеза. Нилъ Назаровичъ, отдавъ первую дань своему аппетиту, заговорилъ очень серьезнымъ тономъ:

— Вотъ что, Андрей. Тебѣ уже тринадцатый годъ. Ты, положимъ, ходишь въ школу, но это ничего. По отцу ты есть человѣкъ ремесленнаго званія и слѣдственно тебѣ надо о какомъ-нибудь ремеслѣ подумать... Я работаю двадцать пять лѣтъ, а все же, въ случаѣ чего такого, мнѣ не на кого положиться. Вотъ я и хочу тебя опросить, какъ я моего сына по этой части понимать долженъ?

Андрей не понялъ этой нѣсколько витіеватой рѣчи и молчалъ; Анна Степановна спросила:

— Это ты чтобы по гробовой части его?

— Я не говорю этого, я не насилую! — отвѣтилъ Нилъ Назаровичъ. — А только долженъ я его опросить. Возрастъ его тако" что пора ремеслу учиться. А по какой части, это смотря, какъ него душа лежитъ.

— Я, тятенька, по гробовой согласенъ!—сказалъ Андрей, і нявши въ чемъ дѣло.

— Ишь ты какой быстрый! Какъ же ты можешь быть согл сенъ, когда ты этого дѣла еще и не нюхалъ?

— Какъ же не нюхалъ, тятенька, если всякій часъ вижу? Я очень даже это дѣло понимаю и даже могъ бы самъ гробъ сдѣлать...

— Это хорошо; а только вдругъ, можетъ, у тебя проявится отвращеніе! Это бываетъ. Гробовое дѣло—не простое. Оно не всякому дается...

— Съ какой стати отвращеніе? Ежели мой тятенька этимъ дѣломъ занимается, такъ отчего же и мнѣ не заниматься? А мнѣ такъ оно даже нравится. Гробъ можно такой красивый сдѣлать, что хоть на выставку. Взять хоть бы этотъ, для лабазницы...

— Правда. Такъ никакого, говоришь, отвращенія?

— Никакого, тятенька.

— Инымъ бываетъ жутко...

— А мнѣ ничего. Вотъ Марина ругается,—куда ни глянь, говоритъ, все гробы, да гробы; а по-моему, что-жъ такое, что гробы? Гробъ каждому человѣку нуженъ.

— Я такъ полагаю,—промолвила Анна Степановна,—что только и есть одно настоящее ремесло, что гробовщицкое. Прочія ремесла что такое? Взять хоть бы модное, либо шляпочное,—одна суета! А гробъ такой предметъ, безъ котораго никакой человѣкъ обойтись не можетъ. Гробъ самый полезный предметъ... я такъ полагаю.

— Правильно. Ну, какъ же ты меня обрадовалъ, Андрей, что отцовское ремесло одобряешь! По крайности у меня теперь свой собственный помощникъ будетъ...

И въ это время въ головѣ его свѣтлымъ золотистымъ облачкомъ промелькнула мечта.

— А я тебѣ и товарища нашелъ: Викентій, слесарь, своего сына ко мнѣ въ науку отдаетъ.

— Викентіевъ сынъ? Васька? Такой блѣдный да тонкій?—сказалъ Андрей.

— А ты его знаешь?

— Онъ къ намъ въ школу ходилъ, да бросилъ. Все задумывается и куда-то вдаль смотритъ.

— Э, ничего, какъ за дѣло примется, такъ и задумываться перестанетъ. Будешь задумываться, когда у отца дѣла совсѣмъ плохи, а въ домѣ лишняго стула нѣтъ. Завтра Викентій обѣщалъ и привести его.

Въ эту ночь Нилъ Назаровичъ долго не могъ заснуть. Мечта наполнила его голову очаровательными образами. Онъ слышалъ, какъ послѣ двѣнадцати часовъ ночи вернулась домой Марина и, отперевъ квартиру собственнымъ ключомъ, прошла въ свою ком-

нату. Тутъ мысли Нила Назаровича приняли новое, не столь пріятное направленіе, потому что онъ сталъ думать о Маринѣ.

IV.

Марина спала крѣпко на своей мягкой постели изъ остатковъ обойныхъ принадлежностей. Комната слабо освѣщалась окномъ, выходившимъ къ стѣнѣ. Плохо оштукатуренныя и ничѣмъ не оклееныя стѣны носили на себѣ всѣ признаки долголѣтней сырости, которая разрисовала ихъ влажными пятнами самыхъ капризныхъ узоровъ, а на низкомъ потолкѣ кое-гдѣ проглядывала даже зеленоватая плѣсень.

Марина вся до подбородка закуталась въ одѣяло. Утренній сонъ ея былъ сладокъ. Но крикъ младшей сестры, долетавшій очень явственно изъ спальни, рано разбудилъ ее. Она открыла глаза и увидѣла какъ разъ передъ собою два ряда широкихъ полокъ, на которыхъ въ чрезвычайномъ порядкѣ стояли сдѣланные вчернѣ неокрашенные и необитые гробы разной величины. Она видѣла ихъ каждый день. Каждое утро они были первымъ впечатлѣніемъ ея глазъ. Она привыкла къ нимъ съ дѣтства и научилась смотрѣть на нихъ какъ на неизбѣжность.

Она глядѣла на нихъ съ минуту и потомъ ей сдѣлалось скучно и она опять закрыла глаза. И легкая дрема вновь охватила ее, и продолжались пріятныя видѣнія, совсѣмъ не похожія на тотъ міръ, который окружалъ ее.

Въ мастерской стучали маленькіе молоточки, вбивавшіе деревянные гвозди въ доски. Никогда не прерывалась эта работа. Пила посвистываетъ, молотки постукиваютъ, слышатся шипящіе звуки занозы... Люди умираютъ каждый день, каждый часъ, а дѣла въ мастерской Акулова идутъ отлично. Иногда изъ мастерской доносится пѣсня, которую подмастерье мурлычетъ себѣ подъ носъ; иногда они поютъ дуэтомъ. Они любятъ свое ремесло, и имъ весело оттого, что много заказовъ и имъ не приходится сидѣть безъ дѣла.

А ея видѣнія странны. Она видитъ себя въ легкой воздушной одеждѣ, съ золотыми блестками, порхающей на широкой сценѣ среди кулисъ и декорацій, изображающихъ лѣсъ, по которому протекаетъ кристальный ручей. Она—нимфа или русалка, или какое-нибудь иное неземное существо; она совсѣмъ не знаетъ миѳологіи, и всѣ эти существа для нея одинаковы. Они красивы, воздушны, они не похожи на людей съ ихъ тяжелыми, неудобными платьями, съ ихъ нуждой, сырыми темными жилищами. Они только и дѣлаютъ, что порхаютъ отъ одного куста къ другому, принимаютъ

живописныя, полныя изящества, соблазнительныя позы и кокетничаютъ съ пастушками, съ птичками, съ мотыльками, съ вѣтками деревьевъ, съ цвѣтами и съ ручьемъ. Большой залъ наполненъ зрителями и ярко освѣщенъ.

Откуда взялись въ ея окутанной дремотой головѣ эти образы? Не могли ихъ навѣять сырыя стѣны съ низкимъ потолкомъ и эти смотрящіе на нее изъ всѣхъ угловъ многогранные ящики, напоминающіе о томъ, что все должно кончиться разъ навсегда.

Это были картины изъ вчерашняго балета, вставленнаго въ оперу, которую пѣли итальянцы частнаго театра. Тамъ были эти воздушныя существа въ чудныхъ фантастическихъ одеждахъ. Не она ихъ изображала, а другія искусныя и признанныя танцовщицы, но и она была на сценѣ и на ней были одѣты красивыя, легкія одежды и ея плотно обтянутыя ножки въ глубинѣ сцены выдѣлывали какія-то фигуры. Она глядѣла на тѣхъ счастливицъ и жадно завидовала имъ, потому что зрители смотрѣли не на нее, а на нихъ, но въ то же время она была счастлива.

Она была счастлива потому, что только тамъ, на сценѣ, среди картонныхъ лѣсовъ, гротовъ и ручьевъ она дышала полною грудью, забывая о жалкой дѣйствительности. Богъ знаетъ, какъ въ этихъ мрачныхъ стѣнахъ стараго дома, въ глубокихъ, мягкихъ и жаркихъ пуховикахъ родительской кровати, въ затхломъ воздухѣ сырой, тѣсной, крѣпко натопленной комнаты, появилась на свѣтъ эта фантастическая головка, съ первыхъ же сознательныхъ шаговъ удивлявшая всѣхъ своими вкусами и настроеніями. Анна Степановна была скромная, трудолюбивая хозяйка, съ ограниченнымъ умомъ, лишеннымъ всякой фантазіи. Ея кругозоръ былъ такъ же узокъ, какъ и сфера ея жизни; она вѣровала въ высокое искусство мужа, покорно уступала ему преимущество во всѣхъ житейскихъ вопросахъ и считала его умнѣйшимъ изъ людей, а свою жизнь — лучшимъ удѣломъ женщины на землѣ. Нилъ Назаровичъ былъ человѣкъ, безъ сомнѣнія, почтенный, а въ своемъ ремеслѣ даже видный,—въ ремесленномъ управленіи онъ занималъ почетную должность, на которую выбирали его много лѣтъ непрерывно. У него была даже своего рода фантазія, но исключительно въ области его ремесла. Онъ не довольствовался производствомъ гробовъ во что бы то ни стало по общепринятому фасону. Конечно, онъ не могъ измѣнить основныхъ очертаній въ своемъ товарѣ, не могъ придавать гробамъ фигуру цвѣтка; онъ долженъ былъ держаться обычаемъ установленной формы. Но все же онъ вносилъ въ свое искусство усовершенствованія, которыя были очевидны не только

для спеціалистовъ, но и для партикулярныхъ людей. Всякій человѣкъ, мало-мальски причастный къ похоронному дѣлу, при одномъ взглядѣ на гробъ, могъ сказать: «это изъ мастерской Акулова, тутъ видна Акуловская рука». Но все же, надо сказать, что весь умъ Нила Назаровича былъ погруженъ въ міръ гробовъ и похоронъ и выше этого міра никогда не подымался. Онъ былъ не богатъ, хотя кое-что уже прикопилъ въ интересахъ своей мечты, которой никогда никому не высказывалъ. Но еслибъ ему дали милліонъ и спросили его, что онъ съ нимъ сдѣлаетъ, то онъ, не задумываясь, отвѣтилъ бы, что откроетъ огромную образцовую гробовую мастерскую. Ему далеко не было чуждо самолюбіе, но и оно все принадлежало области его наслѣдственнаго ремесла. Мечта его могла возвышаться до желанія провожать на тотъ свѣтъ всю Петербургскую Сторону, даже весь Петербургъ, можетъ быть всю Европу и хотя бы весь земной шаръ.

И вотъ отъ Нила Назаровича и Анны Степановны родилась Марина, которая еще въ дѣтствѣ, едва только вышла изъ пеленокъ и стала ходить, обнаружила склонности, на которыя косо посматривали всѣ гробы, разставленные въ квартирѣ Акулова. Ея любимымъ развлеченіемъ были танцы. Не имѣя никакого понятія о балетѣ, она постоянно носилась въ вихрѣ какого-нибудь необыкновеннаго, ею же созданнаго танца, принимала удивительныя позы, живописно драпировалась въ разныя тряпки, какія только попадались ей подъ руку, будь то старая юбка Анны Степановны, кусокъ парчи или бархата, предназначенные для обивки богатаго гроба. По мѣрѣ того, какъ она росла, у нея являлась потребность въ обстановкѣ. Фантазія ея работала свободно, и она, разставляя гробы по разнымъ угламъ комнаты, одинъ—бокомъ, другой—стоймя, третій дномъ кверху или одинъ на другой, воображала себя среди таинственныхъ зáмковъ и дремучихъ лѣсовъ, на днѣ глубокаго моря, сказочной царицей, русалкой, феей, пастушкой.

И ничто: ни однообразный стукъ молотковъ въ мастерской, ни постоянные разговоры о покойникахъ, съ которыхъ то и дѣло снимали мѣрку, ни надоѣдливый видъ гробовъ,—ничто не могло настолько придавить ея мозгъ, чтобы вытравить изъ него эти образы фантазіи. Она вѣчно искала новыхъ формъ, новыхъ позъ, создавала новые сюжеты и мечтала о чемъ-то такомъ, чего не знала и не понимала. Ей казалось, что жизнь, настоящая жизнь, не здѣсь, не въ этомъ сыромъ полутемномъ подвальномъ этажѣ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, и что она не такая, какъ эта, а иная—яркая, шумная, красивая, блестящая и радостная. И всѣ силы ея мечтатель-

ности устремлялись въ эту неизвѣстную область, она постоянно чего-то ждала, какой-то перемѣны, какого-то случая, который откроетъ ей этотъ міръ.

Домашняя жизнь шла своимъ чередомъ. По мѣрѣ того, какъ она подростала, ее пріучали къ хозяйству. Анна Степанова учила ее шитью и вязанью, ее посылали въ школу, и она научилась читать и довольно плохо писать. Но на все это она смотрѣла какъ на нѣчто временное, нѣчто такое, чему она обязана отдавать свои силы по желанію другихъ, до той поры, пока не придетъ желанный случай.

И случай, наконецъ, пришелъ. Ей пошелъ уже семнадцатый годъ, когда Нилъ Назаровичъ съ Анной Степановной и съ нею на Рождествѣ отправились въ манежъ на гулянье. Тутъ Марина впервые увидѣла сцену, на которой танцовщицы въ костюмахъ исполняли что-то необыкновенно замысловатое и сложное. Все это было, разумѣется, первобытно и грубо, но на Марину произвело такое впечатлѣніе, что она сидѣла блѣдная, съ страшно бьющимся сердцемъ, не отрывала глазъ и не хотѣла уходить. Глядя на сцену, гдѣ вертѣлись и ломались женщины, она испытывала одно желаніе въ одинъ мигъ перелетѣть туда, облечься въ ихъ костюмъ и пуститься вмѣстѣ съ ними въ вихрѣ танца.

Она уже чувствовала себя такъ, какъ человѣкъ, всю жизнь работавшій надъ какимъ-нибудь открытіемъ и вдругъ нашедшій основную идею. Цѣлую недѣлю праздниковъ она всѣми правдами и неправдами находила возможность уходить изъ дому и попадать въ манежъ. Придя домой, она забиралась въ свою кладовую, раздвигала гробы и тряпки и старалась продѣлать своими ногами всѣ тѣ штуки, которыя видѣла на сценѣ. Много встрѣтила она препятствій, многое оказалось для нея недостижимымъ. Какъ ни были плохи манежныя танцовщицы, но у нихъ все же была кой-какая школа, кое-какіе пріемы, онѣ кое-чему когда-то учились, а въ томъ, что онѣ изображали, была послѣдовательность, цѣльность и, хоть глупая, но все же мысль. У нея ничего этого не было и тѣмъ не менѣе она, благодаря только своимъ способностямъ, переняла у нихъ многое и теперь въ ея домашнихъ танцахъ появились новыя, дотолѣ невиданныя фигуры. Теперь ея мечты приняли болѣе реальныя формы. Она вѣчно думала о томъ, какъ бы попасть въ манежъ на сцену, какъ бы присоединиться къ этимъ избранницамъ, на которыхъ смотритъ столько народа.

А ея положеніе въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ она мечтала, было печально. Тусклая обстановка домашней жизни такъ мало походила

на яркія краски сцены. Ея туалетъ казался ей жалкимъ. Ее одѣвали настолько, чтобы было тепло и прилично показаться на улицу, когда надо было сходить въ мелочную лавку за деревяннымъ масломъ для лампадки. На ней была единственная сѣрая юбка, перешитая изъ праздничнаго платья Анны Степановны, коричневая фланелевая кофта, а на головѣ шерстяной платокъ. Было еще парадное платье изъ свѣтло-голубого кашемира, но оно было заперто въ шкафу въ спальнѣ и ожидало какого-то особенно торжественнаго случая. Что касается верхней зимней одежды, она была просто ужасна: порядочно заношенная шубейка, оказавшаяся узкой Аннѣ Степановнѣ, перешла къ ней по наслѣдству. Она была лишена всякаго фасона и имѣла видъ мѣшка, въ днѣ котораго продѣлали дыру.

А между тѣмъ Марина часто смотрѣлась въ зеркало и видѣла, что у нея хорошенькое личико, привлекательные глазки, бѣлая шейка, красивыя маленькія ручки, что она прекрасно сложена, изящно движется, ходитъ, и что вообще по всему она заслуживаетъ лучшей участи. Были и внѣшнія доказательства того, что она обладаетъ не малыми сокровищами. Еще тогда, когда она на Рождествѣ ходила одна въ манежъ, какой-то усатый офицеръ долго смотрѣлъ на нее и, толкнувъ своего сосѣда локтемъ въ бокъ, сказалъ ему: посмотри, какая хорошенькая мѣщаночка! Да и кромѣ офицера другіе заглядывались на нее, она это очень хорошо примѣчала. Часто случалось на улицѣ, когда ее посылали по дѣлу, какой-нибудь парень, а то и почтенный господинъ, уставится на нее, какъ-то особенно крякнетъ и скажетъ: Гм... ну, и глазенки же у этой дѣвчонки!—или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Да Маринѣ и не нужно было доказательствъ ея красоты. Она очень хорошо видѣла всѣ свои преимущества. Она только не могла найти способа отыскать приложеніе своимъ способностямъ. Кругъ ея знакомствъ былъ такъ далекъ отъ того міра, о которомъ она мечтала. Это были лавочники съ ихъ улицы, два-три гробовщика съ семействами, подмастерья, которыхъ она знала еще мальчишками, такъ какъ они учились у ея отца, и еще дюжина столь же темныхъ и незначительныхъ людей.

Въ своей семьѣ она занимала странное положеніе. Сперва на нее смотрѣли какъ на ребенка, который, несмотря на свои шестнадцать лѣтъ, все еще забавляется, но однажды, послѣ одного случая, стали втупикъ и не знали, что подумать. Это случилось, когда Маринѣ исполнилось семнадцать лѣтъ. Къ ней присватался молодой паренекъ, сынъ владѣльца портерной въ Сампсоніевской улицѣ.

Безъ сомнѣнія, дочери гробовщика всего приличнѣе было выйти за сына гробовщика, но и портерная тоже хорошее дѣло, и родители Марины отнеслись съ полнымъ одобреніемъ къ жениху. Но Марина объявила, что ни за что не выйдетъ замужъ.

— Почему же ты не выйдешь?—спросилъ ее Нилъ Назаровичъ.

— Такъ, не выйду да и только,—не хочу!

— Значитъ, онъ тебѣ не нравится, что ли? Ты за другого желаешь или какъ?

— Ни за него, ни за другого! Ни за кого я не хочу.

— Какъ же такъ? Вѣдь, дѣвушкѣ же надо выйти замужъ, иначе никакъ невозможно.

— Можно и не выйти.

— Но, напримѣръ, кормиться же ей чѣмъ-нибудь надо... Положимъ, теперь ты у родителей, и мы тебя не гонимъ, а вдругъ я помру и прочее... Мужчина—онъ всегда ремесло какое-нибудь знаетъ, а дѣвушка... у нея одно ремесло и есть: замужемъ быть.

— У меня будетъ свое ремесло.

— Какое же у тебя ремесло?

— Балетное.

— Это что же такое, что же это означаетъ—балетное?

— А это означаетъ, что танцовать на сценѣ.

— Какъ такъ танцовать?

— А какъ вы видѣли въ манежѣ... Я тоже могу такъ, за это́ даже деньги платятъ.

— Что-о-о? Да ты съ-ума сошла! Кто же тебѣ деньги заплатитъ? Тамъ искусницы танцуютъ, ученыя, а ты гдѣ училась? За что же тебѣ платить? Развѣ тамъ дураки сидятъ или какъ?

— Нѣтъ, не дураки, а я тоже могу... И знаю, что мнѣ заплатили бы... Мнѣ даже уже предлагали.

— Вотъ какія штуки! Гм... Удивительно! Смотри-ка, Маринка, за то ли тебѣ предлагали?...

Нилъ Назаровичъ не зналъ, какъ и смотрѣть на нее послѣ этихъ словъ. Маринкѣ даютъ деньги за то, что она будетъ тамъ перебирать ногами. Онъ этому не могъ повѣрить. То, за что даютъ деньги, въ его глазахъ уже пріобрѣтало нѣкоторый вѣсъ. Деньги даютъ всегда за дѣло, а на какое же дѣло способна Маринка? Онъ понималъ, что можно платить деньги и за танцы, потому что на это публика идетъ, и онъ самъ ходилъ не разъ и билеты покупалъ. Но искусство манежныхъ танцовщицъ представлялось ему такимъ труднымъ, сложнымъ и высокимъ, а сами онѣ такими учеными,

что онъ не могъ допустить и мысли о годности для этого Маринки, и онъ сказалъ:

— Ты просто еще изъ дѣвчонокъ не выросла и оттого тебѣ всякія глупости лѣзутъ въ голову.

Но портерщику, все-таки, пришлось отказать. Впрочемъ, ему отказали условно, сказавъ что Марина еще молода и хочетъ погулять въ дѣвичествѣ. Этимъ ему какъ бы давали надежду, что если онъ подождетъ, то получитъ Марину со временемъ.

А Марина, дѣйствительно, завела кое-какія связи со сценой. Какъ это вышло, она и сама не могла бы объяснить. Чутье показало ей ходъ, а страстное желаніе дало ей храбрость забраться туда и, забившись въ темный уголъ, простоять нѣсколько часовъ. Потомъ она повторила это смѣлѣй, затѣмъ съ кѣмъ-то тамъ познакомилась, кое-что поразспросила, и, наконецъ, смѣлость ея дошла до того, что она рѣшилась высказать кому-то желаніе участвовать въ представленіи. И были переговоры. Марина чистосердечно объяснила, что никогда не училась, нигдѣ не танцовала, но ее осмотрѣли внимательно и нашли, что обладательница такихъ хорошенькихъ глазокъ, даже безъ всякаго умѣнья танцовать, была бы не лишнимъ предметомъ на сценѣ, и ей даже предложили какую-то небольшую плату.

Но тутъ Марина увидѣла, что, прежде чѣмъ вступить въ труппу, надо сколько-нибудь прилично одѣться. Надо смастерить, по крайней мѣрѣ, что-нибудь похожее на шляпку, чтобъ ее, танцорку, не смѣшивали съ тѣми дѣвицами, что стояли при дверяхъ, отворяя и затворяя ихъ. И это ее остановило. Теперь ея мечта сосредоточилась на шляпкѣ и новой кофточкѣ. Но и этого она достигла, выпросивъ у матери кое-какіе гроши, и вотъ однажды она явилась къ Нилу Назаровичу очень взволнованная и, передавъ ему рублевую бумажку, сказала: «вотъ, тятенька, я заработала... Я два рубля заработала, а только одинъ издержала на ленты, а это вамъ принесла, потому не желаю даромъ хлѣбъ кушать».

Нилъ Назаровичъ не хотѣлъ было вѣрить, но присутствіе настоящей рублевой бумажки было фактомъ. Деньги—самый убѣдительный доводъ. Коли деньги даютъ, значитъ есть какой-нибудь толкъ. А главное, потомъ всю недѣлю она приносила домой деньги, правда, небольшія, но все же деньги. Нилъ Назаровичъ, конечно, денегъ этихъ себѣ не бралъ, а предоставлялъ ей употребить ихъ на кофточки. Притомъ все это происходило прилично: Марина очень скромно возвращалась домой рано, когда еще мастера не разошлись, и, пройдя въ свою комнату, тотчасъ же ложилась спать.

Нилъ Назаровичъ было колебался, но его отношеніе къ Маринѣ само собою измѣнилось. Нельзя сказать, чтобъ онъ возложилъ на нее какія-нибудь надежды или возликовалъ,— нѣтъ, онъ даже не могъ хорошенько опредѣлить себѣ, въ чемъ тутъ дѣло, хорошо это или дурно. Это былъ міръ совершенно чуждыхъ ему представленій и понятій. Но все же онъ видѣлъ, что изъ Марины получается какой-то толкъ и что у нея есть что-то свое, какое-то основаніе, что она не зря болтаетъ въ воздухѣ ногами, а что это болтаніе такъ или иначе можетъ стать ремесломъ и кормить ее. Это уже было очень много съ его точки зрѣнія.

А Марина съ теченіемъ времени совершенствовалась. За два года она не потеряла даромъ ни одного случая, танцовала и въ манежѣ, и въ балаганахъ на Марсовомъ полѣ, гдѣ тоже ставили балеты, и въ зоологическомъ саду, и сдѣлалась въ своемъ искусствѣ замѣтною единицей. Ужъ теперь плата ей возросла до трехъ, а въ иныхъ случаяхъ и до четырехъ рублей, и Нилъ Назаровичъ, можетъ быть, совсѣмъ призналъ бы ее, еслибъ этому не мѣшали нѣкоторыя побочныя обстоятельства, сопровождавшія успѣхи Марины. Она стала очень поздно являться домой, иногда въ два часа ночи, иногда передъ разсвѣтомъ. Нилъ Назаровичъ сначала косо посматривалъ на это, но потомъ не выдержалъ и устроилъ ей бурную сцену.

— Ты у меня, Марина, смотри! — говорилъ онъ ей,—пляши, пляши, да не заплясывайся.

— Что это значитъ, тятенька? — довольно наивно спросила Марина.

— А то и значитъ, что дѣвицѣ изъ хорошаго дома, дочери честныхъ родителей непристойно по ночамъ шляться.

— Я не шляюсь, тятенька, я съ подругами оставалась...

— То - то, съ подругами. Какъ бы только не съ дружками... Ты у меня смотри, я этого не допущу, гляди! Я, знаешь, чуть что, прямо на улицу тебя вышвырну...

Марина промолчала, но въ глубинѣ души она не могла понять, съ какой стати онъ вмѣшивается въ ея жизнь. Она выросла въ своей кладовкѣ, съ своимъ особымъ міромъ понятій, съ своимъ исключительнымъ представленіемъ о жизни, съ особыми вкусами. Она считала себя какъ бы отдѣльною единицей въ этомъ домѣ. Всѣ эти гробы и гробовщицкіе интересы, вся домашняя жизнь—все это было совсѣмъ чуждо ей. Она была здѣсь квартиранткой, жилицей.

Но однажды произошла страшная сцена. Нилъ Назаровичъ услышалъ за дверью на улицѣ, когда пришла Марина очень позд-

но, голосъ провожатаго. Онъ выбѣжалъ изъ спальни въ бѣльѣ, растрепанный, заспанный, и напустился на Марину.

— А, такъ вотъ оно что!—свирѣпо кричалъ онъ, рискуя разбудить весь домъ.— Вотъ она подружка! Ну, хорошо же, я знаю, что мнѣ дѣлать! Я былъ дуракъ, волю тебѣ давалъ, а теперь, теперь...

— Что-жъ вы хотите? — спокойно возразила ему Марина.— Ежели мнѣ оказываютъ любезность, не могу же я послать къ чорту.

— Да ты, можетъ, хочешь и въ домъ натаскать кавалеровъ,— угрожающе говорилъ Нилъ Назаровичъ.—Можетъ, желаешь у меня въ мастерской плясы съ ними завести?

— Не безпокойтесь, сюда никто и за деньги не пойдетъ... Я и то прошу, чтобъ до самаго дома не провожали, и прощаюсь около моста... Кому охота заживо въ склепъ лѣзть?... Да и что такое, тятенька? Мнѣ не двѣнадцать лѣтъ, сама знаю, какъ соблюсти себя... Не дура я какая-нибудь и очень даже хорошо понимаю, что можно и чего нельзя позволить...

— Скажи пожалуйста, какая умная! И гдѣ ты только такому разговору научилась? Кто это тебѣ объяснилъ, что съ отцомъ ты можешь такъ разговаривать? Вотъ запру я тебя на ключъ въ твоей кладовкѣ и будешь ты у меня тамъ сидѣть, какъ монашка... Вотъ что я сдѣлаю! Скажи пожалуйста! Ты думаешь, какъ турнюру эту мерзкую напялила, такъ на тебя и родительской власти нѣтъ? Вотъ запру и запру, и запру.

— Такъ я вамъ скажу, тятенька, что я тогда руки на себя наложу! Такъ ужъ лучше вы меня прямо въ гробъ положите, да въ землю закопайте, коли такая мнѣ жизнь предстоитъ!

Тутъ Марина расплакалась и ушла въ свою комнату. А Нилъ Назаровичъ, оставшись одинъ, началъ соображать и понялъ, что его угроза была ни къ чему, что она неисполнима. Не станетъ сидѣть Марина дома, а если насильно заставить, то—чего добраго— Богъ знаетъ, на что она можетъ рѣшиться. Характеръ у нея упорный, такой же, какъ у него самого. Онъ вернулся въ постель, но уже не могъ заснуть.

Послѣ этого Нилъ Назаровичъ сталъ испытывать постоянное безпокойство. Его мучила совѣсть. Зачѣмъ онъ раньше позволилъ Маринѣ плясать? Надо было сразу пресѣчь. Еще раза два-три у него не хватало терпѣнія, онъ выходилъ изъ себя, когда Марина являлась слишкомъ поздно, иногда на разсвѣтѣ, выскакивалъ изъ спальни кричалъ, грозилъ, но потомъ махнулъ на нее рукой:

выгнать же ее въ самомъ дѣлѣ изъ дому! — разсуждалъ онъ съ большимъ огорченіемъ, — а и веревкой тоже привязать нельзя. А къ тому же, Богъ его знаетъ, что это за ремесло такое! Можетъ, это такъ и нужно и безъ этого нельзя!»

Во всемъ, что выходило за сферу гробовщицкаго цеха, умъ Нила Назаровича пасовалъ; онъ зналъ жизнь только въ предѣлахъ своего ремесла.

V.

Въ это утро, когда Марина еще спала, а въ мастерской уже шипѣли пилки и стучали молоточки, слесарь Викентій привелъ своего Ваську.

Это былъ блѣдный, тонкій, вытянутый мальчуганъ съ бѣлыми волосами, съ голубыми глазами. Эти глаза смотрѣли странно, какъ будто мимо тѣхъ предметовъ, которые были передъ нимъ. Викентій пришелъ, спросилъ Нила Назаровича и, когда тотъ вышелъ, представилъ ему Ваську и сказалъ:

— Ну, вотъ, я вамъ сына привелъ въ науку.

— Ага!—отвѣтилъ на это Нилъ Назаровичъ,—а что же, ты опросилъ его?

— Опросилъ, еще бы не опросить...—И при этомъ Викентій очень твердымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Ваську и прибавилъ: — Онъ у меня покорливъ. Что отецъ прикажетъ, того онъ и желаетъ.

— Это хорошо,—похвалилъ Нилъ Назаровичъ и при этомъ невольно подумалъ о своей старшей дочери, которая желала какъ разъ не того, чего желалъ отецъ.

— Ну, ладно, — сказалъ Нилъ Назаровичъ, — оставайся и учись. Коли будешь хорошо учиться, то и человѣкомъ выйдешь. Ремесло наше нетрудное, самъ увидишь, надо только внимательность да усердіе.

— Смотри же, Васька, — поучительно сказалъ ему на прощанье Викентій, — чтобъ я объ тебѣ не слыхалъ отъ хозяина дурного слова.

И, сказавъ это, Викентій ушелъ.

Васька до сихъ поръ не промолвилъ ни звука. Онъ растерянно глядѣлъ на обстановку мастерской и взглядъ его, упавши на одинъ предметъ, какъ бы спѣшилъ поскорѣе убѣжать прочь, но падалъ на другой и тоже бѣжалъ. Все это были гробы и гробы, и некуда было убѣжать отъ нихъ его взгляду.

Нилъ Назаровичъ только что получилъ заказъ и приглашеніе снять мѣрку съ покойника и собрался уходить.

— Ну,—сказалъ онъ мастерамъ, взявши картузъ и палку,— смотрите же, не обижайте мальца... Видите, какой онъ слабенькій.—И ушелъ.

Васька сѣлъ на табуретѣ и молча смотрѣлъ на то, что дѣлали мастера. Одинъ изъ нихъ сколачивалъ новый гробъ изъ досокъ, часто подпиливая ихъ; другой обтягивалъ коленкоромъ крышку отъ другого гроба. У одного въ зубахъ торчала коротенькая трубка и онъ мурлыкалъ что-то себѣ подъ носъ, другой искусно насвистывалъ веселую пѣсенку.

— Ты что же такъ глядишь,—шутливо обратился къ Васькѣ одинъ изъ мастеровъ,—словно боишься, что тебя въ этотъ гробъ упрячутъ? Ты не бойся, это не для тебя, тебѣ еще рано, ты еще поживешь... Это для стараго малярныхъ дѣлъ мастера, Антона Худобина. Онъ вывѣски писалъ. Я его зналъ. Славный былъ мастеръ, а все-таки померъ и все-жъ-таки вотъ гробъ ему дѣлаемъ. Безъ гроба никакъ нельзя...

Васька на это не отозвался. Онъ и самъ не могъ бы объяснить, что у него были за мысли. Гробы произвели на него тяжелое впечатлѣніе. Когда онъ еще входилъ въ мастерскую съ своимъ отцомъ, при первомъ только шагѣ, у него сердце заныло. Но когда онъ увидѣлъ этихъ людей съ здоровыми красными лицами, какъ весело они перекидывались смѣшными фразами, болтали, насвистывали, пѣли и смѣялись, тогда онъ почувствовалъ ужасъ, отъ котораго уже не могъ избавиться.

Черезъ полчаса началась его дѣятельность. Его послали въ трактиръ за кипяткомъ. Онъ взялъ огромный жестяной чайникъ и поспѣшно выбѣжалъ на улицу.

День былъ сырой, пасмурный, темный, но ему показалось, что солнце ярко свѣтитъ и воздухъ свѣжъ и чистъ. Легкія его задвигались и принялись усиленно вдыхать воздухъ, и у него явилось такое ощущеніе, какъ будто все это время, что просидѣлъ онъ въ мастерской, онъ совсѣмъ не дышалъ. Онъ съ величайшимъ удовольствіемъ исполнялъ это первое порученіе, старался переходить черезъ улицу какъ можно медленнѣе, еле передвигая ноги, чтобы подольше не возвращаться въ мастерскую.

Когда онъ вернулся, то почти вслѣдъ за нимъ пришелъ Ни Назаровичъ.

— Вотъ, братцы, чудеса! — разсказывалъ онъ мастерамъ: двадцать пять слишкомъ лѣтъ съ покойниками вожжаюсь, а никоı еще такого длиннаго не видалъ. Болѣзнь, что ли, его вытянула онъ-таки долго болѣлъ какою-то костяною болѣзнью. Больше тр

аршинъ, братцы вы мои! Думалъ было цѣну набавить, да потомъ разсчелъ, что на тонинѣ можно экономію сдѣлать, — больно ужъ тонокъ. Да, прямо чудеса, никогда не встрѣчалъ такого... Ну, а ты что, Васька, пріучаешься?—ласково обратился онъ къ мальчику.—Э, ничего, привыкнешь. Это оно съ перваго раза такъ жутко кажется... А что страшнаго въ гробахъ? Дерево да коленкоръ, да гвозди... И вѣдь всякому онъ нуженъ, ни одинъ человѣкъ еще безъ гроба не обходился... Ну, пріучайся, пріучайся, будешь мастеромъ.

Васька и на это ничего не сказалъ. Вообще онъ въ мастерской не произнесъ еще ни слова; у него точно что-то сдавило въ горлѣ.

Было больше восьми часовъ, когда надъ дверью задребезжалъ колокольчикъ, и въ мастерскую вошла дама. Она была высокаго роста и довольно полная, въ шляпкѣ, въ высоко приподнятой шерстяной юбкѣ, потому что на улицѣ было мокро, въ суконномъ жакетѣ съ широкимъ воротникомъ изъ тибетской козы. Лицо у нея было продолговатое, даже слишкомъ, съ крупными чертами, съ большимъ носомъ, заостреннымъ подбородкомъ, съ густыми черными бровями и маленькимъ лбомъ, едва выглядывавшимъ изъ-подъ челки. Глаза веселые, игривые, какихъ обыкновенно не бываетъ у заказчиковъ мастерской Акулова.

— Фу-ты, сырость какая у вась на Петербургской Сторонѣ! — воскликнула дама и при этомъ очень мило улыбнулась мастерамъ и стряхнула съ накидки слѣды дождя. — Душечка, помогите-ка мнѣ снять,—прибавила она.

Мастера галантно подскочили къ ней съ обѣихъ сторонъ и очень осторожно сняли съ нея накидку.

Одинъ изъ нихъ сказалъ, стараясь шутить ей въ тонъ:

— Извѣстное дѣло, Луиза Антиповна, это не то, что у васъ на Лиговкѣ,—тамъ и солнце никогда не заходитъ...

— А что, встала? — спросила Луиза Антиповна и при этомъ указала глазами на маленькую дверь, которая вела во внутреннія комнаты.

— Этого знать мы никакъ не можемъ! — отвѣтилъ одинъ изъ мастеровъ.— Доступу не имѣемъ... Даже разговоромъ не удостоиваютъ...

— Такъ вамъ и надо! И не стòите...

— Извѣстно, не стòимъ! Когда-бъ стоили, то, можетъ бы, и удостоили...

Васька смотрѣлъ на эту даму и думалъ: чтò бы это было такое? Кто она можетъ быть и о комъ она спрашиваетъ? А дама между

тѣмъ уже скрылась за маленькою дверью, которая вела въ квартиру. Съ полминуты мастера молча ухмылялись другъ другу, а когда увѣрились, что Луиза Антиповна уже ушла далеко и не можетъ ихъ слышать, одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Тоже, вѣдь, ремесло....

— А что?—откликнулся другой.— Почище всякого другого... Имъ больше денегъ платятъ...

— А за что? Кому оно нужно? Кому отъ него польза? Эка штука, подумаешь, ногами фортели выкидывать!

Луиза Антиповна между тѣмъ прошла въ темный коридоръ и остановилась у узенькой двери, которая вела въ кладовку и тихонько постучалась.

— Кто тамъ?—послышался изъ-за двери пріятный мягкій голосъ Марины.

— Это я, Марина Ниловна.

— Луиза Антиповна?

— Ну, да.

— Ахъ ты, Господи, а я еще и не одѣта.

— Ничего, эка важность!

И Луиза Антиповна, пріотворивъ дверь, вошла въ кладовую, которая была жилищемъ Марины.

Марина встрѣтила ее съ чрезвычайно сконфуженнымъ видомъ. Она дѣйствительно была въ одной длинной рубашкѣ, порядочно декольтированной; ея густые русые волосы въ безпорядкѣ тяжело ниспадали до пояса.

Впустивъ гостью, она обнаружила намѣреніе прыгнуть къ вѣшалкѣ, чтобы накинуть что-нибудь себѣ на плечи, но Луиза Антиповна удержала ее.

— Постойте, постойте, остановитесь! Ахъ, какъ вы чудно сложены, какъ есть Венера, совершенная Венера! И какіе волосы, какая нога! А ну-ка, приподымите юбочку. Да что вы конфузитесь, словно я кавалергардъ? Вотъ такъ! Знаете, Марина Ниловна, съ такою ногой можно... Ахъ какую карьеру можно сдѣлать! Еслибъ у меня была такая нога...

— Большая! Посмотрите, какая большая! — сказала Марина, выдвинувъ впередъ свою ногу и показывая ее Луизѣ Антиповнѣ.

— Это ничего! Тутъ важна форма, а у васъ, посмотрите, какъ у васъ это мѣсто загибается, какая округлость! А что больше, такъ это для танцовщицы даже хорошо. Больше силы, лучше держитъ. Опора! Ну, одѣвайтесь, а я на васъ посмотрю.

— Мнѣ такъ совѣстно, Луиза Антиповна, такъ совѣстно!

И Маринѣ въ самомъ дѣлѣ было очень совѣстно. Она нечаянно вздремнула и не замѣтила, какъ прошло время. А то бы она, конечно, заблаговременно одѣлась.

Щеки ея зардѣлись, глазки сузились, и это ей очень шло. Она принялась наскоро мыться и одѣваться. Луиза Антиповна слѣдила за каждымъ ея движеніемъ и не пропускала ни одной подробности ея туалета.

— Корсетъ! Ну, что это за корсетъ? Онъ васъ только портитъ! Вамъ нуженъ легонькій, чтобъ едва-едва поддерживалъ... У васъ природный корсетъ... Да что вы смѣетесь? Я правду говорю. Немногія могутъ похвастаться такою фигурой! Ужъ я видѣла ихъ довольно. Вотъ Любина, напримѣръ, она моя подруга, мы съ нею вмѣстѣ десять лѣтъ плясали... Она была корифейкой, а я солисткой!... Ну, у нея прекрасная фигура, я не говорю, что плохая, а только передъ вами она кухарка... А знаете, сколько ей платятъ? Десять тысячъ въ годъ!

— Это за танцы?

— Н-ѣ-ѣтъ, что вы! За танцы она пустяки получаетъ. За танцы такихъ денегъ корифейкамъ не платятъ, да и солисткамъ тоже... Да сказать правду, она и танцовала отвратительно... Нѣтъ, это ей князь Юрчикъ платитъ.

— Юрчикъ?

— Ну, да, мы такъ его называемъ... У насъ за кулисами попросту. Онъ ее Пушкой называлъ, Пульхеріей ее звали, а меня Лушкой, потому что я Луиза, а мы его Юрчикомъ. Ахъ, какъ вамъ хорошо въ коротенькой юбочкѣ! Нѣтъ, васъ надо показать Безлобову, онъ знатокъ... онъ понимаетъ.

— Кто это?

— Безлобовъ? Не знаете? Гм... Восемьдесятъ тысячъ годового дохода имѣлъ... Но ужъ давно просадилъ... Балетоманъ... Всѣ балетчицы съ нимъ на ты... У него девять поочереди перебывало. Теперь у него Рябкина... Но даю голову на отсѣченіе, что если онъ васъ увидитъ...

— О, что вы Луиза Антиповна!

— Да ужъ говорю вамъ... Онъ такъ понимаетъ въ женщинахъ, какъ никто. Ну, такъ давайте учиться! Только надо мѣсто очистить.

Марина и Луиза Антиповна принялись расчищать мѣсто, подобрали кучу лоскутьевъ, на которыхъ спала Марина, и даже подмели полъ. Образовалось свободное пространство около стѣны. Тутъ въ стѣнкѣ былъ вбитъ толстый крюкъ, на аршинъ отъ него другой такой же, а поперекъ ихъ, прикрѣпленная къ нимъ, шла вдоль стѣны

начисто полированная палка. Назначеніе этого инструмента было въ томъ, чтобы Марина могла держаться за него во время урока.

— Ну, становитесь! — сказала Луиза Антиповна.— Начнемте съ экзерсисовъ.

Марина стала около стѣнки и взялась правою рукой за палку.

— Съ чего же начинать?—спросила она.

— А вы по порядку. Сперва продѣлайте всѣ пять позицій, потомъ батманчики, потомъ ронжанъ, — ну, однимъ словомъ, какъ всегда... Ну, начинайте!

Марина присѣла къ полу на обѣихъ ногахъ, потомъ начала откидывать ихъ по-очереди въ сторону, впередъ и назадъ.

— Ахъ, нѣтъ, вы все никакъ не можете поймать, въ чемъ суть! Вотъ смотрите!

Луиза Антиповна прогнала Марину отъ палки и принялась на расчищенномъ мѣстѣ сама продѣлывать всевозможныя балетныя штуки; при этомъ всякое свое движеніе она сопровождала объясненіемъ. Она вообще не могла молчать. У нея была потребность постоянно болтать языкомъ.

— Ну, вотъ, смотрите, смотрите сюда, смотрите мнѣ на ноги!— внушительно говорила она.—Вотъ вамъ большой ронжанъ на полу, а вотъ тотъ же самый ронжанъ, только съ присѣданіемъ на одной ногѣ, вотъ такъ, — вѣдь это очень просто! Ну, а теперь ронжанчикъ, т.-е. маленькій ронжанъ,— смотрите: ронжанчикъ впередъ, ронжанчикъ назадъ, это на полу. А вотъ и на воздухѣ, сперва— большой ронжанъ, а потомъ тоже ронжанчикъ... Теперь смотрите: батманъ впередъ, батманъ вбокъ, батманъ назадъ, а вотъ батманчики на воздухѣ... Ну, смотрите же, смотрите: ку-де-пье,— вотъ, вотъ, вотъ, ну, развѣ это трудно?... Конечно, я не говорю, вы еще недавно учитесь, но у васъ способности. Ну, становитесь-ка!

Марина, нѣсколько смущенная своимъ неумѣньемъ, стала на мѣсто и начала повторять тѣ самыя движенія, какія дѣлала Луиза Антиповна.

— Хорошо, ей-ей хорошо! — одобряла учительница.— У васъ есть способности; я говорю, что у васъ есть способности. Прекрасно, отлично,— вотъ рожанчикъ хоть куда... Ну, а теперь смотрите,— помните, мы вчера дѣлали скорые па: ну, вотъ, шанжеманъде-пье, видѣли? Ассамбле! Видѣли? Эшапе, глиссадъ. Это надо смотрѣть, чтобы нога скользила по полу. Си-соль: си-соль простой и си-соль баскъ, замѣтили? Да, вѣдь, не трудно же. Ну, постойте, постойте, я уже кончу; слѣдите, слѣдите: коръ-де-бра! Коръ-де-бра простой! — Луиза Антиповна, какъ бы изображая недоумѣніе,

развела впереди себя руками.—Коръ-де-бра наверхъ!—тутъ она развела руками у себя надъ головой.—Коръ-де-бра мельница! Ну, вотъ, видите, вродѣ мельницы и выходитъ, оттого такъ и называется. Коръ-де-бра — перегибаніе, набокъ, назадъ, круговое!... Коръ-де-бра—ангеломъ! Посмотрите, какъ это красиво! И, наконецъ, вотъ вамъ арабескъ! Схватили? Ну, повторяйте...

Луиза Антиповна продѣлывала все это съ величайшимъ увлеченіемъ, а Марина все время не спускала съ нея глазъ и, видимо, восхищалась. Съ другой стороны, когда Марина начала повторять, то Луиза Антиповна искренно хвалила ее, находя, что она все дѣлаетъ превосходно.

— Но я же говорю, что у васъ удивительныя способности, просто удивительныя. Ахъ, какая досада, что вы съ малолѣтства не обучались! Вы были бы первоклассною танцовщицей. Прелесть, прелесть...

Но потомъ она вдругъ перескакивала на другой предметъ:

— Но я васъ непремѣнно покажу Безлобову, непремѣнно! Знаете, Безлобовъ даетъ женщинамъ репутацію. Если, напримѣръ, васъ съ нимъ увидятъ и потомъ онъ гдѣ-нибудь про васъ скажетъ: какая прелесть! Или: вотъ миленькая женщина! Такъ уже ваша репутація сдѣлана. Знаете, есть такіе олухи, которые въ женщинахъ ничего не понимаютъ и не умѣютъ цѣнить истинныхъ достоинствъ. А цѣнятъ только, когда о нихъ говорятъ.

— Какъ вы странно говорите, Луиза Антиповна! Развѣ женщину можно цѣнить? Развѣ она товаръ или вещь?

— Ахъ, совсѣмъ нѣтъ. Но мужчины всѣ такіе дураки... Ахъ, душечка, право, вы еще не знаете жизни, но потомъ вы это сами увидите. Они такіе дураки, такіе дураки... А знаете, что я вамъ хотѣла сказать,—вдругъ прибавила она.—Мнѣ сегодня нужны деньги.

— У меня своихъ нѣтъ, Луиза Антиповна!—смутившись, отвѣтила Марина.

— Такъ у васъ жалованье есть въ театрѣ... Можно вычесть...

— Ахъ, пожалуйста, вычтите, Луиза Антиповна.

Луиза Антиповна играла очень важную роль въ жизни Марины. Когда-то она была молода и въ свое время имѣла успѣхъ среди мужчинъ-дураковъ». Пріѣхала она изъ Италіи съ какою-то труппой лѣтъ двадцать тому назадъ. Труппа уѣхала, а она осталась. Но она не была итальянкой и вообще національность ея не поддавалась опредѣленію. Но за эти двадцать лѣтъ она совершенно обрусѣла и отлично говорила по-русски. Даже съ разными словечками ч прибаутками.

Теперь ей было за сорокъ, и она утратила свѣжесть. Но она танцовала отлично и обладала педагогическими способностями. Когда составлялось какое-нибудь частное предпріятіе ей поручали «дѣлать труппу». Она дѣлала это очень искусно, но всякій разъ испытывала большое затрудненіе, разыскивая танцовщицъ. Гдѣ ихъ взять? Всѣ или слишкомъ стары или ничего не умѣютъ. Всѣ хорошенькія пристроены и не идутъ на тридцать рублей въ мѣсяцъ. Ей пришлось открывать таланты. Она ходила въ манежъ и въ балаганы и гдѣ замѣчала хорошенькую танцовщицу, у которой, къ тому же, какъ она выражалась, «къ ногамъ не привѣшаны стопудовыя гири», она тотчасъ отмѣчала ее, знакомилась, звала въ труппу, наскоро подучивала и всегда достигала желательныхъ результатовъ. Такимъ образомъ она кое-какъ перебивалась и сводила концы съ концами.

Марину она замѣтила въ балаганѣ, гдѣ она изображала какую-то фею. Способности Марины сразу удостоились ея вниманія, а въ особенности — «мордашка». Она пошла за сцену и прямо сказала Маринѣ:

— Съ вашей мордашкой просто грѣхъ торчать въ балаганѣ!

— А что же?—съ удивленіемъ спросила Марина.

— Приходите ко мнѣ, вы будете танцовать въ театрѣ.

При ближайшемъ знакомствѣ Луиза Антиповна открыла въ Маринѣ талантъ и предложила давать ей уроки. И вотъ теперь она приходила каждый день и учила ее съ большимъ успѣхомъ. Плату она брала небольшую. Она говорила: я дѣлаю вамъ большую уступку, но это только для васъ, потому что у васъ способности.

Луиза Антиповна не могла придти въ себя отъ изумленія, когда въ первый разъ пришла въ жилище Марины.

— Боже мой, какъ вы можете здѣсь жить?—воскликнула она.— Я бы съ ума сошла, я бы повѣсилась...

И всякій разъ, когда она входила въ мастерскую, у нея было такое ощущеніе, какъ будто вотъ-вотъ кто-то схватитъ ее за горло.

Луиза Антиповна собралась уходить и уже укрѣпляла на головѣ своей шляпку длинною булавкой.

— Скажите, что это у васъ за блѣдный мальчикъ тамъ въ мастерской?—спросила она,—я до сихъ поръ его не видала.

— Не знаю,—отвѣтила Марина.—Вы знаете, я до мастерской совсѣмъ не касаюсь.

— Ну, смотрите же, не опоздайте въ театръ!—сказала Луиза Антиповна и ушла.

И. Н. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДОКТОРЪ ХИМІИ.

Разсказъ Стефана Жеромскаго.

Переводъ съ польскаго.

Въ комнатѣ пана Доминика Цедзины темно и тихо, хотя старый шляхтичъ не спитъ. Онъ полулежитъ на кровати и погруженъ въ странныя мысли, разросшіяся до необычайныхъ размѣровъ благодаря ночной тишинѣ. А ночь смертельно тиха. Свѣтъ луны, пробившись сквозь толстый слой инея, наросшій на стеклахъ, падаетъ на старую мебель, на стѣну и на полъ, и стоитъ безъ движенія, словно онъ окостенѣлъ отъ холода. Вѣроятно, въ эту ночь онъ также освѣщаетъ колоды, гніющія на днѣ рѣки, сдавленной льдомъ. Изъ щели широкой печки отъ времени до времени доносится стрекотаніе сверчка, въ другомъ углу комнаты глухо постукиваютъ старые часы, — послѣдній остатокъ прежняго великолѣпія. Пѣніе сверчка и глухой стукъ маятника доставляютъ пану Доминику нѣкоторое, хотя и трудно поддающееся опредѣленію, облегченіе. Еслибы не было этихъ благодѣтельныхъ звуковъ, его сердце разорвалось бы отъ наплыва и бури чувствъ, разумъ угасъ бы подъ гнетомъ унылыхъ мыслей. Когда изъ мрачныхъ угловъ комнаты начинаютъ выползать призраки страха, когда сердце начнетъ ныть отъ безсильнаго негодованія, а слезы невыносимой боли жгутъ рѣсницы, сверчокъ трещитъ еще сильнѣе, совершенно такъ, какъ будто членораздѣльно, буква за буквой, говоритъ: «Призывай Его въ день скорби, и Онъ спасетъ тебя, и будешь ты поклоняться Ему». Этотъ странный совѣтъ или молитва, кроющаяся въ голосѣ мелкой твари, — единственная и послѣдняя точка опоры для выбитыхъ изъ обычной колеи мыслей одинокаго человѣка.

Панъ Доминикъ нѣсколько разъ зажигалъ свѣчку, думая, что свѣтъ успокоитъ его, но напрасно. Какъ только вспыхивала спич-

ка, пану Доминику бросалось въ глаза письмо сына, и онъ припоминалъ, гдѣ находится источникъ его муки. Теперь его охватило желаніе еще разъ заглянуть несчастію прямо въ глаза, жалкая отвага погруженныхъ въ смертельную скорбь,—запустить зондъ въ рану, изслѣдовать ее до дна, убѣдиться ясно и безошибочно, что она неизлѣчима,—ну, и пусть тамъ все идетъ къ дьяволу!

Онъ надѣлъ очки, поднесъ письмо къ свѣчкѣ и медленно, въ полголоса началъ читать:

«Дорогой отецъ! Всѣ мои золотыя мечты разлетѣлись въ прахъ. Когда-то я гордился своими математическими способностями, когда-то у меня глаза изо лба вылѣзали при шуткахъ моихъ товарищей, что будто бы я еще въ утробѣ матери, въ рангѣ шестимѣсячнаго эмбріона, ожидая минуты своего выступленія на юдоль дифференціальнаго счисленія, со скуки рѣшалъ алгебраическія задачи о курьерахъ. Теперь я проклинаю и эти мнимыя способности, и это глупое счисленіе. О, еслибъ я пасъ коровъ на выгонѣ, хотя бы даже свинокъ!... Но къ чему золотить пилюлю? Вотъ дѣло въ чемъ. Недѣли три тому назадъ меня проситъ къ себѣ профессоръ и даетъ читать письмо нѣкоего Джонотана Мёндсли, химика, бывшаго профессора одного изъ англійскихъ университетовъ. Этотъ господинъ, оставивъ каѳедру, устроилъ себѣ собственную лабораторію и проситъ нашего старика указать ему самаго способнаго изъ ассистентовъ нашей политехники, потому что желаетъ поручить ему завѣдываніе своею лабораторіей. Онъ обѣщаетъ платить ему 200 франковъ въ мѣсяцъ, даетъ помѣщеніе, всѣ матеріалы, которые захочетъ химическая душа, отопленіе и прочія прелести,—ну, и почти полную свободу въ работѣ. Когда я прочелъ письмо, профессоръ отобралъ его отъ меня, старательно сложилъ, спряталъ въ ящикъ письменнаго стола, поморщился, по своему обыкновенію, и снова уткнулъ носъ въ бумаги. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на его лысый черепъ, а старикъ пробормоталъ:

«— Я ужъ написалъ туда... Нужно взять теплое нижнее платье и шерстяные чулки. Извѣстная вещь... туманы... Городъ Гулль стоитъ у моря. Если у васъ нѣтъ денегъ, я могу вамъ предложить триста франковъ безъ процентовъ на три мѣсяца. Да... только на три мѣсяца.

«Я почувствовалъ себя въ позорно-глупомъ положеніи. Неужели же я, принявъ обличье самаго способнаго изъ химиковъ, поѣду въ шерстяныхъ чулкахъ на берегъ моря, въ городъ Гулль? Почему не на долю кого-нибудь другого выпалъ такой почетный выборъ, такой крупный выигрышъ? Вѣдь, это, дѣйствительно, выигрышъ!

Въ лабораторіи Мёндсли, безъ опасенія за завтрашній обѣдъ и за заплатки на сапогѣ, можно работать не только надъ новыми открытіями, но и удовлетворять гипотезамъ, выкопаннымъ изъ собственнаго ума.

«Эта химія иногда выкидываетъ скверныя штуки... Разъ человѣкъ влѣзетъ въ это болото, да еще понюхаетъ неизвѣданное и вѣчно манящее къ себѣ, то имъ овладѣваетъ такая страсть отыскивать новое, что его и шерстяные чулки не испугаютъ. Наконецъ, тятька, увидать Англію, ея, дѣйствительно, великую промышленность, эти чудеса цивилизаціи, эти колоссальные скачки человѣческаго генія! Я простился съ профессоромъ и пошелъ на Стапфервегъ, а оттуда, гонимый безпокойствомъ, побѣжалъ въ городъ, но тамъ, вмѣсто того, чтобы сзывать публику къ Кропфу, у котораго традиція сурово повелѣваетъ спрыскивать всѣ необыкновенные случаи, я направился къ озеру. Не помню, какъ я очутился на дорогѣ, ведущей къ Вестмюнстеру. Густой мракъ купался въ взбудораженныхъ волнахъ озера, изъ него кое-гдѣ, словно фантастическіе острова, выдѣлялись рыжіе, ободранные, выщербленные бока горъ, да жалобно пищали чайки, снующія надъ водой.

«Итакъ, ѣду,— думалъ я,— въ страну земноводныхъ англичанъ, ѣду на берегъ моря, далекаго и незнакомаго моря... Напрасно я такъ долго обольщалъ себя надеждой, что поѣду въ другіе края, что послѣ восьмилѣтняго отсутствія увижу родной пейзажъ. Напрасно въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ я высылалъ такое количество пламенныхъ писемъ въ Лодзь и Згежъ, умоляя о мѣстѣ съ 40, 30, наконецъ, чортъ возьми, съ 25-рублевымъ жалованьемъ въ мѣсяцъ. Тщетно я до небесъ превозносилъ свои химическіе таланты, цитировалъ свои патенты, обѣщалъ найти новыя средства для печатанія ситцевъ,—этимъ я только скомпрометировалъ себя въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ святой науки. Тамъ жидки и нѣмцы все уже изобрѣли, заполонили всѣ мѣста и ведутъ дѣла на широкую руку. Разсѣялись мои мечты о томъ, что я возьму тебя, мой старичина, *mit Pompe und Parade* къ себѣ, что соорудимъ мы себѣ новую экипировку (однихъ козловыхъ сапогъ по двѣ пары на брата), накупимъ табаку, сахару, чаю, колбасъ,— чортъ знаетъ чего еще,—и будемъ по вечерамъ играть въ домино и вспоминать о блаженной памяти Козиковѣ... Эхъ, Козиковъ, Козиковъ!... Отецъ, помнишь ли ты, за нашимъ садомъ былъ песчаный бугоръ, гдѣ росли кривыя сосны и низкая, жесткая трава? Не знаю почему, но я ужасно люблю вспоминать объ этомъ мѣстѣ. Помню, разъ послѣ долгихъ и свирѣпыхъ морозовъ, послѣ тяжелой зимы, въ

дался первый теплый, почти жаркій день. Это было въ началѣ марта. Около полудня неожиданно освободилась отъ снѣга вершина этого холма, вылѣзла изъ своей скорлупы и, словно безобразный горбъ, нависла надъ бѣлымъ пространствомъ. Я стоялъ тогда у окна и отвѣчалъ урокъ репетитору,—помнишь?—кудлатому Ковицѣ. И вдругъ что-то кольнуло меня. Не знаю ужъ, какимъ образомъ мнѣ удалось увернуться отъ урока,—я выбѣжалъ на дворъ, созвалъ собакъ и помчался безъ шапки во всю прыть по полямъ, по лугамъ!... Еще до сихъ поръ у меня въ сердцѣ живо это чувство, точно я испытывалъ его вчера. По корѣ, по вѣтвямъ сосенъ сплывали огромныя, грязныя капли, тяжело падали на снѣгъ и буравили его насквозь; каждое дерево, каждая замерзшая былинка, каждый пень, камень, каждый черный предметъ втягивалъ въ себя всѣми пòрами впивалъ лучи солнца и въ мгновеніе ока становился источникомъ тепла. Вокругъ деревьевъ, кустовъ, на моихъ же глазахъ, образовывались огромныя ямы, а на днѣ ихъ показывался свѣтлый мелкій песокъ. Каждая песчинка, проникнутая тепломъ, казалось, искрится, горитъ и согрѣваетъ своихъ замерзшихъ сосѣдокъ радостнымъ огнемъ. Песчинки растопляли снѣгъ снизу, деревья и кусты хлестали его теплыми каплями, нивы и луга, казалось, начинали распрямлять свои оцѣпенѣлые члены. Изъ далекихъ полей доходилъ густой туманъ, словно теплый паръ, клубился надъ равнинами и вздрагивалъ, и переливался надъ вершиною холма.

«На вѣтвяхъ сухой вербы грѣлась стая воробьевъ и щебетала такъ, какъ будто ей угрожало что-то. Ихъ по-индюшиному распущенныя крылышки стряхивали съ вѣтокъ ледъ и иней. Мнѣ тогда казалось, что вся эта стая поетъ одну пѣсню, странную, которую я никогда не слыхалъ и которая пронизывала меня до мозга костей. И, наконецъ, заструились первыя вешнія воды, неугомонныя, неукротимыя, какъ слезы неожиданнаго счастья. Онѣ сочились по бороздамъ, прокладывали себѣ глубокое ложе въ посинѣвшихъ колеяхъ, прорѣзанныхъ полозьями саней, и съ тихимъ, радостнымъ шумомъ катились по поверхности снѣжной скорлупы. Въ нашемъ ручьѣ вода поднялась, образовались шумные водовороты, берега обнажались, а съ нихъ сбѣгали струйки размякшей глины. Стволы березъ погрузились въ воду и впитывали въ себя кореньями животворную влагу...

«Я впалъ въ неистовство,—прудилъ ручейки, устраивалъ водопады, плотины, копалъ каналы... Я до глубины души радовался, что окостенѣвшимъ былинкамъ теперь стало тепло, что теперь уже

ни одинъ воробей не замерзнетъ, и въ первый разъ въ жизни протягивалъ свои дѣтскiя ручонки къ великому неизвѣданному...

«Все ли тамъ по-прежнему? Вопросъ достойный головы и пера доктора Петра Цедзины, не правда ли? Ахъ, да!... Человѣкъ, у котораго отнимутъ раздробленную руку, вѣчно чувствуетъ боль въ пустотѣ, равняющейся длинѣ этой руки. Часто я просыпаюсь отъ крѣпкаго сна съ ощущенiемъ этой неутихающей боли въ пространствѣ. Вотъ и теперь—придетъ новая весна... Застанетъ она меня въ туманѣ, пропитанномъ копотью фабричныхъ трубъ, и тамъ, какъ и здѣсь, я буду чувствовать, какъ глубоко запустилъ вампиръ когти въ мою душу... И такъ будетъ всегда, безъ конца...

«Забылъ, о чемъ я хотѣлъ тебѣ написать, старичокъ мой, милый мой старичокъ... Я одинокъ на свѣтѣ, у меня только ты, другая моя половина, оторванная и неизмѣримо далеко отъ меня страждущая половина моей души. Не обижайся, что я пишу вещи неинтересныя, я пишу какъ будто для самого себя... Ну, такъ вотъ, когда я стоялъ на берегу озера, мнѣ было страшно скверно. Большiя, прозрачныя, свѣтло-зеленыя волны бѣжали изъ какого-то неизвѣстнаго мѣста, кроющагося во мглѣ, бились о берегъ, разсыпались, разорванныя острыми каменьями, и каждая, сползая въ глубину, казалось, вздыхала: «Ты точно муравей, возросшiй въ глубинѣ лѣса и занесенный вѣтромъ на средину пруда»...

Панъ Доминикъ со злостью бросаетъ письмо, подпираетъ бороду рукой и сидитъ нахохлившись, какъ коршунъ. Теперь его уже не мучаютъ фантастическiя, безпредметныя мысли, но за то соединяются и логично складываются не менѣе болѣзненныя представленiя. Почему жизнь пошла по такой дорогѣ? Гдѣ причина всѣхъ этихъ случайностей? Почему его единственный сынъ не слушаетъ ни просьбъ, ни мольбы, ни резоновъ, ни приказанiй и, вмѣсто того, чтобъ оправдываться, пишетъ что-то сантиментальное, непонятное? Отчего онъ не возращается домой? Еслибъ онъ появился здѣсь, при протекцiи,—пожертвовавъ кое-чѣмъ,—можно было бы найти для него отличное мѣсто, невѣсту съ приданымъ... Почему? Ясное дѣло. Человѣкъ не можетъ жить и трудиться,—отвѣчаетъ себѣ анъ Цедзина,—если никто до него не жилъ и не трудился для него. этотъ кто-то—кто же именно?—Отецъ. Актомъ рожденiя отецъ еще е даетъ сыну жизни,—даетъ только надежду на жизнь. Жизнь та начинается воспитанiемъ, а пополняется и гарантируется наѣдственностью. Здѣсь—источникъ неизбѣжности наслѣдственности въ родѣ человѣческомъ. Она—узелъ, который связываетъ ирающiя поколѣнiя съ нараждающимися, истекаетъ изъ того,

что необходимо для потребностей плоти, творитъ и упрочиваетъ семью. Семья безъ наслѣдственности—учрежденіе нелѣпое, горестное, мученіе, ниспосланное человѣку Провидѣніемъ... Вотъ такое-то проклятіе влачимъ и мы съ Петрўсемъ. Одна лишь наслѣдственность представляетъ знамя человѣчества; благодаря ей, вмѣстѣ съ плодами своего труда, отецъ оставляетъ сыну плоды своихъ впечатлѣній, понятій, размышленій, открытій и догадокъ,—однимъ словомъ, всего, что онъ могъ добыть путемъ долголѣтняго опыта. Сынъ идетъ съ мѣста, на которомъ остановился отецъ, слѣдуетъ дальше по пути къ умственному богатству, и такимъ образомъ трудъ переходитъ изъ рукъ въ руки, скопляется, развивается и созидаетъ пьедесталъ, на которомъ все выше и выше возносится цивилизація. Въ растущемъ прогрессѣ общества кто разъ утратитъ нить, тотъ ужъ не сумѣетъ схватить ее вновь, и, если отецъ былъ непригоденъ къ труду, сынъ страдаетъ за чужую вину, а несчастье передается вмѣстѣ съ кровью. Наслѣдственность держитъ дѣтей въ предѣлахъ домашняго порога,—можетъ быть, потому такъ велика и непреоборима страсть старости, страсть общенія съ потомствомъ.

— Я все это потерялъ,—шепчетъ панъ Доминикъ, стискивая виски руками,—и потерялъ навсегда!—Голосъ старости взываетъ ко мнѣ о духѣ и крови, а я—словно скульпторъ, отъ котораго требуютъ статую, которую онъ не успѣлъ сдѣлать въ срокъ, требуютъ въ то время, когда для идеальнаго образа, сложившагося въ его душѣ, у него нѣтъ ни куска глины. Я отпустилъ восемнадцатилѣтняго подростка за границу безъ гроша денегъ, безъ призора... Что-жъ дивиться, что онъ сталъ не такимъ, какимъ бы я желалъ,—сталъ человѣкомъ новыхъ вѣяній? Чѣмъ же я привлеку его къ себѣ? Любовью, смертельною тоской?... Что насъ связываетъ? Развѣ только одна фамилія, да и къ той онъ, повидимому, должно быть, относится пренебрежительно. Онъ человѣкъ новаго времени: сдѣлаетъ съ собою что̀ и какъ ему угодно. Въ мое время сынъ былъ въ рукахъ у отца, слушалъ его и почиталъ, не имѣлъ права покинуть его, подъ угрозой суроваго осужденія нашей среды. Онъ не огорчалъ отца, потому что надъ нимъ висѣлъ твердый и сильный, хотя и не писаный законъ. А теперь этотъ законъ валяется гдѣ-то въ углу, съ тѣхъ поръ, какъ исчезли наши шляхетскіе порядки. Наши сыновья пошли въ свѣтъ, ищутъ новой правды, бѣгутъ по дорогѣ, усѣянной острыми каменьями, измученные подъ палящими лучами солнца,—имъ все кажется, что на вершинѣ ближайшей горы лежитъ не только сокровище, котораго они добиваются, но и счастье духа. На

въ нашихъ порывахъ удерживала мудрость отцовъ,—она-то и доказывала, что эти надежды одинъ только миражъ. Ну, а нашихъ дѣтей ничто не удержитъ, въ ихъ душахъ нѣтъ «мягкихъ струнъ» чувствительности. Слабы и ничтожны были ихъ отцы. Ахъ, велика наша вина!... Но наша ли только? Мы—члены широко распространенной шляхетской семьи—мы составляли отдѣльное общество, мы были цѣннымъ хлѣбомъ, растущимъ на народномъ потѣ, какъ на удобреніи. Развѣ мы не творили прогресса, не няньчили цивилизаціи, не развивали правильно нашу мысль? Духъ времени забросилъ насъ въ деревни, какъ будто кто-нибудь мѣру отборной ржи посѣялъ на поле дрянной вики. Мы разбились на единицы, выродились и совсѣмъ пропали. Что изъ того, что я приспособился, пошелъ на службу къ первому встрѣчному ублюдку судьбы, къ сыну какого-то кабатчика, къ выскочкѣ, который разными протекціями, стипендіями съ лѣвой стороны, лизаніемъ манжетъ высокопоставленныхъ особъ, добился диплома инженера и получилъ возможность грабить деньги на желѣзныхъ дорогахъ? Что изъ того, что я выламывалъ изъ оправы мои гордыя мысли съ такимъ трудомъ, какъ будто выламывалъ свои кости, что я научился гнуть спину и работать, какъ послѣдній изъ моихъ бывшихъ батраковъ? Что изъ того, что, подавивъ въ себѣ чувство омерзѣнія, я возсѣлъ на карусель понятій новаго времени? Я не пересталъ быть самимъ собою и не обратился въ мѣщанина. Во сто разъ горше то, что я не понимаю своего сына, никогда не буду его другомъ, никогда не буду достойнымъ его участія, участія единственнаго человѣка—моей крови. И ничего мнѣ не представляется въ этой поганой жизни кромѣ одного случая, заслуживающаго вниманія, кромѣ смерти. Петрусь поѣдетъ въ Англію. Это значитъ, что когда я буду умирать, какой-нибудь добрый человѣкъ вызоветъ его телеграммой, а онъ, при всей поспѣшности, пріѣдетъ сюда на другой день послѣ моихъ похоронъ... и никогда я уже не поглажу его по головѣ, не услышу его голоса. Я и забылъ, какъ онъ говоритъ, и не могу себѣ представить звука его голоса. Все что-то отзывается въ чьей-нибудь рѣчи, кружится около моего уха и вводитъ въ заблужденіе. никогда я не окину взглядомъ его фигуры, его широкихъ, мужественныхъ плечъ. Прежде онъ былъ такой худенькій, слабый... ъ тотъ вечеръ, когда я отпускалъ его и не чувствовалъ, что отускаю навсегда. До конца я все буду прислушиваться къ чему-то, жидать чего-то, какъ дуракъ, до послѣдней минуты жизни, — и се напрасно!...

Старый шляхтичъ чувствуетъ новое холодное дуновеніе опасенія.

— Онъ совсѣмъ забудетъ обо мнѣ,—шепчутъ его поблѣднѣвшія губы.—Ни разу и не подумаетъ обо мнѣ... Да что—не подумаетъ!—добровольно, нарочно, порветъ всякую связь, перестанетъ писать, отопрется отъ меня. Умомъ его овладѣютъ разныя мысли. Что такое отцовство? Задастъ вопросъ какой-нибудь современный философъ, потомъ нагромоздитъ кучу доказательствъ и выведетъ съ непреодолимой очевидностью доказательство, что отцовство—ошибка чувствъ, извѣстная моральная привычка, которую по такимъ-то и такимъ-то соображеніямъ стоило бы изгнать изъ человѣческой души. Можетъ быть даже... Господи, какое отчаяніе!... онъ будетъ правъ. Онъ не будетъ ни подлъ, ни глупъ, онъ только—образованный человѣкъ. Никто его не накажетъ за это, никто даже не обвинитъ. Развѣ есть такой законъ?

— Нужно защищаться!—говоритъ старикъ, ломая руки.

По его лбу струится холодный потъ, сердце бьется громко, медленно. Силой духа, онъ старается изслѣдовать свой разумъ, подогрѣть его, заострить и вымуштровать для борьбы съ софизмами сына.

— Я тебя научу, глупецъ, я тебѣ уясню, я приведу тебя къ убѣжденію, что ты лжешь!—говоритъ онъ глухимъ и твердымъ голосомъ.

Горестный, натянутый, безплодный пароксизмъ подсказываетъ ему уродливыя, скверныя уловки. Старикъ хватается за нихъ и бросаетъ, ищетъ другихъ и съ еще болѣе скверными увертками гонится за мыслями сына, совершенно такъ, какъ охотничья собака обнюхиваетъ слѣды оленя въ то время, какъ ихъ заметаетъ снѣжная вьюга.

— Химія иногда выкидываетъ скверныя штуки... Поэтому онъ и скачетъ на конецъ свѣта. Что значитъ какой-то старый нищій, у котораго судьба отбирала по очереди все, вплоть до послѣдняго лоскута одежды и послѣдняго самообольщенія?

Всѣми силами отцовскаго сердца онъ проклинаетъ науку. Какое-то знаніе,—то, чего нельзя ни изувѣчить, ни даже ненавидѣть,—словно смерть, поглотила его мальчика.

— Отдай мнѣ его!—стонетъ старикъ,—дай хоть взаймы и день, только на цѣлый день. Больше я не прошу.

Гдѣ-то безконечно далеко, за снѣжными буграми, раздает свистокъ пролетающаго поѣзда, неожиданный, прерывистый, то призывъ на помощь. Потомъ снова водворяется глубокая тиши

Свѣтъ луны медленно придвигается къ постели старика, который, съежившись въ клубокъ, мечется, плачетъ и тянетъ свою монотонную, скорбную жалобу.

Панъ Теодоръ Біяковскій (собственно говоря, Біякъ) окончилъ курсъ въ институтѣ путей сообщенія въ то время, когда неизбѣжныя экономическія условія раскрыли бумажникъ и шептали: заграбастывай, о прелестная статуя! Пресса пѣла кантаты въ честь инженера и освѣщала его фигуру бенгальскими огнями, но этого мало: мудрыя дѣвы, которыя, какъ извѣстно, лучше всѣхъ умѣютъ пронюхать духъ времени, сразу возжгли свои свѣтильники, обнажили лебяжьи перси и бдительно ожидали, пока въ ихъ двери не постучится обстоятельный женихъ. Панъ Теодоръ еще лучше, чѣмъ панны, постигъ духъ времени и рѣшилъ связать себя брачными узами, конечно, при подходящихъ условіяхъ. Тогда онъ бывалъ въ домѣ богатаго варшавскаго канатчика, прекрасная дочка котораго свято лелѣяла въ своей памяти двѣ первыхъ страницы изъ сочиненія Бокля.

Панъ Теодоръ родился въ Варшавѣ, кажется, на Крахмальной улицѣ, гдѣ его отецъ содержалъ скромный, бѣдный, но чистенькій шинокъ. Въ годы дѣтства маленькій Теось вмѣстѣ съ толпой младшихъ и старшихъ сродственниковъ, если можно такъ выразиться,— по помойной ямѣ,—билъ окна въ жидовскихъ домахъ и навсегда остался бы въ состояніи варварства, еслибъ не одно счастливое обстоятельство. Владѣтельница дома, въ которомъ помѣщался институтъ старшаго Біяка, дама, укушенная зубомъ времени и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно чувствительная, однажды послужила мишенью для мѣткаго выстрѣла изъ пращи маленькаго сорванца. Камень засѣлъ въ самомъ кокѣ и доставилъ престарѣлой паннѣ нѣсколько дней моральныхъ мученій.

Она приказала привести къ себѣ Теося, долго смотрѣла на него, наконецъ, сказала:

— Поди, дитя, я прикажу тебя учить.

Мальчикъ оказался необычайно способнымъ, науки въ приготовительной школѣ ловилъ на лету и по секрету отъ Біяка поступилъ въ гимназію. И тамъ онъ съ наградами, тихо и скромно, переходилъ изъ класса въ классъ. Въ день именинъ своей покровительницы онъ подносилъ ей поздравительныя стихотворенія, а послѣ ея смерти бѣдный сиротка долженъ былъ лобызать не мало манжетъ, прежде чѣмъ окончилъ курсъ на математическомъ факультетѣ Главной школы и, при помощи разныхъ лицъ, попалъ въ институтъ.

Все у него шло, какъ по маслу. Я не буду описывать всѣхъ его приключеній, перемѣнъ мѣста жительства и убѣжденій, довольно сказать, что онъ построилъ множество прекрасныхъ мостовъ и большихъ вокзаловъ, и не прошло десяти лѣтъ послѣ окончанія ученія, какъ у нашей статуи было уже нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, помѣщенныхъ въ вѣрное и доходное дѣло. На мѣста при эксплуатаціи онъ не очень зарился, предпочиталъ всегда имѣть дѣло съ денежными тузами и присутствовать при постройкѣ новыхъ дорогъ. Деньги текли въ его карманы широкимъ ручьемъ,— маленькая услуга, ловко сказанное льстивое словцо, удачно обдѣланное, невинное на видъ дѣльце, а въ особенности удачная варшавская острота, вновь наполняли бумажникъ, временно опустошенный какою-нибудь инженерской вакханаліей.

Нужно признаться, что среди своихъ успѣховъ нашъ инженеръ не забывалъ о бѣдной семьѣ въ Крахмальной улицѣ. Онъ тащилъ за собой когорту не только своихъ братьевъ, но и близкихъ, и дальнихъ кузеновъ, изъ которыхъ каждый, послѣ недѣльной службы подъ наблюденіемъ своего благодѣтеля, ходилъ уже съ часами и намѣревался разориться на модное пальто. На южномъ берегу Крыма у пана Теодора была изящная вилла, гдѣ царствовала роскошно расцвѣтшая его супруга, бывшая поклонница Бокля и Милля. На виллѣ хорошо было жить: вдали волновалось море, а вокругъ разстилался лѣсъ тропическихъ растеній. Казалось, что панъ Теодоръ до конца жизни въ свободныя минуты будетъ читать то ту, то другую страницу Декамерона (умныя книги онъ всѣ роздалъ на память никогда не высыпающимся телеграфистамъ), какъ вдругъ его неожиданно смутилъ демонъ безпокойства.

Въ Польшѣ начали строить желѣзныя дороги. Панъ Теодоръ явился и взялъ большую дистанцію.

Пришелъ къ нему совершенно разорившійся помѣщикъ, Доминикъ Цедзина. Сначала онъ исполнялъ должность обыкновеннаго надсмотрщика, погонщика человѣческаго стада, потомъ заслужилъ благоволеніе нашего предпринимателя и получилъ другое назначеніе. Странно было смотрѣть на этого изящнаго старика съ физіономіей настоящаго барина, всегда чисто одѣтаго, чисто выбритаг и тщательно причесаннаго, когда онъ стоялъ у притолки, а пан Бійковскій небрежно валялся на диванѣ. Инженеръ испытывалъ демократическое удовольствіе держать у дверей дворянина и говорит ему: «ты пойдешь, любезный панъ Цедзина», или: «нужно быт безголовымъ, какъ... какъ бишь тебя? панъ Цедзина».

Лицо стараго шляхтича никогда не отражало ни слѣда гнѣ

ни тѣни обиды или удивленія. Только по его сжатымъ губамъ иногда пробѣгала грустная, почти дѣтская улыбка, да старые, выцвѣтшіе глаза застилались какимъ-то туманомъ и, казалось, ничего не видѣли. Но никогда грызущее его униженіе не вырывалось наружу ни словомъ, ни дѣломъ.

«Это также честь, одно изъ условій чести,—думалъ онъ,— Я, все-таки, баринъ, а ты—хамъ!...»

У этого человѣка было только одно утѣшеніе и надежда. Лишь только наступалъ вечеръ, рабочіе, утомленные непосильнымъ трудомъ, послѣ ужина впадали въ мертвенное оцѣпенѣніе, а господа инженеры усаживались въ винтъ,—Цедзина вдоль пути шелъ въ ближайшій городокъ. Тогда голова его гордо поднималась кверху, глаза сверкали прежнимъ блескомъ, а губы шептали: «Пётрусь... о, Пётрусь!»

Онъ стучался въ окно почтмейстера и мягкимъ, боязливымъ голосомъ спрашивалъ, нѣтъ ли письма на имя Доминика Цедзины. Если желанное письмо оказывалось, панъ Доминикъ шелъ домой скоро, лаская конвертъ и прикладывая его къ губамъ. Потомъ онъ зажигалъ свѣчку въ своей убогой комнаткѣ, ставилъ ее возлѣ кровати и начиналъ читать. Читалъ онъ медленно и страннымъ образомъ: онъ не пробѣгалъ глазами всего письма сразу, а выкрадывалъ одну, двѣ фразы, нѣсколько словъ и складывалъ письмо. Иногда конецъ письма онъ дочитывалъ только на третій день послѣ его полученія. Когда ему досаждали, когда его обижали, когда онъ чувствовалъ, что грудь его начинаетъ болѣзненно сжиматься, точно ее сдавливаетъ желѣзный обручъ, а кровь приливаетъ къ головѣ, онъ нащупывалъ боковой карманъ сюртука, гдѣ носилъ пачку писемъ сына, и успокоивался. Въ каждую свободную минуту, во время обѣда или перерыва работъ, онъ вынималъ какой-нибудь листокъ и вдумывался въ самую простѣйшую фразу. Тогда мягкая улыбка, какъ солнечный лучъ, освѣщала его деревянное лицо и растапливала застывшую на немъ грусть.

Въ верстѣ отъ насыпи, составляющей часть дистанціи пана Теодора, посреди поля торчалъ высокій холмъ, поросшій можжевельникомъ и увѣнчанный сѣрымъ, зубчатымъ хребтомъ мѣловыхъ алъ. Гора принадлежала хутору Заплоце, а хуторъ—нѣкоему па- Юлію Полихновичу. Инженеръ тотчасъ же обратилъ свое око на отъ холмъ, изслѣдовалъ скалы и нашелъ въ нихъ огромное соржаніе углекислой извести, съ небольшою примѣсью посторонхъ веществъ. Кромѣ того бока холма и обрывы изобиловали отичною глиной. Панъ Біяковскій забралъ съ собою пана Доминика

и поѣхалъ на хуторъ къ Полихновичу. Уже смерклось, когда плетеная телѣжка подъѣхала къ Заплоци. Хуторъ стоялъ у самаго подножія холма. Надворныя постройки были окаймлены широкимъ четыреугольникомъ засыхающихъ тополей. Все находилось въ самомъ плачевномъ видѣ: старый винокуренный заводъ разваливался и протягивалъ къ небу ободранныя стропила, точно кости скелета; крыши сараевъ покривились на бокъ; вездѣ виднѣлись остатки разрушенныхъ плетней. Избитая дорога, усѣянная камнями, внушающими опасеніе, чрезъ нѣкоторое подобіе воротъ вела на дворъ. Огромная, черная крыша господскаго дома сползала со стѣнъ и кое-гдѣ чуть не прикасалась къ землѣ.

Когда плетенка остановилась у крыльца, въ двухъ окнахъ дома свѣтился огонь. У входныхъ дверей показалась какая-то фигура.

— Это ты, Шулимъ?—громко спросилъ голосъ съ порога.

— Нѣтъ, это не Шулимъ,—оговорилъ панъ Біяковскій.—Хозяинъ дома?

— Кого тамъ чортъ принесъ?

— Хозяинъ здѣшній дома?

— Хозяинъ?

— Можно съ нимъ видѣться?

Допрашивающая персона исчезла и почти единовременно съ этимъ огонь въ окнахъ погасъ. Наши путешественники взошли на крыльцо, но дверь оказалась запертою. Біяковскій началъ стучаться,—никакого отвѣта.

— Странное дѣло,—замѣтилъ панъ Доминикъ.

Инженеръ сошелъ съ крыльца и заглянулъ за уголъ дома, отыскивая другой входъ. Тамъ должна была быть какая-нибудь дверь, потому что изъ дома то и дѣло появлялись какія-то бѣлыя фигуры, несущія разныя тяжелые предметы, вродѣ шкафовъ, зеркалъ, дивановъ, столовъ и кроватей.

— Странный домъ,—говорилъ заинтересованный до нельзя инженеръ.—Баринъ-то, кажется, выбирается, а? Да въ такую еще пору... Какъ ты думаешь, панъ Цедзина?...

Панъ Доминикъ меланхолически кивнулъ головой и тихо вздохнулъ.

Наконецъ, изъ кустовъ крапивы и сирени появилась какая-то баба, подошла къ Біяковскому и нахально заглянула ему въ глаза.

— Что вы за люди будете? Изъ какихъ мѣстъ?

— Мы съ желѣзной дороги, хотимъ видѣться съ здѣшнимъ бариномъ,—отвѣтилъ ей панъ Цедзина.—Мы по дѣлу. Хотимъ купить у него камень... Слышишь? Баринъ вашъ дома? Можно его видѣть

— Барина-то?—раздумчиво протянула баба.

— Конечно, не тебя.

Въ эту минуту изъ мрака появилась другая тѣнь.

— Господа желѣзнодорожники... Аа!... Прошу, покорнѣйше прошу... Марина, жарь во всю прыть, зажги лампы. Прикажи нести назадъ. Покорнѣйше прошу, господа... Полихновичъ.

Входная дверь распахнулась, и панъ Біяковскій съ паномъ Доминикомъ были препровождены въ большую комнату съ низкимъ бревенчатымъ потолкомъ. Тамъ стояла всевозможная мебель и группировалась самымъ страннымъ образомъ: комодъ красовался по серединѣ комнаты, а на немъ лежало нѣсколько картинъ въ широкихъ золоченыхъ рамахъ и зеркало; столъ былъ заваленъ уздечками, хомутами, хлыстами, подпругами, охотничьими сумками; раскрытый чемоданъ обнаруживалъ кучу грязнаго бѣлья и поношенной одежды. На кровати, покрытой дырявымъ одѣяломъ, покоился огромный псище изъ фамиліи договъ, а на выгнутомъ канапе спала маленькая кудлатая собачонка. Хозяинъ тщился изо всѣхъ силъ прибавить свѣта лампѣ. То былъ молодой человѣкъ, лѣтъ около тридцати, немного сгорбленный, съ увядшимъ и истасканнымъ лицомъ.

— Садитесь, господа,—говорилъ онъ, сбрасывая со стульевъ разные предметы мужского туалета.—У меня все немного на холостую ногу, но съ этими кредиторами... Финтикъ! Вонъ, подлецъ!

Кудлатая собачка съ неохотой приподняла голову и, махая хвостомъ, сползла на полъ.

— Позвольте мнѣ выяснить, по какому дѣлу я явился къ вамъ,—началъ панъ Біяковскій.—Вамъ принадлежитъ гора, мимо которой мы проводимъ путь?

— Гора? «Свинское горе?» Ну, мнѣ... что-жъ изъ этого?

— Вы не получаете отъ нея никакого дохода?

— Какой же доходъ могутъ давать такія горы? Вы шутите, что ли?

— Пастбище...—несмѣло вставилъ панъ Доминикъ.

— Какое пастбище!—вознегодовалъ панъ Полихновичъ.—Камень на камнѣ, да можжевельникъ. Да что вамъ за дѣло до этой горы?... Финтикъ! Вонъ, подлецъ!...

Собачка снова спрыгнула съ канапе, на которое только что вскарабкалась.

— Короче говоря,—продолжалъ инженеръ, — я бы купилъ у васъ камень изъ этой горы и право брать глину. Вы согласны?

— Камень? Ахъ, да... Конечно, съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Какую сумму вы желали бы получить?

Полихновичъ положилъ нога на ногу такимъ образомъ, что концомъ остроконечнаго сапога чуть не касался своего носа, крутилъ папироску и молчалъ. Лишь только послѣ процесса вселенія папиросы въ отверстіе мунштука онъ смѣло выпалилъ:

— Я уступлю вамъ за восемьсотъ рублей.

Біяковскій громко расхохотался.

— Семьдесятъ рублей!... Да это сущіе пустяки!... Вы знаете, что...

— Не семьдесятъ, а восемьсотъ рублей. Ваша цѣна? Я не люблю, когда мнѣ смѣются въ лицо... Финтикъ! я тебя, дурака, вышвырну за дверь, только ты отъ меня и получишь...

Собака опять соскочила съ канапе. Біяковскій принялъ серьезный видъ.

— Вы думаете, что имѣете дѣло съ простакомъ,—сказалъ молодой помѣщикъ, прищуривая лѣвый глазъ.—Я, батюшка, старый воробей и знаю, что стоитъ такая глина съ извѣстною примѣсью песка, хотя слой и не особенно толстъ... Найдите-ка въ окрестности такую глину и такой камень.

— Кто знаетъ, можетъ быть, и найду,— отвѣтилъ инженеръ, вставая и собираясь уходить.

— Ну, такъ какая же ваша цѣна? Вы еще ничего не сказали.

— Во всякомъ случаѣ не болѣе ста рублей.

Панъ Полихновичъ впалъ въ глубокую задумчивость.

— Кладите на столъ двѣсти рублей... и пусть все идетъ къ чорту...

— Нѣтъ, панъ Полихновичъ,—холодно сказалъ Біяковскій.

— Гм... Дѣлать нечего... Даете сто пятьдесятъ?

Инженеръ иронически улыбался.

— Напишемъ договоръ... а?... Можетъ быть, чаю?

— Чаю! — раздался неожиданно голосъ изъ сосѣдней комнаты.—Угощаете, а гдѣ чай-то у васъ? Вотъ еще!

— Молчи, обезьяна!—отвѣтилъ Полихновичъ, не повертывая головы.—Можетъ быть, простокваши съ картофелемъ?

— Нѣтъ, благодарю. Я плачу́ сто рублей, мы составляемъ договоръ, панъ Цедзина будетъ свидѣтелемъ.

— Панъ Цедзина!—воскликнулъ молодой человѣкъ, окидывая гостя огненнымъ взглядомъ.—Панъ Цедзина изъ Козикова?

— Да, когда-то...

— Вотъ какъ! Васъ уже сплавили? Ха, ха!... Моръ пошелъ на дворянство! Теперь желѣзную дорогу строите?...

— Тружусь,—скромно отвѣтилъ панъ Доминикъ.

— Ха, ха!... Ну, что-жъ дѣлать, пишемъ условіе. По крайней мѣрѣ, завтра будетъ чѣмъ заткнуть глотку господамъ израильтянамъ.

Договоръ былъ составленъ, и панъ Біяковскій лишь позднею ночью покинулъ хуторъ.

Прошло нѣсколько дней, и у подножія горы уже функціонировала машина для выработки кирпичей, а по скаламъ сновали люди. Инженеръ иногда появлялся на вершинѣ горы и окидывалъ разстилающееся у ея подножія пространство пытливымъ и задумчивымъ глазомъ.

Стоялъ конецъ августа, пора пахоты. На поляхъ Полихновича царствовало полное спокойствіе. Панъ Біяковскій былъ несвѣдущъ въ сельскомъ хозяйствѣ, съ трудомъ отличалъ пшеницу отъ ячменя, но его удивляло невниманіе владѣльца Заплоця къ паровому полю. Длинныя, сырыя полосы земли, когда-то раздѣленныя на пашни, производили такое же грустное впечатлѣніе, какъ кладбище.

Молодой владѣлецъ каждый день приходилъ на гору, садился на камень, курилъ папиросу за папиросой и болталъ, болталъ... Однажды Біяковскій сказалъ ему:

— Если смотрѣть на вашъ худоръ съ горы, то онъ кажется какимъ-то трупомъ.

— Вѣрно, вѣрно... Трупомъ! Я получилъ его отъ отца почти разореннымъ и долженъ былъ ввести раціональный сѣвооборотъ.

— Сѣвооборотъ? Какія же сѣмена вы мѣняете? Ничего не видно.

— Какъ не видно?

— Я не спеціалистъ, но я не вижу ни ржи...

— А конскій бобъ?

— Что это такое—конскій бобъ?

— А еще беретесь критиковать! Видите вы вонъ ту зеленую полосу?

— Да что вамъ толку отъ этой зеленой полосы и изъ какого-то конскаго боба? Ржи я, все-таки, не вижу.

— А вотъ тамъ что̀ посѣяно?... баранина съ капустой, что ли?

— Да вѣдь мужикъ вдвое больше высѣваетъ ржи.

— Потому что мужикъ истощаетъ почву, сѣетъ рожь послѣ жи... Позволь только мужику, такъ онъ Театральную площадь засадитъ картофелемъ, но изъ этого не выходитъ, чтобы мы, слѣдуя примѣру мужика, истощали наши земли. Конечно, нужно обладать извѣстнымъ капиталомъ...

Я хорошенько не помню, какъ это случилось, достаточно ока-

зать, что эта минута наступила. Когда первые локомотивы начали свистать на новой дорогѣ, Jules Полихновичъ выѣхалъ изъ Заплоцья, увозя съ собой нѣсколько штукъ сторублевокъ. Хуторъ, вмѣстѣ съ паровыми полями, пустыми сараями и безконечнымъ спискомъ долговъ, перешелъ въ собственность инженера Біяковскаго. Новый владѣлецъ долго съ наслажденіемъ смотрѣлъ на пологія поля, покосившійся стародворянскій домъ и на тополя съ засохшими макушками. Собственность! «Въ старомъ домѣ,—мечталъ онъ,—я поселю управляющаго, а подальше, лицевою стороной къ полямъ, построю скромную, но стильную дачку». Но инженеръ черезчуръ долго былъ практическимъ человѣкомъ, чтобы мечты о дачкѣ могли оттѣснить на задній планъ его соображенія о паровыхъ поляхъ.

Что дѣлать съ ними? Неужели взаправду засѣсть въ какомъ-нибудь Заплоцѣ и скопленныя деньги всаживать въ борозды, сараи и овчарни? Каждое воскресенье ѣздить въ сельскій костелъ молить Господа Бога, чтобъ Онъ не выбилъ градомъ посѣвы и охранялъ отъ поджигателей?

Пріѣхать на лѣто въ тихое сельское гнѣздо, созерцать съ супругой закатъ солнца, гоняться (вмѣстѣ съ тою же супругой) по благоухающимъ лугамъ за разноцвѣтными мотыльками, подъ тѣнью вѣковыхъ липъ читать Джованни Боккаччіо—все это, безспорно, очень привлекательно, но сидѣть здѣсь зимой и таращить глаза вслѣдъ проходящимъ поѣздамъ—это, по меньшей мѣрѣ, глупо.

Совсѣмъ другія мечты волновали душу пана Доминика Цедзины. Когда инженеръ пріобрѣлъ хуторъ, у пана Доминика зародилась надежда поступить въ управляющіе, вновь вернуться къ деревнѣ, къ полю, распоряжаться какъ угодно, жить подъ кровлей стараго дома. Его заискиванія передъ Біяковскимъ, услужливость и неимовѣрная старательность переходили всякія границы.

«Вѣдь господинъ инженеръ хорошо знаетъ, — думалъ старый шляхтичъ,—чего стоитъ такой человѣкъ, какъ Доминикъ Цедзина. Онъ знаетъ, что не я гешефтмахеръ, гоняющійся за добычей, знаетъ, что Доминикъ Цедзина издохнетъ съ голоду, а не тронетъ того, что принадлежитъ хозяину, потому что онъ обладаетъ одною особенностью, незнакомою людямъ теперешняго поколѣнія, смѣшною, маленькою старошляхетскою особенностью—честью».

Но не исполнились надежды пана Доминика.

Пришли «индивидуалисты» и предложили инженеру распродать хуторъ въ розницу. Послѣ глубокаго размышленія, панъ Біяковскій заплатилъ долги, лежавшіе на имѣніи, и распродалъ паровы

поля, оставивъ за собой постройки, скалистую гору и маленькій кусочекъ пахатнаго поля за садомъ.

Наружность Заплоця измѣнилась до неузнаваемости. Косматые индивидуалисты тотчасъ же нахлынули на хуторскія поля вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и пожитками. Худыя лошади поселенцевъ тащили изъ лѣса балки и бревна, колеса телѣгъ пролагали новыя колеи вдоль заросшихъ межей, повсюду появились колодцы, плетни, новые дома. Цѣлый день не смолкалъ стукъ топоровъ. Кислыя пастбища, поросшія жалкою курчавою травкой, которыя со временъ Пяста до «стараго воробья» Полихновича служили только мѣстомъ игръ и прогулокъ для быстроногихъ зайцевъ, прилегающія къ лѣсу полянки и омертвѣлыя паровыя поля теперь пріобрѣли значительную цѣнность. Многіе съ тревогой посматривали на эти клочки земли и основывали на нихъ свои надежды.

Когда наступила весна, на паръ вышли плуги и начали взворачивать пласты земли, переплетенные муравой.

Когда наступила весна, у подножія горы, носящей въ народѣ названіе «Свинскаго горя», клубились тучи чернаго дыма. Огромный цилиндръ обжигательной печи, прилѣпившійся къ боку горы, выбрасывалъ въ сырую мглу снопы искръ. Длинный мостикъ, висящій надъ пропастью, соединялъ его вершину съ подножіемъ известковыхъ скалъ. Въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ, ближе къ дому, возвышалась стройная красная труба кирпичнаго завода.

Черныя ленты дыма, плывущія въ небесномъ пространствѣ, выманили изъ далекихъ деревушекъ, скрытыхъ въ лѣсахъ, толпу существъ со впалыми животами и непомѣрно растянутымъ пищепроводомъ, который никакъ не могъ мириться съ тѣмъ, чтобъ его безстыдно набивали только однимъ картофелемъ. Существа эти пришли и предстали предъ лицо творца мѣстной цивилизаціи.

Инженеръ окомъ мудреца воззрѣлъ на ихъ вялые торсы, на ихъ дѣтокъ, заросшихъ грязью, на слабые остатки юбокъ ихъ женъ, дочерей и возлюбленныхъ, и милостиво удѣлилъ имъ мѣсто въ прогрессѣ человѣчества.

Изъ обрѣзковъ балокъ были сооружены жилища, гдѣ и поселились новоприбывшіе.

Бразды правленія надъ всѣмъ производствомъ принялъ панъ Доминикъ, помѣстившійся въ двухъ жилыхъ комнатахъ дома. Инженеръ покинулъ свое владѣніе и отправился туда, куда его призывали неизбѣжныя экономическія условія. Передъ отъѣздомъ онъ показалъ старому шляхтичу, какъ справляться съ общественными дѣлами, гдѣ рыть глину и пр.

И потянулись однообразные, ровные и очень длинные дни «настоящаго» труда. Надсмотрщикъ вставалъ на разсвѣтѣ, будилъ и велъ на работу своихъ подвластныхъ, а домой возвращался лишь позднею ночью.

Вѣковѣчные каменья стонали подъ ударами молотовъ, рушились цѣлые обвалы, подрытые неустанною долбней. Навсегда остались глубокія выемки и пробоины, какъ нѣмые свидѣтели того, сколько вложилъ въ нихъ человѣкъ своей физической силы. При помощи двухъ орудій,—рычага и кирки,—люди свергали съ основаній цѣлыя скалы, разрушали колоссальныя формаціи. Отсутствіе другихъ орудій замѣнялось какимъ-нибудь самодѣльнымъ «способомъ». Каждый день на разсвѣтѣ начиналось столкновеніе разрушителей съ каменными массами, которыя, прежде чѣмъ уступить нападенію человѣка, мстили ему, подстерегали каждую минуту его небрежности, каждый моментъ его слабости. Нависшія громады, когда неосмотрительно освобождали ихъ энергію, сваливались неожиданно, какъ громовой ударъ, уничтожая все вокругъ; всякій камень, прежде чѣмъ его ввергнутъ въ пасть печи, до послѣдней минуты ранилъ, билъ, угрожалъ своею тяжестью, острымъ изломомъ своей поверхности, жогъ огнемъ и душилъ дымомъ, какъ смертельный врагъ, покушающійся на чужую жизнь.

Безобразно обнаженные глубокіе пласты и обломанныя верхушки скалъ, точно саркофаги или надгробныя плиты, виднѣются на этомъ полѣ битвы. Осенніе дожди и зимнія вьюги чертятъ на ихъ поверхности таинственные знаки,—можетъ быть имена тѣхъ рыцарей культуры, которые полегли тамъ въ борьбѣ съ природой.

Панъ Доминикъ заснулъ только предъ утромъ, да и то былъ не сонъ, а скорѣе старческая полудремота. Грызущая, блѣдная скорбь не отступала, не смягчалась, но, какъ топоръ палача въ образѣ сна, висѣла надъ его удрученною душой. Снилось ему, что онъ стоитъ на размякшей плотинѣ, у берега замерзшаго пруда, а ледъ синій, рыхлый, пропитанъ водой. Вдругъ онъ видитъ, какъ съ противоположнаго конца пруда къ нему идетъ какая-то туманная фигура. Видѣніе шло, легко колышась, и, описывая круги, едва касалось ногами гладкой поверхности пруда. И вотъ,—во мгновеніе ока,—онъ увидалъ возлѣ берега, почти у самыхъ своихъ ногъ, волну, вздымающуюся огромнымъ клубомъ, растрескавшійся ледъ, а на водѣ мокрые, свѣтлые, какъ ленъ, волосы. Волосы эти то разбѣгались по водѣ, образуя какой-то вѣнецъ, то тяжелыми прядями льнули ко лбу, къ ясному лбу Пётруся. Старикъ силится закри

чать, но горло его что то стиснуло, что-то законопатило, словно кусокъ сгустившейся крови; онъ хочетъ броситься въ воду, но, самъ не знаетъ почему, не можетъ приблизиться къ ней. Наконецъ онъ погружаетъ въ нее руки по локоть и чувствуетъ холодъ, ужасный, смертельный холодъ въ жилахъ и въ сердцѣ. Еслибъ онъ могъ издать стонъ, одинъ только стонъ, одинъ крикъ... еслибъ онъ могъ хотя бы вздохнуть...

Слабый зимній разсвѣтъ заглянулъ въ замерзшія окна. Захлопали двери, послышался скрипъ снѣга. Панъ Цедзина очнулся и тяжелымъ взоромъ окинулъ свою комнату. Ничтожная доля отрады влилась въ его душу, когда онъ удостовѣрился, что все, что онъ видѣлъ, былъ только сонъ. Увы! то, что онъ чувствовалъ за минуту до того, продолжалось и теперь... Горести вчерашняго дня снова накинулись на него, и, какъ мстительныя, разсерженныя пчелы, начали жалить его сердце. Его охватывало зловѣщее отвращеніе къ этой комнатѣ, къ наступающему дню,— кто знаетъ?— можетъ быть къ самому себѣ.

Полуодѣтый, онъ лежалъ на постели и тупымъ, безсильнымъ взоромъ глядѣлъ въ уголъ комнаты. Изъ губъ его вырвался тихій шепотъ:

— Хоть бы издохнуть, что ли... тьфу!

Въ раму кто-то стукнулъ. Обыкновенно такимъ образомъ рабочій, исполняющій обязанности сторожа, давалъ знать надзирателю, что идетъ топить печь. Панъ Доминикъ не шевельнулся. Дикое отвращеніе и безсмысленная ненависть заставляли судорожно сжиматься его руки. Все его сознаніе сосредоточилось на одной мысли:

— Хоть бы издохнуть, что ли...

Стукъ въ окно повторился. Послышался чей-то голосъ:

— Панъ Доминикъ дома?

Старикъ сразу вскочилъ на ноги. Все равно, кто ни стучитъ, лишь бы кто-нибудь чужой, какой-нибудь незнакомый человѣкъ, только бы не этотъ рабочій въ грязномъ полушубкѣ.

— Панъ Цедзина!—опять крикнулъ кто-то за окномъ.

Вся кровь вдругъ прихлынула къ сердцу старика. Онъ поспѣшно натянулъ длинные сапоги, накинулъ на плечи кафтанъ, подбитый лисьимъ мѣхомъ, подбѣжалъ къ окну и началъ дышать на стекло, чтобъ освободить маленькое мѣстечко. Вдругъ онъ прервалъ это занятіе и стремительно обернулся къ стѣнѣ и какъ-то согнулся въ дугу. Въ глазахъ у него потемнѣло, по лицу пробѣжала бо-

лѣзненная судорога, и онъ проговорилъ, самъ не зная кому, тихимъ, ровнымъ голосомъ:

— Если тамъ, за окномъ, Пётрусь, то я отдамъ его тебѣ... ты знаешь, я не солгу... я отдамъ его тебѣ...

Онъ еще разъ крѣпко, крѣпко стиснулъ руки, спокойно вышелъ въ сѣни, отворилъ дверь и остановился на порогѣ. У крыльца стоялъ молодой человѣкъ въ короткомъ пальто, съ дорожнымъ чемоданчикомъ въ рукахъ. Въ голубоватомъ полусвѣтѣ утра старикъ не могъ разсмотрѣть его лица, но молодой человѣкъ сдѣлалъ шагъ впередъ и мягко проговорилъ:

— Кажется, отецъ...

Старый Цедзина съ глухимъ рыданіемъ протянулъ руки и крѣпко обнялъ его. Черезъ минуту онъ насильно втащилъ сына въ комнату, бормоча отрывочныя слова,—остальное уходило куда-то внутрь, вмѣстѣ со слезами,—вырвалъ изъ его рукъ чемоданчикъ, досталъ изъ шкапа и разставилъ на столѣ всѣ бутылки,—съ уксусомъ, съ керосиномъ, съ скипидаромъ и съ водкой, искалъ рюмку въ кучѣ ремней и обрѣзковъ желѣза и все повторялъ дрожащими губами:

— Я писалъ... въ Англію... въ городъ...

Докторъ Петръ слѣдилъ за старикомъ влажными глазами и не могъ ничего сказать. Наконецъ, панъ Доминикъ пришелъ въ себя.

— Ты озябъ, а?—при этомъ онъ прикрылъ глаза, какъ будто смотрѣлъ на солнце.

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ, толкуй! Я сейчасъ затоплю печку.

Онъ подскочилъ къ запечкѣ и началъ выбрасывать полѣнья на середину комнаты.

— Не безпокойся, отецъ,—сказалъ молодой человѣкъ,—здѣсь тепло. Откровенно говоря, я уснулъ бы немного.

— Святая истина! Совсѣмъ старикъ изъ ума выжилъ. Мальчикъ столько проѣхалъ. Иди, принесемъ диванъ... у меня остался зеленый диванъ... помнишь?—зеленый...

Они вошли въ сосѣднюю, холодную комнату, заваленную разною рухлядью, и притащили оттуда старинный, фамильный, зеленый диванъ. Панъ Доминикъ разостлалъ на немъ свой матрацъ и уложилъ сына спать, а самъ, забавно вывертывая ноги, чтобы шумѣть поменьше, вышелъ изъ комнаты. Едва только Петръ склонилъ голову къ подушкѣ, какъ впалъ въ сонное опьяненіе, весьма естественное послѣ долгаго пребыванія въ вагонѣ. Рѣсницы его такъ и смыкались, но спать ему не давала трескотня электрическихъ

звонковъ, которые дребезжали въ каждомъ его нервѣ. На безчисленномъ количествѣ станцій эти звонки за стекломъ его вагона отзывались такимъ тихимъ, прерывистымъ, назойливымъ и ужаснымъ голосомъ, что теперь безпрерывно звучали въ его ушахъ. Ему казалось, что все еще длится третья ночь, послѣдняя, проведенная имъ въ вагонѣ, что онъ дремлетъ не подъ отцовской кровлей, а въ тѣсномъ купэ, прислонившись головой къ дрожащей деревянной стѣнкѣ. Онъ слышитъ еще стукъ колесъ, встряхивающихъ вагонъ на скрѣпленіи рельсовъ, сократившихся отъ мороза, и унылый гулъ земли, которая глухо стонетъ подъ рельсами: это я, это я, это я!... Онъ до сихъ поръ сквозь замкнутыя рѣсницы видитъ обнаженныя, широкія, необъятныя поля, какъ увидалъ ихъ, когда въ первый разъ прильнулъ лицомъ къ стеклу вагоннаго окна,—видитъ эту равнину, засыпанную снѣгомъ. Далеко, при яркомъ свѣтѣ мѣсяца, чернѣются крестьянскія избы, длинною шеренгой стоятъ они на горизонтѣ и уходятъ куда-то далеко, далеко... Въ груди путника бьется не его собственное мужское сердце, которое испытало уже не мало горькихъ разочарованій, а сердце ребенка, доступное давно минувшимъ тревогамъ и скорбямъ. Какъ шипы терновника пробивается сквозь это дѣтское горе, это сокрушеніе, и робкія губы Петра шепчатъ:

— Господи, я недостоинъ...

Панъ Доминикъ возвратился на цыпочкахъ съ охабкою сухихъ щепокъ и началъ растапливать печь. Докторъ, какъ сквозь туманъ, видѣлъ его сгорбленныя плечи и сѣдую, коротко остриженную голову. По временамъ ему кажется, что дорогая голова совсѣмъ исчезаетъ, оставляя послѣ себя только длинную тѣнь, переходящую со стѣны на потолокъ. Его томилъ прерывистый, безпокойный сонъ. Когда онъ снова пришелъ въ полусознаніе, старикъ, какъ прежде, сидѣлъ передъ печкой, съ головой, обращенной къ окну. Около дверки едва тлѣла кучка угольевъ. Они уже одѣвались легкимъ, свѣтло-фіолетовымъ покровомъ пепла, по которому то и дѣло проползали розовыя искорки. Панъ Доминикъ присматривался къ нимъ и шевелилъ усами, какъ будто разсказывалъ мимолетнымъ огонькамъ таинственную исторію.

У изголовья постели доктора стояли часы. Маятникъ качался надъ самой его головой. Когда онъ склонялся налѣво, въ тѣнь, на его засиженной мухами поверхности появлялась свѣтлая точка. Казалось, онъ развязалъ языкъ и вотъ-вотъ разразится радостнымъ смѣхомъ. Внутри футляра колеса ведутъ свою работу со скрипомъ, напоминающимъ біеніе стараго сердца. Мелодія этого шепота но-

сится надъ головою спящаго, знакомая пѣсня, любовная, тоскливая и неизреченно сладкая...

Ты не знаешь,—поетъ она,—ты не знаешь, что такое грусть... Посмотри, посмотри только разъ, соня, подними рѣсницы. Видишь ты слезу, которая выкатилась изъ глазъ твоего отца и, какъ лодка на концѣ катапульты, повисла на самомъ длинномъ волосѣ его лѣваго уса? Что это за тяжесть, что это за огромная, чудовищно огромная слеза! Шлепъ!—упала на заплатку лѣваго сапога. А вотъ,—что это?—выкатывается другая слеза, еще тяжелѣе, еще большихъ размѣровъ. Вотъ и она повисла на усахъ. Старичина ужасно боится, чтобъ она не упала на кочергу и своимъ паденіемъ не нарушила бы твоего сна. Смотри, какъ торжественно, какъ смѣшно и неуклюже снимаетъ онъ ее двумя пальцами... Эти слезы,—разсказываютъ часы,—были волокнами, тоньше паутины, и находились въ сердцѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится никогда не заживающая ранка грусти. Ихъ было много, а края у нихъ были острѣе комаринаго жала. Онѣ были натянуты рядомъ одна съ другою и носили громкій титулъ бациллъ грусти. У одного эти чудачливыя существа высасывали душу, у другого отгрызали разумъ, да, да... А ты, богатырь, уморилъ ихъ однимъ своимъ сыновнимъ поцѣлуемъ. Каждая нить умерла и обратилась въ крупную слезу счастья. Ахъ, подумай только, подумай, если бы хоть одна изъ этихъ слезъ упала на твою голову,—вѣдь она стерла бы тебя съ лица земли,—подумай только!...

Въ процессѣ движенія колесъ и валовъ стараго болтуна наступилъ какой-то катаклизмъ, какъ будто часы прикусили себѣ языкъ собственными зубами. Раздался тупой стукъ, грохотъ и медленно, съ величіемъ, безсильно подражающимъ голосу кукушки, часы пробили десять разъ. Молодой человѣкъ полуоткрытыми глазами глядѣлъ на окно, оттаявшее подъ лучами веселаго солнца. Онъ видѣлъ кусочекъ равнины, искрящейся кристаллами снѣга, полосу дальняго снѣга и край безоблачнаго, блѣдноголубого неба. И вдругъ имъ овладѣло какое-то божественно - страстное чувство. Онъ ясно сознавалъ, что минута, которую онъ переживаетъ, тотъ промежутокъ времени, который длится между двумя колебаніями маятника,— наивысшій и наичистѣйшій кульминаціонный моментъ, что это—зенитъ его молодости. Что было до этого и что могло быть потомъ? Какое чувство можно приравнять къ этому проницательному взгляду, охватывающему всю жизненную дорогу, къ этому твердому рѣшенію? То, что рѣшено въ такую минуту, не только мудро и достойно, но и благо...

«Нѣтъ, не поѣду я ни въ какую Англію,—думалъ докторъ химіи.— Насъ на это не поддѣнешь. Отошлю я профессору его триста франковъ... Съ голоду не умру, хотя бы пришлось копать землю»...

Послѣ нѣсколькихъ жестоко-морозныхъ дней наступила оттепель. Чудная прозрачность воздуха исчезла, изящныя пылинки мороза, колеблющіяся надъ твердыми, какъ камень, снѣговыми сугробами, растаяли, пропалъ и иней, рдѣвшій подъ лучами заходящаго солнца и украшавшій сухіе скелеты тополей, тонкія вѣтви смородины и замерзшіе стебли бурьяна. Съ деревьевъ капали крупныя грязныя капли, въ воздухѣ нависли тучи сѣровато - желтаго пара, на горизонтѣ скопились массы тумана на подобіе безмѣрной тяжести, которая, кажется, въ состояніи вдавить въ землю и горы, и лѣса, и отдаленныя деревни.

Въ часъ пополудни панъ Доминикъ возвращался изъ уѣзднаго города въ наемныхъ саняхъ. Худыя мужицкія лошаденки тонули въ таломъ снѣгу, сани полозьями скребли о землю или ухали въ ухабы и выбоины. Панъ Доминикъ закутался въ порыжѣлый плащъ, надвинулъ фуражку на глаза и, дымя дешевою сигарой, думалъ. Когда-то онъ ѣздилъ четверней, въ великолѣпныхъ саняхъ, съ форейторомъ въ золотистой ливреѣ, закутывался въ медвѣжью шинель... Боже всемилостивый! Земля дрожала, колокольчики было слышно за полмили, лошади фыркали, мужики и жиды стояли безъ шапокъ... А теперь развѣ хуже,—кто знаетъ? Никогда ѣзда въ саняхъ по пустому полю не доставляла ему такого удовольствія, какъ сегодня, когда онъ ѣдетъ въ лубочныхъ мужицкихъ санишкахъ... Дома его ждетъ господинъ докторъ Петръ Цедзина! Ха, ха!... Ну, лошаденки, собирайтесь съ силами! Еще только одинъ лѣсокъ и одинъ маленькій овражекъ подъ Заплоцемъ...

«Интересно знать,—думалъ панъ Доминикъ,— переписалъ ли Пётрусь счета, или нѣтъ? Онъ, шельмецъ, думалъ, что я позволю ему цѣлый день шляться по хатамъ (вѣроятно, крестьянскихъ дѣвокъ учитъ нѣмецкому языку) и бить баклуши. Ага... посиди-ка, почтеннѣйшій, подведи итоги, напиши каллиграфически требованіе къ пану инженеру, выручи стараго отца. Задаромъ я буду привозить тебѣ табакъ перваго сорта и тратиться на сардинки?»

Лошади приплелись на дворъ и остановились у крыльца дома. Панъ Цедзина вылѣзъ изъ саней и со стукомъ отряхивалъ въ сѣняхъ сапоги отъ снѣга. Въ дверяхъ комнаты стоялъ докторъ химіи.

— Что съ тобой? Голова болитъ, что ли? — вскрикнулъ панъ Доминикъ.

— Нѣтъ, не болитъ,—принужденно отвѣтилъ сынъ.

— Отчего же ты такой блѣдный и страшный?

Дѣйствительно, лицо молодого человѣка было не весело. Глаза его какъ-то странно потускнѣли и омрачились грустью. Онъ прохаживался изъ угла въ уголъ и нервно курилъ папиросу за папиросой.

— Я сейчасъ прикажу Ягнѣ подавать борщъ, вотъ ты и наберешься ума-разума. Безъ борща, говорю я тебѣ, человѣкъ всегда скверно чувствуетъ себя.

— Я не могу ѣсть, да, наконецъ... у меня мало времени.

— Мало времени?

— Да,—рѣзко отвѣтилъ Петръ,—я... видишь ли, отецъ, долженъ ѣхать... Ничего не подѣлаешь... мнѣ нужно ѣхать въ Гулль.

Панъ Доминикъ не сказалъ ничего. Не снимая ни шапки, ни шубы, онъ сѣлъ на стулъ и поникъ головой. Онъ ничего не видѣлъ, не обращалъ вниманія на то, что дѣлаетъ сынъ, и чувствовалъ только, что его давитъ что-то, душитъ. Онъ вышелъ бы на свѣжій воздухъ остыть и собрать свои мысли, но не могъ двинуться съ мѣста. Молодой человѣкъ приводилъ въ порядокъ бумаги и счетныя книги, разбросанныя по столу, наконецъ взялъ въ руки небольшую, засаленную тетрадку и переворачивалъ въ ней листокъ за листкомъ.

— Извини меня,—съ грустью въ голосѣ произнесъ онъ,—изъ этой тетрадки я убѣдился, что на мнѣ тяготѣетъ долгъ, который я долженъ уплатить безъ отсрочки.

— Оставь меня въ покоѣ, оставь въ покоѣ!—отвѣтилъ панъ Доминикъ, опуская голову на руки.

— Прежде чѣмъ я уѣду, я долженъ объяснить тебѣ, что̀ побудило меня рѣшиться уѣхать.

— Что ты можешь объяснить мнѣ, глупенькій, что?—Старикъ вскочилъ съ мѣста. — Уѣзжай, уѣзжай, если такова твоя воля. Только меня-то ужъ, ради Христа, не заставляй удивляться твоей мудрости.

— Я хочу искренно и открыто говорить о дѣлѣ, имѣющемъ для меня громаднѣйшее значеніе. Четыре года тому назадъ ты прислалъ мнѣ въ разные сроки двѣсти рублей. Въ слѣдующемъ году тоже двѣсти. Потомъ двѣсти пятьдесятъ рублей и въ прошломъ году опять-таки двѣсти. Всего восемьсотъ пятьдесятъ рублей. Жалованья ты получаешь триста рублей. Откуда же...

— Сынокъ дорогой, не выставляй меня воромъ! Если ты внимательно просмотрѣлъ счета, то долженъ былъ убѣдиться, что я не присвоилъ себѣ ни копейки Біяковскаго. Все видно по отчетамъ. Что я не продавалъ потихоньку ни извести, ни кирпича, ты также можешь убѣдиться по книгамъ. Наконецъ, я даю тебѣ честное слово... на моей совѣсти нѣтъ ни копейки Біяковскаго. Видитъ Богъ!

— Да, это совершенная правда.

— Коль скоро ты выступаешь въ качествѣ обвинителя, то долженъ хоть что-нибудь понимать въ дѣлахъ. Весь секретъ въ томъ, что Біяковскій предоставилъ мнѣ,—правда, оригинальную,—долю въ доходахъ. Съ проданнаго матеріала онъ ничего не хотѣлъ мнѣ давать и на мои настойчивыя просьбы вѣчно отвѣчалъ одною пѣсней: «Работайте дешевле, а все, что съэкономите на этомъ, то ваше». Рабочимъ онъ давалъ сначала по тридцати копѣекъ, я имъ предложилъ двадцать,—ну, и, конечно, они согласились,—больше имъ нигдѣ не дадутъ, а тутъ у нихъ вѣрный заработокъ. Такимъ образомъ и было сколочено нѣсколько грошей для тебя.

— Да, я увидалъ это въ счетахъ.

— Въ этомъ весь и секретъ, обвинитель! Воромъ я не былъ и, дастъ Богъ, не буду!

— И я не хочу быть имъ, отецъ. Эти восемьсотъ пятьдесятъ рублей я долженъ возвратить.

— Кому ты будешь возвращать? Я денегъ этихъ не приму... знай объ этомъ... не приму! Я не могъ давать тебѣ больше на содержаніе и воспитаніе, видитъ Богъ... но что могъ... Я старался хоть какъ-нибудь исполнять свои отцовскія обязанности.

— Не ты тратился на мое воспитаніе, и не тебѣ я долженъ отдать этотъ страшный и горькій долгъ...

Доминикъ Цедзина высоко поднялъ брови и съ изумленіемъ смотрѣлъ на сына.

— Пётрусь, ты угорѣлъ. Что ты несешь?

Докторъ сѣлъ къ столу, придвинулъ къ себѣ чистый листъ бумаги и медленно заговорилъ:

— Цѣнность всякаго товара по окончаніи обработки слагается изъ капитала постояннаго (обозначимъ его буквою c), изъ капитала перемѣннаго или платы рабочимъ (назовемъ его v) и изъ, такъ называемой, добавочной стоимости, что мы обозначимъ буквою p. Отношеніе добавочной стоимости къ перемѣнному капиталу или прибыли къ заработной платѣ $p : v$ показываетъ степень добавочной стоимости или норму прибыли. Прошу тебя, сосчитаемъ точно приходъ и расходъ...

Только къ вечеру кончился рѣзкій споръ между отцомъ и сыномъ. Оба замолкли подъ вліяніемъ этой рѣзкости, которая замыкаетъ сердца такъ плотно, какъ гробовая крышка замыкаетъ покойника.

Старикъ равнодушно и съ презрѣніемъ смотрѣлъ, какъ докторъ возился около своего чемоданчика, лишь отъ времени до времени по его губамъ пробѣгала презрительная улыбка и въ глазахъ появлялось выраженіе гнѣва. Послѣ долгаго молчанія онъ величественно и сдержанно проговорилъ:

— Развѣ здѣсь ты не могъ бы зарабатывать достаточно, чтобъ удовлетворить своимъ глупымъ сантиментамъ?

— Прости, отецъ, я не могъ бы заработать такъ скоро, какъ мнѣ бы это хотѣлось. Тамъ мнѣ представляется мѣсто и сравнительно недурное вознагражденіе.

— Мѣсто можно было бы найти и здѣсь. Біяковскій...

— Я никогда и ничего не буду имѣть общаго съ господиномъ Біяковскимъ... Протекціи мнѣ не оказывалъ никто,—я всѣмъ обязанъ своимъ знаніямъ и труду.

— Ты писалъ мнѣ, что протекцію тебѣ оказалъ какой-то профессоръ,—сухо сказалъ старикъ. — Ты противорѣчишь себѣ, великій философъ.

— Нѣтъ. Профессоръ назвалъ только мое имя,— долженъ же былъ онъ назвать кого - нибудь. А меня онъ считалъ достойнымъ занять предлагаемое мѣсто, такъ какъ зналъ достоинство моихъ работъ и способность къ самостоятельнымъ опытамъ.

— Дѣйствительно, химическія соображенія! Біяковскій также счелъ бы достойнымъ... и такъ далѣе.

— Никто добровольно не заражается скверными болячками... Мнѣ хорошо, пока я чистъ...

Старикъ захохоталъ. Молчаніе продолжалось до той минуты, пока молодой человѣкъ не взялъ пальто и не началъ лѣниво надѣвать его.

— Неужели же вправду?—спросилъ панъ Доминикъ.

— Да, отецъ.

— Какъ бы Господь не покаралъ тебя, дитя мое!

— Первую уплату я надѣюсь выслать въ маѣ. Въ этой тетрадкѣ я вычислилъ, сколько слѣдуетъ каждому рабочему за четыре года. Будь добръ, добросовѣстно...

— Пошелъ вонъ, дуракъ!—грубо крикнулъ панъ Доминикъ въ припадкѣ бѣшенаго гнѣва. Руки его дрожали, въ глазахъ искрился злой огонекъ.

Докторъ, блѣдный, какъ полотно, приблизился къ нему со слезами на глазахъ и склонился къ его ногамъ. Старикъ оттолкнулъ его, забился въ уголъ и повернулся къ стѣнѣ лицомъ. Онъ слышалъ, какъ дверь тихо скрипнула и захлопнулась за уходящимъ, слышалъ сухой стукъ щеколды, но не поворачивалъ головы. Мало-по-малу онъ впадалъ въ состояніе покоя, равнодушія настолько глубокаго, что оно почти граничило съ чувствомъ удовлетворенія.

— А это хорошо, что я сказалъ ему «дуракъ»,— подумалъ онъ.—Будетъ помнить...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ выглянулъ въ окно. На дворѣ не было никого. Солнце заходило, и всѣ предметы ясно вырисовывались на широкой, блѣдно - голубой равнинѣ. На каждомъ стеклѣ оконной рамы красовались и росли фантастическіе цвѣты мороза. Панъ Доминикъ съ интересомъ смотрѣлъ на нихъ и думалъ о чемъ-то старомъ, ужасно старомъ. Съ минуту онъ испытывалъ чувство маленькаго ребенка, который сидитъ въ роскошной комнатѣ рядомъ съ матерью,—прелестною, доброю, милою, и смотритъ на узоры замерзшаго стекла... Ему скучно, онъ плакалъ бы и капризничалъ, еслибъ его не такъ занимали эти стебли, вѣтви и разрѣзные листья...

Изъ задумчивости его пробудилъ лишь свистъ локомотива. И панъ Доминикъ почувствовалъ такую боль, какъ будто его ударили молоткомъ по головѣ. Онъ взялъ шапку и вышелъ изъ комнаты.

Къ станціи медленно приближался поѣздъ, скрываясь за снѣжными сугробами, какъ будто онъ хотѣлъ перебраться черезъ нихъ, растолкать ихъ своею желѣзною грудью. Панъ Доминикъ быстро направился къ вокзалу. Сумерки быстро спускались, и желѣзно-дорожные фонари начинали свѣтиться все болѣе и болѣе яркимъ свѣтомъ, какъ добрые духи, предостерегающіе отъ большой опасности. На половинѣ дороги панъ Цедзина увидалъ силуэтъ человѣка, возвращающагося со станціи, и глубоко вздохнулъ,—ему показалось, что это возвращается Петръ. Наконецъ, онъ поровнялся съ этимъ человѣкомъ: то былъ рабочій съ кирпичнаго завода, молодой и веселый парень.

— Ты куда ходилъ?—угрюмо спросилъ его управляющій.

— На станцію.

— Зачѣмъ?

— Носилъ вещи молодого барина.

— Какого молодого барина?

— Да пана Петра.

— Выѣхалъ?—равнодушно спросилъ старикъ.

— Выѣхалъ.

— Ты видѣлъ?

— Какъ не видать, видѣлъ!

— Говорилъ онъ что-нибудь тебѣ?

— Говорилъ... да не много.

— Ступай домой.

Парень зачастилъ вдоль дороги, потомъ перескочилъ черезъ ровъ и пошелъ къ горѣ по полю, наперерѣзъ.

Панъ Доминикъ все смотрѣлъ ему вслѣдъ, даже когда его поглотила тяжелая тѣнь горы. Лицо старика все съёжилось, носъ какъ-то вытянулся и наклонился къ подбородку, на глаза тяжело нависли рѣсницы. Онъ стоялъ на мѣстѣ и все махалъ рукою, какъ будто хотѣлъ подозвать назадъ рабочаго. Наконецъ, онъ медленно пошелъ домой, уже безъ всякаго намѣренія, безъ сознанія, въ какую сторону онъ идетъ. На ходу онъ склонялся къ землѣ и при послѣднемъ блескѣ вечерней зари изслѣдовалъ глубокіе слѣды шаговъ сына, оттиснутые на мокромъ снѣгѣ. Милосердный морозъ сохранилъ ихъ для пана Доминика на этой ужасной дорогѣ. Надъ каждой ямкой онъ останавливался, ощупывалъ ее палкой. Надъ каждой ямкой изъ его груди вырывался тихій, безпрерывно длящійся стонъ, подобный жалобному вою вѣтра надъ могильными насыпями.

В. Л.

ЧУДОВИЩЕ.

Разсказъ **Леона де-Тенсо.**

Послѣ каждой моей поѣздки за границу я, забавы ради, задаю себѣ вопросъ,—оставляя въ сторонѣ патріотизмъ, разумѣется,—пожелалъ ли бы я провести конецъ моей жизни среди той націи, которую я посѣтилъ. Можно жить и умереть въ увѣренности, что Франція—рай земной; но для сохраненія такого убѣжденія полезно было бы совсѣмъ не путешествовать. Вернувшись во свояси, я всегда приходилъ въ отчаяніе отъ полнѣйшаго презрѣнія, съ какимъ всякая французская администрація, мелкая и крупная, относится къ удобствамъ, необходимымъ для публики. Но благодушіе нашей публики, когда поближе въ нее всмотришься, настолько потѣшно, что мое негодованіе часто разрѣшается громкимъ хохотомъ.

И, все-таки, въ другихъ странахъ я нахожу нѣкоторыя непривлекательныя стороны, отбивающія у меня охоту сдѣлаться ихъ постояннымъ обывателемъ. Англія тонетъ въ туманахъ и дождяхъ; Швейцарія носитъ на лбу вывѣску: «пожалуйте на водку»; Испанія, сама того не сознавая, не умѣетъ ѣсть и соблюдать опрятность; Италія жестоко надоѣдаетъ музеями и развалинами, не говоря уже о томъ, какъ разваливаются ея финансы; Германія подавлена тяжеловѣсностью своего языка и своего метода; Греція задыхается въ пыли,—не въ пыли прошлаго, а въ пыли дорогъ безъ деревьевъ; Россія... о ней помолчимъ, она наша добрая союзница!

Америка, если не ошибаюсь, представляетъ наиболѣе соблазновъ. Послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ въ этой странѣ, могущей поставить своимъ девизомъ: *Все для путешественниковъ*,—невольно очаровываешься легкостью и удобствами жизни, неизвѣданными ранѣе, говоришь себѣ: «Вотъ бы гдѣ провести старость!» — Но когда поближе узнаешь интимную національную жизнь, то глубоко разочаруешься, такъ какъ у американцевъ есть

свое очень больное мѣсто: ихъ прислуга. Правильнѣе было бы сказать, что прислуги у нихъ совсѣмъ не имѣется. По этой части тамъ настолько плохо, что несчастные американцы завидуютъ даже французамъ!

Вотъ изъ множества примѣровъ, для иллюстраціи сказаннаго, одна исторійка, случившаяся не далѣе, какъ прошедшимъ лѣтомъ. Въ ней нѣтъ рѣшительно ничего необыкновеннаго для страны Вашингтона, кромѣ того участія, какое принималъ въ ней одинъ молодой нашъ соотечественникъ. Я нахожу нужнымъ только назвать его вымышленнымъ именемъ, это дабы избѣжать обвиненія въ томъ, что языкъ у меня *слишкомъ длиненъ*.

I.

Въ одной или въ двухъ миляхъ отъ Гартфорда, на холмѣ, возвышающемся надъ хорошенькою рѣчкой, притокомъ Коннектитута, расположена резиденція Томаса П. Корбенса, честнѣйшаго человѣка, наколотившаго себѣ изрядное количество долларовъ фабрикаціей револьверовъ или велосипедовъ. Мѣстная промышленность, на самомъ дѣлѣ, славится издѣліями этого рода и для обоихъ фабрикатовъ обезпечила себѣ огромный сбытъ членамъ *Клуба велосипедистовъ* и мужьямъ, считающимъ нужнымъ отомстить за свою честь... Увы! одному изъ директоровъ большого оружейнаго завода пришлось недавно весьма много претерпѣть отъ поведенія своей супруги. Извѣстно, впрочемъ, что сапожникъ если и не безъ сапогъ, то обутъ прескверно.

Томасъ П. Корбенсъ несчастливъ лишь тѣмъ, что онъ вдовецъ, но жизнью доволенъ потому, что живетъ очень просто. Въ большую ошибку впалъ бы тотъ, кто вздумалъ бы дѣлать заключенія о достаткахъ этого почтеннаго гражданина по обширности его дома, по его обстановкѣ. Съ нимъ живетъ его единственная дочь, двадцатилѣтняя дѣвушка, красавица. Но у него есть двѣ замужнихъ сестры, и у каждой изъ нихъ имѣется по двое дѣтей. Вся эта компанія пріѣзжаетъ погостить у него недѣли двѣ во время каникулъ. Такимъ образомъ коттеджъ былъ набитъ биткомъ, какъ швейцарскій отель, когда жаркимъ сентябрьскимъ утромъ миссъ Корбенсъ довольно рано пришла въ кухню сдѣлать распоряженія. Молодой дѣвушкѣ крайне непріятнымъ показалось, что кухарка ирландка продолжаетъ спокойно сидѣть въ креслѣ и лѣниво помахивать вѣеромъ, точно креолка, ожидающая чашку шоколата. Но всѣмъ намъ извѣстно, насколько необходимо быть снисходительнымъ, даже не-

множко сподличать, передъ кухаркой, когда домъ полонъ гостями. Дороти Корбенсъ, хорошенькія черныя брови которой слегка сдвинулись, притворилась, будто находитъ совершенно естественною позу ирландки, и проговорила ласково:

— Жарко сегодня, Брижетъ.

— Жарко!—отозвалась кухарка.—Вы находите, что жарко, миссъ? А я нахожу, что такая жара просто невыносима, и я хочу уйти.

— Я думаю, моя милая, что не менѣе жарко вамъ будетъ во всякомъ другомъ домѣ Коннектикута. Не ждали же вы прохлады въ сентябрѣ?

— Можетъ быть. Но я не ждала также, что мнѣ придется готовить кушанье и мыть тарелки для десяти человѣкъ. Еслибъ ихъ было трое или четверо, я могла бы еще помириться съ этимъ. Вы долго намѣрены содержать этотъ семейный пансіонъ?

— Родные гостятъ у насъ всего пять дней,—сказала бѣдняжка Дороти, стараясь сдерживаться.—Они пріѣхали на двѣ недѣли Не могу же я удалить ихъ изъ дому... ради васъ.

— Совершенно вѣрно, миссъ. Оставляйте ихъ на двѣ недѣли, на два мѣсяца, на два года, мнѣ до этого дѣла нѣтъ, я ухожу сейчасъ.

— Но вы *обязаны* дожить восемь дней, Брижетъ.

— Это ничего не значитъ! Вычтите у меня изъ жалованья за недѣлю. Здоровье дороже богатства. Лучше потерять десять долларовъ, чѣмъ стать старухой въ тридцать лѣтъ.

Часъ спустя ирландки уже не было, и Дороти Корбенсъ кипѣла сама и готовила завтракъ на десять человѣкъ, или вѣрнѣе—на девять, такъ какъ ея отецъ завтракалъ всегда въ городѣ въ двухъ шагахъ отъ своей фабрики. Подавая кушанья, молодая хозяйка сообщила «семейному пансіону» о происшедшей катастрофѣ.

— Съ кухней я управлюсь до пріисканія другой кухарки,—добавила Дороти.—Но если меня заставятъ въ то же время изображать хозяйку дома, предсѣдательствовать за столомъ, занимать гостей въ салонѣ, я сойду съ ума. А потому вы и не ждите видѣть меня до тѣхъ поръ, пока мы не подыщемъ кого-нибудь, что совсѣмъ не легко въ виду сезона и сосѣдства Ньюпорта.

Во Франціи начались бы возраженія противъ такого рѣшенія и, всего вѣрнѣе, гости поспѣшили бы уѣхать, или, того лучше, на мѣсто ушедшей кухарки была бы найдена, хотя бы на время, другая женщина въ тотъ же день. Въ Америкѣ такое положеніе представлялось вполнѣ естественнымъ, и всѣ знали, что оно непопра-

вимо въ короткое время. Обѣ тетушки нѣсколько разъ въ жизни переживали подобные праздники и отъ того не померли. Онѣ ободряли Дороти, увѣряли, что все пойдетъ отлично и что рано ли, поздно ли, кухарка все же найдется. Было заявлено, что никто не будетъ въ претензіи за отсутствіе хозяйки изъ столовой и даже изъ гостиной. Того лучше, ей обѣщали много выѣзжать, устраиваться такъ, чтобы получать отъ сосѣдей приглашенія къ *люнчамъ*, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, не привозить никого къ обѣду во все время, пока продлится кризисъ.

Молодая американка бодро взялась за дѣло. Кромѣ сбѣжавшей Брижеты, въ домѣ была всего одна прислуга, одна *maid* изъ Новой Шотландіи, согласившаяся, послѣ долгихъ упрашиваній, мыть тарелки съ тѣмъ условіемъ, чтобы къ плитѣ ее ни подъ какимъ предлогомъ не ставили. По словамъ этой дѣвицы, она подвержена была жестокимъ мигренямъ, на самомъ же дѣлѣ она боялась испортить цвѣтъ лица, который ея «молодой человѣкъ» находилъ ни съ чѣмъ несравнимымъ. Подобно всѣмъ американкамъ, которыя не проводятъ всю жизнь въ танцахъ и путешествіяхъ, миссъ Корбенсъ умѣла готовить кушанье, и Томасъ П. Корбенсъ ѣлъ съ отличнымъ аппетитомъ обѣды, состряпанные дочерью. Самъ онъ работалъ по семи часовъ въ сутки и находилъ совершенно естественнымъ, что и она трудится въ свою мѣру.

Надо замѣтить, впрочемъ, что самый трудъ былъ менѣе тяжелъ, чѣмъ онъ оказался бы у насъ. Мясникъ, булочникъ, торговцы бакалейными товарами, фруктами, масломъ, живностью, зеленью являлись за заказами и приносили провизію совсѣмъ заготовленною. Одѣтая въ самое легкое платье, болѣе хорошенькая, чѣмъ когда-либо въ сверкающемъ чистотой фартукѣ, Дороти не жаловалась и сохраняла отличное расположеніе духа, въ особенности въ то время, когда семья всѣмъ комплектомъ завтракала въ какой-нибудь «резиденціи», сосѣдней съ Гартфордомъ.

Въ одинъ изъ такихъ сравнительно легкихъ дней миссъ Корбенсъ была послѣ полудня одна въ своей кухнѣ и готовила *sponge cake*, коронное блюдо своего вечерняго меню. Всѣ припасы были уже на-лицо, свѣшаны, смѣрены, въ должномъ порядкѣ разложены на столѣ: сахаръ, мука, лимоны, отсчитанныя яйца въ чашкѣ рядомъ съ механическою взбивалкой. Торопиться не было надобности. И красавица миссъ Корбенсъ, изящная, несмотря ни на что, въ фартукѣ изъ тонкаго полотна, похаживала по просторной комнатѣ, линолеумъ которой дѣлалъ шаги эластичными и вызывалъ желаніе ходить. Кругомъ такъ и сверкала безукоризнен-

но отчищенная красная мѣдь посуды, начиная съ крошечной формы для пирожнаго и кончая огромнымъ резервуаромъ для кипящей воды, придѣланнымъ къ стѣнѣ у потолка, по-американскому обыкновенію. На этомъ очень яркомъ фонѣ красота брюнетки Дороти выдавалась еще лучше, чѣмъ въ салонѣ съ его болѣе тихими тонами.

Ей, конечно, не безъизвѣстно это было, такъ какъ легкая улыбка открывала изъ-за пунцовыхъ губокъ ослѣпительной бѣлизны эмаль зубовъ. Быть можетъ, молодая дѣвушка была въ особенно хорошемъ настроеніи, такъ какъ черезъ три дня ей предстояло распрощаться со всѣми гостями и, по обычной ироніи судьбы, передать заботы о стряпнѣ новой кухаркѣ, которая явится, какъ маршалъ Груши, послѣ сраженія. Къ тому же Томасъ П. Корбенсъ ждалъ съ минуты на минуту одного племянника, очень забавлявшаго свою кузину милымъ флиртомъ, которому она, какъ будто, не придавала серьезнаго значенія, хотя отлично знала, что дѣло кончится предложеніемъ. Не знала она только одного,— такъ какъ ея сердце было совершенно свободно,—не знала, что она отвѣтитъ молодому человѣку.

А пока она спокойно улыбалась, увѣренная въ себѣ, въ своемъ благоразуміи, въ своей разсудительности, въ свободѣ выбора, какъ истинная дочь Новой Англіи. Въ свое время всѣ вопросы выясняются... Пробило три часа. Наступила пора управляться съ *спонжъ-кэкомъ* прежде, чѣмъ приступить къ фундаментальнымъ блюдамъ обѣда.

II.

Въ это время къ дому подошелъ вагонъ электрическаго трамвая и остановился почти сразу. Изъ него выпрыгнулъ молодой человѣкъ съ бѣлокурыми волосами и съ голубыми глазами, не имѣвшими, впрочемъ, ничего общаго съ оттѣнками, свойственными англо-саксонской расѣ. Онъ былъ одѣтъ очень изящно, но въ костюмѣ его не было замѣтно рѣзкости и безличности американскаго щеголя, для котораго быть *хорошо одѣтымъ*—значитъ всегда наряжаться во все новое. Покрой бѣлья и, того болѣе, форма галстука обличали въ пріѣзжемъ парижанина. И на самомъ дѣлѣ, виконтъ Максъ де-Резоль лишь недавно пріѣхалъ изъ Парижа.

Черезъ калитку въ красноватой изгороди молодой человѣкъ направился къ дому по алеѣ, отѣненной нѣсколькими большими деревьями, бросавшими пятна тѣни на бѣлый песокъ дороги. Пріѣз-

жій на ходу оглядывалъ домъ, живописно задрапированный густо разросшимся плющемъ. Три ступеньки вели на крыльцо, соединенное съ простою верандой, достаточно обширной для того, чтобы служить гостиной. Надъ первымъ этажомъ начиналась крутая, чуть не вертикальная, шиферная крыша съ высокими, не симметричными выступами для двойныхъ оконъ, обвитыхъ тѣмъ же плющемъ, забравшимся тамъ и самъ на крышу. Вообще «резиденція» Томаса П. Корбенса была одною изъ наименѣе грандіозныхъ въ Гартфордѣ. Но за этими непретенціозными стѣнами посѣтитель сразу угадывалъ комфортъ и большой достатокъ. Есть двѣ вещи, скрыть которыя не могутъ ни стѣны, ни одежда, какъ бы онѣ скромны ни были, это—богатство и красота.

Большая лапландская собака, спавшая на одномъ изъ креселъ веранды, начала лаять на подходившаго Резоля, и въ глубокой тишинѣ, царившей кругомъ, этотъ лай принялъ характеръ тревоги, поднятой бдительнымъ сторожемъ. Въ одномъ изъ оконъ мансардъ показалась голова служанки съ льняными волосами, какъ бы въ ожиданіи вопроса посѣтителя.

— Господинъ Корбенсъ?—спросилъ молодой человѣкъ и повторилъ нѣсколько разъ, безуспѣшно стараясь произносить правильно.

Онъ пробовалъ говорить: Корбенсъ, Курбенсъ, Кёрбенсъ, даже Карбинсъ,—равно безуспѣшно. Имена собственныя представляютъ собою вѣчный камень преткновенія для вновь прибывшихъ въ чужую страну... и для вынужденныхъ говорить на чужомъ языкѣ. Резоль кончилъ тѣмъ, что разсердился.

— Да коего же чорта!—крикнулъ онъ уже на чистомъ французскомъ языкѣ.—Вѣдь, это домъ Корбенса, мнѣ сказалъ кондукторъ. Должны же вы догадаться, что я желаю видѣть хозяина, а не Георга Вашингтона!

Дѣвица съ льняными волосами, неспособная понять его шутки, дѣлала руками какіе-то жесты и прокричала фразу, изъ которой Максъ понялъ только послѣднее слово: кухня. Служанка скрылась.

«Попытаемся разыскать кухню,—разсуждалъ парижанинъ.— Но я скажу Пьеру, что онъ послалъ меня въ очень странный домъ. Лишь бы не даромъ потерять тутъ время».

Проходя вдоль бокового фасада, Максъ заглянулъ въ салонъ черезъ широкое отворенное окно. Комната, хорошо убранная на свой ладъ, казалась пустою. Газовая люстра безобразнѣйшаго вида могла довести до обморока человѣка со вкусомъ. За то стѣны были украшены картинами лучшихъ художниковъ. Ясно видно было, что

у Томаса П. Корбенса большое состояніе и что онъ разумно имъ пользуется.

Скоро подъ тѣнью большого навѣса Резоль увидалъ отворенную дверь и, уже безъ всякихъ церемоній, вошелъ въ нее.

Въ глубинѣ большой полутемной комнаты, съ притворенными отъ солнца и отъ мухъ ставнями, двигалась фигура женщины. Кухарка оглянулась и могла лишь различить на порогѣ тонкій и стройный силуэтъ молодого человѣка.

— Это вы, кузенъ Вилли? — спросила она на своемъ родномъ языкѣ.

— Къ сожалѣнію долженъ заявить, что я не Вилли, — отвѣтилъ Максъ весьма старательно, но довольно плохо, по-англійски. — Я неизвѣстный здѣсь человѣкъ, желающій видѣть господина Корбенса, и клянусь Юпитеромъ, въ этомъ домѣ не легко найти, съ кѣмъ переговорить.

Дороти разбивала яйца и тщательно отдѣляла желтки отъ бѣлковъ. Не смущаясь упрекомъ, она отвѣтила:

— Всѣ уѣхали изъ дому на цѣлый день. Что же касается мистера Корбенса, то онъ у себя на фабрикѣ, разумѣется. Туда вамъ и слѣдовало отправиться или, вѣрнѣе, тамъ слѣдовало остановиться, такъ какъ вы ѣхали мимо.

— Почему же я могъ это знать? Къ тому же я къ мистеру Корбенсу совсѣмъ не по дѣлу.

— Имѣете рекомендацію?

— Конечно, вотъ она.

Миссъ Корбенсъ взяла незапечатанный конвертъ, вынула изъ него карточку и прочла ее къ великому изумленію Резоля, хотя и слыхавшаго многое про Америку, но никакъ невоображавшаго, что развязность кухарки можетъ тамъ доходить до этого. На карточкѣ написано было немного, всего три строчки: маркизъ де-Сенъ-Сибаръ напоминалъ о себѣ м-ру Томасу П. Корбенсу и выражалъ желаніе представить ему виконта Макса де-Резоль, своего лучшаго друга, путешествующаго по Америкѣ.

Надо сказать, что Пьеръ де-Сенъ-Сибаръ переплылъ океанъ два или три года назадъ, не скрывая отъ пріятелей, что рискуетъ претерпѣть морскую болѣзнь въ надеждѣ жениться на «золотомъ мѣшкѣ». Такой «мѣшокъ» нашелся въ Нью-портѣ, въ рукахъ одной некрасивой, но очень богатой наслѣдницы, плѣнить которую стоило не большихъ усилій такому ловкому молодцу, какимъ былъ Пьеръ. Только что вышедшая замужъ и увезенная въ Парижъ Лидія Эверсонъ была далеко не счастлива, что уже сказывалось ясно

въ ея письмахъ. Дороти, не будучи короткою пріятельницей молодой маркизы, знала, однако, черезъ общихъ друзей, о гадкихъ продѣлкахъ Сенъ-Сибара, отрекомендованнаго когда-то за образцоваго будущаго супруга.

Вотъ почему, положивши на столѣ карточку этого дрянного человѣка, Дороти продолжала разбивать яйца, втихомолку посмѣиваясь надъ забавною стороной положенія. Легкая улыбка, приподнимавшая углы губъ молодой дѣвушки, дѣлала ее еще очаровательнѣе въ то время, какъ про себя она раздумывала такъ:

«Этотъ молодой виконтъ странствуетъ, повидимому, тоже въ поискахъ за туго набитымъ мѣшкомъ. Отвратительный Сенъ-Сибаръ далъ ему, навѣрное, цѣлый списокъ невѣстъ. И не обидно ли думать, что такой интриганъ найдетъ себѣ у насъ виконтессу очень скоро, такъ какъ онъ все-таки прехорошенькій, надо признаться? Но Дороти Корбенсъ ему не подцѣпить. Не такъ она глупа, чтобъ одною несчастной стало больше на свѣтѣ изъ-за удовольствія имѣть на бѣльѣ вышитую коронку».

Молодой дѣвушкѣ легко было не выйти замужъ за Макса де-Резоль, но не такъ-то просто было отдѣлаться отъ необходимости накормить его обѣдомъ. Если онъ только отправится къ Томасу П. Корбенсъ на заводъ, то можно съ увѣренностью сказать, что они вмѣстѣ явятся къ обѣду. Пріятная это штука—принимать иностранца, француза, виконта, когда въ домѣ нѣтъ кухарки! Какъ бы поискуснѣе выпроводить незванаго гостя?

Пока Дороти разсуждала сама съ собой, глаза странствующаго молодого человѣка присмотрѣлись къ сумраку комнаты. Виконтъ соображалъ, что американскія кухарки замѣчательны своею красотой еще болѣе, чѣмъ развязностью. Хотя воспитаніе и вкусы всегда предохраняли его отъ нѣкоторыхъ увлеченій, онъ все-таки не торопился уходить и былъ не прочь вызвать на болтовню такую восхитительную дѣвчонку. Но о чемъ заговорить съ нею?

Она сама возобновила разговоръ. Не отрываясь отъ стряпни, она придумала средство помѣшать Максу заживаться въ Гартфордѣ и заранѣе тѣшилась театральнымъ эффектомъ, который неминуемо заставитъ обратиться въ бѣгство искателя богатой невѣсты прежде, чѣмъ ему придетъ охота дальше навязываться на знакомство. Она спросила, на этотъ разъ уже на французскомъ языкѣ, на которомъ говорила совсѣмъ прилично.

— Правда, что вамъ не по дѣлу нужно видѣть мистера Корбенса?

Максъ въ удивленіи поднялъ руки къ небу.

— Что же это такое! По-французски заговорила! Мадемуазель, если бы вы были у меня на родинѣ, я бы подумалъ, что вы переодѣтая принцесса. Но съ тѣхъ поръ, какъ я путешествую по Америкѣ, я далъ себѣ слово ничему никогда не удивляться. Довелось бы мнѣ услыхать, что въ Соединенныхъ Штатахъ отъ хорошей кухарки требуется въ числѣ аттестатовъ дипломъ капитана дальняго плаванія, я сказалъ бы, что это вполнѣ естественно, за этотъ мѣсяцъ я такъ много видѣлъ ошеломляющихъ вещей! И, несмотря ни на что, я позволю себѣ употребить выраженіе вашего языка,— кухарка Томаса П. Корбенса побиваетъ рекордъ... Мы, говорили, однако, если у меня остается еще искра сознанія, что я желалъ бы просто сдѣлать визитъ вѣжливости этому достойнѣйшему гражданину.

— Гм! Онъ не очень любитъ, чтобы на фабрикѣ его безпокоили «изъ вѣжливости».

— И поступаетъ правильно,—сказалъ молодой человѣкъ.— Только, повидимому, онъ проводитъ весь день на своей фабрикѣ, и выводъ получается такой, что онъ невидимъ для такихъ *туристовъ*, какъ я.

— Въ Америкѣ мало туристовъ,—замѣтила лже-кухарка тономъ недовѣрія.—Въ особенности же французы не ѣздятъ сюда ради одной прогулки.

— Даю честное слово въ томъ, что я не инженеръ, не художникъ, не пѣвецъ, не романистъ,—возразилъ Резоль, садясь на тростниковый стулъ.

— Въ такомъ случаѣ я догадываюсь, зачѣмъ вы пріѣхали въ Америку,—продолжала Дороти, взбивая яйца машинкой,—вы ищите богатую невѣсту. О, въ этомъ вы можете признаться такой бѣдной служанкѣ, какъ я.

— Молодые и холостые люди всегда ищутъ богатыхъ невѣстъ,—сознался Максъ въ формѣ аксіомы.

— Во время жаркаго сезона всѣ богатыя невѣсты въ Ньюпортѣ. Вамъ туда надо ѣхать.

— А я оттуда-то, именно, и пріѣхалъ, пробылъ тамъ пятнадцать дней... и пятнадцать ночей, если это можно называть ночами. Я падаю отъ усталости. Останься я еще на недѣлю, умеръ бы! Сегодня утромъ покинулъ я это прелестное, но адское мѣстечко. Вы, конечно, знаете Ньюпортъ?

— Была тамъ съ Корбенсами въ прошломъ году,—отвѣтила Дороти, забавлявшаяся бесѣдой никакъ не меньше, чѣмъ Максъ.— И что же, никакого толку изъ вашего пребыванія не вышло?

— Ни малѣйшаго. Видитъ Богъ, однако, какъ я тамъ усердно завтракалъ, обѣдалъ, танцовалъ, катался въ лодкахъ, терпѣливо сносилъ концерты, покорно подвергался экскурсіямъ... Но ни одна изъ тамошнихъ дѣвицъ не обратила на меня никакого вниманія.

«Каковъ французъ! — подумала миссъ Корбенсъ. — Этого не упрекнешь въ фатовствѣ».

Какъ бы въ утѣшеніе ему, она продолжала громко:

— Приданыя въ Ньюпортѣ слишкомъ велики для виконта. Вотъ еслибъ вы были хоть маркизомъ!... Мосьё де-Сенъ-Сибаръ живо обдѣлалъ свое дѣло. Я почти своими глазами видѣла, какъ у нихъ... происходилъ торгъ. Знаете, слуги многое угадываютъ. Бѣдняжка Лидія Эверсонъ! Теперь она понимаетъ, что короны маркиза далеко не достаточно для того, чтобы быть счастливой.

— Сенъ-Сибаръ ведетъ себя, какъ негодяй,—сказалъ Максъ.— Къ тому же онъ никогда не любилъ свою жену. Что меня касается, такъ я отнюдь не намѣренъ вступать въ бракъ такимъ образомъ.

— Такъ вы хотите жениться на бѣдной американкѣ? О, такую скоро найдете, ихъ у насъ довольно.

— Я самъ бѣденъ,—сказалъ Максъ очень просто,—и неспособенъ жить своимъ трудомъ. Стало быть, мнѣ нужна жена богатая. Но я хочу, во-первыхъ, самъ полюбить ее, во-вторыхъ, чтобы она меня полюбила. Я мечтаю о томъ, чтобы оба мы жили хорошо и счастливо. И, по правдѣ сказать, я думаю, что со мной это не особенно мудрено.

— Мосьё, рѣчи ваши хорошія,—сказала Дороти, черные глаза которой сверкнули лукавствомъ.—А у меня слухъ недурной, и теперь я знаю, что мнѣ нужно дѣлать.

— Какъ!—воскликнулъ Резоль.—Вы думаете...

— Ничего я не думаю, но я, вѣдь, не дурочка. Вы желаете, чтобъ я помогла вамъ. Будьте покойны: миссъ Корбенсъ узнаетъ все, высказанное вами, буква въ букву. А пока повидайтесь съ отцомъ, не бойтесь его обезпокоить. Не каждый день являются къ нему свататься за дочь. А тутъ еще виконтъ! Боже милостивый! Ужъ, конечно, не со стороны папаши можно ждать затрудненій.

Все это время Максъ точно сонъ видѣлъ на-яву; при послѣднемъ заявленіи молодой дѣвушки онъ зачуялъ какую-то опасность и очнулся.

— Что вы хотите сказать? Развѣ миссъ Корбенсъ...

— О, она образецъ добродѣтели и кротости. Вотъ только если бы внѣшность соотвѣтствовала душевнымъ качествамъ...

— Что-жъ она, чудовище?—проговорилъ Максъ, приближаясь къ дѣвушкѣ.

— Ахъ, Боже мой, надо знать, что вы разумѣете подъ словомъ чудовище. Вамъ скажутъ, пожалуй, что она горбатая. По-моему, это преувеличеніе. На самомъ же дѣлѣ у нея только голова ушла немного въ плечи и талія... плоха. Къ довершенію бѣдъ, цвѣтъ лица такой же, какъ фигура! Не упускайте, однако, изъ вида, что молодые люди здѣсь требовательны, не женятся на дѣвушкахъ изъ-за ихъ денегъ. Вотъ почему, повторяю вамъ, вы имѣете всѣ шансы быть хорошо принятымъ... отцомъ, по крайней мѣрѣ.

По ходу задуманной комедіи, Максу надлежало отвѣтить: «Жаль, что она такъ некрасива... Но, принимая въ разсчетъ, что она образецъ добродѣтели... сообразивши другія обстоятельства, не менѣе важныя, чѣмъ красота, надо придти къ заключенію, что при женитьбѣ всегда приходится кое-чѣмъ и поступиться»... Каковъ оказался бы сценическій эффектъ! Каково было бы посрамленіе для искателя богатыхъ невѣстъ! «Мосьё, передъ вами Дороти Корбенсъ!» Бѣдняга виконтъ! Если онъ послѣ этого явится къ обѣду, то придется сказать, что аппетитъ у него диковинный.

Ничего не отвѣчая, Максъ вынулъ изъ кармана полуимперіалъ. Подкупать вздумалъ,—это было верхомъ цинизма. Дороти уже поднимала руку, чтобы показать ему дверь.

— Милая дѣвушка,—сказалъ онъ,—хотите сдѣлать мнѣ большое одолженіе? Не говорите никому, что я сюда являлся.

— Почему?... Что вы хотите дѣлать?—проговорила красавица Дороти, растерявшись отъ столь неожиданной просьбы.

— Я хочу сегодня же быть въ Нью-Йоркѣ. Отсюда всего три часа ѣзды, кажется?

Богатая невѣста ушамъ своимъ не вѣрила. Желая довести испытаніе до конца, она сказала:

— Но подумайте только, отецъ миссъ Корбенсъ даетъ за нею милліонъ, милліонъ наличными деньгами. Нѣтъ ничего мудренаго, что дастъ два милліона, если окажется нужнымъ.

— Вы огорчаете меня,—сказалъ Резоль, положивши свой золотой на столъ.—Я предполагалъ въ васъ болѣе возвышенныя чувства. Но это уже ваше дѣло. Только помолчите обо мнѣ, пожалуйста: мнѣ не хотѣлось бы оказаться невѣжливымъ человѣкомъ въ глазахъ миссъ Корбенсъ.

— Но, мосьё, вы не знаете, быть можетъ, что она единственная дочь. Никому неизвѣстно, какое со временемъ достанется ей состояніе. Въ прошломъ году ея отецъ отъ одного только пред-

пріятія положилъ въ банкъ чистой прибыли восемьдесятъ тысячъ долларовъ.

— Радуюсь за отца и за дочь, но совсѣмъ не въ моихъ вкусахъ дожить до старости лицомъ къ лицу съ чудовищемъ.

— Проживете, какъ, говорятъ, живутъ другіе мужья во Франціи. На жену будете смотрѣть какъ можно поменьше, а ея деньги дадутъ вамъ возможность... имѣть нѣкоторыя развлеченія.

— Мнѣ прискорбно слышать такія сужденія о моихъ соотечественникахъ.

— Ихъ находятъ очаровательными... въ разговорѣ на часъ времени. Но ихъ считаютъ легкомысленными людьми, смотрящими на нѣкоторыя измѣны какъ на мелкія шалости; говорятъ, они не могутъ видѣть хорошенькую женщину безъ того, чтобы не начать за нею ухаживать или не позволить себѣ какой-нибудь вольности.

— Зачѣмъ вы это говорите? Полчаса мы разговариваемъ съ вами съ глазу-на-глазъ, и я даже не сказалъ вамъ, что вы хорошенькая. А теперь, въ наказаніе вамъ, говорю это.

Про себя онъ думалъ, что она болѣе, чѣмъ хорошенькая, и не уходилъ, пользуясь послѣднею минутой, чтобы полюбоваться очаровательною дѣвушкой. А ея сердце было смущено раскаяніемъ въ неосновательномъ сужденіи. По крайней мѣрѣ, никакой иной причиной нельзя было объяснить, почему дрожала ея рука, перекладывавшая въ форму заготовленное тѣсто. Послѣ короткаго размышленія, которое Максъ не хотѣлъ прерывать, Дороти проговорила уже менѣе гордымъ тономъ:

— Я сожалѣю, мосьё, о томъ, что сдѣлала непріятное вамъ, подумавши, что вы не таковъ, какой вы на самомъ дѣлѣ. Но мнѣ кажется, что теперь мы поквитались. Вы сочли меня способною скрыть отъ моихъ хозяевъ, что незнакомый имъ господинъ былъ у нихъ въ домѣ во время ихъ отсутствія. Нѣтъ, мосьё, я вѣрная служанка. Мистеръ Корбенсъ узнаетъ, что вы приходили. Но даю вамъ слово въ томъ, что я не скажу ему, зачѣмъ вы являлись. Что же касается его дочери...

— О! — прервалъ ее Максъ. — Съ этой стороны я ничего не опасаюсь. Я могу тоже передать вашей хозяйкѣ, съ какимъ талантомъ вы расписывали мнѣ ея фигуру. Но, какъ бы ни было, я вынужденъ буду явиться вторично, если вы скажете обо мнѣ.

Резоль старался, хотя и не совсѣмъ удачно, принять видъ человѣка, которому очень непріятна перспектива вторичнаго визита. Съ смиреніемъ столь же искреннимъ, какъ все остальное, подложная кухарка утѣшала его:

— Завтра васъ примутъ въ гостиной и, конечно, лучше, чѣмъ то могла сдѣлать кухарка.

— Изъ этого не слѣдуетъ, что мнѣ будетъ такъ же пріятно, какъ теперь. Ахъ, еслибъ я былъ Поль Бурже, какую главу я написалъ бы о *кухаркѣ въ Соединенныхъ Штатахъ*.

— Подождите немного. Не то, подобно автору *За моремъ*, на дѣлаете не мало промаховъ, по милости слишкомъ скорыхъ сужденій.

— Этого еще не доставало! — воскликнулъ молодой человѣкъ. — Вы читали Бурже! Да что же это за страна, Боже мой!... И каково же подумать, что я васъ, вѣроятно, никогда не увижу.

— Почему? Вы увидите меня завтра, если это васъ интересуетъ. А, вѣдь, я интересна, не правда ли?

— Очень интересны, — отвѣтилъ Резоль, помедливши немного и какъ бы находя, что иныя опредѣленія передали бы вѣрнѣе его мысли.

Онъ еще разъ взглянулъ на Дороти и удалился съ глубокимъ вздохомъ, оставивши на столѣ свой золотой.

Вернувшись въ свою комнату въ отелѣ, Резоль попытался разобраться въ своихъ мысляхъ, но, чувствуя, что это не удастся, вышелъ изъ дому, осмотрѣлъ Капитолій, Атеней и, какъ могъ, убилъ время до обѣда. Вечеромъ, при послѣднемъ свѣтѣ яркаго сентябрьскаго дня, молодой человѣкъ поѣхалъ прокатиться по пыльной дорогѣ, обсаженной великолѣпными деревьями. Наединѣ съ самимъ собою, имѣя полный досугъ для размышленій, что̀ рѣдко случается въ путешествіяхъ, онъ открылъ, что весьма мало занимаютъ его «красавицы» Ньюпорта и немного болѣе — «чудовище», которое предстояло ему увидать завтра.

И каково униженіе! Женщина, занимавшая его умъ, не дававшая покоя его любопытству, удивлявшая и привлекавшая его, почти очаровавшая, была не болѣе, какъ кухарка! Правда, ея фигура, ея глаза, ея улыбка, бѣлыя руки, не говоря уже о ея умѣ, могли служить оправданіемъ всякихъ безумствъ. Но, все-таки, она кухарка, щеголяетъ въ фартукѣ и взбиваетъ яйца, какъ всѣ кухарки подъ луной. И онъ, человѣкъ корректный, дворянинъ хорошаго рода, теряетъ три дня потому только, что случайно увидалъ эту Цирцею кострюль и шумовокъ. Нечего кривить душой передъ самимъ собою: если онъ отложилъ свой отъѣздъ, то никакъ не ради далеко необязательнаго обѣда у Корбенса, а единственно изъ-за надежды увидать еще разъ прелестный образъ, не выходившій изъ его памяти.

Увидать—и только, такъ какъ Максъ испытывалъ неодолимое отвращеніе при одной мысли о возможности какихъ-либо дальнѣйшихъ приключеній. Къ тому же, въ глазахъ этой дѣвушки свѣтилось выраженіе настолько гордой честности, что самый предпріимчивый человѣкъ не посмѣлъ бы сказать ей ни одного двусмысленнаго слова. Наконецъ, бѣдный Максъ, съ чувствомъ близкимъ къ ревности, вспоминалъ фразу, полную очень серьезнаго значенія:

— Это вы, кузенъ Вилли?

Счастливецъ Вилли! Его положеніе въ обществѣ не закрываетъ для него двери кухни и сердца кухарки!

Виконтъ легъ въ постель очень грустный и не могъ уснуть. Вдругъ, среди безсонницы, подозрѣніе и надежда блеснули въ его чрезмѣрно возбужденной головѣ. Но,—увы!—приходилось ждать долгіе часы до той минуты, когда выяснится, не химеры ли онъ выдумываетъ. А для того, чтобы выяснилось это, необходимо было опять увидаться одинъ-на-одинъ, какъ наканунѣ, не быть забраннымъ «чудовищемъ», которое уже не выпуститъ изъ рукъ добычи... Молодой человѣкъ уснулъ, наконецъ, и видѣлъ во снѣ, что онъ—краснокожій индѣецъ и, по обычаю этихъ дикарей, ползетъ съ томогавкомъ въ рукѣ къ кухнѣ Томаса П. Корбенса.

III.

На слѣдующій день, для достиженія цѣли, ему не пришлось прибѣгать ни къ чему, сколько-нибудь напоминающему такое гимнастическое упражненіе, такъ какъ, по той или иной причинѣ, Дороти сама желала свиданія наединѣ. Всѣхъ своихъ гостей она спровадила на какое-то состязаніе, крайне занимавшее всю округу. Молодая дѣвушка была, повидимому, довольна появленіемъ Макса и нисколько не удивлена тѣмъ, что онъ пришелъ.

— А! вы пришли за отвѣтомъ на вашу карточку?—сказала она.—Вотъ отвѣтъ, написанный рукою миссъ Корбенсъ. Сама она опять принуждена была уѣхать и сегодня. Вамъ, по-истинѣ, не везетъ!

— Менѣе, быть-можетъ, чѣмъ думаетъ миссъ Корбенсъ,—возразилъ виконтъ, опуская записку въ карманъ.

— Какъ! вы не посмотрѣли даже, что вамъ пишетъ...

— «Чудовище»? Это успѣется. Есть нѣчто, интересующе меня неизмѣримо больше. Выслушайте меня. Вы читали Бурже г знаете, слѣдовательно, что онъ говоритъ о нѣкоторыхъ учащихс

дѣвушкахъ, которыя во время каникулъ идутъ на мѣста въ услуженіе, чтобы заработать средства для продолженія курса. Правда это?

— Правда. Я даже знала одну горничную, которая читала Виргилія и Ксенофонта. Читала она ихъ такъ усердно, что ей отказали отъ мѣста.

— Мадемуазель,—продолжалъ молодой человѣкъ, волнуясь,— я убѣжденъ, что вы одна изъ такихъ... такихъ интересныхъ дѣвушекъ.

И онъ съ весьма замѣтною тревогой ждалъ отвѣта, который былъ для него равносиленъ приговору судьбы. Максъ былъ свободенъ, не было у него ни отца, ни матери, которые могли бы помѣшать тому, что свѣтское общество называетъ безуміемъ. Вправѣ ли кто осудить его за женитьбу на прелестной дѣвушкѣ, достаточно смѣлой для того, чтобы временно пойти въ услуженіе изъ любви къ наукѣ?

Дороти окинула его взглядомъ менѣе яснымъ, чѣмъ обыкновенно, и, помедливши немного, какъ бы подыскивая что сказать, заговорила:

— Вы дѣлаете мнѣ честь, на которую я не имѣю права. Что я теперь, тѣмъ и останусь на всю жизнь. И развѣ хорошая кухарка совсѣмъ уже ничего не стоитъ? — добавила она, смѣясь.

Такое утѣшеніе мало тронуло Резоля, проговорившаго вслухъ, самъ того не сознавая:

— Жаль это!

— Почему жаль? — спросила дѣвушка.

Съ выраженіемъ горя, дѣлая усиліе передъ неизбѣжною разлукой, онъ не захотѣлъ выдать своей тайны и отвѣтилъ:

— Я надѣялся, что Богъ создалъ васъ для... для иной участи. По крайней мѣрѣ, счастливы ли здѣсь?

— Очень счастлива, совершенно счастлива,— сказала Дороти, и ея щеки вспыхнули горячимъ румянцемъ.

— Стало-быть и хорошо... Что это вы тутъ стряпаете?—продолжалъ молодой человѣкъ, чтобы перевести разговоръ на болѣе нормальную почву.

— Хересное желе, — объяснила она, стараясь тоже придать спокойствіе своему голосу.—А, кстати, ваши любимыя блюда? Запиской, которую вы не хотите прочесть, васъ приглашаютъ на завтра къ обѣду.

— Провались онъ, этотъ обѣдъ! Я возвращаюсь къ себѣ въ отель и пишу «чудовищу», что съ сокрушеннымъ сердцемъ вынужденъ сегодня уѣхать въ Нью-Йоркъ, куда меня призываетъ

неотложное дѣло. Надо было слѣдовать моему первому движенію и уѣхать вчера. Жизнь слишкомъ коротка для того, чтобы терять время въ ожиданіи, когда Корбенсы соблаговолятъ позвать обѣдать.

— Мосьё, они думали, что такъ будетъ лучше. Сегодня вы попали бы въ цѣлую компанію сестрицъ и двоюродныхъ братцевъ, не особенно занимательныхъ. Завтра вы будете одни.

— Съ «чудовищемъ»? Благодарю покорно! Тѣмъ неизмѣннѣе мое рѣшеніе... Я бы желалъ уже сидѣть въ Пульмановскомъ вагонѣ и, въ особенности, желалъ бы совсѣмъ не знать о существованіи Гартфорда!

Готовый удалиться, такъ какъ на самомъ дѣлѣ надлежало прекратить положеніе, противное здравому смыслу, Максъ увидалъ нѣчто такое, чего онъ не могъ вынести. Согнувши свой красивый станъ и дѣлая конвульсивныя усилія, Дороти тщетно старалась откупорить бутылку хереса, необходимаго для приготовленія ея желе. Съ нескрываемою досадой молодой человѣкъ освободилъ хорошенькія ручки отъ непосильнаго имъ труда и, вынувши пробку, сказалъ:

— Богъ создалъ васъ не для того, что вы дѣлаете, дитя мое. Съ вашимъ умомъ вы могли бы найти для себя лучшее дѣло. Позвольте вамъ сказать, что вы поступаете нелѣпо.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ она смотрѣла на Резоля, потомъ отвѣтила:

— Если бы васъ видѣли теперь люди вашего общества, то они сказали бы, что и вы поступаете нелѣпо. А достовѣрно лишь то, что вы добрый.

— Я? — возразилъ онъ, пожимая плечами. — Не добрый я, а просто мужчина и только. Если бы вы были горбатая, какъ дочь Корбенса, неужели вы воображаете, что я сталъ бы помогать вамъ стряпать кушанье? И все-таки вы правы, говоря, что надо мной стали бы насмѣхаться люди моего общества. Это доказываетъ всю извращенность понятій нашего общества. Въ былыя времена блестящей красоты достаточно было для того, чтобы женщина могла достигнуть трона. На что нужна красота въ наши дни? Вернись я на родину подъ руку съ богатою женой, безобразной до отвращенія, и мои сосѣди примутся наперерывъ поздравлять меня. А если я женюсь на богинѣ красоты въ одеждѣ служанки, весь свѣтъ отвернется отъ меня, забудетъ о моемъ существованіи, и для моихъ дѣтей закрыта будетъ возможность вступить въ бракъ. Вотъ наше общество... Оно глупо, подло, несправедливо, мерзко!

— И все-таки надо съ нимъ мириться, каково оно ни есть, посовѣтовала Дороти.

Резоль, доведенный до отчаянія такою философіей, воскликнулъ:

— Мнѣ очень странною кажется въ васъ такая покорность судьбѣ. Дѣвушкѣ съ вашимъ умомъ, съ вашею... наружностью, съ тѣмъ началомъ образованія, какое вы выказываете, стыдно прозябать въ недостойномъ васъ положеніи. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ предразсудковъ, нѣтъ кастъ, такъ легко выбиться изъ колеи.

— Эхъ, мосьё! Вы не знаете, чѣмъ я пользуюсь на моемъ мѣстѣ въ этомъ домѣ.

— Довольно жалкій доводъ въ вашихъ устахъ! Развѣ вы не видите, что служанка, какъ бы тамъ ни было... все же служанка и только.

— Добавьте, господинъ виконтъ, что служанка эта всегда будетъ помнить, какъ мы вмѣстѣ стряпали кушанье... Почему вы дѣлаете такое сердитое лицо? Я что-нибудь не такъ сказала?

— Вы очень хорошо сказали, дитя мое, много лучше, чѣмъ я, такъ какъ мнѣ не удалось васъ убѣдить... Прощайте! Я тоже не забуду Гартфорда.

Дороти оперлась обѣими руками на спинку стула и, подавшись немного впередъ, смотрѣла на Макса глазами, окончательно туманившими голову молодого человѣка.

— Я прошу васъ, — говорила она, — не уѣзжайте, не пообѣдавши у... у моихъ хозяевъ.

— Чтобъ узнать, насколько хорошо вы готовите кушанье? Я найду весь обѣдъ отвратительнымъ... Кухаркой—вы!... Я привыкнуть не могу къ этой мысли... Прощайте!

— Исполните мою просьбу, мосьё. Останьтесь на-завтра, и, даю слово американки, я попытаюсь «выбиться изъ колеи».

— Но если я останусь, какой вамъ отъ того толкъ? Заберетъ меня «чудовище», и я даже не увижу васъ.

— Только пріѣзжайте, и, завѣряю васъ, вы меня увидите.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались голоса.

— Уходите скорѣе! — воскликнула Дороти. — Вся семья вернулась.

Максъ торопливо шелъ по саду, скрываясь за кустами, чтобы не быть замѣченнымъ «чудовищемъ», — настолько справедливо мнѣніе, что у рѣдкихъ героевъ хватаетъ смѣлости открыто возстать противъ предразсудковъ общества.

IV.

Часъ спустя, миссъ Корбенсъ получила вѣжливое, хотя немного холодное, письмо, которымъ виконтъ де-Резоль сообщалъ, что принимаетъ любезно сдѣланное ему приглашеніе.

А самъ Максъ тѣмъ временемъ катилъ въ Бостонъ ради перемѣны мѣста, такъ какъ на самомъ дѣлѣ въ Гартфордѣ онъ чувствовалъ себя очень плохо. Изъ своего приключенія онъ дѣлалъ выводъ, совершенно вѣрный теоретически, но ни къ чему не служащій на практикѣ: «Лучше было бы влюбиться въ королеву. *Эта* ограждена своимъ фартукомъ лучше, чѣмъ та была бы короной».

Въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ, что̀ длилась его экскурсія, Максъ не переставалъ злиться на свою судьбу, на себя самого, на Сенъ-Сибара, по милости котораго онъ попалъ въ дурацкое положеніе, на Дороти—за то, что она не миссъ Корбенсъ, и на миссъ Корбенсъ за то, что она—не Дороти, изъ чего явствуетъ, что люди часто злятся совсѣмъ зря. А затѣмъ казалось, будто всѣ и все вступило въ заговоръ съ тѣмъ, чтобы довести его до отчаянія. Жара была удручающая, улицы отвратительныя, хуже, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ, загроможденныя электрическими трамваями, невыносимо грязныя отъ поливки. Отель, въ которомъ онъ остановился наугадъ, оказался однимъ изъ худшихъ въ городѣ, и, наконецъ, казалось, будто бостонцы, ради глупой потѣхи, нарочно не хотятъ понимать его англійскаго языка. Резоль двадцать разъ повторялъ себѣ:

«Еслибы въ этомъ проклятомъ домѣ былъ лакей или дворникъ, мнѣ не было бы надобности идти въ кухню, какъ нищему. Я бы оставилъ письмо, меня пригласили бы обѣдать въ тотъ же день, увидалъ бы я «чудовище» и на слѣдующій же день завтракалъ бы у Дельмонико. Теперь, что̀ бы ни случилось, все мое путешествіе испорчено. Если даже я женюсь на такой, какъ Эверсонъ, навсегда останется въ моей душѣ сожалѣніе, а передъ глазами — чудный призракъ».

На другой день послѣ полудня онъ выходилъ изъ вагона на дебаркадеръ Гартфорда, разбитый утомленіемъ, такъ какъ не сомкнулъ глазъ во всю ночь. Семья человѣкъ въ восемь или десять, кинувшаяся на приступъ вагона, изъ котораго онъ выбирался, чуть не задавила его.

Въ то время, какъ Максъ ругался на чистѣйшемъ языкѣ парижскихъ бульваровъ, какой-то господинъ, незнакомецъ, принадлежавшій къ толпѣ осаждающихъ, воспользовался случаемъ вырваться изъ давки, посмотрѣлъ на него секунду съ добродушнымъ вниманіемъ и сказалъ по-французски:

— Господинъ виконтъ де-Резоль, если не ошибаюсь?

— Можетъ быть, — отвѣтилъ Максъ, продолжая бушевать. — Встрѣчались мы съ вами гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ, но я зналъ, что вы въ нашемъ городѣ, и полагаю, что никто въ Гартфордѣ, кромѣ васъ, не сумѣетъ такъ замѣчательно чисто выругаться по-парижски. Я—Томасъ П. Корбенсъ. Часъ назадъ дочь сообщила мнѣ о томъ, что она пригласила васъ къ намъ обѣдать сегодня вечеромъ.

Пожимая руку гостепріимнаго хозяина, очень красиваго господина въ полномъ расцвѣтѣ силъ, Резоль искалъ глазами въ группѣ женщинъ существо, достаточно безобразное, которое соотвѣтствовало бы даннымъ ему примѣтамъ. Но, при всемъ своемъ желаніи, онъ не находилъ никого, сколько-нибудь похожаго на чудовище. Навѣрное, богатая невѣста приберегала цвѣтъ лица къ вечеру. Поѣздъ ушелъ, и Максъ остался на платформѣ вдвоемъ съ Томасомъ П. Корбенсомъ.

— Не пожелаете ли теперь же пройти къ намъ въ домъ?— предложилъ американецъ.—Вы побесѣдуете съ моею дочерью, знакомою съ вашимъ отечествомъ. Она не могла проводить тетокъ, занята хозяйскими хлопотами, водвореніемъ новой кухарки.

— Что вы мнѣ говорите!—воскликнулъ Максъ съ интересомъ, по меньшей мѣрѣ, страннымъ.—Стало быть, прежняя ушла?

— О, о ней я не жалѣю. Важная *мамзель!*... Кривляка, жаловавшаяся, что ей слишкомъ жарко. Чтобы знать, до чего доходятъ претензіи американской служанки, надо близко видѣть ее на мѣстѣ. Скорблю о томъ, что не могу, по примѣру нѣкоторыхъ нью-йоркцевъ, жить въ отелѣ, чтобы не видать этого дрянного отродья!

Максъ готовъ былъ избить себя за свою глупость. Онъ нарвался на обѣдъ безъ малѣйшей надежды увидать кухарку, прогнанную, быть можетъ, изъ-за него. То былъ послѣдній, добивавшій его, ударъ. Короткою фразой онъ простился съ американцемъ, ссылаясь, — вполнѣ правдиво, впрочемъ, — на большое утомленіе и на необходимость провести нѣсколько часовъ въ своемъ отелѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ милый малый узналъ радости и печали, причиняемыя женщинами, онъ рѣдко впадалъ въ большее сокрушеніе. До этого времени въ своихъ увлеченіяхъ, вѣрнѣе въ увлеченьицахъ, — такъ какъ серьезной любви онъ еще не испыталъ, — онъ всегда оказывался человѣкомъ утонченнымъ, поэтическимъ, сантиментальнымъ до того, что пріятели въ шутку называли его отставшимъ отъ нынѣшняго вѣка. И вотъ онъ вдругъ не можетъ выкинуть изъ головы образъ какой-то красивой дѣвицы, случайно встрѣченной въ кухнѣ! Онъ чувствовалъ себя униженнымъ въ своихъ собственныхъ глазахъ такъ же точно, какъ еслибы,

войдя въ лавку мѣнялы, онъ замѣтилъ бы, что его руки неудержимо тянутся къ лежащему на столѣ золоту.

Но очаровательница исчезла, и самъ собою наступалъ конецъ его безумству. Максъ спросилъ, въ какомъ часу отходятъ поѣзда, и рѣшилъ, что уѣдетъ съ курьерскимъ, проходившимъ немного ранѣе полуночи. По-американскому обыкновенію, онъ купилъ билетъ въ отелѣ, запасся мѣстомъ для спанья, сдалъ свой багажъ и, взявши маленькій чемоданчикъ съ платьемъ, чтобы переодѣться въ вагонѣ, направился въ вечернемъ костюмѣ къ дому Корбенса. Въ прихожую гостя впустила горничная съ льняными волосами. Дверь въ гостиную была отворена настежъ, и онъ твердо и рѣшительно вступилъ въ жилище чудовища.

Въ первую минуту комната показалась Максу пустой, и онъ подумалъ, что явился слишкомъ рано. Но, осмотрѣвшись пристальнѣе, онъ увидалъ фигуру женщины, сидящей въ тѣни маленькихъ ширмъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, рѣшившись представиться самъ въ увѣренности, что передъ нимъ миссъ Корбенсъ. На четвертомъ шагу онъ сразу остановился однако: незнакомка, очевидно, была замѣчательно хороша собой, хотя черты лица ея и трудно было различить.

Въ тотъ же мигъ послышались мужскіе голоса изъ курильной комнаты, гдѣ носились облака дыма, видимые сквозь неплотно притворенную стеклянную дверь. По всей вѣроятности, незнакомка была жена одного изъ курильщиковъ. Роскошь ея туалета и бриліанты, сверкавшіе въ серьгахъ, не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что она замужняя, у человѣка, знающаго французскіе обычаи. А потому Резоль ограничился молчаливымъ поклономъ, обязательнымъ для человѣка, непредставленнаго по всѣмъ правиламъ, и подумавъ про себя:

«Миссъ Корбенсъ могла бы быть одѣтой во-время, чтобы встрѣтить гостей».

И онъ послалъ еще одно лишнее проклятіе чудовищу. Резоль уже направлялся къ курильной искать поддержки у Томаса П. Корбенса. Незнакомка обернулась лицомъ, и молодой человѣкъ остановился пораженный, мысленно задаваясь вопросомъ, нѣтъ ли у одной знакомой ему кухарки сестры, какъ двѣ капли воды похожей на нее, но болѣе богатой. У этой были тѣ же обворожительные глаза, тѣ же губы, готовыя смѣнить серьезное выраженіе тонкою насмѣшливою улыбкой. И вообще, была та же красота, только въ полномъ блескѣ, который придаютъ цвѣты, драгоцѣнности, туалетъ, изготовленный знаменитою портнихой.

«Боже мой! — тихо вздохнулъ бѣдняга Максъ. — Она уже мнѣ повсюду чудится!»

Сознавая, что онъ становится смѣшнымъ своимъ слишкомъ замѣтнымъ недоумѣніемъ, и отгоняя прочь мечты, онъ двинулся къ курильной, гдѣ мистеръ Корбенсъ разговаривалъ съ какимъ-то довольно пожилымъ господиномъ духовнаго сана. По всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ, этотъ почтенный клерджименъ только и могъ быть легальнымъ обладателемъ блестящей красавицы.

Хозяинъ встрѣтилъ Резоля съ истинно американскимъ радушіемъ, познакомилъ съ своимъ собесѣдникомъ, потомъ сказалъ:

— Мнѣ слѣдовало васъ встрѣтить въ гостиной. Но вы видѣли мою дочь, съ которою уже знакомы?

— Миссъ Корбенсъ нѣтъ въ гостиной,—отвѣтилъ Максъ, не упоминая о томъ, что онъ не знаетъ дочери хозяина.

— Неужели! Стало быть опять что-нибудь не ладится въ кухнѣ. А, мосье! Во Франціи нѣтъ никакихъ хлопотъ съ обѣдами, тогда какъ у насъ!... Моей дочери едва не пришлось готовить намъ обѣдъ еще и сегодня.

— Еще и сегодня?...—повторилъ виконтъ, подъ ногами котораго начинала раскрываться пропасть.

— О, Боже мой, да. Въ теченіе цѣлой недѣли она не снимала фартука въ то время, какъ домъ былъ полонъ гостей... Вы поражены, точно съ облаковъ упали. Вотъ такъ-то оно! Америка страна чудная, удивительная, единственная, — издали. Для тѣхъ, кто близко ее видитъ, дѣло оказывается нѣсколько инымъ. А вотъ и моя дочь.

Красавица, съ которою за минуту передъ тѣмъ раскланялся Резоль, стояла въ дверяхъ курильной.

— Пойдемте обѣдать,—весело проговорила молодая дѣвушка.

Дороти подала руку виконту, какъ гостю, только наканунѣ ей представленному, и повела его черезъ гостиную. Онъ не въ состояніи былъ бы сдѣлать ни малѣйшаго движенія.

— Ободритесь!—говорила дѣвушка очень тихо и смѣясь.— Развѣ я не сдержала слова? Я обѣщала вамъ «выбиться изъ колеи», обѣщала, что мы увидимся. Все исполнено, кажется?

— Да,—отвѣтилъ несчастный Максъ.—Вы такъ хорошо сдержали слово, что я готовъ выпрыгнуть изъ этого окна, убѣжать и утопиться въ Коннектикутѣ.

Но должно-быть бѣлая, какъ бы точеная, ручка, лежавшая на его рукѣ, способна была удержать его отъ побѣга лучше, чѣмъ самая прочная стальная цѣпь.

Несомнѣнно одно, что виконтъ былъ подведенъ къ стулу, на который онъ опустился молчаливый и уничтоженный. Столъ могъ бы показаться слишкомъ тяжело убраннымъ разставленнымъ на немъ серебромъ, еслибъ украшавшія его чудныя розы не скрывали и не оправдывали, такъ сказать, чрезмѣрнаго проявленія богатства. Такъ же точно глаза молодой хозяйки дома не давали замѣчать надѣтыхъ ею брилліантовъ и того, что брилліанты эти болѣе крупны, чѣмъ слѣдовало бы. Въ продолженіе половины обѣда путешественникъ не сдѣлалъ ничего для поддержанія репутаціи остроумія, установившейся за его соотечественниками. Можно было подумать, что онъ удрученъ какимъ-нибудь горестнымъ извѣстіемъ. Тщетно мистеръ Корбенсъ наводилъ разговоръ на всѣ возможные сюжеты, наиболѣе интересные для гостя. Дороти взяла на себя трудъ отвѣчать за него и дѣлала это съ самымъ благорасположеннымъ усердіемъ. Максъ едва притрогивался къ кушаньямъ и безпрерывно подносилъ къ губамъ бокалъ шампанскаго, которое заботливо подливалъ ему хозяинъ дома. По временамъ молодой человѣкъ взглядывалъ на свою сосѣдку, казавшуюся ему съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе прелестною и обворожительною.

Клержименъ, сидѣвшій противъ Резоля, разспрашивалъ его про Гартфордъ, и молодому человѣку очень хотѣлось отвѣтить, что видѣлъ онъ тутъ лишь двѣ замѣчательныхъ вещи: одну кухню и одну кухарку. Считая не совсѣмъ удобнымъ сообщать публикѣ такія путевыя впечатлѣнія, бѣдный Максъ отдѣлывался общими мѣстами.

— Дорогой мой виконтъ,—сказалъ хозяинъ дома,—я осмотрѣлъ весь Парижъ въ одну недѣлю, когда пріѣзжалъ туда въ первый разъ. Въ два дня вы ничего не видали въ Гартфордѣ. Стало-быть не безъ основанія увѣряютъ, будто французы не умѣютъ путешествовать. Но мы наверстаемъ потерянное время. Пріѣзжайте завтра. Въ мое отсутствіе моя дочь вамъ все покажетъ. Извѣстно ли вамъ, между прочимъ, что нашъ городъ въ числѣ своихъ гражданъ имѣетъ нѣсколько знаменитостей: Марка Твэна, Гарріетъ Бичеръ Стоу, Вернера. Этотъ недостаточно извѣстенъ во Франціи. Но вы, конечно, прочли *Хижину дяди Тома*!

Клержименъ замѣтилъ на плохомъ французскомъ языкѣ:

— Виконтъ опоздалъ пріѣздомъ лѣтъ на сорокъ. Моя знаменитая пріятельница пережила себя: писательница, заставлявшая плакать цѣлое поколѣніе надъ горькою участью раба, давно уже замолчала.

— Это ничего не значитъ,—возразилъ фабрикантъ.—Все-та-

ки, можно будетъ разсказать, что видѣлъ величайшую романистку Америки. Завтра мы повеземъ васъ въ ея резиденцію на Форестъ-стритѣ.

— Весьма желалъ бы,—отозвался Резоль со вздохомъ.—Къ сожалѣнію, я вынужденъ уѣхать сегодня вечеромъ.

— Въ Нью-Йоркъ?— спросила красавица Дороти, и въ ея глазахъ мелькнулъ огонекъ лукавства.

— Въ Нью-Йоркъ, мадемуазель, а за тѣмъ во Францію, какъ можно скорѣе. Я *долженъ* уѣхать.

— Но поѣздъ проходитъ около двѣнадцати часовъ ночи,—возразилъ хозяинъ дома.—Какъ же вы на него попадете?

— Вотъ мой билетъ,—отвѣтилъ Максъ.—Вещи мои сданы, а чемоданчикъ въ вашей прихожей. Французы умѣютъ путешествовать лучше, чѣмъ это кажется.

Съ обычнымъ въ его странѣ уваженіемъ къ свободѣ личности, Томасъ П. Корбенсъ наклонилъ голову, не докучая гостю убѣжденіями остаться, какъ того требуетъ приличіе въ нашихъ краяхъ. Дороти, съ своей стороны, не обнаружила никакого желанія вступаться въ дѣло. Обѣдъ закончился среди разговоровъ, замѣчательныхъ своею полною заурядностью.

Послѣ кофе оба американца отправились курить на террасу. Миссъ Корбенсъ заявила, что вечерній вѣтерокъ слишкомъ свѣжъ для нея.

— Но,—обратилась она къ французу,—я не обрекаю васъ на пребываніе въ гостиной, если вы хотите курить.

— До сихъ поръ вы не насмѣхались надо мной, — отвѣтилъ Максъ.

Потомъ, видя, что онъ остался одинъ съ дѣвушкой, Резоль добавилъ:

— Нынѣшнимъ вечеромъ, по крайней мѣрѣ.

— Судя по всему,—заговорила она, — вы уносите изъ этихъ мѣстъ жестокую злобу въ душѣ. А я дѣлаю все, зависящее отъ меня, для того, чтобы мы остались добрыми друзьями. Судите сами, я не сказала отцу о томъ, что... что вы собираетесь написать особую главу *о кухаркѣ въ Соединенныхъ-Штатахъ*. Онъ увѣренъ, что вы видѣли меня въ первый разъ подъ моимъ настоящимъ именемъ, въ роли настоящей миссъ Корбенсъ.

— Ничуть я не взволновался бы,—сказалъ Максъ,—если бы оказался смѣшнымъ въ глазахъ всей Америки! Но я передъ вами разыгралъ самаго жалкаго дурака. Я могъ подумать въ теченіе часа въ теченіе одной минуты, одной секунды, будто вы... вы...

— Не договаривайте слова, если ужъ оно такъ съ языка не идетъ. Какъ бы ни было, ваша ошибка мнѣ польстила вдвойнѣ.

— Возможно ли это? Какимъ образомъ?

— Во-первыхъ, какъ американкѣ. Мнѣ пріятно было видѣть, что вы имѣете почти фантастическое представленіе о моей родинѣ. Ничто въ ней не кажется вамъ неправдоподобнымъ, и въ этомъ вы, конечно, правы. Что можетъ представляться болѣе удивительнымъ, — то ли, что я взбиваю яйца, или то, что мой отецъ, *джентльменъ*, принимающій виконта безъ малѣйшаго стѣсненія, самъ составилъ себѣ состояніе и сдѣлалъ нѣчто еще болѣе мудреное—пріобрѣлъ образованіе.

— Онъ заслуживаетъ еще большихъ похвалъ потому, что онъ вашъ отецъ.

— Это, дорогой нашъ гость, уже комплиментъ совсѣмъ зарядный, я не хочу сказать: совсѣмъ французскій. Вы сдѣлали мнѣ другой, болѣе пріятный, самый лестный, несомнѣнно, изъ всѣхъ, какіе мнѣ будутъ сдѣланы въ жизни: вы, аристократъ, помогали мнѣ готовить кушанье.

— А! начинается опять издѣвательство, котораго я былъ жертвой, самъ того не сознавая. Что же вы не повторите, что я готовъ ухаживать за всѣми женщинами?

— Нѣтъ, вы хотѣли, во что бы ни стало, найти во мнѣ учащуюся женщину.

— И достигъ лишь того, что самъ сталъ шутомъ, очень забавнымъ. И какъ же вы потѣшались! Какъ я, съ поразительною глупостью, выдавалъ вамъ свои секреты! Если бы на совѣсти у меня было убійство, то однимъ взглядомъ такихъ глазъ вы заставили бы меня разсказать о моемъ преступленіи.

— Развѣ я не сохранила ваши тайны?

— Вы сохранили ихъ такъ, что теперь мнѣ остается только уѣхать: я не смѣю взглянуть вамъ прямо въ лицо.

— Вы человѣкъ, которому ничѣмъ нельзя угодить! Васъ увѣряютъ въ томъ, что Дороти Корбенсъ чудовище, и вы упаковываете свои пожитки, собираетесь уѣзжать. Вы убѣждаетесь въ томъ, что... было преувеличеніе въ высказанномъ о ней мнѣніи, и ждете — не дождетесь поѣзда, чтобы скорѣе уѣхать. По-истинѣ, есть отчего придти въ отчаяніе.

— Вамъ легко шутить. Три дня васъ потѣшаетъ до крайности комическое приключеніе. Завтра вы надъ нимъ будете хохотать съ вашими друзьями... и съ вашимъ кузеномъ Вилльямомъ. Черезъ недѣлю все будетъ забыто. А я?...

— Вы? О! я не напускаю на себя скромности, я великодушнѣе васъ и даю вамъ двѣ недѣли на то, чтобы помнить обо мнѣ. Но, какъ-ни-какъ, вы французъ... Очень возможно, что вы сейчасъ же сѣли бы на пароходъ и уѣхали бы въ Европу, если бы здѣсь былъ портъ. Къ счастью, необходимо отправиться сначала въ Нью-Йоркъ. По дорогѣ отсюда до дебаркадера на сорокъ второй улицѣ у васъ хватитъ времени на размышленіе, а такъ какъ теперь очень жарко, то вы скорехонько помчитесь къ Сараготѣ или въ иное мѣсто, смотря по адресамъ, имѣющимся на вашихъ рекомендательныхъ письмахъ. Полагаю, что они еще имѣются у васъ въ запасѣ.

— Имѣется нѣсколько,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, раскрывая свой бумажникъ.—Вотъ они, но мнѣ уже ни на что не нужны.

Онъ разорвалъ конверты на мелкіе куски, разсыпавшіеся у ногъ смѣющейся красавицы. Дороти не шевельнулась и проговорила слегка дрогнувшимъ голосомъ:

— Я могу вамъ предложить много лучшія рекомендаціи...

Она не договорила фразы, увидавши двѣ слезинки на глазахъ Макса. Не злая отъ природы, Дороти почувствовала, какъ странно сжалось ея сердце. Резоль подошелъ къ стеклянной двери и сдѣлалъ видъ, будто разсматриваетъ темную лазурь неба, усыпаннаго звѣздами. Въ прихожей, гдѣ лежалъ чемоданъ, часы проиграли мотивъ Вестминстерскаго перезвона, потомъ пробили десять часовъ. Молодой человѣкъ счелъ удары и вернулся къ креслу, на которомъ, задумавшись, сидѣла миссъ Корбенсъ, таинственно улыбаясь и разбрасывая носкомъ своего атласнаго башмачка клочки разорванныхъ писемъ, содержавшихъ въ себѣ цѣлый выборъ невѣстъ, отвергнутыхъ теперь человѣкомъ, отдавшимъ ей сердце. При всемъ этомъ, можно ли было положиться на его любовь?

Занявши свое прежнее мѣсто, онъ могъ уже говорить, не давая особенно замѣтить волненіе, осилившее его на короткое время.

— Мнѣ остается шестьдесятъ минутъ, не болѣе, до того мгновенья, когда я разстанусь съ вами навсегда. Это даетъ мнѣ возможность высказать вамъ нѣчто такое, чего вы не услыхали бы, еслибы намъ предстояло встрѣтиться завтра. Не думайте, что я уѣду раздраженнымъ противъ васъ. Зло вы мнѣ сдѣлали неумышленно,—такъ угодно было судьбѣ. Тяжело узнать въ одну секунду, что она мнѣ готовила. Я считалъ себя рожденнымъ подъ счастливою звѣздой, наивно воображалъ себя счастливчикомъ, потому въ особенности, что никогда не страдалъ отъ любви. Я ѣхалъ въ Америку не за тѣмъ, чтобы найти *какую-нибудь* жену,—я уже говорилъ вамъ,—я искалъ *свою* подругу жизни. Я надѣялся найти ее,

увезти съ собою, полагаясь на свои удачи, а того болѣе—на мое искреннее и честное желаніе быть счастливымъ и сдѣлать ее счастливою.

Мѣрно взмахивая вѣеромъ изъ бѣлыхъ перьевъ, Дороти жадно слѣдила за каждымъ движеніемъ, за каждымъ словомъ Макса. Она сказала, какъ бы для того, чтобъ ободрить его:

— Слушая васъ, можно подумать, будто ваши поиски продолжались нѣсколько лѣтъ. Америка велика, какъ вамъ извѣстно.

— Была велика три дня назадъ, съ сегодняшняго вечера она очень мала. Вся она въ одномъ штатѣ, состоящемъ изъ одного города, который для меня заключается въ одномъ домѣ, гдѣ мы находимся. Въ этихъ стѣнахъ должна была рѣшиться моя участь! Еслибы вы знали, что̀ я почувствовалъ при первомъ взглядѣ, брошенномъ вами на меня! Какъ безсмысленны люди, сравнивающіе это съ ударомъ грома. Это было внезапное очарованіе, полное дивной сладости. Слыхали ли вы музыкальныя произведенія, начинающіяся одною нотой? Раздается звукъ второго инструмента, и все измѣняется сразу: простая и монотонная нота переходитъ въ гармонію, — волшебство! Вотъ что я почувствовалъ, вотъ что я услыхалъ внутри себя самого, когда увидалъ васъ. Я говорилъ себѣ: «Что за нелѣпость! Вѣдь она служанка!...» А гармоническое сочетаніе звуковъ превратилось въ чудный аккордъ, непреодолимо чаровавшій меня. Вы видѣли, какъ хотѣлъ я уйти и какъ не могъ вырваться?

— О!... Ушли бы преспокойно, еслибъ я не вызвала васъ на разговоръ.

— Да, вы вызвали меня на разговоръ... къ моему несчастью. Я попалъ въ западню, тяжеловѣсно, какъ слѣпой... На бѣду, глаза мои слишкомъ хорошо видѣли. Я разсказалъ вамъ мои секреты, я открылъ вамъ всѣ мои планы. И развѣ вы не смѣялись до слезъ, когда я ушелъ? Вы были предупреждены: я являлся жениться на васъ или на какой-нибудь другой богатой дѣвушкѣ!... Подумайте сами, насколько же удобно мнѣ теперь сказать вамъ, что я люблю васъ!

По лицу Дороти скользнула улыбка, ясно выражавшая: «Мнѣ сдается, что вы уже полчаса только это и говорите».

Максъ понялъ смыслъ улыбки и возразилъ:

— Если я позволилъ себѣ раскрыть передъ вами мое сердце, то лишь потому, что приближается поѣздъ, который увезетъ меня. По крайней мѣрѣ я имѣлъ печальное удовольствіе сказать надгробное слово моему счастью, похороненному въ Гартфордѣ.

— Считаю нужнымъ заявить вамъ,—сказала она,—что я вѣрю въ воскресеніе, и въ особенности въ воскресеніе живыхъ. Въ одинъ прекрасный день мы узнаемъ, что ваше сердце пользуется отличнѣйшимъ здоровьемъ тамъ, во Франціи, въ странѣ, гдѣ сердца вылѣчиваются скоро.

— Хорошо,—отвѣтилъ Резоль,—и говорить объ этомъ не будемъ. Чѣмъ доказать, что я не лгалъ весь этотъ вечеръ? Не въ томъ ли и состоитъ моя роль *искателя невѣстъ?* Знаете, очень жаль, что какой-нибудь Эдиссонъ не придумалъ маленькой машинки для провѣрки любви. Если завтра ваша молочница подмѣшаетъ ложку воды къ доставленному ею молоку, вы имѣете средство распознать это очень скоро. И наоборотъ, когда я говорю, что люблю васъ и не въ силахъ никогда забыть, никакая наука не въ состояніи открыть мою ложь или мою искренность... Нѣтъ, я надѣюсь, что Эдиссонъ направитъ на другое свою изобрѣтательность. Еслибы любовь стала *видимою*, мы лишились бы высшаго наслажденія говорить, что мы любимъ. Этого наслажденія, по крайней мѣрѣ, не отниметъ у насъ никакая злая судьба... А вотъ и конецъ мечтамъ: сюда идутъ вашъ отецъ и клержименъ. Добрѣйшій клержименъ! Какъ я благодаренъ ему!

— Вы могли бы сначала поблагодарить меня,—замѣтила Дороти,—такъ какъ я пригласила его. Я, по совѣсти, считала себя обязанною дать вамъ возможность объясниться... съ «чудовищемъ».

— А!—воскликнулъ онъ восторженно,—чудная, божественная красавица! Образъ вашъ я уношу въ моемъ сердцѣ навсегда!

Въ комнату вошли хозяинъ и его собесѣдникъ. Ихъ весьма мало интересовалъ путешественникъ, равнодушный къ достопримѣчательностямъ Гартфорда. Нѣсколько минутъ поговорили о Франціи, изъ вѣжливости, потомъ духовная особа распрощалась. Въ то время, какъ Томасъ П. Корбенсъ провожалъ гостя до трамвая, Дороти попыталась сдѣлать послѣднее усиліе, чтобъ отклонить Резоля отъ поступка, который она называла безумнымъ.

— Изъ-за чего,—говорила она,—сокращать вамъ свое путешествіе? Что скажутъ ваши друзья, увидавши, что вы такъ скоро вернулись? Неужели вы думаете, что я осуждаю васъ за желаніе жениться и имѣть жену богатую? Имѣю ли я, въ особенности, право находить дурнымъ, что вы хотѣли выбрать себѣ въ жены американку? У меня есть прелестныя пріятельницы, мечтающія о томъ, чтобы жить въ вашей странѣ. Пріѣхавши въ Нью-Йоркъ,

обдумайте все хорошенько, скажите одно слово, и я тотчасъ примусь за дѣло.

Говоря эти милыя слова, лукавая дѣвушка думала про себя: «Если онъ согласится, я даже имя его забуду».

Но Резоль былъ искрененъ и отвѣтилъ:

— Хотите, чтобъ я сказалъ одно слово? Выслушайте же его въ послѣдній разъ: васъ люблю! Думайте, если хотите, что когда-нибудь я исцѣлюсь отъ этого, хотя бы настолько, чтобы жениться. Что же касается женитьбы на американкѣ... Скажите, неужели сердцемъ вы понять не можете, что я скорѣе возьму въ жены китаянку? Мнѣ необходимо уѣхать, земля Америки жжетъ мнѣ ноги. Въ субботу французскій пароходъ увезетъ меня, а лучшую часть моего существа, мою душу, я оставляю вамъ.

Хозяинъ дома вернулся и заявилъ, что экипажъ, заказанный виконтомъ, ждетъ его у подъѣзда. Максъ простился очень просто и уѣхалъ.

— Странный молодой человѣкъ,—сказалъ американецъ, пожелавши дочери спокойной ночи.—Любопытно бы знать, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ Гартфордъ!

— Я думаю, что онъ и самъ этого не знаетъ,—отвѣтила Дороти со вздохомъ, отнюдь не выражающимъ огорченія.

Въ пятницу молодая дѣвушка отправилась къ отцу на фабрику, что случалось очень рѣдко.

— Какая катастрофа занесла тебя сюда? — спросилъ фабрикантъ.—Опять потеряла свою чековую книжку или во второй разъ серьги у тебя украли? Ты всегда пугаешь меня, когда являешься въ мой кабинетъ.

Дороти взглянула на отца съ грустною нѣжностью, думая, что правъ онъ въ своей боязни катастрофы. Но въ данную минуту дѣло шло о томъ, чтобъ узнать про Резоля, не такой ли онъ ловкій болтунъ, какъ всѣ его французы. Дѣвушка отвѣтила беззаботнымъ тономъ:

— Не волнуйтесь, папа. Я пришла лишь затѣмъ, чтобы воспользоваться вашимъ телефономъ.

— Вотъ что значитъ помѣшать мнѣ имѣть его у себя дома!

— Милый папа, тамъ васъ безпокоили бы имъ поминутно. Я вашъ же покой оберегаю, мой папочка!

Три минуты спустя, она выходила изъ телефонной будочки, удостовѣрившись въ томъ, что виконтъ де-Резоль записанъ въ числѣ пассажировъ парохода *Туренъ*. Уйти въ море онъ долженъ былъ на слѣдующій день послѣ полудня.

На другой день около восьми часовъ утра Дороти уѣхала изъ Гартфорда въ сопровожденіи одной нѣсколько пожилой пріятельницы, которую она брала иногда съ собой во время своихъ экскурсій въ Нью-Йоркъ. На этотъ разъ, по словамъ миссъ Корбенсъ, имъ предстояло не по магазинамъ бѣгать, а проводить на пароходъ одну кузину, если только не кузена, — такъ какъ по-англійски слово это употребляется только въ одномъ родѣ, что даетъ возможность, при случаѣ, отдѣлываться неясностью во избѣжаніе лжи.

Какъ бы ни было, Максъ де-Резоль, устроившись въ своей каютѣ и выйдя па палубу, встрѣтилъ одну молодую особу, вскрикнувшую въ удивленіи:

— Какъ! Вы здѣсь? Стало-быть уѣзжаете? Вотъ ужъ чему не могла повѣрить!

— Печальный это недостатокъ—не вѣрить людямъ,—сказалъ Максъ.

— Въ этомъ меня не упрекайте, такъ какъ я-то именно и *вѣрила*, что вы... что вы любите одну особу. Но кто любитъ...

— Что же, что?

— Кто любитъ, тотъ остается. Я знаю въ Гартфордѣ одно наивное существо, воображавшее, что вы не въ состояніи будете уѣхать, не повидавшись еще разъ.

— А! еслибъ я могъ думать, что она желаетъ меня видѣть!...

— Можетъ быть, желаетъ. Но тѣмъ хуже для нея, не правда ли?

Максъ дрожалъ, какъ листъ, не смѣя *вѣрить* въ свою очередь. У него едва хватило силы прошептать:

— Можете вы назвать мнѣ... имя этого ангела доброты?

— Вы хотите заставить меня быть нескромною,—сказала Дороти, улыбаясь.—Ее зовутъ... Гарріетъ Бичеръ Стоу, она авторъ *Хижины дяди Тома*.

Красавицѣ миссъ Корбенсъ такъ и не удалось разыскать на пароходѣ кузину или кузена. Навѣрное, она или онъ на этотъ пароходъ не попали къ отходу. Но всего лучше то, что Резоль тоже не попалъ на него. За то, два мѣсяца спустя, онъ былъ на *Туренѣ* вмѣстѣ съ миссъ Корбенсъ, которая съ этого утра перестала быть миссъ Корбенсъ. Когда они очутились въ каютѣ, просторной и комфортабельной, какъ комната влюбленныхъ, виконтесса сказала своему мужу:

— Знаете, у меня въ карманѣ вашъ золотой. Вы дали его одной кухаркѣ ради того, чтобъ избавиться отъ «чудовища», которое васъ пугало. Комбинація эта не удалась, и золотой вамъ слѣдуетъ получить обратно. Вотъ онъ.

— Милая, обожаемая жена, повѣрьте, что никогда я его не истрачу.

— И хорошо сдѣлаете, иначе васъ арестуютъ, какъ сбытчика фальшивой монеты. Вашъ золотой пустой, смотрите сами.

Пружинка, нажатая булавкой, раскрыла монету, въ которой былъ чудный миніатюрный портретъ. Максъ раскрылъ свои объятія и сказалъ женѣ:

— Милое, обворожительное чудовище! Дозволь же поблагодарить тебя!

Прежде чѣмъ благодарность была кончена, берега Америки давно скрылись изъ вида. Мѣрнымъ и нѣжнымъ ритмомъ могучая зыбь океана сладко укачивала пассажировъ громаднаго корабля...

М.

Педагогическіе курсы и учительскіе съѣзды.

Широка и многосодержательна область начальнаго народнаго образованія; и безконечно сложны тѣ условія, отъ которыхъ зависятъ направленіе, организація и успѣхи этого дѣла!—Въ ряду тѣхъ идеальныхъ построеній, которыя созданы философской, педагогической и научной мыслью,—гдѣ тотъ истинный идеалъ начальнаго обученія и воспитанія, который болѣе всего отвѣчаетъ потребностямъ человѣческой природы, который вѣрнѣе всего ведетъ къ цѣли всесторонняго гармоническаго развитія человѣческой личности? Въ лабиринтѣ всевозможныхъ способовъ,—методовъ и пріемовъ педагогической дѣятельности,—гдѣ тѣ лучшіе методы и пріемы обученія и воспитанія, которые служатъ самою торной и безопасной дорогой къ намѣченному педагогическому идеалу? Для каждаго учителя, и для *народнаго* въ особенности, это—главные, основные педагогическіе вопросы; но обыкновенному народному учителю гдѣ же и какъ искать отвѣтовъ на эти вопросы? Можетъ ли одинокій умъ его, единичными усиліями своей воли, постоянно стремиться къ разрѣшенію этихъ вопросовъ,—можетъ ли онъ сохранить въ себѣ постоянное стремленіе къ раскрытію и уясненію педагогическаго идеала и къ открытію наилучшихъ способовъ его осуществленія? Убаюканный однообразнымъ вліяніемъ среды, заключенный въ 4 стѣнахъ своей школы, въ тѣсныхъ предѣлахъ той околицы, дальше которой не простирается районъ его дѣятельности,—не задремлетъ ли онъ, въ шумѣ и разгарѣ своей вседневной напряженной работы, не забудетъ ли онъ эти вопросы, принявъ внѣшнюю форму своего дѣла за самую его сущность? Правда, можно вступить на поле начальнаго народнаго образованія, не продумавъ и не разрѣшивъ этихъ основныхъ педагогическихъ вопросовъ; но тогда, вѣдь, придется стоять на этомъ трудовомъ полѣ только лишь безучастнымъ и безполезнымъ наемникомъ; стать же истиннымъ полезнымъ общественнымъ работникомъ—нельзя, не разрѣшивъ предварительно вопроса о направленіи, средствахъ и способахъ самой работы. Но отвѣты на эти вопросы — это только отвѣты педагогической теоріи, не болѣе; попробуйте приложить свой трудъ къ той или другой начальной школѣ, попробуйте явиться на поприще практической дѣятельно-

сти лишь съ однимъ отвлеченнымъ педагогическимъ идеаломъ, и вы на своемъ пути встрѣтите тысячи всевозможныхъ преградъ и препятствій: прежде всего вы встрѣтите вѣками сложившійся историческій строй и направленіе народной—общественной и государственной жизни; вы встрѣтите на пути своемъ разнообразныя, прочно установившіяся условія экономическаго, общественнаго и семейнаго народнаго быта: всѣ эти условія нужно знать и помирить съ ними тотъ идеалъ, къ которому вы стремитесь; всѣ эти условія неизбѣжно будутъ отклонять вашу работу и въ ту, и въ другую сторону; они неизбѣжно будутъ налагать свою печать на результаты и направленіе вашей работы; и много потребуется знаній и практической сноровки, и часто потребуется нравственная помощь отъ другихъ работниковъ того же поля для того, чтобы подъ разностороннимъ давленіемъ всевозможныхъ условій данной среды не потерять лучшую, самую короткую и безопасную дорогу къ вашей цѣли,—для того, чтобы на этомъ туманномъ горизонтѣ не потерять ту «звѣзду на востокѣ», на свѣтъ которой вы стремитесь идти. Но для этого мирнаго и плодотворнаго соглашенія педагогической теоріи и практики съ условіями общественной среды труженникамъ начальнаго народнаго образованія нужно не только узнать и понять эти условія, имъ кромѣ того, необходимо—вытекающія изъ основныхъ задачъ педагогической дѣятельности, а равно и изъ этихъ реальныхъ условій—заключенія, дѣйствительныя нужды и потребности этого дѣла раскрыть и заявить тому обществу и государству, интересомъ коихъ служитъ начальная народная школа,—тому обществу и государству, отъ которыхъ именно и зависитъ такъ или иначе видоизмѣнить условія учительской дѣятельности;—словомъ, необходимо дѣйствительное, живое, постоянное соглашеніе дѣятелей начальнаго народнаго образованія съ общественною средою ихъ дѣятельности. Народный учитель совсѣмъ не хозяинъ того поля, на которомъ онъ работаетъ: на этомъ полѣ онъ только работникъ, котораго общество и государство призываютъ къ дѣятельности; но именно изъ такого положенія его и вытекаетъ неизбѣжная необходимость постояннаго разумнаго соглашенія школы и общества,—учителя и того общества, интересамъ котораго онъ служитъ: не учитель только обязанъ выслушивать, раскрывать и уяснять себѣ предъявляемыя къ нему требованія общества, но и это послѣднее ради своихъ же собственныхъ интересовъ должно выслушивать голосъ учителя: оно обязано войти въ его положеніе, уяснить и оцѣнить предъявляемыя имъ условія его службы; общество неизбѣжно должно сдѣлать это, если только оно желаетъ въ своемъ народномъ учителѣ встрѣтить искренняго и преданнаго работника; иначе между обществомъ и народною школой, или, лучше сказать, между народнымъ учителемъ и тѣмъ обществомъ, которому онъ служитъ, будетъ вѣчная глухая, скрытая борьба, взаимное недовольство и недоразумѣнія: общество всегда будетъ жаловаться на то, что работникъ его не хочетъ понять его требованій, а этотъ послѣдній всегда будетъ жаловаться на то, что общество само не хочетъ выслушать его справедливыхъ требованій,—

не хочетъ дать ему нужныхъ для дѣла средствъ и условій. Можетъ ли на такой почвѣ преуспѣвать дѣло народнаго образованія? Но вообразимъ себѣ, что указанныя нами условія, необходимыя для живой плодотворной дѣятельности учителя, осуществились въ дѣйствительности: пусть будутъ на-лицо такія условія, при которыхъ обыкновенный народный учитель по своей спеціальной теоретической подготовкѣ всегда можетъ стоять на уровнѣ современной педагогической науки, хорошо будетъ знать практическія условія своей дѣятельности и общественную среду, въ которой ему приходится работать; пусть, наконецъ, этому учителю будетъ дана возможность заявлять мѣстному обществу и свои мнѣнія о нуждахъ и потребностяхъ той школы, въ которой онъ работаетъ; но развѣ это всѣ существенныя условія, которыя необходимы для живой плодотворной дѣятельности народнаго учителя? Вѣдь, дѣло начальнаго воспитанія и обученія—это *искусство*, которое отъ *своего художника* требуетъ не только знанія и пониманія, но и практическихъ навыковъ, пріобрѣтенныхъ *на почвѣ научно-практической разработки своего дѣла;* а еще въ большей степени оно требуетъ отъ своего художника никогда не гаснущей непосредственной любви и никогда не ослабѣвающей вѣры въ безконечно плодотворное значеніе этого дѣла. Вотъ почему каждому педагогу и народному учителю въ особенности мало знать лишь одну теорію своего дѣла и идти къ выполненію ея лишь окольнымъ и опаснымъ путемъ своего *одинокаго*, случайнаго и подчасъ слѣпого опыта: вѣдь, на такомъ опасномъ пути всегда слишкомъ много ошибокъ и безполезныхъ блужданій, всегда такъ много разочарованій и безпощадной потери времени и силъ... Чтобы быть *мастеромъ* своего дѣла, учителю нужно возможно чаще работать *въ такой научно-поставленной педагогической лабораторіи*, гдѣ отвлеченныя правила педагогической теоріи непосредственно переводятся въ живые, убѣдительные, для всякаго понятные опыты учительскаго искусства, исполняемые истиннымъ художникомъ этого дѣла; нужно чаще работать въ той учительской лабораторіи, въ которой каждый практикъ - учитель, подъ руководствомъ авторитетнаго педагога, сразу можетъ видѣть, оцѣнить и въ значительной степени усвоить тѣ практическіе навыки и пріемы, въ которыхъ выражается послѣднее слово современной педагогической техники. Только лишь здѣсь, въ многолюдной аудиторіи, вокругъ талантливаго педагога-профессора,—у каждаго необезсилѣвшаго работника народной школы съ новою силой воскресаетъ интересъ къ своему дѣлу, крѣпнетъ вѣра въ его плодотворное значеніе: та, быть-можетъ и небольшая, доля интереса и сочувствія къ своему дѣлу, которую приноситъ сюда каждый учитель,—неизбѣжно передается здѣсь всѣмъ слушателямъ; и эта малая доля, въ душѣ каждаго участника въ такихъ научно-педагогическихъ опытахъ, по какому-то таинственному психологическому закону, часто превращается здѣсь въ огромную силу непосредственной привязанности, живого интереса и любви къ своему дѣлу.

Здѣсь каждый легко сбрасываетъ съ себя тяжелую ношу унынія и

апатіи,—ту убійственную ношу, которая неизбѣжно появляется на обезсилѣвшихъ плечахъ каждаго обыкновеннаго интеллигентнаго труженика, долго работавшаго въ кругломъ одиночествѣ: здѣсь, *въ учительскомъ педагогическомъ собраніи*, куда каждый работникъ народной школы стремится или за тѣмъ, чтобы открыть здѣсь тайну своихъ неудачъ и разочарованій, или за тѣмъ, чтобы разсказать своимъ товарищамъ о своихъ удачныхъ опытахъ учительскаго труда,—здѣсь каждый перестаетъ чувствовать себя всѣми забытымъ, одинокимъ муравьемъ, тщетно пытающимся срыть каменную гору; здѣсь каждый уже начинаетъ чувствовать и сознавать себя мужественнымъ воиномъ многолюдной труженической арміи народнаго просвѣщенія; и, стоя въ рядахъ ея, каждый глубоко проникается чувствомъ корпоративной чести и беззавѣтною рѣшимостью никогда не покидать свое дорогое знамя! Откуда же народный учитель можетъ вынести столь богатые дары, откуда и гдѣ онъ можетъ получить и укрѣпить свою внутреннюю силу къ успѣшному выполненію учительскаго подвига? Да все оттуда же, все изъ той же педагогической образцовой лабораторіи,—изъ педагогическихъ учительскихъ совѣщательныхъ собраній. Такія собранія и обезпечиваютъ для народно-школьнаго дѣла возможность *постояннаго* развитія и преуспѣянія; только такія учительскія собранія и являются тѣмъ существеннымъ условіемъ, при наличности котораго во всемъ учительскомъ сословіи, равно какъ и въ каждомъ отдѣльномъ представителѣ его—постоянно будетъ жить стремленіе къ самостоятельному и болѣе полному раскрытію педагогическаго идеала и способовъ его осуществленія, будетъ крѣпнуть стремленіе къ полному изученію среды, внѣшнихъ общественныхъ условій учительской работы и умѣнье изучать и понимать эти условія; только при этомъ условіи общество услышитъ заявленія работника народной школы о нуждахъ и потребностяхъ этой школы,—не единичное и часто ошибочное заявленіе одного какого-либо учителя, а авторитетное *общее* и, слѣдовательно, безпристрастное и справедливое заявленіе цѣлаго учительскаго сословія данной мѣстности; только здѣсь каждый народный учитель можетъ быстро усвоить лучшіе пріемы педагогическаго искусства, только здѣсь онъ всегда можетъ укрѣпить свою энергію и вѣру въ свое дѣло, уясняя и изобрѣтая новые, болѣе вѣрные и лучшіе пути и средства къ возможно болѣе продуктивной просвѣщенной и плодотворной общественной дѣятельности.

Такъ необходимость педагогическихъ учительскихъ совѣщательныхъ собраній обусловливается самою сущностью учительскаго дѣла; вотъ почему такія учительскія собранія въ той или другой формѣ всегда существуютъ тамъ, гдѣ дѣло народнаго просвѣщенія развивается правильно и свободно отражая въ своемъ развитіи лишь однѣ *истинныя* потребности народной жизни.

Посмотримъ, оправдываются ли эти общія теоретическія соображенія о необходимости для учителей педагогическихъ собраній исторіей и условіями русской народной школы.

Краткая исторія молодой русской начальной школы можетъ сказать намъ очень убѣдительное слово о значеніи и необходимости педагогическихъ совѣщательныхъ собраній учителей начальныхъ народныхъ училищъ: эти собранія у насъ, въ земской Россіи, устраивались или въ формѣ педагогическихъ курсовъ, или въ формѣ учительскихъ съѣздовъ. Кому же обязана русская начальная школа учрежденіемъ этихъ учительскихъ педагогическихъ собраній? — не требованіямъ ли школьнаго законодательства, не высшей ли учебной администраціи, не требованіямъ ли педагогической теоріи, санкціонированнымъ школьными уставами и инструкціями?—Нѣтъ, русская начальная школа, какъ увидимъ это ниже, учрежденіемъ педагогическихъ курсовъ и учительскихъ съѣздовъ прежде всего и больше всего обязана главному учредителю русской народной школы—русскому земству, которое на организацію этихъ учительскихъ собраній не щадило ни труда, ни матеріальныхъ средствъ. Учреждая педагогическіе курсы и учительскіе съѣзды, земство, разумѣется, не могло руководствоваться ничѣмъ инымъ, какъ только лишь *дѣйствительными потребностями и нуждами русской начальной школы*, которыя земству и земскому обществу извѣстны болѣе, чѣмъ кому-либо другому. Такъ, по самому происхожденію своему учительскіе съѣзды и курсы въ Россіи являются учрежденіями *глубоко жизненными*,—они созданы были, такъ сказать, самою жизнью для удовлетворенія насущныхъ потребностей русской начальной школы. Посмотримъ же, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, что они сдѣлали для русской начальной школы въ прошломъ и что могутъ и должны сдѣлать для нея въ будущемъ.

I. Педагогическіе курсы.

I.

Временные педагогическіе учительскіе курсы—это одинъ изъ видовъ учительскихъ педагогическихъ собраній: по организаціи своей они представляютъ собою какъ бы временное спеціально-педагогическое учебное заведеніе, въ которомъ учащіе въ начальныхъ школахъ, а иногда и лица, готовящіяся къ учительской дѣятельности, обучаются теоріи и практикѣ начальнаго обученія. Такова общая задача педагогическихъ курсовъ.

Педагогическіе курсы въ Россіи возникли почти одновременно съ русскою земскою народною школой. Когда русское земство впервые обратилось къ выполненію одной изъ существенныхъ задачъ, возложенныхъ на него закономъ, какъ только оно обратилось къ попеченію о нуждахъ мѣстнаго населенія въ средствахъ къ начальному народному образованію, оно тотчасъ же встрѣтило на этомъ пути огромное и строго устранимое препятствіе: для перваго сѣва на молодой нивѣ русскаго народнаго образованія не хватало главнаго—не было сѣятеля; для русской реорганизованной школы, возникающей на развалинахъ дореформеннаго «учебища», не было сколько-нибудь подготовленнаго народнаго учителя.

Но земство не отложило неотложнаго святого дѣла въ долгій ящикъ, не опустило рукъ, встрѣтивъ такую преграду на своемъ пути: оно энергично стало стремиться къ тому, чтобы найти и приготовить народнаго учителя для вновь возникающей русской земской народной школы,— первымъ временнымъ средствомъ, скорѣе всего ведущимъ къ этой цѣли, и было учрежденіе учительскихъ педагогическихъ курсовъ.

Вотъ какъ разсказана исторія возникновенія педагогическихъ курсовъ въ одномъ изъ старыхъ земскихъ документовъ: «Повсюду сказался одинъ общій недостатокъ, тормазящій развитіе народныхъ школъ. Этотъ недостатокъ—полное отсутствіе сколько-нибудь подготовленныхъ научно и знакомыхъ съ методой преподаванія учителей. Отыскавъ слабую сторону дѣла, земство, понятно, должно было искать и выхода изъ этого положенія; выходъ былъ единственный—подготовка учителей для народныхъ школъ самимъ земствомъ, такъ какъ готоваго матеріала, которымъ земство могло бы воспользоваться, не было. Отсюда-то и возникла мысль о необходимости учредить земскую учительскую школу. Но результаты, которыхъ земство могло въ то время ожидать отъ этой мѣры, были результаты далекаго будущаго. Поэтому надо было, кромѣ учрежденія учительской школы, принять другую мѣру, которая помогла бы дѣлу развитія народныхъ школъ... безотлагательно» *). Такою мѣрой земство и признало «лѣтніе педагогическіе курсы». «Понятно, земство не могло и разсчитывать на то, чтобъ устройство педагогическихъ курсовъ, въ продолженіе только 6 недѣль въ теченіе года, дало учителямъ народныхъ школъ то развитіе, которое желательно бы было въ нихъ видѣть. Отъ курсовъ ожидалось только, что съ помощью ихъ существующіе учителя, подъ руководствомъ опытнаго и компетентнаго наставника, усвоятъ себѣ легчайшій методъ преподаванія и разовьютъ въ народѣ грамотность» (ibid.). Вотъ на почвѣ какихъ насущныхъ потребностей, въ самомъ началѣ дѣятельности земства, вызвано было къ жизни это доселѣ небывалое въ Россіи учрежденіе — педагогическіе курсы.

Исполнили ли педагогическіе курсы свою первоначальную задачу и только ли эту задачу разрѣшали они? Правдивый отвѣтъ на эти вопросы могла бы дать исторія педагогическихъ курсовъ въ Россіи; но мы не только не имѣемъ такой исторіи, мы не имѣемъ даже систематически изданныхъ матеріаловъ для составленія ея: матеріалы эти разсѣяны въ отчетахъ о педагогическихъ курсахъ, напечатанныхъ въ докладахъ земскихъ управъ, въ журналахъ земскихъ собраній и въ оффиціальныхъ изданіяхъ учебныхъ округовъ и министерства народнаго просвѣщенія. Отчеты эти во многихъ отношеніяхъ интересны и поучительны: они бросаютъ яркій свѣтъ на исторію нашей пореформенной начальной народной школы, на ея постепенный ростъ и возрастающіе успѣхи ея дѣятельности; они же не мало проливаютъ свѣта и на ту роль, которую въ исторіи начальной народной

*) Докладъ новгородской губ. зем. управы земскому собранію 1871 г., стр. 5.

школы играли мѣстные дѣятели — земство и учебная мѣстная и высшая администрація.

По тѣмъ нѣсколькимъ отчетамъ, какіе только мы могли достать, мы и попробуемъ сдѣлать краткую историческую справку о педагогическихъ курсахъ, происходившихъ въ Россіи за весь періодъ дѣятельности земскихъ учрежденій. Педагогическіе курсы особенно часто устраивались во всѣхъ учебныхъ округахъ Россіи въ періодъ отъ 68 до 72 года, но и послѣ этого періода, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ промежутковъ, курсы снова возраждались и особенно въ послѣднее время нерѣдко открывались въ различныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ Россіи.

Такъ, въ 1894 году педагогическіе курсы происходили въ г. Черниговѣ, въ г. Сердобскѣ, Сарат. губ.; въ 1895 г. курсы происходили въ Симбирскѣ и Чердыни, Пермской губ., и, кажется, еще въ нѣсколькихъ городахъ Россіи. Педагогическіе учительскіе курсы сравнительно чаще устраивались въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ и особенно часто въ Новгородской губерніи; но были учительскіе курсы и на окраинахъ Россіи, въ различныхъ пунктахъ Западнаго края, на Кавказѣ и въ губерніяхъ сѣвернаго края. Педагогическіе курсы чаще устраивались по инціативѣ и на средства губернскихъ земствъ *), хотя нерѣдко и уѣздныя земства принимали матеріальное участіе въ устройствѣ курсовъ, а иногда устраивали ихъ и самостоятельно, независимо отъ губернскаго земства. Земство принимало на себя расходы по содержанію на курсахъ мѣстныхъ учителей и учительницъ, расходы на проѣздъ слушателей на курсы и на приглашеніе руководителей; но послѣдніе нерѣдко отказывались отъ всякаго вознагражденія за руководительство курсами; точно также и мѣстные учителя и учительницы часто пріѣзжали на курсы и проживали въ мѣстѣ учрежденія курсовъ или исключительно на свои средства, или получали отъ земства на проѣздъ и содержаніе лишь небольшое пособіе. Главнымъ образомъ въ зависимости отъ числа слушателей, приглашаемыхъ на курсы, а также и отъ тѣхъ намѣчаемыхъ заранѣе матеріальныхъ условій, на которыхъ устраивались курсы, колебалась и стоимость учрежденія педагогическихъ курсовъ; такъ, учрежденіе педагогическихъ курсовъ въ 1870 году въ 2 пунктахъ Новгородской губерніи (въ Колмовѣ и Череповцѣ) на 162 слушателя стоило губернскому земству 4,179 руб.; педагогическіе же уѣздные курсы въ г. Сердобскѣ 1894 г., на которыхъ было около 100 слушателей и 4 руководителя, стоили уѣздному земству только 500 руб. Слушатели на курсахъ обыкновенно получали безплатныя квартиры въ помѣщеніяхъ мѣстныхъ училищъ; здѣсь же для нихъ устраивался нерѣдко и общій столъ, что значительно удешевляло стоимость содержанія слушателей на курсахъ; помѣщеніемъ же для самихъ курсовъ служили или зданія мѣстныхъ учеб-

*) Г. Лобановъ, собиравшій свѣдѣнія о дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію, только въ 9 губерніяхъ насчитываетъ 33 случая устройства педагогическихъ курсовъ на средства губернскихъ земствъ. См. статью Лобанова въ *Русской Школѣ* 1895 г., № 12, отр. 162.

ныхъ заведеній (уѣздныхъ училищъ или учительскихъ семинарій), или помѣщенія мѣстныхъ земскихъ или городскихъ учрежденій. Такова внѣшняя, такъ сказать, хозяйственная сторона организаціи педагогическихъ курсовъ, которая въ сущности была всегда одна и та же на всемъ протяженіи почти 30-ти-лѣтней исторіи русскихъ педагогическихъ курсовъ; самая же дѣятельность и значеніе ихъ далеко не были одинаковы на всемъ протяженіи указаннаго періода. Внимательно просмотрѣвъ отчеты о педагогическихъ курсахъ, мы легко различимъ 2 періода въ ихъ недолгой исторіи: періоды эти, правда, отдѣляются одинъ отъ другого очень неопредѣленною хронологическою границей, но тѣмъ не менѣе курсы одного періода рѣзко различаются отъ курсовъ другого періода. Эта хронологическая грань лежитъ приблизительно около 73 — 75 гг., какъ разъ около того времени, когда изданы были подробныя правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ (5 августа 1875 года): курсы того и другого періода различаются одни отъ другихъ составомъ своихъ слушателей, степенью ихъ образованія и педагогической подготовки, содержаніемъ и характеромъ курсовыхъ занятій, а еще болѣе педагогическіе курсы того и другого періода различаются по своему практическому значенію. Укажемъ сначала болѣе характерныя черты педагогическихъ курсовъ перваго періода.

II.

Слушатели педагогическихъ курсовъ 1-го періода, въ ихъ огромномъ большинствѣ, были люди не получившіе достаточнаго общаго образованія, не говоря уже о спеціальной подготовкѣ къ учительскому дѣлу. Такъ, новгородская губернская земская управа, послѣ трехлѣтняго опыта устройства педагогическихъ курсовъ (69 — 71 гг.), докладывала земскому собранію, что большая часть бывшихъ слушателей педагогическихъ курсовъ «не имѣютъ дипломовъ на званіе сельскаго учителя и даже, можетъ быть, лишены права преподаванія въ сельскихъ школахъ».

Дѣйствительно, просматривая списокъ этихъ слушателей, мы находимъ очень мало учителей и учительницъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ, женскихъ гимназіяхъ и даже въ уѣздныхъ училищахъ; въ графѣ подъ рубрикой: «гдѣ обучались слушатели», большею частью мы читаемъ такіе отвѣты: «въ домѣ родителей», «въ монастырѣ», «у мѣстнаго діакона», «въ деревнѣ» *) и т. п. Такимъ образомъ составъ учителей-слушателей педагогическихъ курсовъ 1-го періода по своему образовательному уровню отличался крайнею пестротой: на-ряду со слушателями, получившими среднее образованіе, большею частью здѣсь были учителя съ низшимъ образованіемъ, а то и безъ всякаго образованія, только лишь научившіеся грамотѣ. Нѣкоторые изъ этихъ слушателей были учителями только лишь «по приказанію безграмотныхъ сельскихъ старостъ» **). Ру-

*) Докладъ новгородской губ. земской управы 1871 г.

**) Докладъ той же управы 1869 г., стр. 4.

водитель новгородскихъ курсовъ 1869 г., баронъ Косинскій, въ отчетѣ своемъ говоритъ, что въ числѣ его слушателей было 11 человѣкъ, «получившихъ воспитаніе въ частныхъ школахъ или дома», было 22 крестьянина, изъ которыхъ только десять могутъ быть признаны умѣющими, хотя весьма неправильно, читать и писать, прочіе же 12 положительно читали съ трудомъ и писали такъ, какъ пишутъ ученики нашихъ петербургскихъ приходскихъ училищъ, переходящіе изъ младшаго отдѣленія этихъ школъ въ старшее» (стр. 2 отчета). *Какую же роль могли играть* на *курсахъ такіе слушатели?* Хотя большая часть ихъ, если не всѣ, были уже народными учителями, но, явившись на курсы, они могли быть только плохими учениками, не болѣе: они должны были молчаливо сидѣть здѣсь за ученическими столами и съ напряженнымъ вниманіемъ слушать своихъ руководителей, которые старались втолковать имъ никогда не слыханныя ими истины; съ послушностью начинающихъ учениковъ, на пробныхъ урокахъ своихъ, они старались во всемъ подражать своимъ руководителямъ; они должны были здѣсь впервые многое заучивать и многому учиться. Въ лицѣ такихъ слушателей руководители этихъ курсовъ имѣли передъ собою въ буквальномъ смыслѣ недоучившихся или почти ничему не научившихся учениковъ, хотя эти ученики въ дѣйствительности были уже народными учителями.

Вотъ почему въ отчетахъ объ этихъ курсахъ совсѣмъ не выступаетъ личность слушателя-учителя съ своими собственными взглядами, съ критическимъ отношеніемъ къ задачамъ и пріемамъ учительскаго труда,—съ извѣстнымъ запасомъ своего личнаго учительскаго опыта. Слушатели здѣсь представляютъ пассивно настроенную, молчаливую толпу учениковъ, которыхъ учитель учитъ, выспрашиваетъ ихъ познанія, дѣлитъ ихъ на разряды, аттестуетъ ихъ успѣхи, причемъ одни изъ нихъ, по аттестаціи руководителя, послѣ прослушанія курсовъ, оказываются знающими учительское дѣло «удовлетворительно», другіе (очень многіе) «посредственно», а третьи «по слабости подготовки» совсѣмъ лишаются установленнаго свидѣтельства въ слушаніи курсовъ (Докладъ новогор. зем. упр. 1871 г.). Не легка была задача руководителей, имѣющихъ передъ собою столь пеструю толпу большею частью очень плохо подготовленныхъ слушателей. *Та общая программа занятій,* которая устанавливалась тогда учебнымъ начальствомъ для педагогическихъ курсовъ, на практикѣ часто оказывалась трудно выполнимой.

Такъ, программа попечителя округа для новогородскихъ педагогическихъ курсовъ 1869 г. предписывала слѣдующій планъ занятій: 1) учителя должны быть ознакомлены съ лучшимъ способомъ обученія чтенію и письму; 2) необходимо показать учителямъ, какъ слѣдуетъ вести послѣдовательное обученіе русской грамотѣ съ цѣлью умственнаго развитія; нужно было опредѣлить матеріалъ для класснаго чтенія; 3) выяснить способъ начальнаго обученія счисленію, церковному пѣнію, переводу молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній на русскій языкъ; 4) ознакомить ихъ по книгѣ для чтенія съ

географіей и исторіей отечества; 5) объяснить классные порядки и вообще правила для училищнаго благоустройства; 6) довести учащихъ до сознанія, что «обученіе грамотѣ имѣетъ преимущественною цѣлью развитіе въ народѣ нравственно-религіознаго и патріотическаго чувства»; 7) во временной школѣ слушатели, путемъ образцовыхъ уроковъ руководителей и путемъ собственныхъ пробныхъ уроковъ, «должны были пріобрѣсти хотя нѣкоторый навыкъ въ лучшихъ способахъ начальнаго обученія и класснаго порядка». Но практика педагогическихъ курсовъ 1-го періода, подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ невысокаго умственнаго и образовательнаго уровня слушателей, далеко уклонялась отъ этого плана, начертаннаго программою курсовъ. Прежде чѣмъ доводить слушателей до лучшихъ методовъ и пріемовъ преподаванія, нерѣдко приходилось сообщать имъ начатки общаго элементарнаго образованія, нужно было ихъ учить хорошему чтенію, русскому языку, ариѳметикѣ и пр. «Вслѣдствіе различной степени подготовки слушателей, приходилось съ нѣкоторыми изъ нихъ заниматься отдѣльно отъ другихъ; наиболѣе слабымъ давать уроки русскаго языка, ариѳметики и Закона Божія; для болѣе подготовленныхъ устраивались отдѣльныя педагогическія бесѣды, кромѣ общихъ, принаровленныхъ къ познаніямъ большинства» *). Такъ пунктъ программы, который требовалъ ознакомить слушателей съ исторіей и географіей отечества, оказывался невыполнимымъ, потому что «слушатели, составлявшіе большинство, нуждались предварительно въ упражненіи въ русскомъ языкѣ, для чего распорядитель курсовъ на новгородскихъ курсахъ назначилъ еженедѣльно по 3 урока, въ теченіе которыхъ училъ своихъ слушателей громко читать, писать и знакомилъ съ элементарными свѣдѣніями изъ русской исторіи» (Отчетъ барона Косинскаго о новгородскихъ курсахъ 1869 г. апрѣля 8). Исполненіе главной задачи курсовъ — ознакомленіе слушателей съ *лучшими* методами и пріемами преподаванія—также оказывалось въ значительной степени невыполнимымъ, потому что эти лучшіе методы въ практикѣ преподаванія такихъ учителей, пожалуй, рисковали стать худшими. По справедливому замѣчанію руководителя курсовъ, барона Косинскаго, методы эти требовали «отъ учителя не только механическаго умѣнья, но и значительной доли умственнаго развитія, безъ котораго они приносятъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу»: они представляли черезчуръ рѣзкій скачокъ отъ тѣхъ способовъ обученія, которые практиковались тогда въ начальныхъ школахъ; и «въ рукахъ плохо развитого учителя, непонимающаго психологической мысли, лежащей въ ихъ основаніи, вышли бы не только вредными для правильнаго развитія учащихся, но, можетъ быть, вышли бы смѣшными и дали бы пищу тому нерасположенію къ обученію, которое можетъ быть побѣждено лишь дѣльнымъ ходомъ преподаванія, а главное — успѣшнымъ результатомъ» (ibid стр. 2). «При такомъ составѣ (курсовъ),—продолжаетъ баронъ Косинскій,-

*) Докладъ новгородской губернской управы о педагогическихъ курсахъ 1869 стр. 18.

лучшимъ способомъ, съ которымъ слѣдовало ознакомить моихъ слушателей, былъ способъ, который, будучи удовлетворительнымъ съ педагогической точки зрѣнія, былъ бы наиболѣе доступнымъ пониманію учащихся» (ibid., стр. 3). Мы приводимъ эти строки потому, что онѣ рельефно оттѣняютъ тѣ затрудненія, съ которыми приходилось считаться руководителямъ педагогическихъ курсовъ 1-го періода; мы приводимъ эти слова потому, что они прекрасно выясняютъ самый характеръ и направленіе дѣятельности курсовъ первоначальнаго періода. Подводя итоги всему сказанному о педагогическихъ курсахъ этого періода, мы, такимъ образомъ, должны отмѣтить слѣдующія существенныя особенности этихъ курсовъ: невысокій и крайне неравномѣрный образовательный уровень слушателей, граничащій иногда съ отсутствіемъ даже элементарнаго образованія; отсутствіе всякой предварительной спеціально-педагогической подготовки слушателей, ихъ пассивная, безусловно ученическая роль на курсовыхъ занятіяхъ, обученіе слушателей предметамъ общеобразовательнаго элементарнаго курса и сообщеніе имъ педагогическихъ познаній только лишь въ мѣру ихъ ограниченнаго умственнаго развитія и образованія... Всѣ эти отрицательныя особенности, повидимому, не говорятъ объ успѣхахъ педагогическихъ курсовъ первоначальнаго періода; но такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? Исполнили ли эти курсы свою задачу, имѣли ли они то практическое значеніе, ради котораго они учреждались? Дѣло въ томъ, что отрицательныя особенности тѣхъ курсовъ поражаютъ насъ только теперь, когда на задачи начальнаго народнаго образованія мы смотримъ сквозь призму современной намъ дѣйствительности и современныхъ условій русской народной школы; если же курсы эти разсматривать, такъ сказать, съ нормальной исторической точки зрѣнія, если ихъ разсматривать съ точки зрѣнія тогдашнихъ условій только еще возникающей начальной народной школы, тогда они выступятъ передъ нами въ совершенно иномъ свѣтѣ: въ свое время курсы эти поистинѣ были первымъ свѣтлымъ лучомъ въ темномъ царствѣ дореформенной русской народной школы. Мы видѣли, что народный учитель здѣсь получалъ первые начатки знанія общеобразовательныхъ предметовъ элементарнаго курса, каждый учитель уѣзжалъ отсюда, по крайней мѣрѣ, хорошо владѣющимъ русскою грамотой. Онъ узнавалъ здѣсь тѣ лучшія книги, по которымъ онъ долженъ былъ учиться и учить, учился здѣсь понимать эти книги и часто получалъ ихъ здѣсь въ свою собственность. Эти первые піонеры русскаго народнаго просвѣщенія впервые просыпались здѣсь отъ глубокой привычной умственной спячки: они внимательно слушали здѣсь бесѣды своихъ руководителей, которые открывали имъ совершенно неслыханныя ими истины о задачахъ школы, о дурныхъ и хорошихъ вліяніяхъ, дѣйствующихъ на людей, о воспитаніи въ школѣ и дома, о различныхъ дѣтскихъ типахъ, о средствахъ къ развитію въ дѣтяхъ любознательности и пр. Болѣе развитые слушатели записывали содержаніе всѣхъ этихъ бесѣдъ; записки эти читались въ собраніи слушателей, которые должны были здѣсь же самостоятельно устно излагать, повторять содержаніе вы-

слушанныхъ ими бесѣдъ. Для этой цѣли вызывались для разговора двое слушателей, изъ которыхъ одинъ спрашивалъ, а другой отвѣчалъ. «Цѣлью этихъ упражненій было втолковать, сдѣлать понятными рѣшительно всѣмъ мысли, высказанныя руководителемъ» (ibid., стр. 11). Такимъ образомъ, здѣсь слушатели проходили, быть-можетъ, первую школу самостоятельнаго умственнаго труда, которая служила какъ бы первой ступенью къ педагогическому самообразованію и самоусовершенствованію. За внѣшней рутиной, за внѣшнею формой школьнаго дѣла они здѣсь впервые начинали различать самую сущность дѣла начальнаго народнаго образованія. «Убѣжденіе, что задача школы не есть только выучка грамотѣ,—говоритъ руководитель новгородскихъ курсовъ (1869 г.) баронъ Косинскій,—что задача эта состоитъ въ развитіи и нравственномъ улучшеніи ребенка, такъ сказать, освѣжило моихъ слушателей, увѣрило ихъ, что они далеко еще не всевѣдущи въ дѣлѣ учительства, что имъ надо постоянно работать надъ собою для того, чтобы хотя отчасти выполнить принятую на себя обязанность» (ibid., стр. 5). Глубже вникая въ сущность школьнаго дѣла, слушатели здѣсь, во временной начальной школѣ, слушали уроки руководителя, сами давали уроки, упражнялись въ критическомъ разборѣ этихъ уроковъ и такимъ образомъ пріобрѣтали здѣсь и первые доступные для нихъ элементарные пріемы начальнаго обученія, и навыкъ критическаго отношенія къ своей работѣ, и первый толчокъ къ педагогическому самообразованію и усовершенствованію. Здѣсь, быть-можетъ, впервые раскрывался передъ ними внутренній міръ ребенка, тотъ глубокій и сложный міръ, котораго они раньше не замѣчали. Здѣсь зараждались у нихъ интересъ и искренняя любовь къ своему дѣлу, которое раньше, быть-можетъ, для многихъ изъ нихъ было только лишь ремесломъ; углубившись въ совмѣстную серьезную работу, учителя, слушатели курсовъ, начинали здѣсь если не ясно понимать, то, по крайней мѣрѣ, сердцемъ чувствовать и предугадывать глубокое общественное значеніе начальнаго народнаго образованія. «Я старался,—говоритъ тотъ же баронъ Косинскій,—возвысить духъ моихъ слушателей, развить въ нихъ убѣжденіе въ святости своего поприща. Мнѣ хотѣлось поставить ихъ на ту дорогу нравственной работы надъ самимъ собою, которая составляетъ счастіе жизни человѣка, которая дѣлаетъ учителя истиннымъ просвѣтителемъ дѣтей, довѣренныхъ ему обществомъ» (ibid.). И эти благородныя стремленія, дѣйствительно, достигали своей цѣли. Явившись на курсы подневольными ремесленниками учительскаго труда, многіе учителя находили здѣсь нравственное обновленіе, уносили отсюда пробужденный интересъ, любовь и уваженіе къ учительскому призванію: впервые испытавъ невѣдомое наслажденіе отъ плодотворной умственной работы, они разставались съ курсами съ искренними слезами тяжелой разлуки (см. *Закрытіе учит. курсовъ въ Новгородѣ въ 1869 г.*, стр. 1).

Ясно отсюда то практическое, жизненное, плодотворное значеніе, которое имѣли эти педагогическіе курсы: итоги ихъ дѣятельности сами собою просвѣчиваютъ изъ содержанія этой дѣятельности; кромѣ того, итоги эти

яркими чертами отмѣчены въ отчетахъ тѣхъ земскихъ учрежденій, по иниціативѣ и на средства коихъ устраивались эти курсы. Эти курсы вывели на свѣтъ первыхъ піонеровъ начальной народной школы, они ознакомили земскія учрежденія съ учителями вновь организуемой земской школы. «Курсы, познакомившіе земскія учрежденія губерніи съ настоящими учителями народныхъ школъ и давшіе возможность правильно расцѣнить ихъ, оказали несомнѣнную пользу для земскихъ учрежденій» (Отчетъ новгор. губ. зем. упр. 1869 г. апр. 15). Представитель земства на закрытіи новгородскихъ курсовъ 1869 г., между прочимъ, говорилъ: «Земство пріобрѣло въ шесть недѣль 43 учителя, которые внесутъ съ собою иную, болѣе осмысленную, болѣе облагороженную жизнь въ сельскую школу. Шутка ли, 43 учителя, знающихъ свое дѣло, на 6 уѣздовъ! И это въ одинъ годъ!» (*Закр. учит. курсовъ въ Новгор.,* стр. 17). «Курсы,—говоритъ докладъ Новгород. губ. зем. управы,—принесли учителямъ пользу уже тѣмъ, что вызвали общественное вниманіе къ этимъ лицамъ и тѣмъ поддержали ихъ и возвысили ихъ въ собственныхъ глазахъ» (стр. 3).

Подводя итоги учительскихъ педагогическихъ курсовъ, которые подъ рядъ въ теченіе 3 лѣтъ устраивались въ Новгородской губерніи (въ 1869—1871 гг.), губернская земская управа въ докладѣ своемъ говоритъ: «Отъ курсовъ ожидалось только, что, съ помощью ихъ, существующіе учителя, подъ руководствомъ опытнаго и компетентнаго наставника, усвоятъ себѣ легчайшій методъ преподаванія и разовьютъ въ народѣ грамотность. Что цѣль достигнута, этому лучшимъ доказательствомъ служитъ увеличеніе въ губерніи какъ числа самыхъ школъ, такъ и количества, назначаемаго уѣздными земствами и сельскими обществами пособія». Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что педагогическіе курсы перваго періода блистательно выполнили свою *временную* нелегкую задачу, они дали учителямъ новой нараждающейся земской школы ту необходимую педагогическую азбуку, безъ которой не можетъ быть истиннаго народнаго учителя; для этой школы они наскоро приготовили народнаго учителя, который болѣе или менѣе сознательно и толково могъ вести свое дѣло. На дѣвственномъ полѣ русскаго начальнаго народнаго образованія они создали *ополченіе* тѣхъ первыхъ ратниковъ, преемники которыхъ теперь уже составляютъ мирную организованную *армію* тружениковъ начальной народной школы. *Это были педагогическіе курсы для приготовленія учителей*: въ этомъ было ихъ *спеціальное и временное значеніе,* хотя, какъ мы это видѣли, этимъ однимъ не ограничивалось ихъ плодотворное значеніе.

III.

Начиная съ 1872—75 гг., какъ разъ около того времени, когда изданы были подробныя правила о педагогическихъ временныхъ курсахъ,—курсы эти какъ будто прекращаютъ свое существованіе: они устраиваются все рѣже и рѣже, постепенно уступая мѣсто другой формѣ учительскихъ бо-

бранiй — учительскимъ съѣздамъ. Но начиная съ 1884 г., т.-е. съ того самаго времени, какъ учительскiе съѣзды фактически прекратили свое существованiе, педагогическiе курсы снова возраждаются, и въ послѣднiе годы все чаще и чаще возбуждаются земскiя ходатайства о разрѣшенiи на устройство мѣстныхъ педагогическихъ курсовъ. Этотъ только что указанный нами довольно продолжительный, хотя и не повсемѣстный перерывъ въ исторiи педагогическихъ курсовъ несомнѣнно объясняется тѣмъ, что курсы выполнили ту спецiальную временную задачу, для разрѣшенiя которой они учреждались: они подготовили первый необходимый кадръ учителей народныхъ школъ, а потомъ уже трудная задача приготовленiя учителей перешла къ спецiально-педагогическимъ учительскимъ заведенiямъ, учительскимъ семинарiямъ и учительскимъ школамъ. Убѣжденiе въ томъ, что педагогическiе курсы, въ ихъ первоначальной формѣ, послѣ 3—5-ти-лѣтняго опыта ихъ устройства, оказывались уже ненужными или, по крайней мѣрѣ, мало полезными, нерѣдко открыто и ясно высказывались какъ учредителями, такъ и руководителями этихъ курсовъ, и тѣ, и другiе начинаютъ высказываться за то, чтобы для подготовленiя народныхъ учителей учреждались спецiально-педагогическiя учительскiя заведенiя и чтобы для настоящихъ учителей вмѣсто педагогическихъ курсовъ устраивались учительскiе съѣзды (см., наприм.: 1) докладъ Новгор. губ. зем. управы о педагогич. курсахъ 1871 г., стр. 5, и 2) отчетъ г. Рашевскаго о курсахъ и съѣздѣ учителей въ С.-Петербургской губ. 1872 г., стр. 13). И дѣйствительно, учительскiе съѣзды все болѣе и болѣе прививаются къ жизни, и до 1884 г. они служатъ если не исключительною, то, по крайней мѣрѣ, преобладающею, господствующею формой учительскихъ педагогическихъ собранiй. Однако, съ 1884—85 г. педагогическiе курсы снова возраждаются; но, какъ увидимъ ниже, исключительно только потому, что, начиная съ этого времени, устройство учительскихъ съѣздовъ учебною администрацiей не разрѣшалось, и педагогическiе курсы такимъ образомъ фактически являлись *единственно возможною* формой учительскихъ собранiй, въ которыхъ вообще была настоятельная, жизненная необходимость. Но педагогическiе курсы этого времени уже рѣзко отличаются отъ курсовъ перваго перiода: они возникли при совсѣмъ иныхъ условiяхъ, отражали въ себѣ совсѣмъ другiя потребности и условiя начальной народной школы и разрѣшали совсѣмъ другую практическую задачу. Укажемъ теперь отличительныя особенности педагогическихъ курсовъ этого перiода. Баронъ Косинскiй въ 1869 г., между прочимъ, говорилъ, что лучшiе способы начальнаго обученiя: это—«достоянiе грядущей эры народнаго образованiя въ Россiи,— той эры, которая начнется съ той поры, когда въ каждой губернiи нашего отечества будетъ, по крайней мѣрѣ, по одной учительской школѣ» (Отчетъ о курсахъ 1869 г., стр. 2). И вотъ теперь, послѣ 15—20-лѣтняго опыта дѣятельности русскаго земства по начальному народному образованiю, эта «грядущая эра» почти уже стала настоящею дѣйствительностью. Теперь на педагогическiе курсы являлись учителя, которые стали учителями не «по приказанiю без-

грамотныхъ старостъ», а по собственному, совершенно сознательному рѣшенію: огромное большинство этихъ учителей, по своему общему образованію и по своей спеціальной педагогической подготовкѣ, вполнѣ достойны были званія народнаго учителя. Въ большинствѣ случаевъ это были воспитанники духовныхъ и учительскихъ семинарій или воспитанницы женскихъ средне-учебныхъ заведеній и женскихъ учительскихъ школъ, или, по крайней мѣрѣ, воспитанники уѣздныхъ училищъ, по спеціальному экзамену получившіе право на преподаваніе въ начальныхъ училищахъ. Укажу для примѣра на *составъ слушателей педагогическихъ курсовъ* 1892 года въ гор. Старой Русѣ, Новгородской губерніи. Изъ 42 слушателей 22 (50%) были воспитанники учительскихъ семинарій и учительскихъ школъ, 2 воспитанника духовныхъ семинарій, 8 воспитанницъ женскихъ гимназій и прогимназій и 11 имѣли званіе сельскаго учителя. Изъ 46 слушателей череповскихъ педагогическихъ курсовъ 1892 г. воспитанниковъ учительскихъ семинарій было 21, воспитанницъ женскихъ гимназій—22 и только трое были лица съ низшимъ образованіемъ. Для такихъ слушателей, разумѣется, не приходилось давать уроковъ русскаго языка и ариѳметики; мало того, слушатели эти, за рѣдкими исключеніями, хорошо знали и первоначальную азбуку школьнаго дѣла: имъ нужно было дать что-нибудь большее.

Отсюда *болѣе серьезное, болѣе научное содержаніе* педагогическихъ занятій на курсахъ,—отсюда и болѣе *активная роль слушателей* и даже, пожалуй, особая организація курсовыхъ занятій. Читая отчеты объ этихъ курсахъ, вы постоянно чувствуете, что педагогическое образованіе слушателей этими курсами не начиналось, а только лишь дополнялось и расширялось. Теоретическія занятія выражались здѣсь, главнымъ образомъ, въ *бесѣдахъ*, которыя руководители курсовъ вели со своими слушателями. Бесѣды эти касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ теоріи и практики начальнаго обученія и воспитанія. Здѣсь (въ формѣ бесѣдъ) излагались слушателямъ начала логики, психологіи, дидактики и педагогики; здѣсь довольно обстоятельно трактовались вопросы о задачахъ народной школы, о нравственномъ и эстетическомъ воспитаніи, о школьной дисциплинѣ, о методахъ и формахъ обученія и т. п. И чтенія эти, только лишь въ силу обязательныхъ правилъ о курсахъ, имѣли форму бесѣдъ, въ сущности же это были скорѣе сокращенныя лекціи по теоріи обученія и воспитанія. Эти чтенія-бесѣды не приходилось теперь уже втолковывать и разжевывать слушателямъ путемъ многократныхъ повтореній и пояснительныхъ примѣровъ, нужно было только ясно и систематично излагать ихъ для того, чтобы содержаніе этихъ бесѣдъ стало достояніемъ слушателей. Слушатели по очереди вели подробную запись (протоколы) этихъ бесѣдъ, и въ нѣкоторыхъ отчетахъ о курсахъ чтенія или бесѣды руководителей, не рѣдко по очень отвлеченнымъ вопросамъ логики, психологіи и педагогики, можно читать въ подлинномъ изложеніи самихъ слушателей, и изложенія эти большею частью написаны просто, толково, систематично, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Излагая свои бесѣды, руководители курсовъ, хотя для нихъ по прави-

ламъ о курсахъ и обязательна была роль преподавателей, конечно, не могли забыть, что слушатели ихъ не ученики, которые могутъ только молчаливо сидѣть на ученическихъ скамьяхъ и внимательно слушать своего учителя; они знали и на каждомъ шагу убѣждались, что ихъ аудиторію составляютъ болѣе или менѣе образованные учителя, имѣющіе за собой, быть можетъ, не большой, но глубоко поучительный и незамѣнимо дорогой опытъ учительской работы. Излагая свои бесѣды, руководители не рѣдко обращаются къ своимъ слушателямъ за разъясненіями различныхъ существенныхъ вопросовъ учительской практики. Такъ, наприм., развивая вопросъ о задачахъ начальной народной школы и желая опровергнуть ходячее мнѣніе, будто начальная школа не оставляетъ никакого слѣда въ дальнѣйшей нравственной жизни воспитанниковъ этой школы, руководитель обращается къ слушателямъ съ слѣдующимъ вопросомъ: «Нѣкоторые изъ васъ, господа, имѣли возможность долго наблюдать за отправленіями деревенской школы, я попросилъ бы (васъ) высказаться: отражается ли вліяніе школы на нравственномъ складѣ учащихся и въ какой мѣрѣ» (Курсы въ Старой Русѣ 1892 г., отчетъ, стр. 7). Разбирая вопросъ объ обязательной и желательной программѣ курса начальной народной школы, руководитель спрашиваетъ слушателей: «Считаете ли вы возможнымъ въ курсъ современной русской школы ввести начатки элементарныхъ свѣдѣній по естествознанію, отечественной исторіи и географіи?» Излагая ученіе о системахъ обученія и желая установить нормальныя правила о системѣ обученія въ начальной школѣ, руководитель спрашиваетъ своихъ слушателей: «Практикуете ли вы въ своихъ школахъ систему взаимнаго обученія, въ какой мѣрѣ, въ какой формѣ и каковы результаты этой практики» *) и т. п. Всѣ подобныя обращенія никогда не оставались безъ отвѣта: учителя и учительницы по возбужденнымъ вопросамъ нерѣдко сообщали очень цѣнныя факты и практическія соображенія, и, подкрѣпленные этими фактами и соображеніями, теоретическіе выводы и положенія педагогическихъ чтеній (бесѣдъ) для слушателей, такъ сказать, загорались болѣе яркимъ свѣтомъ, пріобрѣли для нихъ большую силу и убѣдительность. Въ интересныхъ отчетахъ о педагогическихъ курсахъ позднѣйшаго періода, передъ вами въ яркихъ краскахъ рисуется личность народнаго учителя, какъ участника въ курсовыхъ занятіяхъ: вы на каждомъ шагу замѣчаете ту дѣятельную, энергическую и трудовую роль, которую выполняли слушатели курсовъ. Читая эти отчеты, вы постоянно слышите здѣсь голосъ учителя, вы видите, съ какимъ глубокимъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за ходомъ глубоко интереснаго для него дѣла. Какъ бы дополняя бесѣды руководителя, учитель нерѣдко выступаетъ здѣсь въ качествѣ референта: онъ читаетъ и отдаетъ на судъ своихъ товарищей свои рефераты, болѣе чѣмъ по спеціальнымъ вопросамъ начальнаго обученія. *Рефераты* эти то посвящаются разбору учебниковъ (букварей или

---

*) Съ послѣдними двумя вопросами руководитель обращался къ своимъ слушателямъ на педагогическихъ курсахъ въ гор. Сердобскѣ, происходившихъ въ 1894 г.

книгъ для чтенія), то въ нихъ разбираются вопросы о задачахъ и способахъ обученія тому или другому предмету курса начальной школы, и нерѣдко въ рефератахъ этихъ вы увидите слѣды тщательнаго изученія предмета и непосредственнаго знакомства съ дѣломъ. Составленіе и оцѣнка такихъ рефератовъ пріучали учителей перебирать въ памяти и умѣ своемъ весь запасъ своихъ педагогическихъ свѣдѣній и педагогическаго опыта; составленіе этихъ рефератовъ пріучало учителей и къ теоретической педагогической работѣ: оно пріучало ихъ разбираться въ педагогической литературѣ, искать въ ней отвѣтовъ на поставленные педагогическіе вопросы и производить оцѣнку этихъ отвѣтовъ съ точки зрѣнія своего собственнаго педагогическаго опыта... Какъ видите, это цѣлая школа педагогическаго самообразованія и самоусовершенствованія. Но самую главную, существенную часть курсовыхъ занятій составляли *образцовые уроки* руководителей и уроки слушателей, которые здѣсь же, на курсахъ, давались во временной образцовой начальной школѣ, а также и *разборъ этихъ уроковъ*.

Временная начальная школа, которая обязательно организуется на педагогическихъ курсахъ, и служила для слушателей той, для всѣхъ видною, публичною лабораторіей, въ которой изо дня въ день производились образцовые или пробные глубоко поучительные педагогическіе опыты... Вотъ на скромную арену такихъ опытовъ выходитъ руководитель курсовъ, — человѣкъ не только съ педагогическою опытностью, но и съ высшимъ научнымъ образованіемъ и спеціальною научною подготовкой: онъ чувствуетъ на себѣ устремленные на него взоры своихъ слушателей; съ глубокимъ вниманіемъ и интересомъ, они жадно ловятъ каждое его слово, каждое его движеніе. Производя свои педагогическіе опыты, руководитель сознаетъ, что слушатели и цѣнители его уже не новички, а люди, искусившіеся въ педагогическомъ искусствѣ; онъ хорошо знаетъ, что его опыты найдутъ здѣсь справедливую и безпристрастную оцѣнку. Можно понять отсюда ту серьезность и строгость, съ которыми производятся эти педагогическіе опыты... Обыкновенно на урокахъ своихъ руководители стараются наглядно показать своимъ слушателямъ, какъ нужно побѣждать тѣ или другія трудности въ практикѣ начальнаго обученія: на урокахъ этихъ то полнѣе и глубже раскрывается тайна звукового метода, то раскрываются лучшіе пріемы обученія сознательному и выразительному чтенію, то иллюстрируются тѣ или другіе пріемы столь быстро совершенствующагося метода обученія ариѳметикѣ и т. п. Нерѣдко слушатели-учителя видятъ и слышатъ здѣсь впервые такіе опыты обученія, въ которыхъ воплощено послѣднее слово педагогической техники. Нерѣдко они видятъ здѣсь такіе блестящіе педагогическіе опыты, въ которыхъ гармонически соединены и выражены всѣ особенности образовательнаго и воспитывающаго начальнаго обученія.

Пораженные новизной и успѣхомъ этихъ опытовъ, слушатели стараются глубже понять и прочнѣе запомнить ихъ, они спѣшатъ чуть не каждое слово урока занести въ свои памятныя тетради; а потомъ, когда руководитель отдастъ свои уроки на судъ своихъ слушателей, они спѣшатъ

изложить ему свои недоразумѣнія, просятъ его разъяснить цѣль и значеніе тѣхъ или другихъ пріемовъ. Путемъ такого *разбора* урокъ руководителя выяснялся для всѣхъ слушателей подробно и всесторонне. Наблюдая эти новые опыты, проникаясь общимъ неизбѣжно водворяющимся въ такомъ собраніи настроеніемъ, слушатели навсегда отрѣшались здѣсь отъ рутиннаго, ремесленническаго отношенія къ своему дѣлу; такимъ путемъ здѣсь заraждались и воспитывались въ нихъ стремленіе и способность, такъ сказать, къ педагогическому творчеству, воспитывалось стремленіе постоянно искать и находить, постоянно улучшать новыя средства, новыя формы для практическаго осуществленія педагогическихъ проблемъ и правилъ. Это пробуждавшееся здѣсь стремленіе къ практическому усовершенствованію въ своемъ дѣлѣ—укрѣплялось здѣсь собственными педагогическими опытами, которые сами слушатели производили на курсахъ въ той же временной школѣ. По возможности каждый изъ слушателей давалъ въ этой школѣ пробные уроки, разумѣется, въ присутствіи всѣхъ слушателей: слушатель-практикантъ обыкновенно раньше составлялъ конспектъ (планъ) своего урока, конспектъ этотъ обсуждался въ собраніи слушателей и исправлялся руководителемъ. Проведя свой урокъ, слушатель-практикантъ—въ тѣ часы, которые посвящались разбору уроковъ, отдавалъ отчетъ въ своемъ урокѣ, разъяснялъ цѣль и планъ его, указывалъ промахи и недостатки своего урока, подводилъ итоги своему уроку, указывалъ, что изъ намѣченнаго плана было имъ достигнуто и что осталось невыполненнымъ; а затѣмъ отдавалъ свой урокъ на судъ руководителя и своихъ товарищей-слушателей. Разборъ пробныхъ уроковъ—это также одинъ изъ характерныхъ и плодотворныхъ моментовъ на курсовыхъ занятіяхъ, въ которомъ обыкновенно болѣе видную и активную роль исполняли сами слушатели: они отмѣчали всѣ положительныя и отрицательныя стороны урока, раскрывали всѣ самыя детальныя его особенности, всѣ частыя и крупныя, и мелкія достоинства и недостатки его. Читая протоколы этихъ разборовъ, вы видите, какъ постепенно критическая мысль учителя работаетъ все энергичнѣе и успѣшнѣе; вы замѣчаете, какъ мысль эта все глубже и глубже входитъ въ содержаніе учительскаго дѣла; какъ постепенно выясняется самая мѣрка для оцѣнки направленія, способовъ и пріемовъ учительской работы; какъ у участниковъ этой работы поле зрѣнія на задачи, содержаніе и способы начальнаго обученія постепенно расширяется, раздвигается все шире и шире.

И что особенно важно, эти детальные разборы отнюдь не размѣниваются на одни только мелочные кунстштюки учительской практики, эти разборы всецѣло опираются на изложенныя здѣсь же идеи современной науки обученія и воспитанія, эти разборы постоянно производятся, такъ сказать, на плодотворной почвѣ этихъ идей. Такъ педагогическіе курсы, при условіи наилучшей организаціи ихъ, всегда были и *всегда могутъ быть* той научно-организованной лабораторіей педагогическаго искусства, о которой мы говорили въ началѣ статьи и поработать въ которой время отъ времени *необходимо для каждаго учителя*. На педагогическихъ курсахъ позднѣйшаго

періода слушатели—народные учителя—дополняли свое педагогическое образованіе пріобрѣтеніемъ и усвоеніемъ новыхъ педагогическихъ свѣдѣній, освѣщали свои познанія, усвоивали новые улучшенные способы и пріемы учительскаго труда. Въ этомъ именно и заключалась основная цѣль педагогическихъ курсовъ позднѣйшаго періода, въ этомъ именно и заключалось ихъ спеціальное практическое значеніе. Спѣшу оговориться: не въ этомъ только,—далеко не въ одномъ только этомъ заключалось плодотворное значеніе педагогическихъ курсовъ, оно было гораздо глубже и разностороннѣе; ихъ благотворное вліяніе, выходя изъ тѣсной среды мѣстнаго учительскаго сословія, нерѣдко глубоко проникало во всю мѣстную общественную жизнь. Но объ этомъ побочномъ, хотя и въ высокой степени важномъ значеніи я буду говорить въ главѣ объ учительскихъ съѣздахъ, такъ какъ то нравственное и общественное значеніе, которое имѣли происходившіе у насъ въ послѣдніе годы педагогическіе курсы, одинаково присуще всѣмъ вообще учительскимъ педагогическимъ собраніямъ и, какъ увидимъ это ниже, такое значеніе принадлежитъ учительскимъ съѣздамъ въ гораздо большей степени, чѣмъ педагогическимъ курсамъ. Здѣсь же я говорилъ только лишь о томъ *спеціальномъ* педагогическомъ значеніи, которое принадлежитъ учительскимъ собраніямъ въ описанной нами формѣ временныхъ педагогическихъ курсовъ.

Послѣ всего того, что, исключительно на основаніи документальныхъ данныхъ, говорили мы о содержаніи, направленіи и формахъ дѣятельности педагогическихъ курсовъ позднѣйшаго періода, я не думаю, чтобы сдѣланный нами выводъ о ихъ спеціальномъ практическомъ значеніи показался кому-нибудь голословнымъ.

Тѣмъ не менѣе, считаю не лишнимъ привести подлинныя слова самихъ руководителей и слушателей о главномъ *спеціальномъ* значеніи педагогическихъ курсовъ.

Открывая педагогическіе курсы въ г. Старой Рузѣ въ 1892 г., наблюдатель, мѣстный докторъ народныхъ училищъ, вотъ какъ объяснялъ необходимость учрежденія курсовъ и ихъ спеціальную задачу: «большинство изъ учащихъ въ начальныхъ училищахъ Новгородской губерніи, — говорилъ онъ,—какъ болѣе или менѣе подготовленные къ учительской дѣятельности, ведутъ свои занятія, вообще говоря, довольно осмысленно, избѣгая грубыхъ ошибокъ и крупныхъ промаховъ на избранномъ ими поприщѣ. Но между ними встрѣчаются и такія личности, у которыхъ обнаруживается или недостаточное пониманіе общихъ основъ учебно-воспитательнаго дѣла, или не ясное, не отчетливое усвоеніе лучшихъ пріемовъ элементарнаго обученія и цѣли этихъ пріемовъ, или отсутствіе строго опредѣленнаго объема обученія, или, наконецъ, неумѣлое примѣненіе общихъ методическихъ указаній къ установкѣ учебно-воспитательной жизни начальной школы» (*Отчетъ о курсахъ*, стр. 1—2).

Мы уже видѣли, насколько дѣятельность педагогическихъ курсовъ отвѣчала этимъ задачамъ, для разрѣшенія которыхъ они учреждались. Разу-

мѣется, лучшими, т.-е. безпристрастными и въ тоже время самыми строгими судьями педагогическихъ курсовъ были тѣ самые учителя, для которыхъ и учреждались эти курсы; и вотъ эти строгіе судьи, разставаясь съ педагогическими курсами, обыкновенно не находятъ достаточно словъ для того, чтобы выразить свою искреннюю благодарность устроителямъ и руководителямъ курсовъ. «Курсы, — говорилъ одинъ учитель на актѣ закрытія педагогическихъ курсовъ въ г. Крестцахъ (1893 г.), — дали намъ возможность повторить и обобщить теоретическія знанія по педагогикѣ; познакомили съ новѣйшими, болѣе правильными взглядами на дѣло народнаго образованія, уяснили намъ цѣль нашихъ занятій и указали болѣе краткій и естественный путь для достиженія этой цѣли» (*Отчетъ о курсахъ*, стр. 17). «Примѣрные уроки руководителей, — говоритъ другой учитель при прощаніи съ другими курсами (въ г. Старой Русѣ въ 1892 г.), — и вслѣдъ за этимъ нѣкоторые примѣры неумѣлой практики нашей, представляя рѣзкій контрастъ одно съ другимъ, поставили многихъ изъ насъ въ необходимость сознать свои недостатки и, отказавшись отъ рутинныхъ пріемовъ обученія, стремиться по пути къ совершенствованію».

Такъ педагогическіе курсы позднѣйшаго, современнаго намъ періода, которые вызваны къ жизни насущными потребностями современной русской начальной школы, объ учрежденіи которыхъ все чаще и настойчивѣе хлопочутъ уѣздныя и губернскія земства, это курсы — не для приготовленія учителей, а для *усовершенствованія ихъ* въ наукѣ и искусствѣ начальнаго обученія и воспитанія.

IV.

Эта основная задача временныхъ педагогическихъ курсовъ по самой своей сущности не можетъ быть задачей *временнаго и мѣстнаго* значенія: въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли когда-нибудь и гдѣ-нибудь быть лишними и ненужными такія учительскія собранія, которыя учреждаются для усовершенствованія учителей въ дѣлѣ педагогическаго искусства?

У насъ-то, въ Россіи, по крайней мѣрѣ, все равно, какъ бы искусно ни замалчивались потребности русской начальной народной школы, *долго, если не всегда, такія собранія будутъ дѣломъ вопіющей необходимости*. Именно въ виду *насущнаго современнаго значенія* того вида учительскихъ собраній, которыя, въ силу основной своей задачи, называются временными педагогическими курсами, я и считаю нужнымъ вкратцѣ изложить здѣсь, во-первыхъ, тѣ *правила* узаконенія или распоряженія правительства, на основаніи которыхъ учреждаются у насъ такія учительскія собранія, во-вторыхъ, и тѣ *желательныя условія*, при которыхъ собранія эти наиболѣе успѣшно могутъ разрѣшать свою главную, спеціально-педагогическую задачу. Разобрать вопросъ о педагогическихъ курсахъ именно съ такой практической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія потребностей современной начальной народной школы, важно еще и потому, что педагогическіе курсы, какъ

я уже объ этомъ говорилъ, въ настоящее время фактически являются единственно-возможной и осуществимой формой учительскихъ собраній: такъ какъ учительскіе съѣзды въ послѣднее время министерствомъ народнаго просвѣщенія не разрѣшаются.

Позднѣйшія правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ, именно тѣ самыя правила, на основаніи которыхъ въ настоящее время разрѣшаются и учреждаются временные педагогическіе курсы, утверждены 5 августа 1875 г.; правила эти, слѣдовательно, изданы уже послѣ довольно продолжительнаго опыта устройства педагогическихъ курсовъ. Опытъ курсовъ первоначальнаго періода и послужилъ тою основой, на которой построены дѣйствующія теперь правила о педагогическихъ курсахъ; этою основой и объясняются многіе довольно существенные недостатки этихъ правилъ. Правила эти отличаются отъ тѣхъ правилъ и инструкцій, по которымъ учреждались курсы первоначальнаго періода, только лишь тѣмъ, что они полнѣе и систематичнѣе опредѣляютъ обязательную внѣшнюю и внутреннюю организацію педагогическихъ курсовъ: правила эти узаконили организацію первоначальныхъ педагогическихъ курсовъ какъ разъ въ то время, когда уже народилась жизненная потребность въ другой формѣ учительскихъ педагогическихъ собраній; старая организація курсовъ дѣлается обязательной для курсовъ позднѣйшаго періода, хотя эти послѣдніе учреждаются уже для разрѣшенія иной, болѣе общей и болѣе широкой задачи и для удовлетворенія болѣе постоянной общественной потребности. Изданіе этихъ правилъ было починкою старыхъ мѣховъ для новаго молодого вина.

Дѣйствующія теперь правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ (утвержд. 15 августа 1875 г.) опредѣляютъ: 1) цѣль или задачу педагогическихъ курсовъ, 2) порядокъ учрежденія и разрѣшенія ихъ, 3) внѣшнюю организацію и составъ педагогическихъ курсовъ и 4) внутреннюю организацію, т.-е. содержаніе и форму курсовыхъ занятій.

1 § этихъ правилъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ задачу педагогическихъ курсовъ: «временные педагогическіе курсы имѣютъ цѣлью ознакомленіе *мало подготовленныхъ* учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ съ лучшими способами обученія, а также обновленіе и пополненіе ихъ свѣдѣній въ преподаваемыхъ ими предметахъ и вообще усовершенствованіе въ дѣлѣ веденія начальнаго обученія».

Этотъ §, вообще говоря, ставитъ довольно широкую задачу для педагогическихъ курсовъ; хотя въ немъ есть два довольно существенныхъ ограничительныхъ положенія: во-1хъ, здѣсь слишкомъ односторонне выдѣлена необходимость *практической* педагогической подготовки и при этомъ совершенно не говорится о теоретической подготовкѣ слушателей по предметамъ педагогическаго знанія, а такая подготовка несомнѣнно служитъ единственно надежною основой педагогическаго развитія; во-2-хъ, еще болѣе существенное ограниченіе дѣятельности и значенія педагогическихъ курсовъ заключается въ слѣдующемъ пунктѣ этого §: курсы предназнача-

ются только для *мало подготовленныхъ* учителей. Но что же такое *«мало подготовленные»* учителя? Терминъ этотъ слишкомъ относительнаго, условнаго значенія; и единственное практическое значеніе этого ограничительнаго пункта можетъ заключаться развѣ въ томъ только, что, благодаря ему, будутъ возникать (и возникаютъ) различныя недоразумѣнія и затрудненія при учрежденіи педагогическихъ курсовъ: для того уѣзда или той губерніи, въ коихъ большинство учащихъ окончили курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ или въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, пожалуй, какой-нибудь администраторъ сочтетъ педагогическіе курсы ненужными, потому что здѣсь большинство учителей *относительно* достаточно подготовлены къ учительскому дѣлу. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Я думаю, что народный учитель, какую бы основательную школьную подготовку ни получилъ онъ, черезъ нѣсколько лѣтъ учительской работы неизбѣжно окажется «мало подготовленнымъ»: уходя весь, всѣми своими силами, въ практику учительскаго дѣла, живя въ глуши—въ положеніи интеллигентнаго отшельника, имѣя передъ глазами своими только свой одинокій опытъ и большею частью не имѣя ни матеріальныхъ, ни нравственныхъ средствъ къ дальнѣйшему самообразованію,—каждый учитель, говорю я, послѣ нѣкотораго періода тяжелой учительской работы, окажется отставшимъ въ своемъ развитіи, въ своей теоретической и практической подготовкѣ къ учительскому дѣлу. Вотъ почему педагогическіе курсы чрезъ извѣстные промежутки времени—*необходимы* не для «мало подготовленныхъ», а *для всѣхъ* народныхъ учителей. Въ силу самыхъ условій учительскаго труда въ начальныхъ и въ особенности въ сельскихъ народныхъ школахъ, устройство учительскихъ собраній, съ цѣлью усовершенствованія учителей въ учительскомъ дѣлѣ, чрезъ извѣстные промежутки времени *должно было быть обязательнымъ*. Но дѣйствующія правила о педагогическихъ курсахъ слишкомъ далеки отъ такого требованія: напротивъ, они ставятъ цѣлый рядъ формальныхъ преградъ къ учрежденію педагогическихъ курсовъ. *Порядокъ учрежденія и разрѣшенія* курсовъ отличается необыкновенной и, нужно сказать, совершенно искусственно придуманною сложностью. Учредителями педагогическихъ курсовъ могутъ быть земства—какъ отдѣльныя, такъ и совмѣстно—нѣсколько уѣздныхъ земствъ одной и той же губерніи, городскія общества, а равно и другія учрежденія и частныя лица (§§ 3, 4, 32); учредители курсовъ должны принимать на себя всѣ расходы по устройству курсовъ: на проѣздъ и содержаніе учителей, на вознагражденіе руководителей и проч. (§ 33). За это учредителямъ курсовъ предоставляется право присутствовать на курсовыхъ занятіяхъ и, съ согласія мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, приглашать на курсы тѣхъ кандидатовъ на учительскія должности, которые будутъ избраны ими, какъ содержателями начальныхъ училищъ (§§ 11, 16).

Вотъ и всѣ права учредителей; да и право учреждать курсы собственно сводится только лишь къ праву ходатайствовать о разрѣшеніи этихъ курсовъ. Учредители заблаговременно,—по крайней мѣрѣ за 3 мѣсяца до

открытія курсовъ,—должны заявить уѣздному училищному совѣту о своемъ желаніи устроить педагогическіе курсы; земство же, учреждающее педагогическіе курсы, сверхъ того, обязано входить съ представленіемъ объ учрежденіи педагогическихъ курсовъ и къ начальнику губерніи, который сносится по сему предмету съ попечителемъ округа.

Такимъ образомъ земское ходатайство объ учрежденіи курсовъ одновременно должно проходить 2 канцелярскіе пути: 1) отъ земства къ начальнику губерніи и въ учебный округъ и 2) отъ земства къ мѣстному учебному начальству и почти по всѣмъ инстанціямъ министерства народнаго просвѣщенія (§§ 3 и 6).

Уѣздный училищный совѣтъ, получивъ отъ учредителей заявленіе о желаніи устроить педагогическіе курсы, «поручаетъ инспектору народныхъ училищъ составить соображенія» обо всѣхъ требуемыхъ правилами условіяхъ и необходимости устройства такихъ курсовъ и дать этимъ соображеніямъ «надлежащій ходъ» (§ 4). Ходатайство это направляется къ директору народныхъ училищъ «и, *въ случаѣ одобренія симъ послѣднимъ*, представляется на утвержденіе попечителя учебнаго округа». Но этимъ часто не оканчивается еще канцелярское кругосвѣтное путешествіе «дѣла объ учрежденіи педагогическихъ курсовъ»: *фактически* нерѣдко дѣло это поступаетъ на окончательное разсмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія, хотя, по точному смыслу правилъ, курсы разрѣшаются властью попечителя учебнаго округа (§ 2); причемъ число слушателей педагогическихъ курсовъ опредѣляется наблюдателемъ также не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, и притомъ съ тѣмъ непремѣннымъ разсчетомъ, чтобы «руководители не были затрудняемы многочисленностью слушателей и чтобы число руководителей ни въ какомъ случаѣ не было меньше двухъ, если количество слушателей будетъ простираться до 40» (§ 12). Насколько такой такъ сказать баснословно сложный порядокъ разрѣшенія педагогическихъ курсовъ соотвѣтствуетъ интересамъ дѣла, мы объ этомъ говорить не будемъ... Во всякомъ случаѣ порядокъ этотъ совсѣмъ не разсчитанъ на то, чтобы ввести педагогическіе курсы въ нашу *обычную школьную организацію* и поставить педагогическіе курсы въ число необходимыхъ и безспорно полезныхъ условій для правильнаго преуспѣянія школьнаго дѣла. Напротивъ, каждая буква этихъ правилъ говоритъ о томъ, что педагогическіе курсы должны быть явленіемъ въ высшей степени экстраординарнымъ и исключительнымъ, что педагогическіе курсы могутъ быть терпимы и дозволяемы, но только лишь въ исключительныхъ случаяхъ. А, вѣдь, это скромное учрежденіе имѣетъ своею задачей «усовершенствованіе учителей въ дѣлѣ веденія начальнаго обученія!»

Вотъ *правила, касающіяся внѣшней организаціи и состава педагогическихъ курсовъ*: курсы устраиваются или при учительскихъ семинаріяхъ, или при другихъ учебныхъ заведеніяхъ, «обладающихъ необходимыми для курсовъ учебными пособіями и руководствами»: въ 1-мъ случаѣ наблюдателемъ курсовъ становится директоръ семинаріи, а руководителями—по

назначенію директора—преподаватели семинарій; въ послѣднемъ же случаѣ наблюденіе за курсами возлагается на директора или инспектора народныхъ училищъ или на другое лицо учебнаго вѣдомства по усмотрѣнію попечителя, а руководители приглашаются директоромъ народныхъ училищъ также съ утвержденія попечителя (§ 10); къ слушанію педагогическихъ курсовъ приглашаются учителя и учительницы народныхъ училищъ, а равно и кандидаты на учительскія должности, по усмотрѣнію инспектора народныхъ училищъ» (§ 11). При курсахъ должна быть устраиваема образцовая школа (съ 3 отдѣленіями) для практическихъ занятій слушателей курсовъ (§ 9). «Педагогическіе курсы, представляя собою кратковременное учебное заведеніе, имѣютъ въ лицѣ главнаго наблюдателя за курсами—начальника заведенія,—въ лицѣ руководителей-наставниковъ, а въ лицѣ, приглашенныхъ на курсы учителей и учительницъ—учащихся. На этомъ основаніи опредѣляются взаимныя отношенія лицъ, участвующихъ на курсахъ, подчиненіе руководителей и съѣхавшихся учителей и учительницъ—главному наблюдателю за курсами» (§ 13). Мы видѣли, что на курсахъ позднѣйшаго періода слушатели—народные учителя далеко не всегда исполняютъ лишь одну молчаливо-пассивную роль учениковъ: имѣя за собою нерѣдко очень плодотворный и продолжительный опытъ учительской практики, слушатели-учителя нерѣдко сами вносятъ свою собственную дорогую лепту въ общее дѣло усовершенствованія отдѣльныхъ слушателей въ дѣлѣ начальнаго обученія и воспитанія, они нерѣдко сами становятся просвѣщенными членами педагогическаго собранія, активно содѣйствующими разрѣшенію спеціальной задачи курсовыхъ занятій. Такимъ образомъ правило, обязательно превращающее слушателей педагогическихъ курсовъ въ учениковъ,—въ настоящее время является нѣсколько устарѣвшимъ: оно нѣсколько похоже на дѣтское платье, предназначенное для взрослаго человѣка. Но, разумѣется, если во главѣ курсовъ становятся просвѣщенные и компетентные руководители,—на практикѣ правило это, какъ можно видѣть изъ приведеннаго выше описанія дѣятельности курсовъ, нисколько не стѣсняетъ курсовыхъ занятій: эта внѣшняя, такъ сказать школьная, форма курсовъ не отнимаетъ у нихъ того духа и содержанія занятій, которые естественно опредѣляются самыми интересами и условіями учрежденія, которые соотвѣтствуютъ дѣйствительному назначенію, характеру и достоинству учительскаго собранія.

Наблюдателю, какъ лицу отвѣтственному за порядокъ на курсахъ, предоставлено право, въ случаѣ неисполненія его требованій, устранять отъ занятій не только слушателей, но и руководителей, а «въ крайнемъ случаѣ даже закрыть курсы, (съ обязанностью о такомъ распоряженіи донести попечителю учебнаго округа» (§ 14). Правило, предоставляющее наблюдателю право въ случаѣ безпорядковъ, т.-е. въ случаѣ неисполненія его требованій, закрывать курсы, предусматриваетъ такой случай, котораго, разумѣется, ни разу не было за всю исторію педагогическихъ курсовъ, и въ то же время правило это узаконяетъ такую энергичную мѣру пред-

осторожности, установленіе которой дѣлаетъ болѣе чѣмъ неосновательными всякія опасенія и подозрѣнія по отношенію къ педагогическимъ курсамъ.

Даже присутствіе на курсовыхъ занятіяхъ постороннихъ лицъ (за исключеніемъ учредителей) правилами воспрещается (§ 16); хотя, разумѣется, присутствіе на курсахъ такихъ лицъ, извѣстныхъ наблюдателю, кромѣ обоюдной пользы, никакихъ другихъ послѣдствій не могло бы имѣть: вѣдь, эти мѣстныя постороннія лица на курсахъ научились бы только лишь тому, какъ нужно учить и воспитывать своихъ дѣтей,—знаніе не безполезное для всякаго; а курсы и мѣстная народная школа, быть можетъ, въ лицѣ этихъ «стороннихъ» посѣтителей пріобрѣли бы себѣ въ средѣ мѣстнаго общества болѣе энергичныхъ и просвѣщенныхъ защитниковъ.

Затѣмъ правила опредѣляютъ самое *содержаніе* и *порядокъ* курсовыхъ *занятій*. При описаніи бывшихъ доселѣ курсовъ, мы уже видѣли, въ чемъ, въ какихъ именно формахъ обнаруживается дѣятельность педагогическихъ курсовъ; а посему относящіяся до этой дѣятельности правила мы изложимъ въ возможно краткой формѣ. Предъ началомъ курсовыхъ занятій слушатели письменно излагаютъ, описываютъ «состояніе школы, гдѣ они преподаютъ, и употребляемые ими способы преподаванія, а также и свѣдѣнія о своемъ воспитаніи, времени поступленія въ должность и получаемомъ содержаніи (§ 18). На основаніи этихъ письменныхъ работъ, а также и на основаніи указаній инспектора народныхъ училищъ, «руководители, при участіи наблюдателя, составляютъ подробныя программы и распредѣленія занятій на курсахъ» (§ 19). Ежедневныя занятія, которыя продолжаются не менѣе 6 часовъ, состоятъ или въ практическихъ занятіяхъ во временной образцовой школѣ, или въ теоретическихъ чтеніяхъ, или бесѣдахъ руководителей. Въ образцовой школѣ сначала даютъ уроки руководители, а потомъ, поочереди и подъ наблюденіемъ руководителей, и слушатели курсовъ, причемъ предварительно составленные практикантами конспекты уроковъ, а равно и выполненія ихъ, обсуждаются собраніемъ слушателей (§§ 21—23). Теоретическія занятія ведутся въ формѣ бесѣдъ руководителей со слушателями; бесѣды эти должны состоять въ сообщеніи (по мѣрѣ необходимости) дополнительныхъ свѣдѣній по предметамъ, изучаемымъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ; въ сообщеніи общихъ педагогическихъ правилъ школьной организаціи; въ ознакомленіи съ лучшими способами обученія предметамъ начальной народной школы *); въ ознакомленіи съ книгами и журнальными статьями по народному образованію, а также и съ отрывками болѣе серьезныхъ педагогическихъ сочиненій; въ указаніи сочиненій, которыя могутъ служить для чтенія и дальнѣйшаго самообразованія учителей и учительницъ (§ 24); причемъ примѣчаніе къ этому § правилъ дѣлаетъ совершенно основательное и необходи-

---

*) Между прочимъ, рекомендуется знакомить слушателей со способами обученія церковному пѣнію и гимнастикѣ.

мое разъясненіе, что «указанный здѣсь объемъ теоретическихъ занятій можетъ измѣнятьcя, смотря по степени знаній и развитія» слушателей. По всѣмъ (указаннымъ) теоретическимъ занятіямъ слушатели составляютъ письменные отчеты и представляютъ ихъ на разсмотрѣніе руководителей (§ 25). Далѣе, опредѣляя желательное направленіе курсовыхъ занятій, правила требуютъ внушать слушателямъ «сознательное убѣжденіе въ важномъ значеніи правильно-организованной начальной народной школы, какъ учрежденія, посредствомъ котораго сообщаются дѣтямъ народа не только первоначальныя полезныя знанія, но и религіозно-нравственное воспитаніе» (§ 28). Если учредители пожелаютъ повторить курсы 2 года сряду для однихъ и тѣхъ же слушателей, то на второй годъ рекомендуется уже нѣсколько расширять содержаніе курсовыхъ занятій; рекомендуется «обратить вниманіе на русскую исторію, въ объемѣ курса учительскихъ семинарій, и на главнѣйшія свѣдѣнія, необходимыя для пониманія явленій природы» (§32).

По окончаніи курсовъ слушатели получаютъ свидѣтельства съ аттестаціей о ихъ занятіяхъ на курсахъ; а педагогическая коммиссія составляетъ отчетъ, который представляется министерству народнаго просвѣщенія и учредителямъ и печатается въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ (§ 30). Таковы *дѣйствующія* правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ. Мы видѣли уже, что и на почвѣ этихъ нѣсколько устарѣвшихъ правилъ, педагогич. курсы позднѣйшаго періода прекрасно выполняли свою главную спеціальную задачу. Несмотря на устанавливаемыя этими правилами формальныя преграды къ широкому распространенію педагогическихъ курсовъ,— это учрежденіе въ послѣднее время снова возраждается къ жизни, все чаще и чаще возобновляются попытки къ ихъ учрежденію, все чаще и чаще возбуждаются земскія ходатайства о разрѣшеніи устройства педагогическихъ курсовъ...

Это отъ того, конечно, что необходимость учительскихъ педагогическихъ съѣздовъ, хотя бы и въ формѣ курсовъ,—вытекаетъ изъ самой сущности чрезвычайно сложнаго дѣла начальнаго народнаго образованія; это потому, конечно, что необходимость учрежденія педагогическихъ курсовъ вызывается самыми насущными потребностями современной русской народной школы. Вотъ почему учительскіе педагогическіе курсы, въ той или другой формѣ ихъ устройства, далеко еще не закончили свою столь недавно начавшуюся исторію... Укажемъ въ заключеніе тѣ 2 — 3 главныхъ существенныхъ *условія, при которыхъ это всегда полезное учрежденіе можетъ имѣть наибольшій успѣхъ.*

Прежде всего педагогическіе курсы, какъ учрежденіе, должны войти въ постоянную организацію нашего школьнаго дѣла,—*должны быть учреждаемы періодически-правильно*, чрезъ извѣстные установленные промежутки времени. Какъ исключительное единичное явленіе въ мѣстной школьной жизни, курсы, конечно, не могутъ *постоянно* держать состояніе мѣстной народной школы на возможно-высокомъ уровнѣ,—не могутъ имѣть *постояннаго* вліянія на внутреннее состояніе мѣстной школы. Прежде всего, если

педагогическіе курсы будутъ въ мѣстной жизни явленіемъ исключительнымъ и единичнымъ, то и сами слушатели ихъ едва ли найдутъ достаточно нравственной возможности въ полной мѣрѣ воспользоваться услугами этого учрежденія. Устроенные въ 1-й и, быть можетъ, въ послѣдній разъ педагогическіе курсы мѣстными учителями, привыкшими къ уединенной одиночной работѣ, обыкновенно на первый разъ встрѣчаются съ нѣкоторой робостью и недовѣріемъ: что это за курсы, думаютъ они? ужъ не для того ли учреждаются они, чтобы произвести строгое испытаніе нашимъ педагогическимъ способностямъ и занятіямъ? не послѣдуетъ ли за этими курсами цѣлый рядъ административныхъ взысканій,—не послѣдуютъ ли перемѣщенія и увольненія? И вотъ робкіе слушатели, не понимая еще значенія курсовъ, спѣшатъ молчаніемъ и излишнею сдержанностью, неоткровенностью замаскировать на курсахъ свое дѣйствительное или мнимое незнаніе, стараются замолчать свои пробѣлы въ педагогическомъ образованіи вмѣсто того, чтобы свободно и сполна раскрыть ихъ своимъ руководителямъ. При такомъ отношеніи слушателей къ курсамъ эти послѣдніе несомнѣнно потеряютъ значительную долю свою плодотворнаго значенія. Но пусть курсы повторяются хотя бы изрѣдка,—пусть въ мѣстномъ учительскомъ сословіи постоянно будетъ жить традиція объ истинномъ назначеніи педагогическихъ курсовъ; и тогда работники народной школы будутъ приносить сюда, такъ сказать, всю свою открытую учительскую душу, они по собственному искреннему побужденію будутъ раскрывать здѣсь пробѣлы своего педагогическаго образованія для того, чтобы восполнить ихъ новыми знаніями и навыками.

Кромѣ того, курсы, какъ рѣдкое исключительное явленіе, не надолго могутъ всколыхнуть и очистить застоявшуюся внутреннюю жизнь мѣстной школы: пройдетъ 4—5 лѣтъ, и жизнь эта неизбѣжно войдетъ въ свои прежнія, быть можетъ очень низкія, берега. При обычной, очень короткой, средней продолжительности учительской службы въ мѣстную учительскую среду скоро войдутъ новые работники, а нѣкоторые изъ прежнихъ оставятъ учительское поприще... Да и учителя, прослушавшіе курсы, послѣ 4—5 лѣтъ тяжелой учительской службы, неизбѣжно растратятъ ту новую силу, которую пріобрѣли они на курсахъ: они неизбѣжно отстанутъ и въ своемъ развитіи, и въ своемъ общемъ образованіи,—отстанутъ и отъ современной научно-педагогической литературы, и отъ современнаго уровня науки и искусства воспитанія. Для нихъ потребуется новая возрождающая искра, новое посвященіе въ тайны своего дѣла. Вотъ почему въ высшей степени желательно, чтобы въ каждой губерніи, если не въ каждомъ уѣздѣ, педагогическіе учительскіе курсы *правильно* повторялись, по крайней мѣрѣ, черезъ каждыя 4—5 лѣтъ. Тогда только во внутренней жизни мѣстной школы не будетъ никакого застоя и отсталости, тогда только школа эта постоянно преисполнена будетъ энергическимъ стремленіемъ къ возможному развитію и совершенствованію; тогда только періодически-повторяющіеся учительскіе курсы для мѣстной народной школы будутъ ея возрождающимъ вешнимъ солнцемъ и тепломъ.

Второе не менѣе важное условіе: педагогическіе курсы представляютъ собою временную учительскую школу, а душу школы всегда составляетъ ея учитель; на курсахъ же роль учителя принадлежитъ руководителю: отъ него такимъ образомъ и зависитъ весь успѣхъ,—тонъ и направленіе курсовыхъ занятій. Отъ руководителя педагогическихъ курсовъ, по нашему мнѣнію, требуются слѣдующія три непремѣнныя элементарныя условія: 1) руководителемъ курсовъ долженъ быть человѣкъ просвѣщенный высшимъ, солиднымъ научнымъ образованіемъ; лишь такое образованіе можетъ дать человѣку извѣстную глубину и широту педагогическихъ воззрѣній. 2) Руководитель долженъ имѣть извѣстную приктическую педагогическую опытность, — долженъ предварительно пройти извѣстную школу практической дѣятельности на поприщѣ народнаго образованія, и 3) элементарное условіе: руководитель-педагогъ долженъ любить свое дѣло и вѣрить въ него. Только при такихъ условіяхъ возможно просвѣщенное и вполнѣ плодотворное руководительство учительскими педагогическими курсами, — только такой руководитель можетъ передать и внушить своимъ слушателямъ свои педагогическія воззрѣнія и свое отношеніе къ дѣлу, можетъ передать имъ свою вѣру и любовь въ дѣло народнаго образованія, можетъ вложить въ нихъ зачатки своего педагогическаго таланта, можетъ зажечь въ ихъ душѣ святую искру учительскаго призванія. Наконецъ, послѣднее условіе относится къ слушателямъ педагогическихъ курсовъ: по своему содержанію и задачамъ курсовыя занятія для слушателей-учителей должны быть отвѣтомъ на нужды и запросы ихъ учительской практики; поэтому пусть приносятъ сюда ясный и *полный отчетъ* въ такихъ нуждахъ и запросахъ,—пусть они приносятъ сюда *ясное сознаніе* тѣхъ трудностей, которыя имъ приходится встрѣчать въ своей учительской практикѣ, тѣхъ препятствій, которыя задерживаютъ и стѣсняютъ ихъ дѣятельность, тѣхъ недостатковъ своей учительской педагогической подготовки, которые больно даютъ себя знать въ опытѣ ихъ учительской работы. Пусть этотъ отчетъ и сознаніе свободно раскрываютъ они своимъ руководителямъ, и тогда только педагогическіе курсы дадутъ имъ новыя силы и средства къ успѣшному продолженію учительскаго труда.

Мы увидимъ потомъ, какое общее нравственное и общественное значеніе имѣютъ педагогическіе курсы, какъ и вообще всякіе учительскіе съѣзды; но и ради ихъ спеціальнаго значенія, какъ временной образцовой школы педагогическаго искусства, — пожелаемъ этому юному учрежденію широкаго распространенія и процвѣтанія: пусть оно почаще освѣжаетъ нашу душную атмосферу уѣздной захолустной жизни, пусть это учрежденіе постоянно будетъ беречь тотъ священный огонь, который долженъ неугасимо горѣть на очагѣ каждой народной школы!..

Н. А. Феликсовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Записки графа Ланжерона о русскомъ войскѣ (1796—1824 гг.).

I. Введеніе.

Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ находятся шесть фоліантовъ записокъ графа Ланжерона, состоявшаго около сорока лѣтъ (отъ 1790 до 1831 года) въ русской службѣ. Ланжеронъ былъ свидѣтелемъ важныхъ событій во время царствованій Екатерины, Павла, Александра I и Николая I. Онъ участвовалъ въ разныхъ походахъ въ Финляндіи, въ Бессарабіи, Молдавіи, игралъ довольно важную роль въ войнахъ противъ Наполеона и проч. Въ южной Россіи онъ, послѣ возвращенія во Францію герцога Ришелье, былъ генералъ - губернаторомъ. Дослужившись до высшихъ военныхъ чиновъ, занимавши выдающіеся посты въ русской арміи, Ланжеронъ былъ отлично знакомъ съ русскою военною администраціей, съ характеромъ русскаго войска. Онъ умѣлъ цѣнить добродѣтели русскихъ солдатъ, но въ то же же время имѣлъ возможность составить себѣ точное понятіе о недостаткахъ военной организаціи въ Россіи. Слѣдя за развитіемъ русскаго войска въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, именно въ то время, когда войны противъ Наполеона могли служить для русскихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ полезною школой, Ланжеронъ могъ быть свидѣтелемъ усовершенствованія военной организаціи въ Россіи.

Записки Ланжерона, хранящіяся въ Парижѣ, не могутъ считаться мемуарами въ обыкновенномъ смыслѣ. Авторъ тутъ же разсказываетъ въ видѣ автобіографіи о событіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Въ шести фоліантахъ парижскаго архива заключается скорѣе цѣлый рядъ монографій о разныхъ предметахъ. Первая монографія въ первомъ фоліантѣ посвящена подробному изложенію состоянія русскаго войска въ послѣднее время царствованія императрицы Екатерины II. Этотъ трудъ составленъ Ланжерономъ въ 1796 году, а затѣмъ гораздо позже, а именно въ 1824 году, снабженъ примѣчаніями, въ которыхъ авторъ указываетъ на громадную разницу между организаціей русской арміи въ концѣ XVIII вѣка и состояніемъ войска послѣ Наполеоновскихъ войнъ. Это сравненіе придаетъ

монографіи Ланжерона особенное значеніе. Изложеніе прогресса, совершившагося въ эти три десятилѣтія, имѣетъ любопытное культурно-историческое значеніе. Отзывы автора о войскѣ при Екатеринѣ весьма неблагопріятны. При императорѣ Александрѣ и техника дѣла, и военная администрація, по мнѣнію автора, производятъ гораздо болѣе отрадное впечатлѣніе. Сообщеніе публикѣ результатовъ наблюденій 1796 года тогда же было бы положительно невозможно; въ 1819 г. Ланжеронъ, въ Одессѣ, въ Ришельевскомъ лицеѣ произнесъ рѣчь о русскомъ войскѣ въ тонѣ панегирика.

Записка о русскомъ войскѣ, обнимающая около 150 большихъ страницъ, пока не издана и вовсе не пользовалась вниманіемъ французскихъ историковъ, занимавшихся чтеніемъ трудовъ Ланжерона и довольно часто въ своихъ трудахъ ссылавшихся на этотъ источникъ. Послѣ тщательнаго изученія трудовъ Ланжерона въ парижскомъ архивѣ, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что между записками знаменитаго эмигранта эта монографія о русскомъ войскѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Авторъ, какъ экспертъ, по собственнымъ личнымъ наблюденіямъ сообщаетъ, отчасти въ формѣ анекдотовъ и мелкихъ эпизодовъ, культурно-историческія черты для характеристики нравовъ тогдашней эпохи. Рѣзкость его сужденій соотвѣтствуетъ его желанію, чтобы были введены реформы. Строгость критики Ланжерона нисколько не противорѣчитъ его справедливости.

Въ слѣдующемъ очеркѣ мы воспроизводимъ въ главныхъ чертахъ содержаніе монографіи Ланжерона, присоединяя къ ней множество данныхъ изъ другихъ сочиненій автора и не придерживаясь строго нѣсколько слабой систематики его. Группировка данныхъ и дополненіе ихъ разсказами Ланжерона, редактированными имъ въ различное время и относящимися къ разнымъ позднѣйшимъ походамъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, намъ кажутся необходимыми для воспроизведенія результатовъ наблюденій Ланжерона вообще.

2. Солдаты и обращеніе съ ними.

Ланжеронъ характеризуетъ русское войско при Екатеринѣ слѣдующимъ образомъ: «Русское войско, благодаря своему составу и господствующимъ въ немъ злоупотребленіямъ, должно было бы считаться самымъ негоднымъ во всей Европѣ, между тѣмъ какъ оно можетъ быть названо одною изъ лучшихъ армій. Не имѣя возможности вполнѣ удовлетворительно разъяснить это кажущееся противорѣчіе, я намѣренъ указать на фактическое состояніе дѣла и на нѣкоторыя причины этой противоположности».

Порицая администрацію и предводителей русскаго войска, генераловъ и офицеровъ, Ланжеронъ въ восхищеніи отъ добродѣтелей русскихъ солдатъ. Судя по непростительному обращенію съ солдатами, — замѣчаетъ онъ,—можно бы думать, что русскіе солдаты никуда не годны, тогда какъ они оказываются лучшими въ мірѣ. Солдаты—спартанцы, между тѣмъ какъ офицеры—сибариты. Русскій солдатъ,—пишетъ Ланжеронъ въ другомъ мѣ

стѣ, — воздержаніемъ въ пищѣ и питьѣ походитъ на испанца, терпѣніемъ на чеха, гордостью на англичанина, мужествомъ на шведа, предпріимчивостью и энтузіазмомъ на француза или на венгерца. Въ немъ нѣтъ жестокости. Фридрихъ II сказалъ о русскихъ солдатахъ: «Убить русскихъ солдатъ легче, чѣмъ побѣдить ихъ». Никогда не слышенъ ропотъ въ средѣ русскихъ солдатъ; во имя Россіи и царя они всегда готовы на геройскіе подвиги *). Они какъ нельзя болѣе скромны въ потребленіи и могутъ обойтись безъ говядины и безъ водки. Въ другомъ мѣстѣ Ланжеронъ удивляется хладнокровію, съ которымъ русскіе солдаты въ турецкихъ походахъ, образуя карре, выдерживаютъ натискъ непріятельской конницы. Авторъ хвалитъ и понятливость русскихъ солдатъ. Въ своихъ запискахъ о турецкомъ походѣ 1811 года Ланжеронъ разсказываетъ, какимъ образомъ онъ наканунѣ битвы при Рущукѣ устраивалъ маневры въ Бѣлостоцкомъ полку, который никогда еще не сражался съ турками. Онъ велѣлъ двумъ коннымъ полкамъ окружить пѣхоту съ криками и холостыми выстрѣлами изъ пистолетовъ, съ цѣлью дать солдатамъ понятіе объ образѣ дѣйствій турокъ и въ то же время доказать имъ, что такое нападеніе турецкой конницы въ сущности не представляетъ собою никакой опасности. Эта «комедія», — пишетъ Ланжеронъ, — доставила солдатамъ большое удовольствіе, и на другой день этотъ полкъ, окруженный и атакованный турками, обнаруживалъ необычайную стойкость.

Вообще Ланжеронъ хвалитъ храбрость не только солдатъ, но и офицеровъ, замѣчая (въ 1796 г.), что онъ, между прочимъ, въ битвѣ при Роченсальмѣ (1790 г.) и при штурмѣ Измаила имѣлъ случай видѣть неустрашимость русскихъ. Говоря о мачинской битвѣ (въ 1791 году), авторъ замѣчаетъ, что русская пѣхота при этомъ случаѣ держала себя гораздо лучше конницы **).

Въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Ланжеронъ хвалитъ ловкость и проворность русскихъ солдатъ при возведеніи построекъ, при земляныхъ работахъ и при приготовленіи пищи и питья; онъ же говоритъ о пользѣ артелей русскихъ солдатъ и объ аккуратности управленія дѣлами артелей. Въ особенности же онъ восхищается великолѣпною дисциплиной, безусловнымъ послушаніемъ солдатъ ***).

Ланжеронъ удивлялся добродѣтелямъ солдатъ тѣмъ болѣе, что съ ними обращались немилосердно. Ни ихъ непосредственное начальство, ни правительство вообще не заботились объ обезпеченіи солдатъ, объ ихъ нуждахъ. Все это было и прежде извѣстно, но Ланжеронъ останавливается на этомъ

---

*) По мнѣнію Ланжерона, въ русскихъ солдатахъ нѣтъ религіознаго фанатизма.

**) „L'infanterie russe se conduit avec une intrépidité héroique et la cavalerie très faiblement".

***) Наприм., по поводу разсказа о битвѣ при Парижѣ въ 1814 году по случаю занятія Монмартрской высоты. См. *Revue rétrospective* 1895 г., май, стр. 351, гдѣ сказано: „Telle est la perfection de l'esprit et de la subordination de l'armée russe" и проч.

предметѣ нѣсколько подробнѣе. Мы знаемъ, что во время безпорядковъ, происходившихъ въ началѣ царствованія Екатерины, при образованіи разбойническихъ шаекъ, между самозванцами, выдававшими себя за Петра III, были дезертиры. Рекрутскіе наборы нерѣдко давали поводъ къ ужаснымъ насиліямъ помѣщиковъ, которые, наприм., отдавали въ солдаты зажиточныхъ крестьянъ, заставляя ихъ большими суммами денегъ освобождать себя отъ военной службы. По разсказу новгородскаго губернатора Сиверса, иногда случалось, что крестьяне, которыхъ помѣщики хотѣли было отдавать въ солдаты и которые по росту или по лѣтамъ, или по состоянію здоровья оказывались негодными къ военной службѣ, подвергались за то истязаніямъ, иногда равнявшимся смертной казни *). Не мудрено, что войско, состоявшее изъ такихъ элементовъ, иногда обнаруживало склонность дѣйствовать заодно съ противниками правительства.

Ланжеронъ замѣчаетъ, что рекрутскіе наборы были страшными ударами, нанесенными благосостоянію «владѣльцевъ рабовъ», терявшихъ доходы, которыми они до того пользовались съ отдаваемыхъ въ солдаты крестьянъ. Можно представить себѣ, что помѣщики отдавали въ солдаты самыхъ дурныхъ крестьянъ, неисправимыхъ воровъ, пьяницъ и пр. Если таковыхъ безнравственныхъ крестьянъ у помѣщика не было, онъ по возможности отдавалъ въ солдаты тѣлесно-слабыхъ, болѣзненныхъ, причемъ нарушались правила, въ силу которыхъ отъ рекрутъ требовалось крѣпкое здоровье. Какъ скоро,—пишетъ Ланжеронъ,—у полковника является рекрутъ слабый и некрасивый, то онъ знаетъ, что этотъ человѣкъ не воръ и не пьяница; какъ скоро рекрутъ хорошъ собою и крѣпкій, здоровый парень, то онъ непремѣнно негодяй.

Авторъ говоритъ подробно объ отчаяніи крестьянъ, отдаваемыхъ въ рекруты, о частыхъ случаяхъ изувѣченія для избѣжанія военной службы. Есть деревни,— замѣчаетъ Ланжеронъ,— въ которыхъ всѣ мужчины безъ исключенія вырываютъ себѣ зубы или отрѣзываютъ палецъ и пр. Все это автору кажется очень естественнымъ въ виду безчеловѣчнаго обращенія съ рекрутами. Можно прямо утверждать,— сказано далѣе у Ланжерона,— что развѣ только половина крестьянъ, отдаваемыхъ въ солдаты, достигаетъ мѣста назначенія, весьма значительная часть рекрутъ умираетъ на дорогѣ отъ болѣзней, отъ усталости, отъ горя и отъ грубаго съ несчастными обращенія. Другая часть похищается офицерами, сопровождающими рекрутъ. Показывая нѣкоторыхъ рекрутъ умершими на пути, офицеры или продаютъ ихъ помѣщикамъ, или отправляютъ ихъ въ свои имѣнія, если владѣютъ таковыми. Можно сказать, что какъ скоро набрано примѣрно 100,000 крестьянъ, менѣе 50,000 въ сущности поступаютъ въ войско.

Допуская возможность преувеличенія этихъ статистическихъ данныхъ въ изложеніи Ланжерона, мы не можемъ сомнѣваться въ правдивости его отзывовъ вообще. Напрасно онъ, однако, въ этомъ мѣстѣ не упоминаетъ

*) *Blum:* „Ein russischer Staatsmann“, I, S. 394.

о весьма важномъ процентѣ не достигавшихъ мѣста назначенія рекрутъ; то были бѣглецы, дезертиры. Перелистывая дѣловыя бумаги, относящіяся къ Пугачевщинѣ, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ этотъ контингентъ въ составѣ шаекъ самозванца, который самъ принадлежалъ къ этой категоріи.

Ланжеронъ, какъ представитель «стараго порядка» (ancien régime) и дореволюціонныхъ учрежденій, отстаивалъ строгія правила въ обращеніи съ солдатами. Онъ даже прямо считалъ тѣлесныя наказанія необходимымъ условіемъ сохраненія порядка и дисциплины въ войскѣ. Поэтому онъ порицалъ чрезмѣрную гуманность князя Потемкина, по мнѣнію Ланжерона, подорвавшую солидность ратнаго дѣла въ Россіи. Однако Ланжеронъ, все-таки, не безъ раздраженія приводитъ примѣры безумной жестокости въ обращеніи съ солдатами. Онъ говоритъ о множествѣ примѣровъ, въ которыхъ солдаты умирали подъ ударами палокъ или розогъ. Многіе офицеры находили въ этихъ истязаніяхъ особенное удовольствіе и, какъ бы ради спорта, за чаемъ, велѣли наказывать солдатъ виновныхъ и невиновныхъ. Особенно онъ обвиняетъ фельдмаршала Румянцева въ обращеніи чрезмѣрнаго вниманія на внѣшнія правила «шагистики» и въ томъ, что многіе солдаты становились жертвами его жестокости. При Румянцевѣ была поговорка: «изъ десяти одинъ», т.-е. изъ десяти рекрутъ удавалось лишь одного сформировать какъ вполнѣ годнаго и удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ солдата, тогда какъ девять гибли подъ ударами палокъ *). Разумѣется, это замѣчаніе оказывается гиперболическимъ, но нельзя не вѣрить разсказу Ланжерона-очевидца, что ему случалось присутствовать при наказаніяхъ 500 палочными ударами за ничтожную оплошность солдата во время ученія.

Въ своихъ разсказахъ о событіяхъ турецкой войны (1806—1812 гг.) Ланжеронъ упоминаетъ о слѣдующемъ эпизодѣ. Однажды, въ 1797 году, Павелъ остался недоволенъ полкомъ, которымъ командовалъ Аракчеевъ. Чтобъ отмстить полку за эту непріятность, Аракчеевъ велѣлъ сѣчь неумолимо-строго трехъ самыхъ красивыхъ солдатъ того полка, такъ что они тотчасъ же послѣ этого испустили духъ въ больницѣ. Великій князь Александръ Павловичъ видѣлъ несчастныхъ жертвъ безсовѣстнаго убійцы въ лазаретѣ, куда нарочно повелъ цесаревича адъютантъ Дятлевъ. Цесаревичъ вздыхалъ, но не осмѣлился сообщить о случившемся государю, хотя именно этого ожидали противники Аракчеева, раздраженные варварствомъ изверга. Аракчеевъ удостоился послѣ этого полнаго довѣрія императора Александра.

Въ позднѣйшей критикѣ, въ своей монографіи о русскомъ войскѣ, составленной въ 1796 году, Ланжеронъ замѣчаетъ, что при Павлѣ иногда и офицеры подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ. Однажды, разсказываетъ графъ, я видѣлъ, какъ великій князь Константинъ Павловичъ велѣлъ на-

*) „On disait alors un sur dix; cela signifiait que sur dix recrues un réussira à être formé selon les ordres du colonel et neuf avant un an auront expiré sous le bâton. J'en ai vu donner jusqu'à 500 coups pour une faute légère dans un exercice de compagnie“.

казать одного прапорщика, Лаптева, изъ знатной фамиліи, 50-ю ударами за неважное опущеніе при разводѣ. Другой случай: не задолго до коронаціи императора Александра I, Николай Олсуфьевъ былъ наказанъ пятнадцатью ударами плашмя. На другой день онъ сдѣлался гвардейскимъ офицеромъ, а впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ великаго князя Константина Павловича.

3. Полководцы, генералы и офицеры.

Отзывы о русскихъ генералахъ и офицерахъ въ сочиненіяхъ Ланжерона по большей части весьма неблагопріятны. Признавая умственныя способности Румянцева, онъ порицаетъ его эгоизмъ и невниманіе къ нуждамъ солдатъ и даже офицеровъ, и находитъ, что у Румянцева недоставало физическаго мужества, такъ что онъ по возможности избѣгалъ подвергать себя какой-либо опасности во время сраженія *).

О Суворовѣ Ланжеронъ, признавая геніальность знаменитаго полководца, говоритъ, что у него недоставало спеціальныхъ познаній въ области военныхъ наукъ и что онъ часто окружалъ себя самыми недостойными людьми. Въ то же время, однако, Ланжеронъ пишетъ: «Еслибы Суворовъ командовалъ войскомъ вмѣсто Потемкина въ 1788 году, то онъ сумѣлъ бы дойти до самаго Константинополя», и далѣе: «Еслибы Суворовъ (вмѣсто герцога Брауншвейгскаго) находился во главѣ коалиціонныхъ войскъ въ 1792 году, то бы онъ дошелъ до самаго Парижа». Неоднократно повторяя, что Суворовъ оказывалъ вредное вліяніе на войско назначеніемъ въ офицерскіе чины людей, совсѣмъ не заслуживавшихъ этого **), Ланжеронъ выставляетъ на видъ, что Суворовъ особенно отличался умѣньемъ учить солдатъ не лишнимъ и безсмысленнымъ пріемамъ, считающимся важными на плацъ-парадѣ, а тому, что было нужно для настоящихъ военныхъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, онъ наканунѣ штурма Измаила училъ солдатъ, какъ должно лазить на валъ турецкой крѣпости; для этой цѣли была устроена возвышенность, на которой виднѣлись манекены изъ соломы въ турецкихъ мундирахъ и проч. ***).

Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ Ланжеронъ отзывается о Потемкинѣ. По его мнѣнію, князь, завѣдуя военною коллегіей, оставилъ эту отрасль администраціи въ ужасно хаотическомъ состояніи ****), раздавалъ самыя важные посты въ войскѣ людямъ недостойнымъ, награждая ихъ за услуги,

---

*) „Sa pâleur et la contraction de tous ses membres n'indiquaient que trop l'effort qu'il s'imposait et qu'il ne pouvait cacher".

**) „Souworow prodiguait les grades les plus éminents aux individus les plus misérables". Или въ другомъ мѣстѣ: „L'armée est bouleversée par Potemkin, Zoubov, Souworow et les gardes".

***) „On riait de cette farce, mais Souworow en savait un peu plus que ceux, qui se moquaient de lui". Странно, что въ сочиненіяхъ Ланжерона не говорится вовсе о подвигахъ Суворова въ Италіи и Швейцаріи въ 1799 году.

****) „Potemkin a laissé le collège de guerre dans une inextricable confusion".

оказанныя любовницамъ его, презиралъ военныя науки и дѣлалъ непростительныя ошибки во время осады Очакова. «Осада Очакова, — писалъ Ланжеронъ въ своей монографіи о турецкихъ походахъ 1790—91 годовъ,— представляетъ собою самый забавный примѣръ странныхъ и вопіющихъ результатовъ невѣжества и самодурства сатрапа». Нерѣшимость, лѣнь и прямо «глупость» (sottise) Потемкина, по мнѣнію Ланжерона, обошлись дорого русскому войску въ это время. Графъ разсказываетъ множество анекдотовъ о невниманіи Потемкина къ страданіямъ солдатъ во время осады Очакова, по случаю штурма Измаила и проч. О походѣ 1788 г. Ланжеронъ замѣчаетъ: «лучше чѣмъ когда-либо къ нему можно примѣнить басню о горѣ, родившей мышь» *).

«Потемкинъ,—замѣчаетъ графъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о походѣ 1791 года,—испортилъ войско, котораго составъ нынѣ менѣе полонъ, чѣмъ прежде, и нравственный и умственный уровень котораго упалъ. Никогда онъ не бесѣдовалъ съ генералами о дѣлахъ, довольствуясь разговорами со своими фаворитами и лакеями. Онъ давалъ пощечины заслуженнымъ генераламъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ валялся на диванѣ, никогда не бывалъ на разводѣ войска, развѣ только три раза въ продолженіе всей турецкой войны (1787—91 гг.) былъ на конѣ, раздавалъ георгіевскіе кресты, нарушая самыя элементарныя правила справедливости» и проч.

Столько же неблагопріятны отзывы Ланжерона о Кутузовѣ. Умѣя цѣнить необычайныя умственныя способности знаменитаго военачальника, графъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ выставляетъ на видъ безнравственность и недостойный образъ дѣйствій Кутузова во множествѣ случаевъ. Ланжеронъ могъ наблюдать за Кутузовымъ, между прочимъ, по случаю Мачинской битвы, при Аустерлицѣ, въ особенности же въ 1811 году въ Молдавіи. По поводу битвы при Мачинѣ въ 1791 году Ланжеронъ обвиняетъ Кутузова въ коварствѣ, считая вѣроятнымъ, что онъ не исполнялъ предписаній князя Репнина ради того, чтобы препятствовать побѣдѣ, зная, что Потемкинъ не будетъ доволенъ успѣхомъ Репнина. По поводу битвы при Аустерлицѣ Ланжеронъ замѣчаетъ: «Еслибы вмѣсто Кутузова главнокомандующимъ былъ Беннигсенъ, то все это дѣло приняло бы совершенно иной оборотъ».

Ланжеронъ считалъ Кутузова чрезвычайно лѣнивымъ и безпечнымъ человѣкомъ, развратнымъ и эгоистомъ. Къ тому же онъ прямо обвинялъ его въ томъ, что и въ качествѣ дипломата въ Константинополѣ, и въ качествѣ главнокомандующаго онъ поступалъ не честно, располагая казенными деньгами въ свою пользу. На этотъ счетъ въ сочиненіяхъ Ланжерона встрѣчаются любопытныя частности, на которыя мы укажемъ ниже. Далѣе Лан-

*) Медленность и сравнительную неудачу военныхъ дѣйствій въ походѣ 1788 г. Ланжеронъ приписывалъ Потемкину и Іосифу II. О промахахъ Потемкина въ это время Ланжеронъ узналъ подробно чрезъ своего друга, принца Нассау-Зигена, товарищемъ котораго онъ былъ во время похода въ Финляндіи въ 1790 г. Нассау же характеризуетъ Потемкина въ письмахъ къ женѣ, называя его „anti-militaire“.

жеронъ неоднократно говоритъ о людяхъ, которыми любилъ окружать себя Кутузовъ и которые весьма часто отличались безнравственностью. Благодаря вѣчной «indécision et apathie» Кутузова, армія не любила его. По мнѣнію Ланжерона, и императоръ Александръ не могъ терпѣть Кутузова. Подробности частной жизни Кутузова во время турецкаго похода 1811 года, сообщенныя Ланжерономъ, производятъ чрезвычайно неблагопріятное впечатлѣніе.

Довольно невыгодно Ланжеронъ отзывается о разныхъ другихъ полководцахъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, напримѣръ о князѣ Репнинѣ, о Чичаговѣ, о Каменскомъ, о Милорадовичѣ и проч., разсказывая анекдоты, сильно компрометирующіе этихъ знаменитостей и заключающіе въ себѣ отчасти болѣе или менѣе строгую критику военныхъ способностей предводителей войска.

Ланжеронъ обвиняетъ русскихъ полководцевъ въ томъ, что они не сумѣли образовать порядочный составъ офицеровъ. По его мнѣнію, лишь одинъ генералъ Бауеръ, занимавшій видное мѣсто во время первой турецкой войны при Екатеринѣ II, на этотъ счетъ оказалъ Россіи важныя услуги, тогда какъ другіе полководцы, раздавая офицерскія мѣста людямъ совсѣмъ недостойнымъ, испортили то, что было сдѣлано Бауеромъ *). Не было въ средѣ офицеровъ, по мнѣнію Ланжерона, школы для будущихъ генераловъ. Императрица Екатерина, продолжаетъ авторъ, хорошо понимала, что русское войско страдало отъ этого недостатка. Поэтому Марковъ обратился къ герцогу Ришелье съ вопросомъ, не согласится ли австрійскій генералъ Макъ, тогда пользовавшійся извѣстностью, вступить въ русскую службу. Однако, во-первыхъ, Макъ оказался впослѣдствіи далеко не достойнымъ той репутаціи, которую онъ имѣлъ до похода 1805 года, т.-е. до знаменитой капитуляціи при Ульмѣ, а во-вторыхъ, лучшею школой образованія генераловъ и офицеровъ, какъ сознаетъ Ланжеронъ, оказались Наполеоновскія войны, такъ что въ особенномъ примѣчаніи, прибавленномъ въ 1824 году къ составленной имъ въ 1796 г. монографіи о русскомъ войскѣ, Ланжеронъ говоритъ, что все это тѣмъ временемъ измѣнилось къ лучшему.

Неоднократно Ланжеронъ жалуется на страшное невѣжество русскихъ офицеровъ. Побѣдивъ поляковъ и турокъ,—говоритъ онъ,—русскіе считаютъ лишнимъ заниматься военными науками **) и ни во что не ставятъ военное искусство такихъ знаменитостей, каковы Густавъ Адольфъ, Конде, Тюреннъ, Евгеній Савойскій, Лаудонъ и Фридрихъ II. Ланжеронъ называетъ лишь очень немногихъ русскихъ генераловъ, которые занимались военными науками, то были: Румянцевъ, Каменскій, Игельстрёмъ и Прозоровскій. Всѣ остальные,—говоритъ авторъ,—смѣются надъ военными науками. Дѣло въ

*) „Ce corps que le général Theodor Bauer avait formé et composé à merveill[e] en 1769 est presque nul maintenant (1796) en Russie“.

**) „Ce sont des préjugés nationaux, qui contribuent au peu de progrès que le[s] Russes ont faits dans l'art militaire. Leur amour propre est cause de cette ignoran[ce] et l'ignorance l'entretient“.

томъ, что, по мнѣнію Ланжерона, турецкіе походы не могли считаться хорошею военною школой, и взятіе крѣпостей, вродѣ Очакова и Измаила, не представляло собою такихъ затрудненій, какъ занятіе Лилля или Мастрихта. О Платовѣ, командовавшемъ казаками, Ланжеронъ прямо говоритъ, что онъ презиралъ регулярное войско и, когда былъ назначенъ начальникомъ въ послѣднемъ, оказался совсѣмъ негоднымъ *). По случаю разсказа о походѣ 1811 года Ланжеронъ весьма выгодно отзывается объ убитомъ въ это время генералѣ Иловайскомъ, котораго «казаки не любили, онъ былъ въ ихъ глазахъ черезчуръ европейцемъ, читалъ военныя книги, говорилъ по-французски и умѣлъ цѣнить значеніе регулярнаго войска» **).

Особенно рѣзко Ланжеронъ осуждаетъ образъ дѣйствій гвардейскихъ офицеровъ при Екатеринѣ II. Онъ ихъ называетъ «des poupées militaires» и обвиняетъ ихъ въ трусости ***). Волонтёры изъ знатныхъ фамилій, окружавшіе князя Потемкина, по мнѣнію Ланжерона, въ трехъ походахъ ни разу не бывъ въ дѣлѣ и «не видавъ ни одного выстрѣла», самымъ несправедливымъ образомъ получали награды, георгіевскіе кресты и пр. То же самое происходило и въ Финляндіи въ 1790 г., гдѣ около Салтыкова было не менѣе 80 «щёголей» (petits-maîtres) изъ С.-Петербурга, которые гораздо болѣе занимались своимъ туалетомъ, нежели ученіемъ, и гораздо болѣе интересовались своей прическою, чѣмъ войною, предпочитая танцы сраженіямъ» и пр. Подобныя жалобы Ланжерона встрѣчаются въ его описаніи турецкихъ походовъ 1806—12 гг. Онъ говоритъ, что волонтёры-аристократы совсѣмъ напрасно берутъ съ собою огромное число экипажей, предаются оргіямъ, живутъ безпутно, обременены долгами и чрезвычайно легкомысленно, свысока и съ полнымъ невѣжествомъ критикуютъ образъ дѣйствій генераловъ, донося обо всемъ въ С.-Петербургъ и вредя военачальникамъ въ глазахъ правительства ****).

Разсадникомъ офицеровъ долженъ былъ служить кадетскій корпусъ. Сообщая нѣкоторыя данныя о послѣднемъ, Ланжеронъ сожалѣетъ о неудачномъ развитіи этого учрежденія. По его мнѣнію, въ кадетскомъ корпусѣ обращалось исключительное вниманіе на «inutile maniement des armes et les plus inutiles pirouettes d'ésplanade». Вотъ въ чемъ заключалась, по выраженію автора, «вся военная наука этихъ несчастныхъ мальчиковъ». Слѣ-

---

*) О Платовѣ Ланжеронъ разсказываетъ, что онъ никогда не вставалъ ранѣе 11 часовъ и что, благодаря этому, во время походовъ войска страшно страдали отъ жары, маршируя въ полдень.

**) Приписка 1827 г.: „C'etait alors un crime, mais depuis qu'ils ont voyagé, ils sont fort civilisés; ils disent maintenant: *Autrefois, chez nous à Paris* etc.

***) „Le général Serge Lwow se cache à Ismail à la vue de toute l'armée". О нѣкоторомъ Талызинѣ авторъ разсказываетъ, что молодой принцъ де-Линь при штурмѣ Измаила насильно, ударами плашмя, заставилъ его не отставать при движеніи на крѣпость. „Les gardes,—пишетъ Ланжеронъ,—sont la honte et le fléau de l'armée russe, mais l'impératrice qui leur devait sa couronne, les aime, les craint et les flatte".

****) См. также рѣзкій намекъ на „cinq cents cavaliers", окружавшихъ императора Александра и Кутузова въ битвѣ при Аустерлицѣ, въ *Revue rétrospective,* май 1895, стр. 301—307.

дующія частности объ исторіи кадетскаго корпуса, быть можетъ, не лишены значенія. Упомянувъ о заслугахъ родственника Екатерины, князя Ангальта, завѣдовавшаго нѣкоторое время корпусомъ, Ланжеронъ сожалѣетъ о «несчастной» мысли императора Павла ввѣрить главный надзоръ надъ кадетскимъ корпусомъ великому князю Константину Павловичу. Благодаря этому начальникъ корпуса, графъ Павелъ Ферзенъ, просилъ увольненія. Государь спросилъ его о причинѣ. «Что мнѣ дѣлать въ кадетскомъ корпусѣ, — овѣчалъ Ферзенъ, — самъ я старъ, а надо мною и подо мною дѣти. Это не годится» *). Вліяніе Максимиліана Клингера, назначеннаго затѣмъ начальникомъ корпуса, Ланжеронъ считаетъ вреднымъ **), особенно же рѣзко онъ осуждалъ образъ дѣйствій Клейнмихеля, «бывшаго лакея графа Апраксина, человѣка отличавшагося всѣми лакейскими пороками, подлостью, глупостью, невѣжествомъ и жадностью, и вотъ его-то назначили воспитателемъ сыновей русскихъ дворянъ». Назначеніе Коновницына, по мнѣнію Ланжерона, было гораздо удачнѣе; однако, Коновницынъ скоро умеръ, и отъ Кутузова можно было ожидать лучшаго, но образованіе кадетовъ оставалось лишь внѣшнимъ и недостаточнымъ, такъ что они едва владѣли роднымъ языкомъ, а объ изученіи другихъ языковъ не было и рѣчи.

Обращеніе вниманія императоровъ не только Павла, но и Александра I, на внѣшнюю дрессировку войска, какъ казалось Ланжерону, было гибельнымъ. Особенно рѣзко онъ неоднократно говоритъ о «гатчинцахъ» при Павлѣ ***), которые во время этого царствованія занимали очень видное мѣсто. То были люди значительною долею очень скромнаго происхожденія, люди безъ всякой эрудиціи, спеціалисты въ области «pirouettes d'esplanades» и не имѣвшіе никакихъ понятій о настоящемъ военномъ искусствѣ ****). Благодаря царствованію Павла, какъ казалось Ланжерону, русское войско ухудшилось. Все стараніе заключалось въ «maniement d'armes puéril et fatigant, service de garnison, manoeuvre de paix». Признавая, что въ общей сложности образованіе офицеровъ при императорѣ Александрѣ стало болѣе многостороннимъ, Ланжеронъ находилъ, что солдаты сдѣлались хуже прежняго, благодаря чрезмѣрному вниманію къ внѣшности. Ланжеронъ приводитъ слѣдующій любопытный примѣръ односторонняго увлеченія плацъ-параднымъ искусствомъ, относящійся къ царствованію императора Александра I.

Во время самаго разгара турецкой войны, въ 1808 году, Аракчеевъ

*) „Des enfants par dessous, des enfants par dessus. Cela ne me convient plus".

**) О Клингерѣ: „grossier, brutal, intéressé, il avait de plus des principes dangereux; il était frondeur effronté et jacobin forcené".

***) Какъ извѣстно, Потемкинъ ввелъ въ войскѣ болѣе удобный костюмъ, отмѣнилъ косы и проч. Хваля за это Потемкина, Ланжеронъ пишетъ: „A la place du costume élégant et commode du soldat russe sous l'impératrice Catherine l'empereur Paul en a fait de ridicules carricatures".

****) Любопытно примѣчаніе Ланжерона: „Alexandre, qui malheureusement joint le même amour pour les exercises à ses grandes qualités, n'a point changé de système de son père; les régiments des gardes ont continué à être commandés par le rebut de l'armée et de la société". Въ томъ же смыслѣ Ланжеронъ говоритъ и о событіяхъ во время Аустерлицкой битвы.

вытребовалъ въ Петербургъ нѣкоторое число заслуженныхъ капитановъ для подверженія ихъ испытанію до повышенія въ маіоры. Ланжеронъ былъ до того раздраженъ этою мѣрою, что пишетъ: «Ихъ испытали въ томъ, чего имъ было бы лучше не знать вовсе *). Въ этой мѣрѣ заключалось оскорбленіе, нанесенное начальникамъ войска, которые во всякомъ случаѣ могли лучше судить объ офицерахъ; далѣе въ этой мѣрѣ заключался ущербъ арміи во время похода: вытребованные въ столицу офицеры отчасти командовали батальонами; къ тому же многіе изъ этихъ капитановъ, опытныхъ и годныхъ для практики, вовсе не были знакомы съ частностями совершенно безполезной гарнизонной службы, которыя развѣ только въ глазахъ столько же невѣжественнаго, сколько капризнаго Аракчеева имѣли значеніе»**).

Ланжеронъ въ разсказѣ объ Аустерлицѣ сообщаетъ также любопытный примѣръ обращенія вниманія на внѣшность войска и упущенія въ отношеніи къ самымъ существеннымъ задачамъ его. Когда французы при Аустерлицѣ открыли страшный огонь по бригадѣ Каменскаго, послѣдняя, теряя множество народу, отвѣчала выстрѣлами, не причинявшими непріятелю почти никакого вреда, потому что солдаты стрѣлять не умѣли. Такихъ ученій почти вовсе не происходило. Для этой цѣли выдавалось по три пули на брата въ годъ. Нѣкоторые полковники, понимая важность дѣла, велѣли готовить пули изъ глины, однако, отъ этого ружья портились. «Впрочемъ, наши солдаты», пишетъ Ланжеронъ иронически, «не умѣя стрѣлять, отлично знали внѣшнія плацъ-парадныя правила» ***).

*) „Ce misérable Araktcheiew était persuadé, que l'on ne pouvait être bon officier à la guerre sans connaître à fond les détails du service d'un caporal". Экзаменъ заключался въ томъ, „s'ils savaient parfaitement ce qu'ils devaient ignorer".

**) Прозоровскій, тогда командовавшій войскомъ на югѣ, могъ бы протестовать противъ этого безумія Аракчеева, котораго Ланжеронъ при этомъ случаѣ называетъ „bourreau". Однако онъ этого, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ. Несчастные офицеры сильно пострадали при этомъ случаѣ. Имъ не было выдано денегъ для дальняго путешествія въ Петербургъ и для расходовъ пребыванія тамъ въ продолженіе года. Многіе изъ нихъ, между ними самые лучшіе офицеры, не выдержали экзамена. Въ 1810 г. эта же исторія повторилась. Главнокомандующій войскомъ, Каменскій, отказался было выслать офицеровъ, даже военный министръ Барклай-де-Толли высказался противъ этой мѣры; однако, Аракчеевъ настоялъ на своемъ. Офицеры поѣхали; имъ дали жалованье на одинъ мѣсяцъ, а продержали ихъ болѣе года. Ланжеронъ, пребывая въ Петербургѣ зимою 1810—1811 г., истратилъ изъ своего кармана 3—4.000 рублей на поддержку несчастныхъ. Бѣдныхъ офицеровъ, имѣвшихъ изношенный мундиръ, за это сажали подъ арестъ. Многіе мечтали о самоубійствѣ. „И все это, — пишетъ Ланжеронъ, — происходило во время войны, когда присутствіе этихъ офицеровъ въ арміи могло считаться необходимостью". Къ этому прибавлено: „La funeste manie du caporalisme a produit bien des absurdités, mais jamais la démence n'a été poussé à ce point, et c'était le résultat d'une fatale manie d'un souverain si distingué par son esprit, si respectable par ses qualités héroiques et par ses idées de bienfaisance et d'humanité! Que les hommes sont faibles, au moins sur un point".

***) „La plupart de nos soldats tiraient en l'air. Ce n'était pas leur faute. On apprenait tout à nos soldats, excepté ce qu'il devaient savoir. Ils ne savaient pas tirer. On leur fournissait généreusement trois balles par an pour tirer au but, et trois cents n'eussent pas été de trop. Quelques colonels y suppléaient par des balles de glaise, mais elles avariaient le canon des fusils. Du reste, si nos soldats tiraient mal, ils faisaient, en revanche supérieurement le maniement d'armes". См. изданіе фрагмента объ Аустерлицкой битвѣ въ *Revue rétrospective*, маѣ 1895 г., стр. 302—303.

Нами было уже указано на раздраженіе Ланжерона по поводу несправедливаго распредѣленія наградъ и повышенія въ офицерскихъ чинахъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что рѣзкость замѣчаній автора не лишена основанія. Однако, нужно принять во вниманіе, что онъ самъ считалъ себя обиженнымъ по поводу раздачи наградъ и чиновъ, и даже во время своего пребыванія въ Петербургѣ въ 1810—1811 году хотѣлъ было просить увольненія отъ службы именно по этой причинѣ. Онъ объяснялся объ этомъ предметѣ не только съ военнымъ министромъ Барклай-де-Толли, но и даже съ самимъ государемъ. Александръ Павловичъ успокоилъ его, и Ланжеронъ продолжалъ служить *).

Быть можетъ, благодаря этому обстоятельству Ланжеронъ, не былъ вполнѣ безпристрастнымъ въ этомъ вопросѣ. Тѣмъ не менѣе его замѣчанія заслуживаютъ вниманія, заключая въ себѣ нѣкоторыя черты для характеристики нравственности той эпохи, а далѣе нѣкоторые аргументы для объясненія низкаго уровня военной эрудиціи и опытности въ средѣ генераловъ и офицеровъ. Особенно же Ланжеронъ порицалъ невниманіе правительства къ заслугамъ офицеровъ болѣе скромныхъ чиновъ. Этому удивлялись и другіе иностранцы, напримѣръ, итальянецъ Маллія, служившій во флотѣ подъ командою Рибаса въ 1790 г. и написавшій журналъ, копія котораго находится между бумагами Ланжерона въ парижскомъ архивѣ. Награждали произвольно людей, пользовавшихся вниманіемъ фаворитовъ, генераловъ покровительствуемыхъ болѣе или менѣе случайно, не взвѣшивая ихъ заслугъ или сдѣланныхъ ими ошибокъ. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію Ланжерона, слѣдовало бы послѣ Мачинской битвы отдать подъ судъ и строго наказать Кутузова, между тѣмъ какъ его щедро наградили. Всѣ молодые люди, окружавшіе въ польскихъ походахъ Валеріана Зубова, получали кресты и чины, не заслуживъ никакой награды, тогда какъ многіе честные, ревностные и покрытые ранами офицеры были забыты и оставались въ скромныхъ чинахъ и безъ средствъ **). Случалось иногда, что георгіевскій крестъ былъ пожалованъ такимъ людямъ, которыхъ всѣ ихъ товарищи не даромъ считали трусами. Ланжеронъ приводитъ разные примѣры такихъ случаевъ. Все это значительною долей объяснялось искаженіемъ правды въ донесеніяхъ о битвахъ. Послѣ Мачинской битвы, какъ говоритъ Ланжеронъ, Рибасъ былъ щедро награжденъ за то, что онъ будто командовалъ конницею, между тѣмъ какъ онъ во все время сраженія ни на одну минуту не покидалъ главнокомандующаго, князя Репнина. Также и Гуровскій при этомъ случаѣ получилъ награду вполнѣ незаслуженную. Когда послѣ похода 1790 года въ Финляндію Екатерина хотѣла наградить мор

---

*) Въ разсказѣ о турецкихъ походахъ 1806—1812 гг. Ланжеронъ пишетъ: „J fus en Russie le seul exemple qu'offrit un général, qui n'eut reçu aucune marque de bonté de la part de son souverain après avoir commandé le siège de deux villes qui s'étaient rendues".

**) „C'est le grade et non le mérite qu'on récompense", говоритъ Ланжеронъ въ крайнемъ озлобленіи.

скихъ офицеровъ, отличившихся въ разныхъ битвахъ, Потемкинъ препятствовалъ этому, потому что между ними не было фаворитовъ фаворита. По случаю похода 1809 года въ Молдавію Каменскій представилъ къ наградамъ главнымъ образомъ своихъ адъютантовъ, которые во все время не подвергали себя никакой опасности. Онъ уже до похода заявилъ, что намѣренъ раздавать награды не по заслугамъ, а по своему усмотрѣнію (?) и сдержалъ свое слово *).

По поводу похода 1812 г. въ Валахію Ланжеронъ разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Генералы Булатовъ, Кушниковъ, Кайсаровъ и проч. безпощадно грабили несчастныхъ купцовъ въ городѣ Систовѣ, отнимая у нихъ всѣ товары и обогащаясь такимъ образомъ безъ всякаго стѣсненія. Никто не противился, всѣ безусловно терпѣли столь наглый образъ дѣйствій военачальниковъ. Однако Булатовъ, съ цѣлью придать этой продѣлкѣ видъ военнаго столкновенія, велѣлъ выстрѣлить нѣсколько разъ изъ пушекъ. Было составлено донесеніе о яко бы состоявшейся схваткѣ съ непріятелемъ, и Кутузовъ не постыдился представить это донесеніе государю и испросить для генераловъ и офицеровъ наградъ. Къ счастью, прибавляетъ Ланжеронъ, на этотъ разъ въ публикѣ узнали о настоящемъ ходѣ дѣла, и въ газетахъ явились намеки на этотъ недобросовѣстный поступокъ военачальниковъ.

Трудно провѣрить въ частностяхъ эти разсказы Ланжерона. Въ общей сложности онъ, безъ сомнѣнія, былъ правъ. Весьма часто при раздачѣ наградъ руководствовались не настоящими заслугами, а другими соображеніями **).

А. Брикнеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) До чего доходило раздраженіе Ланжерона, видно изъ слѣдующихъ обобщеній: „En Russie le fonctionnaire le plus indélicat, le magistrat le plus déprédateur, connue pour tel, et le poltron le plus signalé non seulement ne sont jamais punis, mais même sont récompensés comme les autres, et souvent on voit le général qui a décidé la victoire ne pas être mieux traité que celui qui a quitté ses drapeaux; un Jeltoukhin (о немъ разсказаны разные ужасы) était égalisé à un Paul Ilowaiski (котораго Ланжеронъ считалъ героемъ). On a dit avec raison, que les croix militaires sont une monnaie que les Souverains affaiblissent en les prodiguant. Cette monnaie en Russie est descendue au taux des assignats".

**) Разсказывая объ аустерлицкой битвѣ, Ланжеронъ чрезвычайно рѣзко осуждаетъ цѣлую толпу адъютантовъ, окружавшихъ Александра и не имѣвшихъ понятія о расположеніи непріятельскаго войска, потому что никто не сдѣлалъ рекогносцировки. Онъ пишетъ: „Pas un seul individu des inutiles groupés autour de leurs monarques n'eut la curiosité de découvrir le pays! Personne ne le leur ordonna! Un seul éclaireur eût suffi pour apercevoir la position des ennemis et sauver l'armée de la défaite totale qu'elle éprouva!" И далѣе: „Tous, sans exception, reçurent la croix de Saint-Georges de la troisième classe, pour leur attachement à leur souverain qu'ils n'abandonnèrent pas d'un pas dans cette mémorable journée". *Revue rétrospective* 1895 г., май, стр. 307.

Земледѣльческія артели Херсонской губерніи.

Земледѣльческія артели Херсонской губерніи, организованныя Н. В. Левитскимъ, уже около двухъ лѣтъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе русскаго общества и русской печати. Интересъ, возбужденный ими, вполнѣ понятенъ. Точныя статистическія изслѣдованія давно уже констатировали коренное разстройство земледѣльческаго хозяйства среди значительной части нашего крестьянства. Это разстройство, между прочимъ, выразилось въ широкомъ развитіи такъ называемой «безлошадности», т.-е. созданія такого положенія, при которомъ крестьяне, лишившись живого инвентаря, фактически не имѣютъ возможности сами обрабатывать свои земли и сдаютъ ихъ въ аренду, по большей части, своимъ же, болѣе зажиточнымъ односельчанамъ. Въ послѣднее десятилѣтіе появился еще болѣе опасный симптомъ упадка крестьянскаго хозяйства: это—прямое обезземеленіе одной части крестьянства, несмотря на то, что Положеніе 19 февраля, допуская досрочный выкупъ крестьянскихъ земель только при условіи согласія ²/₃ голосовъ сельскаго схода, старалось затруднить переходъ крестьянскихъ земель въ руки другихъ сословій.

Въ свое время ростъ обезземеленія среди крестьянъ обратилъ на себя вниманіе администрація и былъ подробно иллюстрированъ въ докладахъ губернаторовъ министерству внутреннихъ дѣлъ, послужившихъ ближайшимъ основаніемъ для изданія закона 13 декабря 1893 года объ охранѣ крестьянскаго землевладѣнія. Замѣчательно, что упадокъ хозяйства и обезземеленіе крестьянства въ равной мѣрѣ наблюдаются какъ при участковомъ, такъ и при общинномъ владѣніи. Этотъ фактъ указывалъ на необходимость искать новаго корректива въ экономическомъ быту крестьянства. Поэтому, когда Н. В. Левитскій сообщилъ въ печати объ организаціи земледѣльческихъ артелей и опубликовалъ свой печатный артельный договоръ, то не только частныя лица и наши ученыя общества глубоко заинтересовались этимъ предпріятіемъ, но сочиненіе Н. В. Левитскаго встрѣтило также благосклонное вниманіе и со стороны двухъ министровъ—финансовъ и земледѣлія. Опытъ организаціи земледѣльческихъ артелей, независимо отъ ихъ практическаго значенія, какъ средства подъема экономическаго благососто-

янія народной массы, представляетъ значительный научный интересъ. Какъ извѣстно, весьма распространенная экономическая теорія установила въ видѣ догматической формулы законъ конкурренціи, по которому крупныя предпріятія и крупная собственность должны поглотить мелкія предпріятія и мелкую собственность. Законъ этотъ многіе склонны считать чисто-стихійнымъ и непреодолимымъ, какъ по отношенію къ обрабатывающей промышленности, такъ и по отношенію къ земледѣлію. Между тѣмъ, организація земледѣльческихъ артелей представляетъ опытъ энергичнаго сопротивленія этому, будто бы, роковому закону обнищанія мелкихъ собственниковъ и превращеніе ихъ въ безземельныхъ батраковъ. Опытъ организаціи земледѣльческихъ артелей, въ особенности въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ предпринятъ въ Херсонской губерніи, будетъ имѣть важное значеніе не только при его полномъ успѣхѣ, но даже и въ случаѣ неудачи.

Возникновеніе земледѣльческихъ артелей на южной Россіи является въ особенности неожиданнымъ: всѣ привыкли считать малороссовъ чрезвычайными индивидуалистами, склонными къ семейной обособленности и вдругъ— земледѣльческія артели среди малороссовъ! Во всякомъ случаѣ артели Н. В. Левитскаго заслуживаютъ серьезнаго вниманія еще и потому, что въ данномъ случаѣ въ странѣ, гдѣ такая масса областей экономической жизни подчинена казенному управленію, мы видимъ совершенно по частной иниціативѣ одного энергичнаго человѣка организованное дѣло, которое, въ случаѣ его удачи, можетъ произвести коренную реформу въ складѣ крестьянскаго хозяйства.

Матеріалъ, который мнѣ удалось собрать о современномъ положеніи земледѣльческихъ артелей Херсонской губерніи, заключается въ нѣсколькихъ докладахъ о нихъ въ ученыхъ обществахъ, въ нѣсколькихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ *), въ печатномъ артельномъ договорѣ, въ письменныхъ свѣдѣніяхъ, любезно сообщенныхъ мнѣ Н. В. Левитскимъ, и, наконецъ, въ докладахъ елисаветградской и александрійской земскихъ управъ земскимъ очереднымъ собраніямъ этихъ двухъ уѣздовъ. Но основаніи этихъ матеріаловъ нѣтъ возможности составить себѣ опредѣленное представленіе о дѣйствительномъ положеніи земледѣльческихъ артелей, такъ какъ въ нихъ приходится встрѣтиться съ двумя противоположными утвержденіями. Н. В. Левитскій съ цифрами и данными въ рукахъ показываетъ, что имъ въ двухъ названныхъ уѣздахъ организовано до 85 артелей, а елисаветградская земская управа въ своемъ позднѣйшемъ докладѣ очередному майскому земскому собранію XXXII сессіи 1896 года категорически заявляетъ, что «организованныхъ артелей въ Елисаветградскомъ уѣздѣ нѣтъ; есть домохозяева и такихъ очень много, которые нуждаются въ кредитѣ и которые почему-то увѣрены, что безъ заключенія ар-

---

*) Между прочимъ, см. статью Е. И. Рагозина объ артеляхъ—*Русская Бесѣда* 1896 г., февраль.

тельнаго договора ссуда имъ не можетъ быть выдана» (стр. 51 доклада). При такомъ категорическомъ разногласіи свѣдѣній о земледѣльческихъ артеляхъ Херсонской губерніи у меня оставался одинъ надежный путь для выясненія ихъ современнаго положенія: это—личное посѣщеніе тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ, по указанію Н. В. Левитскаго, находятся эти артели, что я при удобномъ случаѣ и сдѣлалъ. Посѣтивъ, въ теченіе 30 и 31 мая, 1, 2 и 3 іюня, тридцать восемь земледѣльческихъ артелей (изъ числа 85 артелей, о которыхъ Н. В. Левитскій доставилъ мнѣ документальныя данныя) въ селахъ—Селевено (она же и Ивановка), Конимѣ, Панчевѣ и Подмогильной, Елисаветградскаго уѣзда, и селахъ—Сентовѣ, Вуковарѣ, Федварѣ, Александрійскаго уѣзда, я считаю полезнымъ подѣлиться своими наблюденіями черезъ посредство печати.

Но прежде, чѣмъ говорить о самыхъ артеляхъ, необходимо упомянуть объ общемъ экономическомъ положеніи той группы крестьянъ Александрійскаго и Елисаветградскаго уѣздовъ, которая ищетъ выхода изъ своего экономическаго упадка въ устройствѣ земледѣльческихъ артелей, или, вѣрнѣе, которой Н. В. Левитскій старается помочь организаціей хозяйства на артельныхъ началахъ. Общія хозяйственныя условія этихъ крестьянъ однородны. Всѣ они пользуются землей на началахъ общиннаго владѣнія съ уравнительными передѣлами, причемъ въ большинствѣ общинъ земля ежегодно передѣляется *по наличнымъ душамъ*, такъ что даже дѣти, родившіяся до 1 мая, получаютъ прирѣзки земли въ ³/₈ десятинъ. Достойно вниманія, что у обѣднѣвшихъ крестьянъ не только не наблюдается малоземелья, но преобладающее большинство ихъ владѣютъ достаточнымъ надѣломъ; во всякомъ случаѣ они располагаютъ бо̀льшимъ количествомъ десятинъ, чѣмъ крестьяне въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ, однако, не слышно жалобы на экономическое оскудѣніе. Такъ, въ среднемъ выводѣ каждый членъ артели, смотря по численности его семьи, владѣетъ отъ 5 до 8, а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже до 10 и 12 десятинъ плодородной земли. Но, кромѣ того, въ этой мѣстности весьма доступна для крестьянъ аренда оброчныхъ статей очень многочисленныхъ здѣсь казенныхъ имѣній. Откуда же при такихъ условіяхъ взялись нужда и обѣднѣніе вообще хорошо надѣленныхъ землею крестьянъ? Причиной этой нужды являются прежде всего періодическіе неурожаи, въ этой плохо-орошенной степной мѣстности весьма частые,—вслѣдствіе засухи. Послѣдствія этихъ неурожаевъ сами по себѣ были бы поправимы, еслибъ они не влекли за собою недоимокъ по платежу государственныхъ налоговъ и особенно гибельнаго для крестьянскаго хозяйства способа взысканія послѣднихъ. Способъ этотъ заключается въ томъ что земли недостаточныхъ крестьянъ отдаются волостнымъ правленіемъ в аренду за безцѣнокъ болѣе зажиточнымъ крестьянамъ, а при этомъ не рѣдко продается и рабочій скотъ недоимщиковъ. Конечно, такой способ взиманія недоимокъ, съ особенной энергіей практиковавшійся въ прошло году, въ корнѣ подрываетъ крестьянское хозяйство, навсегда лишая крес янъ возможности поправиться въ случаѣ наступленія урожайныхъ годо

Въ посѣщенныхъ нами селахъ: Канимѣ, Панчевѣ, Ивановкѣ—сотни крестьянъ обѣднѣли вслѣдствіе этой неразсчетливой системы взысканія недоимокъ. При оставленіи обработки собственныхъ полей крестьяне этой категоріи испытываютъ нерѣдко нужду въ хлѣбѣ, которая еще обостряется отъ того, что въ окрестностяхъ очень рѣдки помѣщичьи хозяйства, въ которыхъ можно было бы имѣть заработки; но и въ этихъ хозяйствахъ цѣны на рабочія руки упали до крайности. Въ селахъ Сентовѣ, Канимѣ заработная плата взрослаго рабочаго лѣтомъ, исключая пору жатвы, не превышаетъ 20 коп., и притомъ нерѣдко на своихъ харчахъ. Но и для того, чтобы получить такой заработокъ, часто приходится уходить за 15—20 верстъ отъ своей деревни и отбивать работу другъ у друга, такъ какъ предложеніе работы гораздо больше, чѣмъ спросъ на нее. Многіе крестьяне ищутъ выхода изъ постигшей ихъ нужды въ переселеніи, опытъ котораго оказался крайне печальнымъ. Если проѣздомъ въ деревнѣ попадется изба съ заколоченными окнами и опустошенная усадьба съ обвалившимися постройками, то вы a priori можете сказать, что хозяинъ ея пошелъ искать лучшаго на новыхъ земляхъ. На разспросы у сосѣдей при этомъ всегда почти получаешь однообразный отвѣтъ о грустной участи хозяина оставленной усадьбы, ушедшаго на Тоболъ (т.-е. въ Тобольскую губернію), о томъ, какъ по пути въ далекій сѣверный край, послѣ всякихъ невзгодъ, у него перемерли почти всѣ дѣти и что на новыхъ мѣстахъ при непривычныхъ условіяхъ труднѣе вести хозяйство, и жизнь его тамъ гораздо болѣе неприглядная, чѣмъ она была на родинѣ.

Въ такихъ экономическихъ условіяхъ находятся крестьяне, изъ которыхъ составился контингентъ членовъ земледѣльческихъ артелей. Артельный договоръ, составленный Н. В. Левитскимъ, преимущественно разсчитанъ на то, чтобы реставрировать хозяйство «безлошадныхъ» крестьянъ, владѣющихъ землей, снабдивъ ихъ при посредствѣ ссуды, за круговою порукой членовъ артели, необходимымъ живымъ и мертвымъ хозяйственнымъ инвентаремъ. Обыкновенно крестьяне, составившіе артель, получаютъ ссуду отъ 175 до 200 рублей и покупаютъ отъ 5 до 6 лошадей, самый усовершенствованный для этой мѣстности плугъ Сакка и другія сельскохозяйственныя орудія. Весь этотъ сельскохозяйственный инвентарь помѣщается въ особомъ артельномъ сараѣ, составляя общую собственность членовъ артели. Независимо отъ другихъ преимуществъ артельной организаціи, артели Н. В. Левитскаго являются самою практичною и, вѣроятно, единственно возможною формой меліоративнаго кредита, разсчитаннаго на снабженіе захудалыхъ крестьянъ сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ. Дѣло въ томъ, что для работы однимъ плугомъ въ этой мѣстности требуется отъ 5 до 6 лошадей; надѣлить же отдѣльную крестьянскую семью пятью лошадьми и плугомъ, требующими затраты до 180 рублей, это значило бы обременить ее такимъ крупнымъ долгомъ, погашеніе котораго было бы для нея даже въ самые урожайные годы непосильнымъ. Кромѣ того, каждая отдѣльная крестьянская семья, располагающая въ самомъ лучшемъ случаѣ десятью десятинами

земли, далеко не использовала бы всего труда пяти лошадей; лошади отстаивались бы безъ работы, а содержаніе ихъ въ теченіе зимы ложилось бы тяжелымъ бременемъ на небольшое хозяйство. Снабженіе же въ видѣ ссуды хозяйственнымъ инвентаремъ артели, состоящей изъ пяти домохозяевъ, является—и въ хозяйственномъ, и въ финансовомъ отношеніи—вполнѣ правильно обоснованною операціей.

Почти всѣ артели, мною видѣнныя, хотя и организовались съ осени 1895 года, но получили ссуду только раннею весной этого года, а потому только съ весны приступили къ артельной обработкѣ своихъ земель. Правда, три артели въ селѣ Федьварѣ — Филиппа Казарина, Михайла Баробуса и Якова Маляра (артели обыкновенно называются по имени артельнаго старосты) организованы еще 18 сентября 1894 года. Но эти артели представляють малочисленныя по своему составу группы, а именно: каждая изъ нихъ составлена только изъ двухъ семействъ, имѣетъ по 4 лошади и плугъ Эбергарта, т.-е. располагаетъ инвентаремъ, достаточнымъ для обработки въ два и даже въ три раза большей площади земли, чѣмъ та, которою располагаетъ артель. Эти же артели въ то же время являются маломощными для всякаго рода такихъ работъ, въ которыхъ требуется приложеніе массоваго труда. Достаточно болѣзни или какого-нибудь несчастнаго случая, чтобы такая малочисленная по своему составу артель пришла въ упадокъ. Такимъ образомъ, въ этихъ артеляхъ пока еще, такъ сказать, мало артельнаго. Онѣ были первымъ опытомъ, убѣдившимъ Н. В. Левитскаго въ необходимости устраивать артели съ бо́льшимъ числомъ членовъ. Несмотря, однако, на указанную аномалію, допущенную при самой организаціи этихъ артелей, онѣ продолжаютъ существовать, хотя имъ два раза подъ-рядъ пришлось испытать градобитіе и неурожай.

Современное экономическое положеніе осмотрѣнныхъ мною артелей въ общихъ чертахъ настолько однородно, что его возможно представить въ слѣдующей таблицѣ.

Хотя преобладающее большинство артелей фактически начало артельное хозяйство въ мартѣ этого года, но многія изъ нихъ заключили формальный артельный договоръ еще осенью 1895 года, и это время отъ формальнаго вступленія въ артель до начала артельнаго хозяйства, конечно, нельзя считать напрасно потеряннымъ для опыта въ артельномъ дѣлѣ. Въ теченіе всей зимы члены будущихъ артелей, продолжая еще вести отдѣльно свое хозяйство, имѣли возможность лучше уяснить смыслъ и цѣль артельной организаціи и столковаться относительно подробностей веденія артельнаго хозяйства. Но, включая и этотъ подговительный періодъ въ жизни артелей все-таки, 3—4 мѣсяца существованія артелей, слишкомъ малый срокъ дл того, чтобъ успѣли выясниться достоинства и недостатки артельной орг низаціи, тѣмъ не менѣе и за это время артели эти успѣли дать несомнѣ ныя доказательства своей жизненности. Въ общемъ артели ведутъ доволь согласно артельное хозяйство и за немногими исключеніями доказали н сомнѣнными фактами свою способность артельной обработки земли, но

Кто артельный староста.	Рабочихъ. м.	Рабочихъ. ж.	Подростковъ.	Дѣтей.	Всей надѣльной земли. дес.	Артельнаго посѣва. Озим. дес.	Артельнаго посѣва. Яров. дес.	Лошадей.	Плуговъ.	Ссуда. р.	Арендной земли въ десятинахъ.	Особыя замѣчанія.
Село Ивановка (она же Селезена).												
Константинъ Шевченко . . .	5	5	3	16	8½	—	14	6	Сакка	180	9	
Село Канижъ (оно же 10-я рота).												
Петровъ . . .	5	5	4	15	20½	—	15	8	Сакка	200	—	Артелью посѣяно ½ дес. подсолнуховъ, ½ дес. льну.
Филопченко . .	4	4	—	9	12	—	11½	5	Сакка	180	1½	Пятый артельщикъ недавно умеръ и пока никѣмъ не замѣщенъ.
Маньковскій . .	5	5	1	10	25	—	12	6	Сакка	200	4 артели сняли нѣсколько дес. покоса.	
Войцеховскій. .	5	5	—	16	25	—	—	5	нѣтъ	200		Артель образовалась въ концѣ мая, не успѣла еще купить плугъ и сдѣлать яровой посѣвъ.
Шпитальный. .	5	5	—	15	27½	—	14	5	Сакка	200		
Спринчанъ . . .	5	5	—	11	25	—	13	7	Сакка	200		
Кондратенко. .	5	5	—	8	25	—	10	5	Сакка	200		
Село Сентово.												
Ященко	5	5	2	11	—	5	15	5	Эбергардта	200	12 артелей с. Сентерева арендуютъ 207¾ десятины казенной земли.	Артель образовалась въ апрѣлѣ 1895 г. Прошлый годъ урожай былъ плохой, но весь хлѣбъ былъ свезенъ въ артельный дворъ, часть его пошла на посѣвъ, а другая на прокормленіе скота. Въ составѣ этой артели два безземельныхъ члена.
Колесниковъ. .	5	5	3	13	13	—	9	4	Сакка	200		
Навроцкій. . .	5	5	—	14	28½	—	9	4	Сакка	200		
Цапенко. . . .	5	5	—	7	18¾	—	9	4	Сакка	200		
Остапенко. . .	5	5	2	12	32	—	18½	5	Сакка	200		
Мельникъ . . .	4	4	4	18	34½	—	5	4	Сакка	200		5-й членъ ушелъ на заработки. Значительная часть земли за недоимку до осени сдана въ аренду волостному правленію.
Чайка.	4	4	1	17	36	—	8	4	Сакка	200		
Григорьевъ . .	2	2	4	6	29½	—	5	2	Сакка	200		Пара лошадей пала отъ сибирской язвы. 2 члена ушли на заработки и одинъ ушелъ, обидѣвшись за то, что отъ него перевели артельный дворъ въ другое мѣсто.
Григорій Караушъ . . .	3	3	5	20	28½	—	9	4	Сакка	200		Одинъ членъ-старикъ оставилъ артель, другой отправился въ Тобольскую губернію.

Кто артельный староста.	Рабочихъ. м.	Рабочихъ. ж.	Подростковъ.	Дѣтей.	Всей надѣльной земли. дес.	Артельнаго надѣла. Озим. дес.	Артельнаго надѣла. Яров. дес.	Лошадей.	Плуговъ.	Ссуда. р.	Арендной земли въ десятинахъ.	Особыя замѣчанія.
Харитонъ Караушъ . . .	2	2	3	13	33	—	15	4	Сакка	200	—	3 артельщика ушли на заработки.
Жупына. . . .	5	5	—	12	41¾	—	20	5	Сакка	200	—	
Санджора . . .	4	4	3	9	28	—	20	4	Сакка	200	—	
Село Вуцоварь.												
Григорій Ткаченко . . .	5	4	2	14	32½	—	6	4	Сакка	175	—	Половина земельнаго надѣла отдана была въ аренду за недоимку.
Степенко . . .	5	5	—	11	21½	—	—	4	—	175	—	Артельный договоръ заключенъ 20 мая, посѣва артельнаго не сдѣлано, и плугъ еще не купленъ.
Село Федоварь.												
Савельевъ . . .	5	5	4	13	22½	—	10	4	Сакка	200	—	Одинъ изъ членовъ оставилъ артель.
Безчастный . .	4	4	3	12	26¼	—	10	6	Сакка	200	—	
Сурджукъ . . .	8	3	2	10	19	—	8	4	Колонист.	200	—	
Мезенцевъ. . .	2	2	2	6	13	—	9	4	Эбергардта	200	—	
Кузьменко. . .	4	4	—	12	18	—	16	6	Колонист.	200	—	Одинъ изъ членовъ оставилъ артель.
Пиштарь . . .	4	4	2	8	18	—	8	4	Колонист.	200	—	
Кисилевъ . . .	4	4	3	12	13	—	20	8	2 пл. колон.	200	11	
Митрофанъ Ткаченко . . .	2	2	2	7	12	—	9	4	Сакка	200	—	
Козлитинъ. . .	5	5	3	6	23½	—	10½	4	Сакка	200	—	
Гончаръ. . . .	4	4	2	7	25	—	8	4	Сакка	200	—	
Балленко . . .	2	2	2	6	14½	1½	8	4	Сакка	200	—	Артель организовалась осенью 1894 г.
Маляръ	2	2	1	4	16	—	8	3	Сакка	200	—	У этой артели двѣ лошади пали.
С. Подмогильное.												
Коломіецъ. . .	5	5	6	21	20¾	—	15	5	Сакка	170	—	
Село Панчево.												
Вассалатій . .	5	5	4	18	36	—	31	5	Сакка	200	5	
Яшанъ	5	5	3	8	32	—	6	4	Сакка	200	2	Два члена вышли изъ артели послѣ сдачи земель ихъ за недоимки.
Въ с. Канижѣ.												
Швецъ	5	5	3	12	27½	—	—	5	Сакка	200	—	Эта недавно возникшая артель не успѣла еще сдѣлать артельнаго посѣва.

еще ни разу не практиковали распредѣленія продуктовъ труда, а это самый деликатный моментъ въ жизни не только земледѣльческихъ артелей, но и всѣхъ вообще производительныхъ ассоціацій. Правда, на мои вопросы артельщикамъ, сумѣютъ ли они безъ ссоры подѣлиться будущимъ урожаемъ, они увѣренно отвѣчали: «Лишь бы Богъ уродилъ, да было что дѣлить, а подѣлиться мы сумѣемъ, и непріятностей при дѣлежѣ не ожидаемъ!» Такъ увѣренно смотрятъ на предстоящую операцію дѣлежа, по крайней мѣрѣ, члены лучшихъ артелей. Остается пожелать, чтобъ эти надежды оправдались.

Уже a priori трудно допустить, чтобы всѣ артели въ одинаковой мѣрѣ освоились съ условіями веденія артельнаго хозяйства, а также въ одинаковой степени прониклись сознаніемъ важности и преимуществъ артельнаго хозяйства сравнительно съ единичнымъ, частнымъ. Еще менѣе можно было бы ожидать, чтобы одинаково прониклись такимъ сознательнымъ отношеніемъ къ дѣлу внутри данной артели всѣ ея члены. И, дѣйствительно, есть артели, такъ сказать, передовыя, съ такимъ удачнымъ подборомъ членовъ, о которыхъ мало сказать, что онѣ прониклись сознаніемъ преимуществъ артельнаго хозяйства,—онѣ его полюбили. Члены этихъ артелей, по большей части состоящіе изъ крестьянъ, не соединенныхъ кровнымъ родствомъ, настолько сжились между собой, что между ними и ихъ семьями установились чисто-дружескія отношенія, вызывающія удивленіе ихъ сосѣдей-крестьянъ. Таковы артели Петрова, Спринчана, Маньковскаго въ Канижѣ, артели Ященко и Цапенко въ Сентовѣ, Вассалатія въ Панчевѣ. Въ бесѣдѣ съ ними на мой вопросъ о томъ, состоятъ ли ихъ артели изъ чужихъ или родственниковъ, мнѣ приходилось выслушивать отвѣтъ: «Были чужіе, а теперь свои, какъ бы родственники». Приходилось мнѣ выслушивать и такія заявленія со стороны артельщиковъ: «Живемъ мы,—говорили они о себѣ,—мирно, за все время, какъ состоимъ въ артели, одинъ другому даже не сказалъ на-криво (т.-е. нѣтъ и тѣни разногласія), какъ не повидимся день, другой, то и скучно становится за товарищами-артельщиками». Въ добромъ согласіи, установившемся среди этихъ артелей, можно было убѣдиться даже при кратковременномъ пребываніи среди нихъ. Мнѣ приходилось наблюдать въ трехъ артеляхъ постройку глинобитныхъ сараевъ. Дѣло это велось дружно, весело, съ шутками и походило на праздиество, а между тѣмъ артельщикамъ приходилось при этомъ справляться съ работой, которая по своей тягостности и гигіенической обстановкѣ можетъ быть сравнена только съ работой на кирпичныхъ заводахъ. Притомъ, полное отсутствіе угощенія водкой, ни одного браннаго и даже грубаго слова. По всему видно было, что между членами артелей установились чисто-товарищескія, деликатныя отношенія, и отношенія эти созданы артелью! Обыкновенно въ избу, гдѣ я и мой спутникъ, Н. В. Левитскій, останавливались, собирались не только домохозяева-артельщики, но и ихъ жены, и дѣти, и изъ ихъ взаимнаго обращенія видно было, что эти люди—«нѣкогда чужіе, а теперь свои»—хорошо живутъ между собой. Въ нѣсколькихъ артеляхъ приходилось видѣть

дѣтей, которыя, подражая работѣ старшихъ, играютъ въ артель, выбираютъ себѣ артельнаго старосту и одного изъ дѣтей просто называютъ «Левитскимъ» (по имени Николая Васильевича), не умѣя болѣе опредѣленно опредѣлить его роль.

Ростъ сознанія выгодъ артельной организаціи выражается въ стремленіи самихъ артельщиковъ утилизировать ее въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Артели какъ въ отдѣльности, такъ и цѣлыми группами снимаютъ въ аренду луга, оброчныя статьи (двѣнадцать сентовскихъ артелей арендуютъ 245½ дес. казенныхъ земель), берутъ подряды по перевозкѣ грузовъ, по обработкѣ полей, по стройкѣ домовъ. Двѣ артели села Сентова пріобрѣли молотильную машину съ конскимъ приводомъ. Одна артель въ селѣ Аджамкѣ имѣетъ молотилку, дѣйствующую керосиновымъ двигателемъ, очень безопасную въ пожарномъ отношеніи и дающую, притомъ, чистое провѣянное зерно. Такую же молотилку имѣютъ въ виду купить артели села Канижа. Многія артели предполагаютъ также, въ случаѣ благопріятнаго урожая, осенью устроить механическія маслобойки, въ которыхъ здѣсь чувствуется недостатокъ, купить сообща всѣми артелями десятину строевого лѣса съ тѣмъ, чтобы разработать лѣсной матеріалъ въ разнаго рода издѣлія: колеса, клепку и т. п. Большинство артелей имѣютъ уже фургоны на желѣзныхъ осяхъ, выгодные тѣмъ, что они даютъ возможность возить большія тяжести и не требуютъ частыхъ починокъ, съ которыми неразлучно пользованіе обыкновеннымъ крестьянскимъ возомъ. Тѣ изъ артелей, которыя еще не имѣютъ такихъ фургоновъ, уже хлопочутъ объ ихъ покупкѣ. Пріобрѣтенія машинъ и сельско-хозяйственныхъ орудій облегчаютъ мѣстныя уѣздныя земства, которыя содержатъ спеціальные склады этихъ предметовъ и допускаютъ разсрочку при ихъ покупкѣ. Также и мѣстныя фабрики сельско-хозяйственныхъ орудій, въ особенности фирма Эльварти, охотно продаютъ артелямъ свои издѣлія съ разложеніемъ платежа на 2 и 3 срока.

Въ с. Канижѣ, въ бесѣдѣ съ артельщиками, я обратилъ ихъ вниманіе на выгоду, какую имъ могло бы доставить устройство потребительной лавки для всѣхъ артелей ихъ района. При дальнѣйшемъ объясненіи имъ устройства потребительныхъ товариществъ я убѣдился, что имѣю дѣло съ совершенно подготовленными для пониманія такого предпріятія слушателями. Мнѣ предложили цѣлый рядъ вопросовъ относительно деталей организаціи потребительной лавки, и у меня осталось такое впечатлѣніе, что, если хозяйственный годъ у этихъ артелей окончится благополучно, то къ осени они не преминутъ испробовать артельное начало въ примѣненіи къ покупкѣ сообща самыхъ необходимыхъ предметовъ потребленія: соли, вяленой рыбы, смолы, ситцевъ, на которыхъ, по приблизительному разсчету, крестьяне въ мѣстныхъ лавочкахъ переплачиваютъ 30—40% противъ рыночныхъ цѣнъ (соль, стоющая въ Елисаветградѣ 25 к. пудъ, въ деревенской лавкѣ продается по 40 коп. и т. п.).

Среди многихъ артелей, справившихся съ трудностями первоначальн

устройства артельнаго хозяйства, наблюдается явный подъемъ духа. Явленіе это совершенно понятное: вчерашніе бѣдняки, лишенные фактически возможности пользоваться своими землями, не имѣвшіе ни лошадей, ни земледѣльческихъ орудій, теперь, вступивъ въ артель, сами обрабатываютъ свои поля, являются владѣльцами желѣзныхъ плуговъ, фургоновъ, какіе очень рѣдко встрѣчаются даже у богатыхъ крестьянъ. Поля, принадлежащія артелямъ, по большей части отличаются прѣвосходною обработкой, зависящей отъ высокихъ достоинствъ желѣзнаго плуга Сакка. Нѣкоторыя артели сѣютъ «бахчи», вводятъ въ сѣвооборотъ посѣвы льна, рапса, подсолнуховъ, преимущественно на участкахъ, доходъ отъ которыхъ предназначается для уплаты налоговъ и погашенія взятыхъ артелями ссудъ. Кстати сказать, что на пути къ улучшенію земледѣльческой культуры большимъ тормазомъ служитъ принятый здѣсь ежегодный передѣлъ земли, вслѣдствіе чего ежегодно артельщики взамѣнъ своихъ хорошо разработанныхъ земель получаютъ земли, заросшія пыреемъ и запущенныя отъ плохой обработки традиціоннымъ деревяннымъ плугомъ. Несомнѣнно, что удлиненіе сроковъ передѣловъ до 10—12 лѣтъ является однимъ изъ существенныхъ условій усовершенствованія земледѣльческой культуры на артельныхъ поляхъ. Пока, однако, нѣкоторыя общества доставляютъ большое удобство артелямъ тѣмъ, что соглашаются отводить земли всѣмъ артельщикамъ въ одномъ участкѣ, что и даетъ возможность послѣднимъ вводить общій сѣвооборотъ.

Земледѣльческія артели, насколько мнѣ приходилось наблюдать, пользуются сочувствіемъ самыхъ консервативныхъ элементовъ деревни—стариковъ, и сочувствіе это объясняется тѣмъ, что артельная организація является, такъ сказать, покровительницей большихъ семей, во многихъ случаяхъ прямо содѣйствуя ихъ возстановленію на экономической почвѣ. Такъ, напримѣръ, въ селѣ Сентовѣ есть артель Аѳанасія Остапенка, состоящая изъ однихъ близкихъ родственниковъ: отца, сыновей и зятей, живущихъ чрезвычайно дружно. Всѣ они раньше вели 5 отдѣльныхъ хозяйствъ, теперь же въ формѣ артели возстановили старое семейное хозяйство, напоминая собою старинную великороссійскую семью.

Но на-ряду съ артелями, хорошо поставленными, надо отмѣтить существованіе артелей захудалыхъ, въ которыхъ артельное хозяйство поставлено неудовлетворительно и членскій составъ сократился: одни ушли сами добровольно, другіе удалены за какое-нибудь важное нарушеніе условій артельнаго договора. Понятно, что въ заботахъ о будущности артелей должно быть обращено серьезное вниманіе на причины, приведшія нѣкоторыя, правда, немногія, артели въ состояніе разстройства. Причины эти могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ; одни изъ нихъ заключаются во внѣшнихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, другія—въ личныхъ качествахъ самого артельнаго персонала, въ составъ котораго попадали лица, деморализованныя предшествующею ихъ жизнью.

Въ ряду внѣшнихъ условій, вносящихъ разстройство въ артельное хозяйство, первое мѣсто занимаетъ крайняя бѣдность нѣкоторыхъ членовъ

артелей. Такъ, въ артели Яшана, въ селѣ Панчевѣ, два члена вышли вслѣдствіе продажи ихъ земель за недоимки. Въ селѣ Федьвара, въ артели Гончара, одинъ изъ артельщиковъ, крайне бѣдный и притомъ плотникъ, ушелъ на заработки въ Елизаветградъ, по одному также ушли на заработки изъ артелей Тимоѳея Киселева, Якова Пиштора; изъ артели Митрофана Ткаченка ушли два члена на заработки, и артель осталась при трехъ членахъ. Въ селѣ Сентовѣ изъ артели Харитона Карауша ушли три члена тоже на заработки. Почти всѣ эти лица, ушедшія на заработки, отказываются отъ дальнѣйшаго участія въ артеляхъ. Были также отдѣльные случаи оставленія артелей членами, сдѣлавшими какое-либо злоупотребленіе и своимъ уходомъ предупредившими ихъ принудительное удаленіе. Такъ, въ одной артели артельный староста, вопреки условіямъ артельнаго договора, распредѣлилъ между членами часть ссуды, оставшуюся послѣ покупки лошадей, а также вызывалъ справедливыя жалобы на то, что онъ эксплоатировалъ въ свою пользу артельныхъ лошадей. Предупреждая свое удаленіе за эти проступки, онъ ушелъ изъ артели, добровольно предложивъ уплатить 10 рублей въ вознагражденіе за обработку его поля артельными лошадьми. Въ артели Колесникова (въ Сентовѣ) артельщики требовали, чтобы артельныя лошади были распредѣлены по дворамъ, и когда староста этому воспротивился, то 4 человѣка вышли изъ артели.

Вообще замѣчено, что плохо ведутъ артельное хозяйство тѣ изъ крестьянъ, которые до вступленія въ артель въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не занимались собственнымъ хозяйствомъ и деморализованы долгимъ состояніемъ батрачества; зато крестьяне, раньше извѣстные за хорошихъ хозяевъ, только въ послѣдніе годы разорившіеся, потерявшіе лошадей, а теперь реставрировавшіе свое хозяйство на артельныхъ началахъ, оказываются и здѣсь хорошими хозяевами. Въ составѣ артелей также представляютъ лучшій элементъ бывшіе солдаты, въ этой мѣстности преимущественно изъ гвардейскихъ полковъ, люди почти всегда грамотные, дисциплинированные и осмысленно относящіеся къ артельному дѣлу. Практика также показала, что самымъ неуживчивымъ элементомъ въ артеляхъ являются крестьяне, раньше занимавшіе низшія должности по сельскому управленію: изъ бывшихъ сотскихъ, десятскихъ и т. п.; единичные случаи злоупотребленій, имѣвшіе мѣсто въ артеляхъ, констатированы именно со стороны этой категоріи артельщиковъ. Наконецъ, за немногимъ исключеніемъ, очень плохо уживаются въ артеляхъ сельскіе ремесленники: сапожники, плотники, столяры, шорники. Такъ какъ работа ремесленника въ деревнѣ лучше оплачивается сравнительно съ трудомъ сельско-хозяйственнаго рабочаго, то ремесленники, очень часто занятые выполненіемъ заказовъ по своему ремеслу, дѣлаютъ опущенія по артельному хозяйству, а иногда прямо уходятъ на заработки, оставляя на произволъ судьбы артельное дѣло, отказываясь платить артели за неотработанные дни. Впрочемъ, это ненормальное положеніе ремесленниковъ зависитъ отъ недостаточнаго урегулированія ихъ отношеній къ артели въ самомъ артельномъ договорѣ. Очевидно, что

артелямъ выгодно было бы абонировать весь трудъ своихъ ремесленниковъ для своихъ потребностей, при этомъ или совершенно освобождая отъ работы въ полѣ, или же обязывая ихъ работать только въ пору спѣшныхъ, срочныхъ земледѣльческихъ работъ, напримѣръ, въ жатву, засчитывая въ счетъ артельной работы дни, потраченные на поставку для артелей ремесленныхъ издѣлій. При учетѣ ремесленнаго труда, конечно, необходимо будетъ оцѣнивать его часто выше обыкновеннаго земледѣльческаго.

Такія отношенія къ ремесленникамъ цѣлесообразно было бы установить не отдѣльнымъ артелямъ, а цѣлымъ группамъ артелей одного села. Такъ какъ группа 10 — 12 артелей, заключающихъ въ себѣ до 50 — 60 душъ разныхъ половъ и возрастовъ, имѣетъ потребность въ значительномъ количествѣ разныхъ ремесленныхъ издѣлій — сапогъ, полушубковъ и т. п., то чрезвычайно удобно такой группѣ артелей пріурочить къ себѣ по одному, по два ремесленника каждой спеціальности, необходимой въ крестьянскомъ обиходѣ. Такъ или иначе, но необходимо принять мѣры, чтобъ удержать въ составѣ артелей весьма цѣнный ихъ элементъ—деревенскихъ ремесленниковъ.

Въ заключеніе этого обзора артельныхъ неурядицъ необходимо замѣтить, что и добровольный уходъ, и принудительное удаленіе отдѣльныхъ лицъ изъ артелей въ общемъ не производитъ угнетающаго впечатлѣнія, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ уходящіе члены замѣняются людьми болѣе подходящими, и качественный составъ артелей отъ этого только выигрываетъ.

Лица, интересующіяся народною психологіей, естественно могутъ задаться вопросомъ: чѣмъ объясняется благопріятный пріемъ, оказанный начинанію Н. В. Левитскаго со стороны крестьянъ, сроднившихся съ своимъ традиціоннымъ индивидуальнымъ хозяйствомъ, и чѣмъ объясняется та быстрота, съ которою крестьяне въ общемъ сумѣли приноровиться къ условіямъ хозяйства на артельныхъ началахъ.

Успѣхъ земледѣльческихъ артелей, насколько онъ выразился въ изложенныхъ мною фактахъ, на нашъ взглядъ, объясняется выдающимися достоинствами артельнаго договора, составленнаго Н. В. Левитскимъ. Теоретически преимущества артельнаго труда предъ единоличнымъ давно уже выяснены въ наукѣ, малорусскій народъ въ отдѣльныхъ случаяхъ издавна практиковалъ артельную работу въ формѣ «супряги», «толоки» *) и т. п.; заслуга же Н. В. Левитскаго заключается въ томъ, что онъ, основываясь на детальномъ знакомствѣ съ народною жизнью, сумѣлъ приспособить ар-

*) Супряга есть особая форма сотрудничества, при которой крестьяне, имѣющіе по одной, по двѣ или по три лошади, или по парѣ воловъ, составляютъ вмѣстѣ одинъ плугъ и имъ поочередно пашутъ поля всѣхъ участниковъ супряги. Такъ какъ въ Малороссіи требуется для плуга 5—6 лошадей или 6 воловъ, то въ одной супрягѣ бываетъ отъ 2 до 6 участниковъ. „Толокою“ же называется массовая работа на полѣ спеціально за угощеніе; она въ особенности практикуется при сборѣ жатвы.

тельную организацію къ мѣстнымъ и бытовымъ условіямъ избраннаго имъ района. Выдающееся достоинство составленнаго имъ договора мы видимъ въ томъ, что онъ удачно примиряетъ начала индивидуализма и общности. Артельное хозяйство обнимаетъ только все полеводство, массовые заработки всей артели, а для семейнаго труда остается все огородное хозяйство и частные заработки семьи (§§ 17 и 18 артельнаго договора). Все потребленіе также относится къ сферѣ семейнаго хозяйства отдѣльныхъ артельщиковъ (§ 8 арт. договора). Жизнь должна показать, слѣдуетъ ли дальше расширять сферу артельнаго хозяйства, или же, наоборотъ, дать больше простора въ артели частному (семейному) хозяйству. Практически цѣлесообразная граница между этими двумя областями артельной жизни имъ еще въ точности не опредѣлена. Такъ, теперь много споровъ среди артельщиковъ возбуждаетъ содержаніе коровъ и пользованіе ими. По артельному договору, содержаніе коровъ и пользованіе молокомъ должно быть артельнымъ, общимъ, и коровы должны помѣщаться въ артельномъ дворѣ. А между тѣмъ крестьяне привыкли держать дойную корову при семьѣ.

Еслибы артели располагали количествомъ коровъ, равнымъ числу семействъ, тогда требованіе артельнаго договора выполнялось бы очень удачно, такъ какъ при этомъ каждая семья имѣла бы въ своемъ распоряженіи корову, но, въ дѣйствительности, въ артеляхъ, и то далеко не во всѣхъ, имѣется одна-двѣ коровы. Коровы же пріобрѣтены не артелью, а отдѣльными семействами, которыя со вступленіемъ въ артель стараются сохранить ихъ въ своемъ отдѣльномъ пользованіи, тѣмъ болѣе, что крестьянская корова даетъ молока не больше того количества, какое необходимо для потребностей одной семьи. Въ этомъ случаѣ артельному договору, вѣроятно, придется поступиться въ пользу народной привычки и формально уступить коровъ въ пользованіе отдѣльныхъ артельныхъ семействъ, во всякомъ случаѣ до того времени, когда артелямъ удастся пріобрѣсти достаточное количество коровъ и расширить молочное хозяйство, которое тогда и можно будетъ поставить на артельныхъ началахъ.

Въ артельномъ договорѣ видное мѣсто занимаетъ этическій элементъ, въ видѣ наставленій жить въ любви и добромъ согласіи, не пьянствовать, избѣгать бранныхъ словъ, стремиться къ грамотности. При оцѣнкѣ артельнаго договора въ періодической печати, помнится, было высказано мнѣніе, что эти наставленія представляютъ въ немъ лишній балластъ. Можетъ быть для соблюденія строгой юридической конструкціи договора, было бы правильнѣе ихъ избѣжать, но для крестьянской среды артельный договоръ Н. В. Левитскаго, исполненный моральныхъ предписаній, является болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ сухой юридическій контрактъ. Не даромъ са крестьяне называютъ этотъ артельный договоръ «наставленіемъ», т.-е. в дять въ немъ не только изложеніе своихъ обязательствъ и правъ, но та же своего рода кодексъ моральнаго поведенія. Хотя авторъ артельнаго д говора, вводя въ его содержаніе моральныя наставленія, руководствова требованіями практической жизни и психологіей крестьянской массы,

въ этихъ частяхъ его договоръ представляетъ удивительное совпаденіе съ содержаніемъ контрактовъ англійскихъ кооперативныхъ товариществъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, въ которыхъ во множествѣ встрѣчаются предписанія жить въ любви, не произносить богохульныхъ словъ и т. п. *).

Какъ ни элементарны наставленія въ артельномъ договорѣ херсонскихъ артелей, но намъ приходилось убѣдиться, что они приносятъ свои полезные плоды. Запрещеніе браниться создаетъ у крестьянъ представленіе, что дурной тонъ несовмѣстимъ съ требованіемъ въ артели, а это въ глазахъ крестьянъ возвышаетъ достоинство новой формы хозяйства. Совѣтъ, преподанный артельнымъ договоромъ, стремиться къ грамотности также, повидимому, не останется мертвою буквой: многія артели подумываютъ о томъ, чтобы въ ближайшую зиму устроить артельную школу и пригласить учительницу, такъ какъ зданіе церковно-приходской школы очень тѣсное и не вмѣщаетъ и половины дѣтей, желающихъ посѣщать школу. Двѣ артели даже получаютъ газеты, которыя грамотные члены и читаютъ вслухъ по вечерамъ. Въ жизни народъ идетъ далѣе, чѣмъ составитель договора, и связываетъ артельное дѣло съ религіознымъ чувствомъ. Артели села Сентова задумали поставить артельную «фигуру», т.-е. крестъ, на одномъ памятномъ мѣстѣ, по малороссійскому обычаю, на перекресткѣ дорогъ. Артели села Федьвара и Канижа имѣютъ свои артельныя иконы, поставленныя ими въ мѣстныхъ церквахъ, и въ дни святыхъ этихъ иконъ имѣютъ въ виду служить молебенъ и устраивать праздникъ. Въ данномъ случаѣ мы видимъ поразительную аналогію съ тѣмъ, что наблюдалось въ средневѣковыхъ цехахъ, когда каждый цехъ имѣлъ своего церковнаго патрона, свой цеховой храмовой праздникъ, который въ то же время былъ и свѣтскимъ годовымъ торжествомъ для цеха.

Мы уже раньше упоминали о томъ, что артели пока функціонируютъ только въ области производства и до сихъ поръ въ очень немногихъ случаяхъ практиковали распредѣленіе дохода (дѣлежъ заработковъ при подрядахъ по постройкѣ домовъ, извозу), главный же дѣлежъ годового дохода отъ полевого хозяйства предстоитъ послѣ уборки урожая. Относительно нѣкоторыхъ артелей и теперь уже, зная ихъ составъ, можно съ увѣренностью сказать, что онѣ справятся съ трудностями учета участія труда каждаго артельщика и при дѣлежѣ продуктовъ годового урожая и избѣгнуть раздоровъ и недоразумѣній. Относительно же другихъ, менѣе удачнаго состава артелей надо еще выжидать фактовъ. Одно можно сказать съ достовѣрностью, что во время дѣлежа продуктовъ урожая больше, чѣмъ когда-нибудь, потребуется участіе руководительной и примирительной дѣятельности Н. В. Левитскаго.

Разъ земледѣльческія артели справятся съ дѣлежомъ урожая, то это

---

*) *Miss Webb (Poter):* „Cooperative Genossenschaften in England". Переводъ на нѣмецкій языкъ подъ ред. Брентано.

само по себѣ будетъ фактомъ огромной важности въ ихъ жизни, тогда на очередь должно выступить удовлетвореніе другихъ нуждъ артелей. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ страхованіе лошадей отъ падежа, такъ какъ потеря лошадей можетъ иногда вызвать для артели неисправимое бѣдствіе, въ особенности до погашенія ссуды, взятой для ихъ покупки. И теперь уже Н. В. Левитскимъ учреждены особыя кассы на этотъ случай. Онѣ имѣются въ артеляхъ селъ Федьвара, Сентова и Канижа и образуются изъ ежемѣсячныхъ взносовъ артельщиковъ въ размѣрѣ 20 коп. Средствъ этихъ кассъ далеко не достаточно для покрытія въ полной мѣрѣ убытковъ, причиняемыхъ падежомъ лошадей, а потому артелямъ необходимо или ввести перестраховку, или принять участіе въ земскомъ страхованіи скота. Далѣе артелямъ необходимо организовать общій сбытъ продуктовъ такимъ образомъ, чтобы оптомъ продавать свой хлѣбъ какъ въ сыромъ видѣ, такъ и въ переработанномъ—въ видѣ муки, масла подсолнушнаго и т. п. Въ ближайшей же очереди также должно быть поставлено устройство потребительной лавки для всѣхъ артелей, по крайней мѣрѣ для снабженія артелей самыми употребительными предметами крестьянскаго обихода, такихъ, какъ соль, смола, желѣзо, соленая рыба и т. п. Наконецъ самое управленіе артелями, число которыхъ возросло до 85 съ общимъ числомъ въ 1,500 душъ, теперь настолько осложнилось, что оно становится не подъ силу Н. В. Левитскому при всей его огромной энергіи и любви къ своему дѣлу. На мѣсто одного лица необходимо поставить особое бюро, въ устройствѣ котораго всего натуральнѣе было бы принять участіе мѣстному земству.

Что касается будущности земледѣльческихъ артелей Херсонской губерніи, то, при всей практической цѣлесообразности ихъ организаціи, она въ значительной мѣрѣ будетъ зависѣть отъ того отношенія къ себѣ, которое артели встрѣтятъ въ русскомъ обществѣ, администраціи и земствѣ.

До сихъ поръ самыми непримиримыми врагами артелей заявили себя мѣстные богачи-крестьяне, которые прежде арендовали земли бѣднѣйшихъ крестьянъ и съ поступленіемъ ихъ въ артель лишились батраковъ для своихъ хозяйствъ, а также кліентовъ для ростовщическихъ ссудъ. Теперь эти богатые крестьяне пугаютъ артельщиковъ тѣмъ, что имъ никогда не удастся исправно погасить ссуду, взятую артелью, и что въ концѣ-концовъ за это имъ предстоитъ «Сибирь и тачка». Подъ вліяніемъ богатыхъ крестьянъ нѣкоторыя волостныя правленія отказываютъ крестьянамъ, желающимъ составить артель, въ совершеніи артельнаго договора, и они вынуждены бываютъ совершать его нотаріальнымъ порядкомъ, что сопряжено съ большими расходами для артельщиковъ. Отношеніе администраціи къ земледѣльческимъ артелямъ неодинаково. Въ то время, какъ министры финансовъ и земледѣлія выразили полное сочувствіе начинанію Н. В. Левитскаго представители мѣстной администраціи относятся далеко не всѣ сочувственн къ артелямъ, хотя отдѣльныя лица изъ нихъ оказываютъ артелямъ энергичную поддержку. Самый близкій къ крестьянамъ органъ — мѣстное зество, которое вообще здѣсь много дѣлаетъ и для поднятія крестьянск

хозяйства, и для народнаго образованія, само дало поводъ къ крупному недоразумѣнію, о которомъ я уже упоминалъ въ началѣ этой статьи. Это недоразумѣніе относится къ докладу елизаветградской земской управы уѣздному земскому собранію майской сессіи этого года, въ которомъ категорически заявляется (стр. 56), что въ Елизаветградскомъ уѣздѣ организованныхъ артелей нѣтъ, а есть только лица, желающія получить ссуду, и это въ то время, когда въ двухъ уѣздахъ (Елизаветградскомъ и Александрійскомъ) существуетъ до 85 артелей. Говорятъ, недоразумѣніе это объясняется тѣмъ, что свѣдѣнія управы относятся къ болѣе раннему времени, когда артели только организовались. Но все-таки странно, что въ такое недоразумѣніе попало учрежденіе, имѣющее спеціальное статистическое бюро и при томъ относительно крестьянскихъ хозяйствъ, находящихся въ разстояніи 2—3 часовъ ѣзды отъ уѣзднаго города. Впрочемъ, на эту ошибку доклада управы теперь обращено вниманіе и избранная губернскою херсонскою управой коммиссія для изслѣдованія земледѣльческихъ артелей, вѣроятно, выяснитъ истину.

Но какая бы судьба ни постигла земледѣльческія артели Херсонской губерніи, мы должны признать, что рѣдко на русской почвѣ дѣлались равные по своей практической цѣлесообразности опыты поднятія экономическаго благосостоянія крестьянской массы и что то вниманіе, которое оказано симпатичному начинанію Н. В. Левитскаго со стороны русскаго общества и русской печати, является вполнѣ заслуженнымъ.

В. Ф. Левитскій.

Нѣсколько цифръ объ армянахъ на Кавказѣ.

Въ столичной прессѣ въ послѣднее время появился рядъ статей объ армянахъ. Сущность всѣхъ статей! можетъ быть выражена въ слѣдующихъ положеніяхъ *):

Армяне живутъ исключительно въ городахъ и занимаются торговлей, въ которой они руководятся правиломъ: не обманешь—не продашь. Армяне скопили въ рукахъ своихъ громадные капиталы; силою этихъ капиталовъ они закабалили все населеніе Кавказа, какъ туземное, такъ и русское.

Занявъ такимъ образомъ исключительное положеніе въ краѣ, армяне держатся совершенно обособленно ото всѣхъ прочихъ народностей и, подготовляя осуществленіе завѣтнѣйшаго своего желанія—созданіе отдѣльнаго армянскаго государства, тщательно оберегаютъ своихъ дѣтей отъ общенія съ иновѣрцами, для чего воспитываютъ ихъ за границей и никогда не допускаютъ браковъ съ иновѣрцами, особливо же съ православными. Матеріальная зависимость лицъ, власть имущихъ, отъ тѣхъ же всесильныхъ армянъ, побуждаетъ мѣстную власть смотрѣть сквозь пальцы на такую противоправительственую ихъ дѣятельность.

Такъ ли это?

До сего времени авторы статей, помѣщавшихся въ газетахъ, не приводили никакихъ данныхъ въ доказательство справедливости написаннаго ими; они ограничивались указаніемъ на личное свое знакомство съ Кавказомъ, болѣе или менѣе долгое пребываніе въ Тифлисѣ, или, еще чаще, на общеизвѣстность приводимыхъ ими фактовъ.

Въ мѣстной печати возражали, но возраженія эти сводились къ выпискамъ отдѣльныхъ, особенно рѣзкихъ фразъ, причемъ выписки эти снабжались большимъ или меньшимъ количествомъ вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ.

Такимъ образомъ всякій, искренно желающій разобраться въ этом вопросѣ, оставался безъ всякой руководящей нити.

А пора разобраться.

---

*) Это почти буквальная выписка см., наприм., *Новое Время*, № 7302, 27 ію 1896 года.

Такъ какъ единственный способъ поколебать образовавшееся предубѣжденіе—это обращеніе къ безспорнымъ фактамъ и цифрамъ, то въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ исключительно пользоваться мѣстными оффиціальными источниками.

Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости или несправедливости положеній, приведенныхъ въ началѣ этой статьи и представляющихъ собою выводы изъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ, необходимо отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

Сколько всѣхъ армянъ на Кавказѣ, гдѣ они живутъ, чѣмъ занимаются, въ чьихъ рукахъ торговля и промышленность края, обучаются ли, и въ какомъ количествѣ, армяне въ учебныхъ заведеніяхъ края и тому подобное.

Не задаваясь цѣлью исчерпать всѣ эти вопросы, мы, пользуясь имѣющимися въ оффиціальныхъ трудахъ фактами и статистическими данными, постараемся намѣтить тѣ пути, которые ведутъ къ справедливому рѣшенію этихъ вопросовъ.

I.

Всего армянъ обоего пола по Предкавказью и Закавказскому краю 985,460 человѣкъ; изъ нихъ проживаютъ въ городахъ Закавказья 205,384 человѣка и Предкавказья 14,207 человѣкъ. Такимъ образомъ всего въ городахъ 219,591 человѣкъ [1]).

Въ Закавказьѣ въ настоящее время главный центръ распространенія армянскаго народа. Эриванская губернія единственная во всемъ Закавказьѣ, гдѣ армянъ нашлось болѣе 56%, или болѣе чѣмъ всѣхъ прочихъ народностей, взятыхъ вмѣстѣ.

По губерніямъ Закавказья армяне распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Въ Эриванской.	375,600	человѣкъ.
» Елизаветпольской. . .	258,324	»
» Тифлисской.	211,743	» [2])

Такимъ образомъ въ этихъ трехъ губерніяхъ сосредоточно 845,667 человѣкъ, болѣе $^{8}/_{9}$ всѣхъ армянъ, живущихъ на Кавказѣ.

Вся эта мѣстность представляетъ собою страну, гдѣ искони жили армяне или таковые поселены (такъ въ Ахалцихскомъ уѣздѣ, Тифлисской губ.) послѣ турецкой войны 1829 года.

Наиболѣе сгущено армянское населеніе въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ

[1]) Цифры эти взяты изъ статьи *Распредѣленіе армянскаго населенія по Закавказью и Кавказу*, приложенной къ книжкѣ XVIII *Записокъ кавказскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества*. Тифлисъ, 1896 г., стр. 45, 46 и 44.

Примѣчаніе: Такъ какъ по Терской области, проживающіе въ городахъ, выдѣлены отъ проживающихъ въ уѣздахъ лишь по Владикавказскому округу и Сунженскому отдѣлу, то во избѣжаніе ошибки мы предпочли отнести всѣхъ проживающихъ въ другихъ отдѣлахъ области къ городскимъ обывателямъ.

[2]) Та же книжка XVIII, стр. 42, 43, 44 и 46.

Эриванской губерніи: въ Александропольскомъ уѣздѣ, гдѣ оно составляетъ 91% всего населенія, въ Новобаязетскомъ и Эчміадзинскомъ по 64%, въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи, до 71% всего населенія и въ Шушинскомъ уѣздѣ, Елизаветпольской губерніи 58%.

Для того, чтобы ярче выдѣлить черты, исключительно присущія армянской народности, мы, въ дальнѣйшемъ изложеніи, болѣе подробно остановимся на разсмотрѣніи экономическаго состоянія этихъ трехъ губерній, а въ этихъ губерніяхъ—только что названныхъ пяти уѣздовъ.

Приводимыя ниже свѣдѣнія извлечены изъ свода статистическихъ данныхъ о населеніи Закавсказскаго края, извлеченныхъ изъ посемейныхъ списковъ 1886 г. Изданъ онъ, по распоряженію главноначальствующаго гражданскою частью па Кавказѣ, закавказскимъ статистическимъ комитетомъ. (Тифлисъ, 1893 года).

Сводъ населенія по городамъ и уѣздамъ въ процентахъ:

Губерніи:

1.

Тифлисская [1]).

	Князья.	Дворяне.	Ханы, беки, агалары.	Арм., греки, духовен.	Почетные гражд.	Купцы.	Мѣщане.	Отстав. нижние чины.	Крестьяне.	
Тифлисъ.	1	9,29	0,05	0,81	1,70	0,63	55,59	5,89	24,9	
Ахалкалаки.	1	0,53	—	3,51	1,84	2,56	85,36	1,33	4,55	
									На каз. землѣ.	Собств.
Ахалкалакскій уѣздъ .	1	0,01	0,43	1,29	—	—	0,04	0,03	97,56	0,19
									Крест. всѣхъ наименованій.	
Всего по губерніи .	0,61	2,02	0,86	0,39	0,23	0,24	9,73	0,84	85	

2.

Эриванская [2]).

	Князья.	Дворяне.	Ханы, беки, агалары.	Арм., грег. духовен.	Почетные граждане.	Купцы.	Мѣщане.	Отст. нижние чины.	Крестьяне.
Александрополь . .	—	1,28	0,08	0,31	0,13	7,03	85,04	0,05	6,05
Уѣздъ. . . .	—	0,06	—	1,60	—	—	—	—	98,22
Новобаязетъ. . . .	—	0,26	—	1,60	—	0,12	нѣтъ	0,01	98,02
Уѣздъ. . . .	—	—	0,12	0,47	—	—	—	—	99,32
Эчміадзинскій уѣздъ. (уѣзднаго города нѣтъ).	—	0,09	0,89	1,59	—	0,11	—	—	96,3
Всего по губерніи.	—	0,30	0,60	1,02	0,01	0,38	5,00	0,01	92,

[1]) Сводъ статистич. данныхъ. Разд. 1. Листъ. 24, стр. 8 и 9,

[2]) Раздѣлъ III. Листъ 12, стр. 8 и 9. Свода статист. данныхъ.

3.

Елизаветпольская [1]).

	Князья.	Дворяне.	Мелики, ханы, беки, агалар.	Арм.-грег. духовенство.	Почетные граждане.	Купцы.	Мѣщане.	Отст. нижніе чины.	Крестьяне.
Шуша	—	0,74	7,02	1,68	0,02	4,11	85,89	—	—
Уѣздъ	—	—	3,95	1,62	—	—	—	—	94,1
Всего по губерніи .	—	0,05	0,65	0,92	0,01	0,24	9,14	—	85,84

Изъ приведенныхъ цифръ можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

Громадное большинство армянъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію и проживаетъ не въ городахъ, а въ уѣздахъ. Дворянское сословіе совершенно отсутствуетъ; число лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемымъ высшимъ городскимъ классамъ (почетные граждане, купцы) ничтожно. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ армяне составляютъ большинство населенія, выводы эти особенно ярки. Такъ, въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ крестьянъ 97,75%, въ Александропольскомъ—98,22%, въ Новобаязетскомъ—99,32, въ Эчміадзинскомъ—97,29% и въ Шушинскомъ—94,19%.

II.

Попробуемъ теперь, на основаніи тѣхъ данныхъ, которые у насъ имѣются, представить экономическое положеніе этихъ пяти уѣздовъ.

Ахалкалакскій уѣздъ, Тифлисской губерніи.

Площадь у. въ верстахъ.	На 1 кв. вер. жителей.	Число селен.	Число дым.	Общее количество жител.	Армяне. Дымовъ.	Армяне. Человѣкъ.
2392,86	24,2	109	6,809	59,496	4,664	42,301

Площадь уѣзда въ десятинахъ.	Количество всѣхъ посѣян. хлѣб. въ п.	Собрано.	Всего десятинъ подъ хлѣбомъ.
249,255	96,766	284,557	50,900

Главнымъ образомъ засѣвается пшеница яровая и ячмень.

Лѣсу 56,000 десятинъ: (казеннаго 2,431 десят.). Садоводство—фруктовые сады около 450 десят., доходу до 8 т.; въ 60 селеніяхъ. Табаководство—въ 12 селеніяхъ, засѣяно 7 десятинъ.

Скотоводство: крупн. рогат. скота. .	53,000
овецъ.	129,000
свиней	1,500
	183,500 шт.

[1]) Раздѣлъ IV

Шушинскій уѣздъ, Елизаветпольской губерніи.

Площадь у. въ верстахъ.	На 1 кв. вер. жителей.	Число селен.	Число дым.	Общее количество жител.	Армяне. Дымовъ.	Армяне. Человѣкъ об. пола.
4573,13	27,8	251	16,936	99,463	8,218	57,893

Площадь уѣзда въ десятинахъ.	Количество посѣяннаго хлѣба въ пуд.	Урожай въ пудахъ.	Всего десятинъ подъ хлѣбомъ.
476,366	86,430	460,000	60,000

Преобладаютъ посѣвы яровой пшеницы и просо.

Лѣсу.	50,000	дес.
Хлопкомъ засѣяно было	215	»
Сѣна собрано было.	640,500	п.
Вина.	186,000	в.
Коконовъ	8,500	шт.
Скота всего, крупнаго и мелкаго . .	282,800	»

Эриванская губернія, Александропольскій уѣздъ.

Площадь у. въ верстахъ.	На 1 кв. вер. жителей.	Число селен.	Число дым.	Общее количество жител.	Армяне. Дымовъ.	Армяне. Человѣкъ об. пола.
3334,06	34,5	161	13,080	111,501	11,804	101,634

Площадь уѣзда въ десятинахъ.	Количество посѣяннаго хлѣба въ пуд.	Урожай въ пудахъ.	Всего десятинъ подъ хлѣбомъ.
347,296	86,630	374,375	55,000

Преобладаютъ посѣвы яровой пшеницы и ячменя.
Лѣсу 15,000 десятинъ.

	Число плантацій.	Занятая площадь.	Снято табаку.
Табаководство. . . .	13	1 д. 1723 кв. с.	45 пудовъ.

Новобаязетскій уѣздъ.

Площадь у. въ верстахъ.	На 1 кв. вер. жителей.	Число селен.	Число дым.	Общее количество жител.	Армяне. Дымовъ.	Армяне. Человѣкъ об. пола
4122,07	25	128	11,976	96,123	6,751	51,367

Площадь уѣзда въ десятинахъ.	Количество посѣяннаго хлѣба въ пуд.	Сборъ хлѣба въ пудахъ.	Всего десятинъ подъ хлѣбомъ.
429,379	92,036	290,466	40,000

Преобладаютъ посѣвы яровой пшеницы и ячменя.
Лѣсу 25,000 десятинъ.

	Число плантацій.	Занятая площадь.	Снято таба-
Табаководство. . . .	60	575 кв. саж.	22 п. 6

Эчміадзинскій уѣздъ.

Площадь у. въ верстахъ.	На 1 кв. вер. жителей.	Число селен.	Число дым.	Общее количество жител.	Армяне. Дымовъ.	Армяне. Человѣкъ об. пола.
3159,1	31,8	215	13,488	100,591	8,488	64,124

Площадь уѣзда въ десятинахъ.	Количество посѣяннаго хлѣба въ пуд.	Сборъ хлѣба въ пудахъ.	Всего десятинъ подъ хлѣбомъ около
329,072	63,741	271,453	35,000

Преобладаютъ посѣвы озимой пшеницы и ячменя.
Лѣсу 3,400 десятинъ.

	Десят.	Сборъ въ пуд.
Хлопокъ	5,300	44,950

	Десят.	Сборъ въ ведр.
Виноградниковъ	3,405	669,100

	Число плантацій.	Занятая площадь.	Сборъ.
Табакъ	34	1 дес. 691 кв. с.	52 пуд. 16 ф.

Скота въ этихъ уѣздахъ.

Лошадей	16,000
Ословъ и муловъ	12,000
Верблюдовъ	2,600
Рогатаго скота и буйволовъ	160,000
Овецъ и козъ	300,000

Цифры, приведенныя въ первомъ ряду, за исключеніемъ первыхъ двухъ графъ, взяты изъ указаннаго выше труда: «Сводъ статистическихъ данныхъ о населеніи Закавказскаго края», по Ахалкалакскому уѣзду,—отдѣлъ 1-й, листы 3 и 4; по Шушинскому уѣзду—отдѣлъ IV, листы 13, 14 и 15; по Эриванской губерніи—отдѣлъ III, листы 3, 4, 6, 7, 10 и 11.

Первыя двѣ графы перваго ряда и первая графа второго ряда, иначе говоря данныя о пространствѣ уѣзда и о количествѣ жителей на одну квадратную версту, изъ соотвѣтствующихъ графъ приложеннаго къ книгѣ XVIII объясненія къ этнографическимъ картамъ губерній и областей Закавказскаго края, составленнаго правителемъ дѣлъ Географическаго Общества Е. Кондратенко. Графы о количествѣ посѣянныхъ и собранныхъ хлѣбовъ взяты изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ гг. губернаторовъ, помѣщенныхъ въ извлеченіи въ кавказскихъ календаряхъ: за 1891 г. приложенія, статьи: *Землевладѣніе и землевладѣльцы Тифлисской губерніи* и *Урожай хлѣбовъ на Кавказѣ за 1895 г.* отд. V, стр. 92—106 и за 1896 годъ, отд. V, стр. 178 и 274, и изъ статей, озаглавленныхъ: *Нѣкоторыя статистическія данныя по Эриванской губерніи* (стр. 357—368) и по *Елизаветпольской губерніи* (стр. 423—439), помѣщенныхъ въ XVIII книгѣ *Трудовъ Кавказскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества.* Число десятинъ подъ хлѣбами вычислено мною на основаніи свѣдѣній,

имѣющихся въ 4 томѣ свода матеріаловъ по изученію экономическаго быта крестьянъ Закавказскаго края.

Вотъ эти среднія величины урожая съ десятины:

Пшеницы озимой .	66	пуд.
» яровой .	50	»
Ржи.	70	»
Ячменя	71	»
Овса	57,5	»
Кукурузы	82	»
Картофеля	400	»
Рисъ самъ 10		
Просо » 7		

Свѣдѣнія о лѣсахъ взяты изъ Кавказскаго календаря на 1896 г. отд. 5, стр. 301. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о распредѣленіи земель по угодьямъ весьма недостаточны, такъ что опредѣлить съ точностью количество пахатныхъ земель въ разсматриваемыхъ уѣздахъ не представляется возможнымъ, такъ какъ приблизительный даже обмѣръ земель, состоящихъ подъ пашнями, весьма затруднителенъ, въ виду разбросанности мелкихъ, обрабатываемыхъ населеніемъ участковъ. Межеваніе далеко не закончено, а потому и нельзя воспользоваться безспорными данными межеванія; показанія же жителей крайне не точны и сбивчивы, такъ какъ они не знаютъ опредѣленной мѣры пространства, а измѣряютъ землю, какъ это принято мусульманами на низменности, количествомъ засѣяннаго зерна: тагаромъ, чуваломъ, чанахомъ и кяпзой [1]) или, какъ принято считать въ нагорной части армянами, временемъ необходимымъ для распашки—однимъ, двумя и т. д. днями. Вотъ почему пришлось, какъ это уже и указано, ограничиться только посѣвами и сборами. Изъ приведенныхъ нами цифръ сдѣлаемъ пока слѣдующіе выводы: крестьяне изслѣдуемыхъ нами пяти уѣздовъ занимаются земледѣліемъ, причемъ или исключительно, или главнымъ образомъ воздѣлываютъ кормовые хлѣба, садоводство же (виноградники и фруктовые сады), хлопководство и шелководство являются лишь подсобными къ основному сельско-хозяйственному промыслу—хлѣбопашеству.

Что эти выводы вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, видно и изъ помѣщенныхъ въ XVIII книжкѣ К. О. И. Г. О. статистическихъ данныхъ по Эриванской губерніи (стр. 357 — 365), гдѣ мы читаемъ, что уѣзды Александропольскій, Новобаязетскій и Эчміадзинскій занимаютъ по размѣ-

---

[1]) *Тагаръ* (Александрополь) 25 п., (Елизаветполь) 22 п. и $33^3/_4$ п. и т. д. из-няется мѣра эта въ разныхъ уѣздахъ, доходя наприм., въ Арешскомъ уѣздѣ до пуда (пшеница).

Чанахъ отъ $9^1/_2$ ф. Казахскаго уѣзда, до 1 п. 5 ф. въ Елизаветпольскомъ уѣз

Чувалъ отъ 5 п. въ Джебраильскомъ уѣздѣ, если это мѣра ячменя и до 7 п. 15 въ томъ же уѣздѣ, если мѣряютъ пшеницу. Кавказскій календарь на 1896 г. От; IV, статья *Туземныя мѣры въ Закавказьѣ* (стр. 16 и 17).

рамъ посѣва хлѣбовъ первое, второе и третье мѣсто среди остальныхъ 7 уѣздовъ губерніи, по хлопководству и садоводству (виноградники и фруктовые сады) Эчміадзинскій уѣздъ занимаетъ второе мѣсто, въ Александропольскомъ и Новобаязетскомъ этихъ отраслей сельскаго хозяйства совсѣмъ нѣтъ, по табаководству уѣзды занимаютъ послѣднія мѣста въ губерніи, причемъ сѣется только махорка и исключительно для домашняго употребленія. Всѣ три уѣзда вмѣстѣ даютъ сборъ хлѣбовъ 936 тысячъ пудовъ, а вся губернія (7 уѣздовъ) 1.850,000 пудовъ [1]), т.-е. въ этихъ трехъ уѣздахъ собирается болѣе половины общаго сбора хлѣбовъ по губерніи.

Изъ статистическихъ данныхъ по Елизаветпольской губерніи видно, что Шушинскій уѣздъ занимаетъ по пространству четвертое мѣсто среди другихъ восьми уѣздовъ губерніи, по посѣвамъ проса—первое, по посѣвамъ яровой пшеницы и винодѣлію—второе, по посѣвамъ озимой пшеницы и ячменя—третье, по хлопководству и табаководству—послѣднее и по скотоводству—второе. Вообще въ губерніи сборъ всѣхъ хлѣбовъ 2.700,000 пуд., въ уѣздѣ 460,000, т.-е. почти $^1/_6$ всего сбора.

Ахалкалакскій уѣздъ, Тифлисской губерніи, занимаетъ по пространству седьмое мѣсто среди 9 уѣздовъ. По губерніи всего собирается хлѣбовъ 1.650,000 пудовъ, по уѣзду 284,557 пудовъ, т.-е. нѣсколько болѣе $^1/_6$ части всего сбора.

Для того, чтобы выяснить, при какихъ условіяхъ крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ и какія они извлекаютъ выгоды отъ этого промысла, мы сдѣлаемъ выписки изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ по Эриванской, Елизаветпольской и Тифлисской губерніямъ [2]).

---

[1]) Всѣ приведенныя цифры извлечены изъ указанныхъ выше книгъ, статей и труда г. Гулишамбарова: *Обзоръ фабрикъ и заводовъ Закавказскаго края*, стр. 22.

[2]) Выкупъ временно-обязанныхъ крестьянъ съ содѣйствіемъ правительства на Кавказѣ примѣненъ не былъ, а крестьяне могутъ пріобрѣтать земли лишь по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ. Успѣшному выкупу надѣловъ препятствуетъ сильная задолженность помѣщиковъ, которые не соглашаются на выкупъ, такъ какъ выкупные обязательно удерживаются въ уплату долговъ и, такимъ образомъ, помѣщики лишаются всѣхъ доходовъ, получаемыхъ ими, въ видѣ натуральныхъ и денежныхъ повинностей, съ крестьянъ (статья 9-я *Положенія о крестьянахъ Закавказскаго края*). Согласно мѣстному положенію о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ губерніяхъ Закавказскихъ (ст. 7, 18, 19, 101—103, 35, 75, 86—88, 74, 137, 116, 117, 139—148) высшій размѣръ надѣла на дымъ для поливныхъ полей—десятидневное паханье, для неполивныхъ полей—двадцатидневное. Въ Кутаисской губерніи 12 кцевъ.

Однодневное паханье, во всѣхъ разсчетахъ Положенія, принимается въ полдесятины казенной мѣры, а кцевъ въ 90 квадратныхъ саженъ. *Коренной*, такъ называетъ его Положеніе, крестьянскій надѣлъ равенъ половинѣ высшаго, а въ Кутаисской губерніи 4 кцевы. Наименьшій надѣлъ равенъ одной трети высшаго, а *даровой* надѣлъ половинѣ коренного. Повинности опредѣляются особо за усадьбы, особо за сады и особо за полевые участки. За усадебную землю ежегодно—три рубля; за виноградные сады виномъ (кулухи) одну четвертую часть урожая (въ Кутаисской губерніи $^1/_3$), за фруктовые и тутовые сады по соглашенію съ помѣщикомъ; за полевую землю—одну четвертую часть (гала) съ урожая всѣхъ произведеній. Не причисляются къ повинностямъ за надѣлы плата или повинности за топливо и лѣсные матеріалы для

Земледѣліе находится исключительно въ рукахъ крестьянъ, помѣщики своей земли не обрабатываютъ, а отдаютъ крестьянамъ изъ доли урожая и только въ рѣдкихъ случаяхъ за денежное вознагражденіе. Населеніе не выходитъ изъ колеи стараго способа обработки земли, чему не мало способствуютъ: 1) недостатокъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія, сравнительно дорого стоющихъ, усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій; 2) обработка земли сохой (гутомъ) вслѣдствіе того, что мѣстной, слабосильной породѣ рабочаго скота, при твердости распахиваемаго грунта, не подъ силу обработка плугомъ; и 3) полукочевой образъ жизни большинства населенія, заставляющій его перекочевывать лѣтомъ съ низменности на эйлаги и побуждающій не только спѣшить окончаніемъ полевыхъ работъ, но и ограничивать размѣры земледѣлія. Система полеводства не вездѣ одинакова даже на небольшихъ пространствахъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ двухпольная, въ другихъ трехпольная, а иногда и многопольная, что обусловливается топографическимъ положеніемъ распахиваемой мѣстности, качествомъ почвы и, главнымъ образомъ, количествомъ воды для орошенія. Въ малоземельныхъ обществахъ, при значительной густотѣ населенія, одни и тѣ же участки обрабатываются пять - шесть лѣтъ подъ рядъ до истощенія почвы. Обработка земли весьма несовершенна, что зависитъ отъ несовершенства орудій. Земледѣльческія орудія, употребляемыя мѣстными крестьянами, неуклюжи, тяжеловѣсны, требуютъ много лишней силы и времени. Такъ какъ отдѣльные крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ средствъ вспахать свое поле плугомъ, требующимъ отъ четырехъ до десяти паръ быковъ, да и самого плуга иногда не имѣютъ, а имѣютъ лишь отдѣльныя части его, то они соединяются между собою въ артели и общими силами пашутъ поочередно поля участниковъ.

Такое соединеніе людей, орудій и скота длится опредѣленное количество дней и называется «ало» или «аваджъ». Ало длится отъ двадцати одного дня до тридцати трехъ, а всѣхъ ало въ году бываетъ до трехъ. Каждому, участвующему въ артели, рабочему вспахивается за это время одна деся-

---

садовъ, за рыбныя ловли и другія оброчныя статьи. Замѣна повинностей земными произведеніями денежнымъ оброкомъ зависитъ отъ обоюднаго соглашенія помѣщика съ крестьянами, *впредь до общаго распоряженія правительства*. Замѣна повинностей *издѣльною работой* (бегара)—по соглашенію съ помѣщикомъ. Крестьяне обязаны засѣвать ежегодно не менѣе половины надѣльной земли и поддерживать виноградники въ такомъ порядкѣ, чтобы доходъ съ нихъ не уменьшался; участки неисправныхъ плательщиковъ крестьянъ присоединяются къ господской землѣ, если въ теченіе шести мѣсяцевъ никто изъ односельчанъ нерадиваго крестьянина не возьметъ его участка или сада за назначенныя повинности.

Помѣщику предоставляется во всякое время, *независимо отъ полюбовныхъ соглашеній*, въ случаѣ нижеуказанныхъ, требовать отъ крестьянъ обмѣна необходимыхъ ему участковъ изъ земли, отведенной въ надѣлъ крестьянамъ. Такъ: 1) въ случаѣ открытія въ земляхъ крестьянскаго надѣла источниковъ минеральныхъ водъ и цѣнныхъ ископаемыхъ; 2) въ случаѣ предполагаемаго помѣщикомъ устройства, дѣйствующихъ водою: мельницы, фабрики или иного заведенія, когда одинъ или оба берега находятся на земляхъ крестьянскаго надѣла и т. п., всего 6 пунктовъ (стр. 75).

тина; если же, кромѣ собственной рабочей силы, участникъ представилъ въ распоряженіе артели пару воловъ, то ему вспахивается полторы десятины. Соха употребляется по всей нагорной полосѣ, гдѣ не требуется (?) глубокой вспашки.

Самая тщательная обработка земли въ Тифлисской губерніи—въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ.

Уборка хлѣбовъ съ полей производится серпомъ и косой.

Молотятъ хлѣбъ съ помощью молотильной доски. Доска эта съ передняго конца загнута кверху, а нижняя ея сторона вся усажена острыми кусками кремня. Къ переднему загнутому концу припрягаютъ воловъ или буйволовъ, которые и везутъ доску, на которой сидятъ женщины и дѣти, по хлѣбу, разложенному на току, причемъ острые камни выбиваютъ зерно изъ хлѣба. При этой молотьбѣ солома измельчается и получается въ видѣ, такъ называемаго, самана.

Хлѣбъ вѣютъ лопатою и рѣшетомъ. Сохраняютъ хлѣбъ въ ямахъ пирамидальныхъ или конусообразныхъ съ широкимъ основаніемъ и узкимъ верхнимъ отверстіемъ.

Въ большинствѣ случаевъ крестьяне вынуждены продавать свой хлѣбъ скупщикамъ, которые ихъ сильно эксплоатируютъ, благодаря отсутствію дешеваго кредита. Нужда въ деньгахъ для уплаты податей и удовлетворенія прочихъ необходимыхъ потребностей заставляетъ крестьянъ кредитоваться у кулаковъ на самыхъ тяжкихъ условіяхъ,—уплаты долга зерномъ изъ ожидаемаго урожая,—причемъ кромѣ того, что зерно идетъ по цѣнѣ гораздо ниже рыночной, крестьянъ еще и обвѣшиваютъ, и обмѣриваютъ.

Средвія цѣны по обработкѣ земли, какъ то видно изъ IV тома свода матеріаловъ по изученію экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказья, слѣдующія:

Обработка одной десятины	24 р.	30 к.	
» » » подъ рисъ	35 »	— »	
» » » подъ хлопокъ	50 »	— »	
Обсѣмененіе одной десятины: пшеницей	7 »	59 »	(11 п.)
» » » ячменемъ	4 »	76 »	
» » » кукурузой	4 »	45 »	

Такимъ образомъ, всего расхода на 1 десятину 31 р. 89 к., 29 р. 60 к. и 28 р. 75 к.

	Валовый доходъ съ десятины.	Чистый доходъ.
Пшеницы	46 р. 60 к.	14 р. 70 к.
Ячменя	35 » 10 »	6 » 4 »
Кукурузы	37 » 60 »	8 » 34 »
Проса	34 » 67 »	
Ржи	36 » — »	

Въ какой зависимости находится урожай отъ орошенія въ гористыхъ мѣстностяхъ, къ которымъ принадлежатъ почти во всемъ объемѣ разсматри-

ваемые нами уѣзды, видно изъ слѣдующихъ выписокъ отчета по Эриванской губерніи за 1894 годъ. Въ гористой мѣстности губерніи былъ и въ этомъ году неурожай: «зерна получилось мало, а солома во многихъ пунктахъ оказалась настолько малорослой, что крестьяне вынуждены были не косить хлѣбъ, а рвать руками». Особенно же пострадали весь Новобаязетскій уѣздъ, Абаранскій участокъ, Эчміадзинскій и часть Александропольскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, это сильно ослабило экономическое благосостояніе жителей этихъ мѣстностей, уже расшатанное неурожаями 1893 г. и отчасти 1892 г.

Населеніе при лѣтнемъ бездождіи не могло и съ помощью искусственнаго орошенія хотя бы нѣсколько ослабить пагубное вліяніе засухи, да къ тому же не имѣетъ никакихъ доходныхъ вспомогательныхъ источниковъ, какъ хлопководство и виноградарство, часто выручающихъ въ затруднительные моменты населеніе низменной полосы губерніи. По собраннымъ свѣдѣніямъ, нуждались въ ссудѣ для обсѣмененія полей и отчасти для продовольствія 182 селенія.

Въ разъясненіе этой удивительной стойкости армянскаго крестьянина въ бѣдствіяхъ неурожая приводимъ слѣдующее примѣчаніе редакторовъ Свода статистическихъ данныхъ въ Елизаветпольской губерніи. Изданіе кавказскаго статистическаго комитета. Тифлисъ 1888 года (стр. VI).

«Наибольшій дымъ (дворъ) оказывается у армянъ. Армяне, по возможности, избѣгаютъ семейныхъ раздѣловъ, почему нерѣдко встрѣтить дымы въ 15, 20 и даже 30 душъ, тогда какъ между остальными народами сильно развито стремленіе къ обособленію, почему при женитьбѣ создается непремѣнно собственное хозяйство».

Смѣемъ думать, что представленныхъ фактовъ достаточно, чтобъ утверждать, что армяне, проживающіе въ уѣздахъ, составляя громадное большинство, занимаются исключительно земледѣліемъ и что они народъ трудолюбивый, какъ то значится во всеподданнѣйшемъ отчетѣ карскаго губернатора.

II.

Приступая къ рѣшенію вопроса о томъ, въ чьихъ рукахъ находятся торговля и промышленность на Кавказѣ, мы считаемъ нужнымъ вновь повторить, что ограничимся при изслѣдованіи этого вопроса лишь фактами безспорными, основанными на оффиціальныхъ цифрахъ и донесеніяхъ, причемъ просимъ читателя помнить, что мы не беремъ на себя задачи исчерпать вопросъ.

Остановимся, прежде всего, на внѣшней торговлѣ, которая обращае[т] на себя особое вниманіе, благодаря развившемуся за послѣдніе годы в[ы]возу. Главные торговые пути Кавказа—моря Черное и Каспійское, су[хо]путныя же границы—сѣверная съ Россіей и южная съ Турціей и Перс[іей] не имѣютъ большого торговаго значенія.

Для точнаго опредѣленія количества привезенныхъ и вывезенныхъ товаровъ мы воспользуемся извлеченіями изъ отчетовъ таможенныхъ учрежденій за 1894 годъ, помѣщенныхъ въ указанныхъ выше трудахъ и статьяхъ.

Черное море.

Всего привезено въ порта Чернаго моря [1]) 6.180,000 пудовъ—на 10 милліоновъ рублей. Вывезено 72.554,812 пудовъ на 30.400,000 рублей. Если къ этимъ цифрамъ прибавить и товары, перевозимые каботажемъ, то всего въ теченіе отчетнаго года, по всѣмъ портамъ Чернаго моря, привезено и вывезено разнаго рода грузовъ 112 милліоновъ пудовъ, причемъ поступило сборовъ и пошлинъ въ карантинно - таможенныя учрежденія 800 тысячъ рублей.

Изо всѣхъ этихъ товаровъ на первомъ мѣстѣ по вывозу стоятъ нефтяные продукты, которыхъ было вывезено 62.840,609 пудовъ, что̀ составляетъ около 56% всего количества привоза и вывоза.

Главные предметы вывоза (кромѣ нефти): марганецъ и кукуруза, вывозимые изъ Кутаисской губерніи. Марганца было вывезено 7.633,445 пудовъ, на сумму 3.114,450 рублей; кукурузы 6.309,900 пудовъ, на сумму 3.451,569 руб. 50 коп.

Главные предметы ввоза: лѣсного матеріала изъ-за границы, для керосиновыхъ ящиковъ, въ доскахъ и брусьяхъ нестроганныхъ: 2.250,268 пуд. на 596,287 руб.; жести — 2.002,581 пуд. на 5.721,160 руб.; олова, желѣза, свинца, натра и кали—640,000 пуд. на 1.200,000 руб.

Каспійское море.

Всего привезено въ порта Каспійскаго моря (Баку, Петровскъ и Дербентъ) какъ изъ-за границы, такъ и изъ Россіи двадцать пять милліоновъ двѣ тысячи сто пять пудовъ (25.002,105 пудовъ). Вывезено: сто семьдесять восемь милліоновъ двѣсти восемьдесять три тысячи триста пудовъ (178.283,300 пуд.). Изъ всѣхъ товаровъ по вывозу первое мѣсто занимаютъ нефтяные продукты, которыхъ вывезено 168.070,167 пудовъ (нефтяные остатки 127.731,719 пудовъ, керосинъ 28.981,710 пуд., нефть сырая 10.074,064 пуда и прочихъ нефтяныхъ продуктовъ 1.282,674 пуда).

Главные предметы вывоза послѣ нефти—крупа и пшено 1.001,335 пуд., мука пшеничная 212,728 пуд., мука другихъ хлѣбовъ 74,558 пуд., пшеница 91,887 пуд., хлопокъ 156,038 пуд., соль поваренная 147,564 пуд., ячмень 99,240 пудовъ, лѣсъ строительный, дерево пальмовое и орѣховое 121 тыс. пуд.

Главные предметы ввоза: лѣсъ строительный, подѣлочный и дрова—500.000,000 пуд., желѣзо всякое, чугунныя, желѣзныя и стальныя издѣ-

[1]) Таможни, конторы и заставы: Батумская, Николаевская, Анаклійская, Огемгирская, Сухумкальская, Псыртская, Гудаутская, Орджохская, Новороссійская и Вельяминовская.

лія—100.000,000 пуд., рисъ—2.392,962 пуд., сухіе фрукты, бакалейные товары, мануфактурные товары, стеклянныя издѣлія.

Южная сухопутная граница съ Турціей и Персіей.

Торговля по этой границѣ имѣетъ весьма ограниченные размѣры, причемъ главнѣйшими предметами ввоза служатъ: мѣха, мануфактурные товары и рогатый скотъ на убой, а вывоза: мелкій скотъ, рогатый рабочій скотъ, шерсть и кожа.

Дѣятельность карантинно-таможенныхъ учрежденій [1]) выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Привезено на 2,972 рубля.

Вывезено на 229,552 рубля [2]).

Сѣверная сухопутная граница.

Главные пути, объединяющіе Кавказъ съ Россіей: Владикавказская желѣзная дорога съ вѣтвями на Новороссійскъ и Петровскъ и военно-грузинская шоссейная дорога.

Такъ какъ многіе грузы, привозимые по Владикавказской желѣзной дорогѣ, слѣдуютъ изъ Новороссійска и особенно изъ Петровска или направляются туда, то мы, во избѣжаніе возможности ошибки въ общемъ подсчетѣ, будемъ считать лишь тѣ грузы, которые прибываютъ на станцію Владикавказъ или же съ этой станціи отправляются въ Россію. Всего прибываетъ въ среднемъ за годъ около 1.500,000 пуд.; отправлено же около 600,000 пуд.

Главнѣйшіе предметы привоза: хлѣбъ (378,000 пуд.), сахаръ (52,000 пуд.), соль (71,000 пуд.), каменный уголь (52,000 пуд.), мануфактурные товары (свыше 100,000 пуд.).

Главнѣйшіе предметы по отправленію: кукуруза (120,000 пуд.); вино (80,000 пуд.), хлопокъ (50,000 пуд.) и керосинъ.

Если изъ общаго количества выдѣлить мѣстные владикавказскіе грузы (хлѣбъ), а также грузы идущіе вообще на нужды Предкавказья, то на Закавказье остается весьма незначительное количество.

Что же касается до военно-грузинской дороги, то, съ открытіемъ Закавказской дороги, она потеряла свое прежнее значеніе торговаго пути съ Россіей и почти исключительно служитъ для перевозки мѣстныхъ грузовъ. Всего груза въ годъ по направленію къ Тифлису проходитъ 1.429,000 пуд., по направленію къ Владикавказу—350,000 пуд.

Къ Тифлису направляется: хлѣбъ, сахаръ, спиртъ и лѣсные матеріалы (лѣсу до 900,000 пуд.).

Къ Владикавказу идетъ: вино, хлопчатая бумага и нефтяные продукты.

---

[1]) Карауганская контора, Кагызманская и Ольтинская заставы.

[2]) *Обзоръ Карской области*. Книга XVIII, стр. 323—356.

Подводя общіе итоги по привозу и вывозу товаровъ, мы получимъ слѣдующія круглыя цифры:

вывозится. . . . . 253.000,000 пуд.
ввозится . . . . 34.000,000 »

Такимъ образомъ вывозъ превышаетъ ввозъ почти въ 8 разъ.

Изъ предметовъ вывоза главное мѣсто принадлежитъ нефти и ея продуктамъ, коихъ вывезено 230.910,776 пудовъ за границу и въ Россію. Всего же изъ Баку вывезено нефти 248.290,993 пуд. [1]). Такимъ образомъ, вывозъ нефти равенъ почти 85°/₀ всего вывоза.

Остальные предметы вывоза: кукуруза, марганецъ, пшеница, шерсть, цѣнныя деревья, каменный уголь и проч.

Изъ 34 милліоновъ пудовъ ввоза слѣдуетъ вычесть около четырехъ милліоновъ пудовъ груза, идущаго транзитомъ въ Персію [2]) и Туркестанскій край; изъ остальныхъ же 30 милліоновъ около половины составляютъ предметы необходимые для нефтяной промышленности: лѣсной матеріалъ въ доскахъ и брусьяхъ, жесть, олово, сѣра, селитра, ѣдкій натръ, кали и машины. Остальные же предметы ввоза — рисъ, сухіе фрукты, чугунъ, машины, стеклянныя издѣлія, рыба, мануфактурные товары и бакалейные.

Изъ всѣхъ приведенныхъ цифръ можно наглядно убѣдиться, что главнымъ предметомъ торговли служитъ нефть.

Въ чьихъ же рукахъ находится эта торговля и связанная съ экспортомъ продукта промышленность?

Нефтяные продукты экспортировались изъ Батума слѣдующими торговыми фирмами [3]): Каспійско-Черноморскимъ обществомъ (Ротшильдъ), на долю котораго приходится 35,7°/₀ общаго экспорта.

Товариществомъ бр. Нобель.	25,5°/₀
Манташевымъ и К° *** [4])	8,2°/₀
Рихнеромъ и К°.	7,2°/₀
Шабаевымъ и К°	5,2°/₀
Бакинскимъ Стандартомъ (франц. комп.) . .	4,7°/₀
Цавьяновымъ и К°***	3,2°/₀
Денеисомъ	3,2°/₀
Ангелидисомъ (Сидеридесомъ)	2,6°/₀

А всего въ рукахъ девяти перечисленныхъ фирмъ находится 95,5°/₀ общаго экспорта. Слѣдующія девять фирмъ: Русско-Кавказское нефтяное общество, Гроте, Быховскій, Русское общество пароходства и торговли,

---

[1]) Книга XVIII *К. Отд. Императорскаго Географич. Общества,* стр. 259 (Бакинская губ.).

[2]) Торговля съ Персіей, стр. 100 и 101 *Отчета по Бакинской губ. Кавказскій календарь 1896 г.*

[3]) Стр. 406. Ст. *Нѣкоторыя статистическія и другія данныя о Кутаисской губ. за 1893 г.* Кн. VIII *К. Отд. Имп. Рос. Геогр. Общ.*

[4]) Отмѣченныя звѣздочками фамиліи въ дальнѣйшемъ изложеніи указываютъ на принадлежность къ армянской народности.

Хачатурянцъ***, Бульфруа, Шахбазовъ, Жолкверъ и Фельдманъ экспортируютъ каждая въ размѣрѣ отъ 0,81% до 0,09%, всѣ же вмѣстѣ до 3,9% общаго вывоза.

На долю всѣхъ остальныхъ товароотправителей причитается въ общей сложности до 0,6% общаго вывоза.

Транспортированіемъ нефтяныхъ продуктовъ за границу занимаются преимущественно иностранцы.

Для удовлетворенія потребностей юга Россіи нефть направляется въ Одессу, Николаевъ и Севастополь наливомъ на пароходахъ Русскаго общества пароходства и торговли.

На фабрикахъ Кутаисской губерніи работали въ 1893 году 7,130 рабочихъ, сумма производительности ихъ простиралась до 28.078,089 руб. [1]).

На долю батумскихъ заведеній по выдѣлкѣ жестяныхъ и деревянныхъ ящиковъ для экспорта нефтянымъ продуктовъ приходится 26.600,000 руб. [2]).

Добыча нефти [3]) на Апшеронскомъ полуостровѣ сосредоточена на трехъ площадяхъ, а именно: на Балахано-Сабучинской, Романинской дачѣ и Биби-Эйбатѣ. Въ 1893 году дѣйствовали всего 82 промысла, изъ коихъ добыча нефти производилась на 69. Общее количество добытой нефти 337.051,834 п. Обработкою нефти заняты 85 нефтепрогонныхъ заводовъ. Въ настоящее время керосинозаводчики образуютъ общій союзъ бакинскихъ керосинозаводчиковъ; въ союзъ вошли лица, обладающія 97% общей производительности заводовъ Бакинскаго района.

Главныя основанія союза: 1) члены союза участвуютъ въ предпріятіи пропорціонально паямъ; 2) дѣятельность союза направляется исключительно на заграничные рынки и не можетъ имѣть *прямого* вліянія на русскіе рынки и 3) торговля керосиномъ производится за общій счетъ всего союза тремя торговыми агентами: братьями Нобель, Каспійско-Черноморскимъ промышленнымъ и торговымъ обществомъ и Бакинскимъ Стандартомъ.

Добыча нефти тартаніемъ обходится въ среднемъ на пудъ 2—2½ копейки; нефть, выбрасываемая фонтанами, обходится значительно дешевле. Цѣна нефти на мѣстѣ въ среднемъ 7 коп. пудъ.

Изъ бакинской нефти получается до 35% керосина, какъ утверждаетъ знаменитый химикъ Д. Менделѣевъ, средняя цѣна пуда керосина на мѣстѣ 25—30 копеекъ. Акциза взыскивается съ легкихъ маслъ 60 коп., съ тяжелыхъ—50 коп. съ пуда; остальные нефтяные продукты не подлежатъ оплатѣ акцизомъ.

---

[1]) Стр. 235 *Кавказскаго календаря 1896 года*. Ст. *Обзоръ Кутаисской губерніи*

[2]) *Гулишамбаровъ*, стр. 198, жестяночное и ящичное производство въ Батумѣ. Главный заводъ по выдѣлкѣ ящиковъ и жестянокъ принадлежитъ А. А. Бунге С. С. Палашковскому; затѣмъ слѣдуютъ заводы: Каспійско-Черноморскаго общества Рихнера и К°, Бургарта и К°, Манташевыхъ***, Цавьяновыхъ и К°*** и друг. Суточная производительность 100,000 жестянокъ и 50,000 ящиковъ.

[3]) *Обзоръ Бакинской губерніи. Кавказскій календарь 1896 года*, стр. 20.

Такимъ образомъ нефтяные продукты на мѣстѣ своей добычи и переработки въ Баку представляютъ собою громадную цѣнность свыше сорока милліоновъ рублей.

Послѣ нефтяныхъ продуктовъ главнѣйшими статьями являются марганецъ и кукуруза, вывозимые изъ Кутаисской губерніи.

Марганца было вывезено 7.633,445 пудовъ, на сумму 3.114,450 рублей.

Главнѣйшими дѣятелями по добычѣ марганцовой руды [1]) являются гг. Гольбауеръ, представитель завода Круппа, баронъ Мерценфельдъ, директоръ желѣзныхъ рудниковъ въ Вестфалѣ, и повѣренный Вахтера и К°, Саленьякъ, представитель англійскаго завода Бергъ и К°, Лимбергеръ—представитель англійской фирмы Шотензакъ и К°, Боллети, Шеберъ и Гроте и мѣстные помѣщики имеретины гг. Н. В. Гогоберидзе, Г. З. Чубинадзе, Кекабадзе, Мосешвили, кн. Багратіонъ-Мухранскій и другіе. Первыми приступившими къ разработкѣ марганцовой руды были гг. Гольбауеръ и Мерценфельдъ въ 1879 г.: они закупили близъ села Чіатуръ нѣсколько участковъ, на которыхъ заложили правильныя работы по эксплуатаціи марганца.

Крупнѣйшіе экспортеры шарапанской марганцевой руды—Шоттензакъ, Эвритъ, Гроте, Больдетта, Панасье, Рихнеръ и другіе иностранцы.

Разработка марганцовыхъ рудниковъ сосредоточена въ 8 селеніяхъ Шарапанскаго уѣзда и двухъ Кутаисскаго уѣзда. Всего добыто въ 1893 году 10.858,689 пуд. Цѣна руды въ Поти 25—30 коп. съ пуда, въ Чіатурѣ—7—8 коп., а въ рудникахъ—отъ 4 до 6 коп.

Кукурузы вывезено 6.309,900 пудовъ, на сумму 3.451,569 руб. 50 коп. Кукуруза вывезена исключительно почти изъ Кутаисской губерніи.

Всего въ губерніи 923,306 жителей [2]), въ томъ числѣ армянъ 1,80%. Населеніе губерніи состоитъ главнымъ образомъ изъ имеретинъ (44,83%), мингрельцевъ, лазовъ, гурійцевъ и грузинъ.

А. Н. Сазоновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Статья *Марганецъ* изъ вышеназваннаго труда инженера Гулишамбарова, стр. 74, 71 и 76. *Записки Кавказскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества* статья *Нѣкоторыя статистическія данныя по Кутаисской губерніи*, стр. 394.

[2]) *Сводъ статистич. данныхъ о населеніи Закавказскаго края.* Отд. II, послѣдняя таблица.

Биметаллисты въ Англіи.

13 іюля въ одной изъ обширныхъ и роскошныхъ лондонскихъ залъ, предназначенныхъ для публичныхъ засѣданій разныхъ обществъ, происходило годовое собраніе лиги биметаллистовъ подъ предсѣдательствомъ лорда Алденгэми. Отчетъ, который лига издала за 1895 годъ, отмѣчаетъ существенный прогрессъ въ развитіи идей биметаллизма на почвѣ международнаго соглашенія. Съ весны 1895 года въ Великобританіи собиралось нѣсколько сотъ митинговъ, преимущественно въ промышленныхъ центрахъ; привлекались новые члены; составлялись адреса англійскому и многимъ иностраннымъ правительствамъ для убѣжденія въ практическихъ выгодахъ, которыя могутъ быть доставлены биметаллизмомъ. Защитники золотой валюты тоже не дремали; они издали нѣсколько летучихъ листковъ, въ которыхъ доказывали, что только золото можетъ служить матеріаломъ для денегъ. Однако, все это послужило на пользу биметаллизму. Каждый новый памфлетъ его противниковъ давалъ лишній поводъ къ тому, чтобъ еще и еще разъ собрался митингъ и чтобы начала биметаллизма были снова подвергнуты провѣркѣ. Неустанная проповѣдь привела къ тому, что незамѣтно въ англійскомъ парламентѣ оказалось много членовъ, горой стоящихъ за биметаллизмъ, и 17 марта 1896 года въ палатѣ общинъ была единодушно принята такая резолюція: «Палата общинъ того мнѣнія, что нарушившееся съ 1873 года постоянство отношенія взаимной цѣнности золота и серебра приноситъ большой вредъ интересамъ Великобританіи и дѣлаетъ необходимымъ для правительства принятіе всѣхъ зависящихъ отъ него мѣръ, дабы путемъ международнаго соглашенія было установлено прочное отношеніе взаимной цѣны золота и серебра. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда не только считали Англію страной золотой валюты par excellence, но и враждебно настроенной кр всему, что напоминало биметаллизмъ, никто не повѣрилъ бы, что возможна такая резолюція со стороны палаты общинъ. Отмѣчая этотъ успѣхъ, отчетъ лиги говоритъ, что онъ является только однимъ изъ многихъ другихъ. Во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ и особенно Австраліи число биметаллистовъ возрастаетъ безостановочно. Еще болѣе сильно движеніе во Франціи. Г. Мелинъ, дѣятельный членъ французской

лиги биметаллистовъ, представилъ палатѣ депутатовъ докладную записку о необходимости международнаго введенія началъ биметаллизма. Записка была подписана большинствомъ депутатовъ. А ставъ министромъ, г. Мелинъ на годовомъ собраніи лиги французскихъ биметаллистовъ (въ маѣ нынѣшняго года) сказалъ слѣдующее: «Нужно признать не колеблясь, что главные народы Европы сдѣлали большую и пагубную для нихъ ошибку, отвергнувъ денежную систему, которая оказывала имъ услуги въ теченіе столѣтій, можно сказать, отъ начала міра, и которая служила залогомъ широкаго производства богатствъ и роста благосостоянія; кто будетъ отрицать, что именно со времени этихъ необдуманныхъ мѣръ, вытолкнувшихъ серебро изъ денежнаго обращенія, начался сельско-хозяйственный и промышленный кризисъ, которому еще не видно конца и который имѣетъ гораздо большее вліяніе, нежели принято думать, на разныя невзгоды нашей общественной жизни». Въ германскихъ правительственныхъ сферахъ вопросъ о международномъ соглашеніи относительно золота и серебра можетъ считаться рѣшеннымъ. Такую же стадію переживаетъ этотъ вопросъ въ Бельгіи. Наконецъ, въ Австро-Венгріи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы онъ возбуждаетъ все большій и большій интересъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ слои населенія будутъ привѣтствовать международный биметаллизмъ, какъ крупное пріобрѣтеніе. А очень многіе американцы настолько убѣждены въ необходимости дать снова серебру право гражданства, что не хотятъ ожидать международнаго соглашенія и побуждаютъ правительство дѣйствовать единолично, помимо другихъ государствъ. Въ Америкѣ вовсе нѣтъ сколько-нибудь значительной партіи, которая стояла бы за золотой монометаллизмъ. Но англійская лига биметаллистовъ стоитъ твердо на почвѣ международнаго соглашенія подобно тому, какъ лига французская и германская. Стараясь всѣми способами усилить это движеніе, англійская лига опирается на сознаніе, что многія отрасли промышленности и особенно земледѣліе развиваются въ Англіи гораздо болѣе медленно и съ меньшими выгодами для участниковъ, нежели то было бы желательно. А иностранная промышленность, покровительствуемая обезцѣнившимся серебромъ, все болѣе крѣпнетъ и наноситъ англійской все болѣе сильные удары. Международный биметаллизмъ устранитъ эти невыгодные элементы; онъ сохранитъ для народовъ Востока полное обладаніе дарами, которые они получили отъ природы, и отстранитъ отъ британской промышленности неблагопріятныя условія, которыя искусственно созданы для нея существующею монетною системой.

Лига биметаллистовъ, ссылаясь также на лучшихъ финансовыхъ авторитетовъ Англіи, отмѣтила полную несообразность монетной системы въ предѣлахъ Британской имперіи. Долги англичанъ другъ другу измѣряются тремя различными мѣрилами и колеблются въ зависимости отъ причинъ трехъ разрядовъ. Въ Соединенномъ королевствѣ господствуетъ золотая валюта. Въ колоніяхъ главнымъ матеріаломъ для денегъ служитъ серебро. Въ Индіи же господствуетъ денежная система средняя между золотой и сереб-

ряной валютой. Такъ какъ чеканка серебра ограничена въ Индіи, то министръ финансовъ для Индіи, завѣдуя этою отраслью, можетъ измѣнять отношеніе цѣнности серебра къ цѣнности золота. Нельзя же не признать этого положенія нелѣпымъ, несоотвѣтствующимъ уровню цивилизаціи, котораго достигла Англія.

Итакъ, правительство, въ лицѣ палаты общинъ, готово ступить на путь, который можетъ привести къ международному соглашенію. Остается только немногочисленная, но вліятельная группа банкировъ и другихъ торговцевъ лондонскаго Сити, которые противятся этому теченію. Не рѣшая окончательно безъ соглашенія съ крупнымъ торговымъ міромъ, правительство открыло въ Индіи монетные дворы для чеканки серебра и для полнаго признанія серебра государственными деньгами.

Что же, спрашиваетъ лига биметаллистовъ въ своемъ отчетѣ, должно ли Соединенное королевство подчиниться требованіямъ и пожеланіямъ того класса, который обладаетъ наибольшими богатствами и имѣетъ большое вліяніе? Нѣтъ, рѣшающее значеніе должны имѣть интересы всей страны, главныхъ отраслей промышленности, на которые опирается благосостояніе всего населенія. Лондонъ сдѣлался денежнымъ центромъ для всего міра. А разъ признано, что прочное и единообразное мѣрило цѣнности необходимо для удержанія столицею Англіи ея господствующаго положенія, то биметаллисты должны удвоить свои усилія въ этомъ направленіи. Чтобы подкрѣпить свои требованія, лига приводитъ слова нынѣшняго англійскаго министра финансовъ Бальфура: «Придетъ время, когда биметаллизмъ будетъ принятъ не только всѣми великими экономически развитыми странами за предѣлами Англіи и не только промышленнымъ классомъ Ланкашира и большинствомъ представителей британскаго земледѣлія, но и общественнымъ мнѣніемъ внутри коммерческихъ центровъ Британской имперіи.

Годовое собраніе 13 іюля и было посвящено тому, чтобы выслушать доводы биметаллистовъ. Ораторомъ выступилъ американскій экономистъ, бостонскій профессоръ Френсисъ Уокеръ. Американскій ученый началъ свою рѣчь указаніемъ огромнаго міроваго значенія лондонскаго Сити. Если 100 лѣтъ тому назадъ Эдмондъ Борнъ назвалъ Лондонъ средоточіемъ мірового рынка, то теперь онъ еще болѣе заслуживаетъ этого признанія: онъ оказываетъ вліяніе на многіе интересы и судьбы всего человѣчества. Стоило бы только лондонскому Сити дать свое согласіе — и биметаллизмъ получилъ бы господство на широкомъ и прочномъ основаніи. Но на огромномъ пространствѣ, которое занимаетъ земной шаръ, только какая-нибудь одна квадратная миля преграждаетъ путь къ тому, чтобъ однородная денежная система стала преобладающею во всѣхъ торговыхъ отношеніяхъ. Сити налагаетъ свое «veto» на ту монетную политику, которая долго господствовала и была благотворна для хозяйственной жизни. Какія, спрашивается, государства послѣдовали бы за Англіей въ признаніи биметаллизма и которыя были бы противъ него? Германія немедленно и очень охотно послѣдовала бы въ этомъ дѣлѣ за Соединеннымъ королевствомъ; она го-

това будетъ сдѣлать все, что сдѣлаетъ Англія; въ частности Германія будетъ рада энергично приняться за установленіе прочнаго отношенія между золотомъ и серебромъ, нарушеніе котораго было признано со стороны германскаго парламента источникомъ великихъ бѣдствій для страны. Франція уже давно готова, при надлежащей поддержкѣ со стороны другихъ финансово-сильныхъ державъ, принять на себя ту благотворную функцію, которую она одна исполняла въ теченіе 70 лѣтъ къ огромной выгодѣ всего торговаго міра. Отъ этой политики всего болѣе выиграла Англія: ростъ ея мануфактуръ изъ мелкихъ мастерскихъ въ исполинскія предпріятія былъ въ значительной степени слѣдствіемъ того, что за весь этотъ долгій періодъ поддерживалось почти неизмѣнное отношеніе между золотомъ и серебромъ. Голландія, эта классическая страна правильно упорядоченныхъ финансовъ, отъ которой сама Англія заимствовала систему банковъ, податей и долговъ, стремится поставить свою монетную политику на правильный путь и внести порядокъ въ тотъ хаосъ, который разоряетъ теперь промышленность и торговлю. Такъ же настроены Бельгія и Италія, состоящія членами застывшаго латинскаго монетнаго союза. Почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что Россія присоединится къ биметаллическому соглашенію. Очень вѣроятно, что и Австрія сдѣлаетъ то же самое. А мое отечество, съ 70-милліоннымъ населеніемъ, страстно жаждетъ того, чтобы снова началось пользованіе серебромъ для монетъ. Пожалуй, только Швеція и Норвегія не торопились бы присоединиться ко всеобщему соглашенію; но, если бы таковое состоялось, то можно не придавать большого значенія отсутствію этихъ странъ. Что же сказать о Португаліи и Турціи? Онѣ были долгое время единственными сторонницами Англіи въ вопросѣ о монометаллизмѣ. Въ такой компаніи, какъ съ Англіей, онѣ охотно и самоувѣренно перешли бы и на сторону биметаллизма. Если таково положеніе дѣлъ, если многіе народы ожидаютъ согласія Англіи и не хотятъ безъ нея двинуться впередъ, то не лишне спросить, какое послѣднее слово было сказано по этому предмету. Позволительно спросить, принимаютъ ли въ разсчетъ англичане, высказывающіеся противъ биметаллизма, всѣ элементы, изъ которыхъ слагаются торговыя сношенія. Нѣтъ ли у Англіи обязанностей относительно всего міра, въ которомъ она образуетъ такую значительную составную часть? Будутъ ли ограждены даже спеціальные интересы Британской имперіи исключительною политикой въ дѣлѣ, которое должно быть предметомъ мірового соглашенія? Выдвигая эти частные вопросы, ораторъ поставилъ болѣе общій—о томъ, заслужили ли должнаго вниманія широкія перспективы, которыя открываетъ международный биметаллизмъ. Коснувшись въ немногихъ словахъ функцій, которыя играютъ деньги при обмѣнѣ внутри страны и на внѣшнемъ рынкѣ, Уокеръ призналъ, что нѣкоторыя выгоды монометаллизма не подлежатъ спору, насколько имѣютъ въ виду одну сторону денегъ — служить мѣриломъ цѣнности. Но эти выгоды получаются только посредствомъ принесенія въ жертву болѣе быстраго производства богатствъ и обмѣна. Монометаллизмъ

ставить людей въ такое положеніе, что торговыя сдѣлки могутъ быть совершаемы легче, а міровой опытъ послѣднихъ 20 лѣтъ показываетъ, что удержаніе системы, которая разбиваетъ весь торговый міръ на двѣ несходныя одна съ другой половины, только уменьшаетъ количество дѣлъ. Это уменьшеніе неизбѣжно, такъ какъ при внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ между странами, изъ которыхъ одна держится исключительно золота, а другая—исключительно серебра, для той или другой неизбѣжны крупныя потери, которыя и уменьшаютъ количество сдѣлокъ.

Оцѣнивая взглядъ американцевъ на этотъ вопросъ, профессоръ Уокеръ заявилъ, что американскій народъ утомился ждать и рѣшился, если бы не состоялось международнаго соглашенія на почвѣ биметаллизма, одинъ, на свой рискъ и страхъ, выдвинуть на видный планъ серебро. Когда весь торговый міръ былъ смущенъ подъ вліяніемъ первыхъ послѣдствій, которыя повлекла за собою демонетизація серебра, то американцы пошли на проломъ. Биллемъ Луриссона въ 1878 году было постановлено пользоваться въ широкихъ размѣрахъ серебромъ для чеканки монеты. Это было недипломатично, несправедливо, практически-ошибочно; они прищемили себѣ пальцы дверью. Долгое время занимаясь монетнымъ вопросомъ, американскій конгрессъ издалъ, наконецъ, актъ Шертонна (1890 года). Вообще 15-лѣтняя (1878—1893 гг.) политика Соединенныхъ Штатовъ, направленная на чеканку большого количества серебряныхъ долларовъ и на покупку большого количества серебра въ слиткахъ, была неблагопріятна для судьбы биметаллизма. Такъ оцѣнивали эту политику и биметаллисты Соединенныхъ Штатовъ, и наиболѣе вліятельные европейскіе экономисты. Но въ значительной степени основаніемъ для такой политики служило доброе намѣреніе парализовать обезцѣненіе серебра, которое явилось слѣдствіемъ широкой пропаганды золота монометаллистами. Даже и теперь, по прошествіи 18 лѣтъ, въ теченіе которыхъ было много разочарованій, въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ монометаллистовъ, защитниковъ золота. А если таковые и найдутся, то эти немногіе подходятъ къ типу, который выработался въ лондонскомъ Сити. Сюда нужно отнести немногихъ банкировъ, преимущественно изъ тѣхъ, которые поддерживаютъ прямыя сношенія съ Лондономъ, немногихъ экономистовъ, принадлежащихъ къ школѣ апріорнаго мышленія въ области хозяйственныхъ явленій, и нѣкоторыхъ гражданъ, весьма почтенныхъ, но мало свѣдущихъ въ вопросахъ о денежномъ обращеніи. Наконецъ, сюда можно причислить и людей того разряда, которые наблюдаютъ невыгоды вслѣдствіе обезцѣненія серебра и готовы примириться съ этимъ безъ дальнѣйшихъ попытокъ остановить это теченіе. Всѣ эти голоса не были бы слышны, если бы Соединенные Штаты получили отъ главныхъ европейскихъ странъ предложеніе согласиться относительно биметаллизма. Нерѣдко, замѣтилъ профессоръ Уокеръ, по адресу Соединенныхъ Штатовъ раздается упрекъ, что они руководствуются эгоистическими побужденіями. Это предположеніе невѣрно. Добываніе серебра, находимаго въ Скалистыхъ горахъ, составляетъ одну изъ незначительныхъ

отраслей промышленности Америки. Эта отрасль промышленности не имѣетъ такого вліянія на политическую жизнь страны, чтобъ явилось сильное теченіе въ сторону серебра. И интересъ общественныхъ группъ, которыя прикосновенны къ добыванію серебра, не финансовый, а чисто-промышленный. Не нужно думать, что главными защитниками возстановленія правъ серебра являются въ Америкѣ сторонники дешевыхъ денегъ, которые когда-то противились уменьшенію количества бумажекъ. Американскіе биметаллисты вовсе не стремятся къ тому, чтобъ уплатить дорогіе долги дешевыми деньгами. Среди нихъ большинство образуютъ тѣ лица, которыя развили промышленность и торговлю своего отечества, высоко подняли его кредитъ и страшно боятся всего, что можетъ подорвать довѣріе къ ихъ родинѣ. Не далеко, по мнѣнію Уокера, время, когда повсюду начнетъ господствовать убѣжденіе, что только политика биметаллизма можетъ обезпечить народу здоровую монетную систему. Происходившія недавно по этому предмету деклараціи въ С.-Луи и Чикаго подписаны 52 наиболѣе извѣстными въ Америкѣ именами. И если демократическая партія приняла рѣшеніе требовать неограниченной чеканки серебра въ отношеніи 16 къ 1 золота безъ соглашенія съ другими странами, то слѣдуетъ видѣть въ этомъ не противодѣйствіе идеѣ международнаго биметаллизма, а только страстное желаніе сотенъ и тысячъ людей охранить отъ дальнѣйшихъ потерь американскую промышленность и торговлю,—потерь неизбѣжныхъ, пока не состоится международное соглашеніе, а оно встрѣчаетъ на пути еще не мало препятствій. И какихъ бы результатовъ ни достигла демократическая партія, золотая денежная единица будетъ исполнять въ Соединенныхъ Штатахъ и за ихъ предѣлами то назначеніе, которое она всегда исполняла, и всѣ долги великой западной республики, какое бы мѣсто ни заняло серебро въ ея денежномъ оборотѣ, будутъ неукоснительно уплачиваться въ золотѣ, дабы ея кредитъ стоялъ на высотѣ, которой она успѣла достигнуть.

Наблюдая многолюдное собраніе биметаллистовъ, слушая рѣчь Уокера, просматривая отчетъ лиги, я припомнилъ, какъ неточны свѣдѣнія, которыя распространены въ Россіи по этому предмету. Среди множества статей, которыя были за послѣдній годъ напечатаны въ русскихъ газетахъ по вопросу о денежномъ обращеніи, преобладали такія, гдѣ проводилась мысль о невозможности для серебра играть роль, которую оно играло, и о необходимости постепенно перейти къ золотой валютѣ; тамъ, гдѣ дѣлалось возраженіе противъ перехода, не высказывалось сомнѣніе въ его необходимости, а встрѣчалось лишь разногласіе относительно мѣръ, которыя могутъ облегчить этотъ переходъ, и относительно общихъ условій, при которыхъ онъ могъ бы совершиться безъ существеннаго нарушенія чьихъ бы то ни было интересовъ. Отправною точкой для полнаго пренебреженія къ серебру служитъ мысль о томъ, что нѣтъ возможности достигнуть международнаго соглашенія относительно этого металла. По мнѣнію русскихъ публицистовъ, касавшихся этого вопроса, за возстановленіе серебра въ его правахъ могутъ быть только страны, которыя бли-

жайшимъ образомъ въ томъ заинтересованы: Франція и другія государства бывшаго латинскаго монетнаго союза, такъ какъ имѣютъ большія количества серебряныхъ денегъ, Соединенные Штаты съ обильными мѣсторожденіями серебра и немногія другія. Всѣ же народы, пришедшіе къ золотой валютѣ, не хотятъ имѣть съ серебромъ ничего общаго; въ особенности серебро не можетъ стать популярнымъ въ Англіи, которая уже давно сдѣлалась страною золотого денежнаго обращенія. Итакъ, въ Англіи биметаллизмъ не можетъ найти для себя сколько-нибудь удобную почву. Такъ многіе разсуждаютъ въ Россіи. И такъ же начертываются въ сферѣ министерства финансовъ мѣропріятія, которыя должны привести Россію къ золотой валютѣ. При этихъ мѣропріятіяхъ исходятъ изъ предположенія, что цѣнность серебра подняться не можетъ и что его ожидаетъ окончательная демонетизація.

Но все это доказываетъ недостаточное знакомство съ тѣмъ, что происходитъ на Западѣ. Не только во Франціи, Бельгіи и Германіи, но и въ Англіи биметаллисты имѣютъ много приверженцевъ. Просматривая списокъ членовъ англійской лиги биметаллистовъ, мы находимъ крупныя имена; эти имена вселяютъ убѣжденіе, что лига имѣетъ въ своемъ составѣ людей, которые ручаются за серьезность поставленной цѣли и за цѣлесообразное веденіе дѣла. Профессора Фоксуелль, Гоннеръ, Мэворъ, Саймсъ, Уоллесъ состоятъ членами лиги, и они занимаютъ видное мѣсто въ британской наукѣ. Кто считаетъ дѣло подающимъ особенно большія надежды на успѣхъ при участіи аристократіи, тотъ будетъ вполнѣ удовлетворенъ составомъ лиги: здѣсь много бароновъ, графовъ, маркизовъ и даже герцоговъ—Аберкорнъ, Бофоръ, Лидсъ, Портландъ, Файеръ и другіе. Кто ищетъ здѣсь наиболѣе дѣятельныхъ членовъ парламента, тотъ найдетъ въ спискѣ такихъ людей, какъ Бичъ, Гикманъ, Бартъ, Уебспиръ и, особенно, оба Бальфура, считающіеся людьми крупныхъ дарованій. Отмѣтимъ, помимо личнаго состава лиги биметаллистовъ, и то, что она распространила свою дѣятельность по всей Британской имперіи: лондонское Сити имѣетъ свой комитетъ, обширныя отдѣленія дѣйствуютъ въ Манчестерѣ, Бирмингэмѣ, Ливерпулѣ, Шеффильдѣ, Лидсѣ и многихъ другихъ городахъ; особыя же отдѣленія организованы для Остъ-Индіи и каждой изъ австралійскихъ колоній. Есть также комитеты для Китая и Японіи. Если мало всего этого для доказательства, насколько въ Англіи, классической странѣ золотого монометаллизма, силенъ духъ биметаллизма, то сошлемся на сочувствіе, съ которымъ въ парламентъ вступаютъ предложенія лиги, клонящіяся къ международному соглашенію относительно двойной валюты. Все, вмѣстѣ взятое, доказываетъ, что противники биметаллизма не только не должны ссылаться на Англію, какъ страну враждебную этому теченію, но, напротивъ, должны признавать ее однимъ изъ тѣхъ центровъ, которые имѣютъ много лицъ, учрежденій, и большой, стройно-организованный союзъ, дабы помочь биметаллизму проложить дорогу въ монетную политику. И такой выводъ не можетъ быть парализованъ ни серьезными возраженіями, которыя могутъ

быть сдѣланы англійскимъ биметаллистамъ, ни тѣмъ фактомъ, что многіе представители крупной промышленности и торговли въ Англіи, упорно стоятъ за единую золотую валюту.

Раздѣляя воззрѣнія биметаллистовъ, я самъ готовъ, вмѣстѣ съ ихъ противниками, сдѣлать имъ одно возраженіе: они приписываютъ демонетизаціи и обезцѣненію серебра такія явленія народно-хозяйственной жизни, которыя вызываются цѣлою совокупностью совмѣстно дѣйствующихъ причинъ. Выдающееся мѣсто среди причинъ угнетеннаго положенія рабочихъ, хроническаго кризиса принадлежитъ непараллельному движенію заработной платы съ одной стороны и прибыли и ренты—съ другой. Производительность труда возрастаетъ, запасы продуковъ увеличиваются, покупательныя средства бѣднѣйшихъ классовъ увеличиваются въ очень малой пропорціи,—и происходитъ застой въ сбытѣ товаровъ, возрастаніе гнета безработныхъ, со всѣми тяжелыми послѣдствіями для людей, живущихъ трудомъ своихъ рукъ. Члены лиги, оставляя въ своей пропагандѣ этотъ пунктъ безъ вниманія, даютъ своимъ противникамъ лишній поводъ для нападокъ. Но, ставя ихъ аргументацію въ такіе предѣлы, мы должны сказать, что не подлежитъ сомнѣнію значительный вредъ, причиняемый обезцѣненіемъ серебра. Какъ относительно бумажныхъ денегъ сложилось убѣжденіе, что народное хозяйство испытываетъ вліяніе не абсолютно-высокой или абсолютно-низкой ихъ цѣны, а частыхъ колебаній цѣны, такъ и отношеніе между золотомъ и серебромъ, какими бы цифрами оно ни выражалось, тѣмъ болѣе неблагопріятно для хозяйственной жизни, чѣмъ болѣе неустойчиво. Для кого же оно неблагопріятно? Для того, кто получаетъ наибольшую сумму платежей въ металлѣ, которому предстоитъ дальнѣйшее обезцѣненіе. Такъ какъ въ теченіе 20 лѣтъ слишкомъ, серебро испытываетъ такую участь, то наименѣе выгодно положеніе тѣхъ странъ,—мы беремъ международный обмѣнъ—которыя, имѣя исключительно серебряную монету или же монету изъ обоихъ металловъ, могутъ получить по заграничнымъ платежамъ большое количество серебра. Получая серебро, эти страны не могутъ отдѣлаться отъ страха, что пониженіе его цѣнности сдѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи и что они будутъ располагать меньшею покупательною силой. Эта боязнь и побуждаетъ страны, имѣющія золотую валюту, упорно стоять за нее, а тѣ, которыя имѣютъ серебряную—дѣлать попытки перехода къ золотому денежному обращенію или же къ ограниченію чеканки серебра. Понятно, почему не Англія вообще, а лондонское Сити горой стоитъ за золотое денежное обращеніе. Совершая огромные торговые обороты, Сити производитъ многомилліонныя закупки въ странахъ серебряной валюты; продажа этихъ товаровъ въ Англіи позволяетъ, вслѣдствіе золотой валюты, получать большіе барыши. Я не говорю, что золотая валюта всегда обезпечиваетъ лондонскимъ торговымъ домамъ крупную прибыль; но довольно, если иногда отдѣльные торговые дома (изъ наиболѣе богатыхъ и вліятельныхъ) получаютъ крупные барыши: это

способно дѣлать многихъ сторонниками золотой валюты и противниками мѣръ, которыя направлены къ возстановленію цѣнности серебра.

Среди англійскихъ биметаллистовъ мы находимъ сельскихъ хозяевъ, для которыхъ золотая валюта дѣлаетъ особенно труднымъ соперничество со странами, гдѣ господствуетъ серебро, промышленниковъ, между которыми, по той же причинѣ, на міровомъ рынкѣ царитъ конкурренція дешевыхъ японскихъ, китайскихъ и остъ-индскихъ издѣлій. Но мы находили въ рядахъ лиги и людей, которые сами не заинтересованы въ промышленности и торговлѣ и становятся на сторону биметаллизма только потому, что дѣло само говоритъ за себя. Возстановленіе цѣнности серебра вполнѣ возможно, разъ оно будетъ основано на международномъ соглашеніи. Вотъ почему я еще съ большею настойчивостью высказываюсь за то, что отмѣтилъ во *Внутреннемъ Обозрѣніи Русской Мысли* (май, 1896 г.): русское правительство поставитъ себѣ дѣйствительно важную задачу, если пригласитъ «иностранныя державы совмѣстно выработать мѣры для возстановленія цѣнности серебра на почвѣ биметаллизма».

А. Исаевъ.

Нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матеріализма.

(Открытое письмо къ В. А. Гольцеву.)

Милостивый государь!

Въ апрѣльской книгѣ *Русской Мысли* вы напечатали статью объ «экономическомъ» *) матеріализмѣ. Эта статья, навѣрное, вызоветъ много продолжительныхъ и одушевленныхъ споровъ въ лучшей части нашей читающей публики. А такъ какъ редакція *Русской Мысли* дорожитъ, конечно, прежде всего интересами истины, то я увѣренъ, что она не откажется помѣстить на своихъ страницахъ нѣсколько возраженій на вашу статью, идущихъ отъ человѣка, который хотя не можетъ назвать себя литераторомъ, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно дорожитъ интересами литературы.

Вашу статью можно подраздѣлить на двѣ части. Въ одной вы подвергаете ученіе «экономическихъ» матеріалистовъ общей теоретической оцѣнкѣ, а въ другой разсматриваете это ученіе въ примѣненіи къ нашей русской дѣйствительности. Я долженъ сознаться, м. г., что ваша теоретическая критика «экономическаго» матеріализма кажется мнѣ не совсѣмъ удачной. Вы приводите противъ него лишь такія возраженія, на которыя уже не разъ отвѣчали его сторонники. И еслибы вы нѣсколько внимательнѣе прочитали, наприм., книгу Бельтова *Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію*, то вы не сдѣлали бы многихъ изъ вашихъ возраженій, потому что въ этой книгѣ вы нашли бы довольно полный отвѣтъ на нихъ.

По моему мнѣнію, ваша статья интересна и даже замѣчательна, но интересна и замѣчательна не критикой экономическаго матеріализма, а такой постановкой нѣкоторыхъ нашихъ практическихъ вопросовъ, благодаря которой можетъ значительно приблизиться къ концу ожесточенный споръ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ волнующій нашу читающую публику. Въ своемъ

*) Правильнѣе было бы сказать — о *діалектическомъ*, но я о словахъ спорить не хочу.

письмѣ къ вамъ я охотно ограничился бы именно этой послѣдней, практической стороной дѣла. Но я боюсь, что безъ нѣкоторыхъ замѣчаній общаго характера мои взгляды будутъ неправильно истолкованы, а потому я начинаю съ этихъ общихъ замѣчаній.

Вы думаете, что невозможно «вывести всю культурно-историческую жизнь, какъ слѣдствіе, изъ однихъ только производственныхъ отношеній». Вы «*признаете психическій факторъ историческаго развитія, какъ самостоятельный*». Въ этомъ заключается ваше «основное возраженіе» противъ экономическаго матеріализма.

Остановимся на этомъ основномъ возраженіи.

Вы указываете на Фюстель-де-Куланжа, по мнѣнію котораго первоначальная религія грековъ и римлянъ опредѣлила ихъ семью, установила бракъ и власть отца, обозначила степени родства, освятила право собственности и право наслѣдства. Мнѣ очень хорошо извѣстенъ этотъ взглядъ Фюстель-де-Куланжа, но я думаю, что онъ совершенно ошибоченъ и противорѣчитъ самымъ безспорнымъ выводамъ новѣйшей исторической науки. И не я одинъ такъ думаю.

Когда въ 1879 году вышло въ Парижѣ седьмое изданіе цитируемой вами книги Фюстель-де-Куланжа, профессоръ Лейденскаго университета Оортъ напечаталъ интересное возраженіе на нее въ журналѣ *Theologisch Tijdschrift*. Оортъ опровергалъ, какъ глубокое заблужденіе, ту мысль, что первоначальныя религіозныя вѣрованія опредѣлили собою складъ античной семейной жизни. Вовсе нѣтъ. «Когда возникла семейная жизнь, религія дала ей свою санкцію». То же было и въ области государственной жизни: «религія освящала и поддерживала statu quo». Наконецъ, то же самое мы видимъ и въ области частнаго права: и здѣсь религіозная мысль санкціонировала учрежденія, возникшія вовсе не подъ ея вліяніемъ. Мимоходомъ Оортъ замѣчаетъ, что самъ Фюстель-де-Куланжъ, въ томъ же самомъ изслѣдованіи, вынужденъ былъ отступиться отъ своего основного положенія; онъ самъ призналъ, что революціи, разрушившія античную гражданскую общину, вызваны были не развитіемъ языческой религіозной мысли, а дѣйствіемъ постороннихъ ей причинъ, и главнымъ образомъ—*борьбою матеріальныхъ интересовъ* (я сказалъ бы—борьбою классовъ) въ нѣдрахъ античнаго общества. И это совершенно справедливо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только перечитать четвертую книгу того же самаго изслѣдованія Фюстель-де-Куланжа, одну изъ первыхъ страницъ котораго цитируете вы, м. г., въ своей статьѣ. Правда, Фюстель-де-Куланжъ, отводя борьбѣ классовъ очень большую роль во внутренней исторіи Греціи и Рима, пытается доказать, что сами боровшіеся между собою классы обязаны бы своимъ происхожденіемъ первоначальной религіи этихъ странъ. Но именн эта попытка съ особенною ясностью показываетъ, до какой степени н полны и ошибочны были взгляды этого — въ другихъ отношеніяхъ чре вычайно серьезнаго—изслѣдователя на развитіе первобытныхъ учреждені античнаго міра. Если вы, м. г., захотите провѣрить мои слова, то я і

прошу васъ сравнить четвертую книгу *Cité antique* съ соотвѣтствующими главами въ сочиненіи *Ancient Society* Моргана или хотя бы въ трудѣ Летурно *L'Evolution de la propriété*.

Статья Оорта была переведена на французскій языкъ и напечатана въ спеціальномъ парижскомъ журналѣ *Revue de l'histoire des religions* (II-ème année, tome III) съ сочувственнымъ замѣчаніемъ отъ редакціи. Если я не ошибаюсь, м. г., это обстоятельство показываетъ, что приводимый вами взглядъ Фюстель-де-Куланжа не раздѣляется многими спеціалистами по исторіи религіи.

Да и какъ могли бы раздѣлять его спеціалисты? Кому придетъ теперь въ голову называть *первоначальной* ту религію грековъ и римлянъ, о которой говоритъ Фюстель-де-Куланжъ? Эта будто бы первоначальная религія имѣла свою длинную исторію, которая не можетъ быть даже приблизительно понята, если мы не покинемъ основного взгляда Фюстель-де-Куланжа и не взглянемъ на античную религію какъ на продуктъ внутренняго развитія античныхъ обществъ.

Вообще, можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что едва ли хоть одинъ серьезный историкъ согласится теперь со взглядомъ Фюстель-де-Куланжа безъ самыхъ рѣшительныхъ и самыхъ существенныхъ оговорокъ.

Вотъ, напримѣръ, передо мною лежитъ извѣстное сочиненіе В. Дюрюи: *Histoire des Romains*. Тамъ, на 76-й страницѣ I-го тома (изд. 1877 г.), я нахожу слѣдующія строки:

«Религія (въ древней Италіи) до вторженія въ нее греческихъ и восточныхъ идей была очень проста; она обусловливалась житейскими нуждами, полевыми работами, страхомъ и восторгомъ, вызываемыми прекрасною, вѣчно подвижною природой. Это была религія земледѣльческая по своему существу *)... Боги Италіи, охранители собственности, супружеской вѣрности и справедливости, покровители земледѣлія, податели всѣхъ земныхъ благъ, руководятъ поступками людей» и т. д.

Позвольте мнѣ спросить васъ, м. г., похожъ ли взглядъ Дюрюи на взглядъ Фюстель-де-Куланжа? И чей взглядъ вѣрнѣе? Позвольте мнѣ спросить васъ, явились ли земледѣліе и связанныя съ нимъ житейскія нужды и формы общежитія, существовавшія у древнихъ обитателей Италіи, какъ результатъ ихъ «первоначальной» религіи, *«земледѣльческой по своему существу»*, или, наоборотъ, эта первоначальная, «земледѣльческая по своему существу» религія явилась результатомъ земледѣльческаго быта? Кажется, достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы тотчасъ же и разрѣшить его, не оставляя мѣста ни для какихъ сомнѣній. Вѣдь еслибы религія обусловливала собою соціальный бытъ древнихъ обитателей Италіи, то было бы совершенно непонятно, почему же эта религія была именно земледѣльческой, а не какой-нибудь другою. Или вы думаете, что это произошло въ

*) Въ примѣчаніи Дюрюи указываетъ, что старый римскій календарь не зналъ другихъ праздниковъ, кромѣ земледѣльческихъ.

силу особыхъ законовъ «*самостоятельнаго*» развитія языческой религіозной мысли?

Правда, по мнѣнію Дюрюи, языческіе боги древней Италіи были покровителями не только земледѣлія, но также и собственности, семьи, супружеской вѣрности и справедливости. Поэтому можно сказать,—сказать все можно, м. г.,—что если *земледѣліе* и его нужды и не были созданы «первоначальною» религіей Италіи, то понятія древнихъ итальянцевъ о собственности, о семьѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ и о справедливости обязаны были своимъ происхожденіемъ именно первоначальной религіи и въ этомъ смыслѣ подчинялись, въ своихъ видоизмѣненіяхъ, законамъ самостоятельнаго психическаго развитія.

Такого рода взгляды особенно охотно высказываются у насъ теперь, когда многіе, болѣе или менѣе передовые люди, задались цѣлью опровергнуть экономическихъ матеріалистовъ, которые будто бы намѣреваются воскресить идеалистическую «метафизику» Гегеля. Жаль только, что эти взгляды представляютъ собой не что иное, какъ буквальное повтореніе взгляда Гегеля на саморазвитіе понятій вообще и правовыхъ понятій въ частности. Такъ, наприм., извѣстный гегельянецъ Гансъ полагалъ, что «отдѣльныя системы положительнаго права... представляютъ собою отдѣльные моменты въ развитіи общей правовой идеи, постоянно и все дальше развертывающейся по вѣчнымъ законамъ», и что задача науки заключается въ изученіи каждаго изъ этихъ моментовъ и ихъ необходимой смѣны. Экономическіе матеріалисты не раздѣляютъ этого взгляда, которымъ нѣкогда очень дорожили Гегель, Гансъ и подобные имъ идеалисты, а теперь очень дорожатъ наши русскіе противники гегелевской «метафизики». По мнѣнію экономическихъ матеріалистовъ, правовыя понятія развиваются не сами собою, а подъ вліяніемъ тѣхъ взаимныхъ отношеній, въ которыя становятся производители подъ вліяніемъ экономической необходимости. «Правовая идея издавна шла рука объ руку съ экономическою необходимостью», говорилъ Родбертусъ. Правъ ли онъ былъ? Достаточно припомнить хотя бы исторію первобытной семьи, чтобы видѣть, что онъ не ошибался.

Одно изъ двухъ: или правовыя учрежденія данной страны соотвѣтствуютъ ея экономическимъ нуждамъ, или они не соотвѣтствуютъ имъ. Разсмотримъ каждый изъ этихъ случаевъ отдѣльно.

Если правовыя учрежденія данной страны соотвѣтствуютъ ея экономическимъ нуждамъ, т.-е., выражаясь точнѣе, господствующему въ ней способу производства, то необходимо возникаетъ вопросъ: чѣмъ вызвано было такое соотвѣтствіе? Разумѣется, на это можно отвѣтить различно.

Можно сказать такъ.

Правовыя учрежденія данной страны соотвѣтствуютъ господствующему въ ней способу производства по той причинѣ, что сами они явились какъ слѣдствіе и выраженіе тѣхъ общественныхъ нуждъ и отношеній, которыя необходимо возникаютъ при господствѣ даннаго способа производства. Цѣлесообразная, т.-е. соотвѣтствующая способу производства система поли-

тельнаго права является простымъ слѣдствіемъ того, что правовыя учрежденія, ставшія нецѣлесообразными, утрачиваютъ свою жизнеспособность и постепенно умираютъ или отмѣняются послѣ болѣе или менѣе продолжительной, болѣе или менѣе упорной борьбы между защитниками стараго порядка и его противниками. Цѣлесообразныя (въ указанномъ смыслѣ) правовыя учрежденія составляютъ необходимое условіе существованія человѣческихъ обществъ. И вотъ почему эти общества постоянно стремятся къ такимъ цѣлесообразнымъ учрежденіямъ, хотя достигаемое ими равновѣсіе постоянно нарушается вслѣдствіе развитія производительныхъ силъ: каждый новый шагъ въ развитіи этихъ силъ вызываетъ новое несоотвѣтствіе между способомъ производства, съ одной стороны, и правовыми учрежденіями—съ другой. Тогда начинается новая борьба между охранителями и прогрессистами, происходитъ новый переворотъ въ области права и т. д., и т. д., вплоть до нашихъ дней. Правовая идея всегда и вездѣ идетъ рука объ руку съ экономическою необходимостью.

Такъ говорятъ «экономическіе» матеріалисты. Я думаю, что они совершенно правы. Но положимъ, что они ошибаются; положимъ, что развитіе правовыхъ *учрежденій* есть,—какъ говорили Гегель и гегельянцы,— простое слѣдствіе развитія правовыхъ *понятій*. Какъ объяснимъ мы въ этомъ случаѣ соотвѣтствіе правовыхъ учрежденій данной страны съ господствующимъ въ ней способомъ производства?

Для объясненія этого соотвѣтствія намъ остается только допустить, что существуетъ предустановленная гармонія между развитіемъ правовыхъ понятій, съ одной стороны, и развитіемъ экономическихъ отношеній — съ другой.

Это можетъ показаться вамъ, м. г., смѣлымъ, а, пожалуй, подъ сердитую руку, и нелѣпымъ парадоксомъ. Но я говорю совершенно серьезно.

Въ самомъ дѣлѣ, согласно нашему предположенію, понятія развиваются самостоятельно по своимъ особымъ законамъ. Способы производства тоже развиваются самостоятельно, и тоже по своимъ особымъ законамъ *). Если въ данную эпоху результаты *развитія понятій* оказываются соотвѣтствующими *результатамъ экономическаго развитія*, то я не могу объяснить этого иначе, какъ предустановленною гармоніей или случайностью. Но случайность—не объясненіе, и потому остается одна предустановленная гармонія.

Здѣсь вы нетерпѣливо прерываете меня и упрекаете въ томъ, въ чемъ такъ часто, хотя и незаслуженно, упрекаютъ теперь «экономическихъ» матеріалистовъ: въ склонности къ метафизикѣ. Вольно же, восклицаете вы, добровольно лѣзть въ метафизическое болото. Изъ этого болота, можетъ быть, и нельзя выбраться иначе, какъ по тропинкѣ предустановленной гармоніи.

*) Гегель не согласился бы съ этимъ послѣднимъ предположеніемъ: онъ сказалъ бы, что и способы производства опредѣляются ходомъ развитія абсолютной идеи. Но, вѣдь, мы съ вами не гегельянцы, м. г.

Но вѣдь можно и совсѣмъ миновать его. И это очень легко сдѣлать. Стоитъ только держаться торной дорожки реализма. Надо только помнить, что экономика развивается въ зависимости отъ человѣческихъ понятій, а человѣческія понятія испытываютъ на себѣ вліяніе экономики. Между этими двумя факторами существуетъ несомнѣнное *взаимодѣйствіе*, которымъ и разрѣшаются всѣ указанныя затрудненія. Зачѣмъ же намъ гипотеза предустановленной гармоніи?

Мы сейчасъ увидимъ, разрѣшаетъ ли взаимодѣйствіе указанныя нами затрудненія. Но прежде надо разсмотрѣть второй изъ предположенныхъ нами случаевъ, т.-е. тотъ, когда правовыя учрежденія данной страны *не* соотвѣтствуютъ ея экономикѣ.

Мы уже видѣли, что онъ прекрасно объясняется съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма. Правовыя учрежденія данной страны оказываются несоотвѣтствующими ея экономикѣ каждый разъ, когда новый ростъ производительныхъ силъ ставитъ людей въ новыя взаимныя отношенія; тогда является нужда въ пересмотрѣ существующей системы положительнаго права (частнаго и общественнаго); тогда наступаетъ эпоха общественнаго переворота.

Какъ объясняется этотъ случай съ точки зрѣнія тѣхъ, которые считаютъ возможнымъ самостоятельное развитіе правовыхъ понятій? На первый взглядъ и тутъ дѣло кажется простымъ и очень яснымъ. Правовыя понятія перестаютъ соотвѣтствовать экономикѣ страны по той причинѣ, что они опережаютъ ходъ развитія экономики или, наоборотъ, эта послѣдняя опережаетъ ходъ развитія правовыхъ понятій. Если правовыя понятія опередили экономику, то она будетъ рано или поздно передѣлана сообразно прогрессу понятій; если экономика опередила понятія, то новый шагъ въ развитіи этихъ послѣднихъ возстановитъ въ ней желанное соотвѣтствіе. Такимъ образомъ, здѣсь ничто, повидимому, не противорѣчитъ предположенію о самостоятельномъ развитіи психическаго фактора.

При ближайшемъ разсмотрѣніи это простое объясненіе оказывается, однако, очень запутаннымъ. Возьмемъ хоть Францію XVIII вѣка. Правовыя учрежденія отстали отъ понятій значительной части французскаго населенія. Можно подумать, что причина всѣхъ волненій во внутренней жизни тогдашней Франціи заключалась именно въ этой отсталости *учрежденій* сравнительно съ *понятіями*, что, слѣдовательно, волненія были вызваны ростомъ понятій, и что, поэтому, исторія Франціи второй половины прошлаго вѣка вполнѣ подтверждаетъ мысль о самостоятельномъ развитіи человѣческой психики. Но это слишкомъ поспѣшное умозаключеніе. Не надо забывать, что тогдашнимъ правовымъ учрежденіямъ Франціи противорѣчили понятія совершенно опредѣленной части французскаго населенія, именно *третьяго сословія*, т.-е. класса людей, имѣвшаго опредѣленное экономическое положеніе. Ужъ это обстоятельство даетъ поводъ думать, что тогдашнія правовыя понятія этой части населенія явились не какъ продуктъ самостоятельнаго развитія, а вслѣдствіе перемѣнъ въ ея экономическомъ поло

женіи. Это не все. Въ борьбѣ противъ устарѣлыхъ правовыхъ учрежденій мыслящіе представители третьяго сословія апеллировали къ *справедливости*. И нельзя не согласиться, что справедливо было отмѣнить тѣ учрежденія, которыя стали стѣснительны для большинства французовъ. Но справедливость—очень неопредѣленное и, притомъ, крайне отвлеченное понятіе. Все дѣло въ томъ, какое конкретное содержаніе вкладывается въ него даннымъ человѣкомъ или даннымъ классомъ людей. Каковы же были тѣ правовыя учрежденія, которыя казались *справедливыми* мыслящимъ представителямъ третьяго сословія? Какъ разъ тѣ, которыя соотвѣтствовали капиталистическому способу производства, т.-е. тому способу, который былъ результатомъ предыдущаго экономическаго развитія Франціи *). Согласитесь, м. г., что это очень интересное явленіе! Если мы оставимъ мысль о предустановленной гармоніи, то явленіе это должно будетъ послужить въ нашихъ глазахъ новымъ доводомъ противъ мысли о самостоятельномъ развитіи понятій и новымъ доказательствомъ въ пользу теоріи «экономическаго» матеріализма.

Конечно, можно сказать, — повторяю, сказать все можно, — что, если передовые французскіе философы, возставая противъ феодальной собственности, ничего не имѣли противъ собственности капиталистической, то это происходило единственно потому, что они еще не додумались до другихъ понятій, а вовсе не потому, что они испытывали на себѣ непобѣдимое вліяніе новаго, торжествующаго способа производства. Но я спрошу: *почему же не додумались?* Неужели потому, что по закону самостоятельнаго развитія психики люди непремѣнно должны были, на извѣстной стадіи своего историческаго развитія, придти къ признанію буржуазной собственности? И я прибавлю, что ссылка на будто бы самостоятельное развитіе человѣческихъ понятій не объясняетъ въ сущности ровно ничего. Люди имѣли такія-то понятія, потому что они необходимо должны были ихъ имѣть по законамъ самостоятельнаго развитія психики! Но развѣ это—отвѣтъ? Развѣ это разрѣшеніе задачи? Это просто изложеніе ея другими словами: votre fille est malade, par ce qu'elle est tombée en maladie. Далеко ли насъ подвигаютъ подобнаго рода объясненія?

Но и это еще не все. Французскіе просвѣтители боролись противъ остат-

---

*) Мнѣ могутъ напомнить такихъ писателей, какъ Морелли и Мабли, склонявшихся къ коммунизму. Но я замѣчу, что коммунизмъ этихъ писателей былъ въ сущности довольно безсодержательною декламаціей въ пользу равенства, — декламаціей, которой и сами они не придавали *практическаго* значенія. Насколько тогдашніе нападки на собственность сводились къ простой декламаціи, показываетъ примѣръ *Бриссо*: его, впослѣдствіи заимствованное у него Прудономъ, опредѣленіе—собственность есть кража—нисколько не помѣшало ему быть выразителемъ *буржуазныхъ* тенденцій. Во французскихъ декламаторскихъ выходкахъ противъ собственности и въ защиту *античнаго* равенства вообще не было анализа различныхъ историческихъ видовъ собственности. А поскольку былъ такой анализъ въ сочиненіяхъ французскихъ передовыхъ писателей прошлаго вѣка, постольку всѣ эти писатели, за исключеніемъ, можетъ быть, Руссо, отстаивали *буржуазную* собственность.

ковъ *феодальныхъ* учрежденій. Откуда взялись феодальныя учрежденія? Откуда взялся феодальный строй? Просвѣтители считали его продуктомъ человѣческихъ заблужденій, т.-е., иначе сказать, результатомъ неправильнаго развитія человѣческихъ понятій. Но уже историки эпохи реставраціи пытаются объяснить его, какъ продуктъ средневѣковыхъ экономическихъ отношеній. И чѣмъ дальше подвигается изученіе феодальнаго быта у различныхъ народовъ Европы и Азіи, тѣмъ болѣе подтверждается правильность ихъ точки зрѣнія, тѣмъ очевиднѣе становится, что феодальныя учрежденія не были и не могли быть простымъ результатомъ развитія человѣческихъ понятій.

Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ мнѣ пускаться въ дальнѣйшія разсужденія на этотъ счетъ. Къ тому же я чувствую, что мнѣ давно пора перейти къ вопросу о *взаимодѣйствіи* между различными факторами общественнаго развитія,—о томъ взаимодѣйствіи, понятіе о которомъ должно, по мнѣнію многихъ русскихъ, да и не однихъ русскихъ, людей, лежать въ основѣ всякой здравой, *не «метафизической»* философіи исторіи.

Положимъ, мы имѣемъ систему силъ: A, B, C и т. д. Меня спрашиваютъ, откуда взялись эти силы. Я отвѣчаю: каждая изъ нихъ дѣйствуетъ на всѣ остальныя. Допустимъ, что я правъ, что взаимодѣйствіе между этими силами, дѣйствительно, существуетъ. Но согласитесь, м. г., что заданный мнѣ вопросъ, все-таки, остается безъ отвѣта; что, указавъ на взаимодѣйствіе между силами, я, все-таки, не сказалъ, откуда же онѣ явились. И люди, задавшіе мнѣ указанный вопросъ, будутъ имѣть полное право сказать, что *я просто уклоняюсь отъ отвѣта.*

То же приходится замѣтить и объ указаніи на взаимодѣйствіе между общественной экономіей и человѣческою мыслью, къ которому нерѣдко прибѣгаютъ какъ къ самому рѣшительному, самому побѣдоносному возраженію противъ «односторонней теоріи экономическаго матеріализма». Это указаніе не разрѣшаетъ вопроса, на который, дурно или хорошо, отвѣчаетъ названная теорія; оно представляетъ собою лишь дорожку, по которой люди, сознательно или безсознательно, *удаляются отъ этого вопроса.*

Экономическіе матеріалисты ни мало не отрицаютъ взаимодѣйствія между различными факторами историческаго развитія. Они говорятъ только, что взаимодѣйствіе само по себѣ еще ровно ничего не объясняетъ. И тутъ они совершенно правы; тутъ логика безусловно на ихъ сторонѣ, потому что всякое взаимодѣйствіе между данными силами уже предполагаетъ существованіе этихъ силъ, и сказать, что онѣ дѣйствуютъ одна на другую, вовсе не значитъ объяснить ихъ происхожденіе.

Вы возразите мнѣ, что происхожденіе психическаго фактора объясняется физической организаціей человѣка. Но я отвѣчу, что рѣчь идетъ не о происхожденіи человѣческой способности къ *мышленію*, а о происхожденіи человѣческихъ *понятій*, о происхожденіи данныхъ, совершенно опредѣленныхъ взглядовъ на собственность, на отношеніе между мужчиной и женщиной, на взаимныя отношенія членовъ семьи и общества и на отноше-

нія людей къ «первоначальнымъ» языческимъ божествамъ. Этихъ взглядовъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать продуктомъ біологической эволюціи. Нельзя также объяснить ихъ возникновеніе взаимодѣйствіемъ между ними и общественной экономикой, такъ какъ, повторяю, для того чтобъ испытать на себѣ вліяніе экономики и, въ свою очередь, вліять на нее, они уже должны быть на-лицо. И если вы опять скажете мнѣ, что они возникли самостоятельно, въ силу особыхъ законовъ психической эволюціи человѣка, то я,—замѣтивъ, что и вы оказались вынужденнымъ покинуть точку зрѣнія взаимодѣйствія, повидимому, такъ много обѣщавшую,—повторяю: указаніе на особый законъ самостоятельной психической эволюціи есть не рѣшеніе задачи, а лишь новая ея формулировка, лишь ея новое изложеніе новыми словами.

Возьмемъ примѣръ. По словамъ Сисмонди, «во Франціи при Филиппѣ V рыцарскіе романы, которые одни только и читались тогда при дворѣ и въ зàмкахъ, измѣнили національные нравы, показавъ всему дворянству, къ чему оно должно было стремиться, какъ къ совершенству» *).

Литература повліяла на нравы. Но откуда же взялась она? Чѣмъ вызвано было существованіе рыцарскихъ романовъ? Ясное дѣло: существованіе рыцарскихъ романовъ вызвано было существованіемъ рыцарскихъ нравовъ. Вотъ вамъ интересный примѣръ взаимодѣйствія: литература феодальнаго общества вліяетъ на его нравы; но нравы вліяютъ на его литературу. Но откуда взялось само феодальное общество,—этого вовсе не объясняетъ намъ несомнѣнный фактъ интереснаго взаимодѣйствія.

Возьмемъ другой примѣръ. Когда вышла знаменитая книга Гельвеція *De l'esprit*, нѣкоторые суровые охранители стараго порядка говорили, что этого философа слѣдовало сжечь живьемъ вмѣстѣ съ его произведеніемъ. Они говорили также, что для подобнаго приговора во французскомъ законодательствѣ можно найти вполнѣ достаточныя основанія. Эта жестокая мысль не была приведена въ исполненіе: нравы французскаго общества слишкомъ смягчились къ тому времени, чтобы можно было съ легкимъ сердцемъ и часто пользоваться уцѣлѣвшими остатками средне-вѣкового варварства **). Такимъ образомъ, смягченіе нравовъ отразилось на юридической практикѣ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что смягченіе, имѣвшее мѣсто въ юридической практикѣ, оказало свое благодѣтельное вліяніе на нравы. Нравы повліяли на юридическую практику, юридическая практика повліяла, въ свою очередь, на нравы. Взаимодѣйствіе очевидно. Но почему произошло смягченіе нравовъ? Откуда взялась та юридическая практика, которая смягчилась подъ вліяніемъ смягченія нравовъ,—этого мы не знаемъ, это указаннымъ взàимодѣйствіемъ не объясняется.

Возьмемъ третій примѣръ. Существованіе феодальныхъ учрежденій не-

---

*) *Histoire des Français*, t. X, p. 59.

**) Что ими все-таки иногда пользовались, показываютъ нѣкоторые, всѣмъ извѣстные, примѣры.

сомнѣнно *замедляло* экономическое развитіе Франціи прошлаго вѣка. Эти учрежденія пали подъ напоромъ новыхъ экономическихъ нуждъ. Ихъ паденіе послужило новымъ толчкомъ для экономическаго развитія Франціи. Здѣсь взаимодѣйствіе опять очевидно. Но чѣмъ вызвано было появленіе новыхъ экономическихъ отношеній во Франціи? Откуда взялись тѣ учрежденія, которыя въ теченіе довольно продолжительнаго времени задерживали ихъ развитіе,—это опять-таки ни мало не объясняется указаннымъ взаимодѣйствіемъ.

Но если взаимодѣйствіе ничего не объясняетъ, если предположеніе о существованіи предустановленной гармоніи между развитіемъ учрежденій (а также и понятій), съ одной стороны, и развитіемъ общественной экономики—съ другой, совершенно невѣроятно, то остается апеллировать лишь къ тому фактору, на который указываютъ «экономическіе» матеріалисты. Только онъ съ удивительною легкостью объясняетъ всѣ тѣ многочисленныя затрудненія, въ которыя мы попадаемъ на каждомъ шагу при изученіи общественнаго развитія.

Припомните Дарвина, м. г.! Этотъ геніальный изслѣдователь объясняетъ происхожденіе человѣка и его способностей съ точки зрѣнія *біологіи*. Но у него есть нѣсколько страницъ, имѣющихъ огромное значеніе и для *соціологовъ*. По его мнѣнію, нравственныя чувства и понятія людей объясняются вліяніемъ *общественныхъ отношеній*. Еслибы люди жили при совершенно такихъ же условіяхъ, при которыхъ живутъ пчелы, то у нихъ господствовала бы пчелиная нравственность, и они съ спокойнымъ сердцемъ совершали бы то избіеніе себѣ подобныхъ, которое періодически совершается въ пчелиномъ ульѣ *). Даже болѣе того: они считали бы своей святой обязанностью совершеніе этихъ ужасовъ, а каждый, кто отказался бы совершить ихъ, погрѣшилъ бы противъ нравственности.

Разъ существовала бы такая нравственность, она, несомнѣнно, оказала бы вліяніе на общественныя отношенія, она содѣйствовала бы ихъ упроченію и ихъ дальнѣйшему развитію. Тутъ установилось бы несомнѣнное взаимодѣйствіе. Но, несмотря на это, все-таки, очевидно, что не нравственность создала бы общественныя отношенія, а общественныя отношенія создали бы нравственность.

Откуда же берутся общественныя отношенія?

Мы говоримъ объ общественныхъ отношеніяхъ, существующихъ въ *человѣческихъ* обществахъ. Эти отношенія суть отношенія *людей*; они созданы людьми. Поэтому они кажутся продуктомъ свободной человѣческой дѣятельности. Но что такое свободная воля человѣка? «L'illusion d'un être qui a conscience de lui-même comme cause et n'a pas conscience de lui-même comme effet» (иллюзія существа, сознающаго себя *какъ причину*, но не сознающаго себя, *какъ слѣдствіе*). Это прекрасное опредѣленіе Дидро примѣнимо какъ къ *индивидууму*, такъ и къ *общественному человѣку* (Ge-

*) *The Descent of man*. London, 1883, p. 99—100.

sellschaftmensch, какъ выражается Марксъ). Когда людямъ кажется, что данныя общественныя отношенія созданы ихъ свободною волей, то тутъ повторяется та вѣчная иллюзія, благодаря которой люди «не сознаютъ себя какъ слѣдствіе». Всякая данная система отношеній создана волей людей, но воля людей направляется на созданіе этой системы по причинамъ, отъ людей не зависящимъ. Прежде чѣмъ стать причиной, воля является *слѣдствіемъ,* и задача соціологіи, *какъ науки,* заключается въ томъ, чтобы понять, *какъ слѣдствіе,* ту волю общественнаго человѣка, которая направляется на поддержаніе или на созданіе данной системы общественныхъ отношеній.

Общественный человѣкъ есть продуктъ длиннаго зоологическаго развитія. Но *культурная* исторія этого человѣка начинается лишь съ тѣхъ поръ, когда онъ, не довольствуясь присвоеніемъ готовыхъ даровъ природы, самъ начинаетъ производить нужные для него предметы потребленія. Размѣры и характеръ этого производства въ каждое данное время опредѣляются состояніемъ производительныхъ силъ. Первый толчокъ къ развитію производительныхъ силъ даетъ *сама природа,* окружающая человѣка, *географическая среда.* Но по мѣрѣ того, какъ растетъ значеніе производства въ жизни общественнаго человѣка, растетъ также и значеніе общественной среды для развитія производительныхъ силъ. Чтобы производить, люди должны стать въ извѣстныя отношенія къ природѣ. Но этого мало. Общественный процессъ производства предполагаетъ также извѣстныя взаимныя отношенія *между самими производителями.* Эти взаимныя отношенія между производителями опредѣляются въ каждое данное время состояніемъ производительныхъ силъ. Каждый новый великій историческій шагъ въ развитіи производительныхъ силъ вызываетъ цѣлый переворотъ во взаимныхъ отношеніяхъ производителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во всемъ общественномъ устройствѣ *).

Такъ возникаютъ общественныя отношенія, отъ которыхъ, какъ мы сказали выше, зависятъ нравственныя и всякія другія понятія людей.

Чтобы пояснить эту мысль, возьмемъ первобытныя родовыя общины. Въ этихъ общинахъ почти нѣтъ частной собственности. Но мало-по-малу

---

*) „При производствѣ люди воздѣйствуютъ не только на природу, но и другъ на друга. Они не могутъ производить, не соединяясь извѣстнымъ образомъ для совмѣстной дѣятельности и для взаимнаго обмѣна своею дѣятельностью. Чтобы производить, люди вступаютъ въ опредѣленныя связи и отношенія, и только черезъ посредство этихъ общественныхъ связей и отношеній имѣетъ мѣсто воздѣйствіе людей на природу, имѣетъ мѣсто производство.

„Въ зависимости отъ того или иного характера средствъ производства измѣняются, конечно, и общественныя отношенія производителей другъ къ другу, измѣняются условія, при которыхъ они обмѣниваются своею дѣятельностью и участвуютъ во всемъ процессѣ производства. Съ изобрѣтеніемъ новаго военнаго орудія, огнестрѣльнаго оружія, необходимо должна была измѣниться вся внутренняя организація арміи, должны были измѣниться тѣ отношенія, на основаніи которыхъ отдѣльныя личности сплачиваются въ армію и могутъ дѣйствовать какъ армія, равно какъ и взаимныя отношенія различныхъ армій“ *(Марксъ).*

развитіе производительныхъ силъ подрываетъ первобытный коммунизмъ. Частная собственность растетъ и укрѣпляется; она захватываетъ все новые и новые объекты; въ нѣдрахъ общества, нѣкогда основаннаго на равенствѣ, появляются богатые и бѣдные. Это цѣлый переворотъ, который роковымъ образомъ ведетъ за собой измѣненіе въ семейномъ правѣ и въ политическомъ устройствѣ общества. Возникаетъ государство, конституція котораго служитъ выраженіемъ экономическихъ отношеній общества. Такъ, наприм., вся внутренняя политическая исторія той гражданской общины древняго міра, о которой говорите вы, м. г., въ вашей статьѣ, есть не что иное, какъ выраженіе борьбы между богатыми и бѣдными, между аристократіей и демократіей (это прекрасно зналъ еще Аристотель). На основѣ этихъ новыхъ учрежденій вырастаютъ извѣстныя понятія о частномъ, семейномъ и общественномъ правѣ, объ отношеніяхъ къ другимъ народамъ и даже къ «первоначальнымъ» языческимъ божествамъ.

Да, м. г., даже къ «первоначальнымъ» языческимъ божествамъ! Языческая религія есть обоготвореніе непонятыхъ человѣкомъ силъ природы. Первоначальная религія, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, есть та религія, которую Максъ Мюллеръ называетъ *натуральной*. Эта натуральная, основанная на обоготвореніи силъ природы, религія существуетъ на зарѣ культурной исторіи общественнаго человѣка. Но по мѣрѣ того, какъ растутъ производительныя силы этого человѣка и общественная среда переживаетъ болѣе или менѣе глубокія измѣненія, первоначальная религія пріобрѣтаетъ новый характеръ: изъ *натуральной* она превращается въ *соціальную*. Боги, бывшіе когда-то простымъ олицетвореніемъ силъ природы, становятся покровителями и даже воображаемыми творцами того или другого вида собственности, семьи, государственнаго устройства и международныхъ отношеній. Когда между людьми возникаетъ борьба,—скажемъ, изъ-за той или другой формы семейнаго быта,—языческіе боги также начинаютъ ссориться между собою, становясь одни на сторону охранителей старины, а другіе—на сторону новаторовъ. Такъ, у Эсхилла эвмениды отстаиваютъ *материнское* право, а Минерва защищаетъ власть отца. Эта интересная богиня не имѣла, какъ извѣстно, матери. Съ этой стороны она сама была не чѣмъ инымъ, какъ фантастическимъ отраженіемъ въ глазахъ людей той борьбы, которая имѣла мѣсто при переходѣ отъ материнскаго права къ отцовскому.

Что на почвѣ извѣстныхъ отношеній людей является извѣстная «психика», это какъ нельзя болѣе понятно. А что на почвѣ данной «психики» вырастаютъ извѣстныя теченія философской мысли и художественнаго творчества, это тоже не трудно показать. Припомните французскую философію прошлаго вѣка, и вы увидите, до какой степени вся она, во всѣхъ своихъ частностяхъ, создана психикой третьяго сословія, боровшагося съ духовенствомъ и дворянствомъ. Объ искусствѣ я не хочу распространяться здѣсь: я ограничусь указаніемъ на «философію искусства» Тэна *).

*) Впрочемъ, позволю себѣ одно маленькое замѣчаніе. Г. Кудринъ, въ *Русскомъ Богатствѣ*, очень удивился, услышавъ отъ Бельтова, что борьба классовъ отра-

Человѣческія понятія возникаютъ на почвѣ общественныхъ отношеній. Разъ возникли данныя понятія, они непремѣнно вліяютъ на общественныя отношенія. Между различными сферами понятій и представленій также существуетъ взаимное вліяніе: религія вліяетъ на право; перевороты, происходящіе въ области права, отражаются, какъ мы видѣли, на религіозныхъ представленіяхъ, и т. д.

Такъ объясняется, съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, взаимодѣйствіе между различными факторами историческаго развитія.

Вы замѣчаете, м. г., что исторія сложнѣе, чѣмъ это думаютъ экономическіе матеріалисты. Я отвѣчаю вамъ: теорія экономическаго матеріализма вовсе не такъ узка, плоска и одностороння, какъ это думаютъ ея противники.

Вы указываете на международныя столкновенія и на результаты этихъ столкновеній какъ на такія явленія, которыхъ нельзя объяснить съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма. Къ величайшему моему сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ мнѣ разсмотрѣть здѣсь приводимые вами примѣры. Я вынужденъ ограничиться слѣдующимъ общимъ положеніемъ: *въ каждое данное время столкновеніе двухъ силъ, равно какъ и самая возможность ихъ столкновенія, опредѣляется характеромъ (свойствами) этихъ силъ.* Въ примѣненіи къ международнымъ столкновеніямъ это общее положеніе будетъ гласить такъ: въ каждое данное время результатъ столкновенія двухъ обществъ, равно какъ и самая возможность ихъ столкновенія, опредѣляется характеромъ (свойствами) этихъ обществъ, т.-е., иначе сказать, ихъ *внутреннимъ* строемъ. Если теорія экономическаго матеріализма удовлетворительно объясняетъ происхожденіе внутренняго устройства человѣческихъ обществъ, то она тѣмъ самымъ объясняетъ и результаты, и самую возможность ихъ столкновеній.

«Въ наши дни,— говоритъ Мольтке,— биржа пріобрѣла такое вліяніе, что она можетъ, для защиты своихъ интересовъ, приводить въ движеніе цѣлыя арміи. Европейскія арміи появились въ Мексикѣ и Египтѣ по требованію высшаго финансоваго міра» *). Какъ вы думаете, м. г., почему биржа можетъ въ настоящее время рѣшать вопросы войны и мира? Не зависитъ ли это отъ экономическаго состоянія цивилизованныхъ обществъ?

жается, между прочимъ, и на развитіи архитектуры. Я думаю, что Бельтова можно упрекнуть лишь въ одномъ—въ томъ, что онъ не придалъ своей мысли болѣе общаго выраженія. Что архитектура каждой данной исторической эпохи зависитъ отъ хозяйственнаго быта этой эпохи, говорилъ еще Родбертусъ: „In dem Baustil jeder Zeit spiegeln sich in der That die Grundzüge des volkswirthschaftlichen Lebens vor. Das römische Haus, das mittelalterliche städtische Bürgerhaus mit seinen Speicherraümen... und das moderne Familien und-Salonhaus sind bezeichnende Marksteine einer dritthalbtausendjährigen volkwirthschaftlichen Entwickelung, denn keine Kunst steht in grösseren Abhängigkeit von den sozialen Verhältnissen, als die Baukunst, und man hat daher mit Recht gesagt: einen neuen charakteristischen Baustil erhalten wir erst mit neuen sozialen Grundlagen...“ *Rodbertus:* „Zur Frage des Sachwerths des Geldes im Alterthum“, Hild. Jahrbücher, S. 365, B. XIV.

*) *La Guerre de 1870.* Paris, 1896, p. 2.

Результаты столкновеній между охотничьими племенами не бываютъ похожи и не могутъ быть похожи на результаты столкновеній между земледѣльческими народами; результаты столкновеній между земледѣльческими народами, живущими при условіяхъ натуральнаго хозяйства, не бываютъ похожи и не могутъ быть похожи на результаты столкновеній между новѣйшими капиталистическими странами. Почему это? Не потому ли, что результаты столкновеній зависятъ отъ экономическаго быта воюющихъ сторонъ?

Но, повторяю, я не могу пускаться въ подробное обоснованіе этой мысли. Если вамъ угодно, я посвящу этому предмету особую статью. А пока я долженъ перейти къ другому предмету.

Въ Россіи до сихъ поръ распространенъ тотъ странный предразсудокъ, что теорія экономическаго матеріализма осуждаетъ личность на бездѣйствіе; что, если правы «экономическіе» матеріалисты, то «все» произойдетъ само собою, и личности остается только скрестить на груди руки. Не стану разсматривать здѣсь, откуда явился этотъ предразсудокъ; скажу только, что онъ тотчасъ же исчезнетъ, какъ только наша интеллигенція дастъ себѣ трудъ вдуматься въ теорію «экономическаго» матеріализма.

Неужели въ частной жизни мыслящій человѣкъ непремѣнно долженъ обратиться въ Обломова, если только онъ согласится съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ Дидро: свобода воли есть иллюзія существа, сознающаго себя какъ причину и не сознающаго себя какъ слѣдствіе? Неужели геніальный музыкантъ перестанетъ заниматься музыкой, когда узнаетъ, что геніальность есть результатъ извѣстнаго, а лучше сказать—пока еще неизвѣстнаго, состоянія мозга? Конечно, нѣтъ! Смѣшно и говорить объ этомъ. Но почему же общественный дѣятель перестанетъ дѣйствовать, если убѣдится, что его идеалы сами представляютъ собой продуктъ экономическаго развитія? Если они, дѣйствительно, представляютъ собой такой продуктъ, то тѣмъ больше ручательствъ за ихъ будущее осуществленіе. «Человѣчество ставитъ себѣ всегда только такія задачи,—говоритъ Марксъ,—которыя оно можетъ рѣшить, такъ какъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, всегда окажется, что самая задача только тогда выдвигается, когда существуютъ уже матеріальныя условія, необходимыя для ея разрѣшенія, или когда они, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ возникновенія». Если это такъ, то съ тѣмъ большею вѣрой въ успѣхъ, съ тѣмъ большею бодростью можемъ и должны мы работать надъ разрѣшеніемъ великихъ задачъ, волнующихъ современное цивилизованное человѣчество. Или, можетъ быть, нашу энергію подорветъ то обидное соображеніе, что дѣло, за которое мы беремся, уже въ значительной степени подготовлено исторіей? Можетъ быть, намъ хотѣлось бы стать въ такое положеніе, при которомъ мы имѣли бы право сказать во всеуслышаніе: вотъ, не будь насъ, человѣчество коснѣло бы въ невѣжествѣ, погибло бы отъ всякаго рода бѣдствій, а явились мы—и все пошло какъ по маслу? Но, вѣдь, это странное соображеніе, достойное лишь блаженной памяти Китъ Китыча.

Когда говорятъ, что, по теоріи экономическаго матеріализма, все совершается и совершится само собою, то совершенно искажаютъ смыслъ этой теоріи. По ея смыслу, общественныя отношенія (въ *человѣческомъ* обществѣ) суть отношенія *людей*, и ни одинъ великій шагъ въ историческомъ движеніи человѣчества не можетъ совершиться не только безъ участія людей, но и безъ участія великаго множества людей, т.-е. *массъ*. Необходимость участія массы въ великихъ историческихъ событіяхъ обусловливаетъ собою необходимость воздѣйствія на эту массу болѣе развитыхъ, болѣе нравственныхъ личностей. Такимъ образомъ открывается широкій просторъ для плодотворной дѣятельности отдѣльныхъ личностей, и если между этими личностями нашлись бы такія, которыя превратились бы въ Обломовыхъ подъ вліяніемъ экономическаго матеріализма, то въ этомъ надо было бы винить не экономическій матеріализмъ, а именно эти личности: очевидно, онѣ представляютъ собою очень уже неспособное къ логическому мышленію и очень склонное къ бездѣйствію *слѣдствіе*.

Замѣчательно, м. г., что у насъ «личности» стали особенно охотно противопоставлять себя «естественному ходу событій», именно въ послѣднія 10—15 лѣтъ, когда, по признанію самихъ «личностей», произошло значительное пониженіе нравственнаго и умственнаго уровня интеллигенціи. Въ семидесятыхъ годахъ самыя передовыя, самыя энергичныя личности охотно смотрѣли на себя какъ на простыя орудія исторіи. «Мы не вѣримъ въ возможность, путемъ предварительной работы, создать въ народѣ идеалы, отличные отъ развитыхъ въ немъ всей предшествующей исторіей,—писалъ одинъ энергичный, выдающійся (теперь, къ сожалѣнію, уже умершій) народникъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ.—Великія событія,—продолжалъ онъ,—дѣло народныхъ массъ. Подготовляетъ ихъ исторія. Отдѣльныя лица ничего направить не въ силахъ. Они могутъ быть только орудіями исторіи, выразителями народныхъ стремленій». Въ настоящее время такими разсужденіями возмутились бы даже такія лица, которыя, по своей самодѣятельности, не могли бы выдержать и отдаленнаго сравненія съ человѣкомъ, написавшимъ приведенныя мною строки. Откуда это различіе? Вотъ откуда. Лѣтъ двадцать тому назадъ наши передовыя личности дѣйствительно вѣрили въ народъ, онѣ дѣйствительно были убѣждены, что въ народной средѣ существуетъ теченіе, по смыслу своему тождественное съ идеалами интеллигенціи. Вотъ почему онѣ, эти личности, охотно смотрѣли на себя какъ на простыя орудія исторіи, какъ на простыхъ выразителей народныхъ стремленій. А теперь значительная часть такихъ «личностей» въ сущности извѣрилась въ народъ, хотя и говоритъ о немъ, по старой привычкѣ, весьма чувствительно; теперь эти «личности» видятъ, что въ народѣ преобладаютъ индивидуалистическія теченія, что народная экономія противорѣчитъ ихъ идеаламъ, и вотъ почему онѣ сами противорѣчатъ экономіи, вотъ почему онѣ противопоставляютъ себя ей. Еслибъ онѣ умѣли согласить свои идеалы съ современнымъ состояніемъ русской экономики, то онѣ непремѣнно стали бы ссылаться на эту послѣднюю, какъ на лучшій доводъ въ защиту

своихъ идеаловъ. Но онѣ не умѣютъ согласовать свои идеалы съ современной русской экономикой, а не умѣютъ именно потому, что не поняли теоріи экономическаго матеріализма.

Въ своей статьѣ вы, м. г., противопоставляете экономическимъ матеріалистамъ тѣхъ людей, «которые признаютъ возможнымъ сознательное, цѣлесообразное вмѣшательство отдѣльнаго человѣка, общества и государства въ народно-хозяйственную жизнь». Но развѣ экономическіе матеріалисты отрицали возможность подобнаго вмѣшательства? Развѣ они говорили, наприм., подобно такъ называемымъ манчестерцамъ, что государство не должно вмѣшиваться въ экономическую жизнь народа? Нѣтъ, м. г., ничего подобнаго они никогда не говорили. Но то правда, что возможность государственнаго вмѣшательства они никогда не понимали такъ отвлеченно, какъ это понимаютъ теперь гг. русскіе народники. По мнѣнію экономическихъ матеріалистовъ, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста, какъ выражался авторъ примѣчаній къ Миллю.

Когда крупная французская буржуазія временъ Луи-Филиппа отстаивала охранительныя пошлины, долженствовавшія спасти ее отъ англійской конкурренціи, она, во-первыхъ, признавала въ принципѣ возможность государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь народа; а, во-вторыхъ, ясно видѣла *практическую* возможность такого вмѣшательства именно въ *ея* интересахъ, въ интересахъ крупной буржуазіи: власть была въ ея рукахъ,—оставалось лишь воспользоваться ею.

Но во время реставраціи она не всегда видѣла передъ собою практическую возможность подобнаго вмѣшательства. Его часто дѣлало невозможнымъ преобладающее вліяніе аристократіи. Чтобы сдѣлать его возможнымъ, крупной буржуазіи непремѣнно нужно было преодолѣть вліяніе этой аристократіи, т.-е. совершить нѣкоторыя передѣлки въ надстройкѣ, выросшей на экономической почвѣ.

Совершенно такъ же, когда, при упомянутомъ Луи-Филиппѣ, мелкая буржуазія и рабочій классъ задумывались объ улучшеніи своей участи, они хотя и допускали въ принципѣ возможность государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь народа, но не видѣли передъ собой практической возможности такого вмѣшательства въ ихъ интересахъ: власть была не въ ихъ рукахъ, а въ рукахъ крупной буржуазіи. И вотъ мелкая буржуазія и рабочіе стремятся къ избирательной реформѣ.

Бываютъ эпохи, когда полезное для даннаго класса государственное вмѣшательство въ экономическую жизнь народа предполагаетъ наличность нѣкоторыхъ правовыхъ условій, при отсутствіи которыхъ нечего и говорить о государственномъ вмѣшательствѣ. Въ дѣйствительности, разумѣется, и тогда говорятъ о немъ, но говорятъ пустые, не дальновидные люди, сами не понимающіе значенія тѣхъ интересовъ, которые они берутся защищать.

На длинной кривой линіи историческаго развитія человѣчества существуютъ точки великихъ, многозначительныхъ поворотовъ. Обозначимъ эти точки буквами A, B, C, D и т. д. Когда экономическое развитіе доходитъ

до точки A, торжествуетъ одинъ классъ; когда оно доходитъ до точки B, прежде господствовавшій классъ отходитъ на задній планъ, его мѣсто занимаетъ новый господствующій классъ; наконецъ, когда движеніе доходитъ, скажемъ до точки S, борьба классовъ уже не имѣетъ мѣста, потому что исчезаетъ самое раздѣленіе общества на классы. Движеніе человѣчества отъ точки A до точки B, отъ точки B до точки C и т. д., вплоть до точки S, *никогда не совершается въ плоскости одной экономики.* Чтобы перейти отъ точки A до точки B, отъ точки B до точки C и т. д., нужно каждый разъ подняться въ надстройку и совершить тамъ нѣкоторыя передѣлки. Только совершивъ эти передѣлки, можно достигнуть желанной точки. *Путь отъ одной точки поворота къ другой всегда лежитъ черезъ надстройку.* Экономика никогда не торжествуетъ сама собой, о ней никогда нельзя сказать: *fara da se.* Нѣтъ, никогда не da se, а всегда *только черезъ посредство надстройки,* всегда *только* черезъ посредство извѣстныхъ правовыхъ учрежденій. Таковъ несомнѣнный смыслъ теоріи экономическаго матеріализма, когда мы смотримъ на нее съ точки зрѣнія практическаго разума.

Отчего зависятъ правовыя учрежденія данной страны? Мы уже знаемъ, что они выражаютъ собой экономическія отношенія. Но для того, чтобы войти въ жизнь, эти, подсказываемыя экономикой, правовыя учрежденія должны предварительно пройти черезъ головы людей въ видѣ извѣстныхъ *понятій.* И вотъ почему человѣчество никогда не можетъ перейти отъ одной поворотной точки своего экономическаго движенія до другой, не пережпвъ предварительно цѣлаго переворота въ своихъ *понятіяхъ.*

Но, заговоривъ о понятіяхъ, мы переходимъ къ вопросу о *просвѣщеніи,* о которомъ идетъ, между прочимъ, рѣчь и въ вашей статьѣ.

Вы говорите, что со всѣхъ сторонъ изъ глубины нашего народа идутъ запросы на образованіе и что въ эту сторону должны быть направлены усилія всѣхъ благородныхъ людей. Это—великая, безспорная истина! Да, именно здѣсь должны, прежде всего и больше всего, потрудиться всѣ тѣ, которые не хотятъ, по выраженію поэта, позорить гражданина санъ. Но развѣ въ этомъ нужно убѣждать экономическихъ матеріалистовъ? Развѣ не говорятъ и не говорили они, что въ настоящее время необходимо прежде всего развивать самосознаніе производителей? Вѣдь, это почти то же, что̀ говорите вы. *Почти то же,* потому что развитіе самосознанія производителей есть задача гораздо болѣе опредѣленная, хотя, правда, и гораздо болѣе трудная, чѣмъ простое распространеніе знаній въ народѣ. Производитель, умѣющій читать и писать и обладающій нѣкоторыми, болѣе или менѣе элементарными, научными свѣдѣніями, во всѣхъ отношеніяхъ выше производителя, погруженнаго въ тотъ непроницаемый мракъ невѣжества, въ которомъ жалко прозябалъ такъ художественно изображенный Г. И. Успенскимъ носитель стройныхъ земледѣльческихъ идеаловъ, крестьянинъ Иванъ Ермолаевичъ. Иванъ Ермолаевичъ, несмотря на стройность своихъ идеаловъ, еще не человѣкъ въ собственномъ смыслѣ этого слова: это еще

только *возможность* человѣка. Если сынъ человѣкоподобнаго Ивана Ермолаича, Мишутка, почувствовалъ жажду знанія (у Успенскаго онъ совсѣмъ не чувствовалъ ея), то онъ уже сталъ *человѣкомъ*. Если онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя, хотя бы элементарныя, свѣдѣнія, то онъ уже сдѣлалъ нѣсколько, хотя бы и небольшихъ, шаговъ по пути человѣческаго развитія, и уже тѣмъ самымъ онъ сталъ много выше своего отца. Но, обладая кое-какими ариѳметическими и естественнонаучными свѣдѣніями, онъ можетъ остаться круглымъ невѣждой въ томъ, что касается его собственнаго общественнаго положенія и тѣхъ задачъ, которыя вытекаютъ для него изъ этого положенія. А пока онъ не созналъ этихъ задачъ, онъ, уже сдѣлавшій нѣсколько шаговъ по пути человѣческаго развитія, продолжаетъ оставаться *нулемъ*, въ смыслѣ сознательнаго воздѣйствія на слѣпую силу экономіи. И сколько бы мы, интеллигенція, ни разсуждали о возможности разумнаго вліянія людей на ходъ развитія экономическихъ отношеній, это вліяніе не будетъ имѣть мѣста въ интересахъ Мишутки, пока онъ самъ не задастся цѣлью повліять на указанныя отношенія.

Въ послѣднемъ счетѣ освобожденіе Мишутки отъ власти слѣпой силы экономической необходимости можетъ быть лишь дѣломъ самого Мишутки. И потому нѣтъ работы плодотворнѣе работы тѣхъ людей, которые возьмутся объяснить это Мишуткѣ.

Вы говорите, что благородная жажда знаній пробудилась въ деревнѣ. Это вполнѣ вѣрно, и это очень хорошо. Но непонятно, почему вы вспоминаете *только* о деревнѣ. Въ городахъ, въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, благородная жажда знаній еще сильнѣе. Жители этихъ центровъ гораздо болѣе воспріимчивы по самому своему положенію. Къ нимъ и надо обратиться прежде всего. Но объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ.

Вы видите, м. г., что экономическій матеріализмъ вовсе не осуждаетъ своихъ сторонниковъ на бездѣйствіе, что квіетизмъ и экономическій матеріализмъ—не одно и то же.

«Марксистъ, убѣжденный въ неминуемомъ наступленіи торжества капитализма и въ Россіи,—говорите вы,—какъ бы ни огорчали его бѣдствія народа, какъ бы ни страдалъ онъ отъ сознанія всей тяжести этихъ бѣдствій, долженъ, однако, ускорять этотъ процессъ для возможно быстраго наступленія капиталистической стадіи, послѣ которой производственныя отношенія вызовутъ иной экономическій строй, совпадающій съ тѣмъ, что мы называемъ требованіями справедливости».

Оставляя въ сторонѣ неопредѣленность выраженія: «экономическій строй совпадающій съ требованіями справедливости», я замѣчу вамъ, что вы дѣлаете не совсѣмъ правильный выводъ изъ того, что говорятъ экономическіе матеріалисты о неизбѣжности окончательнаго торжества капитализма въ Россіи.

Положимъ, что какой-нибудь свободомыслящій австріецъ сороковыхъ годовъ высказалъ то убѣжденіе, что Меттернихъ своей реакціонною политикой самъ ведетъ къ гибели свою систему.

Скажете ли вы, что, еслибы этотъ свободомыслящій австріецъ былъ человѣкомъ сильной логики и глубокаго убѣжденія, то ему слѣдовало бы сдѣлаться агентомъ Меттерниха и обѣими руками поддерживать всѣ его реакціонныя мѣры? Вы этого не скажете; вы хорошо видите, что у свободомыслящаго австрійца нашлось бы другое, гораздо болѣе плодотворное, дѣло на почвѣ, невольно воздѣлываемой Меттернихомъ. Но по отношенію къ экономическимъ матеріалистамъ вы разсуждаете иначе. Услышавъ, что, по ихъ мнѣнію, капитализмъ подготовляетъ почву для торжества экономическаго порядка, совпадающаго съ требованіями справедливости, вы говорите: у нихъ не можетъ быть теперь другого дѣла, кромѣ насажденія капитализма. Откуда эта разница? Почему ваше отношеніе къ экономическимъ матеріалистамъ не совпадаетъ съ «требованіями справедливости»? Потому, что вы хорошо понимаете, какое именно дѣло нашлось бы у противника меттерниховой системы, между тѣмъ какъ вамъ непонятно, что же могутъ дѣлать тѣ люди, которые, будучи въ принципѣ противниками капитализма, не приходятъ, однако, въ ужасъ при видѣ его несомнѣннаго торжества въ Россіи.

Я надѣюсь, что сказанное мною о необходимости развитія самосознанія производителей и о прочемъ до извѣстной степени устранитъ это печальное недоразумѣніе.

«Ускорять этотъ процессъ»... Да, ускорять! Но «ускорять» можно различно. Только напрасно думаетъ, наприм., г. Оболенскій, что обѣдненіе народа могло бы ускорить развитіе капитализма. Обѣдненіе народа не ускоряетъ, а замедляетъ его. И наоборотъ, ростъ самосознанія производителей несомнѣнно ускоряетъ его, что блистательно доказывается практикой западно-европейской общественной жизни. Но, съ другой стороны, этотъ же ростъ улучшаетъ положеніе производства, т.-е. устраняетъ, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторыя* вредныя стороны капитализма. И положеніе производителя тѣмъ болѣе улучшается, чѣмъ болѣе растетъ его самосознаніе. Выходитъ, стало быть, что можно содѣйствовать ускоренію капиталистическаго процесса, всецѣло становясь въ то же время на сторону производителя. Этого-то, кажется, и не понимаетъ г. Оболенскій.

Экономическіе матеріалисты не считаютъ возможнымъ въ настоящее время сознательное вмѣшательство государства въ экономическую жизнь русскаго народа съ цѣлью осуществленія «требованія справедливости». Васъ, повидимому, огорчаетъ это. Но позвольте спросить васъ: да развѣ вы сами считаете его возможнымъ; развѣ вы забыли, что все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста? По вашимъ словамъ, люди, стоящіе за справедливость, «должны, по мѣрѣ своихъ силъ, бороться за спасеніе каждаго живого человѣка, за то, чтобы крестьянинъ не отрывался отъ земли» и т. д. Это все прекрасно, но бороться за спасеніе «живыхъ людей» *по одиночкѣ*, значитъ заниматься простою филантропіей. Спора нѣтъ, филантропія хорошая вещь, но вѣдь мы съ вами говоримъ не о филантропіи.

Хорошо «бороться» за то, чтобы крестьянинъ не отрывался отъ земли.

Но хорошо опять-таки при извѣстныхъ обстоятельствахъ времени и мѣста, какъ это намъ выяснилъ еще авторъ примѣчаній къ Миллю.

Этотъ авторъ горячо и талантливо спорилъ съ профессоромъ Вернадскимъ, защищая общинное землевладѣніе. Нынѣшніе наши сторонники старыхъ устоевъ тоже защищаютъ общину и тоже готовы спорить, по мѣрѣ силъ и способностей, съ противниками общины. Отсюда дѣлается тотъ выводъ, что, по крайней мѣрѣ во взглядѣ на общину, наши нынѣшніе сторонники устоевъ стоятъ на точкѣ зрѣнія названнаго автора. Но это слишкомъ поспѣшный выводъ. Между авторомъ примѣчаній къ Миллю и нынѣшними его будто бы послѣдователями та огромная разница, что они относятся *догматически* къ тому самому предмету, къ которому онъ относился *критически*. Другими словами: между тѣмъ какъ онъ отстаивалъ общину, *предполагая наличность извѣстныхъ условій*, при отсутствіи которыхъ она утрачивала всякій смыслъ въ его глазахъ, его нынѣшніе будто бы послѣдователи стоятъ за общину quand même и готовы защищать ее, какъ бы радикально ни измѣнялись внѣшнія и внутреннія условія ея существованія. И вотъ почему я говорю: еслибы эти люди и остались вѣрны *буквѣ* ученія названнаго писателя, то все-таки было бы несомнѣнно, что они совершенно позабыли его *духъ*.

Но на самомъ дѣлѣ они плохо усвоили себѣ даже *букву*. Они говорятъ вовсе не то, что говорилъ авторъ примѣчаній къ Миллю.

Вы помните, конечно, м. г., знаменитую статью: *Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія*. Въ этой статьѣ видятъ обыкновенно защиту нашей русской общины. Но это ошибка. Авторъ ея защищаетъ въ ней не нашу русскую общину, а коллективную собственность вообще, опровергая то мнѣніе нелюбимыхъ имъ либеральныхъ экономистовъ, что цивилизація несовмѣстима съ коллективною собственностью. Онъ говоритъ: первый шагъ цивилизаціи есть отрицаніе этой собственности; второй будетъ отрицаніемъ отрицанія, возвратомъ къ коллективному. Мимоходомъ онъ доказываетъ, что продолжительность второго періода, періода господства индивидуальной собственности, можетъ — *при извѣстныхъ обстоятельствахъ и при извѣстномъ положеніи дѣлъ у болѣе передовыхъ народовъ* — сократиться до *нуля*, т.-е. что первобытная коллективная собственность можетъ мѣстами сразу перейти въ высшую форму коллективизма. Я не буду разсматривать здѣсь, нуждается ли въ какихъ-либо дополненіяхъ и оговоркахъ мысль о возможности минованія цѣлаго историческаго періода, а спрошу только: о нашей ли русской общинѣ говорится въ названной статьѣ? И отвѣчу: нѣтъ, въ ней говорится *по поводу* спора объ этой общинѣ, но *уже не о ней*, и потому къ ней не относятся и разсужденія о возможности миновать періодъ индивидуальной собственности.

Вы хотите доказательствъ, м. г.? Вотъ они.

«Я стыжусь самого себя,— говоритъ въ предисловіи авторъ статьи. — Мнѣ совѣстно вспоминать о безвременной самоувѣренности, съ которою я

поднялъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. Этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ, скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ... Трудно объяснить причину моего стыда, но постараюсь сдѣлать, какъ могу. Какъ ни важенъ представляется мнѣ вопросъ о сохраненіи общиннаго землевладѣнія, но онъ все-таки составляетъ одну сторону дѣла, къ которому принадлежитъ. Какъ высшая гарантія благосостоянія людей, до которыхъ относится, этотъ принципъ получаетъ смыслъ только тогда, когда уже даны другія, низшія гарантіи благосостоянія, нужныя для доставленія его дѣйствію простора. Такими гарантіями должны считаться два условія. Во-первыхъ, принадлежность ренты тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвуютъ въ общинномъ владѣніи. Но этого еще мало. Надобно также замѣтить, что рента только тогда серьезно заслуживаетъ своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими изъ самаго ея полученія... Когда человѣкъ ужъ не такъ счастливъ, чтобы получить ренту, чистую отъ всякихъ обязательствъ, то, по крайней мѣрѣ, предполагается, что уплата по этимъ обязательствамъ не очень велика по сравненію съ рентою... Только при соблюденіи этого второго условія люди, интересующіеся его благосостояніемъ, могутъ желать ему полученія ренты». Но это условіе не могло быть соблюдено въ дѣлѣ освобождаемыхъ крестьянъ, поэтому авторъ цитируемой статьи и считаетъ безполезнымъ защищать не только общинное землевладѣніе, но и самое надѣленіе крестьянъ землею. У кого оставалось бы какое-нибудь сомнѣніе на этотъ счетъ, того совершенно убѣдитъ слѣдующій примѣръ, приводимый нашимъ авторомъ. «Предположимъ,—говоритъ онъ, обращаясь къ своему любимому способу объясненія посредствомъ «параболъ», — предположимъ, что я былъ заинтересованъ принятіемъ средствъ для сохраненія провизіи, изъ запаса котораго составляется вашъ обѣдъ. Само собою разумѣется, что если я это дѣлалъ собственно изъ расположенія къ вамъ, то моя ревность основывалась на предположеніи, что провизія принадлежитъ вамъ, и что приготовляемый изъ нея обѣдъ здоровъ и выгоденъ для васъ. Представьте же себѣ мои чувства, когда я узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ и что за каждый обѣдъ, приготовленный изъ нея, берутся съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самый обѣдъ, но которыхъ вы вообще не можете платить безъ крайняго стѣсненія. Какія мысли приходятъ мнѣ въ голову при этихъ столь странныхъ открытіяхъ?... Какъ я былъ глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для полезности котораго не обезпечены условія! Кто кромѣ глупца можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки, и достанется на выгодныхъ условіяхъ?... Лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мною человѣку! Лучше пропадай все дѣло, которое приноситъ вамъ только разореніе!»

Въ другомъ сочиненіи тотъ же авторъ говоритъ: «Пусть дѣло освобожденія крестьянъ будетъ передано въ руки помѣщичьей партіи. Разница не велика». И на замѣчаніе о томъ, что разница колоссальная, такъ какъ по-

мѣщичья партія противъ надѣленія крестьянъ землею, онъ рѣшительно отвѣчаетъ: «Нѣтъ, не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, еслибы крестьяне получили землю безъ выкупа. Взять у человѣка вещь или оставить ее человѣку—разница, но взять съ него плату за нее—все равно. Планъ помѣщичьей партіи разнится отъ плана прогрессистовъ тѣмъ, что онъ проще, короче. Поэтому онъ даже лучше. Меньше проволочекъ, *вѣроятно, меньше и обремененія для крестьянъ* *). У кого изъ крестьянъ есть деньги, тотъ купитъ себѣ землю. У кого нѣтъ, тѣхъ нечего и обязывать покупать ее. *Это будетъ только разорять ихъ* *). Выкупъ—та же покупка. Если сказать правду, лучше пусть будутъ освобождены безъ земли... Вопросъ поставленъ такъ, что я не нахожу причинъ горячиться даже изъза того, будутъ или не будутъ освобождены крестьяне, тѣмъ меньше изъза того, кто станетъ освобождать ихъ—либералы или помѣщики. По-моему все равно. Или помѣщики даже лучше».

Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія онъ замѣчаетъ: «Толкуютъ: освободить крестьянъ. Гдѣ силы на такое дѣло? Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите, къ чему идетъ: станутъ освобождать. Что выйдетъ,—сами судите; что выходитъ, когда берешься за дѣло, котораго не можешь сдѣлать?... Испортишь дѣло, выйдетъ мерзость. Эхъ, наши господа эмансипаторы, всѣ эти ваши Рязанцевы съ компаніей! Вотъ хвастуны-то; вотъ болтуны-то; вотъ дурачье-то»...

Я полагаю, м. г., что эти выписки довольно убѣдительно подтверждаютъ справедливость сказаннаго мною о взглядѣ автора примѣчаній къ Миллю на русскую общину. Сначала онъ защищалъ ее; потомъ увидѣлъ, что нѣтъ на-лицо тѣхъ условій, при которыхъ общинное землевладѣніе—и даже вообще надѣленіе крестьянъ землей—могло бы принести пользу народу. Тогда онъ сталъ *стыдиться* той безвременной самоувѣренности, съ которой онъ выступилъ на защиту общины («Лучше пусть пропадаетъ»... и т. д.).

Его нынѣшніе будто бы послѣдователи разсуждаютъ не такъ. Они дорожатъ общиной и забываютъ о тѣхъ условіяхъ, при отсутствіи которыхъ общинное землевладѣніе можетъ стать,—и въ самомъ дѣлѣ становится,—*вреднымъ* для народа. Они превратили въ мертвую *догму* то, на что онъ смотрѣлъ съ *критической* точки зрѣнія.

Я знаю, что меня упрекнутъ въ несправедливости. Мнѣ скажутъ: да когда же защитники общины забывали о тѣхъ условіяхъ, которыя необходимы для того, чтобъ она принесла пользу народу? Развѣ не народники поминутно твердятъ, что вотъ надо было бы сдѣлать и то, и это для упроченія и процвѣтанія устоевъ? Гг. народники, дѣйствительно, придумали не мало проектовъ для поддержанія и усовершенствованія устоевъ. Но не мало проектовъ, полезныхъ для народа, придумано было уже въ то время, когда появилась статья *Критика философскихъ предубѣжденій*. Однако, авто-

*) Курсивъ нашъ.

ру этой статьи однихъ хорошихъ проектовъ, какъ мы видѣли, было недостаточно. Суровый и насмѣшливый критикъ, онъ спрашивалъ себя: гдѣ силы для осуществленія этихъ проектовъ? И когда видѣлъ, что силъ нѣтъ, что *хорошимъ* проектамъ суждено остаться хорошими *проектами*, онъ находилъ постыднымъ тратить слова на ихъ обсужденіе и желчно обзывалъ людей, носившихся съ ними, хвастунами, болтунами и т. д. Такъ ли относятся къ дѣлу нынѣшніе сторонники устоевъ? Нѣтъ, ихъ отношеніе къ нимъ совершенно другое. Для нихъ слова—все, они не спрашиваютъ себя, гдѣ силы для осуществленія хорошихъ проектовъ; они заражены тою безплодною мечтательностью, которую такъ осуждалъ авторъ примѣчаній къ Миллю и которую такъ жестоко осмѣивалъ подчасъ знаменитый *Свистокъ*.

Недавно г. Глинскій въ *Историческомъ Вѣстникѣ* обрушился на экономическихъ матеріалистовъ за ихъ будто бы непочтеніе къ «шестидесятникамъ». Я осмѣлюсь замѣтить г. Глинскому, что онъ играетъ словами. Экономическіе матеріалисты могли бы сказать ему: есть шестидесятники и шестидесятники, подобно тому, какъ есть «мужикъ и мужикъ». Если шестидесятники, по складу своего ума и по направленію своихъ мыслей, похожи на автора примѣчаній къ Миллю, то экономическіе матеріалисты глубоко уважаютъ ихъ. Но они не могутъ питать уваженія къ тѣмъ шестидесятникамъ, прекраснодушіе которыхъ жестоко возмутило бы и автора примѣчаній къ Миллю, и всѣхъ его сотрудниковъ.

Экономическіе матеріалисты, подобно этому автору, враги индивидуализма. Они убѣждены, что высшая фаза цивилизаціи необходимо придетъ къ той формѣ собственности, которая характеризуетъ собою первую фазу. Но они думаютъ, что это еще не достаточное основаніе для того, чтобы отстаивать *современное наше общинное землевладѣніе. Это* землевладѣніе безполезно въ данное время для народа, потому что нѣтъ (да и никогда не было) въ наличности такихъ условій, при которыхъ оно могло бы сдѣлаться полезнымъ ему *), и нѣтъ тѣхъ силъ, которыя могли бы создать наличность такихъ условій. Экономическіе матеріалисты очень рѣзко относятся къ мечтаніямъ людей, воображающихъ, что эти условія могутъ быть созданы схоластическими разсужденіями на тему о роли личности въ исторіи, о томъ, что всякій честный соціологъ непремѣнно субъективенъ и т. п. Ихъ осуждаютъ за рѣзкость ихъ отношенія къ этимъ людямъ. Но что же имъ дѣлать? У Добролюбова, у автора примѣчаній къ Миллю и другихъ, подобныхъ имъ, героевъ русской мысли научились они смѣяться надъ маниловскими мечтаніями, и въ этомъ отношеніи привычка вкоренилась въ нихъ такъ сильно, что ихъ исправитъ только могила. Но мнѣ кажется, что это—не очень дурная привычка.

Жестоко ошибается или жестоко искажаетъ истину тотъ, кто говоритъ, что экономическіе матеріалисты равнодушны къ экономическимъ интересамъ

---

*) Объ этомъ см. у Волгина: *Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова (В. В.)*.

народа. Нѣтъ, они вовсе не равнодушны къ нимъ. Но они глубоко убѣждены, что ничего хорошаго, ни въ какомъ отношеніи, не принесутъ народу тѣ пріемы «борьбы» за народное благосостояніе, которые рекомендуютъ наши сторонники старыхъ «устоевъ». Въ *этомъ отношеніи* между экономическими матеріалистами и народниками — бездонная пропасть. Никакое соглашеніе между ними невозможно. Но вы, м. г., не принадлежите, думается мнѣ, къ числу защитниковъ «устоевъ» quand même. И я надѣюсь, что съ людьми *вашего* направленія экономическіе матеріалисты могли бы сойтись во многомъ, хотя и не во всемъ.

Искренно преданный вамъ

С. Ушаковъ.

Столичные комитеты грамотности *).

Петербургскій комитетъ грамотности учрежденъ въ 1861 году Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, при которомъ онъ находился въ теченіе 35 лѣтъ и которое признавало его настоятельно необходимымъ для себя органомъ и на будущее время. Основная цѣль экономическаго Общества, какъ гласитъ первый § его устава,—«способствовать по мѣрѣ своихъ средствъ развитію и усовершенствованію въ Россіи сельскаго хозяйства и находящихся съ нимъ въ ближайшемъ соотношеніи отраслей промышленности». Распространеніе народной грамотности составляетъ безспорно одно изъ необходимѣйшихъ условій, коими обезпечивается правильное развитіе сельско-хозяйственной промышленности. Поэтому вполнѣ естественно, что экономическое общество въ ряду мѣръ, коими оно стремилось осуществить свою прямую цѣль, полагало также распространеніе народной грамотности. И въ этомъ направленіи оно начало работать еще задолго до учрежденія комитета грамотности. Такъ, въ 1768 году оно объявило на конкурсъ «сочинить для наставленія крестьянъ книжку подъ именемъ *Крестьянское Зеркало*»; книга въ срокъ не была представлена, и тотъ же конкурсъ былъ повторенъ въ 1796 году и на этотъ разъ увѣнчался успѣхомъ. Отъ имени неизвѣстнаго лица было представлено сочиненіе *Деревенское зеркало или общенародная книга*, которое заключало въ себѣ энциклопедію земледѣлія и домостроительства по отношенію къ крестьянскому быту. Оно было удостоено преміи и въ 1798 и 1799 годахъ издано Обществомъ въ трехъ частяхъ, на 823 страницахъ.

Вступивъ такимъ образомъ на путь изданія книгъ для народа, экономическое Общество не остановилось на первомъ опытѣ; напротивъ, съ годами эта дѣятельность начала развиваться. Съ 20-хъ годовъ нашего столѣтія Общество, кромѣ того, закупаетъ полезныя книги разнообразнаго содержанія и безплатно разсылаетъ ихъ въ губернскія библіотеки, учебныя заведенія (преимущественно семинаріи) и т. п. Такъ, напримѣръ, въ концѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ разсылалось *Народное руководство въ сельскомъ хозяйствѣ*—

*) *Русская Мысль*, кн. V.

Шелехова. Съ 1838 года, когда, по почину графа Мордвинова, былъ составленъ при Обществѣ особый капиталъ для изданія *Сельской библіотеки*, изданія Общества для народа участились: были изданы *Сельскія бесѣды*, *Практическая ариѳметика* и др.; Общество, кромѣ того, субсидировало народный журналъ, издававшійся Усовымъ, подъ названіемъ *Посредникъ*, и другія изданія.

Съ 1830 года Общество признаетъ необходимымъ выступить на болѣе широкій путь: оно беретъ на себя иниціативу въ открытіи публичныхъ библіотекъ и снабжаетъ ихъ книгами. При помощи Общества открываются библіотеки въ городахъ: Орлѣ, Псковѣ, Тулѣ, Харьковѣ и Осташковѣ; одесская библіотека снабжается книгами, въ 1836 году открыты библіотеки въ городахъ: Уфѣ, Черниговѣ и Симферополѣ; въ 1839 г.—въ Кунгурѣ и Красноярскѣ; въ 1847 г.—въ Орловѣ, Ревелѣ, Томскѣ, Иркутскѣ и Тифлисѣ; въ 1859 г.—въ Устьсысольскѣ и Новгородѣ. Великая княгиня Елена Павловна, принявъ въ 1860 г. званіе почетнаго члена Общества, учредила, съ Высочайшаго соизволенія, золотую медаль въ 300 руб. для выдачи Обществомъ каждые два года «за лучшее сочиненіе для народнаго чтенія по части сельскаго хозяйства или отдѣльной отрасли сельской промышленности». Выражаясь словами историка Общества, А. И. Ходнева, «о распространеніи въ массѣ народа полезныхъ свѣдѣній оно заботилось во все время своего существованія; но какъ главнѣйшимъ основаніемъ для распространенія всякаго рода свѣдѣній должна быть грамотность, то наканунѣ празднованія столѣтія своей дѣятельности Обществомъ было рѣшено открыть особый «Комитетъ грамотности».

Мысль объ открытіи этого комитета впервые была высказана покойнымъ членомъ общества С. С. Лашкаревымъ еще 26 мая 1847 года и была сочувственно принята Обществомъ. Ту же мысль Лашкаревъ приводилъ въ докладахъ, читанныхъ имъ въ 1857 и 1859 годахъ. Осуществилась же она 1 декабря 1860 г. Въ этотъ день Вольное Экономическое Общество, «*принявъ во вниманіе, что грамотность есть главное средство для распространенія въ народѣ полезныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству и другимъ предметамъ занятій Общества, учредило комитетъ грамотности при III отдѣленіи Общества*». 6 апрѣля 1861 г. была утверждена общимъ собраніемъ программа дѣйствій комитета, а на другой день онъ открылъ свои засѣданія.

Задача, которую поставилъ себѣ новый комитетъ Общества, заключалась «въ распространеніи грамотности и разныхъ полезныхъ знаній, преимущественно въ крестьянскомъ сословіи.

Напомнимъ, что 5 марта того же 1861 года былъ обнародованъ великій актъ 19 февраля. Такимъ образомъ, начало организованной и систематической дѣятельности Экономическаго Общества на пользу народнаго просвѣщенія совпадаетъ съ моментомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Мы видѣли раньше, что и московскій комитетъ грамотности, хотя учрежденъ былъ еще въ 1844 году, активную и болѣе

менѣе широкую дѣятельность тоже началъ съ эпохи освобожденія. Въ этомъ совпаденіи явленій нельзя не видѣть извѣстной исторической связи. Дореформенная Россія не оставила послѣ себя какихъ-либо органовъ, которые могли бы взять на себя заботу объ образованіи освобожденнаго народа, какъ, спустя нѣсколько лѣтъ, взяло ее земство. Между тѣмъ потребность въ культурномъ воздѣйствіи на народъ стала несравненно выше. Теперь она обусловливалась не только хозяйственно-экономическими нуждами страны, но и расширеніемъ юридической сферы дѣятельности народа. Такое положеніе вещей вызвало на сцену общественное содѣйствіе дѣлу народнаго просвѣщенія. Общество въ лицѣ самыхъ различныхъ своихъ представителей съ энтузіазмомъ взялось за это дѣло. Движеніе захватило обширные круги, на первыхъ порахъ встрѣтило сочувстіе въ правительственныхъ сферахъ и сдѣлалось чуть не всеобщимъ. Подъ его вліяніемъ создалась болѣе энергичная народно-просвѣтительная дѣятельность и Обществъ—экономическаго и сельскаго хозяйства, учредившихъ при себѣ особые комитеты грамотности.

II.

Юридическое бытіе петербургскаго комитета грамотности опредѣлялось слѣдующими главнѣйшими положеніями «правилъ», утвержденныхъ для него министерствомъ государственныхъ имуществъ: комитетъ

а) собираетъ свѣдѣнія объ учреждающихся и существующихъ въ разныхъ мѣстностяхъ сельскихъ школахъ, пріютахъ, воскресныхъ классахъ и т. п.;

б) разузнаетъ объ ихъ положеніи, средствахъ, встрѣчаемыхъ затрудненіяхъ и недостаткахъ;

в) обращая вниманіе на нужды, высказываемыя мѣстнымъ населеніемъ въ учебныхъ средствахъ и пособіяхъ, изыскиваетъ мѣры къ удовлетворенію сихъ нуждъ, старается доставить существующимъ школамъ возможность успѣшнаго дѣйствія, а учреждающимся указать начала и средства для развитія;

г) входя въ сношеніе съ учредителями и преподавателями школъ, снабжаетъ ихъ требуемыми указаніями, педагогическими наставленіями и, по возможности, учебными пособіями и распространяетъ полезныя по народному образованію свѣдѣнія, чрезъ изданія Общества и другіе литературные органы;

д) занимается обсужденіемъ разныхъ методовъ преподаванія, разсматриваетъ учебники, руководства и книги для народнаго чтенія и издаетъ одобреннымъ имъ книгамъ особые списки, поощряетъ авторовъ, заслуживающихъ своими сочиненіями особаго вниманія, старается преслѣдовать печатною гласностью изданія книжной спекуляціи, методы преподаванія устарѣвшія и несоотвѣтствующія требованіямъ современнаго образованія, и учреждаетъ конкурсы на сочиненія для народнаго обученія и чтенія и вообще по рѣшенію разныхъ вопросовъ, касающихся его дѣятельности;

е) издаетъ разныя книги для народнаго чтенія, руководства и листки и изъ нихъ одобренныя министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ по принадлежности разсылаетъ желающимъ и въ училища, за деньги и безплатно, о книгахъ же, не разсмотрѣнныхъ и не одобренныхъ еще министерствомъ народнаго просвѣщенія, комитетъ сообщаетъ свои мнѣнія въ это министерство и можетъ разсылать ихъ въ училища только съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія.

Во главѣ комитета стоялъ Совѣтъ, управлявшій его дѣлами. Въ составъ Совѣта входили: предсѣдатель комитета, два товарища его и четыре секретаря. Всѣ эти лица избирались ежегодно всѣми наличными членами комитета, путемъ закрытой баллотировки. Въ число обязанностей Совѣта входило составленіе подробнаго отчета о дѣйствіяхъ комитета и оборотахъ суммъ за истекшій годъ. Отчетъ этотъ, вмѣстѣ съ книгами, представлялся комитету, который избиралъ для повѣрки денежныхъ суммъ и счетовъ особую коммиссію. Коммиссія, произведя возложенную на нее повѣрку, доносила о послѣдствіяхъ ея комитету и затѣмъ отчетъ публиковался.

Каждый годъ отчетъ комитета представлялся въ Совѣтъ Экономическаго Общества, которое такимъ образомъ имѣло возможность контролировать дѣйствія комитета.

Засѣданія комитета были публичны и гласны. Отчеты о его дѣятельности печатались въ большомъ числѣ экземпляровъ и получали широкое распространеніе. Такимъ образомъ дѣятельность комитета происходила открыто, подъ широкимъ общественнымъ контролемъ. Въ то же время, какъ видно изъ выше сказаннаго, комитетъ имѣлъ необходимую самостоятельность и свободу въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ этомъ лежалъ залогъ тѣхъ успѣховъ, которыми заявилъ себя комитетъ и которые не оспариваются даже его врагами.

III.

Работа, которую пришлось выполнять комитету, была обширна и разнообразна. Комитетъ открылъ свои дѣйствія, какъ уже говорилось въ 1861 году, т.-е. тогда, когда дѣлу народнаго просвѣщенія полагались первыя основныя начала, когда это дѣло только что создавалось. Вслѣдствіе этого, съ первыхъ же лѣтъ своихъ дѣйствій, комитету пришлось взять на себя большую работу.

Нужно было учить народъ; но ни школъ, ни учителей, ни книгъ, отвѣчающихъ этой цѣли, не было. Все приходилось создавать вновь. Само собою разумѣется, что не всѣ части сложнаго народно-учебнаго дѣла сосредоточивали на себѣ одновременно равное вниманіе комитета. Въ этомъ отношеніи соблюдалась извѣстная послѣдовательность, опредѣлявшаяся важностью предмета для даннаго момента. И надо сказать, что въ этомъ отношеніи комитетъ за все время своего 35-лѣтняго существованія обнаружилъ замѣчательную жизненность и отзывчивость. Его работы все

направлялись именно на тотъ предметъ, который для даннаго момента на первый планъ выдвигался самою жизнью. Рутина, неподвижность, бюрократическая шаблонность дѣйствій были чужды комитету. Были времена, когда комитетъ замиралъ, напримѣръ, въ 80-хъ годахъ, что̀ объясняется общими условіями того времени; но когда комитетъ работалъ, его работы, повторяемъ, всегда были жизненны, всегда отвѣчали наиболѣе назрѣвшимъ нуждамъ.

Въ зависимости отъ матеріаловъ, которыми я располагаю, мнѣ съ наибольшею подробностью придется прослѣдить дѣятельность комитета только за послѣднія 10 лѣтъ. Предшествовавшій періодъ придется охарактеризовать болѣе общими чертами.

Начну съ общей классификаціи работъ комитета. Онѣ могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ пяти главнѣйшимъ группамъ:

1) содѣйствіе умноженію числа народныхъ училищъ и улучшенію ихъ качественной стороны;

2) поддержаніе и дальнѣйшее развитіе народной грамотности и образованія;

3) изслѣдованія по народному образованію;

4) продовольствіе учащихся;

5) возбужденіе и развитіе интереса къ дѣлу народнаго образованія въ различныхъ слояхъ населенія.

Содѣйствіе комитета увеличенію числа училищъ и улучшенію ихъ качества началось очень давно. Еще въ 60-хъ годахъ комитетъ выдавалъ изъ своихъ средствъ пособія вновь открываемымъ училищамъ, въ 1863 году самъ открылъ и временно содержалъ двѣ женскія школы съ педагогическимъ классомъ. Въ 1892 году при участіи мѣстнаго земства комитетомъ устроено въ с. Купчинѣ, Петербургскаго уѣзда, образцовое училище, основанное въ память 19 февраля 1861 года.

Извѣстно, что однимъ изъ крупныхъ тормазовъ въ дѣлѣ развитія народныхъ училищъ на первыхъ порахъ служило отсутствіе подготовленныхъ учителей. На эту сторону комитетъ обратилъ вниманіе въ самомъ началѣ своего существованія. Комитетъ справедливо полагалъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ условій, обезпечивающихъ успѣхъ школы, является подготовленный учитель, и, не ограничиваясь обсужденіями этого вопроса, онъ немедля выступалъ на практическій путь. Еще въ 1861 году комитетъ дѣлалъ попытки учредить для приготовленія учителей и учительницъ школы. Живое участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ извѣстный педагогъ того времени Золотовъ, который самъ сдѣлалъ попытку основать, при пособіи комитета, учительскую школу. Затѣмъ комитетъ учредилъ безплатное женское училище, съ классомъ для приготовленія учительницъ.

Въ 1863 году съ особенною энергіей комитетъ ратовалъ за устройство женскихъ учительскихъ школъ. Г. Половцевъ представилъ въ комитетъ обширный по этому предмету докладъ, вызвавшій всестороннее разъясненіе вопроса. Послѣ этого была основана комитетомъ въ Петербургѣ

первая женская учительская школа. Таковая же потомъ была открыта въ селѣ Старой Майнѣ. При этомъ выработанъ былъ учебный планъ и вообще организація подобныхъ учрежденій. Министерство народнаго просвѣщенія обратило вниманіе на этотъ починъ, и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія въ 1865 г. было разрѣшено отпустить на поддержаніе одной изъ этихъ школъ единовременно 500 р. изъ суммъ министерства. Эти школы послужили прототипомъ подобныхъ же школъ, нынѣ существующихъ подъ именемъ «женскихъ учительскихъ семинарій». Вообще комитету принадлежитъ иниціатива въ вопросѣ о приготовленіи женщинъ-учительницъ. Ему же этотъ вопросъ обязанъ первоначальной разработкой и практическимъ разрѣшеніемъ.

Въ разное время, въ связи съ этимъ вопросомъ, обсуждалось и положеніе женщинъ-учительницъ, условія дѣятельности, доставленіе имъ средствъ для самообразованія, обезпеченіе ихъ въ матеріальномъ отношеніи, мѣры поощренія особенно усердныхъ наставницъ.

Вопросъ объ учительскихъ семинаріяхъ въ комитетѣ возникъ и обсуждался еще въ 1861 году. Такимъ образомъ и въ этомъ дѣлѣ комитету принадлежитъ починъ. Независимо отъ разработки вопроса о систематической подготовкѣ народныхъ учителей, въ виду крайняго недостатка учащихъ силъ, комитетъ обращалъ свое вниманіе и на другіе способы комплектованія преподавательскаго персонала: въ 1862 году онъ обсуждалъ проектъ «мірскихъ школъ» для образованія учителей изъ дѣтей духовенства. Въ тѣхъ же цѣляхъ подготовки учителей, комитетъ въ особой коммиссіи подвергалъ обсужденію организацію учительскихъ курсовъ, которые хотя въ нѣкоторой степени подготовляли учителей къ успѣшному выполненію ихъ обязанностей.

Не ускользнула отъ вниманія комитета и забота объ учителяхъ, уже приступившихъ къ своимъ занятіямъ. Для нихъ комитетъ издалъ нѣсколько очень полезныхъ руководствъ. Такъ, еще въ 1863 году онъ выпустилъ *Наставленіе неопытнымъ учредителямъ и учителямъ деревенскихъ школъ*, гдѣ были даны надлежащія указанія по веденію начальнаго обученія.

Сознавая громадную потребность въ указателяхъ лучшихъ учебниковъ и книгъ для чтенія, комитетъ съ перваго года своего существованія приступилъ къ составленію «народно-учебнаго каталога». Насколько былъ необходимъ такой трудъ, можно видѣть изъ того, что министерство народнаго просвѣщенія въ 1863 г. выписало его въ количествѣ 6,000 экземпляровъ для распространенія по своему вѣдомству. Этотъ каталогъ, первый изъ подобныхъ сочиненій, былъ затѣмъ изданъ 8 разъ, дополняясь рецензіями о вновь вышедшихъ книгахъ. Быстрый ростъ народно-учебной литературы, съ неизбѣжнымъ развитіемъ изданій спекулянтскаго характера, побудилъ комитетъ учредить особую коммиссію, плодомъ трудовъ которой явился *Обзоръ народно-учебной литературы*, вышедшій въ 1878 году, дополненный въ 1882 г. Въ составъ этого труда вошло до 1,000 избранныхъ книгъ, съ краткимъ изложеніемъ содержанія, критической ихъ оц

кой и обозначеніемъ цѣны. Единство взгляда, проведенное во всѣхъ деталяхъ этого труда, безпристрастность отзывовъ, тщательное и полное изложеніе содержанія заслужили ему громкую извѣстность даже за предѣлами Россіи. *Обзоръ* и *Дополненіе* къ нему были быстро распроданы. Въ 1895 г. вышло нѣсколько выпусковъ *Обзора* за послѣдніе годы.

Кромѣ рецензій, въ *Обзорѣ* помѣщены очень содержательныя руководящія статьи по методикѣ преподаванія предметовъ первоначальнаго обученія. До сего времени *Обзоръ* составляетъ у насъ единственное въ своемъ родѣ изданіе, являясь до извѣстной степени школьной энциклопедіей. Въ послѣднее время комитетъ привлекъ къ своимъ работамъ многія сотни народныхъ учителей и учительницъ, предоставивъ имъ права членовъ-сотрудниковъ. Это внесло нѣкоторое оживленіе въ учительскую среду и поставило ихъ въ связь съ столичными работниками по народному образованію.

Полагая, что однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ выходу изъ нынѣшняго печальнаго положенія служило бы для учителей учрежденіе обществъ взаимопомощи, которыя оказывали бы имъ помощь какъ нравственную—посредствомъ самообразованія, учительскихъ библіотекъ, педагогическихъ курсовъ и т. п., такъ и матеріальную—посредствомъ образованія кассъ для выдачи ссудъ и пособій,—особая коммиссія комитета ознакомилась съ уставами существующихъ у насъ подобныхъ учительскихъ обществъ и, руководясь ими и министерскимъ нормальнымъ уставомъ, составила примѣрный уставъ обществъ взаимопомощи начальныхъ учителей и учительницъ со вступительною статьей, при которой проектъ этотъ предполагалось разослать въ земства и другія учрежденія, вѣдающія начальныя школы, для того, чтобы подвинуть образованіе подобныхъ учрежденій помощи учителямъ. Проектъ устава со вступительною статьей къ нему былъ уже обсужденъ и утвержденъ коммиссіею для напечатанія его совѣтомъ комитета. Къ сожалѣнію, дальнѣйшее движеніе этого дѣла, за прекращеніемъ дѣятельности комитета, пріостановилось.

IV.

Низкій культурный и экономическій уровень, которымъ характеризуется вообще наша народная жизнь, отсутствіе библіотекъ и книгъ въ деревнѣ, малая продолжительность учебнаго курса начальной школы, недостатки въ самомъ преподаваніи—все это ведетъ къ тому, что грамотность и начатки знаній, выносимыхъ изъ школы, нерѣдко утрачиваются населеніемъ. Поэтому забота о предупрежденіи рецидивизма безграмотности представляетъ собою дѣло большой важности. Въ этомъ отношеніи комитету принадлежитъ громадная заслуга. Устройство школьныхъ и народныхъ библіотекъ, книжныхъ складовъ, изданіе общедоступныхъ по содержанію и цѣнѣ книгъ,—всѣ эти и другія подобныя имъ мѣры, справедливо признаваемыя наилучшими не только для борьбы съ рецидивизмомъ безграмотности, но и для проведенія въ народѣ новыхъ знаній, практиковались комитетомъ въ широ-

кихъ размѣрахъ. Многія изъ нихъ являются даже по преимуществу созданіемъ комитета.

Школьныя библіотеки составляли предметъ особенныхъ заботъ комитета. Каждый годъ комитетъ безплатно отправлялъ въ нихъ десятки тысячъ книгъ. Чтобъ показать, какой всеобщей и вопіющей народной нуждѣ удовлетворялъ въ этомъ случаѣ комитетъ, интересно привести свѣдѣнія о томъ, кто обыкновенно просилъ комитетъ о высылкѣ книгъ. Большая часть просьбъ о присылкѣ книгъ поступали отъ учителей и священниковъ-законоучителей школы. Иногда учителя заявляютъ, что школа ихъ недавно сгорѣла со всѣмъ имуществомъ и книгъ нѣтъ ни одной или почти ни одной, у своего начальства сейчасъ не нашлось книгъ, а книги нужны скоро и нужно ихъ много. Кромѣ учителей просятъ о присылкѣ книгъ очень многія другія лица и даже учрежденія. Попечители школъ просятъ за свои школы. Правительственные директоры и инспекторы народныхъ училищъ просятъ иногда о пожертвованіи книгъ для внѣкласснаго чтенія въ подвѣдомыя ими училища. Просятъ волостныя правленія и сельскіе старосты. Одно сельское общество Царскосельскаго уѣзда присылало въ комитетъ грамотности своего ходока съ приговоромъ, въ которомъ проситъ выдать ему на руки по 15 экземпляровъ разныхъ учебниковъ для общественной школы. Бывали просьбы предводителей дворянства, просятъ мировые посредники западнаго края для мѣстныхъ училищъ. Одинъ изъ нихъ просилъ 5,000 экземпляровъ Азбуки-копѣйки для раздачи ученикамъ на лѣто, чтобы не забывали читать. Обращаются къ комитету различныя общества по народному образованію, напримѣръ, общество распространенія грамотности въ Нижегородской губерніи. Комитетъ грамотности при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства нѣсколько разъ передавалъ поступающія къ нему просьбы о пожертвованіи книгъ. При Верхотурскомъ (Пермской губ.) училищномъ совѣтѣ въ Нижнемъ Тагилѣ существуетъ Общество попеченія о народномъ образованіи въ Верхотурскомъ уѣздѣ, средства его ограничены. Оно постановило содѣйствовать распространенію въ сельскомъ населеніи книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и просило книгъ у комитета грамотности, сообщая, что въ населеніи весьма значительный спросъ на книги, а народныхъ библіотекъ совсѣмъ нѣтъ. Изъ Херсонской губерніи общественная библіотека, открытая съ начала 1886 года въ городѣ Бериславѣ, съ даровою читальней для бѣдняковъ, просила о книгахъ; населеніе земледѣльческое и бѣдное.

Харьковскій губернаторъ, бар. Икскуль, нѣсколько разъ просилъ и получалъ отъ комитета книги для библіотекъ при тюрьмахъ Харьковской губерніи и видѣлъ настоятельную надобность въ расширеніи тюремныхъ библіотекъ. Священникъ гродненскаго тюремнаго замка, въ которомъ 400 арестантовъ, просилъ возстановить сгорѣвшую въ гродненскомъ пожарѣ тюремную библіотеку, помогающую нравственному исправленію и самообразованію падшихъ. Такую же библіотеку получилъ отъ комитета смотритель оренбургскаго тюремнаго замка.

Всѣ эти просьбы, идущія, какъ мы видѣли, со всѣхъ концовъ Россіи, удовлетворялись комитетомъ, на сколько только позволяли его средства. За послѣднія 10 лѣтъ число безплатно разосланныхъ имъ книгъ достигло почти 400,000 экземпляровъ, стоимостью до 21,000 руб. Со времени же своего основанія комитетъ безплатно разослалъ 1.248,883 книги.

Кромѣ того, комитетъ распространялъ книги путемъ продажи ихъ. Торговлю книгами комитетъ велъ непосредственно и черезъ коммиссіонеровъ. Въ прошломъ году онъ продалъ 227,000 книгъ своего изданія.

Принималъ на себя комитетъ и денежныя порученія по покупкѣ книгъ. Въ теченіе первыхъ 19 лѣтъ своего существованія комитетъ подобралъ и разослалъ за деньги до 300,000 книгъ. Въ слѣдующія 12 лѣтъ онъ отправилъ книгъ на 3,243 руб., причемъ на одинъ 1893 годъ изъ этой суммы падаетъ 1,932 руб. Въ слѣдующемъ 1894 году поступленія на этотъ предметъ значительно увеличились, тѣмъ самымъ подтверждая возраставшее довѣріе къ комитету. Комитетъ пришелъ къ мысли, что ему необходимо открыть свой центральный книжный складъ. Мысль эта была уже близка къ осуществленію, и несомнѣнно осуществилась бы, еслибы продолжалось существованіе самого комитета.

Совѣтъ комитета уже приступилъ было къ подготовительной работѣ по открытію склада и въ началѣ 1896 года онъ могъ бы уже представить на разсмотрѣніе общаго собранія разработанный планъ организаціи склада. Нѣкоторые члены комитета заявили совѣту, что въ случаѣ нужды они могли бы предоставить комитету на это дѣло довольно значительныя денежныя суммы, въ видѣ займа отчасти безпроцентныхъ, отчасти за самый небольшой процентъ. На Нижегородской ярмаркѣ 1896 года предполагалось открыть отдѣленіе склада, и, судя по наведеннымъ справкамъ, комитету были бы для этого предложены самыя льготныя условія. Въ будущемъ складъ комитета могъ бы открывать свои отдѣленія не только на Нижегородской ярмаркѣ, но и на всѣхъ другихъ значительныхъ ярмаркахъ. Въ общемъ операціи склада комитета несомнѣнно были бы очень значительны, такъ какъ, кромѣ торговли книгами, онъ проектировалъ взять на себя оптовое снабженіе бумагой и другими учебными принадлежностями земствъ, городовъ и другихъ учрежденій, завѣдывающихъ начальными училищами, которыя всегда относились къ комитету съ большимъ довѣріемъ.

V.

Но какъ ни велика польза, приносимая дѣлу народнаго просвѣщенія путемъ разсылки книгъ по школамъ и путемъ ихъ продажи, устройство безплатныхъ народныхъ библіотекъ слѣдуетъ признать мѣрой болѣе цѣлесообразной. Комитетъ грамотности былъ совершенно правъ, придавая этимъ учрежденіямъ значеніе крупнаго культурнаго фактора. На разработку вопроса объ устройствѣ этихъ библіотекъ и практическое его осуществленіе онъ положилъ громадный трудъ, который увѣнчался блестящими успѣхами.

Первый починъ въ этомъ направленіи сдѣланъ комитетомъ еще въ 70-хъ годахъ, во время русско-турецкой войны, когда имъ было сформировано для военныхъ госпиталей 450 безплатныхъ библіотекъ, стоимостью до 25,000 руб., собранныхъ путемъ пожертвованій. Особенно же много по дѣлу о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ комитетъ сдѣлалъ въ 90-хъ годахъ. Здѣсь будетъ умѣстно привести нѣсколько выдержекъ изъ отчета совѣта комитета, чтобы показать, какого воззрѣнія держался комитетъ на этотъ высокой важности предметъ. Давъ превосходную картину развитія библіотечнаго дѣла за границей, совѣтъ, переходя къ Россіи, констатируетъ, что у насъ это дѣло подвигалось впередъ очень медленно. «Замѣтное движеніе въ пользу учрежденія библіотекъ впервые проявилось у насъ въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ, когда, по инициативѣ и при матеріальной помощи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, были основаны во многихъ городахъ первыя публичныя библіотеки. Понятно, что въ этомъ начинаніи русскаго общества нельзя не замѣтить вліянія однороднаго движенія, происходившаго въ этотъ же періодъ времени за границей. Это вліяніе сказалось, между прочимъ, въ пропагандѣ учрежденія не только городскихъ публичныхъ, но даже сельскихъ народныхъ библіотекъ, очевидно, не имѣвшихъ еще подъ собою никакой почвы при господствѣ крѣпостного права. Печать рабства и застоя, лежавшая на всемъ нашемъ дореформенномъ бытѣ, дѣлаетъ понятнымъ, что даже тѣ немногія библіотеки, которыя въ то время удалось открыть, влачили самое печальное существованіе. Большая часть ихъ фактически не функціонировала. Послѣ 1861 года вниманіе нашего пробудившагося общества и вновь созданныхъ органовъ самоуправленія было всецѣло поглощено другими капитальными общественными вопросами: прежде всего необходимо было позаботиться о развитіи начальнаго народнаго образованія, а затѣмъ уже подумать о потребности грамотнаго населенія въ книгѣ.

Такимъ образомъ вплоть до 80-хъ годовъ вопросъ о народныхъ библіотекахъ находился въ тѣни и забота объ ихъ учрежденіи была предоставлена почти исключительно частной филантропіи. Представители послѣдней обыкновенно смотрѣли на дѣло крайне узко и въ большинствѣ случаевъ считали вполнѣ возможнымъ удовлетворить умственные запросы читателя изъ народа нѣсколькими десятками тощихъ брошюръ, такъ называемой, «народной» литературы.

Начиная съ 80-хъ годовъ, представители общества и земскіе дѣятели удѣляютъ вопросамъ внѣшкольнаго образованія народа вообще и народной библіотекѣ въ частности все болѣе и болѣе серьезное вниманіе. Къ сожалѣнію, русское общество не имѣло возможности вполнѣ проявить свои силы на этомъ поприщѣ, такъ какъ ему постоянно приходилось считаться со множествомъ внѣшнихъ препятствій, послѣднимъ звеномъ которыхъ являются извѣстныя правила о безплатныхъ народныхъ читальняхъ 15 мая 1890 года. Эти правила выдѣлили народныя библіотеки въ совершенно особый разрядъ съ крайне ограниченнымъ каталогомъ книгъ и создали для

нихъ цѣлый рядъ другихъ стѣсненій». Между тѣмъ «изъ среды нашего сельскаго и рабочаго населенія уже давно раздаются голоса, указывающіе на обязанность общественныхъ учрежденій удовлетворить растущую въ народѣ потребность въ книгѣ. Многіе думали достигнуть этого предоставленіемъ всему грамотному населенію возможности пользоваться книгами изъ библіотекъ при народныхъ школахъ, но уже очень скоро пришлось убѣдиться въ совершенной несостоятельности подобнаго рѣшенія вопроса, основаннаго на отождествленіи умственныхъ запросовъ взрослаго человѣка съ запросами ребенка. Само населеніе очень скоро оцѣнило по достоинству предложенный ему суррогатъ науки и литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ и образованное общество все болѣе и болѣе освобождалось отъ прежнихъ предразсудковъ, связанныхъ съ представленіемъ о «меньшомъ братѣ», и проникалось убѣжденіемъ въ серьезности стремленія народа къ знанію и въ обязанности общественныхъ органовъ дать этому стремленію дѣйствительное удовлетвореніе. Такимъ образомъ постепенно назрѣвало представленіе о безплатной народной библіотекѣ, какъ самостоятельномъ общественномъ учрежденіи, снабженномъ хорошимъ подборомъ книгъ, содержимомъ на общественный счетъ и прочно-поставленномъ въ матеріальномъ отношеніи. Первыя единичныя попытки открытія такихъ библіотекъ принадлежатъ городамъ и фабричнымъ центрамъ. По недавно опубликованнымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, изъ общаго числа 862 публичныхъ библіотекъ всѣхъ разрядовъ, находящихся въ имперіи, въ селеніяхъ, заводахъ и мѣстечкахъ находилось всего 96 библіотекъ. Почти половина этого числа (43 библіотеки) приходится на долю трехъ прибалтійскихъ губерній. Изъ остальныхъ 53 сельскихъ библіотекъ, безплатныхъ народныхъ библіотекъ, въ собственномъ смыслѣ слова, ни въ какомъ случаѣ не могло быть болѣе 30—40 (разумѣется, не считая библіотекъ школьныхъ), какъ это подтверждаютъ и всѣ лица, спеціально занимавшіяся изученіемъ этого вопроса».

Иниціатива широкой и повсемѣстной постановки вопроса о библіотекахъ-читальняхъ для народа принадлежитъ комитету. Въ 1893 году по этому вопросу было составлено особое заявленіе, подписанное 55 членами комитета, въ которомъ предлагалось общему собранію открыть сборъ пожертвованій на устройство не менѣе 100 безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ, на сумму не менѣе 25,000 руб. Въ собраніи 14 декабря этого года, разсматривавшемъ этотъ вопросъ, слышалось не мало скептическихъ голосовъ, указывавшихъ на платоническій характеръ этого предположенія, однако, въ концѣ-концовъ, оно было собраніемъ принято. Постановленіемъ собранія на совѣтъ комитета была возложена крайне тяжелая и отвѣтственная обязанность: ему предстояло не только собрать деньги, необходимыя для осуществленія дѣла, но и намѣтить правильный путь организаціи этого важнаго начинанія комитета.

Для осуществленія первой цѣли совѣтъ помѣстилъ воззванія въ большинствѣ журналовъ и газетъ, выпустилъ спеціальные подписные листы и

книжки для сбора пожертвованій на народныя библіотеки и, наконецъ, составилъ особыя обращенія, разосланныя разнымъ учрежденіямъ и лицамъ въ количествѣ около 50,000 экземпляровъ.

Успѣхъ сбора превзошелъ ожиданія. Слишкомъ 30,000 руб. было собрано въ короткій срокъ, что дало возможность комитету съ помощью земствъ и частныхъ лицъ организовать къ концу 1895 года 109 народныхъ безплатныхъ библіотекъ Но комитетъ грамотности сознавалъ, что это только первый шагъ къ намѣченной цѣли, что нужно побудить само общество къ дѣятельности, поэтому совѣтъ комитета энергически занялся разработкой организаціоннаго плана по учрежденію читаленъ и составленіемъ для нихъ примѣрныхъ уставовъ. Послѣдніе были разсмотрѣны и утверждены общими собраніями 22 февраля и 29 марта 1894 года. Въ началѣ лѣта 1894 года совѣтомъ была составлена брошюра *Узаконенія о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ,* отпечатанная въ 3,000 экземпл. и разосланная совѣтомъ всѣмъ начальникамъ губерній, предводителямъ дворянства, губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ. Всѣ остальные экземпляры этого изданія поступили въ продажу и были очень быстро раскуплены, покрывъ съ избыткомъ всѣ расходы по изданію. Уже въ августѣ потребовалось новое изданіе *Узаконеній,* которое было выпущено въ значительно пополненномъ видѣ въ числѣ 5,000 экземпляровъ. Въ теченіе зимы и это изданіе было частью расослано совѣтомъ безплатно, частью распродано. Въ маѣ 1895 года появилось новое изданіе *Узаконеній,* которое выпущено въ 16,500 экз. Въ это изданіе включены, составленные совѣтомъ при участіи спеціалистовъ, примѣрные списки книгъ для народныхъ библіотекъ на разныя суммы.

Признавая безспорнымъ, что безплатныя народныя библіотеки должны получить широкое и повсемѣстное распространеніе, комитетъ сосредоточилъ, однако, всѣ свои усилія на открытіи этихъ библіотекъ земскими учрежденіями.

Дѣйствуя въ этомъ направленіи, комитетъ имѣлъ въ виду, что организацію этого новаго дѣла могутъ удачнѣе всего осуществить именно органы нашего всесословнаго самоуправленія и, прежде всего, земство. Комитетъ справедливо полагалъ, что результаты, достигнутые послѣднимъ, косвеннымъ образомъ окажутъ крупное вліяніе на развитіе дѣла и во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ. Опытъ земской работы въ другихъ областяхъ общественной жизни вполнѣ доказываетъ вѣрность этой мысли.

Земскія собранія прошлаго года, громаднѣйшее большинство которыхъ приняли рядъ мѣръ по дѣлу развитія народныхъ библіотекъ, показали, ч. починъ комитета нашелъ себѣ дѣятельныхъ продолжателей. Такимъ обр зомъ работа комитета по снабженію народа книгами и библіотеками заве шилась полнымъ успѣхомъ, поскольку послѣдній зависѣлъ отъ комитета зависитъ отъ земствъ.

VI.

Дѣятельность комитета по снабженію народа книгами не ограничивалась одною разсылкой книгъ и устройствомъ библіотекъ. Одновременно съ этимъ онъ энергично работалъ надъ изданіемъ книгъ, которыя были бы доступны народу и, въ то же время, развивали его въ умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ отношеніяхъ. Его издательская дѣятельность, обогатившая народную литературу произведеніями многихъ выдающихся писателей какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ, представляетъ много поучительнаго.

Начало издательской дѣятельности комитета восходитъ къ первымъ годамъ его существованія, но особенное развитіе она получила въ 90-хъ годахъ.

Въ 1890 году въ совѣтъ комитета поступило заявленіе 27 членовъ комитета по вопросу объ изданіи книгъ для народнаго чтенія. Въ заявленіи, между прочимъ, указывалось на малое количество печатаемыхъ имъ изданій, на сравнительную дороговизну этихъ изданій и на слабую ихъ распространенность. Лица, подписавшія вышеупомянутое заявленіе, предлагали: сдѣлать попытку, параллельно съ изданіями принятаго типа, выпускать въ свѣтъ книжки беллетристическаго и научнаго содержанія, объемомъ и внѣшностью подходящія къ типу такъ называемыхъ «листовокъ» фирмы «Посредникъ» и иныхъ издателей народныхъ брошюръ, по цѣнѣ лубочныхъ книгъ.

Предсѣдатель, по прочтеніи означеннаго заявленія, предложилъ собранію отъ имени совѣта не входить пока въ разсмотрѣніе по существу означеннаго вопроса, а ограничиться лишь выборомъ особой коммиссіи, на которую и возложить разработку вопроса, съ тѣмъ, чтобы коммиссія эта представила свои соображенія въ одно изъ ближайшихъ общихъ собраній комитета. Предложеніе было принято единогласно и для детальнаго разсмотрѣнія была составлена особая коммиссія.

Въ скоромъ времени коммиссія представила на обсужденіе собранія докладъ свой по вопросу объ изданіи книгъ для народнаго чтенія. Послѣ возникшихъ по этому поводу оживленныхъ и продолжительныхъ преній собраніе постановило:

1. Признать цѣлесообразнымъ составить издательскую коммиссію изъ 7 членовъ, изъ которыхъ 5 избираются общимъ собраніемъ, а 2—назначаются совѣтомъ изъ своей среды, причемъ коммиссія избирается на три года, съ тѣмъ, чтобъ обновленіе состава ея производилось ежегодно выбытіемъ одной трети членовъ. Члены коммиссіи, по окончаніи ихъ полномочій, могутъ быть вновь избираемы. Коммиссіи предоставляется право приглашать въ свои засѣданія спеціалистовъ по народной литературѣ и вообще лицъ, могущихъ оказать ей полезное содѣйствіе своимъ знаніемъ и опытностью.

2. Признать желательнымъ удешевленіе продажной стоимости народныхъ изданій комитета, съ тѣмъ, однако, чтобы книжки по содержанію и по формѣ своей отнюдь не были ниже тѣхъ, которыя до нынѣ издавались.

3. Коммиссія должна взять на себя почипъ въ дѣлѣ изданія тѣхъ произведеній отечественной литературы и въ той формѣ, которыя могутъ быть недоступны другимъ издателямъ, по коммерческимъ ли соображеніямъ, по отсутствію ли достаточныхъ для того интеллектуальныхъ средствъ, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, но появленіе которыхъ (изданій) наиболѣе отвѣчаетъ потребностямъ какъ малолѣтнихъ, такъ и взрослыхъ читателей изъ народной среды.

Признать желательнымъ увеличеніе числа складовъ для продажи изданій комитета. Кромѣ того, коммиссіи вмѣняется въ обязанность, съ разрѣшенія совѣта комитета, содѣйствовать распространенію въ публикѣ комитетскихъ изданій путемъ отдачи ихъ на коммиссію или другимъ способомъ, для чего она входитъ, чрезъ посредство совѣта, въ соглашеніе съ лицами и учрежденіями, благонадежность которыхъ, въ разсматриваемомъ случаѣ, ей представляется несомнѣнной.

Затѣмъ собраніе избрало изъ среды своей въ составъ коммиссіи по изданію книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія слѣдующихъ лицъ: А. М. Калмыкову, В. П. Острогорскаго, П. А. Нагеля, К. К. Пистолькорса и И. С. Ремезова.

Эта коммиссія, работавшая до 1893 года, пришла къ тому заключенію, что, въ виду запросовъ читателей изъ народа съ одной стороны и состоянія общедоступной литературы—съ другой, комитету необходимо сократить отдѣлъ беллетристики и употреблять всѣ освобождающіяся отъ продажи изданій средства издательскаго фонда на изданіе книгъ по естествознанію, географіи и всякаго рода практическимъ знаніямъ. По географіи былъ разработанъ планъ трехъ книгъ, изъ которыхъ первая была издана подъ заглавіемъ *Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы,* составленная Н. А. Рубакинымъ. Для отдѣла книгъ по зоологіи, въ виду указаній практики, что дѣловое детальное описаніе животныхъ, какъ домашнихъ и извѣстныхъ, такъ и животныхъ другихъ странъ, читается неохотно и взрослыми, и малолѣтними читателями изъ народной среды, между тѣмъ какъ описанія охоты на животныхъ и всякій анекдотическій матеріалъ изъ этой области возбуждаютъ живѣйшій интересъ, коммиссія остановилась на планѣ книги, которая знакомила бы съ основными явленіями жизни животныхъ и особенностями представителей различныхъ семействъ и классовъ въ живомъ описаніи событій и драматическихъ положеній изъ жизни въ животномъ царствѣ. Обработка подобнаго рода темъ была предложена коммиссіей Н. А. Рубакину и Ю. Н. Вагнеру. Первымъ изъ нихъ была представлена рукопись, разсмотрѣнная и принятая коммиссіей для напечатанія. Она вышла въ печати подъ названіемъ: *Разсказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ*.

Кромѣ подробнаго выясненія типа и плана изданій научнаго содержанія, много времени и труда потребовалъ подборъ иллюстрацій, безъ которыхъ книги научнаго содержанія, предназначенныя для мало подготовленныхъ слушателей, теряютъ бóльшую часть своего значенія, не могутъ отвѣчать требованіямъ наглядности, удобопонятности, занимательности. К

миссіей было поручено А. М. Калмыковой, уѣзжавшей лѣтомъ за границу- справиться о цѣнѣ и сдѣлать выборъ клише у извѣстныхъ лучшихъ изда, тельскихъ фирмъ. По стоимости клише и пересылки оказалось вполнѣ возможнымъ и цѣлесообразнымъ пріобрѣтеніе ихъ за границей, что и было исполнено А. М. Калмыковой.

Что касается до отдѣла книгъ, заключающихъ практическія знанія по сельскому хозяйству и различнымъ производствамъ, то, по тщательномъ ознакомленіи съ книгами существующими, на основаніи мнѣній, высказанныхъ въ засѣданіяхъ коммиссіи такими спеціалистами по сельскому хозяйству, какъ В. Г. Котельниковъ и В. В. Черняевъ, а также и письменныхъ отзывовъ, полученныхъ отъ провинціальныхъ практическихъ дѣятелей: наприм., отъ М. В. Девеля, завѣдывающаго земскимъ складомъ въ Твери, коммиссія пришла къ убѣжденію въ полной невозможности приступить въ этомъ же году къ пополненію этого отдѣла. Главными затрудненіями на пути исполненія этой задачи являются: во-первыхъ, полное отсутствіе свѣдѣній по естествознанію у читателей, для которыхъ предназначаются книги, тѣхъ основныхъ элементарныхъ свѣдѣній, безъ которыхъ невозможно пониманіе объясненій условій и пріемовъ раціональной культуры; во-вторыхъ, чрезвычайное разнообразіе физическихъ и экономическихъ условій, совершенно различныхъ не только въ отдаленныхъ другъ отъ друга частяхъ Россіи, но нерѣдко даже въ смежныхъ губерніяхъ и уѣздахъ; въ-третьихъ, недостатокъ въ спеціалистахъ-практикахъ, хорошо знакомыхъ съ различными отраслями крестьянскаго хозяйства и кустарныхъ производствъ, которые могли бы взять на себя составленіе руководствъ по этимъ предметамъ.

По вопросу объ удешевленіи издаваемыхъ комитетомъ книгъ, неоднократно затрогивавшемуся въ засѣданіяхъ комитета, и приближенію его изданій къ типу лубочныхъ изданій въ одинъ и два печатныхъ листа, по цѣнѣ $1^1/_2$ и 3 коп., коммиссія высказала то мнѣніе, что слѣдуетъ всѣми возможными мѣрами стремиться къ удешевленію, не измѣняя прежняго внѣшняго типа изданій, такъ какъ задачей комитета должно быть изданіе книгъ для школьныхъ и народныхъ библіотекъ,—книгъ, и по достоинству содержанія, и по внѣшнимъ качествамъ (бумагѣ, печати, иллюстраціямъ, брошюровкѣ) могущихъ служить фундаментомъ библіотечнаго книжнаго имущества, между тѣмъ какъ мелкія брошюры лубочныхъ издателей, по плохому качеству бумаги, плохой брошюровкѣ, являются типомъ быстро разрушающейся и исчезающей книги, которая должна удовлетворять интересамъ отдѣльнаго лица, спросу дня, настроенія.

Такой типъ книги, при современныхъ условіяхъ книжной торговли и ничтожности средствъ, затрачиваемыхъ большинствомъ покупателей изъ народной среды, очень желателенъ, важенъ и имѣетъ неотъемлемыя права на существованіе, но изданіе такого типа книгъ должно быть дѣломъ частныхъ предпринимателей или филантропическихъ учрежденій, такъ какъ стоимость такого рода книгъ и способы ихъ распространенія подвержены всякаго рода случайностямъ и измѣненіямъ. Принявъ такой типъ изданій, ко-

митету пришлось бы подвергнуть риску цѣлость издательскаго фонда и отказаться отъ ежегодной точной отчетности по издательскимъ операціямъ.

Дальнѣйшее развитіе издательская дѣятельность получила въ 1893 году, когда обновился составъ коммиссіи и когда этому дѣлу было отведено едва ли не первое мѣсто въ дѣлахъ комитета. Въ маѣ 1893 года издательская коммиссія составилась изъ новыхъ членовъ. Въ нее вошли: А. Л. Мендельсонъ, К. П. Пятницкій, Н. М. Сибирцевъ, С. И. Созоновъ, Г. А. Фальборкъ, В. В. Чеховъ, Н. І. Шевлягинъ. Предсѣдателемъ коммиссіи въ новомъ ея составѣ состоялъ Г. А. Фальборкъ. Эта коммиссія проявила необычайную энергію въ работѣ и поставила издательское дѣло на небывалую высоту.

Приступивъ къ выполненію возложенныхъ на нее задачъ, названная коммиссія прежде всего обратила свое вниманіе на столь часто раздававшіяся жалобы относительно дороговизны изданій комитета и слабаго ихъ распространенія. Для того, чтобъ убѣдиться, насколько эти жалобы справедливы, коммиссія собрала цѣлый рядъ свѣдѣній. Она вошла въ непосредственныя сношенія съ 31 писчебумажною фабрикой и съ 72 типографіями, прося ихъ прислать свои прейскуранты, а также образцы бумаги и шрифтовъ. Полученные почти отъ всѣхъ главнѣйшихъ фабрикъ образцы бумаги были переданы коммиссіей для изслѣдованія ихъ нѣсколькимъ спеціалистамъ, заключеніе которыхъ очень облегчило коммиссіи выборъ подходящей бумаги.

Прейскуранты типографій также были передаваемы коммиссіей на обсужденіе свѣдущихъ лицъ, которыя давали свое заключеніе о дешевизнѣ и качествѣ работы въ той или другой типографіи. Не ограничиваясь этимъ и считая необходимымъ, прежде чѣмъ остановиться окончательно на какомъ-нибудь рѣшеніи, ознакомиться съ тѣми результатами, какихъ достигли другіе издатели, преслѣдующіе одинаковыя съ комитетомъ цѣли, коммиссія обратилась къ нимъ чрезъ своего предсѣдателя съ просьбой сообщить ей различныя данныя, касающіяся технической стороны издательскаго дѣла. Почти всѣ эти лица любезно исполнили просьбу коммиссіи. Наконецъ, когда коммиссіей была собрана масса данныхъ, для ихъ обсужденія, было созвано спеціальное совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе гг. Ф. Ф. Павленковъ, Н. Н. Моревъ и П. В. Голяховскій, сообщившіе крайне цѣнныя указанія какъ относительно техники издательскаго дѣла, такъ и относительно способа распространенія изданій.

Имѣя въ виду всѣ эти свѣдѣнія и матеріалы, коммиссія убѣдилась, что удешевленіе стоимости изданій комитета вполнѣ возможно въ очень значительныхъ предѣлахъ. По ея разсчетамъ, изданія комитета могутъ быть удешевлены приблизительно процентовъ на 30. Въ основаніе своихъ соображеній коммиссія положила слѣдующіе принципы:

1. Коммиссія постановила ни въ какомъ случаѣ не ухудшать внѣшней стороны изданій, т.-е. ни качества бумаги, ни печати, и принимать въ разсчетъ авторскій гонораръ, какъ общее правило.

2. Коммиссія признала необходимымъ заботиться объ удешевленіи из-

даній дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ средствомъ, къ которому прибѣгають всѣ лубочники и которое такъ легко вводить въ обманъ всѣхъ покупателей. Лубочники ставятъ на первый планъ возможно большее удешевленіе стоимости печатнаго листа своихъ изданій, достигая этого употребленіемъ самыхъ низкихъ сортовъ бумаги, дѣлая изъ обыкновеннаго листа вмѣсто 32 стр.—36 (посредствомъ особаго пріема складыванія листа), пуская слишкомъ большія поля и тѣмъ уменьшая текстъ книги и т. д. Ихъ изданія обыкновенно не брошюруются; авторскій гонораръ у нихъ или совершенно отсутствуетъ, или же фигурируетъ въ совершенно ничтожныхъ размѣрахъ. Всѣ перечисленные пріемы позволяютъ лубочникамъ выпускать свои изданія для поверхностнаго взгляда поразительно дешево и въ то же время получать на нихъ громадный процентъ прибыли. Коммиссія не сочла возможнымъ прибѣгать къ этимъ пріемамъ, исключающимъ добросовѣстное отношеніе къ интересамъ читателей. Она рѣшила заботиться не объ уменьшеніи стоимости отдѣльнаго печатнаго листа, а объ удешевленіи книги, печатая свои изданія хорошимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, брошюруя изданія, платя авторскій гонораръ и давая иллюстраціи, гдѣ онѣ окажутся необходимыми по содержанію книги.

Работы коммиссіи по выпуску новыхъ изданій естественно распались на два отдѣла: работы, касающіяся изданій научно-популярныхъ и изданій беллетристическихъ.

По первому отдѣлу коммиссія прежде всего обратила свое вниманіе на то печальное положеніе, въ которомъ находится у насъ научно-популярная литература какъ по качеству, такъ и по количеству изданій. Сдѣлать все возможное для пополненія этого пробѣла, представляющаго собою одинъ изъ самыхъ крупныхъ тормазовъ для развитія народнаго просвѣщенія, коммиссія сочла своимъ первымъ и самымъ неотложнымъ дѣломъ. Принимая на себя столь важное и отвѣтственное дѣло, коммиссія была, однако, далека отъ мысли, что одними своими силами она можетъ выполнить его сколько-нибудь удовлетворительно. На помощь къ себѣ она пригласила ученыхъ спеціалистовъ и педагоговъ, а также людей, близко знающихъ умственные запросы народа, которые охотно пошли на ея призывъ, и начатое коммиссіей дѣло будетъ достойнымъ образомъ закончено.

Коммиссія постановила выработать систематическій планъ научно-популярныхъ изданій по всѣмъ отраслямъ знанія. По плану коммиссіи, каждое отдѣльное изданіе должно представлять собою самостоятельное, вполнѣ законченное цѣлое; совокупность же ихъ, по всякой отдѣльной наукѣ, должна, по возможности, полно и всесторонне исчерпывать все содержаніе послѣдней. Предполагаемыя изданія должны удовлетворять всѣмъ требованіямъ современнаго научнаго знанія; они должны быть написаны простымъ и яснымъ языкомъ, доступнымъ для пониманія всѣхъ кончившихъ курсъ начальной народной школы. Удовлетворяя любознательности читателей, расширяя ихъ умственный кругозоръ, научно-популярныя изданія должны въ то же время пробуждать и развивать ихъ умственную пытливость.

Разработку темъ коммиссія рѣшила вести по каждой наукѣ отдѣльно, привлекая къ ихъ обсужденію спеціалистовъ и педагоговъ, живущихъ въ Петербургѣ.

Выработанные такимъ образомъ проекты темъ разсылались коммиссіей на заключеніе ученыхъ, педагоговъ, народныхъ учителей и другихъ лицъ по всей Россіи и только послѣ полученія ихъ заключеній редакція темъ окончательно утверждалась.

Въ первую очередь коммиссіей была выработана программа темъ по астрономіи, о которой дали свое заключеніе 91 лицо. Въ обсужденіи этой программы, между прочимъ, приняли участіе гг. Ф. А. Бредихинъ, А. П. Кирпотенко, Я. П. Ковальскій и И. В. Мушкетовъ.

По отдѣлу литературному коммиссія приняла въ своихъ работахъ слѣдующіе руководящіе принципы: она признала безспорнымъ, что задачей ея должно быть только приближеніе къ народу лучшихъ произведеній литературы какъ русской, такъ и иностранной; заботы же о созданіи спеціальной, такъ называемой «народной», литературы она справедливо признала несоотвѣтствующими цѣлямъ комитета и несовмѣстимыми съ серьезнымъ отношеніемъ къ умственнымъ потребностямъ народа. Согласно съ этою основною точкой зрѣнія, коммиссія признала необходимымъ издавать избранныя ея сочиненія въ ихъ первоначальномъ видѣ, а не въ передѣлкахъ и сокращеніяхъ, и допускать измѣненія только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, по соглашенію съ авторами произведеній.

Въ теченіе времени съ мая по декабрь 1893 года коммиссія разсмотрѣла 61 литературное произведеніе и изъ нихъ намѣтила къ изданію 27 произведеній. Коммиссія вошла въ сношенія съ очень многими авторами и издателями выбранныхъ ею сочиненій и почти отъ всѣхъ ихъ получила согласіе на изданіе комитетомъ принадлежащихъ имъ произведеній. Къ печатанію этихъ произведеній коммиссія приступила въ слѣдующемъ 1894 году.

Въ этомъ году она выпустила книгъ 24 названія, въ количествѣ 449,000 экз. Въ слѣдующемъ за тѣмъ году число названій было уже 42, а число экземпляровъ достигло 703,000. Чтобы показать, какія именно книги изданы комитетомъ за эти годы, приведу здѣсь имена нѣкоторыхъ изъ ихъ авторовъ: Крыловъ (И. А.), Короленко, Маминъ-Сибирякъ, Марко-Вовчокъ, Нефедовъ, Потѣхинъ (А. А.), Станюковичъ, Толстой (Л. Н.). Изъ иностранной литературы были изданы нѣкоторыя произведенія Гюго, Жоржъ-Зандъ, Золя, Де-Амичиса и т. п. Всѣ эти книги, при безукоризненной внѣшности и очень недурныхъ иллюстраціяхъ, изданы съ небывалою у насъ дешевизной. 36 книжекъ, составленныхъ изъ названныхъ выше авторовъ, при розничной покупкѣ обойдутся около двухъ съ половиною рублей.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Чувствительный и хладнокровный.

I.

Среди благонамѣренныхъ публицистовъ, составляющихъ гордость нашей печати, едва ли найдутся два другихъ писателя, дающихъ болѣе пищи для ума и сердца читателей, чѣмъ г. Розановъ и г. Spectator.

При всемъ разнообразіи своихъ дарованій и своихъ темпераментовъ оба имѣютъ ревность и дерзновеніе; оба—смѣлые и оригинальные мыслители, побивающіе всѣ рекорды благонамѣренности; оба на всѣхъ парахъ и подъ благопріятнымъ вѣтромъ плывутъ противъ давно господствовавшаго теченія. И оба восполняютъ другъ друга. Г. Розановъ болѣе чувствителенъ; г. Spectator болѣе хладнокровенъ. Г. Розановъ родился подъ вліяніемъ Сатурна и Венеры, изъ коихъ первый сообщаетъ ему меланхолію, а вторая—впечатлительность, доходящую до сладострастнаго импрессіонизма; г. Spectator зачатъ подъ Меркуріемъ, который окрыляетъ его краснорѣчіе; и онъ испыталъ на себѣ щедроты Юпитера, который надѣлилъ его трезвеннымъ оптимизмомъ. Г. Розановъ—поэтъ, идеалистъ, лирикъ, г. Spectator—прозаикъ и реалистъ въ своемъ классицизмѣ. Одинъ исполненъ елея и горчицы, другой—оцта и соли. Оба вмѣстѣ составляютъ прекрасный соусъ для нѣсколько прѣснаго, канцелярскаго салата *Русскаго Обозрѣнія*—страннаго журнала, водянистаго и безвкуснаго, какъ бутылочный огурецъ.

Въ послѣдней книжкѣ этого органа, ежемѣсячно выпускаемаго г. Александровымъ, мы находимъ статью г. Spectator'а *Николаевскія времена* и цѣлыхъ двѣ статьи г. В. Розанова: одну подлиннѣе—подъ заглавіемъ *Кто истинный виновникъ этого* и другую совсѣмъ коротенькую, чисто-лирическую, подъ заглавіемъ *Двѣ гаммы человѣческихъ чувствъ* (*по поводу Ходынской катастрофы*).

Всѣ три статьи полны ревности, дерзновенія и заключаютъ въ себѣ рядъ новыхъ и смѣлыхъ мыслей.

Въ статьѣ *Николаевскія времена* г. Spectator скорбитъ о томъ, что дѣти наши развращаются врагами, которые силятся «извратить въ нихъ

глазахъ основной смыслъ русской исторіи XIX в. и въ особенности основной смыслъ николаевскихъ временъ» (стр. 535).

Въ *Двухъ гаммахъ человѣческихъ чувствъ* г. Розановъ скорбитъ о томъ, что мы хотимъ вообще учить народъ, «въ чемъ-то поправить, въ чемъ-то улучшить черезъ школу» нашъ «народъ—патріархъ, нашъ народъ—римлянинъ», что мы хотимъ «сдѣлать его патріотомъ по Иловайскому, научить вѣрѣ по краткимъ начаткамъ катехизиса» (стр. 769). Онъ плачетъ о томъ, что у насъ есть интеллигенція, и о томъ, что онъ самъ «имѣетъ страданіе быть интеллигентомъ». Онъ утверждаетъ, что «всякій выученный консуламъ (?) и алгебрѣ русскій мальчикъ» есть «естественный альфонсъ» своего отечества, своего города и «той практики, которою онъ занимается» (стр. 646).

Предостерегая и назидая общество, которому онъ изъясняетъ смыслъ новѣйшей его исторіи, г. Spectator тѣмъ не менѣе исполненъ бодрящаго оптимизма: «перекрестившись», Россія уже и теперь шествуетъ по славному пути, предназначенному ей Николаемъ I; и она ступаетъ такъ твердо и увѣренно, что никакія «колебанія», случившіяся въ эпоху Александра II, нынѣ и впредь болѣе немыслимы (стр. 534 и сл.).

Г. Розановъ, наоборотъ, ожидая отъ русскаго народа великихъ и славныхъ дѣлъ въ будущемъ, оплакиваетъ его настоящее: «Россія—*самоизмѣняющая* (!), Россія—*бѣгущая* отъ себя самой, закрывающая *лицо* свое, отрицающаяся *имени* своего, Россія—это Петръ во дворѣ Каіафы, трижды говорящій «*нѣтъ, нѣтъ*» на вопросъ: *Кто* онъ?—вотъ истинное соотвѣтствующее опредѣленіе ея въ текущій фазисъ исторіи. И никогда, никогда *этотъ* отрицающійся Петръ не восплачется объ отреченіи своемъ; никогда не прокричитъ для него пѣтухъ укоряющимъ напоминаніемъ» *).

Далѣе еще безотраднѣе: «Если Россія есть какъ бы духовно обмершая страна, если изъ всѣхъ ее населяющихъ народностей русская съ наибольшею робостью гдѣ-то въ углу и подъ фалдою (?) читаетъ свое credo—слишкомъ понятно, что всѣ остальныя народности смотрятъ на нее какъ на очень обширный и удобный (?) мѣшокъ». Въ другомъ мѣстѣ центральная Россія уподобляется «старому чулану со всякимъ историческимъ хламомъ, отупѣвшіе обитатели котораго (?) живутъ и могутъ жить безъ всякаго свѣта, почти безъ воздуха» (стр. 643)—смѣлое сравненіе съ тараканами!

Какъ видитъ читатель, оба публициста довольно существенно разнятся въ своей оцѣнкѣ настоящаго. Впрочемъ, это скорѣе различіе нюансовъ и темпераментовъ. Въ сущности оба писателя и скорбятъ, и торжествуютъ, оба предостерегаютъ и оба готовы къ борьбѣ,—одинъ чувствительный и тревожный, другой—хладнокровный и спокойный, какъ сама истина—даже тамъ, гдѣ онъ, случайно, отъ истины уклоняется.

---

*) Странные курсивы принадлежатъ подлиннику. См. *Кто истинный виновникъ этого?* стр. 653.

II.

Смыслъ русской исторіи XIX в. и въ особенности временъ николаевскихъ открывается намъ въ новомъ свѣтѣ въ статьѣ г. Spectator'а. Спасибо уже за то, что не «по Иловайскому».

«Многое творилось въ Россіи при Николаѣ Павловичѣ, чего онъ не зналъ, и, тѣмъ не менѣе, мы никогда ему этого незнанія въ вину не поставимъ, такъ же какъ мы не поставимъ въ вину Колумбу то, что онъ не зналъ всей открытой имъ Америки, а зналъ лишь незначительную часть ея».

Какъ ни странно кажется на первый взглядъ такое сопоставленіе Николая I съ «геніальнымъ генуэзцемъ», нашъ публицистъ считаетъ это сопоставленіе «неотразимымъ».

«Колумбъ открылъ Америку. Что же открылъ Николай Павловичъ?— Россію».

«Какъ Россію? Россія существовала и была всѣмъ извѣстна за тысячу лѣтъ до Николая. Какъ же могъ онъ открыть ее?» (стр. 529).

— «Да,—съ покойной увѣренностью отвѣчаетъ г. Spectator,—Россія существовала до Петра Великаго включительно». Но тутъ-то и произошла та «*самоизмѣна*», о которой такъ хорошо говоритъ г. Розановъ. Здѣсь сходятся оба публициста: въ теченіе петербургскаго періода — «Россія находилась, если такъ можно выразиться, внѣ Россіи; она была отдана на выучку въ иностранную школу» и забыла о себѣ, о Россіи, «со всей ея своеобразной національно-духовною культурой». И вотъ эту самую настоящую Россію, забытую Россіей цивилизованной, открылъ Николай I Подобно Колумбу,—говоритъ г. Spectator,—онъ одинъ могъ «заставить своихъ современниковъ противъ воли устремиться на невѣдомый имъ путь для открытія этой Россіи» (стр. 528). Онъ является такимъ образомъ истиннымъ предшественникомъ нашихъ славянофиловъ. Эти послѣдніе, оказывается, играли роль простыхъ спутниковъ Колумба. И они приписали себѣ его дѣло! Подобно Америго Веспучи они дерзнули дать свое имя его открытію!

Правда, впрочемъ, по замѣчанію г. Spectator'а, и самъ «Колумбъ имѣлъ лишь неясное представленіе о той землѣ, въ существованіи которой онъ былъ увѣренъ, и никто, конечно, ему этого въ упрекъ не поставитъ». Онъ и открылъ поэтому не всю Америку, предоставивъ другимъ довершить его дѣло.

Но собственное дѣло Николая I не ограничивалось однимъ открытіемъ настоящей Россіи. Передъ нимъ стояла двоякая задача. «Прежде всего надлежало водворить въ ней (въ Россіи) внѣшній порядокъ, соотвѣтствующій самодержавному строю ея государственной жизни», котораго, повидимому, до Николая не было вовсе. «Затѣмъ уже необходимо было влить въ эту новую внѣшнюю форму новую внутреннюю жизнь» (стр. 532). Къ сожалѣнію, Николай I успѣлъ выполнить только первую часть своей за-

дачи, передавъ «своему преемнику идеально-точный и совершенный правительственный механизмъ, благодаря которому можно было легко, просто и скоро провести какую угодно внутреннюю государственную и общественную реформу». Только «Николаевская система» пріучила «правительственные органы исполнять безпрекословно велѣнія верховной власти, а народъ—безпрекословно повиноваться имъ» (стр. 532). Вторая часть задачи Николая I была разрѣшена послѣ него неправильно: наступили пагубныя «колебанія», которыя привели Россію къ краю гибели. Но «явился новый Царь-богатырь, который спасъ ее простымъ возвращеніемъ къ николаевской системѣ. И система эта, о которой всѣ забыли, оказалась все столь же прочною, надежною и цѣлесообразною, какъ и 25 лѣтъ тому назадъ» (стр. 533).

Отсюда съ поразительной ясностью получается слѣдующая краткая схема новѣйшей русской исторіи:

«XIX вѣкъ является для Россіи «тѣмъ, что И. С. Аксаковъ называлъ «возвращеніемъ домой», но въ болѣе широкомъ смыслѣ. Возвращеніе это дѣлится на слѣдующія фазы:

«1. Призывъ домой (1812 годъ).

«2. Сборы въ путь (Николаевскія времена).

«3. Первые неувѣренные и невѣрные шаги (шестидесятые и семидесятые годы).

«4. Первые рѣшительные шаги по ясно открывшейся дорогѣ (Александръ III)» (стр. 534—35).

«Николай I указалъ намъ путь»; Александръ II «указалъ намъ на тѣ страшныя опасности, которыя намъ грозятъ, если бы мы вздумали уклоняться отъ прямого пути и отъ Николаевской дисциплины; Александръ III показалъ намъ, какъ избѣгать этихъ опасностей...»

«Чего же еще недостаетъ намъ для полнаго успѣха въ нашемъ поступательномъ движеніи?

«У насъ нѣтъ лишь одного: увѣренности въ томъ, что дѣти наши поймутъ такъ же ясно, какъ и мы, великіе уроки прошлаго» (ibid.).

Но съ такими публицистами и педагогами, какъ г. Spectator, мы можемъ и здѣсь обрѣсти полное, олимпійское спокойствіе и съ хладнокровнымъ дерзновеніемъ взирать на настоящее, прошедшее и будущее.

III.

Читатель, безъ сомнѣнія, признаетъ, что статья г. Spectator'а блещетъ оригинальностью и хладнокровіемъ. Все въ ней логично и обдумано. Когда г. Spectator находитъ, что дважды-два—четыре, онъ не можетъ допускать, чтобы лже-наука утверждала, что дважды-два—пять, ибо такое утвержденіе можетъ развратить молодежь. И хотя, можетъ быть, будущія поколѣнія и не во всемъ согласятся съ мнѣніями нашего публициста, какъ онъ самъ, повидимому, этого опасается,—въ настоящемъ его краткая схема

новѣйшей русской исторіи представляетъ несомнѣнный интересъ какъ для «консерваторовъ», такъ и для «либераловъ», которые равно оцѣнятъ новую теорію о происхожденіи нашего славянофильства и оригинальную оцѣнку николаевскихъ временъ и шестидесятыхъ годовъ.

Полнѣйшій контрастъ съ этой хладнокровной исторической оцѣнкой являютъ собою «Гаммы человѣческихъ чувствъ» г. Розанова. Само заглавіе заставляетъ насъ предвкушать симфоническую картину, въ которой авторъ пытается передать намъ свои ходынскія впечатлѣнія.

Г. Розанову, несомнѣнно, принадлежитъ крупная заслуга. Онъ сказалъ «новое слово» въ нашей литературѣ: онъ ввелъ символизмъ въ публицистику. Въ публицистикѣ онъ сдѣлалъ то же, что декаденты въ поэзіи, замѣняя мысль и разсужденія гаммами чувствъ, которыя выражаются въ странныхъ, новоизобрѣтенныхъ звукахъ, въ безсвязныхъ, иногда совершенно немыслимыхъ сочетаніяхъ словъ и образовъ. Таковъ, наприм., образъ Петра, «трижды говорящаго *нѣтъ, нѣтъ* на вопросъ кто онъ» во дворѣ у Каіафы, или образъ русской національности, читающей свое credo (?) «гдѣ-то въ углу и подъ фалдою». При этомъ г. Розановъ стремится придать своему символизму національный характеръ, подражая выкликаніямъ юродивыхъ и причитаніямъ прежнихъ вопленицъ, въ которыхъ онъ, повидимому, усматриваетъ образцы истинно-русской публицистики въ отличіе отъ публицистики Запада, сгнившаго въ своемъ «раціонализмѣ».

Въ гаммахъ г. Розанова раціонализмъ отсутствуетъ совершенно, и если попытаться изложить ихъ въ формѣ логическаго разсужденія, въ формѣ «силлогизмовъ», то получится чепуха невообразимая, отъ которой и настоящіе юродивые поспѣшили бы отказаться. Но безпристрастный критикъ признаетъ въ статьяхъ г. Розанова полное соотвѣтствіе формы и содержанія: онъ оцѣнитъ лирическій полетъ, растрепанность чувствъ и поэтическій безпорядокъ мыслей, доводящій нашего символиста до выраженій необычайной смѣлости, скажу—дерзновенія: читатель уже видѣлъ, какъ онъ сравниваетъ Россію заразъ и съ Петромъ, и съ Тѣмъ, отъ Котораго Петръ отрекается. Читатель знаетъ уже, какъ г. Розановъ высказываетъ сомнѣніе въ пригодности не только «Иловайскаго», но даже краткаго катехизиса для народнаго обученія. И это ревнитель церковно-приходской школы! Мѣстами онъ возвышается до паѳоса древней сивиллы.

«У насъ нѣтъ идеи, у насъ нѣтъ плана; у насъ нѣтъ вѣры: *вотъ это*—истина; у насъ нѣтъ знанія: *гдѣ же истина?* Эмпирики ли мы, не умѣющіе считать по пальцамъ? Гамлеты ли мы, ушедшіе въ безбрежность сомнѣній,—кто насъ разберетъ? Но ночь темнѣе тучи, но черная ночь виситъ надъ нами; корабль бытія нашего (!) не проченъ; нѣтъ мысли въ немъ; и страхомъ, и ужасомъ, и негодованіемъ, и смѣхомъ самымъ обыкновеннымъ, и темнымъ мистическимъ предвидѣніемъ полна душа при взглядѣ на настоящее, при мысли о будущемъ» (стр. 645).

Такъ вѣщаетъ г. Розановъ.

Впрочемъ, г. Розановъ не только поэтъ, онъ—мыслитель. И если онъ

и не Колумбъ, то онъ все же Кортесъ или Пизаро въ своемъ родѣ: онъ изслѣдуетъ такія стороны «настоящей» Россіи, которыя до него были совершенно неизвѣстны; онъ открылъ новую, особенную русскую «психическую гамму» или русскую «гамму человѣческихъ чувствъ»! И эта гамма, оказывается, до такой степени различествуетъ отъ «гаммы чувствъ западно-европейскихъ», что «законы одной (изъ этихъ гаммъ) не имѣютъ никакого значенія для другой» (стр. 767).

Эти гаммы «не воспринимаемы, не усвоимы для одного сердца. И та душа, которая упивается порядкомъ чувствъ, текущихъ въ одной гаммѣ, отвращается, какъ отъ нестерпимой нравственной какофоніи, отъ чувствъ, подчиненныхъ закону другой гаммы»! И это открытіе, которое самъ г. Розановъ сравниваетъ съ «Рентгеновскимъ свѣтомъ», было произведено имъ по поводу ходынской катастрофы! Не упади жолудь на носъ Ньютона, мы ничего не знали бы о законахъ тяготѣнія. Не случись Ходынки,—наша «психическая гамма» не была бы открыта. Подумаешь, и жолудь могъ не свалиться, и Ходынки могло не быть, но что было бы въ такомъ случаѣ—мы не знаемъ; вѣроятно, и Ньютонъ, и г. Розановъ сдѣлали бы свои открытія по другому поводу. Во всякомъ случаѣ, г. Розановъ столь же мало жалѣетъ о свалившихся «жолудяхъ», какъ и его великій предшественникъ.

Въ чемъ же, спроситъ нетерпѣливый читатель, заключается наша русская психическая гамма и въ чемъ ея коренное отличіе отъ гаммы европейской? Напрасный вопросъ, ибо душа читателя настроена лишь въ одной гаммѣ и потому другую воспріять никакъ не можетъ. Но если читатель захочетъ узнать, въ какой тональности настроена его душа, то у г. Розанова онъ найдетъ относительно этого подробныя указанія. Спрашивали ли вы себя, кто виноватъ въ ходынской катастрофѣ? Если да, то ваша душа, несомнѣнно, настроена въ европейской тональности. Но если при такомъ вопросѣ на вашемъ лицѣ «выражается самое живое недоумѣніе», то знайте, что душа ваша настроена въ русскихъ ладахъ, въ національной психической гаммѣ.

«Кто былъ *виновенъ* теперь въ Ходынкѣ, немного лѣтъ назадъ въ народномъ *голодѣ* и уже очень давно въ *бѣдствіяхъ* крымской войны? Кто былъ виновенъ, кого бы я могъ *осудить?*... О, осудить только по безсилію: кто тотъ, кого я хотѣлъ бы растерзать, и растерзалъ бы, еслибъ имѣлъ силу, но вотъ несчастнымъ своимъ положеніемъ, несчастнымъ положеніемъ моего отечества обреченъ на ярость словъ безъ всякаго соотвѣтствующаго дѣйствія» (стр. 767). Негодованіе «бѣжитъ впереди» самого состраданія: «состраданіе—искусственно, но негодованіе вполнѣ естественно; оно течетъ свободно, оно не усиливается отыскать слово; оно изящно (?) и мудро (?), какъ сама природа, какъ *живая* природа...»

«Это—гамма западно-европейскихъ чувствъ,—тѣхъ чувствъ, изъ которыхъ выросла революція, ранѣе—реформація, еще ранѣе—католицизмъ, какъ бурный, исполненный презрѣнія разрывъ Запада съ «растлѣннымъ» Востокомъ...» (стр. 768).

Мы не совсѣмъ понимаемъ, къ чему искать виновниковъ ходынской катастрофы и желать ихъ растерзанія, послѣ того какъ они указаны, наказаны или заклеймены и безъ этого Высочайшимъ указомъ.

Мы не понимаемъ также возможности искать или терзать какого-то «виновника» неурожая 1891 года, или давно почившихъ, прямыхъ и косвенныхъ виновниковъ севастопольскаго погрома. Однако оказывается, что чувства негодованія, которыя должны бы побуждать насъ «искать и терзать» такихъ «виновниковъ», не только «естественны» или «изящны», но даже «мудры, какъ сама природа», хотя составляютъ исключительную принадлежность «западно-европейской психической гаммы». Ибо то же самое чувство, которое заставляло насъ негодовать противъ «московскихъ властей», не исполнившихъ своего долга на Ходынскомъ полѣ,—породило католицизмъ, протестантизмъ и революцію.

Что же породила русская «психическая гамма» и въ чемъ состоятъ ея отличительные признаки? На этотъ вопросъ г. Розановъ не даетъ столь опредѣлительнаго отвѣта: «Растлѣнный» Востокъ такимъ и *признаетъ* себя (!?); кающійся мытарь—его противникъ; грѣшница, отирающая ноги Учителя своими волосами—его идеалъ... Кого осудитъ мытарь? На кого подниметъ глаза грѣшница? Осудятъ ли они «среду», «соціальный строй», который ихъ пожралъ? (?) Они не понимаютъ этого. Блаженны непонимающіе! Блаженно, трижды блаженно, это непониманіе, которое даетъ душѣ такое чудное упокоеніе, мирную кончину на исходѣ 60-го года, бодрость труда въ теченіе 60-ти лѣтъ». Читатель видитъ,—здѣсь уже не гамма, а рядъ аккордовъ. Не совсѣмъ понятно только, кто тутъ скончался въ исходѣ 60-го года: мытарь, грѣшница или убитые на Ходынкѣ? Въ послѣднемъ случаѣ дѣло уже совсѣмъ непонятно, ибо въ числѣ убитыхъ были не одни шестидесятилѣтніе старики, и притомъ такую кончину едва ли можно назвать мирной. Не забудемъ, однако, что мы имѣемъ дѣло съ символистомъ. Можетъ быть, авторъ дѣлаетъ тутъ какой-нибудь намекъ на шестидесятые годы, но мы все-таки не понимаемъ, а потому «блаженно непониманіе!»

Далѣе мы узнаемъ, что, помимо чувствъ негодованія, существеннымъ признакомъ западно-европейской «психической гаммы» является любовь къ «статистикѣ». Но здѣсь, неожиданнымъ образомъ, въ ряды западно-европейцевъ попадаетъ самъ царь Давидъ, который «вздумалъ однажды произвести статистику населенія» и былъ посрамленъ въ своихъ разсчетахъ «почти не менѣе, чѣмъ Франція, которая всякій годъ считаетъ у себя населеніе и *не досчитывается*». Отсюда мы могли бы сдѣлать тотъ выводъ, что отвращеніе къ статистикѣ должно характеризовать нашу національную «психическую гамму». Народа считать не слѣдуетъ! Самъ г. Розановъ идетъ еще дальше: удержать руку смерти не можетъ никакая статистика, ни медицина, ни соціологія, ни позитивизмъ, ни идеализмъ, а между тѣмъ «*это бы* только и нужно. Но это «единое на потребу» дано именно «непониманію». А потому г. Розановъ даетъ намъ слѣдующія, свои собственныя заповѣди блаженства или, если угодно, «заповѣди непониманія» (стр. 768).

«Блаженны непонимающіе! Блаженны голодные и не спрашивающіе, почему я голоденъ? раздавливаемые и не спрашивающіе: кѣмъ я раздавленъ? побитые и не задающіеся вопросомъ: въ силу какихъ причинъ мы побиты? Блаженны, ибо они будутъ живы; они будутъ живы еще и тогда, когда ведущіе расчеты съ Богомъ будутъ тлѣть».

Строго говоря, голодныя, раздавленныя и побитыя животныя тоже не задаются вопросомъ, почему они голодны, раздавлены и побиты; и неспособность задаваться подобными вопросами о причинѣ переносимыхъ страданій, вопросами, мучившими уже Іова, несомнѣнно ограждаетъ безсловесныхъ отъ нравственныхъ мученій, доступныхъ одному разумному существу—человѣку. Однако, до г. Розанова никто не думалъ, чтобы одно отсутствіе пониманія могло сподобить насъ нетлѣнія, избавить отъ смерти или доставить намъ положительное блаженство; никто не видѣлъ также особой нравственной заслуги въ простомъ дефектѣ пониманія. Ибо г. Розановъ говоритъ здѣсь не о кротости, незлобіи и смиреніи, а именно о *непониманіи;* пониманіе представляется какъ бы несовмѣстимымъ съ этими добродѣтелями, противно мнѣнію тѣхъ, кто думаетъ, что только пониманіе обусловливаетъ возможность сознательнаго прощенія обидъ, сознательнаго смиренія, сознательной человѣческой нравственности вообще.

Не совсѣмъ понятны «заповѣди непониманія» и по другимъ причинамъ. Кто велъ разсчеты съ Богомъ по поводу Крымской кампаніи или по поводу Ходынки? Кого разумѣетъ подъ Богомъ нашъ символистъ? Какимъ образомъ раздавленные, но не понимающіе будутъ спасены отъ тлѣнія, когда понимающіе, но не раздавленные, будутъ тлѣть? Не смѣшиваетъ ли г. Розановъ консерватизмъ съ заготовкой консервовъ? Но и въ такомъ случаѣ рецептъ его страдаетъ неполнотой.

Немногимъ яснѣе показалось намъ требованіе, предъявляемое нашимъ авторомъ въ другомъ мѣстѣ къ народамъ Кавказа и западныхъ окраинъ—чтобы «все угасающее жило (!) по законамъ угасанія» (стр. 646).

IV.

Такимъ образомъ мы познакомились съ двумя образчиками современной публицистики—чувствительнаго и хладнокровнаго темперамента.

Если читатель желаетъ ближе познакомиться съ г. Розановымъ, то рекомендуемъ ему прочитать другую статью этого автора: *Кто истинный виновникъ этого*, помѣщенную въ той же книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія*. Статья эта написана въ совершенно неизвѣстной намъ психической гаммѣ, и вѣроятно поэтому мы никакъ не могли ее понять: для насъ осталось совершенно непонятнымъ, кого и въ чемъ собственно обвиняетъ г. Розановъ. Ясно только, что указанная статья написана не въ европейской «психической гаммѣ», ибо въ заключеніи авторъ увѣщеваетъ насъ освободиться отъ ложнаго стыда и сбросить наши европейскія одежды, дабы не прятать подъ ними «ту прекрасную наготу, которую намъ далъ Богъ». Но, съ другой

стороны, статья г. Розанова написана и не въ той психической гаммѣ, которую онъ называетъ русской, ибо г. Розановъ несомнѣнно *обвиняетъ* съ большимъ раздраженіемъ чуть ли не всѣ народности Россійской имперіи и сбоку инсинуируетъ противъ г. Джаншіева, *Русскихъ Вѣдомостей* и армянской интеллигенціи. Это должно быть какая-нибудь еще третья психическая гамма—не то китайская, не то миксо-лидійская. Минутами намъ казалось, что г. Розановъ начинаетъ просто говорить «языками» и, забывая предписаніе апостола, уподобляется трубѣ, издающей «неопредѣленный звукъ».

Но, можетъ быть, читатель не любитъ восточныхъ ладовъ и не дорожитъ тѣмъ «мятежнымъ наслажденіемъ», которое можетъ доставить ему вакхическій восторгъ, безумство, изступленіе и клики В. Розанова. Возможно, что читателю милѣе трезвая бодрящая струя г. Spectator'а, сначала холоднаго, но разгарающагося все болѣе и болѣе. Въ такомъ случаѣ читатель поступитъ хорошо, если почитаетъ и его статью. Будемъ надѣяться, что когда-нибудь эти двѣ натуры—хладнокровная и чувствительная, столь прекрасно восполняющія другъ друга, вступятъ въ болѣе тѣсный союзъ и породятъ въ своемъ сочетаніи цѣльное и оригинальное литературное явленіе,—родъ русалки съ женскою грудью и хвостомъ пресмыкающагося, которая составитъ утѣшеніе какъ тѣхъ читателей, которые боятся русалокъ, такъ и тѣхъ, которые въ нихъ не вѣрятъ.

Т.

Не въ очередь.

Недавно въ Москвѣ вышелъ сборникъ статей К. П. Побѣдоносцева *), въ которомъ между многими вопросами первостепенной важности говорится и о печати. Высокопоставленный авторъ признаетъ, что съ печатью считаются правительства, «и стало даже невозможно представлять себѣ не только общественную, но и частную жизнь безъ газеты, и прекращеніе выхода газетъ, еслибъ возможно было бы представить его себѣ, было бы однозначительно съ прекращеніемъ всякаго дѣйствія желѣзныхъ дорогъ».

«Газета, читаемъ мы далѣе, служитъ для человѣчества важнѣйшимъ орудіемъ культуры». Въ то же время въ глазахъ К. П. Побѣдоносцева она является и силою вредною. Въ ежедневной печати «скопляется какая-то роковая, таинственная, разлагающая сила, нависшая надъ человѣчествомъ».

Мы не раздѣляемъ, конечно, пессимизма, который продиктовалъ эти строки. Было бы ужасно, еслибъ *важнѣйшее орудіе культуры* оказалось въ дѣйствительности *разлагающею силой*. Ничего подобнаго, однако, не происходитъ. Много недостатковъ въ повременной печати, бываютъ и злоупотребленія печатнымъ словомъ; но масса знаній и свѣта, распространяемыхъ газетою, съ избыткомъ, внѣ всякаго сравненія покрываетъ это зло. Печать для мысли можно именно уподобить пáру и электричеству для физическаго движенія. Не мало и плохо построенныхъ желѣзныхъ дорогъ, и злоупотребленій въ желѣзно-дорожныхъ учрежденіяхъ; но плохо строились и шоссе, никакъ не меньше злоупотребленій было и въ доброе старое время при ямской гоньбѣ.

К. П. Побѣдоносцевъ полагаетъ, что «пресса есть одно изъ самыхъ лживыхъ учрежденій нашего времени». Она, по мнѣнію автора, совсѣмъ не представляетъ общественнаго мнѣнія. «Любой уличный проходимецъ, любой болтунъ изъ непризнанныхъ геніевъ, любой искатель гешефта, можетъ, имѣя свои или доставъ для наживы и спекуляціи чужія деньги, основать газету, хотя бы большую, собрать около себя по первому кличу толпу писакъ, фельетонистовъ, готовыхъ разглагольствовать о чемъ угодно, репортеровъ, поставляющихъ безграмотныя сплетни и слухи,—и штабъ у

*) *Московскій Сборникъ.*

него готовъ, и онъ можетъ съ завтрашняго дня стать въ положеніе власти, судящей всѣхъ и каждаго, дѣйствовать на министровъ и правителей, на искусство и литературу, на биржу и промышленность».

Такъ ли это? У насъ разрѣшеніе новаго повременнаго изданія обставлено значительными трудностями и дается рѣдко. На Западѣ вліятельные журналы и газеты создаются долгими усиліями талантливѣйшихъ людей, въ нихъ принимаютъ участіе министры и другіе выдающіеся государственные дѣятели страны.

Что печать можетъ приносить вредъ, какъ огонь можетъ обжечь,—объ этомъ нельзя и спорить. Но противъ такого ея вліянія существуютъ мѣры предосторожности и мѣры, исправляющія уже причиненное зло. К. П. Побѣдоносцевъ справедливо возмущается клеветою въ печати; но я никакъ не могу признать правильнымъ утвержденіе, будто бы судебное преслѣдованіе за клевету даетъ плохую защиту. Пусть безпристрастный читатель обратится къ книгѣ А. Ѳ. Кони *За послѣдніе годы*. Тамъ напечатано нѣсколько обвинительныхъ рѣчей этого знаменитаго юриста по дѣламъ объ оскорбленіи въ печати. Въ одной изъ нихъ (по дѣлу объ оскорбленіи въ газетѣ *Гражданинъ*, 1889 года, помощника семирѣченскаго военнаго губернатора Аристова), А. Ѳ. Кони указываетъ на существенное, по закону, различіе въ процессахъ подобнаго рода между личностью оскорбленнаго, будетъ ли послѣдній частнымъ лицомъ или должностнымъ. Отъ вторженія въ частную жизнь законъ ограждаетъ каждаго; государственная или общественная дѣятельность подлежитъ публичному обсужденію. Если, въ послѣднемъ случаѣ, оскорбленный обращается къ суду, то приговоръ «долженъ давать удовлетвореніе не только жалобщику, не только обществу, которое можетъ быть справедливо встревожено извѣстіемъ о попраніи закона или о его постыдномъ бездѣйствіи, но и живому органу этого общества, печати, которая, раскрывая страницы своихъ повременныхъ изданій, дала возможность донестись до общаго слуха стону далекихъ, обездоленныхъ и слабыхъ, иногда заглушаемому ворохами канцелярскихъ отписокъ о томъ, что *все обстоитъ благополучно*». Обличеніе можетъ быть сдѣлано запальчиво, съ криками негодованія и бранью, «но судъ, отдѣливъ все шумное и нарушающее пристойность, сумѣетъ взглянуть въ ядро сказаннаго и не долженъ покарать за указаніе на неприглядныя и мрачныя явленія общественной или государственной службы». А. Ѳ. Кони заявляетъ въ сенатѣ, что нравственный долгъ журналиста состоитъ въ борьбѣ, путемъ печатнаго оглашенія, съ проявленіями произвола, неисполненія или искаженія должностными лицами обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обвинитель требуетъ отъ печати достоинства и спокойной увѣренности, отсутствія брани и ругательствъ.

Не менѣе поучительны рѣчи по дѣлу объ опозореніи въ печати (въ томъ же *Гражданинѣ*) военныхъ врачей (1893 годъ) и по дѣлу доктора Іегера (иностранца) съ профессоромъ Манасеинымъ. Читая книгу А. Ѳ. Кони, убѣждаешься, что независимый судъ есть превосходный коррективъ

независимой печати, и испытываешь радостное чувство глубокаго нравственнаго удовлетворенія: честное слово,—хотя бы и смѣлое, даже рѣзкое,—находитъ правосудіе. Для каждаго изъ насъ, журналистовъ, такое сознаніе въ высшей степени дорого. Мы не избалованы удобствами и рѣдко слышимъ доброе слово со стороны власть имущихъ. Для насъ были почти событіемъ слова предсѣдателя бывшаго въ Нижнемъ-Новгородѣ торгово-промышленнаго съѣзда, которыми выражена благодарность корреспондентамъ газетъ за ихъ правдивое отношеніе къ дѣлу, которое Д. Ѳ. Кобеко «старался вести открыто и гласно, видя въ этой гласности обезпеченіе его отъ какихъ-либо тенденціозныхъ о немъ отзывовъ».

Возращаюсь къ книгѣ А. Ѳ. Кони. Она производитъ по-истинѣ освѣжающее впечатлѣніе. Превосходную статью о покойномъ Дмитріи Александровичѣ Ровинскомъ авторъ начинаетъ такими словами: «Наше время упрекаютъ—и не безъ основанія—въ измельчаніи личности и въ господствѣ чрезмѣрной спеціализаціи. Оба эти явленія въ тѣсной связи между собою—и оба печально отражаются на духовномъ складѣ и общественной жизни». Къ числу людей, которыхъ не касается эта характеристика, А. Ѳ. Кони относитъ, вполнѣ справедливо, Ровинскаго. Къ числу такихъ людей, съ неменьшимъ основаніемъ, отнесу я автора книги *За послѣдніе годы*.

Какою нравственною свѣжестью вѣетъ отъ его судебныхъ рѣчей и литературныхъ статей, какъ крѣпки и стройны его убѣжденія, проникнутыя идеалистическимъ поклоненіемъ истинѣ и справедливости!

Замѣчательна краткая, но блестящая характеристика покойнаго профессора Градовскаго. «Его идеализмъ,—пишетъ А. Ѳ. Кони,—не былъ безпочвеннымъ и отвлеченнымъ, хотя и возвышеннымъ, идеализмомъ сороковыхъ годовъ. Идеализмъ Градовскаго черпалъ силу и опору для своего существованія и для предъявленія нравственныхъ требованій въ реальныхъ условіяхъ и задачахъ той жизни, въ которую онъ вступилъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Это время было ознаменовано великими реформами, обновившими нашъ общественный бытъ. Въ основѣ ихъ лежало глубокое довѣріе къ духовнымъ силамъ русскаго народа, къ его воспріимчивой способности къ совершенствованію. Оно свѣтитъ и грѣетъ изъ этихъ реформъ чистымъ и благотворнымъ лучомъ. Этому чистому чувству довѣрія остался до конца своей жизни вѣренъ Градовскій».

Сопоставьте съ этимъ заключительныя слова обвинительной рѣчи по дѣлу печально-извѣстнаго земскаго начальника Протопопова. «Студентъ,—говорилъ тогда А. Ѳ. Кони,—обязанъ выносить изъ университета не одинъ багажъ систематизированныхъ свѣдѣній, но и нравственные завѣты, которые почерпаются въ источникѣ добра, правды и серьезнаго знанія, называемомъ наукою; эти завѣты и въ концѣ жизни свѣтятъ студенту и умиляютъ его при мысли объ университетѣ. Наука о правѣ въ своихъ обширныхъ развѣтвленіяхъ вездѣ говоритъ о началахъ справедливости и уваженія къ достоинству человѣка. Поэтому тотъ, кто черезъ годъ съ небольшимъ по окончаніи курса броситъ эти завѣты и начала, какъ излишнее

непрактичное бремя,—кто, вмѣсто благодарной радости о возможности послужить на добро и нравственное просвѣщеніе народа, со смиреннымъ сознаніемъ своей отвѣтственности предъ закономъ,—вмѣнилъ списительныя указанія этого закона въ ничто, напрасно ссылается на свой дипломъ. Званіе кандидата правъ обращается въ пустой звукъ по отношенію къ человѣку, дѣйствія котораго обличаютъ въ немъ *кандидата безправія*».

Не знаю, кончилъ ли курсъ въ университетѣ публицистъ *Русскаго Вѣстника*, г. Медвѣдскій. Если нѣтъ, то ему можно, *honoris causa*, поднести дипломъ не только кандидата, но и магистра безправія. Читатели, по всей вѣроятности, знаютъ, что этотъ молодой писатель «трудился» параллельно въ *Наблюдателѣ* и въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Это было указано Н. К. Михайловскимъ въ отвѣтъ на замѣтку г. Медвѣдскаго *Изъ радикальной журналистики*, о которой своевременно упоминалъ нашъ журнальный обозрѣватель. Въ іюльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* напечатанъ *Отвѣтъ Русскому Богатству*. По необычайной развязности, по изобилію дерзкой брани и по меньшей мѣрѣ легкомысленныхъ утвержденій, *Отвѣтъ* г. Медвѣдскаго оправдывалъ бы характеристику печати, данную К. П. Побѣдоносцевымъ, еслибъ именно печать разныхъ направленій и оттѣнковъ не выступила съ негодованіемъ противъ такого злоупотребленія печатнымъ словомъ. Тяжело читать статью г. Медвѣдскаго, больно видѣть *эволюцію*, совершающуюся при такихъ условіяхъ... Дѣло не въ томъ, что *либералъ* становится *консерваторомъ*. Это мы видали, какъ видали и противоположные случаи. Правда, подобныя превращенія могутъ возбуждать сомнѣнія въ ихъ искренности, однако было бы странною ошибкой утверждать, что невозможенъ искренній переходъ отъ одного міропониманія къ другому. Но когда писатель, только-что исповѣдывавшій одни убѣжденія, начинаетъ яростно сквернословить о нихъ,—это возбуждаетъ чувство, на симпатію не похожее. Можно возненавидѣть свои прежнія идеи, но нельзя презирать то, что наполняло душу. Впрочемъ, у многихъ изъ нашихъ консерваторовъ убѣжденія только квартируютъ въ душѣ, и они не могутъ понять, что

Храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ.

Г. Медвѣдскій заявляетъ, что онъ «никогда не былъ либераломъ, въ ходячемъ смыслѣ слова, потому что онъ никогда не измѣнялъ своей народности и не увлекался космополитическими бреднями». Это—пустыя слова, ихъ, казалось, стыдно уже повторять въ тысячный разъ. Какіе это либералы *измѣнили* своей народности? Мы считаемъ себя совсѣмъ русскими людьми, только на родинѣ представляется намъ нравственно-возможнымъ жить, хотя бы при этомъ, временами, и трудно дышалось.

Что такое *космополитическія бредни?* Вотъ, напримѣръ, всеобщій миръ есть такая бредня, а за нее крѣпко держится наше правительство.

Чужды ли мы родинѣ, враждебны ли ей, какъ утверждаетъ г. Медвѣдскій,—это покажетъ будущее и весьма недалекое. Мы себя чужими не чув-

ствуемъ, а вражду питаемъ только къ невѣжеству. Г. Медвѣдскій повторяетъ свое *непоколебимое убѣжденіе:* бѣда совсѣмъ не въ либерализмѣ или радикализмѣ, *а въ отсутствіи патріотизма.* «Всегда можно было бы договориться съ человѣкомъ самыхъ крайнихъ убѣжденій, еслибъ онъ признавалъ хотя одну часть нашей формулы, именно—народность. Пусть рѣчь начиналась бы издалека, пусть долго не понимали бы другъ друга,—отдѣляющая насъ пропасть тотчасъ же стала бы уменьшаться, какъ только выяснилось бы, что мы желаемъ одного—блага Россіи, сохраненія и утвержденія ея цѣлости, развитія ея своеобразія, укрѣпленія и разработки всего того, что дѣлаетъ народъ способнымъ къ выполненію міровой культурной миссіи».

Формула отличается широтою, терпимостью, и на видъ удобопріемлема каждымъ русскимъ человѣкомъ. Но обратите вниманіе на *развитіе своеобразія.* У насъ до настоящаго времени существуетъ, напримѣръ, такое *своеобразіе:* взрослыхъ людей и стариковъ публично сѣкутъ за разные проступки, а то и за неисправный взносъ податей. Развитія подобнаго своеобразія мы отнюдь не желаемъ и, еслибы за него стояла даже народная масса, правы были бы мы, а не она, и мы постарались бы убѣдить ее въ позорности и нецѣлесообразности тѣлеснаго наказанія.

Впрочемъ, объ этомъ покуда довольно. Я въ долгу передъ г. Ушаковымъ и долженъ отвѣтить ему на напечатанное въ этой книгѣ *Русской Мысли* открытое письмо ко мнѣ (*Нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матеріализма*).

Возраженія г. Ушакова для меня не убѣдительны и многія изъ нихъ ко мнѣ вовсе не относятся. Мой почтенный оппонентъ очень нападаетъ, напримѣръ, на теорію Фюстель де-Куланжа, противопоставляя ей трудъ Оорта. Но я самъ признаю теорію названнаго французскаго ученаго одностороннею, какъ одностороння въ противоположномъ направленіи и теорія экономическаго (діалектическаго) матеріализма. Коренная теоретическая разница между нами неустранима. Для г. Ушакова соціологія въ сущности уже создана, законы развитія общества найдены; я же думаю, что до этого еще очень далеко.

Общественныя отношенія никогда не бываютъ исключительно экономическими отношеніями, и эти послѣднія (производственныя) вовсе не составляютъ единственнаго фактора историческаго развитія. Я не знаю, требуютъ ли современныя производственныя отношенія въ Россіи свободы, напримѣръ, совѣсти, неподкупной независимости мысли. Но и безъ какого-либо отвѣта на этотъ вопросъ я знаю, что̀ требуется для разумной и достойной личной и общественной жизни. Пусть это будетъ *надстройка*, но въ ней и лежитъ главный смыслъ человѣческаго существованія. Однако, съ моей точки зрѣнія, въ *данномъ случаѣ*, теоретическое разногласіе блѣднѣетъ передъ практически сходною, если не тождественною, задачею: эта задача—энергичное распространеніе народнаго образованія. Г. Ушаковъ справедливо упрекаетъ меня за то, что я говорилъ о пробудившейся потребности въ просвѣщеніи *только въ деревнѣ*; но это съ моей стороны

лишь *lapsus linguae*: конечно, то же самое слѣдовало сказать и о городѣ. Мало того, я согласенъ съ г. Ушаковымъ, что въ городахъ благородная жажда знаній еще сильнѣе.

Здѣсь будетъ умѣстно отмѣтить недавно появившуюся книжку, изданную въ пользу школъ русскаго техническаго общества: *Экономическая оцѣнка народнаго образованія* *). Въ этотъ сборникъ вошли статьи г-жи Янжулъ, гг. Янжула и Чупрóва и извлеченія изъ докладовъ, читанныхъ на второмъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. Всѣ статьи цифрами и фактами доказываютъ, что грамотность и основанное на ней умственное развитіе повышаютъ производительность труда.

Въ статьѣ г. Янжула приведены замѣчательныя слова Маршалля: «не существуетъ расточительности болѣе зловредной для роста народнаго благосостоянія, чѣмъ то пренебреженіе, которое дозволяетъ генію, имѣющему родиться въ необразованныхъ классахъ народа, по недостатку обученія, истратиться на низменный видъ труда и такимъ образомъ пропасть для интереса всего человѣчества». Проподали ли у насъ геніи,—рѣшить, конечно, невозможно, но что много даровитыхъ русскихъ людей задохнулось въ невѣжественной средѣ или сбилось съ пути въ глубокой тьмѣ, которая еще окутываетъ многихъ на Русской землѣ,—это печальная истина.

«Для того,—говоритъ А. И. Чупровъ,—чтобы благородныя усилія лучшихъ людей страны встрѣтили для себя подготовленную почву, образованіе, хотя бы въ самомъ элементарномъ его видѣ, должно нѣсколько встряхнуть природную косность ума и возбудить запросы лучшаго. Не нужно забывать, что единственный способъ для борьбы съ бѣдностью заключается въ увеличеніи производительности труда, для чего вѣрнѣйшій путь—знаніе и образованіе».

Можно лишь привѣтствовать тѣ усилія, съ которыми задачи народнаго просвѣщенія выдвигаются въ настоящее время на первый планъ. Пусть къ училищамъ земскимъ и министерства народнаго просвѣщенія присоединится и *хорошая* церковно-приходская школа: въ добрый часъ,—дѣла для всѣхъ хватитъ. Покуда у насъ процентъ умѣющихъ писать равняется 16%, ниже Испаніи, гдѣ онъ подымается, все-таки, до 25% (въ Италіи—45%, въ Австріи—52%, во Франціи—85%, въ Англіи—90%, въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ свыше 95%). Богатство народовъ теперь опредѣляется (беру числа изъ выше упомянутой брошюры) для Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ 13,000 милліардовъ фунтовъ стерлинговъ, въ 9,500 милліардовъ для Великобританіи, въ 8,000 для Франціи и въ 6,500 для Германіи. Лишь за послѣднею стоитъ Россія, а у насъ считается 130 милліоновъ жителей, тогда какъ въ Германіи не болѣе 50.000,000 и при этомъ наше *богатство*, все-таки, на милліардъ фунтовъ стерлинговъ меньше германскаго. Горько и обидно. Пора догонять!

В. Гольцевъ.

---

*) Спб., 1896 г. Цѣна 50 коп.

Очерки провинціальной жизни.

Кустарный отдѣлъ на Нижегородской выставкѣ былъ предметомъ большого вниманія публики. Интересный самъ по себѣ, онъ представлялъ сугубый интересъ для друзей народной промышленности, для знатоковъ этого дѣла. Друзья народной промышленности съ удовольствіемъ отмѣчали значительный прогрессъ кустарнаго производства во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земство осуществляетъ систематическую программу мѣропріятій для его развитія. Въ числѣ этихъ земствъ едва ли не на первомъ мѣстѣ стоятъ вятское и пермское.

Кустарныя произведенія вятичей экспонированы на выставкѣ въ очень полной коллекціи. Чего тутъ только нѣтъ!—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей кустарнаго дѣла въ своемъ отчетѣ *Саратовскому Листку*. Цѣлый рядъ промысловъ по обработкѣ дерева; промыслы экипажный, столярный, токарный. Корзинщики, сундучники, трубочники и мастера очень изящныхъ издѣлій изъ корня березы и капа выставили свои произведенія. Замѣчательною чистотой работы и красотой отличается также мебель кустарей. Далѣе идутъ издѣлія по обработкѣ волоса, шерсти, рога, кожевенное производство; обработка желѣза, мѣди и жести; гончарное производство; гипсовыя издѣлія, достигающія очень тонкой отдѣлки; кружевно производство, веревочное; музыкальные инструменты; крахмальное, смолокуренное, маслабойное производство и проч., и проч. Всѣ вобще издѣлія вятичей отличаются особенною тщательностью и чистотой работы. Это уже не тѣ кустарныя производства, къ которымъ мы привыкли относиться съ снисходительною улыбкой и которымъ прощали многіе недостатки ради прочности и дешевизны. Всѣмъ этимъ кустари обязаны мѣстному губернскому земству. Земство устроило кустарные склады и музеи, которые явились не только посредниками между производителями и потребителями, но имѣютъ также значеніе школъ для ознакомленія съ лучшими образцами кустарныхъ издѣлій. Выписываемые земствомъ мастера обучаютъ кустарей усовершенствованнымъ техническимъ пріемамъ въ существовавшихъ уже на мѣстѣ кустарныхъ промыслахъ и способствуютъ возникновенію новыхъ производствъ. Такимъ путемъ растетъ и совершенствуется кустарная промышленность.

Къ устройству кустарныхъ складовъ и музея пермское земство присоединило пока *единственное* въ Россіи учрежденіе—«кустарный банкъ». Банкъ существуетъ съ 1894 года, но отчетъ за этотъ первый операціонный годъ не содержалъ еще матеріала, достаточнаго для общихъ выводовъ, вслѣдствіе крайне ограниченныхъ операцій въ этомъ году. Недавно вышедшій отчетъ банка за 1895 годъ, передаваемый въ *Новостяхъ*, даетъ уже опредѣленную картину дѣятельности его и, по счастью, картину блестящую. Операціи пермскаго кустарнаго банка получили въ 1895 году значительное развитіе по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ: въ отчетномъ году банкомъ выдано 1,141 ссуда или въ 4 раза болѣе, чѣмъ въ 1894 году, въ общемъ на сумму 127,742 руб. 13 коп. (въ 1894 году на 32,532 р. 30 к.).

Но что особенно важно въ дѣлахъ банка, на что особенно должны обратить вниманіе и правительство и земство—это аккуратное возвращеніе ссудъ кустарями, свидѣтельствующее, что учрежденіе кустарныхъ банковъ не грозитъ никакими потерями, а кустарному дѣлу приноситъ огромную пользу. Изъ отчета видно, что поступленія въ возвратъ выданныхъ ссудъ, въ общемъ, значительно превысили ожидавшуюся сумму, вслѣдствіе досрочныхъ платежей и возврата просроченныхъ ссудъ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что нерѣдко причиной отсрочки служило несоотвѣтствіе первоначально заявленныхъ кустарями сроковъ платежей со временемъ продажи ими издѣлій, такъ что въ этихъ случаяхъ была собственно простая перемѣна сроковъ платежей. Не поразительно ли даже, что за весь почти двухлѣтній періодъ дѣятельности банка былъ лишь одинъ случай принудительнаго взысканія долга. И вотъ, въ результатѣ, банкъ, по-истинѣ облагодѣтельствовавшій кустарей, не только не понесъ ни копейки убытка, а получилъ еще 3,967 р. чистой прибыли. Опредѣлившійся уже ходъ операцій пермскаго банка позволяетъ констатировать то чрезвычайно важное положеніе, что мелкій народный кредитъ можетъ быть организованъ правительствомъ и общественными учрежденіями безъ риска, приплатъ и обремененія бюджетныхъ средствъ. Это положеніе представляется тѣмъ болѣе справедливымъ, что кліенты пермскаго банка умышленно имъ выбираются не изъ состоятельной среды сельскаго населенія, а, наоборотъ, по преимуществу изъ лицъ не обладающихъ средствами. Исходя изъ того соображенія, что кустарю богатому, ведущему промыселъ главнымъ образомъ при помощи наемныхъ рабочихъ, живется хорошо и безъ поддержки со стороны, и что въ неравной борьбѣ за существованіе разныхъ разрядовъ кустарнаго населенія гибнутъ по преимуществу трудовыя, семейныя кустарныя хозяйства, банкъ почти всѣ свои рессурсы удѣляетъ именно кліентамъ послѣдняго рода. Выдача ссудъ кустарямъ, занимающимся промысломъ при содѣйствіи наемныхъ рабочихъ, допускается банкомъ лишь при существованіи особо уважительныхъ поводовъ. Чтобы знать своихъ кліентовъ, чтобъ оказывать помощь дѣйствительно нуждающимся и заслуживающимъ кредита, банкъ въ своей дѣятельности всецѣло опирается на густую сѣть агентовъ, по преимуществу

изъ народныхъ учителей, которые даютъ разъясненіе крестьянамъ объ условіяхъ полученія ссудъ, снабжаютъ ихъ бланками для составленія документовъ и даютъ банку отзывы объ имущественномъ положеніи и нравственныхъ качествахъ кліентовъ. Такова плодотворная и поучительная дѣятельность пермскаго кустарнаго банка. Администрація банка имѣла полное право указать въ отчетѣ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія на достигнутые результаты и на тѣ обширныя симпатіи и вниманіе, которыми пользуется банкъ среди трудового населенія.

Если въ успѣхахъ кустарной промышленности, иллюстрировавшихся на Нижегородской выставкѣ, посѣтитель видѣлъ результатъ работы почти исключительно земской, то въ научно-учебномъ отдѣлѣ выставки и въ иллюстраціи на ней дѣла народной школы посѣтитель видѣлъ результаты работы какъ земства, такъ и частныхъ лицъ. Павильонъ же воскресныхъ школъ, помѣстившійся въ уютномъ уголкѣ научно-учебнаго отдѣла, обязанъ своимъ существованіемъ исключительно частной иниціативѣ, труду тысячъ скромныхъ людей, работающихъ для распространенія просвѣщенія въ народѣ. Воскресныя школы,—говоритъ обозрѣватель выставки въ *Нижегородскомъ Листкѣ*,—разрослись въ 30—35 лѣтъ въ обширную семью, привлекаютъ къ себѣ вниманіе каждаго, кому дорого просвѣщеніе народа. Обстановка, за небольшимъ исключеніемъ, болѣе чѣмъ скромна: кипы тетрадей, папокъ, груды книгъ—безъ переплета или въ очень простенькомъ переплетѣ, фотографическія группы, въ большинствѣ случаевъ въ самыхъ заурядныхъ рамкахъ или даже безъ нихъ, модели и чучела животныхъ и рядъ другихъ наглядныхъ пособій съ возвышающимся среди всего этого бюстомъ старика Песталоцци, обнявшаго одною рукой мальчика, а другою мимически поясняющаго ему свою рѣчь. Но въ этомъ уголкѣ выставки собраны и классифицированы драгоцѣнныя данныя о другихъ слишкомъ трехстахъ культурно-просвѣтительныхъ уголкахъ, разбросанныхъ по всему пространству нашего обширнаго отечества. Воскресныя школы разрослись и избороздили вдоль и поперекъ наше отечество. Есть школы и въ Псковѣ, есть и въ Калугѣ, есть онѣ и въ Полтавѣ, Харьковѣ, Симферополѣ, Пятигорскѣ, Красноярскѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Читѣ и т. д. Школы эти растутъ какъ числомъ, такъ и количествомъ посѣщающихъ ихъ. Здѣсь люди изъ народа и изъ образованнаго класса сходятся вмѣстѣ во имя такихъ высокихъ цѣлей, какъ учиться и учить. А потому школы эти представляютъ по-истинѣ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій современной общественной жизни. И такихъ школъ намъ нужно не сотни, а тысячи, десятки тысячъ. И пусть идетъ сюда больше и больше работниковъ. И всякій, кто придетъ работать въ воскресную школу, потомъ не пожалѣетъ: работа въ воскресной школѣ представляетъ трудъ, дающій человѣку большое нравственное удовлетвореніе. «Въ воскресной школѣ сталкиваются два теченія: съ одной стороны, въ школу идутъ люди, жаждущіе свѣта, идутъ часто со страстнымъ желаніемъ научиться грамотѣ, развить свой умъ, обогатить его познаніями; съ другой стороны, преподающіе безкорыстно

несутъ сюда стремленіе подѣлиться своими знаніями съ ближнимъ, принести ему пользу; и эти два теченія, соприкасаясь, дѣлаютъ работу легкой, живой, успѣшной, образуютъ простыя, дружескія, искреннія отношенія между людьми, въ обычныхъ условіяхъ жизни стоящими обыкновенно далеко другъ отъ друга. Эти отношенія между учащими и учащимися составляютъ свѣтлую сторону всѣхъ воскресныхъ школъ, создаютъ атмосферу, въ которой легко дышется и хорошо работается».

Въ настоящее время, въ среднемъ, можно считать по 100 учащихся на каждую воскресную школу. Такимъ образомъ, благодаря общественной иниціативѣ въ дѣлѣ образованія, слишкомъ 17,000 человѣкъ находятъ возможность или получать первоначальное образованіе, или пополнять пробѣлы въ немъ. Преподавательскій контингентъ городскихъ воскресныхъ школъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ людей педагогическихъ профессій, въ значительной степени изъ учительницъ и учителей городскихъ начальныхъ школъ. Трудъ преподавательскаго персонала воскресныхъ школъ нигдѣ не оплачивается. Такимъ образомъ, здѣсь мы встрѣчаемъ группу трудящагося совершенно безвозмездно люда, отдающаго послѣ нелегкой недѣльной педагогической работы свой кратковременный отдыхъ воскресной школѣ. Конечно, на такой трудъ способенъ лишь тотъ человѣкъ, въ средѣ котораго живутъ дѣятельная любовь къ людямъ и непоколебимая вѣра въ святое значеніе школы. Жертвуя школѣ свой трудъ, учительскій персоналъ воскресныхъ школъ, несмотря на принадлежность къ той профессіи, работа которой оплачивается весьма скудно, повсемѣстно участвуетъ взносами въ расходахъ по содержанію школы.

Господствующій контингентъ учащихся въ воскресныхъ школахъ составляетъ трудящійся классъ. Въ воскресныя школы поступаютъ безъ всякаго различія вѣроисповѣданія, возраста и сословія. Большинство учащихся здѣсь въ возрастѣ отъ 12 до 30 лѣтъ, хотя встрѣчаются и сорокалѣтніе. Если, въ среднемъ, на школу приходится 100 человѣкъ, то въ большихъ городахъ воскресныя школы посѣщаются нѣсколькими сотнями и чувствуется переполненность школъ. Въ харьковскую воскресную школу приходятъ до 500 ученицъ; въ четырехъ воскресныхъ школахъ по шлиссельбургскому тракту учится свыше тысячи лицъ; въ московскихъ школахъ по нѣскольку сотенъ въ каждой; въ нижегородскихъ школахъ учится около 500 человѣкъ въ каждой; первую ставропольскую школу посѣщало свыше 300 лицъ, орловскую—286 и т. д., и т. д. Такимъ образомъ воскресныя школы, какъ и школы народныя, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ ростъ въ народѣ потребности въ образованіи и въ необходимости повсемѣстнаго ихъ устройства. Надо думать, что выставка въ Нижнемъ не останется безъ результатовъ для дѣла развитія воскресныхъ школъ. По общимъ отзывамъ, павильонъ воскресныхъ школъ всегда переполненъ посѣтителями. Помѣщенные здѣсь многочисленные экспонаты, характеризующіе бытъ, дѣятельность и успѣхи воскресныхъ школъ, превосходныя справочныя изданія, наконецъ, примѣръ и убѣжденныя и привлекательныя рѣчи лицъ, сидя-

щихъ съ утра до вечера и съ самою предупредительною готовностью дающихъ вамъ подробнѣйшіе совѣты, указанія, справки по дѣлу воскресныхъ школъ,—все это не только знакомитъ посѣтителей съ дѣломъ воскресныхъ школъ, но и вызываетъ горячее желаніе взяться за то же. Теперь уже извѣстно,—говоритъ обозрѣватель выставки въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*,—что значительная часть посѣщающихъ павильонъ воскресныхъ школъ выходятъ отсюда или съ усилившимся желаніемъ продолжать свою работу въ воскресныхъ школахъ, или съ твердымъ намѣреніемъ положить ей начало. Если бы для пропаганды другихъ народно-просвѣтительныхъ учрежденій на выставкѣ была сдѣлана хоть десятая доля того, что сдѣлано по отношенію къ воскреснымъ школамъ, то этимъ было бы сдѣлано важное дѣло.

Павильонъ воскресныхъ школъ служитъ мѣстомъ соединенія людей, работающихъ на одномъ поприщѣ. Здѣсь узнаютъ о существованіи воскресныхъ школъ въ глуши, о которыхъ до выставки никто не зналъ. Вотъ, для примѣра, одно изъ характерныхъ сообщеній о такихъ невѣдомыхъ школахъ въ глуши, напечатанное въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ павильонъ воскресныхъ школъ являлись почти ежедневно три молодыхъ дѣвушки, сельскія учительницы, очевидно, весьма дружныя между собою. Онѣ по долгу оставались въ этомъ павильонѣ, перечитывая отчеты, разсматривая ученическія тетради и тихо дѣлясь между собою впечатлѣніями. Дѣвушки были очень скромны и молчаливы съ посторонними, но частыя посѣщенія мало-по-малу сблизили ихъ съ представительницами отдѣла воскресныхъ школъ, и вотъ что пришлось узнать о нихъ. Всѣ три дѣвушки учились въ одномъ учебномъ заведеніи и были дружны со школьной скамьи. По окончаніи гимназіи двѣ изъ нихъ нашли мѣста учительницъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, въ народной школѣ, а третья поѣхала въ село, находившееся въ девяти верстахъ отъ города. Дружба молодыхъ дѣвушекъ продолжалась по-прежнему; онѣ часто видѣлись, много говорили о любимомъ школьномъ дѣлѣ. Гуманныя чувства двухъ изъ нихъ привлекала къ себѣ тюрьма маленькаго города. Третья же обратила свое вниманіе на сосѣднее село, въ которомъ буквально не было ни одного грамотнаго, и организовала тамъ, при помощи мѣстнаго священника, воскресную школу. Крестьяне повѣрили искреннему слову, согласились дать подъ школу избу, отапливать ее соломой и посылать лошадь и телѣгу за учительницей. Учениковъ набралось до 30 человѣкъ; здѣсь были и малолѣтніе, и подростки, и взрослые—и обучать ихъ одной учительницѣ было не легко. Батюшку отвлекали часто приходскія требы. Тогда тріумвиратъ учительницъ рѣшилъ, что и двѣ городскія учительницы будутъ пріѣзжать по очереди въ село через воскресенье. Благодаря этому, школьное дѣло въ селѣ наладилось хорошо. Школа въ тюрьмѣ шла своимъ чередомъ. Вначалѣ жутко было молодымъ дѣвушкамъ браться за учебу вполнѣ незнакомыхъ имъ людей, но арестанты поняли то добро, какое приносили имъ дѣвушки, и выражали имъ глубокую признательность. Арестанты называли имъ «сестрицами»

какъ называютъ солдаты на войнѣ «сестеръ милосердія», — и занятія въ школѣ являлись для этихъ несчастныхъ настоящимъ праздникомъ. Такъ существуютъ уже два года эти двѣ школы, впервыя ставшія извѣстными благодаря съѣзду въ Нижнемъ работниковъ въ воскресныхъ школахъ.

По-истинѣ счастливы тѣ люди, духовный складъ которыхъ неудержимо влечетъ ихъ посвятить себя всецѣло работѣ на благо народа. Живя для блага народа, они и сами достигаютъ высшихъ благъ жизни--душевнаго мира и нравственнаго удовлетворенія. Отрадное чувство доставляется провинціальными газетами ихъ читателю непрестанными сообщеніями о дѣятельности такихъ людей, разбросанныхъ во всѣхъ уголкахъ нашего отечества. Къ сожалѣнію, столичная пресса слишкомъ мало пользуется этимъ матеріаломъ. Вотъ, напримѣръ, доблестная жизнь священника села Идолги, Саратовскаго уѣзда, о. Лебедева, тридцатипятилѣтній юбилей котораго недавно справляло сельское населеніе. Изъ данныхъ, напечатанныхъ въ *Саратовскомъ Дневникѣ*, мы узнаемъ, что о. Лебедевъ прямо по окончаніи курса ученія въ саратовской духовной семинаріи поступилъ священникомъ въ с. Идолгу и въ теченіе всего времени своего служенія, не покладаючи рукъ, работалъ на пользу своихъ прихожанъ, въ особенности же заботился объ умственномъ развитіи какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей. Почти безъ всякаго отягощенія небогатаго сельскаго общества, исключительно на пожертвованія, онъ въ Идолгѣ построилъ прекраснѣйшее помѣщеніе для школы, стоимостью свыше 7,000 руб., со всякими приспособленіями, требуемыми школьною гигіеной. Церковно-приходскія школы тогда еще не были въ ходу, и школа идолгская стала земской. Наступило затѣмъ время, когда духовенство, въ силу требованія свыше, усиленно занялось учрежденіемъ церковно-приходскихъ школъ. Къ о. Лебедеву было предъявлено его начальствомъ требованіе, чтобъ онъ склонилъ крестьянъ превратить земскую школу въ церковно-приходскую. О. Лебедевъ отказался сдѣлать это, очевидно, въ виду того соображенія, что преподаваніе въ школѣ, благодаря земству, было поставлено образцово и вопросъ еще, какъ бы оно было организовано, поступивши въ вѣдѣніе епархіальнаго совѣта. О. Лебедевъ слишкомъ дорожилъ своимъ дѣтищемъ и не хотѣлъ подвергать его риску. За такой отказъ ему грозили большія непріятности, но, къ счастью, онѣ были устранены, а школа и по сіе время осталась земской. О. Лебедевъ заботился не объ одномъ умственномъ развитіи идольжанъ, а также и объ улучшеніи ихъ экономическаго положенія. Онъ организовалъ при школѣ обученіе столярному и кузнечному ремесламъ; по его иниціативѣ и при ближайшемъ участіи идольжане учредили у себя ссудо-сберегательное товарищество. И мастерскія, и товарищество въ настоящее время прекрасно дѣйствуютъ; товарищество ежегодно отчисляетъ отъ своихъ прибылей порядочныя суммы на поддержку школы. Теперь Идолга представляетъ изъ себя не часто встрѣчающійся примѣръ внѣшняго благоустройства; она имѣетъ мостовую на своей главной улицѣ и «водопроводъ». Послѣдній, правда, примитивнаго устройства, но, тѣмъ не менѣе,

въ смыслѣ удобства для жителей, онъ даетъ очень много. Мостовая же замѣнила собою великую топь и грязь на улицѣ, гдѣ прежде въ теченіе почти всего лѣта, не говоря уже о веснѣ и осени, стояло непроходимое болото, вслѣдствіе тинистой, грязной рѣчонки, протекающей тутъ по сосѣдству. Сооружены были мостовая и водопроводъ натурой, при непосредственномъ прямомъ участіи священника, который и канаву копалъ, и камни ломалъ наравнѣ со всѣми. Въ виду всего этого неудивительно, что населеніе Идолги относится къ своему священнику съ необычайной любовью и уваженіемъ.

А вотъ и другой народолюбецъ, благословляемый мѣстнымъ населеніемъ, Е. И. Новиковъ, о дѣятельности котораго сообщаетъ газета *Камско-Волжскій Край*. Е. И. Новиковъ завѣдывалъ въ неурожайный годъ безплатными столовыми въ пятнадцати-тысячномъ населеніи Юговскаго завода, Пермской губерніи. Ознакомившись съ притонами бѣдности, онъ пришелъ къ заключенію, что и въ обычное время имѣется здѣсь значительная часть населенія, съ тяжелымъ положеніемъ которой нужно продолжать считаться. Это именно: старики, безпріютныя дѣти и искалѣченные работой на заводѣ люди. И вотъ, ради обезпеченія куска хлѣба этимъ людямъ и обученія дѣтей, г. Новиковъ устроилъ сельско-хозяйственный пріютъ—колонію близъ Югова. Одно изъ казенныхъ зданій (бывшій заводскій музей) было отдано въ его распоряженіе. Пермская интеллигенція отнеслась весьма сочувственно къ мысли г. Новикова. Начальникъ губерніи также принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ юговскомъ пріютѣ имѣются уже слѣдующія учрежденія:

Школа грамоты, народная читальня съ устройствомъ въ ней народныхъ чтеній, пасѣка, мастерскія: столярная, токарная и кузнечная. Издѣлія продаются въ кустарномъ складѣ г. Перми.

На отведенномъ горнымъ вѣдомствомъ въ аренду на 24 года участкѣ земли въ 159 десятинъ, съ платой 21 руб. ежегодно въ казну, 63 десятины отведены подъ пашню и огородъ, 78 дес. подъ выгонъ и 18 дес. для сѣнокоса. Населеніе колоніи съ наступленіемъ теплыхъ дней весною оставляетъ занятія въ школѣ и мастерскихъ и переходитъ къ работамъ на фермѣ. Въ прошломъ году—первое лѣто существованія фермы—исполнены своими силами почти всѣ сельско-хозяйственныя работы. Собрано столько хлѣба и овощей, что вполнѣ обезпечено было существованіе колоніи.

Кромѣ имѣющихся уже учрежденій, юговскій пріютъ-колонія намѣтилъ къ осуществленію слѣдующія задачи:

1) Организовать примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ образцовое хозяйство, которое могло бы служить для населенія примѣромъ.

2) Содѣйствовать распространенію улучшенныхъ земледѣльческихъ о[illegible]дій и сортовъ хлѣбныхъ сѣмянъ.

3) Путемъ демонстративныхъ бесѣдъ и чтеній въ народной читал[illegible] содѣйствовать распространенію сельско-хозяйственныхъ и техническ[illegible] знаній.

Значеніе сообщеній о разнообразной гуманитарной дѣятельности [illegible]

турныхъ людей на благо народа настолько понятно, что нѣтъ надобности его выяснять. Въ большинствѣ писемъ, получаемыхъ по этому поводу редакціей, говорится о томъ, что такія сообщенія бодрятъ духъ, подымаютъ силы на работу, даютъ отрадное сознаніе, что рядомъ съ тобой, въ различныхъ уголкахъ родины, работаютъ надъ тѣмъ же дѣломъ и другіе. Иногда къ этимъ заявленіямъ присоединится разсказъ о почтенной дѣятельности того или другого лица, работающаго въ мѣстности, откуда прислано письмо. Въ послѣдней корреспонденціи этого рода сообщается, напримѣръ, характерный разсказъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ увольненіе доктора А. О. Дацкова отъ должности на каменноугольныхъ шахтахъ гг. Иловайскихъ.

Въ началѣ письма авторъ его говоритъ о томъ «отрадномъ чувствѣ», которое онъ испытываетъ, когда «среди непригдядныхъ сторонъ нашей провинціальной жизни» онъ встрѣчаетъ указанія на «добрыя и свѣтлыя явленія, которыя поддерживаютъ въ немъ вѣру въ людей и добро»... «Какъ отрадно прочитать, что гдѣ-то въ глуши, мѣняя городскую жизнь на жизнь полную труда и лишеній, трудится какой-нибудь неизвѣстный, маленькій по общественному положенію, но большой по пользѣ приносимой имъ такимъ же, какъ и онъ, маленькимъ людямъ, и что эти люди, грубые на видъ и на словахъ, не остаются равнодушными и неблагодарными (въ чемъ очень часто ихъ обвиняютъ), а, напротивъ, если только представится удобный случай этимъ людямъ выказать свою любовь, благодарность и преданность, то выказываютъ ихъ съ необычайною искренностью и энергіей»... Далѣе авторъ письма говоритъ: «Недавно я прочелъ въ вашихъ очеркахъ, какъ провожали крестьяне села Мыта своего учителя Е. И. Побѣдинскаго. Сообщеніе это произвело на меня сильное впечатлѣніе еще и тѣмъ, что напомнило мнѣ, какъ недавно подобнаго же трогательнаго отношенія къ своему истинному благодѣтелю былъ я свидѣтелемъ. Мнѣ пришлось видѣть, какое впечатлѣніе и какое недовольство произвело на шахтарей, рабочихъ машино-строительнаго завода и служащихъ (рудника гг. Иловайскихъ, теперь общества русско-донецкой каменноугольной промышленности близъ ст. Харцизской) увольненіе доктора А. О. Дацкова отъ занимаемой должности, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній съ г. Иловайскимъ. Какъ только разнеслась эта грустная для всѣхъ рабочихъ и служащихъ новость, такъ вечеромъ въ тотъ же день выборные отъ всѣхъ шахтъ и рабочіе завода толпой собрались у дома хозяина и просили, чтобъ ему доложили. Хозяинъ спустя немного вышелъ и спросилъ, что нужно. Тутъ выступило нѣсколько человѣкъ, объяснили цѣль прихода и стали просить, чтобы доктора оставили на заводѣ. Начались перечисленія всего добра и всего хорошаго, что сдѣлалъ имъ докторъ. Но на всѣ ихъ просьбы и перечисленія хозяинъ коротко отвѣчалъ: «Не могу, не хочу, не могу!»...—и только. Ему очень резонно сказалъ одинъ изъ рабочихъ: «Еслибы вы разсчитывали кого-нибудь изъ завѣдывающихъ или управляющаго шахтами, или кого-нибудь изъ служащихъ завода и шахтъ, мы не пришли бы васъ просить, хотя бы онъ

и былъ для насъ очень хорошимъ человѣкомъ; можетъ быть, того требуетъ польза дѣла, но такъ какъ докторъ, кромѣ нашей пользы, никакого отношенія къ каменноугольному дѣлу не имѣетъ, то мы имѣемъ право просить васъ о его оставленіи на мѣстѣ, потому что доктору мы довѣряемъ и онъ намъ дѣлаетъ много добра».—«Я,—отвѣчалъ г. Иловайскій,—найду вамъ другого, лучшаго доктора!» Всѣ, какъ въ одинъ голосъ, закричали: «Лучшаго намъ не надо, лучшаго не найти! Если вамъ кажется, что онъ много получаетъ или доктору кажется малымъ его жалованье, то мы согласны платить ему отъ себя, лишь бы онъ остался!» Переговоры длились еще долго, но г. Иловайскій ни на что не соглашался, и докторъ былъ замѣщенъ другимъ. «Вы спросите,—продолжаетъ авторъ письма,—чѣмъ же заслужилъ къ себѣ такую любовь докторъ Дацковъ. А тѣмъ, что рабочіе въ немъ увидали человѣка, безкорыстно желающаго имъ добра и въ полномъ смыслѣ благодѣтеля. Помимо побочныхъ добрыхъ дѣлъ, какъ-то: устройства народныхъ чтеній, которыя всегда привлекали столько слушателей изъ рабочихъ и шахтарей, что кажется «негдѣ было упасть яблоку» (а чтенія въ такихъ проклятыхъ мѣстностяхъ, какъ шахты, гдѣ одно есть развлеченіе — водка, являлись истиннымъ благодѣяніемъ, и это сознавалось всѣми), докторъ всегда заботился объ устройствѣ болѣе сносныхъ жилищъ для шахтарей и чистотѣ ихъ, а главное—онъ никогда не дѣлалъ различія между больными, будь онъ хоть служащій, хоть шахтарь и шелъ по первому приглашенію будь хоть ночь, хоть за полночь. Онъ заботился объ улучшеніи больницы и добился-таки, что при немъ нашей больницѣ могла бы позавидовать любая губернская. Пища, одежда и чистота въ больницѣ при докторѣ Дацковѣ были примѣрныя. Много бы можно было сказать о Дацковѣ и о той пользѣ, которую онъ принесъ. Довольно будетъ, если я скажу, что въ продолженіе всей холерной эпидеміи у насъ при 5,000 населеніи и при такихъ благопріятныхъ для нея условіяхъ, какъ условія на шахтѣ, умерло всего только 3 человѣка и то только вслѣдствіе своей неосторожности, потому что ходили въ сосѣднія деревни и села, гдѣ тогда сильно свирѣпствовала холера, особенно въ Мокѣевкѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ завода, гдѣ каждый день умирало отъ 5—15 человѣкъ. Шахтари отлично сознавали, что холера насъ миновала только благодаря усиліямъ доктора, который въ то время не имѣлъ положительно минуты отдыха и самъ просилъ, чтобы при малѣйшихъ признакахъ ему давали знать. Въ этихъ мѣстахъ, какъ въ Юзовѣ или Саратовѣ, были холерные безпорядки, а у насъ, напротивъ, порядокъ былъ рѣдкій и всякій сознательно и довѣрчиво обращался къ врачу»... Письмо свое авторъ заключаетъ слѣдующими словами: «Я не знаю, гдѣ теперь докторъ, но я очень былъ бы вамъ благодаренъ, еслибы мнѣ пришлось сказать ему этимъ письмомъ черезъ васъ: «благодарю!»

Какъ работа культурныхъ людей въ глуши, по селамъ и деревнямъ представляетъ явленіе совсѣмъ новое, совершенно незнакомое дореформенной Россіи, точно также совсѣмъ новое явленіе представляетъ сочувствіе

и даже содѣйствіе народа работѣ культурныхъ людей, дѣлающія работу послѣднихъ болѣе и болѣе производительной. Фактовъ подобнаго рода сообщалось нами уже не мало. Весьма интереснымъ по этому предмету является слѣдующее надавнее сообщеніе о существующей при станціи Екатеринославъ безплатной школѣ, устроенной желѣзнодорожными служащими и содержимой преимущественно на собственныя средства. Всѣ служащіе въ мастерскихъ (слесаря, столяры, рабочіе, машинисты, кочегары, смазчики и т. п.) заключили между собою уговоръ ежемѣсячно вносить всѣмъ, имѣющимъ и не имѣющимъ дѣтей безразлично, на содержаніе школы $^1/_2$% своего жалованья съ тѣмъ, чтобы обученіе въ ней было безплатное и обставлено было возможно лучше. Взносы эти для каждаго не велики: напримѣръ, получающій 20 р. въ мѣсяцъ долженъ вносить 10 к., сумму совершенно не обременительную для него. Въ результатѣ удалось не только покрыть расходы, но даже отложить въ запасный капиталъ до 10,000 р. Рабочіе, давая свои $^1/_2$% взносы, желали, чтобы школа была поставлена хорошо, и, какъ видно изъ отчета, желаніе ихъ исполнилось. Преподавателямъ въ этой низшей школѣ (съ программой двухклассныхъ сельскихъ училищъ) платится такое жалованье, какого нигдѣ въ подобныхъ школахъ не получаютъ. Напримѣръ, три преподавателя получаютъ 900, 820 и 800 руб. въ годъ, законоучитель—600 руб., преподавательницы—620, 600 и 500 руб., при готовой квартирѣ. Очевидно, что при такомъ жалованьи и при такомъ обиліи преподавателей (всѣхъ ихъ 7, не считая законоучителя) и сравнительно небольшомъ числѣ учащихся на каждаго изъ нихъ (въ 5 классѣ, напримѣръ, 20 и ни въ одномъ нѣтъ болѣе 40 учениковъ на одного преподавателя) обученіе въ школѣ идетъ очень хорошо. При школѣ имѣется хорошая библіотека и въ достаточномъ числѣ учебники и учебныя пособія. Ученики получаютъ въ училищѣ горячій завтракъ.

Не прерываются также крупныя пожертвованія на устройство школъ. За послѣднее время огласились четыре такихъ пожервованія. Нижегородскій купецъ М. А. Дегтяревъ подарилъ крестьянамъ деревни Брюховой, Балахнинскаго уѣзда, 700 десятинъ пахатной земли и приступилъ къ постройкѣ каменнаго зданія для школы, въ которой будутъ обучаться дѣти крестьянъ этой деревни. Кромѣ того, г. Дегтяревъ намѣревается приступить къ постройкѣ каменной церкви и богадѣльни для бѣднѣйшихъ жителей всей волости. На школу, церковь и богадѣльню г. Дегтяревымъ ассигнуется 500,000 рублей, на проценты съ которыхъ будутъ существовать всѣ эти учрежденія. Въ Тамбовѣ скончался мѣстный купецъ А. И. Толмачовъ, которому въ Аткарскомъ уѣздѣ, въ 15 верстахъ отъ с. Баланды, принадлежало около 8,100 десятинъ, купленныхъ у графини Шуваловой. Изъ нихъ, по нотаріальному завѣщанію, онъ назначилъ 2,300 десятинъ на устройство на этой землѣ женскаго монастыря и 1,000 десядинъ — на устройство и содержаніе въ с. Баландѣ богадѣльни и ремесленной школы, по распоряженію мѣстнаго (аткарскаго) земства, въ собственность котораго завѣщанная земля поступаетъ. За исключеніемъ 3,600 д., завѣщанныхъ родной сестрѣ.

остальную землю (изъ 8,100 дес.) Толмачевъ завѣщалъ гор. Тамбову на устройство и содержаніе въ Тамбовѣ двухъ начальныхъ школъ, мужской и женской, и городского двухкласснаго училища съ двумя отдѣленіями, мужскимъ и женскимъ. На этотъ же предметъ онъ завѣщалъ всѣ деньги, вырученныя отъ продажи его хлѣба въ аткарскомъ и кирсановскомъ имѣніяхъ, а также отъ продажи скота, овецъ (до 3,000 головъ) и гуртовъ (до 700 головъ), а равно и всего движимаго имущества. Умершій недавно московскій гражданинъ Щаповъ отказалъ городу Москвѣ домъ съ фабричными строеніями, цѣною болѣе 300 тысячъ рублей, на устройство «какого-либо» благотворительнаго учрежденія, а въ распоряженіе министерства земледѣлія—такой же цѣнности имѣніе съ стотысячнымъ капиталомъ на устройство сельско-хозяйственной школы и школъ садоводства. Одесскій гражданинъ Де-Азартъ по духовному завѣщанію оставилъ городу Одессѣ городской домъ и болѣе двухъ тысячъ десятинъ земли на устройство и содержаніе школъ и столовыхъ для дѣтей бѣдныхъ, трудящихся людей, чтобы дать послѣднимъ возможность помѣщать дѣтей на время своихъ дневныхъ работъ.

Отмѣчается также за послѣднее время усиленіе энергіи и въ средѣ городскихъ управленій въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Москва, по числу школъ, близка уже къ введенію всеобщаго обученія. Теперь къ введенію всеобщаго обученія приступило харьковское городское самоуправленіе. Вопросъ о всеобщемъ обученіи, перейдя изъ литературы въ область практики, обсуждался горячо почти во всѣхъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ и получилъ здѣсь значительное осуществленіе. Города до сихъ поръ были внѣ этого движенія. Иной составъ городского представительства, болѣе сословный и своекорыстный характеръ гласныхъ думы, въ сравненіи съ гласными земства, отразились значительно на ходѣ дѣлъ въ нашихъ городскихъ думахъ, гдѣ просвѣщенные люди почти всюду оставались въ меньшинствѣ. Но вотъ два университетскихъ города—Москва и Харьковъ—подали другъ другу руки, и дѣло всеобщаго обученія впервые поставлено на очередь уже и представителями городского самоуправленія.

На ряду съ заботами объ увеличеніи числа школъ употребляются усилія и для улучшенія качества школы. Здѣсь на первомъ планѣ выступаютъ мѣропріятія для поднятія уровня учителей народныхъ школъ. Однимъ изъ существенныхъ къ этому средствъ является устройство учительскихъ съѣздовъ. Между тѣмъ дѣло это встрѣчаетъ не мало административныхъ затрудненій. Недавній отказъ Казанскаго учебнаго округа представить въ министерство народнаго просвѣщенія ходатайство саратовской губернской земской управы о разрѣшеніи для учителей въ текущемъ году педагогическихъ курсовъ, съ предоставленіемъ права возбудить это ходатайство въ буду щемъ году, невольно, — какъ справедливо замѣчаетъ *Саратовскій Ли стокъ*, — вызываетъ сомнѣніе въ необходимости той длинной процедур которой подвергаются у насъ ходатайства объ открытіи педагогически и иныхъ курсовъ для учителей народныхъ школъ. Правила для курс выработаны и утверждены. Для надзора за выполненіемъ этихъ прав

имѣются многочисленные и свѣдующіе органы въ лицѣ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Устроителями курсовъ являются почти исключительно земства, т.-е. общественно-административныя учрежденія съ правительственнымъ характеромъ. При подобныхъ условіяхъ едва ли является необходимость въ контролѣ центральнаго вѣдомства, весьма обременительномъ для него и нерѣдко фиктивномъ и исполненномъ волокиты. Педагогическіе курсы и съѣзды народныхъ учителей являются необходимѣйшею потребностью правильной школьной жизни, и тогда лишь будутъ приносить полную и несомнѣнную пользу, когда сдѣлаются самымъ обыденнымъ и естественнымъ явленіемъ, не требующимъ для своего осуществленія длиннаго ряда формальностей и трудно получаемаго разрѣшенія. Если же считать это послѣднее необходимымъ, то слѣдуетъ поставить его въ зависимость отъ мѣстной власти, какъ, наприм., отъ губернатора или губернскаго училищнаго совѣта. При этомъ самое разрѣшеніе должно быть обставлено точными правилами, которыя не должны вызывать никакихъ недоразумѣній между властью и общественными учрежденіями. При подобныхъ условіяхъ не можетъ быть немотивированныхъ отказовъ въ разрѣшеніи курсовъ, и учителя цѣлой губерніи не будутъ оставаться на цѣлый годъ безъ того нравственнаго и духовнаго освѣщенія, которое составляетъ потребность педагогическаго труда. Представители одного изъ самыхъ просвѣщеннѣйшихъ государствъ въ мірѣ—американцы—говорятъ: «если хотите, чтобы школа вполнѣ достигала своей цѣли, обезпечьте прежде ея учителя, устраните всѣ препятствія, тормазящія его дѣло».

У насъ учителя народныхъ школъ лишены почти всѣхъ средствъ къ самообразованію. Учительскихъ библіотекъ мало, а о самостоятельномъ пріобрѣтеніи учителемъ матеріала для чтенія и рѣчи быть не можетъ, если принять во вниманіе всю матеріальную необезпеченность, при которой они еле-еле сводятъ концы съ концами. «Какъ-то разъ заѣхалъ я къ одному знакомому мнѣ учителю Болховскаго уѣзда,—разсказываетъ въ *Орловскомъ Вѣстникѣ* одинъ изъ сельскихъ учителей;—за чаемъ мы разговорились о томъ, что̀ выгоднѣе выписывать въ нынѣшнемъ году. Я указалъ на одно недорогое изданіе (5 руб.), болѣе всего подходящее для учителя. Но жена моего коллеги, услышавъ это предположеніе, не безъ страха накинулась на мужа: Боже тебя избави и помилуй, если ты это сдѣлаешь! Дѣти чуть не безъ хлѣба сидятъ, а ты еще вонъ что затѣваешь—газету выписывать; и думать объ этомъ нечего». Бѣдный мой коллега какъ-то жалко съежился, учащенно заморгалъ и молча махнулъ рукой. Жаль стало бѣднягу, но нельзя было не согласиться и съ доводами его благовѣрной.

— Такъ у васъ совсѣмъ нечего читать?—спросилъ я.

— Совсѣмъ нечего! — сказалъ безнадежно учитель: — обращался съ просьбой въ городскую учительскую библіотеку — не дали: говорятъ, что изъ городской библіотеки разрѣшено брать книги только учителямъ городскихъ начальныхъ училищъ.

— И окрестные учителя ничего не читаютъ?

— Конечно: нечего читать и не на что самимъ выписывать книгъ и журналовъ.

Но,—спрашиваетъ авторъ замѣтки,—единичное ли явленіе Болховской уѣздъ, не дающій своимъ учителямъ хоть сколько-нибудь совершенствоваться въ своемъ спеціальномъ дѣлѣ—педагогическомъ? Подобныя явленія повсемѣстны, о чемъ можно судить по числу выписываемыхъ у насъ учителями педагогическихъ журналовъ. Извѣстный журналъ *Русскій Начальный Учитель*, одинъ изъ лучшихъ для сельскихъ учителей по своему направленію и притомъ самый дешевый изъ педагогическихъ изданій (3 р.), издается уже семнадцатый годъ, а между тѣмъ въ Орловской губерніи его выписываютъ всего 7 учителей, въ Калужской — 5; другія же изданія и сочиненія, болѣе дорогія, и вовсе недоступны черезчуръ скромному карману учителя. При такихъ условіяхъ учительскаго быта можно ли думать о какомъ-либо самообразованіи?

Среди вопросовъ, которые надлежало бы разрѣшить сообща всѣмъ русскимъ земствамъ,—читаемъ въ *Нижегородскомъ Листкѣ*,—вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи народныхъ учителей занимаетъ одно изъ серьезнѣйшихъ мѣстъ. Въ самомъ дѣлѣ, именно теперь, когда на очередь поставлено дѣло всеобщаго обученія, когда, слѣдовательно, требуется значительное увеличеніе числа народныхъ учителей, въ штатъ которыхъ необходимо привлечь новыя силы,—особенно рѣзко выдвигается вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи учителей. Всѣмъ извѣстно, какъ скудно оплачивается у насъ трудъ народнаго учителя; въ среднемъ годовое жалованье его не превосходитъ 200—250 руб., что для семейнаго человѣка составитъ приблизительно 2 р. — 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ на каждаго члена семьи. Какъ ни ограниченны чисто-матеріальныя потребности сельскаго учителя, его заработокъ настолько незначителенъ, что онъ едва-едва можетъ сводить концы съ концами. Разсчитывать на возможность удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей путемъ выписки газетъ и покупки книгъ учитель никакъ не можетъ. Воспитаніе дѣтей въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи составляетъ для него роскошь, которая достается ему лишь случайно—благодаря состоятельнымъ родственникамъ, живущимъ въ городѣ, или же земской стипендіи. Предпринятое нижегородскимъ земствомъ и обществомъ взаимнаго вспомоществованія учителей изслѣдованіе, результаты котораго, вѣроятно, будутъ опубликованы въ непродолжительномъ времени, насколько извѣстно по предварительной разработкѣ доставленныхъ свѣдѣній, вскрыло весьма печальную картину матеріальныхъ и, въ зависимости отъ нихъ, многихъ другихъ невзгодъ учительской жизни въ деревнѣ, подтвердивши массовыми данными тѣ свѣдѣнія, которыя имѣлись у всякаго интересующагося народнымъ образованіемъ въ видѣ отрывочныхъ указаній, заимствованныхъ изъ земскихъ отчетовъ и газетныхъ корреспонденцій. Быть можетъ, изслѣдованіе это подвинетъ впередъ давно уже возбужденный вопросъ о лучшемъ вознагражденіи учительскаго труда не только въ Ниже-

городской губерніи, но и повсюду въ Россіи, такъ какъ условія, въ которыя поставлены учащіе въ народныхъ школахъ, почти повсемѣстно одинаково плохи. Дѣло улучшенія матеріальнаго положенія народныхъ учителей распадается на двѣ части: съ одной стороны, надо повысить вознагражденіе за учительскій трудъ, съ другой—надо обезпечить учителей въ ихъ старости. Увеличеніе размѣра учительскаго жалованья въ каждой данной мѣстности зависитъ отъ состоянія земскихъ финансовъ, которое во многихъ случаяхъ не позволяетъ увеличивать бюджетъ по народному образованію. Во всякомъ случаѣ, если не говорить о необходимости государственнаго вспомоществованія на содержаніе начальныхъ школъ, то вопросъ объ увеличеніи учительскаго жалованья будетъ составлять только мѣстное дѣло и будетъ разрѣшаться въ зависимости отъ мѣстныхъ только условій. Другое дѣло—обезпеченіе старости учителей, т.-е. вопросъ пенсіонный или эмеритальный. Онъ можетъ быть разрѣшенъ сообща всѣми земствами. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуютъ пенсіи для учителей, пенсіи эти совершенно ничтожны, а вычеты въ пенсіонный капиталъ весьма значительны. Общая пенсіонная касса для земскихъ народныхъ учителей сильно устранила бы эти недостатки отдѣльныхъ губернскихъ кассъ. Есть много основаній думать, что земства въ недалекомъ будущемъ возбудятъ этотъ насущный вопросъ и дадутъ ему желательное разрѣшеніе.

Важный починъ сдѣланъ петербургскимъ губернскимъ земствомъ. Земство это возбудило ходатайство о созывѣ съѣзда представителей земствъ и администраціи тѣхъ губерній, которыя расположены по каналамъ, для разсмотрѣнія вопроса о наилучшей организаціи медицинской помощи и санитарнаго надзора по каналамъ, такъ какъ послѣдніе, благодаря скученности и дурнымъ условіямъ жизни пришлаго рабочаго люда, оказываютъ значительное вліяніе на развитіе эпидемій въ сосѣднихъ уѣздахъ. Условія, въ которыхъ живутъ рабочіе по каналамъ, въ гигіеническомъ отношеніи крайне неудовлетворительны. *Новое Время*, пользуясь отчетомъ санитарнаго врача Новоладожскаго уѣзда по Колчановскому медицинскому участку, расположенному частью по р. Сяси и частью по ея притокамъ, описываетъ условія жизни работающихъ по распиловкѣ, нагрузкѣ и сплаву дровъ. Въ эту мѣстность раннею весною стекается до 5 тыс. человѣкъ, среди которыхъ не мало женщинъ и дѣтей. Для помѣщенія ихъ лѣсопромышленниками устроены по берегамъ кой-гдѣ бараки, но число ихъ недостаточно и притомъ большинство изъ нихъ неудобны, холодны и вообще мало подходятъ подъ типъ жилыхъ помѣщеній, гдѣ могли бы обогрѣться и высушить платье люди, по-долгу находящіеся во время работы въ водѣ. Но и въ этихъ баракахъ находятъ пріютъ далеко не всѣ. Многіе изъ рабочихъ все лѣто проводятъ подъ открытымъ небомъ, ночуя между дровами и подвергаясь всѣмъ вреднымъ атмосфернымъ вліяніямъ. Другое неблагопріятное условіе, оказывающее вліяніе на здоровье рабочихъ,—неудовлетворительное питаніе. Громадное большинство рабочихъ все лѣто находится на сво·

емъ довольствіи и живетъ впроголодь, питаясь чѣмъ попало и какъ попало. При этомъ рабочіе пьютъ загрязненную воду изъ р. Сяси, въ которой, по анализу, содержаніе органическихъ веществъ далеко превышаетъ норму, принятую гигіенистами для питьевой воды. Плохое питаніе ослабляетъ организмъ и, въ связи съ употребленіемъ сырой воды, способствуетъ развитію желудочно-кишечныхъ заболѣваній. Послѣдняя холерная эпидемія въ Новоладожскомъ уѣздѣ, нашла благопріятную почву для своего развитія главнымъ образомъ среди рабочихъ по р. Сяси, вслѣдствіе указанныхъ дурныхъ гигіеническихъ условій, ихъ жизненной обстановки и питанія. Затраты уѣздныхъ земствъ на медицинскую часть въ Шлиссельбургскомъ и Новоладожскомъ уѣздахъ превышаютъ одну пятую часть всего годового бюджета; кромѣ того, на этотъ же предметъ ассигнуетъ довольно значительныя суммы и губернское земство. Въ Новоладожскій уѣздъ, на средства губернскаго земства, почти ежегодно командируется временный медицинскій персоналъ для борьбы съ тифомъ. Объ интенсивности этой эпидеміи можно судить хотя бы по тому, что въ 1895 г. въ уѣздѣ заразились сыпнымъ тифомъ три врача, студентъ-медикъ, десять фельдшеровъ и восемь сестеръ милосердія.

Наше новѣйшее фабричное законодательство много уже сдѣлало для защиты рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Жизнь взываетъ къ тому, чтобы законодательство это было распространено и на другія отрасли промышленности, въ которыхъ заняты большія массы рабочихъ. Посмотримъ ли мы на положеніе рабочихъ въ сельско-хозяйственныхъ экономіяхъ, на рыбныхъ промыслахъ, въ соляной промышленности, въ каменноугольныхъ шахтахъ, на рудникахъ, на постройкѣ желѣзныхъ дорогъ,—всюду мы весьма часто натыкаемся на чрезвычайно дурныя гигіеническія условія и на беззаконіе хозяевъ. Государству надо сдѣлать здѣсь то же самое, что оно сдѣлало уже для рабочихъ фабрикъ и заводовъ. Казалось бы, что злоупотребленія по отношенію къ рабочимъ, строющимъ желѣзную дорогу, всего менѣе могли бы имѣть мѣсто, такъ какъ работы здѣсь совершаются на глазахъ желѣзнодорожнаго начальства, обязаннаго имѣть контроль надъ ходомъ работъ. Между тѣмъ отовсюду, гдѣ только строятся у насъ желѣзныя дороги, получаются сообщенія о возмутительныхъ беззаконіяхъ подрядчиковъ. Сколько уже разъ приходилось намъ указывать на подобныя сообщенія! Очевидно, что подрядчики въ своихъ дѣйствіяхъ мало стѣсняются тѣми договорами, которые устанавливаются между ними и желѣзнодорожными правленіями. Кавказская газета, *Новое Обозрѣніе*, сопоставляетъ дѣйствительность, т.-е. различныя безобразія, творящіяся на постройкѣ Карсской жел. дороги, съ ст. 38, 39 и 40 договора подрядчиковъ съ управленіемъ работъ. Вотъ содержаніе этихъ статей: «Удовлетвореніе рабочихъ и другихъ служащихъ условленнымъ жалованьемъ или задѣльною платой, *устройство для нихъ здоровыхъ и удобныхъ помѣщеній и бань* наблюденіе за исправностью паспортовъ рабочихъ и т. п. лежитъ на моей обязанности, причемъ за неисполненіе этого отвѣтствую передъ закономъ

лично я (подрядчикъ такой-то). Но въ случаѣ жалобъ рабочихъ на не удовлетвореніе ихъ заработанными деньгами, причитающимися имъ какъ непосредственно отъ меня (такого-то), такъ и отъ моихъ рядчиковъ, изъ слѣдующихъ мнѣ платежей могутъ быть начальникомъ работъ задержаны соотвѣтствующія суммы, впредь до разбора претензій подлежащими властями (§ 38). Начальникъ работъ сохраняетъ за собою право слѣдить черезъ подвѣдомственныхъ ему лицъ *за соблюденіемъ гигіеническихъ и санитарныхъ условій относительно помѣщеній рабочихъ, ихъ пищи* и т. п. и при неудовлетворительности этихъ условій и неулучшеніи ихъ мною и т. д. (§ 39). Мнѣ (такому-то) предоставляется право отправлять своими средствами и за свой счетъ заболѣвающихъ рабочихъ и служащихъ въ лазареты управленія работъ... но на моей обязанности остается подача первой медицинской помощи заболѣвающимъ или пострадавшимъ, а также погребеніе умершихъ, каждаго по обряду его религіи» (§ 40). Ни одинъ изъ этихъ параграфовъ не исполняется на Карсской желѣзной дорогѣ. Надо думать, говоритъ газета, что имѣются между служащими въ управленіи работъ люди съ «благими порывами», да по какимъ-то причинамъ имъ «свершить ничего не дано».

Газета *Владивостокъ*, издающаяся на дальней сибирской окраинѣ, говоритъ о ненормальныхъ отношеніяхъ между желѣзнодорожными подрядчиками и инородцами, работающими по постройкѣ рельсоваго пути въ Уссурійскомъ краѣ. «Пріѣзжіе съ Уссури передаютъ факты, рисующіе въ очень темныхъ краскахъ отношеніе подрядчиковъ къ своимъ рабочимъ, въ особенности къ инородцамъ: китайцамъ и корейцамъ. Нѣкоторые подрядчики всѣ свои разсчеты исключительно возлагаютъ на недобросовѣстную расплату со своими рабочими. Русскихъ рабочихъ подрядчики еще нѣсколько побаиваются, съ инородцами же каждый наниматель считаетъ возможнымъ поступать по своему «разумѣнію». Газета напоминаетъ, что эти «разумѣнія» уже не разъ вызывали даже въ забитыхъ манзахъ попытки къ кровавому протесту. Всѣмъ памятенъ случай убійства подрядчика Попова его рабочими манзами, съ которыми онъ поступалъ безчеловѣчно. Съ открытіемъ навигаціи на восточную окраину доставлено 12 тыс. инородцевъ, большинство которыхъ пристроится къ желѣзнодорожнымъ работамъ, и гдѣ гарантія,—спрашиваетъ мѣстная газета,—что произволъ и эксплоатація подрядчиковъ не создастъ намъ новыхъ эпопей пресловутой хунхузіады Въ интересахъ этихъ несчастныхъ тысячъ беззащитныхъ, отдающихъ свой тяжкій трудъ на постройку нашей дороги, равно какъ въ интересахъ справедливости и общественной безопасности слѣдовало бы принять какія-нибудь мѣры. Съ своей стороны газета рекомендуетъ установленіе контроля, хотя бы при посредствѣ чиновниковъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. Эти чиновники, по предложенію *Владивостока*, могли бы совершать постоянные объѣзды по линіи, опрашивать претензіи, нѣкоторыя недоразумѣнія рѣшать на мѣстѣ въ мировомъ порядкѣ, другія, болѣе серьезныя, передавать въ распоряженіе суда. Одного постояннаго человѣка,

дѣйствующаго отъ имени начальника края было бы достаточно, чтобы уничтожить, по крайней мѣрѣ, наиболѣе грубыя проявленія эксплоатаціи на сѣверномъ участкѣ Уссурійской желѣзной дороги. Та же мѣра могла бы успѣшно быть введена и по всей линіи Сибирской жел. дороги.

Въ заключеніе нашего очерка мы отдадимъ на судъ общества дѣйствія коротоякскаго училищнаго совѣта, сообщенныя намъ изъ достовѣрнаго источника.

Учитель земской народной школы въ с. Олень-Колодезь, Коротоякскаго уѣзда, Воронежской губ., Павелъ Петрищевъ, считался образцовымъ учителемъ и по образу мыслей никогда не возбуждалъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Такъ на него смотрѣлъ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ, такъ его понималъ и коротоякскій училищный совѣтъ, выражавшій свое уваженіе къ учителю въ неоднократномъ ассигнованіи ему наградъ изъ земскихъ и казенныхъ суммъ. Но вотъ въ февралѣ текущаго года упомянутымъ училищнымъ совѣтомъ была получена отъ исправника оффиціальная бумага, въ которой говорилось, что учитель олень-колодезскаго народнаго училища, Павелъ Петрищевъ, друженъ съ крестьяниномъ того же села, Даніиломъ Мироненко, человѣкомъ неблагонадежнымъ въ нравственномъ, политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ. Выслушавъ эту бумагу, совѣтъ постановилъ: Въ виду того, что подобное обвиненіе было и на учителя Петрищева, что доказываетъ съ давнихъ поръ вліяніе крестьянина Мироненко на учащихъ мѣстнаго народнаго училища, по окончаніи настоящаго 1895—96 учебнаго года олень-колодезское народное училище закрыть, о чемъ доложить коротоякскому уѣздному земскому собранію сессіи 1896 года и довести до свѣдѣнія гг. попечителя харьковскаго учебнаго округа и воронежскаго губернатора, а учителя Петрищева и помощницу Павлову перевести на таковыя же мѣста въ другія училища.

Въ засѣданіи училищнаго совѣта, на которомъ было принято означенное рѣшеніе, инспекторъ народныхъ училищъ не присутствовалъ. Узнавъ о постановленіи совѣта, онъ подалъ жалобу въ губернскій училищный совѣтъ. Въ этой жалобѣ инспекторъ народныхъ училищъ прежде всего указалъ на прямое, очевидное нарушеніе закона со стороны коротоякскаго училищнаго совѣта. По § 11 Положенія объ училищахъ, училища, проявившія вредное направленіе, закрываются не иначе, какъ по предварительному разслѣдованію на мѣстѣ предсѣдателемъ совѣта и инспекторомъ народныхъ училищъ и удостовѣренію въ происшедшемъ безпорядкѣ или во вредномъ направленіи. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ никакого такого разслѣдованія не было ни со стороны предсѣдателя совѣта, ни со стороны инспектора, такъ какъ совѣтъ не сообщилъ даже инспектору о возникшемъ обвиненіи, и тѣмъ лишилъ его возможности сдѣлать предварительное разслѣдованіе, которое инспекторъ произвелъ только послѣ принятаго уже совѣтомъ постановленія.

Изъ произведеннаго же инспекторомъ разслѣдованія оказалось, что никакой дружбы между крестьяниномъ Мироненко и учителемъ Петрищевымъ

нѣтъ и никогда не было. Въ теченіе трехлѣтней жизни въ селѣ Олень-Колодезь учитель Петрищевъ только 4 раза былъ у крестьянина Мироненко въ домѣ, а этотъ послѣдній заходилъ въ домъ учителя не болѣе двухъ разъ. Словомъ, было вполнѣ выяснено, что Петрищевъ никогда не былъ въ домѣ Мироненко «своимъ человѣкомъ». При этомъ инспекторъ народныхъ училищъ счелъ своимъ долгомъ замѣтить, что еслибъ учитель Петрищевъ и дѣйствительно находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ крестьяниномъ Мироненко, то можетъ ли это засчитаться ему въ вину? Вѣдь, крестьянинъ Мироненко не находится въ нелегальномъ положеніи и, слѣдовательно, учитель не можетъ быть лишенъ права имѣть знакомство съ нимъ. Съ другой стороны, еслибъ крестьянинъ Мироненко и дѣйствительно былъ такимъ неблагонадежнымъ человѣкомъ, какимъ представляетъ его себѣ исправникъ, то достаточно ли присутствія такого человѣка въ селѣ для закрытія училища?

Но разслѣдованіе показало еще болѣе: оно показало, что вреднаго вліянія на училище со стороны крестьянина Мироненко нѣтъ и не могло быть, такъ какъ училищемъ онъ мало интересуется и не имѣетъ къ нему никакого отношенія.

Получивъ протестъ инспектора народныхъ училищъ, губернскій училищный совѣтъ отправилъ его въ коротоякскій совѣтъ для полученія объясненій. Но прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, а никакого отвѣта еще не послѣдовало. Въ то же время коротоякскій совѣтъ не постѣснился еще въ первой половинѣ мая, немедленно по окончаніи экзаменовъ, произвести разгромъ олень-колодезскаго училища, приказавъ волостному правленію увезти оттуда всѣ учебныя пособія и взять подъ сохраненіе классную мебель.

Ждемъ съ живымъ интересомъ окончанія этой прискорбной исторіи, полной беззаконій и нелѣпостей, гдѣ школа, учитель и учительница были беззастѣнчиво принесены въ жертву разнымъ постороннимъ соображеніямъ, возникшимъ изъ мелочныхъ дрязгъ захолустной жизни.

И. Иванюковъ.

Огюстъ Контъ *).

Контъ,—говоритъ Джонъ Морлей,—занимаетъ теперь одно изъ первыхъ, одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ той интересной группѣ мыслителей, которыхъ пошатнувшіеся устои Франціи толкнули къ изученію соціальныхъ теорій. По своимъ умственнымъ дарованіямъ и научнымъ познаніямъ, Контъ значительно превосходилъ такихъ людей, какъ Мэстръ съ одной стороны и Сенъ-Симонъ и Фурье съ другой. Его соединяла съ ними только общность цѣли, къ которой они стремились, т.-е. обновленіе условій общественной жизни, причемъ его методъ не имѣлъ ничего общаго съ ихъ методомъ. Въ этомъ отношеніи Контъ ближе подходилъ къ соціальнымъ теоретикамъ XVIII столѣтія, въ нѣкоторомъ отношеніи къ Монтескьё, въ значительной степени къ Тюрго и очень тѣсно къ Кондорсе, котораго онъ называлъ своимъ философскимъ отцомъ.

Исидоръ-Огюстъ-Мари-Франсискъ-Ксавье Контъ родился въ январѣ 1798 года въ Монпеллье, гдѣ его отецъ былъ сборщикомъ податей. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ мѣстномъ коллежѣ, а въ 1814 году былъ принятъ въ Политехническую школу. Въ молодости Огюстъ Контъ отличался постояннымъ протестомъ противъ авторитета, опиравшагося единственно на занимаемое даннымъ лицомъ мѣсто, но передъ истиннымъ превосходствомъ, нравственнымъ или умственнымъ, онъ преклонялся первымъ. Черезъ два года послѣ его поступленія въ школу, онъ принялъ участіе въ манифестаціи противъ одного изъ профессоровъ. Школа была закрыта, и Контъ долженъ былъ вернуться домой.

Черезъ нѣсколько времени, къ большому неудовольствію своихъ родителей, онъ рѣшилъ опять поѣхать въ Парижъ и попытаться заработывать тамъ хлѣбъ уроками математики. Веньяминъ Франклинъ былъ въ то время его идоломъ. Огюстъ Контъ писалъ одному изъ своихъ школьныхъ това

*) Въ послѣднее время въ нашей печати не разъ провозглашался *„конецъ позитивизму“*. Для правильнаго отношенія къ этому философскому направленію сдѣлано очень немного, и поэтому для читателя полезно будетъ познакомиться съ статье объ основателѣ положительной философіи знаменитаго англійскаго мыслителя, Д-на Морлея.

рищей: «Я стараюсь подражать не талантамъ, но образу жизни современнаго Сократа. Вы знаете, что въ двадцать пять лѣтъ онъ составилъ планъ сдѣлаться вполнѣ мудрымъ и привелъ въ исполненіе свое намѣреніе. Я дерзнулъ сдѣлать подобную же попытку, несмотря на то, что мнѣ нѣтъ и двадцати лѣтъ». Никто менѣе Конта не походилъ на Франклина по типу, но ни Франклинъ, ни кто другой не превзошелъ Конта героическою настойчивостью, съ которой онъ, несмотря на тысячи препятствій, слѣдовалъ своему идеальному призванію.

Одно время Огюстъ Контъ подумывалъ попытать счастье въ Америкѣ, но одинъ изъ его друзей, поѣхавшій туда раньше, предупредилъ его о чисто-практическомъ духѣ, господствовавшемъ у этого новаго народа: «Если-бы Лагранжъ пріѣхалъ въ Соединенные Штаты, то, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ, онъ не могъ бы быть ничѣмъ инымъ, какъ землемѣромъ». Контъ остался въ Парижѣ и жилъ на средства, не превышавшія 2,000 франковъ въ годъ. Честолюбіе его не шло дальше каѳедры математики въ какомъ-нибудь коллежѣ. Одинъ изъ его друзей доставилъ ему мѣсто наставника дѣтей Казиміра Перье. Вознагражденіе было хорошее, но и обязанности были велики, къ тому же приходилось распроститься съ восхитительной свободой чердака. Послѣ трехнедѣльнаго опыта Огюстъ Контъ не выдержалъ и вернулся къ своимъ занятіямъ и къ своей скромной обстановкѣ.

Въ 1818 году Контъ завязалъ отношенія, какъ другъ и ученикъ, съ человѣкомъ, которому было суждено имѣть рѣшающее вліяніе на направленіе его идей. Это былъ графъ Генрихъ Сенъ-Симонъ, родственникъ герцога Сенъ-Симона, друга регента и автора знаменитыхъ мемуаровъ. Генриху Сенъ-Симону было въ то время около 60 лѣтъ. Если онъ не пользовался серьезной популярностью, то, по крайней мѣрѣ, возбуждалъ любопытство своихъ современниковъ эксцентричностью своей общественной жизни, своими безконечными проектами и оригинальными политическими идеями. Отличительной чертой Сенъ-Симона было непомѣрное воображеніе. Научная дисциплина была ничто въ его глазахъ, онъ ей никогда не подчинялся и не придавалъ никакого значенія. Это былъ художникъ въ соціальной архитектурѣ. Если вѣрныя идеи или зародыши такихъ идей относительно исторіи, относительно человѣческаго прогресса и программы здравой политики нерѣдко появлялись въ его мозгу, то они не были логическимъ результатомъ дедукцій, а неожиданнымъ озареніемъ поэта и сплошь и рядомъ сопровождались ложными выводами.

Огюстъ Контъ, которому тогда было двадцать лѣтъ, проникся поклоненіемъ къ старому философу. Впослѣдствіи онъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ въ этомъ отношеніи, называлъ Сенъ-Симона шарлатаномъ и очень жалѣлъ о бывшей съ нимъ близости, но въ то время Сенъ-Симонъ былъ въ его глазахъ человѣкомъ, наиболѣе достойнымъ уваженія и дружбы, очень пріятнымъ въ ежедневныхъ отношеніяхъ и почтеннѣйшимъ изъ философовъ. Однако Контъ откровенно признавалъ благотворное вліяніе Сенъ-

Симона на его философское образованіе. «Къ тому же,—писалъ онъ ближайшему своему другу,—я лично многимъ обязанъ Сенъ-Симону; я хочу сказать, что онъ въ сильной степени способствовалъ направленію моей философіи и тому, что я теперь окончательно опредѣлился и буду идти впередъ, не оглядываясь назадъ». Еслибъ у насъ даже и не было такого ясно формулированнаго признанія, достаточно быстраго взгляда на произведенія Огюста Конта, чтобы признать нѣкоторую родственную связь между систематическимъ мыслителемъ и пылкимъ мечтателемъ, что̀, конечно, не отнимаетъ оригинальности творчества у Конта и не лишаетъ его огромнаго умственнаго превосходства надъ Сенъ-Симономъ.

Слава Огюста Конта не умаляется отъ того, что нѣкоторыя изъ его идей возникли изъ мыслей, родившихся почти случайно въ вѣчно бродящемъ мозгу Сенъ-Симона. Конта нельзя назвать послѣдователемъ Сенъ-Симона, но безспорно, что Сенъ-Симонъ внушилъ Конту два фундаментальныхъ пункта, на которыхъ возникла контистская система. Первый пунктъ тотъ, что политическія явленія могутъ быть подчинены законамъ, такъ же какъ и другія явленія; второй, что настоящее назначеніе философіи это быть соціальной и что истиной цѣлью мыслителя должно быть преобразованіе моральной, религіозной и политической системы. Легко себѣ представить, какой толчокъ дали мыслительнымъ способностямъ Конта такія широкіе взгляды. Безъ сомнѣнія, Контъ былъ бы крупнымъ философомъ, еслибы Сенъ-Симона и совсѣмъ не существовало на свѣтѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что первый импульсъ Контъ получилъ изъ бесѣдъ съ Сенъ-Симономъ. Контъ приписывалъ Платону такъ же мало значенія, какъ и Сенъ-Симону, а Аристотеля считалъ главой истинныхъ мыслителей. Однако существенная разность взглядовъ не помѣшала Аристотелю признавать Платона своимъ учителемъ.

Черезъ шесть лѣтъ дружба Сенъ-Симона и Огюста Конта пошатнулась. Контъ сталъ возмущаться претензіей Сенъ-Симона считать себя его руководителемъ. Въ свою очередь Сенъ-Симону было непріятно несомнѣнное превосходство его ученика. Поводомъ къ разрыву (въ 1824 г.) послужила попытка Сенъ-Симона заявить печатно, что одно изъ произведеній Конта заимствовано изъ сенъ-симонскихъ плановъ соціальнаго преобразованія. Контъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые сердятся на половину. Не только произошелъ рѣшительный разрывъ, но много лѣтъ послѣ того Контъ не переставалъ отзываться въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ о человѣкѣ, оказавшемъ ему поддержку въ его юности.

Въ 1825 году Огюстъ Контъ женился. Этотъ бракъ не былъ счастливъ. Родители Конта были строгими католиками и имъ былъ крайне непріятенъ отказъ ихъ сына вѣнчаться кромѣ меріи и въ церкви; тѣмъ не менѣе они согласились принять молодыхъ, и Контъ повезъ свою жену въ Монпеллье. Общество, которое тамъ встрѣтила m-me Контъ, пришлось ей очень не по душѣ, и это было первою причиной ссоръ, не прекращавшихся все время ихъ совмѣстной жизни. Въ первый же годъ свадьбы Контъ писалъ одном

изъ своихъ друзей: «Мнѣ ничего теперь другого не остается, какъ свести мое моральное существованіе только на интеллектуальный трудъ. Это драгоцѣнное, но недостаточное воздаяніе. Мнѣ приходится отказаться если не отъ самой блестящей, то, во всякомъ случаѣ, отъ самой пріятной доли счастья». Недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ еще болѣе увеличивалъ семейныя непріятности. Отъ времени до времени Контъ помѣщалъ свои статьи въ «Producteur» и зарабатывалъ такимъ образомъ небольшія деньги. Въ 1826 году онъ задумалъ рядъ лекцій, которыя, какъ онъ надѣялся, должны были принести ему славу и деньги. Одинъ изъ друзей сказалъ Конту: «Вы слишкомъ много разговариваете, ваши идеи распространяются, другіе пользуются ими, не отдавая вамъ должнаго. Установите ваше право собственности». Этотъ совѣтъ былъ одной изъ причинъ, побудившихъ Конта приступить къ лекціямъ, въ которыхъ онъ впервые выразилъ теоріи позитивной философіи. Въ числѣ другихъ знаменитыхъ слушателей эти лекціи привлекли Гумбольта, Пуансо и Блэнвиля.

Къ несчастью, послѣ третьей лекціи Контъ былъ пораженъ острымъ припадкомъ душевнаго разстройства. Это былъ результатъ семейныхъ непріятностей и продолжительнаго, упорнаго напряженія мысли. Больше года прошло, прежде чѣмъ къ Конту вернулось здоровье. Едва онъ поправился, какъ сознаніе совершившейся катастрофы повергло его въ такое уныніе, что съ отчаянія онъ бросился въ Сену. Къ счастью, его удалось спасти, послѣ чего разсудокъ окончательно вернулся къ нему. Интересна одна подробность этого печальнаго эпизода. Ламенэ, въ горячкѣ своей католической экзальтаціи, убѣдилъ мать Конта настоять на томъ, чтобы бракъ ея сына получилъ церковное освященіе. Такъ какъ молодая m-me Контъ не протестовала, то церемонія и произошла по всей формѣ, несмотря на то, что бѣдный Огюстъ Контъ былъ въ это время въ полномъ сумасшествіи. Вотъ до какой безсмыслицы,—прибавляетъ Джонъ Морлей,—можетъ доводить религіозный фанатизмъ даже такого хорошаго человѣка, какъ Ламенэ! Съ другой стороны, враги философскихъ доктринъ Конта не упускали случая напомнить, что глава ихъ былъ одно время сумасшедшимъ,—недостойные и дерзкіе намеки, которые нельзя оправдать, даже принимая во вниманіе непріятный характеръ Конта, часто раздражавшій его противниковъ. Ньютонъ также страдалъ припадками сумасшествія, и наше уваженіе къ *Принципамъ* отъ того нисколько не уменьшается. Временное сумасшествіе Конта также не можетъ лишить позитивную философію ея достоинствъ.

Въ 1828 году Контъ снова приступилъ къ лекціямъ, а въ 1830 году напечаталъ первый томъ *Курса позитивной философіи*. Шестой и послѣдній томъ появился въ 1842 году. Въ эти двѣнадцать лѣтъ неустаннаго труда Контъ пользовался сравнительно бо́льшимъ матеріальнымъ достаткомъ. Въ 1833 году онъ былъ назначенъ экзаменаторомъ въ нѣсколькихъ провинціальныхъ коллежахъ, въ которыхъ подготовлялись кандидаты въ Политехническую школу. Эта должность и еще два мѣста преподавателя математики приносили ему до 10,000 франковъ въ годъ. Интересенъ слѣ-

дующій отрывокъ изъ письма Огюста Конта къ его женѣ. «Я не знаю,— пишетъ онъ ей въ минуту откровенности,—могу ли я сказать даже вамъ, какое чувство удовольствія и умиленія испытываю я, когда кто-нибудь изъ моихъ учениковъ хорошо выдерживаетъ экзаменъ. Да, улыбайтесь, если хотите, но мое волненіе легко дошло бы до слезъ, еслибъ я не былъ очень на-сторожѣ». Такая трогательная симпатія къ молодымъ людямъ, съ которыми Контъ занимался,—говоритъ Морлей,—несомнѣнно доказываетъ, что подъ его внѣшнею холодностью и строгостью скрывается огонь доброй и благородной натуры. Ежегодно, начиная съ 1831 и по 1848 годъ, несмотря на то, что Контъ былъ заваленъ работой, онъ читалъ безплатныя лекціи по астрономіи. Единственнымъ развлеченіемъ, которое онъ себѣ позволялъ, было посѣщеніе оперы. Въ молодости Контъ любилъ комедію и трагедію, но позднѣе пришелъ къ заключенію, что онѣ искусственны и напыщены, и сохранилъ любовь только къ оперѣ, которую и посѣщалъ охотно, пока недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ не лишилъ его и этого удовольствія.

Одинъ изъ учениковъ Огюста Конта такъ рисуетъ намъ его личность и внѣшность. «Каждое утро, когда въ Люксембургскомъ дворцѣ било восемь часовъ и звуки ударовъ не успѣвали еще замереть, дверь моей комнаты открывалась, и ко мнѣ входилъ маленькій человѣкъ, немного толстый, совершенно лысый, свѣже-выбритый, безъ слѣда бакенбардовъ и усовъ. Онъ былъ неизмѣнно одѣтъ въ черную чистую пару, какъ будто собирался на обѣдъ; его бѣлый галстухъ, казалось, только что вышелъ изъ рукъ прачки, а шляпа блестѣла, какъ шерсть скаковой лошади. Онъ подходилъ къ креслу, приготовленному для него передъ столомъ, клалъ шляпу на уголъ слѣва, табакерку съ той же стороны около предназначенныхъ для него бумагъ; затѣмъ, обмокнувъ два раза перо въ чернильницу, онъ подносилъ его къ кончику своего носа, чтобъ убѣдиться, что на немъ достаточно чернилъ, и тогда только, наконецъ, прерывалъ молчаніе: «Мы сказали, что хорда АВ» и т. д. Въ теченіе трехъ четвертей часа онъ продолжалъ свой урокъ, не переставая въ то же время набрасывать на бумагу краткія замѣтки, которыя помогали ученику рѣшить задачу, когда онъ оставался одинъ. Затѣмъ, взявъ другую тетрадь, онъ просматривалъ содержаніе предыдущаго урока. Такъ онъ объяснялъ, поправлялъ, комментировалъ, пока не било девять часовъ. Тогда мизинцемъ правой руки онъ стряхивалъ съ своей одежды изобильный дождь табаку, пряталъ табакерку въ карманъ, бралъ свою шляпу и, въ такомъ же молчаніи, какъ и при входѣ, направлялся къ двери, которую я бѣжалъ открыть передъ нимъ».

Какъ было уже сказано, въ 1842 году появился послѣдній томъ *П… зитивной философіи*. Вмѣсто того, чтобы насладиться покоемъ пос… 12 лѣтъ неустаннаго труда, Конту пришлось пережить тысячи мелкихъ … пріятностей, которыя, не возвышая душу, ослабляютъ энергію. Во-первы… несходство характеровъ мужа и жены къ этому времени достигло таки… размѣровъ, что они должны были окончательно разойтись. Контъ вып…

чивалъ женѣ ежегодную пенсію. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ ихъ разрыва они вели дружескую переписку. Второй непріятностью, постигшей Конта, былъ процессъ, который ему пришлось вести съ своимъ издателемъ. Послѣдній позволилъ себѣ вставить въ шестой томъ возраженіе противъ замѣтки, въ которой Контъ нѣсколько рѣзко отзывался объ Араго. Авторъ *Позитивной философіи* началъ энергичную борьбу и выигралъ процессъ. Поводомъ къ третьей непріятности послужило то, что въ предисловіи къ шестому тому Контъ, отступая отъ своего сюжета, въ рѣзкихъ выраженіяхъ затронулъ людей, отъ которыхъ зависѣло его ежегодное назначеніе въ экзаменаторы въ Политехническую школу. Результатомъ этого была потеря Контомъ мѣста, а вмѣстѣ съ нимъ и половины его скромнаго дохода. Къ этому же періоду жизни Конта относится эпизодъ, не лишенный общаго интереса.

Назадолго до 1842 года Контъ вступилъ въ переписку съ Джономъ-Стюартомъ Миллемъ. Нашъ знаменитый соотечественникъ,—говоритъ Морлей,—былъ пораженъ философскими теоріями Конта и впослѣдствіи сознавался, что въ своей *Системѣ логики* нѣкоторыми идеями обязанъ автору *Позитивной философіи*. Очутившись въ нуждѣ, Контъ безъ стѣсненія объяснилъ своему англійскому другу затруднительное положеніе, въ которомъ онъ находился. Стюартъ Милль немедленно уговорилъ Грота, Моловорта и Рэкъ Курри набрать сумму въ 6,000 франковъ, которая помогла бы Конту просуществовать, пока онъ самостоятельно не поправитъ своихъ матеріальныхъ средствъ. Къ концу года (это происходило въ 1845 году) Контъ не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы быть въ состояніи обходиться безъ помощи трехъ иностранцевъ. Стюартъ Милль опять обратился къ нимъ, но, за исключеніемъ Грота, который прислалъ небольшую сумму, остальные дали понять Конту, что съ этихъ поръ онъ долженъ самъ о себѣ заботиться. Стюартъ Милль предложилъ Конту написать что - нибудь для англійскихъ журналовъ и вызвался быть его переводчикомъ. Контъ сначала ухватился за эту мысль, но Стюартъ Милль былъ крайне непріятно пораженъ, когда увидѣлъ, что Контъ смѣло приписываетъ себѣ роль «верховнаго моральнаго судьи» и обвиняетъ Molesworth и Raikes Currie, упорствовавшихъ въ своемъ отказѣ въ денежной субсидіи, въ недостаткѣ совѣсти и въ нарушеніи ихъ интеллектуальной миссіи. Эти претензіи очень расхолодили Милля, показались ему чѣмъ-то вродѣ шарлатанства и положили конецъ ихъ перепискѣ.

Съ 1845 г. по 1848 г. Контъ жилъ на свои средства, причемъ ему удавалось ежегодно высылать женѣ по 5,000 фран. Само собою разумѣется, что ему приходилось быть крайне экономнымъ. Аккуратное записываніе приходовъ и расходовъ было прекращено имъ только за нѣсколько часовъ до смерти. Въ 1848 году, безъ всякой вины со стороны Конта, заработокъ его уменьшился до 2,000 франковъ. Литтре и другіе (въ томъ числѣ и Стюартъ Милль), съ согласія Конта, организовали подписку, при помощи которой Контъ и существовалъ послѣднія девять лѣтъ своей жизни. Лит-

тре продолжалъ помогать Конту даже послѣ того, какъ послѣдній принялъ относительно него такой тонъ великаго первосвященника, что всякія отношенія между ними прекратились. Къ сожалѣнію,—говоритъ Морлей,—характеръ Огюста Конта не отличался благородствомъ. Нельзя было не удивляться его силѣ воли, его упорству, съ какимъ онъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, шелъ къ намѣченной имъ научной цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ было мало качествъ, которыя вызываютъ въ людяхъ симпатію. Какъ интеллектуальный работникъ, Контъ почти не имѣетъ себѣ равнаго. Онъ никогда не писалъ ни одной строчки, прежде чѣмъ въ его головѣ ясно и опредѣленно не слагалось цѣлое. Строго обдумавъ каждую фразу, онъ, наконецъ, брался за перо и безъ всякаго напряженія, не останавливаясь, излагалъ все, что созрѣло въ его головѣ, не обращаясь болѣе ни къ какимъ пособіямъ и замѣткамъ. Критику,—говоритъ Морлей,—трудно раздѣлять восхищеніе нѣкоторыхъ учениковъ Конта къ его слогу. Никто не требуетъ отъ Конта описаній заката солнца, звѣздъ и розъ, но даже въ самыхъ серьезныхъ и отвлеченныхъ темахъ можно не быть очень сухимъ. Философскій слогъ Конта, въ сравненіи съ слогомъ Юма, Дидро, Беркеле, тяжелъ, однообразенъ и лишенъ всякаго блеска. Желаніе выразить яснѣе свою мысль ведетъ его къ частому повторенію однихъ и тѣхъ же прилагательныхъ и нарѣчій и затрудняетъ чтеніе его произведеній, и только благодаря необыкновенной силѣ мысли и точности, съ которой онъ обрисовываетъ свой сюжетъ, Конту удается завладѣвать читателемъ.

Въ своихъ занятіяхъ Контъ слѣдовалъ режиму, который онъ называлъ мозговой гигіеной и который состоялъ въ томъ, что, собравъ достаточное количество матеріаловъ, онъ прекращалъ всякое чтеніе газетъ, журналовъ, научныхъ статей. Исключеніе составляли нѣсколько поэтовъ (въ томъ числѣ Дантъ) и «Подражаніе Христу» и только благодаря сообщеніямъ друзей, онъ зналъ, что происходило въ научномъ мірѣ. Такое отчужденіе отъ общественной жизни и литературы, конечно, помогало Конту сосредоточиться на занимавшихъ его мысляхъ, но несомнѣнно въ широкой степени способствовало развитію эгоизма и отсутствію всякаго реальнаго чувства, которыми отмѣчены послѣдніе годы его жизни.

Въ жизни Конта остается указать еще только на одинъ важный фактъ. Въ 1845 году философъ познакомился съ Клотильдой де-Во, мужъ которой былъ сосланъ на всю жизнь въ каторжныя работы. Объ ея нравственныхъ качествахъ сохранилось мало данныхъ. Извѣстно, между прочимъ, что она написала маленькую новеллу, достоинства которой Контъ такъ раздулъ, что не задумался приравнять ее къ сочиненіямъ Жоржъ-Зандъ. На самомъ же дѣлѣ это довольно блѣдное произведеніе, не лишенное двухъ, трехъ хорошихъ мыслей. Письма Клотильды де-Во говорятъ въ пользу ея здраваго смысла и благородства чувствъ. Ея связь съ Контомъ продолжалась только одинъ годъ, несмотря на то, что смерть ея, послѣдовавшая въ 1846 году, произвела на Конта удручающее впечатлѣніе. Онъ не могъ утѣшитьс въ потерѣ г-жи де-Во, такъ же какъ Д'Аламберъ въ потери m-le Л'Еспинас

Каждую среду Контъ ходилъ на ея могилу и три раза въ день, въ страстныхъ выраженіяхъ, обращался къ ея памяти. Ученики Конта убѣждены, что впослѣдствіи міръ такъ же будетъ чтить чувство ихъ учителя къ Клотильдѣ де-Во, какъ почитаетъ поклоненіе Данте къ Беатриче, и самъ Контъ первый сдѣлалъ это сравненіе.

Окончивъ *Курсъ позитивной философіи*, Контъ немедленно приступилъ къ своей *Системѣ позитивной политики*. Первый томъ былъ изданъ въ 1851 году, а четвертый и послѣдній въ 1854 г. Въ 1848 году, когда политическая атмосфера была богата событіями, Контъ основалъ общество позитивистовъ, надѣясь, что, по мѣрѣ своего развитія, оно будетъ имѣть на новую революцію такое же вліяніе, какъ клубъ якобинцевъ въ 1789 году. Эта надежда не осуществилась, но около Конта собралась группа философскихъ учениковъ, которые впослѣдствіи образовали нѣчто вродѣ церкви. Въ теченіе 1849, 1850 и 1851 годовъ Контъ прочелъ три серіи лекцій въ Palais Royal. Въ этихъ лекціяхъ, популярныхъ и безплатныхъ, онъ смѣло развивалъ свое ученіе. Третья серія заканчивалась слѣдующими многозначительными словами: «Во имя прошлаго и будущаго, слуги человѣчества, въ то же время и слуги философскіе и практическіе, выступаютъ впередъ, чтобы взять на себя, какъ должное имъ, главное управленіе этимъ міромъ. Цѣль ихъ—установить за философскою мыслью руководящую роль въ области моральной и интеллектуальной, также какъ и въ области матеріальной».

Въ 1852 году Контъ напечаталъ *Позитивный Катехизисъ*. Въ предисловіи къ этой книгѣ онъ относится одобрительно къ coup d'Etat 2 декабря.

Въ 1857 году у Конта сдѣлался ракъ, и въ томъ же году, 5 сентября, онъ мирно умеръ, не имѣя еще и 60 лѣтъ отъ роду. Его французскіе и англійскіе послѣдователи чтутъ этотъ день, устраивая торжественныя собранія, которыя они посвящаютъ воспоминаніямъ заслугъ основателя ихъ религіи.

Переходя затѣмъ къ системѣ Конта,—говоритъ Морлей,—мы сдѣлаемъ ея краткій очеркъ, причемъ будемъ разсматривать *Позитивную политику*, какъ болѣе или менѣе законное продолженіе *Позитивной философіи*, несмотря на пропасть, которая, по мнѣнію Стюарта Милля, раздѣляетъ эти два произведенія. Несомнѣнно, что они не равнаго достоинства, ихъ духъ и методъ совершенно не сходны, но во всякомъ случаѣ ихъ можно разсматривать, какъ одно цѣлое, имѣя задачей сдѣлать оцѣнку философской дѣятельности Конта. Его письма, начиная съ двадцатилѣтняго возраста, доказываютъ, что соціальная идея всегда присутствовала въ его мозгу и что онъ придавалъ бы мало значенія своимъ научнымъ трудамъ, еслибы постоянно не имѣлъ въ виду примѣненія, которое они могутъ получить для блага человѣчества. «Я чувствую,—писалъ онъ,—что научная репутація, которую я могъ бы пріобрѣсть, придала бы болѣе значенія, болѣе вѣса моей политической проповѣди».

Въ 1822 году Контъ напечаталъ *Планъ научныхъ трудовъ, необходимыхъ для преобразованія общества*. Въ этой работѣ онъ доказываетъ, что современное общество переживаетъ острый кризисъ, обусловливаемый двумя противоположными теченіями: одно теченіе разложенія, какъ слѣдствіе крушенія старыхъ учрежденій и старыхъ вѣрованій, другое теченіе— стремленіе къ опредѣленному соціальному строю, въ которомъ всѣ элементы человѣческаго счастья получатъ полное развитіе и непосредственное примѣненіе. Какъ нужно поступать въ виду этого кризиса? Что нужно дѣлать, чтобы добиться новой формы общественныхъ отношеній? Отвѣтъ на эти вопросы такой: нужно для этого выполнить двойную работу. Прежде всего—работу теоретическую, имѣющую цѣлью развитіе новаго принципа, который установитъ связь между общественными отношеніями и создастъ систему общихъ идей, предназначенныхъ для руководства обществомъ. Вторая работа носитъ характеръ практическій. Она устанавливаетъ распредѣленіе власти и указываетъ учрежденія, которыя болѣе соотвѣтствуютъ духу предварительно выработанной философской системы.

Въ 1826 году Контъ напечаталъ *Размышленія о духовной власти*. Въ этомъ произведеніи онъ настаиваетъ на необходимости установленія духовной власти, отличной и независимой отъ свѣтской, и указываетъ на поразительное, съ его точки зрѣнія, сходство роли современной духовной власти съ ролью католичества въ эпоху его главнаго могущества и независимости, т.-е., начиная съ половины XI вѣка и до конца XIII. Въ V томѣ *Позитивной философіи* онъ опять ясно говоритъ, что католицизмъ, систематично возстановленный на интеллектуальныхъ основаніяхъ, рѣшительно способствовалъ бы духовному преобразованію современнаго общества.

Очевидно, что въ мозгу Конта давнымъ-давно уже гнѣздилась идея установленія духовной власти и систематичнаго преобразованія общественныхъ условій, хотя трудно думать, что онъ предвидѣлъ тогда религіозный мистицизмъ, къ которому это приведетъ.

Позитивная философія начинается изложеніемъ закона, открытаго Контомъ, который какъ его послѣдователями, такъ и его противниками, всегда считался ключомъ къ его системѣ. Это законъ трехъ состояній. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ. Каждое изъ нашихъ основныхъ понятій, каждая вѣтвь нашихъ знаній послѣдовательно проходитъ черезъ три различныя стадіи; для человѣческаго ума существуетъ три способа объяснять явленія, три состоянія, которыя слѣдуютъ одно за другимъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Эти три состоянія слѣдующія: состояніе теологическое, метафизическое и положительное. Знаніе (также какъ и всякая вѣтвь знанія), когда оно предполагаетъ, что разсматриваемое имъ явленіе происходитъ отъ непосредственной воли предмета, или какого-нибудь сверхъестественнаго существа, находится въ состояніи теологическомъ. Въ состояніи метафизическомъ воля замѣщается отвлеченною силой, которая заключается и в самомъ предметѣ, и внѣ его. Явленія разсматриваются такъ, какъ будто они были отдѣлены отъ тѣлъ, въ которыхъ они обнаруживаются, и сво-

ствамъ каждой сущности приписывается отдѣльное существованіе отъ этой сущности. Въ состояніи позитивномъ внутренняя воля, или воля внѣшняя, внутренняя сила, или олицетворенное отвлеченіе исчезаютъ изъ человѣческаго ума; объяснить какое-нибудь явленіе значитъ связать его, путемъ послѣдовательности или аналогіи, съ другимъ явленіемъ, или установить отношеніе между даннымъ фактомъ и какимъ-нибудь другимъ, болѣе общимъ фактомъ. Въ состояніи теологическомъ и метафизическомъ человѣкъ ищетъ основной причины, или сущности; въ позитивномъ же состояніи онъ довольствуется закономъ. Вотъ примѣръ, приведенный однимъ изъ значительнѣйшихъ учениковъ Конта: «Возьмемъ явленіе сна, вызваннаго опіумомъ. Арабы приписываютъ его просто «волѣ Божьей». Мольеровскій студентъ-медикъ причину его видитъ въ снотворномъ свойствѣ опіума. Современный физіологъ знаетъ, что онъ не можетъ дать объясненія, а можетъ только наблюдать, анализировать, производить опыты надъ явленіями, которыя вызываетъ дѣйствіе опіума, и классифицировать ихъ среди другихъ факторовъ сходнаго характера».

Главная задача позитивной философіи состоитъ въ томъ, чтобы изъять общественныя явленія изъ области теологіи и метафизики и подчинить ихъ законы научному наблюденію, которому мы уже обязаны химіей, физикой и физіологіей. Соціальная физика будетъ совокупностью условій и отношеній соціальныхъ факторовъ и будетъ подраздѣляться на два отдѣла: 1-й—статика, заключающая законы порядка; 2-й—динамика, обнимающая законы прогресса. Напримѣръ, когда умъ человѣческій оставался въ состояніи теологическомъ, событія политическія объяснялись волею боговъ, и политическая власть основывалась на божественномъ правѣ. Въ метафизическомъ же состояніи ума политическая власть должна основываться на верховенствѣ народа, а соціальные факты должны противополагаться естественному состоянію. Когда позитивный методъ приложится къ соціальной наукѣ, какъ онъ уже приложенъ къ химіи и физіологіи, факты этого порядка, въ послѣднемъ анализѣ, найдутъ объясненіе въ ихъ соотношеніи. Вмѣсто того, чтобъ искать причину въ старомъ смыслѣ слова, будутъ внимательнѣе разсматривать условія соціальнаго существованія. Дойдя до этой фазы, мы увидимъ, что не только большая часть, но и всѣ наши знанія имѣютъ между собой единство и позитивный или научный характеръ, и всѣ наши понятія, во всѣхъ отрасляхъ знаній, будутъ однородны. Польза отъ этой перемѣны получится громадная. Новая философія, въ свою очередь, будетъ способствовать возрожденію всѣхъ элементовъ, которые содѣйствовали ея образованію. Человѣческій умъ будетъ расширять область знанія безъ тѣхъ толчковъ и опасныхъ противорѣчій, которые неизбѣжны при существованіи иного міровоззрѣнія. Воспитаніе будетъ преобразовано, и общество, въ свою очередь, преобразуется на единственно прочномъ основаніи, т.-е. на основаніи правильной философской мысли.

Позитивная философія, кромѣ доказательства необходимости соціальной науки, имѣетъ еще цѣлью показать, что всѣ науки суть вѣтви одного

ствола, ввести въ науку духъ цѣльности и общности, который до сихъ поръ считался принадлежностью только философіи, а философіи придать научную строгость и прочность. Главная задача Конта — это изученіе соціальной физики, науки до него не установленной. Затѣмъ онъ задается цѣлью просмотрѣть главнѣйшіе методы и истины всѣхъ уже существующихъ позитивныхъ наукъ, для того, чтобы знать, во-первыхъ, какой системы изслѣдованія должно держаться въ новой наукѣ, а во-вторыхъ, какое положеніе займетъ эта наука относительно остальныхъ наукъ.

Первый шагъ на этомъ пути—это подчинить научный методъ и положительное знаніе опредѣленному порядку, а это ведетъ насъ къ другому капитальному элементу контовской системы—къ классификаціи наукъ. Въ началѣ этой классификаціи находится важное подраздѣленіе: знаніе спекулятивное и знаніе практическое. Намъ нѣтъ нужды заниматься вторымъ. Знаніе спекулятивное или теоретическое подраздѣляется на абстрактное и конкретное. Одно занимается законами, которые управляютъ явленіями во всѣхъ случаяхъ, которые мы можемъ представить; другое изучаетъ законы въ ихъ приложеніи. Конкретная наука занимается предметами или существами, абстрактная—явленіями. Первая—частная или описательная, вторая — общая. Такимъ образомъ, физіологія — наука абстрактная, а зоологія—конкретная, химія—абстрактная, минералогія—конкретная. Положительная философія имѣетъ цѣлью реорганизацію методы и системы отвлеченныхъ наукъ въ ихъ обширномъ цѣломъ.

Принципъ, который руководитъ Контомъ въ его классификаціи, есть сцѣпленіе и порядокъ научныхъ изслѣдованій, которыя подчиняются сцѣпленію и порядку явленій. Такимъ обрязомъ эта классификація представляетъ одновременно и объективную связь явленій, и субъективную связь способовъ, которыми мы эти явленія познаемъ. Первоначально наука должна заняться наиболѣе простыми и общими свойствами предметовъ, какъ наиболѣе легкими для изученія, и постепенно переходить къ другимъ свойствамъ, болѣе сложнымъ и потому болѣе труднымъ. Каждая наука въ восходящемъ порядкѣ опирается на истины предшествовавшей науки, прибавляя къ нимъ результаты изслѣдованій въ собственной области. Послѣдовательность или іерархія наукъ, по Конту, такова: 1) математика, т.-е. ариѳметика, геометрія и механика; 2) астрономія; 3) физика; 4) химія; 5) біологія; 6) соціологія. Каждая наука, которая входитъ въ составъ іерархіи, до нѣкоторой степени спеціальнѣе той, которая стоитъ раньше ея и опирается на факты всѣхъ предшествующихъ наукъ, безъ знанія которыхъ она и не можетъ быть ясно понята. Изъ этого слѣдуетъ, что наука, помѣщающаяся на вершинѣ іерархіи и имѣющая предметомъ соціальныя явленія, дольше другихъ будетъ оставаться подъ вліяніемъ теологическихъ догматовъ и абстрактныхъ фикцій и послѣдняя достигаетъ позитивной стадіи. Невозможно открыть отношенія между фактами общественнаго порядка, если не будутъ изучены условія животной жизни; точн.

также нельзя понять условій животной жизни, если не извѣстны химическіе законы и т. д.

Эта іерархія наукъ и законъ трехъ состояній объясняютъ всю исторію мысли и человѣческаго знанія, они являются ключомъ философской системы Конта. Каждая наука приноситъ свою дань философіи, и объединеніе этихъ частичныхъ «философій» даетъ общую положительную философію. Оригинальность этой философіи заключается въ новой организаціи существующихъ элементовъ. Льюисъ признавалъ за Контомъ право на имя основателя позитивной философіи въ этомъ смыслѣ.

Мы не будемъ останавливаться на извѣстныхъ возраженіяхъ Спенсера противъ классификаціи Конта, о которыхъ говоритъ Морлей, и перейдемъ къ его изложенію соціологическихъ идей французскаго мыслителя. Здѣсь Контъ подымается на высоту Декарта или Лейбница, по мнѣнію многихъ изъ сторонниковъ положительной философіи.

Методъ Конта въ соціологіи состоитъ въ наблюденіи, опытѣ (послѣдній является на самомъ дѣлѣ наблюденіемъ ненормальныхъ состояній общества) и въ особомъ способѣ провѣрки. Мы выводимъ историческое положеніе изъ серіи его предшественниковъ, дѣлаемъ эмпирическія обобщенія, которыя потомъ связываемъ съ позитивною теоріей человѣческой природы. Соціологическое доказательство установится согласіемъ между заключеніями историческаго анализа и данными біологической теоріи.

Общество должно быть разсматриваемо какъ цѣлое, всѣ группы котораго взаимно вліяютъ другъ на друга. Политическія учрежденія и общественные нравы, личные нравы и идеи находятся въ непрерывномъ взаимодѣйствіи,—и это сложное цѣлое по своей природѣ состоитъ въ соотношеніи со всеобщимъ развитіемъ человѣчества, во всѣхъ видахъ его дѣятельности — интеллектуальной, нравственной, физической. Читатели замѣтятъ, насколько теорія Конта шире и глубже теоріи экономическаго (діалектическаго) матеріализма.

Преобладающее значеніе, роль направляющаго фактора Контъ отводитъ интеллектуальному элементу. Благодаря разуму, развитіе человѣческихъ обществъ принимаетъ все болѣе и болѣе правильный, планомѣрный характеръ. Прогрессъ именно и состоитъ въ возрастающемъ преобладаніи чисто человѣческихъ особенностей надъ элементами, общими животнымъ.

Анализъ общественной эволюціи, занимающій два послѣдніе тома *Позитивной философіи*, Морлей считаетъ образцовымъ. Несомнѣнно, что онъ требуетъ и дополненій, и исправленій; но трудъ Конта остается, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ величайшихъ усилій человѣческаго духа въ области философіи.

Въ *Позитивной политикѣ,* къ которой Морлей относится почти отрицательно, Контъ доказывалъ, что нравственное преобразованіе предшествуетъ всякому дѣйствительному прогрессу общества, что цѣль, которую надо преслѣдовать въ общественной и личной жизни, состоитъ въ возможно полной побѣдѣ соціальнаго чувства надъ себялюбіемъ, альтруизма надъ эго-

измомъ. Одинъ изъ противниковъ Конта назвалъ его *Позитивную политику* католицизмомъ безъ христіанства; въ отвѣтъ на это сторонникъ Конта заявилъ, что позитивная политика его учителя—католицизмъ плюсъ наука. Немудрено поэтому, что фантастическая амальгама встрѣтила сочувствіе у В. С. Соловьева въ его статьѣ о Контѣ въ *Энциклопедическомъ Словарѣ*. Въ своихъ авторитарныхъ утвержденіяхъ Контъ дошелъ до того, что прислалъ императору Николаю I привѣтствіе *за мудрую бдительность* (sage vigilance), съ которою тогдашняя русская цензура не пропускала къ намъ иностранныхъ книгъ. Замѣтимъ, что къ числу ихъ принадлежала и *Позитивная философія*.

Морлей говоритъ, что Контъ, оказавъ человѣческой мысли великую услугу, почти уничтожилъ свои права на признательность человѣчества своею ретроградною *Позитивною политикой*. Но съ трудомъ Конта, — такъ кончаетъ Морлей,—произойдетъ то же, что съ трудомъ Гегеля: человѣчество пренебрежетъ тѣмъ, что въ немъ ошибочнаго, и сохранитъ то, что въ немъ плодотворно. С. Л.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Путешествіе Ихъ Императорскихъ Величествъ по Западной Европѣ привѣтствуется иностранною и нашею печатью какъ знаменательное доказательство прочности мира. Въ подобномъ доказательствѣ народы особенно нуждались въ послѣднее время, когда совершались кровавыя событія въ Турціи. Смерть неожиданно унесла выдающагося государственнаго человѣка, котораго Императоръ Николай II избралъ руководителемъ международной политики Россіи. Но особенности этой политики новаго царствованія намѣчены съ достаточною опредѣленностью. Глубокій миръ и зоркая наблюдательность за осложненіями на дальнемъ Востокѣ, отзывчивость къ интересамъ народовъ, намъ родственныхъ и съ нами разъединенныхъ ихъ ошибками и недавними ошибками нашей дипломатіи,—вотъ что ярко выступало въ кратковременной, къ сожалѣнію, дѣятельности кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Это была національная политика въ смыслѣ, достойномъ великаго народа. Наиболѣе яркимъ актомъ дальновидности и справедливости покойнаго министра иностранныхъ дѣлъ было примиреніе нашего правительства съ Болгаріей и оффиціальное признаніе Фердинанда Кобургскаго княземъ болгарскимъ.

Князь Лобановъ-Ростовскій много способствовалъ тому, что между европейскими державами въ значительной мѣрѣ ослаблены взаимныя зависть и недоброжелательство. Это дало возможность добиться отъ султана серьезныхъ, повидимому, реформъ для Крита. Къ общему ужасу и отвращенію, несмотря на усилія европейской дипломатіи, улицы Константинополя обагрились кровью, нѣсколько тысячъ армянъ подверглись жестокому избіенію. Гибли старики, женщины, дѣти... Европейскій *концертъ* не сыгрался еще до такой степени, чтобы предупредить или, по крайней мѣрѣ, достойно наказать за звѣрства, въ которыхъ повинно не только фанатизированное магометанское населеніе Константинополя, но и сами турецкія власти.

Подробности этихъ избіеній извѣстны читателямъ изъ газетъ. Мы нѣсколько разъ уже указывали, что дикій произволъ и религіозная нетерпимость начинаютъ, подъ европейскимъ вліяніемъ, возбуждать протесты въ

образованной части турецкаго общества. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ, чтобы судить о размѣрахъ этого движенія. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что Блистательная Порта имъ обезпокоена и пытается дипломатическимъ путемъ помѣшать развитію пропаганды, которую ведутъ бѣжавшіе изъ отечества младо-турки. Съ необычайною готовностью откликнулось на этотъ призывъ правительство Французской республики. *Justice* сообщаетъ, что французская полиція любезно посѣтила нѣсколькихъ представителей *Молодой Турціи* и предложила имъ, въ совершенно учтивыхъ выраженіяхъ, покинуть гостепріимную почву Франціи. Въ бесѣдѣ съ извѣстнымъ Ахмедъ-Ризою достойный представитель французскаго правительства заявлялъ, по словамъ *Justice*, слѣдующее: «Мы ничего противъ васъ не имѣемъ, мы не можемъ и не хотимъ васъ изгнать, но *мы хотимъ сдѣлать удовольствіе султану*, и вы насъ очень обяжете, если согласитесь уѣхать по собственной волѣ. Въ случаѣ надобности, денежная помощь...» *).

Комментаріи излишни.

Въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* напечатано любопытное извлеченіе изъ статьи о положеніи Турціи, напечатанной въ *Frankfurter Zeitung* **): «На глазахъ у представителей великихъ державъ,—говоритъ эта газета,—и въ виду орудій ихъ военныхъ судовъ продолжается рѣзня въ Константинополѣ. Посланники протестуютъ и предостерегаютъ, но это ни къ чему не ведетъ. Турецкое населеніе вооружено и при каждомъ ничтожномъ поводѣ нападаетъ на армянъ; у кого нѣтъ ножа, чтобы колоть, тотъ до смерти бьетъ беззащитнаго дубиною. Полиція и войско—эти призванные стражи порядка и защитники жизни и собственности—остаются безучастными зрителями убійствъ или даже принимаютъ въ нихъ участіе. Такимъ образомъ раскрывается, съ одной стороны, внутреннее разложеніе Турціи, какъ государства, а съ другой—полное безсиліе европейской дипломатіи придать этому процессу разложенія характеръ, безопасный для христіанскаго населенія Турецкой имперіи».

Мы совѣтуемъ читателямъ прочесть описаніе гнусныхъ и звѣрскихъ истязаній надъ армянами, которое помѣщено въ томъ же выпускѣ *Петербургскихъ Вѣдомостей*.

Въ началѣ октября н. с. предполагается съѣздъ делегатовъ германской націоналъ - либеральной партіи. Главный органъ этой партіи, *National Zeitung*, напечаталъ по поводу предстоящаго съѣзда нѣсколько статей о современномъ либерализмѣ. Газета указываетъ на значительное усиленіе въ послѣдніе годы «консервативно-клерикальной реакціи». Правительств и не желало бы идти далѣе въ этомъ направленіи, но его увлекаютъ сс юзники, въ особенности аграріи, которые пользуются придворнымъ вліяніемъ, и партія центра, подчиняющаяся руководительству папы.

*) *Justice*, 13 août.

**) *Петербургскія Вѣдомости*, 23 августа.

Національно-либеральная партія,—продолжаетъ *National Zeitung*,—въ послѣднее десятилѣтіе все болѣе и болѣе сближалась съ консерваторами, выступая вмѣстѣ съ ними противъ болѣе прогрессивныхъ партій. Газета не хочетъ говорить о томъ, былъ ли разуменъ такой образъ дѣйствій,— она имѣетъ въ виду настоящее и будущее и находитъ, что нынѣшнія отношенія націоналъ-либераловъ къ консерваторамъ требуютъ серьезнаго обсужденія. *National Zeitung* прямо высказывается за попытку сближенія всѣхъ либеральныхъ партій въ виду опасности отъ реакціи свободѣ общественной жизни, свободѣ преподаванія и научнаго изслѣдованія.

Предложеніе *National Zeitung* обратило на себя вниманіе и либеральной, и консервативной печати. Въ первой послышались и сочувственные, и скептическіе голоса, а клерикально-реакціонныя газеты нѣсколько встревожены. Органы народной свободомыслящей партіи предлагаютъ націоналъ-либераламъ перейти въ ихъ ряды, а правовѣрныя націоналъ-либеральныя газеты видятъ въ предложеніи *National Zeitung* опасность для существованія партіи. *Ганноверскій Курьеръ* признаетъ, что на эту среднюю партію всегда будутъ нападать и справа, и слѣва, но это не смущаетъ газету. По ея мнѣнію, націоналъ-либеральная партія должна играть посредническую роль, отнюдь не смѣшивая политическаго либерализма съ манчестерствомъ и не выступая ни за крупное землевладѣніе, ни за крупную промышленность.

Продолжая говорить въ пользу своего предложенія, *National Zeitung* замѣчаетъ, что нападать на либерализмъ и оспаривать его право на существованіе составляетъ теперь клерикально-реакціонную моду. Давно уже пророчатъ ему гибель, давно уже похоронили его реакціонеры и каждый день принуждены однако вновь пророчить и вновь погребать... Указываютъ при этомъ на недавній примѣръ Бельгіи, гдѣ либерализмъ былъ почти раздавленъ между клерикализмомъ и соціалъ-демократіей. Но именно примѣръ Бельгіи и доказываетъ,—говоритъ *National Zeitung*,—какія пагубныя послѣдствія влечетъ за собою сближеніе съ реакціей и клерикализмомъ, вызванное различными опасеніями и недоразумѣніями.

National Zeitung останавливается на основныхъ идеяхъ либеральнаго міропониманія, главными распространителями котораго были въ Европѣ Вольтеръ и Монтескьё, а въ Германіи—Лессингъ. Газета говоритъ, что борьба за индивидуальныя права, за достоинство и независимость личности далеко еще не закончена, а одержаннымъ уже въ этомъ отношеніи побѣдамъ грозитъ усилившаяся въ послѣдніе годы и поддерживаемая правительствомъ реакція. Приходится энергически бороться и противъ католическаго фанатизма, и противъ протестантской нетерпимости.

Freisinnige Zeitung по поводу предстоящаго съѣзда делегатовъ націоналъ-либеральной партіи напоминаетъ, что первый съѣздъ ея представителей происходилъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1894 году, и что тогда націоналъ-либералы очень негодовали на канцлера Каприви за его слишкомъ мягкое, по ихъ мнѣнію, отношеніе къ крайнимъ партіямъ. Результа-

томъ съѣзда,—косвеннымъ, конечно,—былъ реакціонный правительственный законопроектъ о печати, который, какъ извѣстно, не прошелъ въ парламентѣ. Предложеніе сближенія съ свободомыслящими, сдѣланное теперь въ *National Zeitung*, живо интересуетъ органъ Рихтера, но *Freisinnige Zeitung* увѣрена, что это предложеніе не встрѣтитъ сочувствія со стороны большинства національ-либераловъ. Аграріи имѣютъ сильное вліяніе въ національ-либеральномъ лагерѣ, и большинство національ-либеральныхъ депутатовъ рейхстага не одобритъ программы *National Zeitung*.

А программа эта, замѣтимъ мы, является признакомъ возрожденія въ рядахъ партій дѣйствительно либеральныхъ теченій, которыя принесены были въ жертву князю Бисмарку съ его милитаризмомъ и автократическими стремленіями.

Предстоящіе выборы въ австрійскіе ландтаги и парламентъ вызываютъ усиленное движеніе, за которымъ внимательно слѣдятъ германскія газеты. Мы упоминали уже, что австро-нѣмецкіе либералы-централисты приступили къ реорганизаціи своей партіи. *Freisinnige Zeitung* считаетъ этотъ шагъ весьма важнымъ для политической судьбы нѣмцевъ въ Цислейтаніи. Вмѣсто *соединенной нѣмецкой лѣвой* создается, по почину богемскихъ нѣмцевъ, *нѣмецкая прогрессивная партія (Deutsche Fortschrittspartei)*. Германская газета говоритъ, что нѣмецкая соединенная лѣвая не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ. Она образовалась въ 1888 году, выборы въ рейхсратъ въ 1891 году дали ей 110 мѣстъ, и тѣмъ не менѣе партія утратила вліяніе въ парламентѣ и сочувствіе въ странѣ. *Freisinnige Zeitung* приписываетъ это ошибкамъ и неспособности парламентскихъ вождей и привѣтствуетъ новую партію.

National Zeitung, разсуждая по этому поводу, говоритъ, что наше время неблагопріятно для созданія партій съ широкими и ясными идеями, въ которыхъ замыкаются историческіе завѣты и надежды на будущее. Господствуютъ нерѣшительность и непосредственныя эгоистическія выгоды, за которыя хватаются въ особенности консервативныя партіи. Для аграріевъ нужны хлѣбныя пошлины, для крупныхъ промышленниковъ—высокій таможенный тарифъ, и т. д. *National Zeitung* опасается, что и австрійская прогрессивная партія не получитъ, кромѣ Богеміи и Моравіи, значительнаго распространенія: въ другихъ областяхъ Цислейтаніи нѣмецкое населеніе находится подъ сильнымъ вліяніемъ клерикализма и антисемитизма. И повидимому опасенія *National Zeitung* основательны. Если новую партію соединяютъ съ другими австро-нѣмецкими партіями стремленія національнаго характера, желаніе сохранить и укрѣпить за нѣмецкимъ элементомъ господствующее положеніе въ государствѣ, то либеральная программа прогрессистовъ дѣлаетъ невозможнымъ союзъ съ клерикалами антисемитами. Эти послѣдніе скорѣе пойдутъ на уступки въ національныхъ вопросахъ и соединятся съ чехами, поляками и другими славянами, чтобы доставить торжество тѣмъ или инымъ требованіямъ клерикализма. Правительст

графа Бадени продолжаетъ болѣе или менѣе искусно маневрировать но, конечно, оно не можетъ разрѣшить волнующихъ Австрію вопросовъ, не пойдетъ ни въ сторону нѣмецкаго централизма, ни въ сторону федераціи, не склонится рѣшительно ни къ либерализму, ни, тѣмъ болѣе, къ реакціи. Естественный ходъ вещей замѣняетъ старый австрійскій строй демократическимъ; но замѣна идетъ медленно, съ остановками и перерывами, даже съ временными попятными движеніями. И это вполнѣ понятно, такъ какъ нигдѣ политическое развитіе государства не осложнено въ такой степени борьбою національностей, какъ въ Австро-Венгріи. Бывшая соединенная нѣмецкая лѣвая нарушала одно изъ основныхъ требованій либеральной программы, выступая противъ всеобщей подачи голосовъ; но дѣлала она это, опасаясь за свое существованіе, за господство нѣмцевъ въ государствѣ, которое должно исчезнуть, если въ Австріи введется всеобщая подача голосовъ и пропорціональное населенію представительство. Приходится при такихъ условіяхъ наблюдать, какъ нѣмцы горько упрекаютъ поляковъ за то, что они командуютъ надъ русинами, а поляки указываютъ на то, что именно австрійскіе нѣмцы всего менѣе вправѣ дѣлать подобные упреки, и т. д.

На югѣ Австріи національный вопросъ еще болѣе усложняется, такъ какъ тамъ перемѣшаны нѣмцы, итальянцы и славяне. *Politik* напечатала недавно письмо изъ Тріеста, въ которомъ заключаются жалобы на невыносимое положеніе, въ которомъ находятся кроаты и словенцы. По оффиціальной статистикѣ, славяне, составлявшіе сорокъ лѣтъ тому назадъ двѣ трети населенія, теперь представляютъ только пятую часть, итальянцы же, которыхъ считалось четверть всего населенія, теперь составляютъ три четверти. Корреспондентъ *Politik* объясняетъ это тѣмъ, что правительство постоянно содѣйствовало итальянизированію края, открывая итальянскія школы, ничего не дѣлая для словенцевъ или предлагая имъ нѣмецкія школы. Въ послѣднемъ случаѣ словенцы предпочитаютъ отдавать дѣтей въ итальянскія училища. Масса такихъ итальянизированныхъ славянъ оффиціальная статистика и зачисляетъ итальянцами. Итальянскій языкъ введенъ въ богослуженіе и въ оффиціальныя сношенія. Поддержка австрійскихъ властей въ данномъ случаѣ довольно удивительна: всѣмъ извѣстно, что итальянское населеніе адріатическаго побережья стремится присоединиться къ Италіи, и исчезновеніе здѣсь славянъ можетъ служить только облегченіемъ для достиженія этой цѣли.

И въ то время, когда идетъ ожесточенная борьба между австрійскими славянами и итальянцами, не вдалекѣ отъ мѣста этой борьбы произошло довольно знаменательное событіе: въ Цетиньѣ торжественно отпраздновали помолвку дочери князя Николая Елены, съ наслѣдникомъ итальянскаго престола. Въ настоящее время браки между членами царствующихъ домовъ не имѣютъ уже международнаго значенія, но можно надѣяться, что въ данномъ случаѣ произойдетъ обратное. Черногорія такъ тѣсно связана съ Россіей и національными интересами, и родственными отношеніями съ императорскою фамиліей, что женитьба принца неаполитанскаго не можетъ не

вызвать нѣкотораго сближенія между Россіей и Италіей, на благо европейскаго мира.

Затрудненія испанскаго правительства увеличиваются. Оно никакъ не можетъ справиться съ возстаніемъ на Кубѣ, а теперь началось революціонное движеніе на Филиппинскихъ островахъ. Надъ несчастною страною тяготѣетъ тяжелое наслѣдство мрачнаго католическаго фанатизма и абсолютизма, не дававшихъ возможности развернуться духовнымъ силамъ этого даровитаго народа. Консервативный кабинетъ Кановаса не исполнилъ ни одного изъ своихъ блестящихъ обѣщаній. Либеральная оппозиція въ кортесахъ возстаетъ противъ правительственныхъ проектовъ увеличенія податей, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ усиливается карлистское движеніе, есть основанія предполагать, что растетъ и число республиканцевъ. Собственно говоря, внутренняя жизнь Испаніи не имѣетъ теперь міроваго значенія. До тѣхъ поръ, пока испанское общество не достигнетъ политическаго уровня передовыхъ западно-европейскихъ обществъ, оно все-таки будетъ привлекать вниманіе всѣхъ интересующихся вопросами цивилизаціи и политики, но въ международномъ отношеніи, какъ государство, почти не будетъ приниматься въ разсчеты. Съ еще бóльшимъ основаніемъ можно сказать это про Португалію. Извѣстія, которыя доходятъ до насъ съ Пиренейскаго полуострова, свидѣтельствуютъ, что процессъ развитія тамъ совершается, и можетъ оказаться, что онъ подвинулся гораздо дальше, чѣмъ предполагаютъ многіе наблюдатели со стороны. Но своими колоніями, борьбою противъ ихъ стремленія къ автономіи и даже независимости, оба пиренейскія государства непосредственно затрогиваютъ международные интересы. Далеко не безразлично съ точки зрѣнія этихъ интересовъ, будутъ ли Филиппинскіе острова принадлежать Испаніи, добьется ли Куба независимости, вмѣшаются ли въ ея пользу Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, и т. д.

Гораздо болѣе важно для общеевропейской жизни то, что происходитъ на другомъ полуостровѣ, Скандинавскомъ. Для насъ въ особенности событія въ Швеціи и Норвегіи имѣютъ большое значеніе. Постепенно распространяются среди русскаго образованнаго общества свѣдѣнія объ условіяхъ культурной и политической жизни этихъ двухъ странъ, постепенно растутъ и симпатіи къ нимъ, въ особенности къ демократической Норвегіи. Съ живымъ интересомъ и тревогою слѣдили у насъ за отважною экспедиціею Нансена и искренне присоединялись къ чествованію этого норвежскаго героя,—героя знанія, ума и энергіи, направленныхъ безкорыстною мыслью.

Со Швеціей у насъ есть кое-какіе счеты и существуетъ опасеніе нѣкоторыхъ недоразумѣній въ будущемъ. Король Оскаръ тяготѣетъ къ Германіи, и этого нельзя упускать изъ виду съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. Въ самой Германіи, впрочемъ, не вполнѣ увѣрены въ прочности такого сближенія и опасаются возрожденія скандинавской идеи. Въ будущемъ году исполняется

пятьсотъ лѣтъ со дня Кальмарской уніи. Въ Стокгольмѣ будетъ открыта Скандинавская выставка, на которую и норвежскій парламентъ назначилъ субсидію. Въ этомъ же году произойдутъ выборы въ норвежскій гросстингъ.

Обращаетъ на себя вниманіе постановленіе одельстинга, нынѣшнимъ лѣтомъ, по которому изъ учебныхъ плановъ гимназій исключается латинскій языкъ *). Наиболѣе важные вопросы переносятся на рѣшеніе общаго собранія гросстинга. Такъ будетъ поступлено и съ рѣшеніемъ о латинскомъ языкѣ.

Мы получили брошюру, которую по долгу безпристрастія должны отмѣтить. Она исходитъ отъ мусульманскихъ депутатовъ критскаго собранія и имѣетъ цѣлью убѣдить Европу въ злодѣйствахъ и насиліяхъ *Эпитропіи*, революціоннаго комитета, который былъ организованъ въ Апокоронѣ и руководилъ движеніемъ на островѣ **).

По мнѣнію брошюры, христіане вездѣ выступали зачинщиками безпорядковъ и производили убійства, не щадя женщинъ и дѣтей, но, *благодаря традиціонному у мусульманъ духу человѣколюбія* (grâce à l'esprit humanitaire traditionnel chez les musulmans), спокойствіе каждый разъ возстановлялось вполнѣ кроткими мѣрами. Въ числѣ главныхъ нарушителей общественной тишины брошюра называетъ каваса русскаго консульства (благодаря традиціонному у мусульманъ духу человѣколюбія, кавасъ былъ убитъ, по признанію самой брошюры).

Къ счастію, британскій левъ начинаетъ какъ будто просыпаться отъ своего эгоистическаго равнодушія къ положенію христіанъ въ Турецкой имперіи. Лондонскія газеты напечатали письмо Гладстона къ секретарю общества мира (British and foreign Arbitration and Peace Association), въ которомъ великій государственный человѣкъ говоритъ, что давно слѣдуетъ перейти отъ словъ къ дѣлу и принудить султана исполнять свои обязательства передъ Европой и признавать человѣческія права за его христіанскими подданными. Вопросъ о турецкихъ звѣрствахъ обсуждается теперь въ Англіи и въ газетахъ, и на многочисленныхъ митингахъ. Онъ долженъ подвергнуться обсужденію и на международномъ парламентскомъ съѣздѣ, который въ скоромъ времени состоится въ Будапештѣ.

В. Г.

---

*) Изъ гросстинга (114 депутатовъ) выбирается 85 депутатовъ въ одельстингъ (нижняя палата) и 29 въ лагтингъ (верхняя палата).

**) *Les événements crétois du 24 mai 1896. Par la députation des musulmans de Crête.* Paris, 1896.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Торгово-промышленный съѣздъ.—Церковь и государство.—*Церковный Вѣстникъ* о дуэли.—Возобновленіе женскаго медицинскаго образованія.—Судъ и администрація въ Туркестанскомъ краѣ.

Читатели знаютъ изъ газетъ о совѣщаніяхъ всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда. Нѣкоторые изъ вопросовъ, входившихъ въ программу его занятій, или вовсе не были обсуждаемы, или получили недостаточную и не всегда правильную разработку. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о страхованіи рабочихъ, какъ-то снятый на съѣздѣ. Тѣмъ не менѣе работы съѣзда нельзя не признать въ общемъ весьма полезными. На немъ участвовало много ученыхъ и людей практически знакомыхъ съ условіями нашей торговой и промышленной дѣятельности. Предсѣдателями съѣзда и его секцій были назначены чиновники министерства финансовъ, лица, очевидно, по мнѣнію министерства, вполнѣ компетентныя руководить преніями. И вдругъ оказывается, что всероссійскій торгово-промышленный съѣздъ не имѣетъ никакого значенія, что большинство его членовъ не похоже на русскихъ, а возбуждаетъ подозрѣніе, не присланные ли это изъ-за границы люди, не имѣютъ ли они своею цѣлью подорвать наши національные интересы. Чѣмъ же вызвано такое неожиданное осужденіе и еще болѣе неожиданное предположеніе? Оказывается, что оно объясняется постановленіемъ съѣзда, громаднымъ большинствомъ голосовъ, по вопросу о пошлинахъ съ иностранныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, высказавшагося противъ покровительственной системы. Мы не будемъ, конечно, повторять достаточно извѣстныхъ доказательствъ того, какъ вредно отзывается на Россіи предпочтеніе интересовъ крупной промышленности интересамъ земледѣлія. Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ слѣдующій вопросъ: почему русскій землевладѣлецъ и земледѣлецъ, желающій получат[ь] для обработки русской земли дешевую иностранную машину вмѣсто свое[й] дорогой, не русскій человѣкъ, а фабрикантъ, берущій съ этого земледѣл[ь]ца лишнія деньги, человѣкъ истинно русскій? Приводитъ насъ въ нѣкот[ор]ый страхъ и то обстоятельство, что фабрикантовъ и заводчиковъ у на[съ]

нѣсколько тысячъ человѣкъ, а земледѣльцевъ, т.-е. съ точки зрѣнія российскаго протекціонизма—*иностраннаго населенія,* порядочное таки количество милліоновъ.

Нѣкій г. Морозовъ, предсѣдатель нижегородскаго ярмарочнаго комитета, выступивши затрапезнымъ ораторомъ, заявилъ по поводу упомянутаго нами постановленія съѣзда слѣдующее: «Не стану говорить о томъ, что съѣздъ не аккредитованъ для того, чтобы разсматривать такіе вопросы, скажу, что самое время, въ которое онъ засѣдаетъ, менѣе всего соотвѣтствуетъ такимъ его рѣшеніямъ». Вторая половина фразы довольно загадочна: какъ же опредѣлить, какимъ рѣшеніямъ *самое время* соотвѣтствуетъ и какимъ нѣтъ? Но почему же съѣздъ *не аккредитованъ* (что за истинно-русское выраженіе!) высказываться по вопросамъ, входившимъ въ его оффиціальную программу? Не правда ли, еслибъ большинство высказалось за протекціонизмъ, то на это съѣздъ былъ бы *аккредитованъ?*

Предсѣдатель съѣзда, Д. Ѳ. Кобеко, немедленно возразилъ представителю сословія, которое *все можетъ* *), по извѣстной статьѣ *Волгаря*, что всякій человѣкъ имѣетъ право свободно выражать свои мысли, разъ онъ призванъ для того, чтобы высказываться о близкихъ ему вопросахъ. По мнѣнію Д. Ѳ. Кобеко, нельзя не сочувствовать земледѣльцамъ, когда они обращаются съ ходатайствомъ, чтобы земледѣлію было оказано такое же покровительство, какое правительство проявляетъ нынѣ по отношенію къ крупному мануфактурному капиталистическому производству.

Волгарь называетъ рѣчь Д. Ѳ. Кобеко краткою, но выразительною. Послѣ нея г. Морозовъ, въ прочувствованныхъ выраженіяхъ, предложилъ выпить «за всѣми глубокоуважаемаго предсѣдателя съѣзда».

Рѣдко грубый эгоизмъ сословія выступаетъ въ такой неискусной, развязной и въ то же время наивной формѣ, въ какой выступилъ онъ въ рѣчи г. Морозова. На дальнѣйшихъ его рѣчахъ, письмѣ въ *Нижегородскій Листокъ* и т. д. не стóитъ останавливаться. Но этотъ случай важенъ, какъ признакъ настроенія въ извѣстныхъ кругахъ.

Закрывая торгово-промышленный съѣздъ, предсѣдатель его произнесъ превосходную рѣчь. Упомянувъ о томъ, что онъ до сихъ поръ, въ интересахъ безпристрастія, воздерживался отъ выраженія собственнаго мнѣнія, Д. Ѳ. Кобеко сказалъ, по поводу постановленія о сложеніи пошлинъ съ земледѣльческихъ орудій и машинъ: «Конечно важно, чтобы русская земля обрабатывалась плугомъ русскимъ, но еще важнѣе, чтобъ она обрабатывалась не иноземцемъ, а русскимъ человѣкомъ. Что же мы въ этомъ отношеніи видимъ? Въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ, въ южныхъ нашихъ губерніяхъ: Херсонской, Екатеринославской, Таврической—надвигается на насъ волна иноземнаго переселенія: германцы, чехи, румыны занимаютъ наши земли, и иновѣрные и чужіе люди вступаютъ на мѣсто ко-

*) А безъ непомѣрно высокихъ таможенныхъ пошлинъ можетъ обойтись?

реннаго русскаго населенія. Не доказываетъ ли это, что условія русскаго земледѣлія неблагопріятны, что землевладѣльцы—помѣщики или крестьяне, это въ данномъ случаѣ безразлично—теряютъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, подъ собою почву? Чревато это явленіе послѣдствіями неблагопріятными».

«Скажутъ, что землевладѣльцы могутъ обратить въ капиталъ свои земельныя имущества и, благо земля,—какъ это указывалось здѣсь,—во многихъ мѣстностяхъ увеличилась въ цѣнности, обратиться къ другимъ занятіямъ. Но, не говоря уже о томъ, что такой переходъ земельной собственности самъ по себѣ нежелателенъ, осуществленіе его крайне трудно, скажу — невозможно. Не можетъ земледѣлецъ — опять-таки помѣщикъ или крестьянинъ, это безразлично—разстаться съ легкимъ сердцемъ съ своею землей,—не можетъ потому, что въ этой землѣ сложены кости его предковъ, что земля эта была его колыбелью, и что съ владѣніемъ ею сопряжены лучшія минуты его жизни (крики «браво» и шумныя рукоплесканія). Вотъ почему землевладѣлецъ бьется до послѣдняго, чтобы сохранить за собою, часто цѣною лишеній и сокращенія средствъ къ жизни, свой клочокъ земли. Эта, скажу, нравственная духовная связь земледѣльца съ землею не подлежитъ учету, не опредѣляется по счету прибылей и убытковъ, она составляетъ ту великую силу русскаго населенія, которая заслуживаетъ глубокаго уваженія и требуетъ мѣръ охраны и поддержки» (шумные аплодисменты) *).

Д. Ѳ. Кобеко безъ колебанія говоритъ, что труды съѣзда принесутъ пользу, что «дѣло, задуманное съ благою цѣлью и веденное открыто и безпристрастно,—а таково было дѣло съѣзда,—не можетъ не принести добраго плода».

Знаменательно и слѣдующее мѣсто въ рѣчи предсѣдателя съѣзда: «Мнѣ заявляли,—сказалъ онъ,—что я иногда позволялъ лицамъ, просившимъ у меня слово, уклоняться въ сторону отъ главнаго предмета, разрѣшалъ имъ быть излишне плодовитыми въ рѣчахъ. Быть можетъ, упрекъ этотъ справедливъ, но, господа, легче перенести упрекъ въ снисходительномъ отношеніи къ мнѣнію другого, выразивъ уваженіе къ его слову, чѣмъ понести упрекъ въ нетерпимости и въ наклоненіи вѣсовъ на свою сторону. (Рукоплесканія). Предсѣдательствовавшіе въ отдѣлахъ и я старались лишь объ одномъ—быть безпристрастными. Надѣюсь, что господа члены съѣзда отдадутъ намъ въ этомъ справедливость» **).

Пожелаемъ нашимъ будущимъ съѣздамъ поболѣе такихъ предсѣдателей, какимъ былъ Д. Ѳ. Кобеко.

Къ числу симпатичныхъ постановленій съѣзда слѣдуетъ отнести хода-

---

*) Приводимъ по *Петерб. Вѣдом.* 20 авг.

**) По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, въ одномъ отдѣлѣ это безпристрастіе было нарушено.

тайство о распространеніи на Сибирь фабричнаго законодательства и всѣхъ выработанныхъ съѣздомъ мѣропріятій, клонящихся къ улучшенію быта рабочихъ. Этому постановленію предшествовалъ докладъ И. И. Попова, который яркими красками обрисовалъ тяжелую пріисковую жизнь и бытъ рабочихъ въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Въ *Гражданинѣ* и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появились статьи объ отношеніяхъ между государствомъ и церковью. Первая изъ этихъ газетъ говоритъ слѣдующее: «Русская церковь, исшедши изъ восточной, представляетъ въ своей исторіи отношеній къ государству три періода: первый періодъ, когда, невзирая на сильное вліяніе ея на русскую жизнь во имя просвѣщенія, она близко стояла къ завѣтамъ апостольскимъ объ обособленіи отъ государства; второй періодъ—эпоха патріарховъ, когда уже явился новый духъ въ начальникѣ церкви, духъ—извѣстнаго соревнованія съ государствомъ, съ царскою властью, вслѣдствіе котораго патріархи заняли совсѣмъ не подобавшее имъ мѣсто въ царскомъ совѣтѣ и довели этотъ духъ до честолюбія и властолюбія Никона. Никонъ былъ нашъ Григорій VII... Нашимъ Лютеромъ явился Петръ I. Подчинившись вліянію протестантизма, Петръ I смѣнилъ патріаршую власть для Россіи и ввелъ реформы въ ея управленіе, съ цѣлью подчинить церковь государству... Въ этой миссіи Петръ пошелъ слишкомъ далеко: онъ возвратилъ кесарево—кесареви, но онъ отнялъ у церкви ея неотъемлемую функцію: управлять собою и избирать своихъ пастырей; въ то же время онъ уничтожилъ жизнь въ приходахъ и надъ всею церковью поставилъ святѣйшій синодъ, подчиненный, наравнѣ съ сенатомъ, царской власти... И такъ какъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода современемъ получилъ право всеподданнѣйшаго доклада, котораго синодъ не имѣлъ, то само собою установился порядокъ вещей, въ силу котораго большую власть въ дѣлахъ церкви получилъ свѣтскій сановникъ. Переступили ли мы тотъ предѣлъ, дальше котораго не слѣдовало бы идти отношеніямъ церкви къ государству въ нарушеніе завѣтовъ Христовыхъ,—въ этомъ вопросъ» *).

Московскія Вѣдомости говорятъ объ отношеніяхъ между государствомъ и церковью въ такихъ выраженіяхъ: «Было время, когда вопросы религіозные и государственные находились въ такой тѣсной связи, что провести между ними границу не было возможности, когда и въ народѣ и въ правителяхъ проявлялось стремленіе, такъ сказать, монополизирвать истинную вѣру; но съ тѣхъ поръ какъ христіанство не силою огня и меча, а внутреннею правдой и убѣжденіемъ завоевало весь цивилизованный міръ, отношенія между государствомъ и церковью должны были принять иной характеръ; для религіи, гдѣ нѣтъ еллиновъ и іудеевъ, ни географическія, ни этнографическія границы не могутъ имѣть существеннаго значенія; преслѣ-

---

*) *Гражданинъ*, № 69.

дуя вѣчныя цѣли, неограниченныя никакою территоріей и никакою эпохой, христіанство не могло улечься ни въ какія рамки положительнаго законодательства того или другого народа, такъ какъ оно находится неизмѣримо выше ихъ и потому внѣ ихъ» *).

Далѣе идутъ разсужденія, которыя еще болѣе удивляютъ насъ въ такомъ органѣ, какъ *Московскія Вѣдомости*: «Въ послѣднее время,—говоритъ газета,—особенно часто приходится слышать разсужденія о христіанскомъ государствѣ, какъ о какомъ-то особомъ видѣ общественнаго и государственнаго устройства, основной характеръ котораго опредѣляется тѣмъ, что его положительное законодательство должно основываться на христіанской морали и вытекать изъ нея, какъ изъ своихъ прямыхъ и единственныхъ посылокъ».

Московскія Вѣдомости объявляютъ эту теорію глубокимъ и опаснымъ заблужденіемъ. Слова «христіанское государство» должны, по мнѣнію газеты, означать лишь такое государство, «гдѣ подданные исповѣдуютъ христіанство и гдѣ правительство признаетъ его истинность». *Московскія Вѣдомости* утверждаютъ, что иное пониманіе этихъ словъ, «то-есть какъ признаніе того, что государство не только должно уважать внутреннюю правду христіанства, видя въ немъ основанія *личной нравственности*, но смотрѣть на него какъ на фундаментъ собственнаго строя,—такое пониманіе можетъ повести только къ полному смѣшенію сферы дѣйствія государства съ сферой церковною, и въ то же время влечетъ за собою искаженіе основной идеи христіанства, которое зиждется на личной свободѣ и любви, тогда какъ задача государства состоитъ въ общественной пользѣ и справедливости, а способъ дѣйствія его—принужденіе».

Мы просто глазамъ не вѣримъ, когда читаемъ въ той же статьѣ слѣдующія ясныя и категорическія утвержденія, которыя иногда робко и неполно высказываются русскими либералами: «Стремленіе найти въ религіозныхъ истинахъ единственное основаніе государственнаго строя можетъ логически дать только два результата: или требованіе присвоенія свѣтской власти органамъ церкви (печальные результаты такихъ опытовъ достаточно извѣстны), или къ полному отрицанію значенія государства, то-есть къ теоретическому анархизму. Только разумное и сознательное различеніе сферы церковной и государственной дѣятельности даетъ возможность параллельнаго и правильнаго развитія той и другой».

Неужели *Московскія Вѣдомости* не понимаютъ, что естественнымъ выводомъ изъ этихъ положеній будетъ свобода религіозной совѣсти? Неужели они не видятъ, что при такой (правильной) постановкѣ вопроса государство не можетъ отдать школу въ руки духовенства, потому что это значило бы подчинить государство церкви? И нужно замѣтить, что русское духовенство, въ благотворное отличіе отъ католическаго, никогда, остав-

*) *Моск. Вѣдом.*, № 234.

ляя Никона въ сторонѣ, не стремилось къ захвату свѣтской власти, новѣйшія же *«разсужденія о христіанскомъ государствѣ»* являются лишь замаскированнымъ стремленіемъ сдѣлать церковь прислужницею государства. Итакъ, назадъ домой,—не къ патріаршеству, конечно, а къ тому времени, когда русская церковь «близко стояла къ завѣтамъ апостольскимъ объ обособленіи отъ государства»?

Церковный Вѣстникъ возвращается къ вопросу о дуэли, нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ узаконенной. Никогда еще,—говоритъ эта газета,—не входило такъ ясно въ общественное сознаніе, что дуэль оскорбляетъ чувство морали и справедливости: «Хотя на книжный рынокъ чуть ли не ежедневно выбрасываются брошюры «отставныхъ полковниковъ», «старыхъ студентовъ» и проч., старающихся доказать, что съ уничтоженіемъ дуэли произойдетъ ужасный переворотъ и что звѣрскіе инстинкты въ человѣкѣ сковываюття лишь мыслью о возможности дуэли, тѣмъ не менѣе голосъ разсудка раздается все громче и здравомыслящая часть общества настоятельно требуетъ уничтоженія дуэли—этого устарѣлаго для Европы учрежденія. Общество не можетъ простить этому предразсудку, благодаря которому Европа потеряла такихъ гигантовъ мысли, какъ Арманъ Каррель, Лассаль...» *).

Мы просимъ *Церковный Вѣстникъ* поддержать насъ въ борьбѣ со зломъ, еще болѣе оскорбляющимъ нравственное чувство: съ смертною казнью. По поводу казни въ Тифлисѣ бывшаго священника, Степана Халмахелидзе, убійцы архимадрита Николая, въ газетахъ были напечатаны ужасающія, возмущающія душу подробности. Публичное исполненіе смертной казни—прямо безнравственное и глубоко вредное дѣяніе; тайное лишеніе жизни не пристало современному правосудію, напоминаетъ худшія времена религіознаго и государственнаго террора. Смертная казнь торжественно отмѣнена у насъ почти полтора вѣка тому назадъ и фактически существуетъ до настоящаго времени. Неужели мы перейдемъ съ нею въ двадцатый вѣкъ?

Въ этомъ мѣсяцѣ въ испытательной коммиссіи медицинскаго факультета Московскаго университета держало экзаменъ нѣсколько женщинъ, кончившихъ курсъ въ иностранныхъ университетахъ, а въ московскихъ гимназіяхъ нѣсколько женщинъ держало экзаменъ для полученія аттестата. Такимъ образомъ возобновилось у насъ уничтоженное было высшее женское медицинское образованіе. Нельзя не порадоваться тому, что правительство признало разумнымъ и полезнымъ открыть русской женщинѣ доступъ къ университетскому образованію и дать ей права, этому образованію соотвѣтствующія. Женскій медицинскій институтъ, который от-

*) *Церковный Вѣстникъ*, № 32.

крывается съ будущаго учебнаго года въ Петербургѣ, избавитъ русскихъ женщинъ отъ необходимости ѣхать учиться за границу и дастъ обществу многихъ врачей, самоотверженная дѣятельность которыхъ, по примѣру прежнихъ женщинъ-врачей, возбудитъ общую и глубокую благодарность. Мы надѣемся, что въ скоромъ времени отпадутъ религіозныя и другія ограниченія, которыя портятъ покуда это прекрасное дѣло. Есть у насъ и другая надежда: на открытіе высшихъ женскихъ курсовъ и въ Москвѣ. До сихъ поръ живо въ образованномъ московскомъ обществѣ глубокое сожалѣніе о невольномъ прекращеніи курсовъ, учрежденныхъ профессоромъ Герье. Эти превосходные курсы воспитали много просвѣщенныхъ матерей, дали наукѣ и литературѣ нѣсколько выдающихся работницъ. По истинѣ печальна участь русской личной энергіи, частнаго почина и общественной самостоятельности. Множество усилій приходится употреблять, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ расчистить для нихъ сколько-нибудь благопріятную почву. Не меньше усилій, знанія и умѣнья надо употребить для того, чтобы правильно поставить и развить дѣло. Наконецъ, успѣхъ несомнѣненъ и великъ, сочувствіе общества растетъ, иниціаторы дѣла начинаютъ испытывать чувство нравственнаго самоудовлетворенія. И вдругъ неумолимая случайность уничтожаетъ все дѣло. Такъ погибли медицинскіе курсы въ Петербургѣ и курсы профессора В. И. Герье и такъ называемые Лубянскіе въ Москвѣ.

Существующіе въ Петербургѣ высшіе женскіе курсы возникли въ 1878 году. Намъ доставлена о нихъ интересная *Историческая записка* *). Починъ въ возбужденіи вопроса о высшемъ научномъ образованіи для женщинъ принадлежитъ, какъ извѣстно, Евгеніи Ивановнѣ Конради, которая была тогда редакторомъ *Недѣли*. Въ декабрѣ 1867 года она внесла на съѣздъ естествоиспытателей превосходную записку о необходимости устройства правильныхъ курсовъ для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и физико-математическихъ факультетовъ. Съѣздъ отнесся къ мысли Е. И. Конради съ полнымъ сочувствіемъ, но отклонилъ отъ себя ходатайство въ этомъ смыслѣ передъ правительствомъ. Сочувствіе къ дѣлу возрастало, и весною слѣдующаго года ректору Петербургскаго университета была подана составленная Е. И. Конради записка за подписью четырехсотъ женщинъ изъ одного Петербурга. Ректоръ, профессоръ Кесслеръ, и другіе профессора также выразили полное сочувствіе предложенію и приняли участіе въ его разработкѣ. Д. С. Милль отозвался привѣтственнымъ письмомъ на благородный починъ русскихъ женщинъ. Движеніе быстро росло. Въ концѣ 1869 года послѣдовало разрѣшеніе на открытіе курсовъ, но въ видѣ публичныхъ лекцій для женщинъ и мужчинъ совмѣстно. Съ января 1870 года открываются, наконецъ, женскіе высшіе курсы.

---

*) *Краткая историческая записка о высшихъ женскихъ курсахъ въ С.-Петербургѣ.* 1896 г. Ц. 10 к.

Отсылаемъ къ *Запискѣ* желающихъ познакомиться съ дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. Въ 1886 году былъ прекращенъ пріемъ слушательницъ на курсы, и только за нѣсколько мѣсяцевъ до фактическаго ихъ уничтоженія, т.-е. до выпускныхъ экзаменовъ послѣдняго остававшагося курса, вновь разрѣшено, въ качествѣ временной мѣры, принимать слушательницъ. Съ сентября 1889 года курсы возобновились на другихъ условіяхъ, педагогическую цѣлесообразность которыхъ мы признать не можемъ. Но, во всякомъ случаѣ, высшее женское образованіе вновь получило прочную постановку. Теперь у курсовъ есть собственный домъ для аудиторій и лабораторій, и другой—для общежитія слушательницъ. Общее число слушательницъ въ нынѣшнемъ году 695, причемъ въ 212 прошеніяхъ было отказано (министерствомъ установленъ для курсовъ комплектъ первоначально въ 400, теперь въ 600 ч.). Русское общество не оставитъ своею поддержкой этого учрежденія, въ которомъ сказалась наша самобытность въ смыслѣ, достойномъ подражанія въ Западной Европѣ.

Такъ какъ рѣчь идетъ о женскомъ образованіи, то упомянемъ кстати о письмѣ, недавно нами полученномъ. Тамъ обращается вниманіе на дѣйствительно ничтожныя пенсіи, которыя выдаются женщинамъ, прослужившимъ учительницами въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія: за 25 лѣтъ службы начальницы, классныя надзирательницы и учительницы получаютъ 160 руб. въ годъ, а за вычетомъ 2%—156 руб. 80 коп. Авторъ письма указываетъ на то, что на такія деньги прожить невозможно, силы ушли, новыхъ занятій найти почти никогда не удается. Положеніе, на самомъ дѣлѣ, печальное, и слѣдовало бы изыскать мѣры къ достаточному обезпеченію людей, четверть вѣка, т.-е. всю рабочую жизнь, отдавшихъ на пользу образованія.

Мы видѣли выше, что *Московскія Вѣдомости* дошли до признанія необходимости отдѣленія церкви отъ государства. Быть можетъ, мы доживемъ и до того момента, когда эта газета признаетъ необходимость отдѣленія суда отъ администраціи. Покуда она стоитъ за ихъ смѣшеніе, за соединеніе въ одномъ лицѣ правъ и обязанностей, изъ которыхъ однѣ, въ интересахъ справедливости, должны на самомъ дѣлѣ контролироваться другими. Кажется ясно, что судъ долженъ быть судомъ, что въ него не должны вступать «усмотрѣніе» и произволъ. *Московскія Вѣдомости* объ этомъ другого мнѣнія. Онѣ поддерживаютъ туркестанское толкованіе высочайшихъ указовъ, данныхъ правительствующему сенату, 15 іюля нынѣшняго года, по дѣлу о ходынской катастрофѣ. Въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* напечатана по поводу этихъ указовъ статья, въ которой *Петербургскія Вѣдомости* справедливо видятъ угрозу мѣстнымъ органамъ судебнаго вѣдомства. *Туркестанскія Вѣдомости* нападаютъ на утвержденное въ 1886 г. *Положеніе объ управленіи Туркестанскаго края:* оно поставило судъ независимо отъ администраціи. Газета скорбитъ объ умаленіи послѣ этого

— Городовой! Городовой... Го-ро-до-вой!

Этотъ отчаянный возгласъ остался безъ отвѣта. Ни одна полицейская душа не показывалась.

Прождали еще минутъ пять, и пассажиры стали выходить.

Тѣмъ бунтъ и кончился. Публика пошла пѣшкомъ, оглашая воздухъ ропотомъ, ругательствами и обѣщаніями жаловаться Николаю Михайловичу (такъ, Дженни, зовутъ популярнаго здѣсь губернатора).

Нѣкоторые пассажиры,—въ ихъ числѣ и я,—пересѣли въ другой вагонъ и заплатили по гривеннику.

Нѣкоторыя удобства избраннаго мною способа передвиженія нерѣдко, впрочемъ, осложнялись то долгими остановками на разъѣздахъ, то толчками, а раза два и не полными подъемами на элеваторѣ, вслѣдствіе его неисправности, то составленіями протоколовъ, если по близости находился представитель полицейской власти, что не всегда случалось. Но я не особенно тяготился всѣми этими приключеніями и задержками. Времени у меня было довольно, и я имѣлъ возможность ближе знакомиться и съ нравами русскихъ, и съ тою наглостью отношенія къ нимъ, за ихъ же деньги, частныхъ предпринимателей, которая проявлялась на каждомъ шагу и не въ однихъ только трамваяхъ. Могу васъ увѣрить, Дженни, что ни въ какой другой странѣ немыслимо что-либо подобное, а здѣсь каждый маленькій агентъ даже частнаго учрежденія считаетъ себя безотвѣтственнымъ распорядителемъ судебъ публики.

Я и въ прежнее пребываніе въ Россіи наблюдалъ подобные факты безцеремонности съ одной стороны и терпѣнія съ другой, но, теперь мнѣ кажется, эти черты какъ будто обозначались еще рѣзче, и я рѣшительно недоумѣвалъ, стараясь понять причины такого явленія, пока одинъ русскій профессоръ исторіи, человѣкъ весьма почтенный, не уяснилъ мнѣ при помощи историческихъ фактовъ и обобщеній, что русскіе, какъ избранный народъ, которому предстоитъ въ не столь отдаленномъ времени великая будущность, еще съ незапамятныхъ временъ, на зарѣ ихъ исторіи, отличались феноменальнымъ терпѣніемъ, выносливостью и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательною покорностью. Эти рѣдкія черты добродѣтели, присущія по мнѣнію почтеннаго профессора, едва ли не исключительно славянскому племени, съ теченіемъ времени развивались и, такъ сказать, крѣпли. Такимъ образомъ причины безцеремоннаго, по мнѣнію иностранцевъ («а по нашему патріархальнаго», вставилъ, улыбаясь, профессоръ), отношенія къ публикѣ со стороны частныхъ учрежденій и лицъ кроются въ обще-распространенномъ патріархальномъ обычаѣ, основанномъ на христіанскомъ смиреніи.

Это разъясненіе не лишено было, пожалуй, правдоподобія и, казалось, подтверждалось фактами дѣйствительности, которые я наблюдалъ въ этой оригинальной и симпатичной странѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, русскіе, повидимому, такъ мало привыкли къ вниманію (и на желѣзныхъ дорогахъ, и на пароходахъ, и даже на публичныхъ гуляньяхъ, не говоря уже о другихъ учрежденіяхъ публичнаго характера)

что малѣйшій намекъ на него съ чьей - либо стороны приводитъ уже ихъ въ трогательное умиленіе и въ совершенный восторгъ, и они спѣшатъ излить (иногда даже и съ излишнею расточительностью, хотя психологически и весьма понятною) свои благородныя чувства къ такимъ болѣе или менѣе внимательнымъ людямъ и въ застольныхъ рѣчахъ, и печатно въ газетахъ уже за то только, что какой-нибудь общественный дѣятель или какой-нибудь статскій совѣтникъ (это, Дженни, чинъ, соотвѣтствующій полковничьему и замѣчателенъ еще тѣмъ, что дѣятелей въ этомъ чинѣ и, разумѣется, въ чинахъ ниже, русская печать безъ особеннаго риска можетъ не только хвалить, но при случаѣ и не вполнѣ одобрять. Оттого-то статскіе совѣтники здѣсь такъ жаждутъ производства въ слѣдующій чинъ, т.-е. въ генералы)—достаточно знакомъ съ элементарными правилами вѣжливости и, при обращеніи къ нему по какому-нибудь дѣлу, спроситъ: «что вамъ угодно?» и даже попроситъ садиться вмѣсто того, чтобы крикнуть: «Ziz!»

Это непереводимое на нашъ языкъ, весьма употребительное здѣсь восклицаніе равносильно нашему слову: «молчать!»—въ повелительномъ наклоненіи и, какъ болѣе лаконическое, производитъ несравненно большее впечатлѣніе, особенно если произносится съ тою отрывистостью и энергіей, съ какими ругаются наши англійскіе матросы. Обыкновенно джентльменъ, получившій такое «Ziz!», улепетываетъ со всѣхъ ногъ и нерѣдко въ ближайшую аптеку для пріема соотвѣтственнаго средства противъ разстройства желудка *).

Въ особенной чувствительности русскихъ я имѣлъ случай убѣдиться еще вчера, приглашенный, въ качествѣ знатнаго иностранца, на торжественный обѣдъ, данный въ честь одного изъ дѣятелей выставки. Такіе обѣды въ честь кого-нибудь здѣсь бываютъ теперь каждый день, и я, Дженни, удостоился многихъ приглашеній и, полагаю, эти приглашенія были не безъ разсчета показать иностранцу, да еще англичанину, какъ чествуютъ русскіе люди своихъ начальствующихъ лицъ и какія говорятъ рѣчи. О вчерашнемъ обѣдѣ, послѣ котораго, кстати замѣчу, Дженни, у меня и до сихъ поръ болитъ голова, несмотря на выпитыя три бутылки содовой воды, сообщу въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ и передамъ теперь вкратцѣ содержаніе нѣкоторыхъ болѣе интересныхъ рѣчей. Пока замѣчу только, что рѣчей говорилось множество и преимущественно восторженныхъ. Превозносили и

*) Къ сожалѣнію, обыкновенно добросовѣстный въ своихъ наблюденіяхъ, Знатный Иностранецъ на этотъ разъ довольно легкомысленно сообщаетъ своей супругѣ свѣдѣнія, едва ли имъ провѣренныя и, по всей вѣроятности, полученныя изъ какого-нибудь сомнительнаго источника. Не говоря уже о томъ, что почтенный лордъ преувеличилъ, впадая въ шаржъ, страхъ русскаго человѣка, вызванный будто бы восклицаніемъ: „Цыцъ!"—слѣдуетъ замѣтить, что самое это восклицаніе давно уже вышло изъ употребленія рѣшительно во всѣхъ вѣдомствахъ, и, сообразно духу времени, замѣнилось болѣе деликатными и не столь лаконическими выраженіями отказа въ просьбахъ, если таковыя не имѣютъ законнаго основанія. Какъ видно, даже и доброжелательный къ намъ англичанинъ не прочь повѣрить всякой нелѣпости. *Прим. переводчика.*

виновника торжества, и всѣхъ болѣе или менѣе почтенныхъ гостей, присутствовавшихъ на обѣдѣ. Участвовавшихъ на немъ было до двухсотъ человѣкъ, въ томъ числѣ былъ и не безъизвѣсный въ своемъ родѣ предсѣдатель ярмарочнаго комитета, одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей русской промышленности и ярый, конечно, протекціонистъ Савва Морозовъ. Объ этомъ крайне любопытномъ джентльменѣ, какъ характерномъ выдающемся представителѣ нарождающейся русской буржуазіи, поговорю особо, а теперь, Дженни, давно пора ознакомить васъ съ выставкой.

Когда, купивъ входной билетъ и давно не дававшійся мнѣ въ руки оффиціальный Путеводитель, я вступилъ за турникетъ, мой глазъ, Дженни, былъ пріятно пораженъ довольно красивыми зданіями выставки и обширнымъ ея помѣщеніемъ. Но въ то же время я былъ изумленъ ея пустынностью. Дѣйствительно, она представляла собою въ нѣкоторомъ родѣ Сахару, среди которой тамъ и сямъ двигались человѣческія фигуры. Первое впечатлѣніе получается удручающее, особенно если сравнить многолюдство на европейскихъ выставкахъ, и невольно я вспомнилъ слова русскаго джентльмена въ Алупкѣ, утверждавшаго, что выставка предназначена не для тысячъ праздношатающихся, а для нѣсколькихъ десятковъ людей, желающихъ чему-нибудь поучиться.

Желая оріентироваться, я присѣлъ на скамейку и, прежде всего, занялся чтеніемъ путеводителя и изученіемъ плана, чтобы при ихъ помощи болѣе или менѣе систематически осматривать выставку. Это заняло добрый часъ, другой, и я сильно проголодался и возымѣлъ намѣреніе, прежде всего, пройти въ какой-нибудь ресторанъ.

Съ этою цѣлью я обратился къ одному изъ служителей при зданіи выставки и первымъ дѣломъ обратилъ вниманіе на костюмъ этого служителя, желая ознакомиться со старинными русскими костюмами, въ которые, по словамъ оффиціальнаго Путеводителя, одѣта прислуга при зданіяхъ выставки, «что еще болѣе усиливаетъ національно-русскій колоритъ выставки».

Я смотрѣлъ, Дженни, во всѣ глаза и былъ крайне пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что старинные русскіе костюмы совершенно походятъ на тѣ форменные сюртуки, въ какихъ ходятъ служители и курьеры всѣхъ вѣдомствъ (отличаясь, глядя по вѣдомствамъ, лишь цвѣтомъ кантовъ и обшлаговъ). Такую форму я много разъ видѣлъ въ Петербургѣ, гдѣ курьеры многочисленны и часто встрѣчаются на улицахъ съ туго набитыми портфелями своихъ начальниковъ, принужденныхъ, по множеству дѣлъ, работать и дома, и съ картонками и свертками изъ магазиновъ для супругъ тѣхъ лицъ, въ распоряженіи которыхъ есть курьеры, и, наконецъ, просто безъ портфелей и картонокъ, но за то съ необыкновенно серьезнымъ и сосредоточеннымъ видомъ, свидѣтельствующимъ, что такой курьеръ имѣетъ секретное порученіе доставить изъ департамента отъ престарѣлаго директора, почувствовавшаго вторую молодость, или отъ вице-директора, обуреваемаго мятежными страстями, любовное письмо какой-нибудь «дамѣ сердца», тщательно скрываемой отъ супруги. Если вѣрить русскимъ чиновникамъ,—

а они, въ данномъ случаѣ, несомнѣнно правдивы,—курьеры считаются лучшими по скромности Меркуріями въ такихъ деликатныхъ сношеніяхъ. И такъ какъ въ Россіи всѣ болѣе или менѣе значительныя лица работаютъ до переутомленія, гоняя курьеровъ по дѣламъ службы столь часто, сколько то возможно по ихъ числу, и въ возрастѣ за пятьдесятъ лѣтъ отличаются необыкновенною влюбчивостью (какъ лучшимъ отвлекающимъ средствомъ отъ усиленнаго умственнаго напряженія), а супруги ихъ, весьма склонныя къ расточительности, въ отместку часто посѣщаютъ магазины,—то весьма понятно, что курьеровъ требуется много, и въ бюджетахъ разныхъ вѣдомствъ расходъ на нихъ весьма значителенъ *).

Встрѣчая часто этихъ разносителей или, вѣрнѣе, развозителей (курьеры ѣздятъ, а не ходятъ) государственныхъ и семейныхъ тайнъ, я никогда и не подозрѣвалъ, что ихъ полувоенная, похожая на европейскую, форма имѣетъ что-либо общее со старинной русской одеждой, о которой я имѣлъ нѣкоторое понятіе по рисункамъ. Признаюсь, меня брало сомнѣніе. Но текстъ Путеводителя былъ ясенъ **), и я долженъ былъ вѣрить. Впрочемъ, въ тотъ же день недоразумѣніе мое разсѣялось. Въ ресторанѣ «Эрмитажъ», куда я пошелъ завтракать, по указанію служителя въ старинномъ русскомъ костюмѣ, я встрѣтилъ стараго русскаго знакомаго, занимающаго какое-то мѣсто на выставкѣ въ коммиссіи по устройству парка (котораго, однако, совсѣмъ нѣтъ) и получающаго приличныя суточныя. Вотъ этотъ-то джентльменъ, несмотря на свои сорокъ лѣтъ и званіе генерала, веселый, жизнерадостный и беззаботный по случаю полнаго бездѣлья при хорошемъ гонорарѣ, дающемъ возможность проводить весело время въ ресторанахъ, и подтвердилъ основательность моихъ сомнѣній относительно старинныхъ русскихъ костюмовъ, обязательно сообщивъ мнѣ, что сторожа одѣты въ современные костюмы и что въ «Путеводителѣ», вкралась, какъ мой джентльменъ выразился, «маленькая ошибочка».

Подобныхъ «ошибочекъ», правда, не особенно важныхъ, я, впрочемъ, нашелъ нѣсколько и былъ удивленъ, что въ «Путеводителѣ», цѣль котораго сообщать точныя и вѣрныя свѣдѣнія, не оговорены всѣ эти ошибки,

---

*) Опять приходится отмѣтить очевидный вздоръ. Мы его не выкидываемъ, чтобы показать, какъ даже и доброжелательные къ намъ иностранцы готовы сообщать всякія нелѣпости о нашемъ отечествѣ.

**) Очевидно, Знатный Иностранецъ былъ введенъ въ заблужденіе „Путеводителемъ", въ которомъ на стр. 101, дѣйствительно, напечатано слѣдующее: „Прислуга при зданіяхъ выставки одѣта въ старинные русскіе костюмы, что еще болѣе усиливаетъ національно-русскій характеръ выставки". Привыкшій, какъ англичанинъ, безусловно вѣрить путеводителямъ, почтенный лордъ принялъ было современную форму служителей министерства финансовъ за старинные русскіе костюмы. По всей вѣроятности, во время печатанія „Путеводителя" было предположеніе, для усиленія національнаго колорита, одѣть сторожей въ старинные русскіе костюмы. Предположеніе это не осуществилось, а ошибка въ „Путеводителѣ" не исправлена и, къ сожалѣнію, вѣроятно, ввела иностранныхъ посѣтителей выставки въ заблужденіе относительно русской старинной одежды. *Прим. переводчика.*

если только онѣ были своевременно замѣчены редакціей этого, во многихъ отношеніяхъ, полезнаго и толково составленнаго изданія.

Благодаря именно одной изъ такихъ «ошибочекъ», я, наприм., однажды совсѣмъ напрасно прогулялся на самый конецъ выставки, въ отдѣлъ «Домашнія животныя», и вовсе не для осмотра этого отдѣла, не представляющаго для меня интереса, а съ исключительною цѣлью полакомиться въ образцовой фермѣ кислымъ молокомъ.

Освѣдомившись предварительно въ «Путеводителѣ» о томъ, что въ названномъ павильонѣ «по фасаду тянется балконъ, на которомъ производится продажа молока, кумыса, кефира и *другихъ* молочныхъ продуктовъ», и найдя еще болѣе точныя указанія въ справочномъ отдѣлѣ «Путеводителя», въ которомъ, подъ рубрикою: «Рестораны и буфеты» значилось: «Продажа молока, варенцовъ, простокваши и пр. въ павильонѣ III отдѣла»,—я и отправился въ названный павильонъ, предвкушая удовольствіе въ этотъ адски-жаркій день поѣсть безвреднаго прохладительнаго кушанья. Но на просьбу мою дать простокваши я получилъ отвѣтъ, что простокваши не имѣется *).

— Вышла вся?

— Совсѣмъ не имѣется.

Я освѣдомился о варенцѣ, весьма вкусномъ кушаньѣ изъ топленыхъ сливокъ, но оказалось, что и варенца не приготовляли.

— Но какъ же? Въ «Путеводителѣ» сказано...

Подростокъ - дѣвушка, прислуживающая въ числѣ многихъ такихъ же подростковъ, къ которой я нѣсколько наивно обратился съ этимъ вопросомъ, могла только вмѣсто отвѣта взглянуть на меня недоумѣвающе-растеряннымъ взглядомъ и затѣмъ предложила выпить молока.

Я согласился и, признаться, раскаялся,—до того невкусно было это жидкое, снятое молоко, совсѣмъ, казалось, не соотвѣтствующее образцовому молочному хозяйству да еще на всероссійской выставкѣ. А потребленіе молока, повидимому, было большое. Публика, преимущественно учащіеся молодые люди, наполняла балконъ, многіе ждали очереди. И цѣна за небольшой стаканъ скверваго молока была далеко не маленькая: брали 7 к. и за каждый маленькій кусокъ черваго хлѣба одну копѣйку. Если принять въ соображеніе, что въ большихъ городахъ цѣна бутылки цѣльнаго молока десять копѣекъ, то слѣдуетъ прійти къ выводу, что устроители этой продажи назначили безобразно высокую цѣну.

Однако, я опять отвлекся. Возвращаюсь въ ресторанъ, гдѣ я нашелъ насилу мѣсто, и то благодаря встрѣчѣ съ джентльменомъ, состоящимъ членомъ коммиссіи несуществующаго парка, который предложилъ мнѣ сѣсть

*) Придирчивость англичанина явно бросается въ глаза. Положимъ, досадно, что недосмотры въ „Путеводителѣ“ даютъ поводъ „Знатному Иностранцу“ указывать на нашу небрежность, но, вѣдь, почтенный лордъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ отечественныхъ „пессимистовъ печати“, которые, по выраженію одного изъ заправилъ выставки, „указываютъ на одно дурное, умалчивая о хорошемъ“. *Прим. перевод.*

за его столикъ. Онъ уже позавтракалъ и допивалъ вторую бутылку краснаго вина.

Если выставка казалась безлюдной, то ресторанъ, напротивъ, былъ набитъ биткомъ. Ресторанъ этотъ—отдѣленіе извѣстнаго московскаго трактира «Эрмитажъ», гдѣ москвичи обыкновенно устраиваютъ юбилейные обѣды и ужины, на которыхъ говорятъ безчисленныя рѣчи, восхваляющія добродѣтели и заслуги какъ юбиляровъ, такъ и всѣхъ присутствующихъ. И такъ какъ поѣсть и выпить въ Москвѣ охотниковъ много, то на такихъ фестиваляхъ количество рѣчей равно количеству участниковъ, изъ чего вы можете догадаться, Дженни, какъ долго тянутся юбилейные банкеты.

Въ выставочномъ ресторанѣ было шумно и весело. Видимо, это былъ самый посѣщаемый «отдѣлъ» на выставкѣ, и дѣла его процвѣтали тѣмъ болѣе, что «Эрмитажъ», какъ и нѣкоторые другіе рестораны на выставкѣ, получилъ крупную субсидію отъ правительства.

— Какое впечатлѣніе произвела на васъ выставка, милордъ?—спрашивалъ меня русскій джентльменъ, потребовавъ (вѣроятно, по случаю неожиданной встрѣчи со мной) третью бутылку.

Я поспѣшилъ отвѣтить, что только-что пріѣхалъ и видѣлъ—и то мимолетно— лишь часть выставочныхъ зданій.

— Но, все-таки... Ваше первое впечатлѣніе отъ общаго ея вида?—настаивалъ, и довольно упорно, джентльменъ, словно бы не замѣчая моего нежеланія распространяться объ этомъ предметѣ.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, Джени, что въ Россіи люди до крайности любопытны и нисколько не стѣсняются при первомъ же знакомствѣ самымъ безцеремоннымъ образомъ разспрашивать васъ обо всемъ, что придетъ имъ въ голову, хотя бы даже о семейныхъ дѣлахъ и объ имущественномъ вашемъ положеніи... Эта форма бесѣды называется здѣсь «разговоромъ по душѣ».

Такъ какъ я, все-таки, затруднялся отвѣтить сколько-нибудь опредѣленно на вопросъ моего собесѣдника, то онъ, видимо, почему-то желавшій вызвать меня на откровенность, счелъ долгомъ, во-первыхъ, приказать лакею принести мнѣ скорѣе водки и икры на закуску, потомъ, когда я выпилъ рюмку, налилъ мнѣ стаканъ вина и затѣмъ сталъ объяснять, предварительно выцѣдивъ и самъ стаканъ бордо, что хотя онъ, мистеръ Schieloраeff, и самъ одинъ изъ дѣятелей выставки (подъ его наблюденіемъ посажено до 50,000 деревьевъ, хотя парка, все-таки, не вышло. «Отчаянная почва, милордъ!»), тѣмъ не менѣе онъ вовсе не «квасной» патріотъ.

Въ поясненіе этого выраженія, замѣчу вамъ, Джени, что здѣсь «квасными», то-есть наиболѣе доброкачественными патріотами называются такіе джентльмены, которые считаютъ вмѣстѣ съ отвратительнымъ, на мой вкусъ, пойломъ, называемымъ «kwass», все русское—нравы, учрежденія, порядки и т. п.—лучшимъ въ подлунной.

Онъ не идетъ такъ далеко въ своемъ патріотизмѣ и, подобно многимъ своимъ коллегамъ, не считаетъ людей, не восторгающихся безусловно вы-

ставкой, государственными измѣнниками. О, онъ совсѣмъ не таковъ. Онъ не прочь критически отнестись и къ своему отечественному.

И съ бóльшимъ оживленіемъ джентльменъ продолжалъ убѣждать меня, что онъ не сочувствуетъ какому-то для меня неизвѣстному дѣйствительному статскому шарлатану Безшабашному. О, онъ совсѣмъ не таковъ, самъ мистеръ Schieloраeff... Онъ не даромъ окончилъ курсъ въ кавалерійскомъ училищѣ и, выйдя затѣмъ изъ военной службы, пріобрѣлъ много спеціальныхъ свѣдѣній,—и отлично понимаетъ, слава Богу, что люди могутъ быть различныхъ мнѣній, хотя бы и съ начальствомъ, какъ это ни прискорбно. Онъ только состоитъ по министерству и не занимаетъ значительнаго поста,—продолжалъ мой знакомый, съ конфиденціально-грустною усмѣшкой,—но онъ можетъ поклясться, что еслибъ онъ былъ министромъ, то, разумѣется, открылъ бы широкіе пути гласности... Онъ былъ бы терпимъ и не считалъ бы себя непогрѣшимымъ...

Однимъ словомъ, названный джентльменъ говорилъ такъ краснорѣчиво и высказывалъ такія здравыя сужденія, какія имѣютъ обыкновеніе расточать здѣсь—и подчасъ съ неумѣренною щедростью—господа чиновники не у дѣлъ или состоящіе членами, какъ мистеръ Schieloраeff (ужасно трудныя эти русскія фамиліи!), коммиссій по устройству парковъ или ватеръ-клозетовъ,—коммиссій, обыкновенно засѣдающихъ цѣлыя десятилѣтія безъ осязательныхъ результатовъ (а какъ бы нѣкоторые изъ нихъ были полезны для благоустройства русскихъ жилищъ!), до той поры, пока не получаютъ болѣе отвѣтственныхъ должностей, когда вслѣдствіе многочисленности занятій совершенно забываютъ то, что раньше говорили.

Въ заключеніе своей рѣчи мой собесѣдникъ прибавилъ:

— Такъ ужъ вы, милордъ, сдѣлайте одолженіе, отвѣтьте на мой вопросъ и, ради ложной деликатности, не стѣсняйтесь высказаться откровенно о вашемъ первомъ впечатлѣніи... Вѣдь такъ интересно услышать мнѣніе такого просвѣщеннаго иностранца... Интересно и поучительно, милордъ! Какъ бы ни горька была правда, а она все-таки лучше лжи... А у насъ, къ сожалѣнію, правды не услышишь. Газетные корреспонденты врутъ во всю, милордъ, выхваливая выставку. Ну, ихъ положеніе къ тому обязываетъ. Каждому хочется достигнуть тѣхъ успѣховъ, какіе выпали на долю одного изъ ихъ коллегъ, г. Амфитеатрова... Онъ и коммиссаръ, и завѣдующій бюро печати на выставкѣ, онъ, если вѣрить его корреспонденціямъ, былъ очень друженъ съ покойнымъ г. Кази и часто видѣлся съ В. И. Ковалевскимъ. Такъ каково ваше первое впечатлѣніе? И—извините еще за вопросъ, милордъ,—не думаете ли вы описывать выставку въ англійскихъ газетахъ? — неожиданно задалъ вопросъ членъ коммиссіи по устройству парка.

Несмотря на всѣ эти любезности, я, Дженни, не уподобился простоватому окуню и не попался на удочку, такъ какъ достаточно знакомъ съ этой добродушной на видъ простотой русскихъ, подъ которою часто скрывается азіатское коварство. Зналъ я также, какъ значительно приподнятъ

въ послѣднее время ихъ патріотизмъ и, притомъ, понимаемый въ очень своеобразномъ духѣ. Не безъизвѣстно мнѣ было (и изъ личныхъ наблюденій, и изъ знакомства съ русскою печатью) и нѣсколько курьезное—выражаясь мягко—отношеніе русскихъ чиновниковъ къ чужимъ мнѣніямъ, если только они не согласны съ ихъ собственными,—отношеніе, еще вчера довольно наглядно сказавшееся въ застольной рѣчи одного общественнаго крупнаго дѣятеля.

Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства и вдобавокъ принявъ въ соображеніе, что допрашивавшій меня джентльменъ уже опорожнилъ двѣ бутылки и опоражнивалъ третью,—а у русскихъ, прошу это замѣтить, Дженни, возрастаніе и экспансивность патріотическихъ чувствъ прямо пропорціонально количеству поглощенныхъ спиртныхъ напитковъ, чѣмъ и объясняются усиленно-патріотическія рѣчи за торжественными обѣдами,—я, во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, снова повторилъ, что никакихъ впечатлѣній получить не могъ, такъ какъ еще совсѣмъ не видалъ выставки.

По счастью, въ эту минуту къ моему любопытному джентльмену подсѣлъ какой-то господинъ и сталъ горячо жаловаться на формализмъ выставочнаго управленія. Онъ, этотъ господинъ, бывшій, судя по его жалобамъ, экспонентомъ, разсказывалъ длинную и небезъинтересную исторію о входныхъ безплатныхъ экспонентскихъ билетахъ, которая казалась мнѣ сказкой,—до того она была смѣшна. Я сообщу вамъ, Дженни, эту «билетную исторію», невѣроятную по своей нелѣпости, провѣривъ свѣдѣнія экспонента другими источниками, а теперь спѣшу окончивать письмо, такъ какъ я сегодня ѣду на обѣдъ.

Соблазнилъ меня все тотъ же генералъ Schieloraeff. Прощаясь со мной, когда я окончилъ завтракъ, онъ подалъ мнѣ совѣтъ, во-первыхъ, первымъ дѣломъ идти смотрѣть ученаго моржа, объяснивъ, что этотъ моржъ положительно «гвоздь» выставки и что всѣ, какъ знатные, такъ и не знатные посѣтители обязательно дѣлаютъ ему визитъ и уходятъ отъ него восхищенные.

— Непремѣнно посмотрите моржа, милордъ! Онъ въ павильонѣ крайняго сѣвера, напротивъ ресторана. Это нѣчто прелюбопытное: говорящій моржъ!—говорилъ не безъ паѳоса джентльменъ со значкомъ члена выставочной администраціи.

И затѣмъ, пожимая мнѣ руку, неожиданно спросилъ:

— Мы, конечно, сегодня увидимся. Вѣдь вы будете на обѣдѣ?

— На какомъ?

— Да въ честь этого Безшабашнаго... Двадцать рублей съ персоны, но за то будетъ обѣдъ, я вамъ скажу!... Развѣ вы, какъ знатный иностранецъ, не получили приглашенія?

— Кажется, получилъ. Ихъ такъ много, этихъ обѣдовъ у васъ.

— На этомъ непремѣнно вамъ слѣдуетъ быть, милордъ. Покушаете хорошо, услышите прочувствованную рѣчь Кузьмы Мордоплюева о значеніи купечества въ настоящее время.

Я полюбопытствовалъ узнать, кто это такой г. Кузьма Мордоплюевъ (ахъ, что за невозможныя фамиліи, Дженни, у русскихъ и какъ трудно ихъ произносить!).

Мой знакомый даже удивился, что я не слыхалъ этого имени, и поспѣшилъ объяснить мнѣ, что Кузьма Мордоплюевъ — одинъ изъ «столповъ» русской промышленности. Онъ фабрикантъ и милліонеръ, извѣстный не менѣе самого Саввы Морозова и тоже изъ образованныхъ (что считается, прибавлю я отъ себя, Дженни, большою рѣдкостью между представителями русскаго купечества): окончилъ университетъ, путешествовалъ по Европѣ, говоритъ на трехъ языкахъ и одѣвается, какъ парижскій пшютъ.

— Я познакомлю васъ съ нимъ... Преинтересный экземпляръ, я вамъ доложу, и воображаетъ себя государственнымъ человѣкомъ. Мечтаетъ, кажется, быть министромъ торговли, если будетъ у насъ такое министерство. Такъ будете, милордъ, и садимся рядомъ? Я займу рядомъ мѣста и буду вашимъ чичероне.

Я согласился, Дженни, и пошелъ осматривать выставку, начавъ осмотръ, по совѣту русскаго чиновника, съ ученаго моржа.

Дѣйствительно, онъ могъ считаться «гвоздемъ» выставки и служить въ нѣкоторомъ родѣ указателемъ, что особенно нравится посѣтителямъ выставки.

Дѣйствительно, вокругъ бассейна, въ которомъ находился моржъ, тоскливо поглядывавшій своими большими грустными глазами и словно бы жалующійся на администрацію выставки за то, что его держатъ въ грязной и мутной водѣ, обрекая неминуемой смерти, которой уже подверглись нѣсколько его товарищей,—толпилась публика, прилично одѣтая и въ такомъ, относительно, большомъ количествѣ, какого я не видалъ потомъ ни въ одномъ отдѣлѣ. Ожидали представленія, которое вскорѣ и началось и заключалось въ слѣдующемъ:

Явился нѣкій господинъ,—говорили, что нѣмецъ,—состоящій при моржѣ въ качествѣ надсмотрщика и гувернера, и, пробравшись черезъ толпу къ краю бассейна, крикнулъ животному по-русски, съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ:

— А ну-ка, «голюбчикъ», перевернись!

Умное животное тотчасъ же перевернулось.

— Еще перевернись! — командовалъ гувернеръ.

И моржъ покорно опять перевернулся и не спускалъ грустнаго своего взгляда съ гувернера, словно бы ожидая новаго приглашенія перевернуться.

Нечего и говорить, что столь послушливое поведеніе животнаго вызвало общія одобренія, и кто-то изъ публики даже восторженно крикнулъ:

— Ай-да молодчина! Видно, что русскій моржъ... Ловко перевертывается! Ура!

Однако патріотическій возгласъ не былъ поддержанъ въ виду нѣсколько пьянаго голоса восторженнаго зрителя. Раздался только сдержанный смѣхъ

и кое-какія замѣчанія аллегорическаго, казалось, характера. Однимъ изъ таковыхъ, повидимому, было и слѣдующее замѣчаніе стоявшаго подлѣ меня джентльмена, обращенное къ бывшей съ нимъ дамѣ и произнесенное съ веселой усмѣшкой:

— Этотъ моржъ, въ самомъ дѣлѣ, забавенъ. Переворачивается не хуже нашихъ чиновниковъ и корреспондентовъ!

Эти, не вполнѣ понятныя для меня слова относительно переворачиванія господъ чиновниковъ и корреспондентовъ, признаюсь, Дженни, заинтересовали меня настолько, что я позволилъ себѣ обратиться къ молодому джентльмену съ просьбой разъяснить это выраженіе, предваривъ, что я, какъ иностранецъ, не вполнѣ понимаю его.

Молодой человѣкъ оглядѣлъ меня довольно подозрительнымъ и суровымъ взглядомъ, готовый, казалось, видѣть во мнѣ весьма хитрую бестію, прикинувшуюся иностранцемъ. Особенно долго разсматривалъ онъ мое пальто и, наконецъ, убѣдившись, повидимому, что оно темнаго, а не гороховаго цвѣта, отвѣтилъ, однако не особенно любезно, что онъ не привыкъ входить въ объясненія съ незнакомыми людьми, да еще въ публичныхъ мѣстахъ, и тотчасъ же отошелъ вмѣстѣ со своей дамой подальше отъ меня и скрылся въ толпѣ, словно бы находя мое сосѣдство для себя непріятнымъ.

Въ поясненіе этого обстоятельства, слѣдуетъ замѣтить, дабы вы не подумали, Дженни, что вашъ супругъ пугаетъ публику своимъ видомъ, что русскіе интеллигентные люди, въ возрастѣ отъ 14 до 70 лѣтъ, обнаруживаютъ боязливую недовѣрчивость (младенцы и дряхлые старики въ этомъ отношеніи менѣе повинны) относительно незнакомыхъ джентльменовъ вообще и относительно одѣтыхъ въ пальто гороховаго цвѣта въ особенности. Вотъ почему здѣсь въ публичныхъ мѣстахъ, на гуляньяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ театрахъ, въ ресторанахъ люди обыкновенно косятся другъ на друга и, незнакомые между собой, никогда не заговорятъ, какъ у насъ, напримѣръ, и особенно на темы, имѣющія какое-либо, хотя и отдаленное отношеніе къ внутренней политикѣ. Объясняется эта боязнь, если вѣрить словамъ многихъ почтенныхъ русскихъ джентльменовъ, во-первыхъ, непривычкой, застѣнчивостью и полнымъ отсутствіемъ практики русскихъ говорить внѣ дома, и во-вторыхъ, скромностью, заставляющей опасаться, какъ бы любознательные джентльмены, имѣющіе вмѣсто формы гороховое пальто, не сообщили въ газеты, а то и куда-нибудь въ другое мѣсто, содержаніе подслушанныхъ рѣчей и чего добраго—еще въ извращенномъ видѣ.

Не ручаюсь вполнѣ за вѣрность этого объясненія, но могу только увѣрить васъ, Дженни, въ томъ, что заговаривать здѣсь съ незнакомыми людьми не принято, и я былъ нѣсколько смущенъ, что забылъ объ этомъ и, быть можетъ, напугалъ молодого джентльмена, совершенно напрасно.

Между тѣмъ представленіе продолжалось. Послѣ того, какъ моржъ нѣсколько разъ по командѣ перевернулся къ общему удовольствію присут-

ствующихъ, гувернеръ обратился къ нему съ просьбой сказать: «благодарю». И вслѣдъ за этою просьбой, имѣвшей, впрочемъ, болѣе характеръ приказанія, животное раскрыло ротъ и промычало довольно членораздѣльно нѣкоторые звуки, которые при нѣкоторомъ воображеніи можно было принять за слово: «благодарю!»

Восторгъ публики былъ неописуемый. Раздались оглушительныя рукоплесканія, и вслѣдъ затѣмъ моржъ еще разъ, другой и третій промычалъ то же слово.

— А другихъ словъ онъ не умѣетъ?—спрашивалъ кто-то изъ публики.

Находчивый гувернеръ отвѣчалъ, что моржъ, какъ добрый русскій обыватель, умѣетъ только благодарить и ничего болѣе, и этотъ отвѣтъ вызвалъ, въ свою очередь, восторги уже по адресу нѣмца. Какой-то купецъ въ патріотическомъ одушевленіи, значительно, впрочемъ, приподнятомъ, судя по слишкомъ красному лицу и нетвердой походкѣ, спиртными напитками, рѣшительно подошелъ къ гувернеру и облобызавъ его и вручивъ сторублевую бумажку, воскликнулъ:

— Получай, нѣмчура! Уважилъ моржемъ. Онъ настоящій патріотъ, какъ и всѣ мы русскіе люди. Давай, я моржа поцѣлую!

И съ этими словами нетвердый на ногахъ купецъ хотѣлъ, было, лѣзть въ бассейнъ цѣловать моржа, но такъ какъ его отъ этого патріотическаго поступка удержали, то онъ, подражая моржу, закричалъ, обращаясь къ нему:

— Бла-дарю, Бла-дарю, Бла-дарю!

Замѣчательно экспансивны, Дженни, русскіе въ изъявленіи патріотиче скихъ восторговъ!

Однако, письмо и безъ того вышло длиннымъ, а мнѣ пора надѣвать фракъ и ѣхать на обѣдъ въ честь Безшабашнаго. До слѣдующихъ писемъ. Обнимаю васъ, и да хранитъ васъ Богъ, дорогая Дженни.

Вашъ Джонни.

Съ подлиннымъ вѣрно:

К. Станюковичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Сентябрь. 1896 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Публицистика.—Философія и психологія. — Исторія, біографіи.— Языкознаніе. — Политическая экономія.— Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** «Русскій Вѣстникъ», *августъ*. — «Вѣстникъ Европы», *августъ*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *августъ*. — «Русское Богатство», *іюль*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 августа по 1 сентября 1896 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Хлѣбный вопросъ“. Юмористич. разсказы *Н. А. Лейкина*. — „Карьера“. Повѣсть *Арсенія Г.*—„Онѣгинъ нашихъ дней“. *Lolo*.

Хлѣбный вопросъ. Юмористическіе разсказы Н. А. Лейкина. Спб., 1896 г. Цѣна 1 рубль. Изъ списка, приложеннаго къ этой книжкѣ, оказывается, что *Хлѣбный вопросъ* составляетъ тридцатый томъ произведеній названнаго автора, изъ которыхъ многія выдержали по два и по три изданія, одно—семь изданій и одно—одиннадцать. Это почти все юмористическіе разсказы и повѣсти. Повидимому, на „юмористику“ порядочный спросъ. Здѣсь не мѣсто разбирать прежнія сочиненія г. Лейкина и входить въ общую оцѣнку его литературной дѣятельности, и мы поставлены въ необходимость ограничиться короткимъ отзывомъ объ одной лежащей передъ нами книжкѣ. Въ ней, кромѣ повѣсти *Хлѣбный вопросъ*, помѣщены еще разсказы: *На развалинахъ, По объявленіямъ, Несгараемый сундукъ, Прислуга изъ конторы, Въ рабочей избѣ, Водопроводъ шалитъ. Хлѣбный вопросъ* и *На развалинахъ* изложены въ видѣ писемъ, въ первомъ случаѣ—писемъ бѣднаго молодого человѣка, служащаго въ одной изъ петербургскихъ страховыхъ конторъ, во второмъ въ видѣ писемъ графа Бориса Угрюмъ-Голядовскаго къ сестрѣ, живущей въ провинціи. Банковскій служащій Глѣбъ сообщаетъ въ 48 письмахъ своему провинціальному другу Ипполиту Ивановичу очень послѣдовательно и подробно о своихъ попыткахъ и стараніяхъ разрѣшить *Хлѣбный вопросъ* въ благопріятномъ для себя смыслѣ посредствомъ „улавливанія“ и „эксплуатаціи“ зажиточныхъ и немолодыхъ вдовъ. Вначалѣ дѣла Глѣба идутъ хорошо, онъ уловляетъ не одну, а цѣлыхъ трехъ вдовъ, снискиваетъ себѣ около нихъ не только сытное пропитаніе, но и совсѣмъ благополучное житье на полномъ содержаніи. Затѣмъ Глѣба постигаютъ неудачи и разочарованія. Вся исторія кончается его женитьбой на одной изъ трехъ прокармливавшихъ его дамъ. Похожденія промотавшагося графа (въ 32 письмахъ) заключаются въ выпрашиваніи денежныхъ подачекъ у богатой

сестры, причемъ онъ разсказываетъ, какъ онъ съ недѣлю на недѣлю и со дня на день перебивается займами у кого попало и какъ попало, за что, въ концѣ концовъ, самъ попадаетъ въ тюрьму, уличенный въ выдачѣ фальшивыхъ векселей. „Юморъ“ этихъ повѣствованій состоитъ въ тѣхъ пріемахъ и изворотахъ, которыми герои, не безъ нѣкоторой наивности, хлопочутъ оправдать свои дрянныя дѣянія. И мѣстами это дѣйствительно можетъ вызвать улыбку не особенно требовательнаго читателя. Но простодушнымъ негодяйствамъ Глѣба отведено 98 страницъ, а мытарствамъ графа „на развалинахъ“ промотаннаго состоянія—65. И въ столь длинныхъ, несоотвѣтственно съ сюжетами, писаніяхъ, въ многократныхъ повтореніяхъ одного и того же, расплывается всякая „юмористика“ и получается впечатлѣніе довольно основательной скуки. Въ разсказѣ *По объявленіямъ*, наиболѣе живомъ изъ всѣхъ, героиня, засидѣвшаяся въ дѣвушкахъ, разыскиваетъ жениха „американскимъ“ способомъ, посредствомъ объявленій въ газетахъ, что̀ даетъ автору поводъ изобразить нѣсколько забавныхъ сценокъ и сдѣлать нѣсколько остроумныхъ замѣчаній. Та же погоня за женихами составляетъ сюжетъ разсказа *Несгораемый сундукъ*. Догадливая мамаша, желая сбыть съ рукъ двухъ дочекъ, обзавелась такимъ сундукомъ въ одномъ изъ банковъ, чтобъ увѣрить всѣхъ, будто у нея имѣются большіе капиталы, и, быть можетъ, нашла бы довѣрчиваго женильщика, еслибы не открылось случайно, что, вмѣсто процентныхъ бумагъ, она кладетъ и вынимаетъ изъ сундука пакеты съ газетною бумагой. И опять здѣсь портятъ дѣло размѣры разсказа и многократныя повторенія. Въ разсказѣ *Прислуга изъ конторы* изображено послѣдовательно, какъ приходятъ наниматься лакей, кухарка, поваръ и кучеръ. Эти четыре сценки уже совершенно тождественны: прислуга хлопочетъ и договаривается не столько о жалованьи и своихъ будущихъ обязанностяхъ, сколько о большей или меньшей возможности „попользоваться“ выгодами отъ разныхъ закупокъ. Очень вѣрно и забавно изображена *Въ рабочей избѣ* сценка писанія бариномъ писемъ отъ мужиковъ при посылкѣ денегъ къ ихъ роднымъ въ деревню. *Водопроводъ шалитъ*—просто скучно, хотя въ дѣйствительности такіе казусы бываютъ съ жильцами квартиръ, имѣющихъ краны съ проведенною водой. Въ общемъ, мы находимъ „юморъ“ этой книжки слишкомъ тягучимъ и однообразнымъ, мало занимательнымъ и потому еще, что всѣ фигуры дѣйствующихъ лицъ не новы, не оригинальны и не достаточно ярки для того, чтобы представлять какой-нибудь интересъ.

Карьера. Повѣсть Арсенія Г. Москва, 1896 г. Изд. Д. П. Ефимова. Ц. 1 рубль. Съ словомъ *Карьера* у насъ обыкновенно соединяется понятіе, что карьеру дѣлаетъ и сдѣлалъ мужчина, хотя не рѣдко бываетъ, что въ „дѣланіи карьеры“ женщина принимаетъ большое участіе, то побуждая мужа лѣзть вверхъ изъ своего личнаго честолюбія, то помогая мужу всѣми зависящими отъ нея средствами пробираться въ чины и къ власти. Въ повѣстяхъ и въ романахъ мотивы эти иногда затрогивались, но по большей части лишь въ видѣ вводныхъ эпизодовъ. Г. Арсеній Г. взялъ такой сюжетъ въ основу своей повѣсти, что придаетъ ей значительный интересъ и нѣкоторую оригинальность. Герой повѣсти, Антонъ Дмитріевичъ Олишевъ, молодой профессоръ, смотритъ на науку и на профессуру какъ на средства достигнуть „степеней извѣстныхъ“. Но онъ знаетъ, что средство это ведетъ къ цѣли медленно и далеко не всегда вѣрно, если нѣтъ въ запасѣ такой „бабушки“, которая „ворожитъ“. У Олишева таковой не

имѣется, и для пріобрѣтенія необходимой ворожеи онъ женится на молодой вдовушкѣ, урожденной графинѣ Вельской, Варварѣ Александровнѣ, родной дядя которой, графъ Вельскій, умѣетъ „ворожить" не хуже самой хитрой петербургской бабушки. Профессоръ и вдовушка вступаютъ въ бракъ „на разумныхъ началахъ",—по ихъ собственнымъ словамъ,—во всякомъ же случаѣ на началахъ полной откровенности. Ни о какой любви между ними нѣтъ и помина, всѣ разговоры жениха съ невѣстой, а потомъ мужа съ женой имѣютъ чисто-дѣловой и практическій характеръ совѣщаній лицъ вступающихъ въ „товарищество на паяхъ" (опять ихъ выраженіе) для эксплуатаціи людскихъ слабостей и глупости. Всѣ подробности соглашенія опредѣлены заранѣе съ большою точностью, равно, какъ и обязанности каждаго изъ пайщиковъ, и назначеніе каждой изъ пяти комнатъ ихъ квартиры. Залъ существуетъ для того,—говоритъ невѣста, осматривая будущее жилище супруговъ,—чтобы „опытнымъ хозяевамъ можно было намѣчать полезныхъ для нихъ людей"; посѣтителей, удовлетворительно выдержавшихъ испытаніе, допускаютъ въ гостиную, „гдѣ молодая и не глупая женщина (хозяйка) передѣлываетъ гостя по своему",—по просту говоря, „обдѣлываетъ" посѣтителя. „Обдѣланнаго" препровождаютъ въ кабинетъ, въ которомъ „исполняется все, что подготовлено въ гостиной". Въ столовой „закрѣпляется то, что подготовлено было въ гостиной и исполнялось въ кабинетѣ".—„А спальня?"—спрашиваетъ наканунѣ свадьбы женихъ, восхищенный „теоріей комнатъ" своей невѣсты.—„Это комната для насъ самихъ,—отвѣчаетъ Варвара Александровна.—Но если вы замѣтили, я ни однимъ словомъ не упомянула о дѣтской"... Онъ не далъ ей кончить, взялъ нѣжно ея руку, поцѣловалъ ее и сказалъ:—„Съ такою женой, какъ вы, я могу ничего и никого не бояться". Вступивши въ бракъ, „пайщики" добросовѣстно исполняли договоръ, „обдѣлали" дядюшку-графа, „обработали" двухъ богатыхъ купцовъ, имѣющаго огромную „власть" князя, во всемъ преуспѣвали и только одинъ разъ испугались, когда оказалось, что можетъ потребоваться шестая комната—дѣтская. Но удача была „имъ на роду писана"—авторомъ: ребенокъ родился мертвымъ, и „карьера" пошла опять своимъ отличнымъ ходомъ, „товарищество на паяхъ" добилось желаннаго мѣста у „власти", сохранивши во всѣхъ статьяхъ полную невинность и ни въ чемъ не потерпѣвши ни малѣйшаго посрамленія. Наоборотъ, другой профессоръ и дѣлецъ, по фамиліи Слетовъ, такъ и умеръ, не добравшись до настоящей власти, главнымъ образомъ,—потому, что не озаботился во-время заручиться такою союзницей, какою была для Олишева его супруга. Изъ этого слѣдуетъ... Мы предпочитаемъ не договаривать, что изъ этого слѣдуетъ, ибо полагаемъ, что авторъ отнюдь не желалъ склонять читателей къ такимъ выводамъ, которые можно сдѣлать изъ написанной имъ повѣсти. А полагаемъ мы это потому, что истинныя симпатіи автора остаются, все-таки, на сторонѣ профессора Никанора Адріановича, чистаго идеалиста, старика, безхитростно преданнаго наукѣ и глубоко скорбящаго душой объ измѣнахъ Слетова и Олишева. Мы думаемъ, что, увлекшись „правдивостью житейской", г. Арсеній Г. немного не договорилъ того, что нужно было сказать, не отмѣтилъ надлежащими штрихами того, что необходимо было выдвинуть впередъ ради художественной правды. Общее впечатлѣніе получается такое, будто авторъ хотѣлъ выставить на видъ не нравственную дрянность и пустодушіе своего героя и героини, а только „суетность" всякихъ честолюбивыхъ стремленій къ карьерѣ,

„тщету“ всѣхъ стараній добиться власти и богатства, такъ какъ всѣхъ людей ждетъ одна судьба, равная для могущественныхъ и ничтожныхъ, для богатыхъ и нищихъ,—смерть, отнимающая все земное, власть и богатство, но безсильная разрушить „идею“, которой служатъ такіе люди, какъ старикъ профессоръ. Только мысль о смерти и сокрушаетъ карьериста Олишева и нѣсколько омрачаетъ его благополучное шествіе къ „власти“, тогда какъ душа Никанора Адріановича остается невозмутимо ясною отъ сознанія, что имъ внесена своя доля вклада въ науку, сокровищницу духовныхъ благъ, могущихъ дать счастье человѣчеству.

Онѣгинъ нашихъ дней. Романъ-фельетонъ въ стихахъ, Lolo. Москва, 1896 г. Цѣна 75 коп. Насколько хорошъ и цѣненъ бриллiантъ, на столько же противно и гадко стекло, когда оно отшлифовано на подобіе настоящаго драгоцѣннаго камня и вставлено въ оправу, которою ремесленникъ пытается придать ему видъ ювелирной вещи. *Евгеній Онѣгинъ*—чудный бриллiантъ и будетъ вѣчно горѣть самоцвѣтнымъ огнемъ генія, открывшаго и отшлифовавшаго его. *Онѣгинъ нашихъ дней* — плохое стекло „фельетоннаго“ издѣлія, свидѣтельствующаго лишь о томъ, какъ мало стѣсняются ремесленники въ своихъ покушеніяхъ пускать въ продажу поддѣлки. Авторъ этой книжонки написалъ на ней свое имя иностранными буквами и хорошо сдѣлалъ, отмѣтивши этимъ, что у него не хватило духа подписать свой продуктъ русскимъ именемъ и даже русскимъ псевдонимомъ. Г. Lolo въ своемъ „романѣ-фельетонѣ“ выводитъ подъ именами, взятыми изъ произведенія великаго поэта, героя —„савраса“, поэта —„золоторотца“, Татьяну — гулящую актрисенку, Ольгу—того похуже. Все, что они выдѣлываютъ и что про нихъ расписываетъ авторъ поддѣльными стихами, грязно и мерзко. Взявши размѣръ и построеніе строфъ Пушкина, стихослагатель г. Lolo пишетъ:

„И такъ я сталъ игрокъ завзятый,
Живу я въ царствѣ *rouge et noir,*
Но въ прахъ разноситъ домъ проклятый
И рветъ, и мечетъ Вольдемаръ“...

А въ другомъ мѣстѣ:

„Ты любишь Ольгу, ты ей вѣренъ,
Но изводиться такъ къ чему-жъ?
Мой cher, ты глупъ, какъ сивый меринъ“...

Такую книжонку въ руки взять стыдно!...

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Гуманитарное ученіе или гуманитаризмъ“. *Г. С. Солта.*—„Антропофаги и вегетаріанцы“. *А. Гриневскаго.* — „Вегетаріанство, его смыслъ и общественное значеніе“. Статья *М. С.*—„Мясо или плоды?“ *Г. С. Солта.* — „Очеркъ земской дѣятельност[и] въ области общественнаго призрѣнія“. *Евг. Максимова.*

Гуманитарное ученіе или гуманитаризмъ. Г. С. Солта. Переводъ съ англійскаго.—Антропофаги и вегетаріанцы. А. Гриневскаго.—Вегетаріанство, его смыслъ и общественное значен[іе]. Статья М. С.—Мясо или плоды? Г. С. Солта, перев. съ англ. Счастной. Москва, 1896 г. Изданіе „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Въ этихъ трактатахъ есть свои безспорныя до[стоинства]

инства: общедоступность изложенія и живое, даже страстное отношеніе авторовъ къ предмету; есть интересныя свѣдѣнія, напримѣръ, историческія экскурсіи съ цѣлью указанія на различные фазисы въ эволюціи нравственности, пережитые человѣчествомъ; но крайнее увлеченіе одною идеей вегетаріанства и настоятельная проповѣдь немедленно отречься отъ мясной пищи сообщаютъ всему ходу мыслей авторовъ явную и, признаться, вредную односторонность. Слишкомъ увѣренно, слишкомъ смѣло и пренебрежительно относятся здѣсь къ важному вопросу значенія политической жизни и соціальныхъ реформъ въ исторіи прогресса человѣчества; слишкомъ наивно проповѣдуютъ всѣ блага міра отъ одного вегетаріанства; слишкомъ сантиментально оплакиваютъ страданія животнаго, отводя вниманіе общества отъ болѣе тяжкихъ, горшихъ и вопіющихъ страданій человѣка. И неужели для многихъ еще долго будетъ вопросомъ, какая обязанность первѣе: проповѣдь человѣчнаго отношенія къ скоту или борьба со скотскимъ отношеніемъ къ человѣку?

Очеркъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія. Евг. Максимова. Спб., 1895 г. Учрежденная въ 1892 году, подъ предсѣдательствомъ К. К. Грота, коммиссія для пересмотра дѣйствующаго законодательства объ общественномъ призрѣніи разослала два проекта въ городскія и губернскія земскія управы и просила ихъ высказаться по основнымъ вопросамъ общественнаго призрѣнія. Находя фактъ такого обращенія въ высшей степени правильнымъ и цѣлесообразнымъ, такъ какъ означенныя учрежденія являются въ данномъ вопросѣ наиболѣе компетентными органами, авторъ очерка счелъ весьма важнымъ выяснить прежній опытъ земства въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія, намѣтить важнѣйшія черты его дѣятельности и опредѣлить путь, по которому оно шло въ теченіе почти 30 лѣтъ. Съ этою цѣлью онъ изображаетъ печальное состояніе, въ которомъ земство застало дѣло общественнаго призрѣнія тридцать лѣтъ тому назадъ, и дѣлаетъ очеркъ постепенныхъ успѣховъ, которыхъ оно достигло, благодаря земству, несмотря на неблагопріятныя условія.

На основаніи этого прошлаго опыта г. Максимовъ приходитъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которыя могутъ имѣть значеніе для правильной постановки дѣла въ будущемъ. Эти выводы сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что общественное призрѣніе должно оставаться въ преимущественномъ вѣдѣніи земства, обязанности по призрѣнію должны сдѣлаться всесословными и распредѣляться въ зависимости отъ экономическихъ условій, главнымъ образомъ, между всесословными волостными организаціями, уѣздными и губернскими земствами, городскими обществами и государствомъ. При организаціи органовъ призрѣнія, по мнѣнію автора, необходимо привлечь возможно большее количество мѣстныхъ дѣятелей, причемъ желательно объединить все дѣло призрѣнія въ Россіи, привлекши къ нему вниманіе центральной власти.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ.

„Артуръ Шопенгауэръ“. *Куно Фишера.*—„Психологія“. *Уильяма Джемса,* переводъ *И. И. Латкина.* — „Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности“. *Г. Челпанова.*

Артуръ Шопенгауэръ. Куно Фишеръ. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. М., 1896 г. Эта книга представ-

ляетъ собою переводъ восьмого тома извѣстнаго произведенія Куно Фишера *Geschichte der neueren Philosophie*. Первый выпускъ ея, содержащій біографію знаменитаго мыслителя, вышелъ въ свѣтъ еще въ началѣ 1894 года и обратилъ на себя вниманіе читающей публики.

К. Фишеръ—старый знакомецъ русскаго общества, и уже въ 1862—1864 гг. Н. Н. Страховъ перевелъ четыре тома его *Исторіи новой философіи*, которые, впрочемъ, теперь потеряли свое былое значеніе, потому что подлинникъ радикально переработанъ и дополненъ новыми отдѣлами. Высокія достоинства К. Фишера, какъ историка отвлеченной мысли, давно признаны и оцѣнены. Никто не умѣетъ говорить о философскихъ системахъ такъ просто, ясно и красиво, какъ онъ; никто не дѣлаетъ болѣе доступными вершины человѣческой абстракціи, ни за кѣмъ вы не пойдете въ глубь метафизическихъ ученій такъ увѣренно и спокойно, какъ за нимъ. Онъ авторитетно ведетъ читателя по извилинамъ запутанныхъ теорій, и то, что прежде казалось противорѣчивымъ, темнымъ и непонятнымъ, въ его изложеніи проясняется и получаетъ необыкновенную стройность; въ этомъ отношеніи К. Фишеръ заходитъ иногда даже слишкомъ далеко, и его не безъ основанія упрекаютъ въ томъ, что въ своемъ желаніи представить данную систему, какъ одно органическое цѣлое, онъ игнорируетъ возбуждаемые ею недоумѣнія, споры и толкованія и, усыпляя критическую тенденцію своихъ читателей, показываетъ имъ въ свѣтѣ догматической несомнѣнности тѣ пункты, которые на самомъ дѣлѣ могутъ пониматься и такъ, и иначе, и о которыхъ, дѣйствительно, существуютъ различныя мнѣнія. Эта отрицательная черта К. Фишера находится въ тѣсной связи съ тою положительной особенностью его, что, говоря о томъ или другомъ философѣ, онъ всецѣло проникается имъ, такъ сказать—входитъ въ него, переноситъ въ себя его умственную работу, весь сложный процессъ его интеллектуальнаго развитія, и поэтому невольно отъ себя уже сглаживаетъ шероховатости и восполняетъ недостающія звенья; въ чужое ученіе К. Фишеръ углубляется такъ, что оно становится какъ бы его собственнымъ.

Въ книгѣ, посвященной Шопенгауэру, К. Фишеръ остался вѣренъ замѣчательному изяществу своего стиля и увлекательной манерѣ своего разсказа. Біографія нѣмецкаго пессимиста передана такъ, что она читается съ захватывающимъ интересомъ, читается, какъ художественное произведеніе. К. Фишеръ сообщаетъ множество фактовъ изъ внѣшней и внутренней жизни геніальнаго философа, и всѣ эти факты, существенные и второстепенные, важные и детальные, даютъ яркій и полный образъ Шопенгауэра. К. Фишеръ съ поразительной обстоятельностью воспользовался всѣмъ, что только могло служить для характеристики великаго мыслителя и окружавшей его обстановки; изъ собственныхъ произведеній Шопенгауэра, изъ воспоминаній его друзей и учениковъ, изъ его переписки—отовсюду извлекъ онъ обильныя свѣдѣнія и сумѣлъ расположить ихъ такъ, что вмѣстѣ они образуютъ непрерывное и гармоническое повѣствованіе. Нравственная личность творца *Міра какъ воля и представленіе* не нравится К. Фишеру, и онъ этого нисколько не скрываетъ; но должная объективность всюду соблюдена, и нѣтъ только той симпатичной теплоты, которая согрѣваетъ страницы жизнеописанія, если героемъ его является любимецъ біографа. Справедливо считая характеръ Шопенгауэра „удивительной проблемой“, К. Фишеръ удѣляетъ этому вопросу цѣлую главу; противорѣчіе между ученіемъ и моральною физіономіей пессимиста, который жаждетъ славы и

жизни,—такимъ былъ знаменитый философъ,—онъ разрѣшаетъ что Шопенгауэръ смотрѣлъ на мiръ и его страданiя съ точки зрѣнiя не чувства, а холоднаго ума, что его лишь эстетически интересовало несчастье свѣта и людей, но оно не доходило до его сердца, сердца угрюмаго и влюбленнаго въ себя эгоиста.

Центральный пунктъ духовнаго существованiя Шопенгауэра — это постепенное возникновенiе его главнаго труда *Die Welt als Wille und Vorstellung;* вотъ почему К. Фишеръ детально показываетъ, какъ зараждалось, зрѣло и отлилось въ дивно - прекрасную форму это сокровище мысли, отъ котораго въ видѣ радiусовъ отходятъ остальныя произведенiя Шопенгауэра. Философскую систему, выразившуюся въ этихъ творенiяхъ великаго ума, К. Фишеръ излагаетъ такимъ же образомъ, какъ и бiографiю Шопенгауэра: та же рѣдкая обстоятельность, та же полнота и цѣльность, не оставляющая желать ничего лучшаго, тотъ же яркiй и образный слогъ. Глубоко изучивъ сочиненiя Шопенгауэра, К. Фишеръ знакомитъ съ его мiровоззрѣнiемъ во всей его законченности, и передъ нами вырисовывается *весь* Шопенгауэръ. Нѣмецкiй историкъ философiи не посвятилъ своего вниманiя одной изъ главныхъ только сторонъ многограннаго ученiя знаменитаго мыслителя,— онъ изобразилъ его цѣликомъ, во всѣхъ его частностяхъ и даже мелочахъ. То, что у Шопенгауэра брошено мимолетнымъ намекомъ гдѣ-нибудь въ *Парергахъ*, то, что высказано въ устной бесѣдѣ съ однимъ изъ адептовъ и поклонниковъ, то, что выдѣляется оригинальностью картиннаго выраженiя,— все это собрано у К. Фишера и всему этому отведено соотвѣтствующее мѣсто въ его гармоническомъ и блестящемъ изложенiи; детали не заслоняютъ собою главнаго и главное не поглощаетъ въ себѣ деталей. Кто прочтетъ К. Фишера, тотъ можетъ сказать, что онъ знаетъ Шопенгауэра, и если онъ потомъ непосредственно обратится къ подлиннымъ книгамъ великаго философа, ему будутъ знакомы въ нихъ не только мысли, но даже стилистическiя красоты и образы. Всѣ элементы шопенгауэровской философiи—метафизика, теорiя познанiя, этика, эстетика—представлены у К. Фишера въ цѣломъ рядѣ и цитатъ, и комментарiевъ. Но, кромѣ силы отвлеченнаго мышленiя, Шопенгауэръ обладалъ еще неисчерпаемымъ кладомъ жизненной мудрости и высказался о многихъ вопросахъ практической жизни съ изумительной проницательностью и остроумiемъ; ни одинъ философъ древняго или новаго мiра не объяснялъ съ такою глубиною повседневныхъ явленiй, никто до такой степени не прилагалъ къ нимъ критерiевъ, почерпнутыхъ изъ собственной метафизической системы, не испробовалъ своей абстрактной теорiи на фактахъ конкретной дѣйствительности. Эта сторона шопенгауэровскаго духа нашла себѣ у К. Фишера признанiе и оцѣнку и дополняетъ общую характеристику философа пессимиста. К. Фишера можно упрекнуть только въ томъ, что онъ слишкомъ дробитъ свое изложенiе, даетъ не цѣльную картину, а только части ея, предоставляя читателю самому подвести итоги и нарисовать себѣ стройный образъ. Правда, выполнить эту задачу для читателя легко, потому что отдѣльные моменты, предложенные К. Фишеромъ, удобно складываются въ совершенныя, законченныя композицiи. Такимъ же детальнымъ характеромъ отличается и критика К. Фишера; она касается не столько всей системы,—хотя касается и ея,—сколько отдѣльныхъ частей ея, и вообще глубины въ ней нѣтъ. К. Фишеръ, послѣдователь Гегеля, не можетъ симпатизировать Шопенгауэру, ожесточенному противнику Гегеля. Онъ вѣрно указываетъ

противорѣчія въ системѣ Шопенгауэра и тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ она вращается, благодаря своему ученію объ интеллектѣ, какъ функціи мозга, но отвергаемой системѣ К. Фишеръ не противопоставляетъ другой, и его критическія замѣчанія не являются самымъ сильнымъ, что можно сказать противъ Шопенгауэра; онъ возражаетъ не столько какъ философъ, сколько какъ историкъ философіи.

Въ общемъ, русская читающая публика, которая знаетъ Шопенгауэра лишь поверхностно, какъ брюзжащаго и довольно банальнаго пессимиста и ненавистника женщинъ, изъ труда К. Фишера, — труда, далеко не панегирическаго, — вынесетъ убѣжденіе, что не въ этихъ внѣшнихъ чертахъ заключаются величіе и заслуга Шопенгауэра и что его идеи, опошленныя толпой, въ которую онѣ проникли, являются безсмертными созданіями геніальнаго ума.

Уилльямъ Джемсъ, профессоръ психологіи въ Гарвардскомъ университетѣ. Психологія. (Text book of Psychology). Перев. съ англійск. И. И. Лапшина. Съ приложеніемъ статьи переводчика: „Философское значеніе психологическихъ воззрѣній Джемса". Физіологическій отдѣлъ книги проредактированъ М. Н. Римскимъ-Корсаковымъ. Спб., 1896 г., 35+392 стр. Ц. 2 р. Въ послѣднее время философскія науки, какъ извѣстно, хотя для многихъ можетъ быть, и неожиданно, пышно расцвѣли въ великой сѣверо-американской республикѣ; оказалось, что американцы способны цѣнить не только то, что касается техники и практической жизни, но и многое другое. Особенно посчастливилось у нихъ психологіи; уже теперь въ Соединенныхъ Штатахъ работаетъ свыше десятка хорошо обставленныхъ кабинетовъ и лабораторій для экспериментально-психологическихъ изслѣдованій, появился цѣлый рядъ талантливыхъ и серьезныхъ психологовъ: крупнѣйшимъ представителемъ ихъ и является профессоръ Уилльямъ Джемсъ. Въ 1890 году вышла капитальная работа *Основаніе психологіи* (въ 2 томахъ), встрѣченная самыми лестными отзывами критики и сразу поставившая ея автора въ первый рядъ представителей современной философской мысли. Переведенное теперь г. Лапшинымъ *Руководство психологіи (Text book of Psychology)* вышло въ 1892 году. Оно представляетъ собою сокращеніе большого труда и предназначено авторомъ въ качествѣ пособія для прохожденія психологіи студентами университета. Если оцѣнивать его съ этой точки зрѣнія, то его надо признать не вполнѣ равномѣрно обработаннымъ; наиболѣе отрывочнымъ является отдѣлъ объ эмоціяхъ, въ которомъ авторъ ограничивается почти исключительно изложеніемъ своей теоріи о томъ, что эмоція или духовныя волненія суть явленія вторичныя: это не что иное, какъ отраженіе въ сознаніи или воспріятіе тѣхъ органическихъ (мускульныхъ и двигательныхъ) процессовъ, которые сопутствуютъ тѣмъ или другимъ идеямъ; „мы не потому плачемъ, что огорчены, а огорчены потому, что плачемъ"—такова формула этой теоріи въ приложеніи къ одной изъ эмоцій. Джемсъ самъ видѣлъ неполноту отдѣла объ эмоціяхъ и выразилъ въ предисловіи намѣреніе въ слѣдующемъ изданіи книги (которое, конечно, не замедлитъ) прибавить главы: „Объ удовольствіи и боли", „Объ эстетическомъ чувствѣ" и „О нравственномъ чувствѣ". Общая точка зрѣнія у Джемса—естественно-научная; „психологія,—говоритъ онъ,—есть естественная наука, занимающаяся *описаніемъ и истолкованіемъ состояній сознанія, какъ таковыхъ;* она совершенно независима отъ „теоріи познанія", т.-е. философскаго ученія о природѣ и предѣлахъ знанія вообще и

объ отношеніи субъекта къ объекту и отъ „метафизики"; послѣднюю дисциплину авторъ опредѣляетъ какъ ту область знанія, въ которой провѣряются и приводятся въ систему основные и руководящіе принципы отдѣльныхъ наукъ, принимаемые послѣдними на вѣру. „Каждая наука принимаетъ на вѣру извѣстныя данныя, предоставляя другимъ отдѣламъ „философіи" (или *единой науки*) подвергать критикѣ ихъ значеніе и истинность. Такъ, всѣ естественныя науки вѣрятъ въ абсолютно независящее отъ познающаго ума существованіе міра матеріи, невзирая на то, что болѣе глубокій философскій анализъ этого вопроса ведетъ къ идеализму. Механика приписываетъ этой матеріи обладаніе *массой*, проявленіе *силы*, опредѣляя эти понятія чисто-феноменальнымъ образомъ и не смущаясь тѣми ирраціональностями, которыя можно вскрыть въ этихъ понятіяхъ при дальнѣйшемъ анализѣ... Подобнымъ же, некритическимъ путемъ въ физикѣ допускается существованіе атомовъ, дѣйствія на разстояніи и т. п., химія беретъ на вѣру всѣ данныя физики, а физіологія—всѣ данныя химіи. Психологія, какъ естественная наука, разсматриваетъ явленія сознанія съ такой же односторонней и временно условной точки зрѣнія". Методологическими принципами Джемсу служитъ предположеніе постояннаго параллелизма и связи всѣхъ состояній сознанія съ тѣми или другими мозговыми и вообще тѣлесными процессами, требованіе возможно болѣе довѣрять и основываться на данныхъ самонаблюденія и представленія о *телеологичности* развитія душевной жизни, о громадномъ вліяніи того „приспособленія внутреннихъ явленій къ внѣшнимъ", которымъ опредѣлялъ жизнь и сознаніе Спенсеръ и которому Джемсъ придаетъ въ высшей степени важное значеніе. Исходя изъ данныхъ самосознанія, Джемсъ относится очень отрицательно ко всякаго рода „психологическому атомизму", ко всему, въ чемъ онъ видитъ попытку превратить живой и непрестанно мѣняющійся „потокъ сознанія" въ рядъ опредѣленныхъ, строго одно отъ другого отграниченныхъ элементарныхъ состояній сознанія. По той же причинѣ онъ и изложеніе начинаетъ не съ этихъ отвлеченныхъ, въ дѣйствительности не существующихъ фикцій, а съ конкретнаго и живого цѣлаго, съ „личности",—методъ синтеза, сложенія души изъ элементовъ онъ замѣняетъ анализомъ, переходомъ отъ сложнаго къ элементамъ. Книга блещетъ оригинальностью взглядовъ, самостоятельнымъ и критическимъ отношеніемъ къ излагаемымъ вопросамъ и проблемамъ, занимательностью примѣровъ и иллюстрацій и превосходнымъ, яснымъ и легкимъ, живымъ и образнымъ стилемъ. Если и не всѣ мнѣнія автора непогрѣшимы, все же они вызываютъ на обсужденіе и сравненіе противоположныхъ взглядовъ и, будучи чужды всякаго догматизма, способствуютъ уясненію вопроса. По своимъ метафизическимъ взглядамъ авторъ спиритуалистъ, но, какъ замѣтилъ одинъ изъ критиковъ, его метафизическіе взгляды совершенно не искажаютъ плодовъ его натуралистическихъ изслѣдованій; въ этомъ справедливо критикъ видитъ доказательство освобожденія психологіи изъ-подъ гнета умозрѣнія и выдѣленія ея въ самостоятельную науку. Чтобы характеризовать хоть сколько-нибудь стиль Джемса, позволимъ себѣ привести выдержку; говоря о томъ, что параллельно развитію функцій мозга „въ сферѣ психической жизни наблюдаются тоже градаціи большей или меньшей способности предвидѣнія", Джемсъ поясняетъ это примѣрами; „во всѣ времена,—говоритъ онъ,—человѣкъ, который въ своихъ поступкахъ руководится наиболѣе отдаленными цѣлями, считался наиболѣе умнымъ. Бродяга, живущій съ часу на часъ; цыганъ,

заботы котораго не идутъ дальше завтрашняго дня; холостякъ, интересы котораго ограничиваются его собственною жизнью; отецъ семьи, трудящійся для другого поколѣнія; патріотъ, отстаивающій интересы цѣлаго общества и цѣлаго ряда поколѣній; и наконецъ, философъ и святой, живущіе на пользу всего человѣчества и вѣчности,—всѣ эти лица образуютъ одну непрерывную іерархію, и въ этой іерархіи каждый высшій членъ представляетъ высшее проявленіе того взаимодѣйствія, въ которомъ находятся высшіе мозговые центры къ подчиненнымъ имъ низшимъ" (стр. 74—75). Эти свойства дѣлаютъ книгу Джемса однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе интересныхъ популярныхъ сочиненій по психологіи въ литературахъ всего міра. Книга можетъ также служить (одна или наряду съ другими) и руководствомъ для прохожденія курса психологіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Переводъ исполненъ въ общемъ удовлетворительно; есть, конечно, мелкіе промахи, между прочимъ на стр. 83 фамилія патолога-анатома и клинициста нѣмца Наунина передѣлана по французскому чтенію въ Нонэна. Къ книгѣ приложено (какъ и въ подлинникѣ) 66 чертежей и рисунковъ, очень удачно поясняющихъ графически тѣ или другія разсужденія автора, а въ началѣ помѣщена интересная и содержательная статья переводчика о философскомъ значеніи психологическихъ воззрѣній Джемса. Цѣна, сравнительно съ объемомъ книги, вовсе не высока. Для изданія ея матеріальную помощь оказалъ историко-филологическій факультетъ Петербургскаго университета; нельзя не признать выбора факультета удачнымъ и не быть ему благодарнымъ за то, что онъ далъ возможность русской публикѣ познакомиться со столь хорошею книгой.

Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности. Г. Челпанова, приватъ-доцента при университетѣ Св. Владиміра. Часть I. Представленіе пространства съ точки зрѣнія психологіи. Кіевъ, 1896 г. Цѣна 2 р. 50 к. „Еслибъ я сказалъ, что проблема воспріятія пространства,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—есть одна изъ самыхъ главныхъ въ современной философіи, то я едва ли былъ бы далекъ отъ истины. Самые основные вопросы теоріи познанія въ послѣднее время вращались около вопроса о природѣ пространства; въ психологіи и психофизіологіи вопросъ объ образованіи представленія пространства и въ настоящее время занимаетъ одно изъ центральныхъ мѣстъ,—и понятно, почему: это одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ психологіи". Строго стараясь отдѣлять теоретико-познавательный вопросъ объ апріорности въ связи съ врожденностью пространства отъ чисто-психологической проблемы о *составѣ и возникновеніи* представленія пространства, авторъ въ настоящемъ сочиненіи изслѣдуетъ только вторую изъ этихъ задачъ, пытаясь посредствомъ анализа психологическихъ фактовъ и законовъ рѣшить вопросъ о томъ, производно ли представленіе пространства или первоначально, обладаетъ ли оно сложнымъ характеромъ или простымъ. Изъ этого видны важность поставленной себѣ авторомъ задачи и значеніе его труда. Въ настоящей замѣткѣ не мѣсто входить въ какія бы то ни было подробности вопроса, въ виду его спеціальнаго характера, и мы ограничимся немногимъ. Прежде всего нельзя не указать на скептическое отношеніе автора къ психологической экспериментаціи; „мой личный опытъ въ области психофизическихъ экспериментовъ,—говоритъ онъ,—привелъ меня къ тому убѣжденію, что при современномъ состояніи методовъ экспериментаціи результаты изслѣдованій не могутъ доставить никакихъ опредѣленныхъ данныхъ въ пользу

того или другого рѣшенія *общихъ* вопросовъ психологіи... Разобранныя мною многочисленныя психофизическія изслѣдованія часто совсѣмъ не даютъ возможности рѣшить вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ, и мы въ этой области часто бываемъ поставлены въ необходимость больше довѣряться умозрѣнію, чѣмъ экспериментальнымъ даннымъ... Въ настоящее время экспериментъ часто имѣетъ совершенно провизорное значеніе, пока методологія психологическаго эксперимента не будетъ поставлена на болѣе строгую научную почву. Въ психологіи еще очень много мѣста остается *теоріи*. И даже больше: мнѣ кажется, что множество вопросовъ въ современной психологіи нуждается во всестороннемъ пересмотрѣ для того, чтобы правильная постановка ихъ давала бы возможность поставить новыя задачи именно для эксперимента. Современное положеніе эксперимента таково, что онъ не только не имѣетъ рѣшающаго значенія, а даже не составляетъ главной основы психологіи. Разумѣется, я этимъ ничуть не отрицаю важнаго значенія за экспериментомъ, но я очень далекъ отъ мысли, что онъ представляетъ изъ себя единственное средство рѣшенія *основныхъ* психологическихъ вопросовъ"... Едва ли это мнѣніе вполнѣ справедливо безъ нѣкоторыхъ поправокъ. Что никакой экспериментъ, никакое чисто-опытное изслѣдованіе не можетъ имѣть никакого смысла, пока вопросы не проанализированы и не поставлены надлежащимъ образомъ, это совершенно очевидно и никакъ не можетъ служить аргументомъ противъ примѣненія эксперимента. Далѣе, если подъ „экспериментомъ", какъ это и слѣдуетъ по всѣмъ правиламъ терминологіи, разумѣть „изученіе какого бы то ни было вопроса при помощи наблюденія изучаемыхъ явленій въ нѣкоторыхъ цѣлесообразно скомбинированныхъ условіяхъ", то такого эксперимента тоже никакъ нельзя отвергать: такой „экспериментъ"—это сама наука. Такимъ образомъ, остается неяснымъ, во что именно не вѣритъ авторъ: въ возможность ли рѣшенія основныхъ психологическихъ вопросовъ путемъ психо-физическаго эксперимента надъ данными *сознанія,* или же путемъ изученія измѣненій въ *субстратѣ* нервно-психической жизни подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ воздѣйствій. Не проанализированы, повидимому, и причины этого скептицизма. Рѣшеніе пригодности того или другого метода есть, конечно, уже чисто-спеціальный вопросъ. Можетъ быть, авторъ и правъ; это требуетъ детальнаго разсмотрѣнія, но во всякомъ случаѣ никакъ не слѣдуетъ противопоставлять *эксперименту теорію;* безъ теоріи нѣтъ и эксперимента, и *рѣшеніе* всякаго вопроса, такъ сказать, *по содержанію* всегда будетъ дѣломъ теоріи; экспериментъ всегда будетъ довольствоваться скромною ролью обличителя или адвоката теоріи, рѣшать же вопросы—не его дѣло. Пространство или протяженность есть, по мнѣнію автора, нѣчто непроизводное: это—такой же „моментъ" ощущенія, какъ и качество (или содержаніе) его и интенсивность. Приблизительно такого взгляда держится и В. Джемсъ: это—ученіе о „непроизводности" пространства никакъ нельзя, въ сущности, называть „нативизмомъ" въ противномъ случаѣ и красный цвѣтъ будетъ также явленіемъ „нативистическаго" характера; это—ученіе о первичности, неразложимости того пространственнаго качества, которымъ, по этой теоріи, обладаютъ всѣ ощущенія. Отношеніе къ этой теоріи взглядовъ представителей англійской психологіи, повидимому, не такъ просто, какъ это можетъ показаться. Прежде всего, Бэнъ, наприм., много говоритъ объ *объемистости* и *остротѣ* тѣхъ или другихъ ощущеній внѣшнихъ чувствъ, и то, что объ этомъ есть у Джемса, является въ значительной степени

повтореніемъ словъ Бэна. Правда, Бэнъ не ставитъ этого качества ощущеній въ связь съ образованіемъ идеи пространства и, повидимому, вотъ по какой причинѣ. На стр. 44 у г. Челпанова приведена цитата изъ Д. С. Милля, который признаетъ правильнымъ замѣчаніе своего отца, что *„идея движенія и идея протяженности одно и то же:* онѣ суть только различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же опытъ". Эти слова получаютъ вполнѣ опредѣленный смыслъ, если поставить ихъ въ связь съ идеалистической теоріей познанія этой школы; они значатъ, что то, что дѣлаетъ для насъ пространство пространствомъ, есть движеніе или свободное проявленіе нашей *активности:* это — есть психологическое содержаніе пространства; пространство есть для насъ не что иное какъ „постоянная возможность движенія", точно такъ же, какъ матерія есть для насъ (психологически) „постоянная возможность ощущеній"; пространство есть объективное выраженіе возможнаго движенія. Правъ или нѣтъ Бэнъ, когда онъ не ставитъ *объемистости* и *остроты* ощущеній въ связь съ *этой* идеей пространства,— это вопросъ другой; но смыслъ пространства (*для насъ,* конечно) именно таковъ. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, можно сказать съ рискомъ лишь небольшой ошибки, что пространство для англійскихъ психологовъ есть функція чувства движенія, т.-е. мускульнаго. Какъ слагается пространство *реально,* это вопросъ другой, тутъ, конечно, дѣйствуетъ общеизвѣстный *ассоціативный процессъ* ощущеній мускульныхъ, зрительныхъ и осязательныхъ. Основнымъ элементомъ, конечно, является мускульный; это видно, наприм., и изъ того, что та или другая идея пространства, несомнѣнно, существуетъ у слѣпыхъ, и, вѣроятно, они представляютъ себѣ пространство какъ неопредѣленно продолжительную возможность передвиженія, сопровождаемую перемѣною осязательныхъ ощущеній, съ возможностью повторить ихъ рядъ въ обратномъ порядкѣ и т. д. Въ виду этого является нѣсколько неожиданной аргументація г. Челпанова на стр. 375: „Представить протяженность отдѣльно отъ цвѣта и другихъ содержаній оказывается абсолютно невозможнымъ; также оказалось невозможнымъ доказать психологически возможность отдѣлимости цвѣта отъ протяженности, а это значитъ, другими словами, что *цвѣтъ и протяженность по природѣ своей неразрывно другъ съ другомъ связаны,* а это, другими словами, означаетъ, что пространство не производно". Слѣдовательно, гдѣ нѣтъ воспріятія цвѣта, тамъ нѣтъ и воспріятія пространства, могли бы мы добавить; слѣдовательно, слѣпые не воспринимаютъ пространства, не различаютъ верха и низа, не понимаютъ, что значитъ передвигаться и т. п. Еслибъ ученіе о непроизводности пространства покоилось только на такихъ аргументахъ, то его пѣсня была бы давнымъ-давно спѣта.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ.

„Русскія юридическія древности". Томъ II. *В. Сергѣевича.*—„Матеріалы для исторіи Симбирска и его уѣзда". Изд. Симбирской губернской ученой архивной коммиссіи.—„Героизмъ". *Армана Рено.*

Русскія юридическія древности. Томъ второй. Власти. Выпускъ второй. Совѣтники князя. В. Сергѣевича. Спб., 1896 г. Цѣна 1 р. 80 к. Книга проф. В. И. Сергѣевича представляетъ собою совершенно своеобразное явленіе въ русской историко-юридической литературѣ: это—опытъ догматическаго руководства по русскому праву въ соче-

танія съ условіями историко-юридической хрестоматіи и учебника критическаго анализа. Цѣли автора—чисто-педагогическія, обстановка и пріемы—вполнѣ научные, отношеніе къ затронутому матеріалу вполнѣ объективное; за то, при необыкновенной тонкости юридическаго анализа, авторъ часто страдаетъ отсутствіемъ чутья реальной дѣйствительности, излишнимъ схематизмомъ юридической конструкціи и типичными недостатками сравнительно-исторической школы правовѣдѣнія, для которой матеріальная сторона быта и общественныя задачи стоятъ внѣ круга исторіи права. У г. Сергѣевича есть еще одинъ недостатокъ, который онъ раздѣляетъ вмѣстѣ съ другими видными представителями (разумѣется, конечно, западныхъ ученыхъ) науки исторіи права: онъ далеко не чуждъ перенесеній современныхъ юридическихъ представленій въ отдаленное прошлое; уже въ русской дѣйствительности XVI вѣка ему чудятся первичные элементы русской конституціонности, которыхъ, конечно, тамъ не было и слѣда. Наши ученые самыхъ противоположныхъ оттѣнковъ пытаются тѣмъ или инымъ пониманіемъ прошлаго оправдать законность извѣстныхъ явленій современной русской дѣйствительности или, наоборотъ, вкоренить извѣстныя нормы. Такъ славянофилы, для которыхъ „государство" было зломъ, которое можно терпѣть только въ силу необходимости, носились съ идеей „земли", древнѣйшій общественный строй славянъ воображали въ видѣ демократическихъ общинъ и настаивали на исконности демократической общинной организаціи, яко бы задавленной у насъ государствомъ. Въ эпоху реформъ императора Александра II составлена была особая программа для изысканія элементовъ самоуправленія и представительства въ Россіи со временъ Рюрика, думалось доказать исконность у насъ этихъ началъ,—и вотъ Ив. Дм. Бѣляеву поручено было написать по указанной программѣ историческое изслѣдованіе. Рукопись этого изслѣдованія уцѣлѣла и недавно любезно пожертвована г. Самаринымъ московскому обществу исторіи и древностей, которое и обязано издать ее. Отдѣльные историки, наконецъ, не разъ прозрачно касались извѣстныхъ ограничительныхъ записей царей Василія и Михаила и т. п. Примѣровъ по желанію можно набрать не мало; они имѣются и въ разбираемомъ трудѣ г. Сергѣевича. Оправдывать *исторически* можно очень многое и, главнымъ образомъ, всякаго рода гниль; можно сказать, что въ настоящее время всякое оправданіе *исторіей* легко и справедливо отчисляется въ запасъ научныхъ курьезовъ. Извѣстную идею или форму современная наука пропагандируетъ не потому, что она можетъ получить историческое оправданіе, а потому, что она необходима для реорганизаціи обветшалаго строя, потому что реальная дѣйствительность уже не соотвѣтствуетъ болѣе подпертымъ невѣжественными предразсудками нормамъ и настойчиво требуетъ ихъ освѣженія. Какъ только историкъ права прибѣгаетъ къ оправданію прошедшимъ, какъ только онъ забываетъ непосредственную практическую задачу науки исторіи права, возсоздавая въ метафизическомъ восторгѣ, при помощи скрупулёзнѣйшаго подбора и толкованія текстовъ, забытыя нормы ради нихъ самихъ, онъ переходитъ въ область схоластики самой затхлой, которой, къ несчастію, не избѣжала и наука XIX вѣка. Конечно, г. Сергѣевичъ, перенося лишь отчасти современныя представленія о правѣ въ далекое прошлое, чуждъ описанныхъ сейчасъ крайностей, частью въ силу своей превосходной теоретической эрудиціи, способности къ самой тонкой и придирчивой критикѣ, частью въ силу того, что его интересы вращались преимущественно въ сферѣ

публичнаго права. Если забыть, что современный историкъ права не долженъ ни на минуту упускать изъ вида матеріальнаго быта и общественныхъ задачъ, то книга г. Сергѣевича по всей справедливости можетъ быть отнесена къ числу превосходныхъ работъ по исторіи русскаго права; съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ ее привѣтствуешь, что за послѣднее время наука исторіи русскаго права стоитъ на точкѣ замерзанія. Значительная часть книги г. Сергѣевича посвящена разгрому неправильныхъ представленій о государственной думѣ древней Руси. Подъ *совѣтниками князя* авторъ имѣетъ въ виду составъ *княжеской думы* (глава первая, стр. 337—417) и *духовенство* (глава третья, стр. 481—583): это — двѣ конструктивныхъ главы въ книгѣ г. Сергѣевича, которымъ соотвѣтствуютъ двѣ чисто-критическихъ; таковы—вторая глава (стр. 418—480) *Литература вопроса о старой думѣ* и четвертая (стр. 584—618) *Литература вопроса объ исторической роли духовенства*. Авторъ отрицательно отвѣчаетъ на вопросъ: была ли княжеская дума постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціей; въ этомъ отрицаніи заключается вся соль его книги, въ которой много мѣста отводится полемикѣ съ извѣстною диссертаціей проф. Ключевскаго *Боярская дума древней Руси*. Особенно остроумными и своеобразными являются построенія автора относительно „избранной рады“ при царѣ Иванѣ Грозномъ и судной боярской коллегіи. Мы не будемъ излагать здѣсь этихъ построеній, такъ какъ работы г. Сергѣевича вообще читаются у насъ очень усердно, а рекомендуя, и очень настойчиво, нашимъ читателямъ новую работу популярнаго автора, отмѣтимъ двѣ черты его изложенія, которыя могутъ, пожалуй, ускользнуть отъ вниманія читателя.

„Московское государство конца XVII вѣка,—говоритъ г. Сергѣевичъ (стр. 416),—почти ничего не имѣетъ общаго съ кіевскимъ княженіемъ XII вѣка; но Алексѣй Михайловичъ, рѣшающій въ первой инстанціи дѣло о слѣпой ворожеѣ Ѳенькѣ, „когда у него будетъ сидѣнье съ бояры“, очень напоминаетъ Владиміра Мономаха, ежедневно по утрамъ садившагося съ мужами „людей оправливать“. Еще въ предисловіи къ первому тому того же труда (съ подзаголовкомъ *Территорія и населеніе*, Спб., 1890 г.) авторъ писалъ: „Наша древность представляетъ медленную, но постоянную смѣну явленій. Въ юридическомъ бытѣ Московскаго государства можно найти слѣды глубокой старины, но въ цѣломъ московскіе порядки отрицаютъ старину“. Подчеркивая здѣсь особность такъ называемаго кіевскаго періода нашей исторіи, авторъ недостаточно обрисовываетъ предъ читателями (а это весьма важно), что этотъ „кіевскій періодъ“ представляетъ изъ себя совершенно законченное цѣлое, развившееся безъ остатка,—представляетъ изъ себя вполнѣ законченный историческій процессъ, у котораго есть и доступны для изученія свои начала и концы,—процессъ, который къ дальнѣйшему ходу русскаго историческаго процесса имѣетъ очень мало отношенія.

Обрисовывая затѣмъ элементарность склада Московскаго государства, г. Сергѣевичъ склоненъ эту элементарность, въ высочайшей степени вредную для быстроты и стройности нашего развитія, къ тому же влекущую ко многимъ черезчуръ несчастнымъ послѣдствіямъ, доводить до самыхъ послѣднихъ моментовъ современности. Въ этомъ случаѣ г. Сергѣевичъ вдвойнѣ правъ, когда пишетъ: „мы едва ли и теперь освободились отъ московскихъ недуговъ: недостатка отвѣтственности органовъ администраціи и возможности покрывать высочайшими пове-

лѣнiями всѣ ихъ сомнительныя распоряженiя. Московскiе порядки живутъ и въ XIX вѣкѣ. Но Москвѣ труднѣе было съ ними бороться: она стояла слишкомъ еще близко къ тому времени, когда личное начало въ судѣ и управленiи было нормальнымъ явленiемъ; Западная же Европа не могла дать ей никакого поученiя. Мы живемъ въ болѣе счастливое время: и наука, и практика даютъ массу указанiй и на порядокъ лучшей организацiи правительственныхъ мѣстъ и лицъ, и на лучшiе способы установленiя ихъ законной отвѣтственности". Приведенная выдержка весьма характерна для г. Сергѣевича и его отношенiй къ русскому прошлому, въ которомъ, если онъ ищетъ съ особенной настойчивостью какiе-либо поучительные элементы, то именно такiе, которымъ послѣдовательное развитiе было бы крайне цѣнно для общаго хода русской жизни, противъ которыхъ не вооружилась бы современная ученая мысль. Любовь нашего автора, съ какой онъ пытается возсоздать русскую юридическую старину,—совершенно разумная и чисто-научная.

Матерiалы для исторiи Симбирска и его уѣзда. Приходо-расходная книга симбирской приказной избы 1665—1667 гг. Изданiе симбирской губернской ученой архивной коммиссiи. Симбирскъ, 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к. Названная брошюра—первый опытъ издательской дѣятельности симбирской архивной коммиссiи, самой молодой изъ нашихъ архивныхъ коммиссiй, открытой 30 iюля 1895 г. и до сихъ поръ выпустившей въ свѣтъ лишь шесть брошюръ съ отчетомъ и протоколами пяти засѣданiй. Нельзя не отнестись къ началу дѣятельности этой коммиссiи съ нѣкоторымъ вниманiемъ, ибо, по словамъ ея перваго предсѣдателя, В. Н. Поливанова, сказаннымъ при открытiи, путь, „которымъ коммиссiя должна идти въ дѣлѣ научно-образовательномъ, долженъ заключаться въ возможно-большемъ сближенiи ея интересовъ съ интересами народнаго просвѣщенiя; связь эта между учрежденiемъ и населенiемъ должна быть живая и неразрывная; въ ней только оно будетъ черпать свои жизненныя силы и свое значенiе". Свою дѣятельность издательскую коммиссiя начала съ опубликованiя документа весьма любопытнаго вообще и представляющаго несомнѣнный мѣстный интересъ. Къ сожалѣнiю, дебютъ коммиссiи все-таки нельзя назвать особенно удачнымъ: 1) Коммиссiя должна, прежде всего, описывать и издавать документы, которые находятся въ предѣлахъ Симбирской губернiи и въ силу обычнаго у насъ хода вещей рискуютъ исчезнуть навсегда отъ ученаго изслѣдователя; для этого-то, т.-е. для сохраненiя вообще плохо лежащихъ на мѣстахъ архивныхъ документовъ, и учреждены коммиссiи по мысли Калачова и инициативѣ академiи наукъ; между тѣмъ симбирская коммиссiя беретъ для напечатанiя документъ, хранящiйся въ Москвѣ, въ архивѣ министерства юстицiи,—документъ, и цѣлость котораго вполнѣ обезпечена, и пользоваться которымъ можетъ всякiй съ удобствомъ. 2) Прiемы самаго изданiя, принятаго коммиссiей, далеко не вполнѣ удовлетворяютъ требованiямъ современной археографiи: нѣтъ ни указателей, ни болѣе или менѣе обстоятельной обработки самаго текста. Два коротенькихъ предисловiя, которыми начинается брошюра, никоимъ образомъ не могутъ претендовать на такую обработку. Отдавая всю справедливость коммиссiи за ея энергiю и быстрое начало издательской дѣятельности, тѣмъ не менѣе нельзя настойчиво не посовѣтовать ей стать на болѣе правильную дорогу, говоря откровеннѣе—дѣлать то, для чего она открыта: на ея обязанности лежитъ, прежде всего, собиранiе, храненiе, *опись*

и изданіе тѣхъ архивныхъ матеріаловъ, которые гніютъ и исчезаютъ въ предѣлахъ Симбирской губерніи; изданіе же документовъ, превосходно сохраняющихся въ столичныхъ архивахъ, гдѣ они не гніютъ и откуда не исчезаютъ,—совсѣмъ не ея дѣло; къ этому послѣднему коммиссія можетъ приступить лишь тогда, когда ей будетъ нечего дѣлать *на мѣстѣ*. А такой моментъ не скоро наступитъ, и намъ остается искренно пожалѣть, что наши ученыя учрежденія нерѣдко любятъ бросаться совсѣмъ въ сторону и дѣлать все, что угодно, кромѣ того дѣла, къ которому они призваны и ради котораго они существуютъ по мысли высшей ученой инициативы.

Героизмъ. Армана Рено. Перевелъ съ французскаго и дополнилъ примѣрами русскаго героизма В. Д. Владиміровъ. Спб., 1896 г. Цѣна 1 р. Болѣе подробное заглавіе книжки гласитъ, что въ ней содержатся „примѣры героизма и нравственной энергіи изъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ". Безспорно, біографіи выдающихся людей представляютъ въ высшей степени поучительное и интересное чтеніе, и съ этой стороны задача автора заслуживаетъ полнаго сочувствія. Но выполненіе этой задачи не можетъ быть признано успѣшнымъ, и по очень простой причинѣ. Рено не считаетъ нужнымъ дѣлать выборъ среди выдающихся дѣятелей и безъ разбору помѣщаетъ всякую болѣе или менѣе крупную историческую личность. Благодаря такому пріему подъ руками автора оказалась такая масса героевъ и вообще великихъ людей, что надѣлить каждаго изъ нихъ болѣе или менѣе полною біографіей не оказалось возможности, несмотря на значительный размѣръ книги (стр. 271).

Очень часто о жизни и дѣятельности героя даются лишь краткія свѣдѣнія, какія даются въ каждомъ учебникѣ исторіи; не мудрено, что такія біографіи зачастую напоминаютъ формулярные списки (Гуттенбергъ, Колумбъ, Коперникъ, Гусъ, Вильгельмъ Оранскій и др.). Переводчикъ, любезно дополнившій книгу примѣрами русскаго героизма, далъ лишь нѣсколько безцвѣтныхъ біографій въ хронологическомъ порядкѣ, изъ которыхъ послѣдняя принадлежитъ Миниху. Въ общемъ, книга Рено если и не безполезна, то, во всякомъ случаѣ, представляетъ мало интереса для читателя.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

„Языкъ какъ творчество". *Петра Виноградова.* — „Языкъ, поэзія и наука". *Ветухова.*

Языкъ какъ творчество. Петра Виноградова. Москва, 1895 г. За послѣднее время явился рядъ попытокъ популяризировать общіе взгляды одной изъ самыхъ интересныхъ школъ языковѣдѣнія—школы Гумбольдта, Штейнталя и Потебни. Лучшая изъ нихъ принадлежитъ проф. Овсянико - Куликовскому. Въ началѣ своей брошюры г. Виноградовъ бѣгло характеризуетъ взгляды на языкъ XVIII и XIX вв. Большая часть брошюры посвящена взглядамъ Потебни. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ читатель не чувствуетъ у г. Виноградова свободнаго отношенія къ матеріалу: авторъ во многихъ случаяхъ боялся формулировать то или иное положеніе собственными словами и выхватываетъ отдѣльныя фразы изъ другихъ изслѣдованій, не всегда ясныя внѣ контекста; въ остальныхъ случаяхъ изложеніе цѣпляется бол

ше за внѣшнія черты, лишено отчетливости; мѣстами за неясностью изложенія чувствуется неясность мысли.

Особенно неудачны собственные примѣры, которыми г. Виноградовъ иллюстрируетъ свое изложеніе: его попытка разобраться въ былевомъ типѣ Соловья Разбойника при помощи языка вызываетъ одно недоразумѣніе за другимъ (стр. 34); въ другомъ примѣрѣ „внутренняя форма“ подставлена вмѣсто „знака значенія“ (стр. 26) и пр.

Свою брошюру г. Виноградовъ заканчиваетъ вполнѣ симпатичною для насъ мыслью: онъ считаетъ необходимымъ провести въ школу, ввести въ преподаваніе новый взглядъ на языкъ. Его соображенія о томъ, какъ это сдѣлать, не отличаются ни полнотою, ни отчетливостью, но важно было подчеркнуть эту необходимость, и въ этомъ безусловная заслуга г. Виноградова.

Языкъ, поэзія и наука. Ветухова. Харьковъ. Для большинства русской читающей публики почти ничего не говоритъ имя харьковскаго профессора Потебни: дѣятельность его прошла незамѣтно, замыкалась въ спеціальной области.. А, между тѣмъ, онъ былъ не только глубокимъ языковѣдомъ, но и глубокимъ мыслителемъ, писавшимъ, къ сожалѣнію, съ почти математическою краткостью, непонятною для средняго читателя. Еще недавно проф. Куликовскимъ была сдѣлана очень удачная попытка общедоступнаго изложенія теорій покойнаго ученаго, глубокихъ и оригинальныхъ, затрогивающихъ самые тонкіе и сложные вопросы языка, мысли и творчества. Г. Ветуховъ поставилъ себѣ ту же цѣль, но, по нашему мнѣнію, не достигъ ея. Брошюрка, во-первыхъ, слишкомъ мала, чтобы можно было обстоятельно раскрыть взгляды покойнаго Потебни на языкъ, поэзію и науку. Во-вторыхъ, г. Ветуховъ не старался упростить своего изложенія: для средняго читателя оно почти вездѣ не легче изложенія Потебни. Особенно портятъ дѣло многочисленныя выдержки изъ сочиненій Потебни и г. Куликовскаго. Онѣ не только пестрятъ изложеніе, но и прямо затрудняютъ читателя: въ контекстѣ онѣ были понятнѣе; внѣ контекста эти выдержки, вообще трудныя для пониманія, еще менѣе доступны. Вообще г. Ветуховъ странно отнесся къ своей собственной роли: вмѣсто того, чтобы сжато и доступно излагать свои источники, онъ даетъ рядъ отрывковъ изъ нихъ, кое-какъ связанныхъ собственными замѣчаніями. Во всякомъ случаѣ, мы никому не посовѣтовали бы начинать ознакомленіе съ теоріей Потебни съ брошюры г. Ветухова.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Государство и землевладѣніе“. *Θ. Тернера.* Ч. I. — „Friedrich Engels“. *Prof. W. Sombart.*—„Промышленность“. Статьи изъ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften.*

Государство и землевладѣніе. Θ. Тернера. Часть I. Крестьянское землевладѣніе. Спб., 1896 г. Книга г. Тернера начинается изложеніемъ извѣстной теоріи Ганзена, развитой послѣднимъ въ сочиненіи: *Die drei Bevölkerungsstufen. Ein Versuch, die Ursachen für das Blühen und Ältern der Völker nachzuweisen.* Въ основѣ парадоксальной и не лишенной нѣкотораго остроумія теоріи Ганзена лежитъ самое правовѣрное мальтузіанство, и это обстоятельство для относящихся отрицательно къ ученію Мальтуса компрометируетъ всю эту теорію. Въ книгѣ г. Тернера изложеніе этой теоріи играетъ роль введенія и

можетъ быть выпущено безъ всякаго ущерба для связи изложенія. Большая часть книги посвящена общинному землевладѣнію. Здѣсь разсматривается законъ 1886 года о семейныхъ раздѣлахъ, законъ 1893 года о передѣлахъ и того же 1893 года о выкупѣ, отчужденіи и обремененіи кредитомъ крестьянской земли. Авторъ является сторонникомъ общиннаго землевладѣнія, и этой точкой зрѣнія опредѣляется его отношеніе къ перечисленнымъ законамъ. Нельзя сказать, чтобы г. Тернеромъ была выдвинута какая-либо новая точка зрѣнія или новые аргументы въ защиту общиннаго землевладѣнія. Недостаткомъ аргументаціи является столь часто встрѣчающееся въ литературѣ такого рода отсутствіе опредѣленнаго историческаго міровоззрѣнія и проистекающій отсюда историческій окказіонализмъ. Что можно сказать, наприм., о такомъ сужденіи: „Россія имѣетъ предъ собою вѣковую жизнь; она должна думать не только о настоящемъ, но и будущихъ интересахъ страны, а потому, если сохраненіе крестьянскаго землевладѣнія путемъ разныхъ ограничительныхъ мѣръ и задерживало бы нѣсколько развитіе сельскаго хозяйства въ данную минуту, эту жертву не колеблясь слѣдовало бы принести въ интересахъ будущаго страны“ (стр. 207). Будучи сторонникомъ общиннаго землевладѣнія, г. Тернеръ полагаетъ, что „установленіе минимальныхъ участковъ представляетъ самую важную и самую насущную задачу будущаго“ (стр. 248). Сказаннаго достаточно, чтобъ охарактеризовать точку зрѣнія автора.

Много справедливаго, хотя и мало новаго, сказано въ главѣ о податной системѣ. Здѣсь для воззрѣній автора характерно слѣдующее мнѣніе: „право отказа отъ земли должно быть поставлено общимъ критеріумомъ соразмѣрности платежей съ доходностью“ (стр. 338). Нельзя не присоединиться къ этому положенію.

Въ общемъ, книга г. Тернера не изъ такихъ, которыя способны пролить новый свѣтъ въ сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ нашей податной системы и крестьянскаго землевладѣнія, и, вѣроятно, прочтется только спеціалистами.

Friedrich Engels (1820—1895). Prof. W. Sombart. Ein Blatt zur Entwicklungsgeschichte des Socialismus (Separatabdruck aus der „Zukunft“). 1895. Эта небольшая брошюра представляетъ умное, теплое, надгробное слово Ф. Энгельсу. Кратко, энергично и выразительно здѣсь указано, чѣмъ обязано Фр. Энгельсу рабочее движеніе, чѣмъ обязана ему наука, какъ сотруднику Маркса въ выработкѣ его пониманія исторіи (которое Зомбартъ называетъ „marx-engelsche Geschichtsauffassung), какъ издателю 2-го и 3-го тома *Капитала*. Здѣсь дана общая оцѣнка марксизма какъ въ теоріи — въ области политической экономіи и философіи исторіи, такъ и въ области практической дѣятельности. Со многимъ можно согласиться, а со многимъ и нельзя согласиться, но нужно во всякомъ случаѣ отказаться здѣсь отъ передачи яркаго и колоритнаго изложенія Зомбарта. Приведемъ заключительныя слова брошюры, представляющія оцѣнку личности Энгельса: „всякій, кто сохранилъ еще естественное чувство, долженъ воздать свою симпатію такой личности, какъ Фр. Энгельсъ. Если въ немъ и было, можетъ быть, что рѣзкое, непріятное, отталкивающее, это породила жестокая борьба со свойственными ей уродливостями. Сознательный пролетаріатъ боготворитъ Лассаля, увлекаемый его блестящею личностью; въ глубокомъ благоговѣніи онъ удивляется Марксу, взирая на него какъ на указующую путь, ярко блестящую звѣзду; Фридриха Энгель-

са, насколько онъ зналъ его еще при жизни, онъ почиталъ какъ друга и отца. Это значитъ: онъ былъ и добрый человѣкъ".

Основные элементы политической экономіи. Интенсивность труда, стоимость, цѣнность и цѣна товаровъ. Льва Буха. Спб., 1896 г. *). Самую интересную часть этой книги составляютъ данныя естественно-научнаго характера, обильно разсѣянныя въ книгѣ. При недостаточномъ знакомствѣ большинства экономистовъ съ естественными науками, крайне рѣдко встрѣчаются попытки привести нѣкоторыя ученія политической экономіи, такъ, наприм., о цѣнности, интенсивности труда, рабочемъ днѣ и нѣк. др., въ связь съ данными естествознанія. Въ этомъ отношеніи данныя, приводимыя г. Бухомъ, настолько интересны, что многія изъ нихъ войдутъ, вѣроятно, въ качествѣ примѣровъ въ учебники политической экономіи. Менѣе интересны, но все еще интересны, вычисленія о соотношеніи заработной платы, продолжительности рабочаго дня, интенсивности труда, которыя производитъ г. Бухъ, пользуясь, главнымъ образомъ, данными Шульце-Геверница въ его *Grossbetrieb*. Эти вычисленія служатъ эмпирическимъ подтвержденіемъ нѣкоторыхъ теоретическихъ положеній экономической науки. Но уже совсѣмъ мало интересны теоретизированія г. Буха, въ которыхъ онъ исправляетъ К. Маркса, оспаривая ученіе послѣдняго объ абсолютной прибавочной стоимости, о рабочей силѣ какъ товарѣ, о деньгахъ и нѣк. др.

Не имѣя самостоятельнаго теоретическаго значенія, эта трудолюбиво составленная книжка займетъ тѣмъ не менѣе свое мѣсто въ нашей теоретической литературѣ, благодаря обилію собранныхъ въ ней фактическихъ данныхъ. Симпатіи автора принадлежатъ рабочему сословію.

Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. М., 1896 г. Въ „Библіографическомъ отдѣлѣ" *Русской Мысли* **) уже данъ былъ отзывъ о первомъ выпускѣ проектированной гг. Водовозовыми серіи переводовъ изъ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. Въ настоящее время вышелъ уже второй выпускъ серіи *Промышленность*. Для русскаго читателя этотъ выпускъ представляетъ еще большій интересъ, нежели первый, посвященный землевладѣнію и сельскому хозяйству въ Западной Европѣ. Если условія нашего землевладѣнія и по сіе время представляютъ еще крупныя отличія отъ условій, существующихъ въ различныхъ государствахъ Западной Европы, то въ развитіи обрабатывающей промышленности тамъ и здѣсь съ каждымъ днемъ обнаруживается все большее сходство. Если справедливо, что „одна страна можетъ и должна учиться у другой", то, очевидно, знакомство съ исторіей и современнымъ состояніемъ промышленности на Западѣ должно пролить яркій свѣтъ на многія явленія экономической жизни нашего отечества и извѣстнымъ образомъ отразиться въ направленіи практической дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ нѣкоторыя статьи настоящаго сборника прямо отвѣчаютъ нашимъ злобамъ дня: таковы, наприм., статьи о домашней формѣ промышленности, крупномъ и мелкомъ производствѣ, о фабрикѣ, о синдикатахъ и т. п. Обращаясь ближе къ составу сборника, мы не можемъ, однако, воздержаться отъ нѣкоторыхъ

*) Эта же книга одновременно вышла и по-нѣмецки: *Ueber die Elemente der politischen Oekonomie, von Leon Buch.*

**) *Русская Мысль*, кн. IV.

замѣчаній. Прежде всего, нельзя не пожалѣть объ отсутствіи статьи Бюхера *Gewerbe*. Отсутствіе ея издатели объясняютъ ея историческимъ характеромъ, дѣлающимъ ее неумѣстой въ сборникѣ, посвященномъ описанію современной промышленности. Но, не говоря уже о томъ, что историческій характеръ имѣетъ лишь *часть* статьи, ученіе о классификаціи формъ промышленности и исторической преемственности ихъ послужило бы превосходнымъ введеніемъ къ болѣе детальному знакомству съ отдѣльными формами промышленности. Неполнота сборника проявляется и въ описаніи современнаго положенія промышленности: тамъ, въ ряду статей, посвященныхъ описанію отдѣльныхъ формъ промышленности, пропущены статьи Handwerk и Wandergewerbe. Безъ всякихъ объясненій пропущена также статья *Handel* (вмѣстѣ съ *Hendelspolitik* и *Börsen*). Описанію отдѣльныхъ отраслей промышленности отказано въ помѣщеніи въ сборникѣ по тому соображенію, что соотвѣтствующія статьи словаря отличаются случайнымъ и несистематическимъ характеромъ и обозрѣваютъ *не всѣ* отрасли промышленности. Мы думаемъ, напротивъ, что помѣщеніе статей, посвященныхъ описанію важнѣйшихъ отраслей промышленности, каковы: *Baumwollindustrie, Eiseinindustrie, Bergbau,* особенно *Eisenbahnen, Schiffahrt,* было бы вполнѣ резоннымъ. Съ другой стороны, въ сборникъ включенъ рядъ статей, безъ которыхъ онъ легко могъ бы обойтись. Таковъ рядъ статей теоретическаго характера: о производствѣ, о кризисахъ, о доходѣ. При своей отрывочности, теоретическія свѣдѣнія, даваемыя въ этихъ статьяхъ, носятъ порой слишкомъ опредѣленную окраску историко-этическаго умонастроенія сотрудниковъ словаря.

Сдѣланныя замѣчанія не мѣшаютъ намъ видѣть и въ этомъ сборникѣ цѣнный вкладъ въ нашу экономическую литературу и рекомендовать его всѣмъ, стремящимся къ самообразованію: въ немъ они найдутъ много полезныхъ свѣдѣній.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Кормовыя травы“. *Д. Прянишникова.* — „Классификація почвъ въ примѣненіи къ Россіи“. Таблица *Н. М. Сибирцева.* — „Обзоръ дѣятельности агрономическаго института Вятской губ.“.

Кормовыя травы. Д. Прянишникова. Изд. К. И. Тихомирова. Москва, 1896 г. Цѣна 8 коп. Авторъ брошюры, занявшій каѳедру частнаго земледѣлія въ Московскомъ Сельско-хозяйственномъ институтѣ, справедливо назначилъ свою брошюру для „всякаго интересующагося нашимъ народнымъ хозяйствомъ“. Увеличеніе кормовыхъ средствъ— весьма важный вопросъ народнаго хозяйства, а въ рѣшеніи этого вопроса травосѣянію принадлежитъ первостепенное значеніе. Изъ числа травъ главнаго вниманія заслуживаютъ мотыльковыя растенія, которымъ и отведено преобладающее мѣсто въ мастерски написанной брошюрѣ Д. Н. Прянишникова. Особенности мотыльковыхъ, какъ обогащающихъ почву растеній, разъяснились только 10 лѣтъ тому назадъ, благодаря опытамъ недавно умершаго Гельригеля. Съ этихъ особенностей авторъ начинаетъ свое изложеніе, затѣмъ даетъ частную характеристику клевера, люцерны, эспарцета. Частному обзору злаковыхъ травъ тоже предпосланы краткія общія замѣчанія. Брошюра заканчивается травяными смѣсями и главными правилами улучшенія луговъ. По синтаксису языкъ брошюры очень простъ и будетъ, вѣроятно, по-

нятенъ даже грамотнымъ крестьянамъ; въ послѣдующихъ изданіяхъ автору придется замѣнить только нѣкоторыя иностранныя слова соотвѣтствующими русскими (напримѣръ: „культивированіе"—„воздѣлываніемъ", „регулированіе"—„выравниваніемъ" и т. п.). Цѣна брошюры въ 36 страницъ при 13 рисункахъ можетъ считаться умѣренною. Надѣемся, что на этой брошюрѣ не остановится участіе почтеннаго автора въ составленіи крайне полезныхъ общедоступныхъ руководствъ по разнымъ отдѣламъ земледѣлія.

Классификація почвъ въ примѣненіи къ Россіи. Таблица Н. М. Сибирцева. Спб., 1896 г. Научное и практическое значеніе почвовѣдѣнія въ Россіи растетъ съ каждымъ годомъ. Подъ вліяніемъ новаго закона о земскихъ оцѣнкахъ многія земскія учрежденія одновременно заинтересовались вопросами изслѣдованія почвъ. Однако, детальныхъ почвенныхъ классификацій у насъ до послѣдняго времени не было; публиковались, да и то не часто, только общія схемы, примѣненіе которыхъ къ таксаціоннымъ нуждамъ вызывало очень много затрудненій. Классификація, предлагаемая профессоромъ Н. М. Сибирцевымъ, должна имѣть общегосударственное значеніе, такъ какъ довольно подробно разсматриваетъ типы и подтипы преобладающихъ въ Россіи почвъ. Главное значеніе отведено геологическимъ свойствамъ, но не упущены изъ вниманія физическіе и химическіе признаки изъ послѣднихъ (перегной и его кислотность). Схематическіе рисунки облегчаютъ знакомство съ пятью генетическими типами зональныхъ почвъ. За болѣе подробными разъясненіями приходится прибѣгать къ статьѣ автора, напечатанной въ IX томѣ *Записокъ Новоалександрійскаго института* (1895 г.). Форматъ таблицы ($1^1/_2 \times 1$ арш.), удобный для стѣнного помѣщенія, совсѣмъ не удобенъ для настольныхъ и дорожныхъ справокъ.

Обзоръ дѣятельности агрономическаго института Вятской губерніи. Вятка, 1896 г. Крупныя затраты, дѣлаемыя вятскимъ губернскимъ земствомъ въ цѣляхъ улучшенія крестьянскаго хозяйства, обратили на себя общее вниманіе и были причиной полемики какъ въ мѣстной, такъ и въ столичной прессѣ. Конечно, для глубокой оцѣнки вятскихъ мѣропріятій трехлѣтній срокъ, истекшій послѣ значительнаго увеличенія земскихъ ассигновокъ на сельско-хозяйственныя мѣропріятія, слишкомъ не великъ, а потому слѣдуетъ подождать съ такою оцѣнкой. Но и трехлѣтній матеріалъ заслуживаетъ большого вниманія самъ по себѣ, и мы привѣтствуемъ попытку вятскихъ дѣятелей дать общій очеркъ всего, что сдѣлано губернскимъ земствомъ до 1895 года какъ непосредственно по улучшенію сельско-хозяйственной техники, такъ и по близкимъ отраслямъ земскаго дѣла. Снабженіе крестьянъ улучшенными орудіями и сѣменами началось съ 1882 года, планомѣрная работа земскихъ агрономовъ ведетъ свое начало только съ 1892 года. Несомнѣнно, благопріятнымъ условіемъ для развитія земскихъ сельскохозяйственныхъ учрежденій въ Вятской губерніи явилась однородность тамошней сельско-хозяйственной среды, почти полное отсутствіе всякаго другого хозяйства, кромѣ крестьянскаго. Площадь общественнаго травосѣянія пока еще въ Вятской губерніи имѣетъ весьма скромные размѣры около 1,800 десятинъ; но и такая площадь при равномѣрномъ разсѣяніи можетъ служить немаловажнымъ ферментомъ техническаго прогресса.

МЕДИЦИНА.

„Комментарій къ четвертому изданію россійской фармакопеи". *И. Кальнинга.*

Комментарій къ четвертому изданію россійской фармакопеи. И. Кальнинга. Съ предисл. проф. В. А. Тихомирова. Вып. XIX—XX (т. II). М., 1895 г. По характеру своему и цѣнѣ (15 р. за два тома) оконченное въ настоящее время изданіе руководства по практической фармаціи, составленнаго по *Commentar zum Arzneibuch für das Deutsche Reich* Hager'а, B. Fischer'а и C. Hartwich'а (III изд.) и по другимъ источникамъ, представляетъ спеціальный интересъ. Все сочиненіе съ алфавитными указателями иностранныхъ и русскихъ названій, съ нѣсколькими таблицами и т. д. заключаетъ въ себѣ около 1,000 страницъ. Въ предисловіи къ заключительному выпуску обширной и сложной работы по составленію *Комментарія* къ оффиціальной фармакопеѣ авторъ признается, что высказанные имъ $2^1/_2$ года тому назадъ въ предисловіи къ первому выпуску взгляды и пожеланія „теперь приходится считать почти-что не исполнимыми" въ большинствѣ случаевъ. При совершившемся раздѣленіи труда въ аптечномъ дѣлѣ и переходѣ его въ руки фармацевта-фабриканта, располагающаго всѣми выгодами и преимуществами научно-химической техники, рѣдко приходится аптекарю-фармацевту изготовлять всѣ лѣкарственные препараты собственными руками въ своей лабораторіи. По мнѣнію автора, аптекѣ нынѣ остается лишь одна рецептура, предъявляющая, однако, иныя, болѣе широкія требованія, нежели раньше. Кромѣ того, на представителей фармаціи у насъ часто возлагается экспертиза по вопросамъ судебной химіи и общественной гигіены. „Занятіе этими отдѣлами прикладной химіи,—замѣчаетъ авторъ,—вытекаетъ изъ самаго смысла и значенія фармаціи, какъ одной изъ отраслей медицинской науки, имѣющей задачею доставлять врачу необходимыя ему для исполненія своихъ обязанностей средства и пособія". Эти послѣднія заключаются не только въ тщательно-приготовленныхъ лѣкарственныхъ препаратахъ, но „въ значительно большей мѣрѣ" въ производствѣ разнообразныхъ гигіеническихъ изслѣдованій для содѣйствія судьѣ и врачу при постановкѣ судебно-медицинской экспертизы.

Авторъ вскользь касается существенно важнаго вопроса объ отношеніи представителей фармаціи къ производству гигіеническихъ и судебно-медицинскихъ изслѣдованій, предполагая, что аптекари получаютъ „надлежащую для исполненія этой задачи научную и практическую *подготовку*", обладая въ то же время „необходимыми для этого пособіями и приспособленіями". Въ этомъ заключается, по его мнѣнію, направленіе дѣятельности и развитія фармаціи грядущихъ дней, такъ какъ фармацевты „распространены повсюду по городамъ и селеніямъ и повсемѣстно могутъ являться компетентными спеціалистами въ дѣлѣ вѣдѣнія народнаго здравія и физическаго благополучія". При существующихъ условіяхъ подготовки и характера дѣятельности фармацевтовъ эта мысль представляется слишкомъ смѣлой и неосновательной. Справочная же книга, составленная авторомъ и значительно уступающая по своему изложенію другимъ подобнаго рода изданіямъ, все же менѣе поможетъ осуществленію этой мысли.

УЧЕБНИКИ.

„Практическій курсъ элементарной грамматики".—„Сборникъ диктантовъ".—„Краткій учебникъ грамматики". — „Сборникъ статей и отрывковъ изъ художественныхъ произведеній". Состав. *I. Вертоградскій*.—„Жизнь и сочиненія главнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ XVIII в.". Сост. *Э. С.*—„Русская азбука съ прибавленіемъ церковно-славянской азбуки, нѣкоторыхъ молитвъ, латинской азбуки, чиселъ до девяти съ задачами". Сост. *А. А. Тжаска*.

1) Практическій курсъ элементарной грамматики. Изданіе второе. Москва, 1895 г. Цѣна 20 коп. 2) Сборникъ диктантовъ. Изданіе второе. Москва, 1896 г. Цѣна 20 к. 3) Краткій учебникъ грамматики. Москва, 1895 г. Ц. 40 к. 4) Сборникъ статей и отрывковъ изъ художественныхъ произведеній. Составилъ I. Вертоградскій. Изъ существующихъ въ изобиліи учебниковъ по русской грамматикѣ и обученію русской грамотѣ ни одинъ не удовлетворилъ г. Вертоградскаго, и онъ написалъ своихъ учебниковъ цѣлыхъ 4. Изъ нихъ *Практическій курсъ элементарной грамматики* и *Сборникъ диктантовъ* выходятъ уже вторыми изданіями, а *Краткій учебникъ грамматики* и *Сборникъ статей и отрывковъ*—первыми. Для насъ, впрочемъ, не интересны вторыя изданія, потому что мало ли отчего иной разъ книги выходятъ вторымъ изданіемъ, гораздо интереснѣе фактъ первоначальнаго появленія новыхъ учебниковъ по очень старому предмету. Что оригинальнаго или полезнаго заключаютъ въ себѣ эти новыя книжки и что имѣлъ въ виду авторъ при ихъ составленіи? Присмотримся, насколько позволяетъ мѣсто, къ нимъ самимъ, а въ заключеніе отвѣтимъ на только-что поставленный вопросъ.

Прежде всего нѣсколько словъ по поводу предисловія, которое приложено авторомъ къ *Практическому курсу элементарной грамматики*, и заразъ охватываетъ всѣ 4 учебника и пособія. Предисловіе это довольно широковѣщательно. Авторъ начинаетъ съ указанія и разсмотрѣнія несовершенствъ существующихъ учебниковъ „пропедевтическаго курса", которые разнятся отъ обыкновенныхъ, какъ онъ выражается, „не по существу выбраннаго матеріала, цѣли и обработокъ его, а лишь по количеству, расположенію его и приложенію задачъ для письменныхъ упражненій (предисл., стр. 3). По мнѣнію г. Вертоградскаго, у насъ обыкновенно отсутствуетъ „предварительная подготовка къ грамматикѣ", и онъ предлагаетъ воспользоваться для такой подготовки тѣмъ временемъ, когда дѣти „упражняются въ списываніи съ книги" (предисл., стр. 3), причемъ списываніе это должно вестись по системѣ, а ученикъ отнюдь не долженъ работать механически (стр. 4). Тутъ же составитель вооружается противъ „грамматической терминологіи", ратуетъ за разграниченіе грамматическихъ понятій отъ логическихъ, ссылается на авторитетъ профессоровъ Потебни и Будиловича въ доказательство „необходимости основать грамматическія опредѣленія или на этимологической *формѣ слова*, или на синтаксической *формѣ рѣчи*" (стр. 6), рекомендуетъ свои опредѣленія, какъ такія, которыя, „при доступности ученикамъ ранняго возраста, отвѣчаютъ научнымъ требованіямъ или, во всякомъ случаѣ, не противорѣчатъ имъ" (стр. 9), говоритъ о характерѣ упражненій, которыя встрѣчаются въ его учебникахъ, и перечисляетъ достоинства этихъ учебниковъ.

Предисловіе, такимъ образомъ, повторяемъ, довольно широковѣщательно; но если, вопреки увѣренности автора, въ немъ не выражено ни какой-либо особенной новизны, ни оригинальности, то, все-таки, оно

не чуждо добрыхъ намѣреній. Однако, какъ извѣстно, отъ намѣреній не всегда близко до исполненія, а потому слѣдуетъ дать себѣ отчетъ, насколько разбираемые учебники отвѣчаютъ предисловію.

Практическій курсъ элементарной грамматики, предназначаемый г. Вертоградскимъ для городскихъ и двуклассныхъ училищъ, начальныхъ школъ, приготов. и перваго класса средн. учебн. заведен., отличаясь тяжелымъ языкомъ, заключаетъ въ себѣ, вмѣсто обыкновенныхъ, запутанныя и мало вразумительныя опредѣленія, безполезныя и подчасъ сбивчивыя упражненія и чрезвычайно своеобразную систему. Для доказательства обратимся къ примѣрамъ. На 7-й же страницѣ, напримѣръ, мы находимъ такое правило: „Если въ словѣ первые слога *(представки) объ, отъ, изъ, подъ, предъ, въ, съ*, то твердый знакъ пишется только передъ *ѣ, я, е*: объѣдки, объявить, подъемъ", а на стр. 89-й слѣдующее разъясненіе: „Предлоги служатъ въ помощь падежамъ при образованіи изъ словъ предложенія". Первому изъ приведенныхъ мѣстъ нельзя отказать въ очевидной запутанности, что же касается до второго, то въ немъ нѣтъ не только научности, о которой идетъ рѣчь въ предисловіи, но просто смысла. Въ самомъ дѣлѣ, что именно хочетъ сказать г. Вертоградскій своимъ разъясненіемъ? Значитъ ли оно, что падежи изъ словъ образуютъ предложеніе, а предлоги помогаютъ этому образованію, или еще что-нибудь? Отъ опредѣленій г. Вертоградскаго перейдемъ къ его упражненіямъ. Въ *Практическомъ курсѣ элементарной грамматики* встрѣчаются упражненія, въ которыхъ составитель предлагаетъ такія-то слова „измѣнить по вопросахъ", т.-е. просклонять, причемъ, по его мнѣнію, каждый разъ эти слова должны склоняться отдѣльно. Если не разсчитывать на совершенно-механическую работу со стороны учащихся, то спрашивается, какой же толкъ во всѣхъ подобныхъ склоненіяхъ, производятся ли они устно, или письменно, съ вопросами, или безъ вопросовъ? Вѣдь каждый вопросъ, а стало-быть и каждое окончаніе въ существительномъ или прилагательномъ являются необходимыми только тогда, когда этого требуютъ другія слова, къ чему же служатъ склоненія отдѣльныхъ существительныхъ и прилагательныхъ? Но этого мало: среди упражненій у г. Вертоградскаго встрѣчаются такія сбивчивыя, что ихъ легко можно было бы принять за игру словъ. Таково, напримѣръ, слѣдующее упражненіе: г. Вертоградскій спрашиваетъ: „ученика вызвали къ *чему?* (стр. 20). Что отвѣчать на подобный вопросъ: къ столу, къ отвѣту или къ доскѣ? Далѣе любопытна и система въ *Практическомъ курсѣ элементарной грамматики*. На стр. 30-й всѣ качества предмета сопровождаются вопросами: *какой? какая? какое?* и т. д., а на стран. 38-й и другихъ, передъ словами стар*ый*, стар*аго* и проч. стоятъ вопросы: *кто? что? кого? чего?* и т. д. Это ли не своеобразная система? Точно также при объясненіи сокращенной формы придаточныхъ предложеній (стр. 60) г. Вертоградскій употребляетъ термины *относительное мѣстоименіе* и *именительный падежъ*, хотя ни объ именительномъ падежѣ, ни объ относительномъ мѣстоименіи рѣчи раньше не было. Однако, всего удивительнѣе языкъ, которымъ написанъ *Практическій курсъ*. Говоря объ умственныхъ предметахъ, г. Вертоградскій выражается такъ: „Въ этомъ случаѣ о свойствѣ, качествѣ и дѣйствіи мы думаемъ, какъ бы (?) они были сами по себѣ особыми предметами: *бѣлизна, бѣгство, терпѣніе* и проч. (стр. 67). Столь же образцово выражено, напримѣръ, и слѣдующее: „Согласный звукъ безъ поддержки (?) гласнаго слышенъ не ясно и назыв. *сомнительнымъ*" (стр. 64). Наконецъ, въ заключеніе

Практическомъ курсѣ слѣдуетъ сказать, что временами онъ изобилуетъ такими правилами и подробностями, безъ которыхъ, какъ кажется, совершенно можно было обойтись. Необходимо ли, напримѣръ, сообщать учащимся въ элементарной грамматикѣ, что „сложныя слова, образовавшіяся присоединеніемъ къ корню, назыв. *предложными*" (стр. 64)? Или къ чему понадобилось составителю дѣлить имена существительныя на пять склоненій (стр. 69) и, слѣдовательно, заставлять запоминать учащихся, что имя существит. съ такимъ-то окончаніемъ относится къ такому-то склоненію?

Отъ *Практическаго курса* г. Вертоградскаго естественно перейти къ его *Сборнику диктантовъ*, который, какъ и *Практическій курсъ*, выходитъ въ настоящее время вторымъ изданіемъ и представляетъ собою пособіе къ первому. Лучшею частью этого *Сборника* слѣдуетъ, пожалуй, считать приложенный къ нему *Сборникъ ореографическихъ правилъ*, по которому ученикъ можетъ объяснить, какъ сказано въ предисловіи (стр. 13), устно или письменно грамматическія ошибки. Что же касается до матеріала для диктантовъ, то, вѣроятно, на томъ основаніи, что г. Вертоградскій заботится главнымъ образомъ о формѣ словъ (см. предисл.) и потому забываетъ объ ихъ значеніи, часто матеріалъ этотъ не отличается смысломъ. Вотъ, напримѣръ, перлы въ своемъ родѣ: „Машѣ подарили кошку, а Ванѣ ножъ" (стр. 16). „Въ лѣвое ухо влѣзь, а въ правое вылѣзь" (стр. 21). „Бѣшеный волкъ забѣжалъ въ послѣднее деревенское строеніе" (?) (стр. 25). „Чего нѣтъ у насъ, того же самаго нѣтъ и у него самого" (стр. 35) и т. д. Положимъ, что всѣ подобные примѣры считаются общепринятыми и употребительными въ другихъ сборникахъ диктантовъ, имя которымъ легіонъ, но г. Вертоградскій въ предисловіи вооружается противъ многаго общеупотребительнаго, и ему бы, повидимому, слѣдовало обратить вниманіе на смыслъ приводимыхъ имъ образцовъ для диктанта. О самомъ диктантѣ, какъ будто о хорошемъ средствѣ для обученія ореографіи, мы не распространяемся: нашъ взглядъ и взглядъ г. Вертоградскаго на диктантъ (см. предисл.) слишкомъ расходятся.

Относительно третьей книжки г. Вертоградскаго или *Краткаго учебника грамматики (синтаксисъ и этимологія)* для первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній придется сказать весьма немногое, такъ какъ мы вполнѣ согласны съ авторомъ, что учебникъ этотъ отличается такимъ же направленіемъ, какъ и *Практическій курсъ*, т.-е. въ немъ тотъ же языкъ, тѣ же опредѣленія и тѣ же упражненія. Встрѣчаются здѣсь точно также и неожиданности. Таковою можно, конечно, счесть сообщеніе г. Вертоградскаго на 3 стр. учебника, что „подлежащее никуда не относится"; таковою же является заключительный § главы объ имени существительномъ (стр. 41), который посвященъ вопросамъ, въ большинствѣ случаевъ касающимся правописанія, хотя въ предисловіи (стр. 11) г. Вертоградскій увѣряетъ, что преподаватель не встрѣтитъ въ его учебникахъ отдѣльныхъ статей подъ рубриками вродѣ *Правописаніе имени существительнаго*.

Остается еще четвертая книжка г. Вертоградскаго, подъ названіемъ *Сборникъ статей и отрывковъ изъ художественныхъ произведеній для диктанта, письменнаго изложенія прочитаннаго въ классѣ, составленія образцовыхъ плановъ ученическихъ сочиненій и подражанія учениками въ сочиненіяхъ на темы, подходящія къ выработаннымъ планамъ*. Несмотря на такое слишкомъ много обѣщающее заглавіе, книжка эта имѣетъ совсѣмъ уже скромныя достоинства. Намъ кажется, что составилась она

слѣдующимъ образомъ. Въ качествѣ учителя, давно уже практикующаго, авторъ въ разное время задавалъ разныя упражненія учащимся у него, и матеріаломъ для этихъ упражненій служили тѣ или иныя статьи изъ различныхъ хрестоматій. Когда такихъ статей накопилось достаточно, авторъ собралъ ихъ вмѣстѣ и придумалъ то многообъемлющее заглавіе, которое выписано выше. Во всякомъ случаѣ, въ той „окрошкѣ“, которую представляетъ изъ себя *Сборникъ статей и отрывковъ изъ художественныхъ произведеній*, разобраться очень трудно. Всякій, кто заглянулъ бы въ эту книжку, убѣдился бы, что статьи въ ней, конечно, идутъ одна за другой, но по какому плану, съ какими цѣлями и ради какихъ надобностей, никто бы не догадался. Достаточно того, что въ *Сборникѣ* есть статьи, начинающіяся съ союза „но“ (стр. 22, 60). Что касается до художественности статей, о которой составитель говоритъ въ предисловіи, говоритъ и въ заглавіи *Сборника*, то и она во многихъ случаяхъ подлежитъ большому сомнѣнію. Вообще въ разбираемомъ *Сборникѣ* замѣтны слѣды какой-то „беззаботности“, а подобное качество нельзя цѣнить особенно высоко.

Пора, однако, подводить итогъ всему сказанному. Что же новаго или „назидательнаго“ даютъ книжки г. Вертоградскаго? По всей справедливости, очень мало. Стремленіе къ научности—дѣло хорошее, но и до г. Вертоградскаго многіе стремились къ научности и подобно ему остались при одномъ стремленіи, такъ какъ науку трудно сочетать съ дѣтскимъ возрастомъ, что же до искусства обученія грамотѣ и грамматикѣ, то, благодаря учебникамъ г. Вертоградскаго, искусство это ни на шагъ не подвинулось впередъ. По нашему мнѣнію, объ учебникахъ г. Вертоградскаго только и можно сказать, что съ появленіемъ ихъ на свѣтъ 4-мя учебными книжками стало больше.

Жизнь и сочиненія главнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ XVIII в. Руководство для преподаванія нѣмецкой литературы въ VII кл. реальныхъ училищъ согласно учебнымъ планамъ. Составилъ Э. С. Москва, 1895 г. Цѣна 25 коп. Составитель брошюры, заглавіе которой только что выписано, задается очень опредѣленной, хотя скромною задачей написать руководство для преподаванія нѣмецкой литературы въ VII кл. реальныхъ училищъ, и нельзя не признать, что и самая брошюра отличается очень опредѣленными, хотя скромными достоинствами. Она написана довольно легкимъ нѣмецкимъ языкомъ, что важно для книги, предназначаемой для учащихся, заключаетъ въ себѣ на 65 страницахъ краткія біографіи и довольно правильную оцѣнку сочиненій Виланда, Лессинга, Гердера, Гёте и Шиллера и стоитъ всего 25 коп. Сверхъ сказаннаго, въ концѣ ея читатель найдетъ примѣчанія, въ которыхъ чрезвычайно кстати составитель нашелъ нужнымъ сообщить кое-что и о Клопштокѣ, и о романтической школѣ, и о Винкельманѣ и о многомъ другомъ, вполнѣ необходимомъ для свѣдѣнія учащихся. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ разбираемую книжку вполнѣ доступной и умѣстной въ качествѣ учебника для реальныхъ училищъ, и остается пожалѣть, что въ ней встрѣчаются опечатки; въ этомъ отношеніи бросается въ глаза время смерти Гёте, помѣченное 1882 годомъ (стр. 29).

Русская азбука съ прибавленіемъ церковно-славянской азбуки, нѣкоторыхъ молитвъ, латинской (французской) азбуки, чиселъ до десяти съ задачами, таблицы мѣръ и вѣсовъ и со многими рисунками. Составилъ А. А. Тжаска. Москва, 1896 г. Цѣна въ папкѣ 30 к. За послѣднее время въ свѣтъ появилось достаточное количество всякихъ азбукъ, и большинство изъ нихъ не отличается ни

оригинальностью, ни особенными достоинствами. Къ числу такихъ-то книжекъ принадлежитъ и разбираемая нами *Русская азбука* г. Тжаски. Правда, и содержаніемъ своимъ, и расположеніемъ матеріала, и даже нѣкоторыми рисунками названная азбука напоминаетъ знаменитое *Родное слово* Ушинскаго, въ сокращенномъ, впрочемъ, видѣ, но не понимаемъ, зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, понадобилось г. Тжаскѣ трудиться надъ составленіемъ новой азбуки. *Родное слово* содержитъ въ себѣ несравненно большее количество статей для начальнаго чтенія, не говоря уже о множествѣ разнообразныхъ упражненій, которыя въ книжкѣ г. Тжаски совсѣмъ отсутствуютъ; что же касается до статеекъ, принадлежащихъ выбору и даже, быть-можетъ, перу самого г. Тжаски, то образчикомъ таковыхъ можетъ послужить слѣдующее назидательное стихотвореніе:

Мы видимъ глазами,
Работаемъ руками,
А пишемъ въ тетради перомъ (почему же не рукой?).
Мы легкими дышимъ,
Ушами мы слышимъ,
А рубимъ дрова топоромъ и т. д. (стр. 33).

Или еще лучше:

Воду ведрами приносятъ,
Траву же косою косятъ.
Мышь пищитъ, купецъ торгуетъ,
Голубочекъ же воркуетъ (стр. 33).

Въ заключеніе не можемъ не высказать также своего удивленія, зачѣмъ понадобилось составителю помѣщать въ своей *русской* азбукѣ латинскій или французскій алфавитъ.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Каталогъ книгъ для безплатныхъ народныхъ библіотекъ". Изданъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія.

Каталогъ книгъ для безплатныхъ народныхъ библіотекъ. Изданъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія. Однимъ изъ тормазовъ въ дѣлѣ распространенія народныхъ библіотекъ были затрудненія, встрѣчавшіяся при составленіи ихъ каталоговъ. По правиламъ 15 мая 1890 г., узаконившимъ ихъ существованіе, въ нихъ были допущены впредь до изданія министерствомъ особаго для нихъ каталога лишь книги, одобренныя министерствомъ для употребленія въ ученическихъ библіотекахъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Между тѣмъ послѣднее изданіе министерскаго каталога относится къ 1887 году. Помѣщенныя въ немъ книги или устарѣли, или вышли изъ продажи. Новыя разрѣшенія приходилось отыскивать въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за цѣлый рядъ лѣтъ. Правда, въ послѣдніе годы, въ связи съ возникшимъ въ обществѣ движеніемъ въ пользу широкаго распространенія народныхъ библіотекъ, появился рядъ частныхъ изданій образцовыхъ каталоговъ изъ допущенныхъ министерствомъ книгъ. Эти изданія являлись результатомъ тщательнаго изученія этого, въ большинствѣ случаевъ, какъ увидимъ ниже, совершенн непригоднаго для народныхъ библіотекъ матеріала, который дав одобренія ученаго комитета. Составителямъ, во главѣ съ комит грамотности. такъ много сдѣлавшимъ для распространенія се

библіотекъ, удалось составить на 200—300 р. вполнѣ пригодную для народа библіотеку, правда, съ исключительнымъ преобладаніемъ беллетристическаго отдѣла и почти полнымъ отсутствіемъ книгъ по прикладнымъ знаніямъ. Но неоффиціальныя изданія были мало убѣдительны для лицъ, которымъ былъ ввѣренъ надзоръ за библіотеками, и пропускъ книги въ библіотеку былъ также труденъ.

Только что изданный министерствомъ, обѣщанный правилами 15 мая 1890 г., каталогъ устраняетъ эти затрудненія и потому нельзя не привѣтствовать его появленія. Но, къ сожалѣнію, содержаніе каталога совсѣмъ не оправдываетъ возлагавшихся на него надеждъ.

Возбуждавшійся неоднократно земствами, съѣздами, общественными учрежденіями рядъ ходатайствъ о расширеніи каталоговъ народныхъ библіотекъ, указанія спеціальной литературы на крайнюю малочисленность и непригодность разрѣшенныхъ министерствомъ книгъ прошли безслѣдно для новаго каталога. Въ рядѣ отдѣловъ онъ также безнадежно скуденъ и также мало пригоденъ для народной библіотеки. Такъ, старанія земства поднять экономическій уровень народа распространеніемъ въ его средѣ техническихъ знаній не найдутъ въ немъ себѣ никакой поддержки. Изъ 21 книжекъ, которыя числятся въ каталогѣ въ отдѣлѣ „ремеслъ и производствъ“, большая половина давно распродана, а часть, какъ трехрублевый *Курсъ кройки и шитья дамскихъ нарядовъ*, изд. *Вѣстника Моды*, или *Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности* (изд. 1874 г.), очевидно, совсѣмъ непригодная для деревенской библіотеки. Не менѣе безотрадное впечатлѣніе производитъ отдѣлъ „общественныхъ и юридическихъ наукъ“. Составители каталога помѣстили въ немъ лишь 29 книжекъ, изданныхъ въ большинствѣ случаевъ въ 70-хъ годахъ и въ настоящее время съ упраздненіемъ мирового института и преобразованіемъ волостного суда потерявшихъ всякое значеніе. Если мы откинемъ затѣмъ такія изданія, какъ Смирнова-Платонова — *Статистика приходской благотворительности въ Москвѣ (1885 г.)* или Мушникова—*Курсъ законовѣдѣнія для кадетскихъ корпусовъ*, то отдѣлъ сведется почти на нѣтъ.

Болѣе обширными по количеству помѣщенныхъ въ нихъ книгъ, но почти такъ же безсодержательными являются отдѣлы по исторіи, географіи и медицинѣ. Здѣсь также поражаетъ случайность подбора, благодаря которой въ каталогъ заносятся такія спеціальныя сочиненія, какъ *Описанія Успенско-Дранскаго монастыря близъ Сухума*, *Древняя русская исторія до монгольскаго ига* М. П. Погодина (ц. 25 р.), или *Исторія рязанскихъ князей до 1520 г.* Савенка и отсутствуютъ, наприм., совершенно сочиненія Костомарова, наиболѣе, казалось бы, пригодныя въ народной библіотекѣ по популярности и талантливости изложенія.

Здѣсь мы также встрѣчаемся затѣмъ съ рядомъ распроданныхъ изданій, помѣщеніе которыхъ въ каталогѣ безцѣльно затрудняетъ лишь пользованіе имъ (по наведеннымъ нами справкамъ, во всемъ каталогѣ помѣщено около 330 давно не имѣющихся на книжномъ рынкѣ изданій; при болѣе подробномъ ознакомленіи число это, вѣроятно, значительно увеличится). Цѣнность указанныхъ отдѣловъ еще болѣе уменьшается для составителя народной библіотеки тѣмъ, что, при всей бѣдности ихъ содержанія, онъ встрѣчаетъ тамъ рядъ книгъ, пріобрѣсти которыя не подъ силу даже богатой городской библіотекѣ, не только сельской, стоимость которой колеблется обыкновенно отъ 100 до 300 рублей. Укажемъ, наприм., Потто—*Кавказская война*, ц. 18 р., Богдановичъ—*Исторія царствованія императора Александра I*, ц. 15 руб.,

его же—*Исторія войны 12 года*, ц. 10 руб., его же—*Исторія войны 13 года*, ц. 7 р. 50 к., Вейса — *Внѣшній бытъ народовъ*, ц. 24 руб., Вейсера—*Атласъ всемірной исторіи*, ц. 36 р., Гоппе—*Вѣнчаніе русскихъ царей*, ц. 10 и 14 руб., Гильфердингъ—*Собраніе сочиненій*, ц. 15 р., Д. Иловайскій—*Исторія Россіи*, ц. 12 р., Крестовскій—*20 мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи*, ц. 6 руб., Надлеръ—*Императоръ Александръ I*, ц. 10 р., Сапуновъ—*Витебская старина*, ц. 7 р., Фигье—*Свѣтила науки*, ц. 12 р., Плюшаръ — *Библіотека путешествій* (изд. 1854 г.), ц. 10 р., Булычевъ — *Путешествіе по Восточной Сибири* (изд. 1854 г.), ц. 63 р., Гельвальдъ—*Земля и ея народы*, ц. 12 р. 50 к. Захаренко—*Кіевъ теперь и прежде*, ц. 12 р., и т. д.

Наиболѣе полнымъ является въ каталогѣ литературный отдѣлъ. Здѣсь мы находимъ рядъ русскихъ и иностранныхъ классиковъ, многія изъ народныхъ изданій интеллигентныхъ издателей, поставившихъ себѣ задачей борьбу съ лубочною литературой, и даже нѣкоторыхъ современныхъ беллетристовъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ слѣдующими странными фактами, основанными, повидимому, на недоразумѣніи. Составители каталога ограничились буквальной перепечаткой имѣвшихся ранѣе разрѣшеній. А такъ какъ разрѣшенія ученаго комитета, не включенныя въ каталогъ ученическихъ библіотекъ, давались лишь на одно указанное имъ изданіе (въ послѣднее время министерство, какъ извѣстно, допустило обращеніе въ библіотекахъ и другихъ изданій того же сочиненія, если въ немъ нѣтъ значительныхъ измѣненій), то отсюда значительная часть классиковъ показана въ новомъ каталогѣ въ изданіяхъ болѣе дорогихъ, чѣмъ обращающіяся въ настоящее время на книжномъ рынкѣ.

Такъ, *Собраніе сочиненій* Достоевскаго каталогъ указываетъ въ изданіи 1883 г., стоющее 30 руб., между тѣмъ какъ теперь оно стоитъ 10 р., *Исторія Россіи* Соловьева не 56 р., а лишь 15 р., *Сочиненія* С. Т. Аксакова по каталогу стоятъ 12 р. 50 к., вмѣсто 9 руб., всѣ изданія Диккенса взяты семидесятыхъ годовъ, стоимостью по 3 р. 50 к. за томъ, между тѣмъ въ томъ же переводѣ они переизданы по 1 р. 50 коп., *Басурманъ* Лажечникова стоитъ не 3 руб., какъ указываетъ каталогъ, а лишь 1 р. 50 к., Лермонтовъ давно уже стоитъ не 4 р., а 1 р. и даже дешевле, и т. д. При этомъ составители каталога, повидимому, полагаютъ, въ противорѣчіе съ указаннымъ циркуляромъ г. министра, что въ народной библіотекѣ могутъ быть допущены лишь указанныя ими изданія, такъ какъ въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ ими разрѣшается другое изданіе (такъ, наприм., относительно сочиненій Пушкина, указанныхъ ими въ 7 р. изданіи), они считаютъ нужнымъ сдѣлать объ этомъ спеціальное указаніе. Нельзя не пожелать скорѣйшаго разъясненія этого недоразумѣнія со стороны министерства, такъ какъ въ противномъ случаѣ оффиціальный характеръ каталога дастъ основаніе болѣе ревностнымъ провинціальнымъ чиновникамъ министерства возбудить гоненіе на дешевыя изданія классиковъ и тѣмъ лишить ихъ совсѣмъ народныя библіотеки, такъ какъ разъ дорогое изданіе разошлось, то его уже, очевидно, ни за какія деньги нигдѣ не достанешь.

Нельзя не указать также, въ тѣхъ же видахъ, на крайнюю желательность исправленій допущенныхъ въ каталогѣ неточностей въ обозначеніи авторовъ. Такъ, наприм., каталогъ разрѣшаетъ къ допущенію въ народныхъ библіотекахъ рядъ разсказовъ Вас. Ив. Немировича-Данченка (12 книгъ), неукоснительно называя при этомъ автора ихъ Влад.

Немировича-Данченка. А развѣ мало найдется у насъ лицъ, на которыхъ возложенъ правилами 15 мая ближайшій надзоръ за народными библіотеками, которые не затруднятся вычеркнуть книгу изъ каталога въ виду несоотвѣтствія имени автора на обложкѣ книги и въ министерскомъ каталогѣ.

Нельзя не пожелать также пересмотра при слѣдующемъ изданіи помѣщеннаго при каталогѣ списка періодическихъ изданій, допускаемыхъ въ народныя читальни. Изъ петербургскихъ ежедневныхъ изданій здѣсь мы находимъ лишь *Новое Время, Свѣтъ* и *Родину*, а изъ московскихъ *Московскія Вѣдомости, Московскій Листокъ* и *Русское Слово*. Почему нечистоплотный уличный листокъ съ его лубочными фельетонами въ жанрѣ „разбойника Чуркина“ ставится въ привиллегированное положеніе относительно хотя бы тѣхъ же *Биржевыхъ Вѣдомостей*, вычеркнутыхъ составителями изъ прежняго списка? Непонятнымъ является также недопущеніе спискомъ въ народныя библіотеки ни одного провинціальнаго изданія, за исключеніемъ *Варшавскаго Дневника*. Казалось бы, провинціальная цензура достаточно гарантируетъ полную невозможность для нихъ проведенія въ народъ какихъ-либо признаваемыхъ въ данное время почему-либо „вредными“ мыслей, а ихъ близость къ мѣстнымъ интересамъ дѣлала бы ихъ, между тѣмъ, особенно цѣнными въ народной библіотекѣ. Таковы многочисленныя недоумѣнія, вызываемыя новыми министерскими каталогами. Нельзя не питать твердой увѣренности, что они скоро отойдутъ въ область преданій.

Нельзя не отмѣтить слѣдующаго факта, имѣвшаго мѣсто уже послѣ изданія каталога. Недавно г. министромъ народнаго просвѣщенія разрѣшено, какъ сообщалось въ газетахъ, по ходатайству учредителей одной изъ народныхъ библіотекъ на югѣ, допущеніе въ библіотеки длиннаго ряда сочиненій, не помѣщенныхъ въ каталогѣ. Крайняя неудовлетворительность его, слѣдовательно, сознана уже самимъ министерствомъ, и потому есть полное основаніе надѣяться, что при слѣдующемъ изданіи желанія общества найдутъ въ большей или меньшей степени свое осуществленіе.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русскій Вѣстникъ“, *августъ*.—„Вѣстникъ Европы“, *августъ*.—„Сѣверный Вѣстникъ“, *августъ*.—„Русское Богатство“, *іюль*.

Нуждается ли литература при обсужденіи насущныхъ общественныхъ вопросовъ въ какихъ-нибудь общихъ принципахъ, въ какихъ-либо общихъ точкахъ зрѣнія, или она можетъ и даже должна обходиться безъ нихъ и ограничиваться изложеніемъ фактическихъ данныхъ и совѣтами, подсказываемыми, такъ называемымъ, здравымъ смысломъ? Вотъ вѣдь какіе вопросы приходится теперь, въ нашъ практическій вѣкъ, при нашемъ ультра-реалистическомъ настроеніи, задавать себѣ всякому пишущему. Отовсюду, изъ всѣхъ сферъ, имѣющихъ право голоса въ нашей общественной жизни или смѣло присвоившихъ себѣ таковое право, раздаются очень внушительные, зычные, такъ сказать, голоса, кричащіе писателю: мы не хотимъ летать по поднебесью; держитесь ближе къ землѣ; ваши принципіальныя разсужденія не имѣютъ для насъ никакого значенія или имѣютъ самое ничтожное значеніе; компетентными и важными мы считаемъ только голоса однородныхъ группъ прак-

тическихъ людей, преслѣдующихъ исключительно однородные практическіе интересы. А все остальное, всѣ эти общіе принципы, всѣ эти общія точки зрѣнія не только безполезны, а даже вредны. Пусть принципами Европа занимается, въ Россіи — тѣ, кому вообще завѣдываніе ходомъ жизни предоставляется, всѣ же остальные и въ особенности литература, если она покушается на принципіальное обсужденіе вопросовъ русской общественности, этимъ самымъ доказываютъ, что они — не русскіе люди, а какіе-то европейскіе межеумки.

Вотъ, вѣдь, до чего мы дожили. И по совѣсти сказать, и подѣломъ намъ. Уже давно, въ одну изъ роковыхъ минутъ, которыхъ такъ много было въ исторіи нашей общественности, на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій появилось роковое для развитія русской общественности и развитія русской литературы заявленіе: наше время—не время широкихъ задачъ! Въ свое время это заявленіе было встрѣчено взрывомъ протеста и негодованія. Но ядовитое сѣмя было брошено, оно нашло благопріятную почву и подъ шумокъ событій или въ тиши разыгрывавшейся общественной реакціи росло себѣ, да росло, и вотъ — въ результатѣ такой пышный цвѣтокъ дало. Литература такимъ заявленіемъ продала свое право первородства за чечевичную похлебку. Было бы однимъ изъ любопытнѣйшимъ вопросовъ для исторіи нашей общественной эволюціи прослѣдить, какъ послѣдовательно наша публицистика постепенно изъ принципіальной превращалась въ публицистику челобитья или, еще хуже, доклада.

Г. Шараповъ, писатель, котораго, вѣроятно, никто не заподозритъ въ какой-либо склонности къ либерализму или вообще къ какимъ-либо *измамъ*, который несомнѣнно принадлежитъ къ разряду „свѣдущихъ" и „практическихъ" публицистовъ, въ одной своей статьѣ горько жалуется на то, что наша журнальная публицистика состоитъ вся цѣликомъ изъ докладовъ. Это, разумѣется, преувеличеніе... Разумѣется, не всѣ же наши публицисты—простые докладчики. Но въ жалобахъ г. Шарапова несомнѣнно много вѣрнаго. Къ его утвержденію слѣдовало бы, быть можетъ, прибавить только—или докладъ, или челобитье. И трудно сказать, что болѣе возбуждаетъ грусти въ человѣкѣ, любящемъ литературу и преданномъ ея подлиннымъ интересамъ, литература—докладъ или литература—челобитье. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ литература отказывается отъ своего права первородства и обращаетъ свои взоры не туда, куда она по самой своей природѣ, по самому праву своего существованія должна обращать ихъ.

Въ нашей исторіи вообще челобитье играло огромную роль. Покойный историкъ Щаповъ находилъ даже, что по челобитнымъ разныхъ „сиротъ государевыхъ" можно написать всю русскую исторію. И конечно, при челобитьи нѣтъ мѣста какимъ-либо принципамъ, какимъ-либо общимъ точкамъ зрѣнія. Въ немъ можетъ быть разговоръ только о нуждахъ и пользахъ и ни о чемъ больше. Челобитье до извѣстной степени опредѣляетъ настроеніе челобитчиковъ. Но только до извѣстной степени, и было бы ужъ черезчуръ наивно искать въ немъ отраженія всей духовной жизни общества и народа. Та аудиторія, къ которой челобитье обращено, не допускаетъ возможности такого полнаго отраженія. Одно время казалось, что у насъ наступила эпоха развитія настоящей независимой и принципіальной публицистики, обращающей свой голосъ совсѣмъ не къ той аудиторіи, къ которой всегда обращается челобитье. Но произошелъ новый поворотъ колеса исторіи, и мы помаленьку и полегоньку возвращаемся къ старой формѣ челобитья „си-

ротъ". И опять-таки было бы наивностью предполагать, что именно въ этомъ жалостномъ плачѣ „сиротъ" и заключается самое настоящее отраженіе дѣйствительности. Общественная мысль, поскольку она отражается въ публицистикѣ, дѣйствительно бьется, какъ запертая въ клѣткѣ птица, въ узкихъ предѣлахъ челобитья и доклада, но все же отождествлять эти челобитныя и доклады съ подлиннымъ проявленіемъ общественной мысли никакъ невозможно. Можно только сказать одно, что общественная мысль еще не нашла своего настоящаго выраженія, или что ея выразители по тѣмъ или инымъ причинамъ идутъ не по тому пути, по которому имъ слѣдуетъ идти... что литература вообще и публицистика въ особенности временно утратили по праву принадлежащее имъ мѣсто руководительницы... Конечно, радоваться тутъ нечему.

Впрочемъ, какъ кому. Вотъ, наприм., *Русскій Вѣстникъ* такъ тотъ— весьма обрадованъ. „Съ закрытіемъ явно вредныхъ изданій,—говоритъ хроникеръ журнала,—началось общее оздоровленіе печати. Самый ходъ государственныхъ дѣлъ указалъ прессѣ ея прямую задачу, именно разработку многоразличныхъ житейскихъ вопросовъ, которая вскорѣ отучила печать отъ разглагольствованій на принципіальныя темы. Изъ печати удалось вытравить, если не окончательно, то въ значительной степени, духъ либерализма и нигилизма".

Разумѣется, чего же лучше, если непріятный духъ вытравленъ. Но какимъ образомъ и на основаніи какихъ правилъ логики принципіальныя темы отождествляются въ умѣ хроникера съ либерализмомъ и нигилизмомъ? Почему, если либерализмъ и нигилизмъ суть жупелы, такими же жупелами представляются и принципы, и общія точки зрѣнія? И куда, позвольте спросить, при этомъ хотя бы и *Русскій Вѣстникъ* опредѣлить?... Дѣло, вѣдь, въ томъ, что самъ *Русскій Вѣстникъ* — журналъ по преимуществу принципіальный, такой, который при всякомъ удобномъ, и чаще всего при всякомъ неудобномъ, случаѣ о принципахъ говоритъ и общія точки зрѣнія выставляетъ. Намъ по обязанности журнальнаго обозрѣвателя приходится внимательно прочитывать все, печатающееся въ журналѣ, и мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что именно такъ называемыхъ дѣловыхъ (дѣловая и дѣльная статьи— два понятія, не всегда совпадающія; avis au lecteur) статей въ журналѣ почти не встрѣчается, а все только однѣ принципіальныя. И тѣ руководители нашего общественнаго мнѣнія и нашей общественной дѣятельности, которые не придаютъ никакого значенія принципіальнымъ разсужденіямъ, а цѣнятъ лишь практическія указанія и совѣты, напрасно искали бы ихъ на страницахъ консервативнаго журнала. Онъ, журналъ этотъ, есть по преимуществу органъ, отстаивающій вкривь и вкось принципы и всего меньше занятый практическими, выдвигаемыми жизнью вопросами. Это дѣлаетъ его до нѣкоторой степени старообразнымъ, даже архаичнымъ. Разумѣется, совсѣмъ другой вопросъ, какъ онъ пользуется защищаемыми имъ общими точками зрѣнія, куда онъ, попросту выражаясь, суетъ свои общіе принципы. Можно, не вступая въ словопренія о самыхъ принципахъ, утверждать, что журналъ именно суетъ эти принципы ни къ селу, ни къ городу, что нѣтъ, наприм., никакого отношенія между принципами политическаго строя и той или другой формой судоустройства и что притягивать къ этому послѣднему вопрос такой принципъ можно только за уши, ибо между принципомъ и част нымъ вопросомъ о судебномъ строѣ не имѣется никакого соотношенія Но это еще не значитъ, чтобы вопросъ о наилучшемъ судебномъ стро

могъ обсуждаться при отсутствіи общихъ принциповъ. Слѣдуетъ только примѣнять принципъ, къ вопросу подходящій. Ну, хоть, наприм., принципъ, утверждающій право личности быть судимой не исключительнымъ и не административнымъ или какимъ-либо временнымъ судомъ, и судиться только за дѣйствительно совершенные преступленія и проступки. Можно утверждать также, что вопросъ о народномъ образованіи не можетъ рѣшаться на основаніи принципа вѣроисповѣднаго, ибо никакая религія не можетъ и не берется опредѣлять ту сумму знаній, на которую имѣетъ право всякая человѣческая личность. Можно утверждать также, что вопросы экономическіе, о развитіи промышленности и т. п. не могутъ рѣшаться на основаніи принципа о господствѣ одной расы надъ другой, что если и говорится о развитіи національной промышленности, то терминъ: „національный"—тутъ пониматься долженъ не въ смыслѣ расовомъ, вѣроисповѣдномъ или лингвистическомъ, а только въ смыслѣ государственномъ. Все это, разумѣется, труизмы, о которыхъ даже и говорить-то публично какъ будто совѣстно. И тѣмъ не менѣе уже то обстоятельство, что говорить о нихъ все-таки приходится, доказываетъ, во-первыхъ, то, что консервативный журналъ, радуясь истребленію изъ нашей литературы принципіальныхъ темъ, лицемѣритъ, ибо за собой-то онъ оставляетъ право обсуждать такія темы, и даже не обсуждать, а просто повелительно навязывать ихъ даже и тамъ, гдѣ онѣ совсѣмъ не у мѣста. А во-вторыхъ, это доказываетъ, что безъ принциповъ-то, безъ общихъ точекъ зрѣнія, публицистика никоимъ образомъ обойтись не можетъ, — даже публицистика любителей практичности. Въ частности же публицистика консервативныхъ органовъ если и можетъ быть названа докладами, то совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы выше употребили этотъ терминъ, а въ иномъ, гораздо менѣе безобидномъ.

Искренно жаль, что хроникеръ *Русскаго Вѣстника*, такъ твердо стоящій на почвѣ „опредѣленности", самъ не держится такой опредѣленности и находитъ нужнымъ закутывать свою мысль въ совершенно неподходящія для нея оболочки. Мы его вполнѣ понимаемъ, когда онъ радуется „вытравленію духа либерализма и нигилизма", но мы недоумѣваемъ, когда онъ радуется разработкѣ печатью житейскихъ вопросовъ. Для того, чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ долженъ бы былъ отказать печати и въ правѣ на такую разработку. Косвенно онъ такъ и дѣлаетъ. „Либералы убѣждены,—говоритъ онъ,—что насъ не нужно водить на помочахъ, что мы и сами ходить умѣемъ. Это, разумѣется, невѣрно. Намъ нужна дисциплина, нужна указка, нужна строгая опека". А развѣ же дѣтямъ, которыхъ водятъ на помочахъ, можетъ быть предоставлена разработка житейскихъ вопросовъ? Вѣдь, они, на помочахъ-то ходящіе, и невѣсть чего натворятъ. Таковъ логическій выводъ, и напрасно хроникеръ отъ него уклоняется.

А, впрочемъ, онъ и не уклоняется, а только закутываетъ свою мысль. „Мы относимся скептически къ свободѣ печатнаго слова,—говоритъ онъ,— мы убѣждены, что наша печать не доросла до свободы (стало быть, все-таки можетъ дорасти? И на томъ спасибо). Ею необходимо руководить". Хроникеръ заднимъ числомъ привѣтствуетъ запрещеніе *Страны, Голоса* и *Отечественныхъ Записокъ*. Но онъ не довольствуется этимъ и желалъ бы идти дальше. По его мнѣнію, мы отдѣлались отъ большого зла, а теперь намъ слѣдуетъ бороться съ меньшимъ. Онъ сознается, что именно устраненіе большого зла повело за собой меньшее—развитіе мерзкой, порнографической и *безпринцип-*

ной печати, что на издательскомъ и редакторскомъ поприщахъ появились люди совершенно невѣжественные, люди улицы, игорнаго притона и трактирной стойки. Онъ увѣряетъ, что есть основаніе надѣяться на исправленіе этихъ недуговъ печати.

Драгоцѣнное сознаніе и не менѣе драгоцѣнное утѣшеніе! Но любопытно: какимъ же именно путемъ и какими средствами произойдетъ такое исцѣленіе? Строгими мѣрами? Но, по собственному сознанію хроникера, именно строгія мѣры породили это зло безпринципной печати. Выборомъ издателей и редакторовъ на основаніи „опредѣленныхъ“ принциповъ? Да, это, безспорно, мѣра очень опредѣленная. Но любопытно только при этомъ одно: будетъ ли при принятіи такой мѣры существовать самая пресса? Да и сумѣетъ ли администрація, будетъ ли она въ состояніи даже (вѣдь, выборъ-то ей предоставляется) выбирать тѣхъ, кого нужно нашимъ „охранителямъ наоборотъ“? Они, вѣдь, именно недовольны бюрократіей за отсутствіе у ней этой самой „опредѣленности“.

Вотъ и это недовольство консерваторовъ бюрократіей—вещь совершенно невразумительная. Самая сущность бюрократіи, какъ учрежденія, состоитъ въ томъ, что она sait tout, fait tout, fourre son nez partout, т.-е. водитъ на помочахъ. Другая отличительная черта, входящая въ опредѣленіе бюрократіи, состоитъ въ томъ, что она можетъ, „воспѣвъ Гарибальди, воспѣть и Франческо“, или, говоря болѣе высокимъ слогомъ, представляетъ и должна представлять гибкое, послушное и чувствительное орудіе въ рукахъ власти. А у насъ власть всегда, во всѣ пережитыя нашимъ обществомъ эпохи, отличалась полною опредѣленностью своихъ политическихъ принциповъ. Такъ что говорить о „неопредѣленности“, которою яко бы страдаетъ наша бюрократія, можно только по недоразумѣнію или... съ злостнымъ умысломъ.

Разсужденія хроникера являли бы міру примѣръ удивительной путаницы въ мысляхъ, еслибъ онъ самъ не потрудился разъяснить всѣ сомнѣнія читателя. Онъ недоволенъ бюрократіей не за отсутствіе опредѣленности, а только за то, что она иногда „находилась въ очень враждебныхъ отношеніяхъ съ русскими дѣятелями, патріотизмъ которыхъ находился внѣ сомнѣнія“... Это точно бывало. Не всегда „русскіе дѣятели“ извѣстнаго пошиба въ авантажѣ пребывали. И напрасно хроникеръ полагаетъ, что сіе отсутствіемъ опредѣленности объясняется. Бюрократія въ этомъ случаѣ являлась только тѣмъ, чѣмъ она только и быть можетъ—исполнительницей извѣстнаго пониманія тѣхъ же общихъ принциповъ, за которые такъ не кстати распинается хроникеръ. А это въ свою очередь доказываетъ, что пониманіе этихъ принциповъ можетъ быть различное и что такое пониманіе, какое отстаиваютъ консервативные органы, отнюдь не обязательно.

Наиболѣе полнаго и сильнаго развитія режимъ такой опредѣленности и такой законности, какія желательны нашимъ консерваторамъ, достигаетъ въ деревнѣ. Съ этимъ режимомъ насъ знакомитъ г. Соколовъ въ своей въ высокой степени интересной статьѣ *Дома (Вѣстн. Европы)*. Авторъ находился въ особенно благопріятныхъ для наблюденія надъ деревенскими порядками условіяхъ. Предки его были простыми землепашцами. Онъ сознательно и добровольно рѣшилъ навсегда остаться въ томъ же чинѣ и званіи, какъ и его отецъ и братья, т.-е. податною единицей. Старшина безъ особыхъ затрудненій могъ посадить автора подъ арестъ, даже наказать розгами; староста могъ свободно послать его править дорогу, ослушаніе могло бы повлечь за собой за-

конное взысканіе. Какъ мѣстный крестьянинъ, фактически утратившій всякія права въ деревнѣ, онъ имѣлъ за собой всѣ обязанности, но уже не фиктивныя, а дѣйствительныя, и былъ повиненъ всѣ свои дѣйствія подчинять усмотрѣнію сельскихъ властей. Таково правовое положеніе интеллигентнаго человѣка въ деревнѣ, если оно лично непривилегированное. И вотъ это-то положеніе сразу дало себя знать автору, погрузившемуся было въ идиллію деревенской жизни и деревенскихъ отношеній. Спокойствіе автора потревожилъ флагъ, легкомысленно воздвигнутый имъ въ саду. Оказалось, что этотъ злосчастный флагъ обезпокоилъ власти. „А стóитъ обезпокоить одну власть, какъ окажутся совмѣстно безпокойными и всѣ прочія, и все это неминуемо обрушится на дерзкаго... Власть земскаго начальника господствовала надъ всѣми и подъ ея сѣнью орудовали всѣ, кому она такъ или иначе покровительствовала".

Авторъ, обезпокоивъ флагомъ старосту Ваську, тѣмъ самымъ обезпокоилъ и земскаго и вообще попалъ въ самые неудобные „промежутки", т.-е. въ самое невозможное положеніе, иначе говоря, рисковалъ подвергнуться всѣмъ административнымъ скорпіонамъ до тѣлеснаго наказанія включительно. А что такое земскій и вообще новая деревенская власть, это явствуетъ изъ такого разсужденія того же старосты Васьки: „Такой онъ человѣкъ, что все можетъ сдѣлать. Власть такая дана, что все можетъ. Самъ при всѣхъ сказалъ это самое слово. Что, говоритъ, захочу, то и дѣлаю; нѣтъ, говоритъ, надо мной больше власти. Оно и точно—нѣтъ. Раньше, бывало, въ городѣ подашь жалобу, тамъ другіе начальники сидятъ и все разберутъ, а нынче все земскій и въ городѣ"... На вопросъ автора, кто же лучше: земскій или мировой, Васька глубокомысленно отвѣчаетъ: „Съ одной стороны, пожалуй, земскій не хуже. Вотъ хоша бы волокиты было много при мировомъ. Теперь этого нѣтъ: что сказалъ земскій, такъ и будетъ. А кто праведнѣе судитъ — кто ихъ знаетъ... Только земскій не судитъ, а пріѣдетъ, посмотритъ и прямо скажетъ. Ну, и выходитъ такъ, потому правительство"...

Такъ вотъ она опредѣленность-то: не судитъ, а пріѣдетъ, посмотритъ и скажетъ. Принципъ простой и ясный. Даже до безчеловѣчія простой. На почвѣ такой опредѣленности и въ деревнѣ появляется своеобразная бюрократія, занявшаяся регулированіемъ болѣе или менѣе простыхъ отношеній простыхъ людей. Представителемъ такого бюрократическаго начала въ описываемой г. Соколовымъ деревнѣ является старшина Агапъ. Это явленіе совершенно новое въ деревнѣ, порожденное опредѣленностью. „Онъ не заурядный мужикъ, простой и темный или горластый самодуръ, или просто честный, хорошій человѣкъ, каковые тоже допускаются въ деревнѣ". Что же онъ такое? Онъ воплощенный приказный дьякъ, какихъ изображаютъ на рисункахъ. Это, какъ мы сказали, типичный бюрократъ въ деревнѣ. Онъ не только выстроилъ при волости огромную каталажку и усердно переполняетъ ее обитателями, но и внѣдряетъ въ мужика чувство законности. И вотъ „житья нѣтъ,—говорятъ мужики,—все по закону ладитъ, а кто его знаетъ, почему законъ хочетъ такъ, а не иначе; разоряетъ мужиковъ своимъ закономъ безъ толку, безъ нужды, ничего въ соображенье не беретъ, знай крутитъ... Только бы земскому потрафить. И все по закону... Оно, конечно, законъ хорошо, — продолжаетъ мужикъ,—что и говорить, да ужъ какъ-то законъ-то этотъ у него все во зло всѣмъ приходится". И въ концѣ-концовъ законъ-то закономъ, а „такую волю взялъ—житья нѣтъ".

Такъ и погибнуть бы автору отъ этой законности и опредѣленности, еслибъ его не спасло одно маленькое обстоятельство: знакомство съ вновь назначеннымъ губернаторомъ. Такого ничтожнаго въ сущности обстоятельства, оказывается, совершенно достаточно для ниспроверженія опредѣленности каталажки и розогъ. При такомъ режимѣ, въ которомъ не судятъ, а пріѣдутъ и скажутъ, не только закону премѣна по нуждѣ бываетъ, а и просто всякій высшій бюрократическій чинъ можетъ наступить на законъ, и въ томъ числѣ и на каталажку, и на опредѣленность. И, разумѣется, это вполнѣ резонно и послѣдовательно съ точки зрѣнія самой опредѣленности.

Какое же, однако, дѣйствіе на психическую жизнь „подверженныхъ" опредѣленности лицъ оказываетъ подобный режимъ? Авторъ даетъ довольно недвусмысленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Сидитъ онъ подъ своимъ флагомъ и трясется. Буквально трясется. „Хорошо, если примутъ во вниманіе, что я не простой сермяжный мужичонко. А ежели не примутъ, а заглянутъ въ списки, отыщутъ тамъ меня, раба Божія, на-ряду съ Сенькой Дробиной, поповскимъ работникомъ, да какъ съ таковымъ и поступятъ"?... Такъ вотъ сидитъ подъ флагомъ человѣкъ и трясется. И вдругъ... колокольчикъ. Знаете ли вы, читатель, что такое для мужика этотъ малиновый звонъ колокольчика, которымъ мы съ вами такъ поэтически восторгаемся? А вотъ что такое этотъ малиновый звонъ: „Кромѣ начальства съ колокольчикомъ въ рабочую пору никто не ѣздитъ, а появленіе въ такую пору начальства всегда несетъ кому-нибудь бѣду. Этотъ страхъ таинственнаго звона я,—разсказываетъ намъ авторъ,—испытывалъ еще въ дѣтствѣ, и теперь онъ снова проснулся во мнѣ".

Страхъ—ужасное слово, страшное чувство, губящее въ людяхъ все человѣческое. Оно, это чувство, въ томъ случаѣ, когда дѣлается главнымъ и основнымъ моментомъ душевной жизни, главнымъ и основнымъ соціологическимъ двигателемъ, превращаетъ, какъ мы говорили въ прошломъ обозрѣніи, религію свѣта и любви въ религію мрака и гнѣва, а въ гражданской жизни порождаетъ фетишизмъ всякаго рода. И вотъ въ деревнѣ при господствѣ режима опредѣленности этотъ страхъ становится уже не только главнымъ, а даже единственнымъ душевнымъ двигателемъ, единственнымъ мотивомъ какъ личной, такъ и общей дѣятельности. Удивительно ли, что въ деревнѣ царятъ темныя силы невѣжества, что въ ней вмѣсто Бога домовой, а вмѣсто закона—„пріѣдетъ и скажетъ"?... Даже книга—это великое орудіе достойной человѣческой жизни—является чѣмъ-то несовмѣстимымъ и несогласимымъ съ общими нормами такой жизни, гдѣ единственнымъ мотивомъ чувства и дѣятельности является страхъ, не прикрашенный хотя бы легкимъ призракомъ надежды.

Очерки современной деревни г. Соколова еще далеко не кончены и со многими сторонами деревенской жизни, напримѣръ, съ дѣятельностью волостныхъ судовъ, ему еще предстоитъ познакомить читателя. Можно ожидать, что продолженіе очерковъ будетъ столь же интересно, какъ и ихъ начало.

Въ той же книгѣ *Вѣстника Европы* г. Ефимовъ трактуетъ о „Волостномъ судѣ". Отношеніе автора къ этому учрежденію, какъ и слѣдовало ожидать, вполнѣ отрицательное. Онъ признаетъ, что и съ принципіальной и съ практической точки зрѣнія вопросъ объ устройствѣ и реформѣ волостного суда еще важнѣе для интересовъ массы населенія, чѣмъ вопросъ объ устройствѣ общихъ су-

дебныхъ учрежденій. Въ самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, компетенція волостного суда послѣ реформы 12 іюля 1889 года значительно расширилась и охватываетъ теперь массу какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ, въ которыхъ заинтересована большая часть населенія Имперіи. Только въ двухъ уѣздахъ и только въ два года волостные суды разсмотрѣли по 4,287 уголовныхъ дѣлъ въ годъ и по 10,266 гражданскихъ, тогда какъ у земскихъ начальниковъ было по 1,500 уголовныхъ и по 1,528 гражданскихъ, а у уѣздныхъ членовъ и у городскихъ судей только по 800 дѣлъ того и другого рода. Вообще же подсудность волостного суда охватываетъ 71,5% всѣхъ дѣлъ; на долю же учрежденій министерства юстиціи въ первой инстанціи приходится только 8%. Цифры эти довольно внушительны и безъ всякихъ комментарій достаточно доказываютъ всю важность для населенія правильнаго устройства волостного суда. „Еслибы коммиссія для пересмотра законоположеній по судебной части признала своевременнымъ удѣлить волостному суду хотя бы нѣкоторую часть вниманія, котораго онъ по по справедливости заслуживаетъ, то она могла бы собрать солидный матеріалъ чрезъ лицъ судебнаго вѣдомства, ознакомившихся съ практикой волостного суда въ послѣднее пятилѣтіе",—замѣчаетъ г. Ефимовъ. Помимо расширенія компетенціи волостного суда, на ухудшеніе положенія дѣлъ несомнѣнно повліяли причины характера экономически-общественнаго: измѣненіе состава сельскаго населенія и дифференцированіе, происшедшее и происходящее въ средѣ самой деревни. Теперь на-ряду съ крестьянами вѣдомству волостного суда подчинены мѣщане, посадскіе, ремесленники, постоянно живущіе въ деревнѣ, а практика постепенно присоединила къ нимъ временныхъ купцовъ и пр., живущихъ хотя и не въ селеніяхъ, но въ уѣздѣ. Такимъ образомъ волостному суду пришлось перейти за предѣлы знакомой ему деревни въ мызу, отъ дѣлъ чисто-крестьянскихъ къ инымъ, создавшимся не на почвѣ крестьянскаго обычая. Характеръ уѣзда со времени изданія общаго положенія значительно измѣнился; уѣздъ сталъ заселяться разночинцами: землевладѣльцами и иными—иногда далекими отъ крестьянской массы и привыкшими въ юридическихъ отношеніяхъ руководиться общими гражданскими законами, а не крестьянскими обычаями.

Да и вообще къ крестьянскимъ обычаямъ авторъ относится съ большимъ скептицизмомъ,—по нашему мнѣнію, не вполнѣ основательно, такъ какъ на практикѣ, т.-е. въ самой жизни, а не въ дѣятельности волостного суда, даже разночинцы въ деревнѣ, въ уѣздѣ, въ своихъ юридическихъ отношеніяхъ и въ особенности въ хозяйственно-экономическихъ (по найму рабочихъ, по арендѣ и т. п.) въ значительной во всякомъ случаѣ степени, если не исключительно, руководятся именно обычаями, а совсѣмъ не общими законами, хотя обыкновенно какъ-то такъ случается, что на волостномъ судѣ эти правовыя отношенія, основанныя на обычаѣ, уступаютъ мѣсто инымъ, основаннымъ на писанномъ законѣ. Это доказываетъ двѣ вещи: съ одной стороны обычай дѣйствительно приспособленъ къ экономическимъ условіямъ деревни, и потому проникаетъ, такъ сказать, пропитываетъ собой матеріальную и духовную жизнь даже тѣхъ людей (разночинцевъ), которые были до поселенія своего въ уѣздѣ ему чуждыми; а съ другой—волостной судъ при его современномъ устройствѣ не удовлетворяетъ своему назначенію быть судомъ по обычаю и требуетъ реформы и переустройства. Авторъ полагаетъ иначе. Онъ утверждаетъ, что ни въ народѣ (вотъ это-то и сомнительно и авторомъ не доказано), ни въ во-

лостныхъ судахъ нѣтъ сознанія о какихъ-либо опредѣленныхъ обычаяхъ и что въ судебной дѣятельности своей волостной судъ руководится въ лучшемъ случаѣ стремленіемъ рѣшить дѣло по совѣсти и разумѣнію. „Въ общемъ выводѣ,—продолжаетъ авторъ,—современный волостной судъ представляетъ такое судилище, которое не обладаетъ никакимъ другимъ критеріемъ для разрѣшенія дѣлъ, кромѣ совѣсти судей—критерія слишкомъ субъективнаго и неустойчиваго; законы волостному суду неизвѣстны, обычаи же, выражающіеся въ стремленіи суда рѣшать дѣло „глядя по человѣку", сводятся, въ сущности, къ той же совѣсти судей. Такое судоустройство не можетъ, очевидно, способствовать водворенію законности; произволъ судей, хотя бы истекающій изъ добрыхъ побужденій, неизбѣжно порождаетъ необезпеченность правъ. Карательная власть, одинаково поражавшая и преступное и не преступное, производитъ въ области уголовнаго правосудія смѣшеніе понятій и путаницу". Потому-то общій выводъ автора и клонится къ полному уничтоженію учрежденія, а за невозможностью полнаго уничтоженія къ возможно большему сокращенію юрисдикціи волостного суда и къ передачѣ значительной части или даже большинства подвѣдомственныхъ ему теперь дѣлъ въ вѣдѣніе проектируемыхъ участковыхъ судей или мировой юстиціи.

По поводу этихъ разсужденій автора, съ которыми, какъ читатель могъ понять изъ сдѣланныхъ нами выше замѣчаній, мы далеко не вполнѣ согласны, вернемся на минуту къ тому, съ чего мы начали наше обозрѣніе: къ вопросу о различіи между литературой доклада и литературой принципіальной. Статья г. Ефимова по своей сущности принадлежитъ именно къ литературѣ перваго рода. И существенное отличіе такой литературы отъ принципіальной и состоитъ въ томъ, что она при обсужденіи какого-либо вопроса, исходя иногда изъ совершенно вѣрныхъ положеній и несомнѣнныхъ фактовъ, уклоняется отъ логическихъ выводовъ, непосредственно изъ такихъ фактовъ и положеній истекающихъ, и ограничиваетъ свои пожеланія или челобитья (это ужъ смотря потому, къ какой аудиторіи обращается авторъ) компромиссомъ съ существующимъ, несогласованнымъ съ выше сказанными фактами и положеніями. Да не подумаетъ читатель, что мы безусловно противъ компромисса. Далеко нѣтъ. Но мы полагаемъ, что компромиссъ компромиссу рознь; что въ общественной жизни законенъ только тотъ компромиссъ, который согласуется съ самими основными фактами дѣйствительности и съ тѣми общими положеніями, которыя лежатъ въ основаніи обсуждаемаго вопроса. Уяснимъ нашу мысль на примѣрѣ вопроса о волостномъ судѣ. Г. Ефимовъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ основной жизненный фактъ, долженствующій лечь, такъ сказать, во главу угла обсужденія вопроса о волостномъ судѣ,—фактъ дифференцированія населенія уѣзда и отчасти населенія самой деревни. Онъ исходитъ изъ совершенно вѣрнаго положенія, что судилище, не обладающее никакимъ инымъ критеріемъ, кромѣ произвола или совѣсти, есть судилище субъективное и неустойчивое и потому никуда негодное для цѣлей правосудія. Но вытекаютъ ли изъ этихъ основныхъ факта и положенія сдѣланные имъ выводы? По нашему мнѣнію, отнюдь не вытекаютъ. Фактъ измѣненія состава населенія уѣзда требуетъ, какъ своего логическаго вывода, измѣненія самой волости, какъ административно-земской единицы. Положеніе же объ отсутствіи критерія указываетъ отнюдь не на то, чтобы такой критерій дѣйствительно отсутствовалъ въ самомъ населеніи уѣзда, а только на непригодность су-

дилища, чисто-крестьянскаго, для завѣдыванія правовыми отношеніями населенія разносоставнаго. Выше мы сказали, что крестьянскій обычай, такъ сказать, проникаетъ въ сферу правовыхъ отношеній даже разночинцевъ, живущихъ въ уѣздѣ, какъ онъ проникалъ и въ сферу правовыхъ отношеній землевладѣльцевъ-дворянъ. И это въ особенности приходится сказать о сферѣ отношеній хозяйственно-экономическихъ. Всякій, кому приходилось подолгу живать въ нашихъ сельскихъ палестинахъ и наблюдать надъ дѣйствительными правовыми отношеніями, въ сихъ палестинахъ существующими,—и притомъ наблюдать не съ точки зрѣнія юриста или, вѣрнѣе сказать, легиста,—согласится съ этимъ замѣчаніемъ. Вообще говоря, замѣна суда по совѣсти и по обычаю судомъ формальнаго закона—дѣло до чрезвычайности рискованное и даже опасное, какъ всякая сильная ломка существующихъ отношеній и понятій. Да притомъ и выигрышъ отъ такой ломки болѣе чѣмъ сомнителенъ.

Г. Ефимовъ, разумѣется, вполнѣ правъ въ своей критикѣ проекта г. Леонтьева, предлагающаго ввести въ составъ волостного суда профессіональнаго судью въ качествѣ предсѣдателя безъ права голоса, т.-е., въ сущности говоря, въ качествѣ совѣтника и секретаря суда. Онъ основательно замѣчаетъ, что условіе, поставленное г. Леонтьевымъ для осуществленія его проекта—предварительная кодификація обычнаго права—неисполнимо теперь. Но значитъ ли это, что оно неисполнимо при другомъ устройствѣ волостного суда, какъ суда обычнаго права и суда совѣсти?

Принципіальная публицистика давно уже указала на выходъ изъ всѣхъ тѣхъ дилеммъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ вопросѣ о волостномъ судѣ. Этотъ выходъ составляетъ необходимое логическое слѣдствіе вышеуказаннаго факта измѣненія состава населенія уѣзда. Это—образованіе мелкой уѣздной земско-административной единицы, превращеніе существующей *крестьянской* волости въ волость *общесословную* или, лучше, *безсословную*. Въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній мы уже говорили, что такая реформа—и только такая—можетъ послужить для разрѣшенія всѣхъ нашихъ уѣздныхъ противорѣчій: и административныхъ, и противорѣчій земскаго самоуправленія, и вопросовъ финансовыхъ и экономически-хозяйственныхъ, и вопросовъ образованія, народнаго продовольствія, общественнаго здравія, благотворительности, и т. д., и т. д. Въ числѣ другихъ она рѣшаетъ и вопросъ о судѣ, близкомъ населенію,—и рѣшаетъ его въ согласіи и съ научными принципами, и съ требованіями дѣйствительности. Волостной судъ, поставленный независимо отъ администраціи,—ибо только такой независимый судъ и есть судъ, заслуживающій названія судебнаго учрежденія,—введенный по вопросамъ кассаціи и апелляціи въ общую систему судебныхъ учрежденій и главное—состоящій изъ избранниковъ населенія всесословной или, повторяемъ, безсословной волости, будетъ не только судомъ несомнѣнно близкимъ населенію, но и судомъ совѣсти и обычнаго права. И такой судъ будетъ дѣйствительно имѣть критерій для своего разбирательства въ дѣйствительно существующихъ въ народѣ нормахъ обычнаго права; онъ явится въ своихъ рѣшеніяхъ фактическимъ кодификаторомъ этого драгоцѣннаго источника истинно народнаго законодательства. Мало того, онъ будетъ въ этой сферѣ и до извѣстной степени творцомъ права, какъ были общіе суды въ Англіи.

Таковы, въ сущности говоря, логически-неизбѣжные выводы изъ данныхъ и положеній, признаваемыхъ г. Ефимовымъ, и принціпіаль-

ная, а не докладная, публицистика не переставала указывать на эти выводы.

Очень важному и наиболѣе характерному для переживаемой нашей родиной экономической эволюціи вопросу — вопросу объ отхожихъ сельско-хозяйственныхъ промыслахъ — посвящены статьи г. Карышева въ *Русскомъ Богатствѣ* и г. Бирюковича въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*. Сельское населеніе центральной Россіи становится все менѣе и менѣе осѣдлымъ, говоритъ г. Бирюковичъ. Г. Карышевъ выражается еще болѣе рѣшительно. „Отхожіе промыслы,— говоритъ онъ,— двигаютъ у насъ *милліоны* людей; они составляютъ необходимое условіе существованія этихъ милліоновъ; число отхожихъ промышленниковъ не сокращается, а обнаруживаетъ тенденцію увеличиваться; заработки ихъ, наоборотъ, клонятся къ упадку. Напряженность этихъ отношеній должна съ теченіемъ времени возрастать. Можно совершенно серьезно поставить вопросъ: затронуло ли „великое переселеніе народовъ“ такое же число людей, которое ежегодно принимаетъ участіе въ нашихъ отхожихъ промыслахъ“... Такія утвержденія безпристрастныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдователей нашей экономической жизни особенно интересны, если сопоставить ихъ съ смѣлыми, чтобы не сказать больше, заявленіями о яко бы баснословномъ ростѣ нашей обрабатывающей промышленности. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только: баснословное и роскошное развитіе и процвѣтаніе капиталистической обрабатывающей промышленности и... „великое переселеніе народовъ“, т.-е. людямъ просто ѣсть нечего и они, сломя голову, бѣгутъ куда-то на югъ, чтобы прокормиться и *заработать въ мѣсяцъ четыре рубля* и возвратиться на родину, питаясь Христовымъ именемъ!... Картина ни съ чѣмъ несообразная. Точное количество этихъ движущихся *милліоновъ*, этихъ „кочующихъ народовъ“, по выраженію одного изъ героевъ Успенскаго, опредѣлить до сихъ поръ невозможно. Нѣкоторое понятіе можно получить на основаніи числа паспортовъ, выдаваемыхъ крестьянамъ, уходящимъ въ степныя губерніи. Число ихъ достигаетъ 2 милліоновъ, что представляетъ собой не меньше 8—10 милліоновъ душъ, ожидающихъ хлѣба и денегъ отъ этихъ ушедшихъ на сторону кормильцевъ. По губерніямъ цифры выходятъ еще болѣе внушительныя. Изъ Воронежской, наприм., губерніи въ 1891 году ушло, по приблизительному учету, не меньше 62%, т.-е. почти $^2/_3$ всего рабочаго населенія. Какіе же заработки имѣютъ эти отхожіе кормильцы десяти милліоновъ сельскаго населенія центральной Россіи? Опросъ тысячи отхожихъ показалъ, что большинство ихъ тратитъ на отходъ отъ двухъ до шести мѣсяцевъ; средній же заработокъ—38 руб., а расходы—22 руб., такъ что чистый доходъ отъ промысла 16 руб. или 4 руб. въ мѣсяцъ. „Очевидно, что затрата цѣлой трети годового рабочаго времени и къ тому же въ періодъ наивысшихъ заработныхъ платъ не можетъ окупиться чистымъ доходомъ въ 16 руб.“, замѣчаетъ г. Карышевъ. Это, вѣдь, чистая иронія. Какое уже тамъ окупиться, когда, въ сущности, это выходитъ просто нищенство и этихъ рабочихъ по просту Христа ради кормить приходится, и мы, волей-неволей, должны привѣтствовать и симпатизировать такому начинанію херсонскаго земства, какъ устройство не только больницъ и особыхъ амбулаторій, но и дешевыхъ и даровыхъ столовыхъ, какъ для голодающихъ. Можно ли представить себѣ болѣе яркое экономическое противорѣчіе, большій соціальный контрастъ? То населеніе, которое хочетъ трудиться, которое должно своимъ трудомъ увеличивать и свое, и народное богатство, вынуждено кормиться на

средства плательщиковъ земскихъ повинностей и налоговъ! Какъ бы ни была привлекательна сама по себѣ такая дѣятельность земствъ, необходимость ея существованія доказываетъ и испорченность нашей экономической жизни. „Вдумайтесь, читатель, — говоритъ г. Карышевъ, — у человѣка нѣтъ трехъ копѣекъ, чтобы похлебать борщу... Это ли не характеристика нашего земледѣльческаго отхода?"... „Иные просятъ хоть хлѣба, — сообщаетъ завѣдующій столовой, — они не ѣли уже два дня..." Да, тутъ есть во что вдуматься!... И надо отдать справедливость земствамъ: они вдумались въ этотъ поистинѣ трагическій вопросъ. Большинство земствъ, запрошенныхъ по вопросу объ упорядоченіи отхожихъ промысловъ, — замѣчаетъ г. Бирюковичъ, — признало правильнымъ и даже единственно правильнымъ разселеніе рабочихъ рукъ соотвѣтственно ощущаемой на нихъ каждымъ отдѣльнымъ райономъ потребности. Полтавское земство отвѣтило министерству земледѣлія, что въ дѣлѣ упорядоченія отхожихъ промысловъ дѣйствительно полезными мѣрами были бы только направленныя къ облегченію болѣе правильнаго разселенія народа. Одесское земство говоритъ въ своемъ отвѣтѣ объ увеличеніи населенія уѣзда, о правильной колонизаціи казенныхъ участковъ, объ облегченіи пріобрѣтенія земель крестьянами при помощи банка и другихъ кредитныхъ учрежденій. Въ Таврической губерніи отдѣленіе крестьянскаго банка закрыто, а между тѣмъ тамъ въ послѣднее время замѣчается стремленіе поземельной собственности къ дробленію. Огромныя имѣнія мѣстныхъ лендъ-лордовъ распродаются мелкими участками нѣмцамъ-колонистамъ и крестьянамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ ихъ заселеніе путемъ образованія новыхъ поселковъ и отдѣльныхъ хуторовъ. Крестьянскій банкъ могъ бы быть покупщикомъ подобныхъ имѣній для перепродажи ихъ мелкими участками переселенцамъ изъ густо населенныхъ губерній. Какъ видите, это челобитныя и слезы „сиротъ государевыхъ". Другой вопросъ, своевременны ли такія челобитныя въ наше время упоенія славой и могуществомъ (подъ эгидой запретительныхъ таможенныхъ пошлинъ) нашей обрабатывающей промышленности. И главное—не являются ли онѣ нѣсколько запоздалыми. Г. Бирюковичъ, повидимому, полагаетъ, что онѣ, дѣйствительно, нѣсколько запоздали и что ни переселеніями, ни даже разселеніемъ дѣлу уже не поможешь. „Въ результатѣ побѣды машиннаго труда,—говоритъ онъ,—все большее и большее число рабочихъ, отправляющихся искать заработка въ степи, возвращаются съ пустыми руками. (Затраты времени на переходы въ Херсонскую губернію, по умѣренному разсчету г. Карышева, вычислены въ 4 милліона руб. Съ Кавказа весьма многіе возвращаются безъ заработка, потративъ непроизводительно рабочее время и деньги, занятыя на дорогу за крупные проценты.) Съ другой стороны, конкурренція машинъ понижаетъ уровень заработной платы. Въ общемъ сельско-хозяйственные отхожіе промыслы отказываются служить для крестьянства подспорьемъ. Они пріобрѣтаютъ характеръ безплодныхъ скитаній. Въ данный моментъ рѣчь должна идти уже не объ *упорядоченіи* ихъ, а о возможности пріискать новое помѣщеніе для труда избытка рабочихъ рукъ. Измѣнившіяся условія не позволяютъ уже разсчитывать на полное разрѣшеніе подобнаго вопроса простымъ и излюбленнымъ путемъ перенесенія всего этого избытка въ малозаселенныя губерніи, спросъ на рабочія руки въ которыхъ постепенно уменьшается подъ вліяніемъ роста населенія и замѣны живого труда машиннымъ".

Мы не думаемъ, чтобы дѣло обстояло уже такъ плохо, и примѣръ Таврической губерніи, гдѣ замѣчается тенденція крупной поземельной собственности къ раздробленію, даетъ намъ право на это, но во всякомъ случаѣ надо торопиться. Иначе мы и при процвѣтаніи обрабатывающей капиталистической промышленности окажемся безнадежными нищими.

Но довольно, однако, „слезы лить о бѣдствіяхъ существенныхъ, перейдемъ къ чарованью красныхъ вымысловъ", т.-е. къ беллетристикѣ. Впрочемъ, чарованіе-то это наврядъ ли окажется чарующимъ.

Читатель-романтикъ, — а такихъ у насъ, къ счастью, еще предовольное количество,—будетъ склоненъ очароваться „краснымъ вымысломъ" г-жи Дмитріевой, герой повѣсти которой, Митюха, все-таки выкарабкался кое-какъ изъ мрака и мужицкаго горя. Митюха —учитель, выгнанный изъ деревни нелѣпостью отношеній, мракомъ невѣжества, невыносимою тяготой безсмысленной жизни, отправляется въ Воронежъ провѣтриться и поклониться гробу своихъ героевъ, великихъ печальниковъ народнаго горя, Кольцова и Никитина. Дорожныя встрѣчи съ пастушонкомъ, которому не въ чемъ ходить въ школу, съ бабой, у которой убило на фабрикѣ мужа, со старикомъ, выгнаннымъ сыномъ на улицу, съ двумя голодными мужиками, не ѣвшими два дня, столкновенія съ городскою культурой, грубой и неинтеллигентной отрезвляютъ его. Онъ понимаетъ, какъ ничтожны его личныя горести по сравненію съ великимъ, неисчерпаемымъ народнымъ страданіемъ. И онъ плачетъ на могилахъ страдальцевъ-поэтовъ. Онъ плачетъ объ ихъ одинокой и безпріютной жизни, объ ихъ сокрушенныхъ борьбой силахъ. Плачетъ о себѣ, простомъ деревенскомъ парнѣ, съ темнымъ будущимъ, съ темною, ищущею свѣта душой; плачетъ о тѣхъ, что бьются изъ-за куска хлѣба, озлобленныхъ, дикихъ, приниженныхъ, темныхъ... Ихъ много, страшно много... тысячи, милліоны... Всѣ они такіе жалкіе, несчастные; всѣ они живутъ въ темнотѣ, въ темнотѣ умираютъ, и некогда имъ о чемъ-нибудь подумать, кромѣ хлѣба, и некуда имъ дѣться отъ бѣдности и темноты... Ему вспомнилась безпросвѣтная деревенская жизнь—и такихъ деревень сотни, тысячи и вездѣ одно и то же; вездѣ невѣжество, нищета и суевѣріе... И съ особенною ясностью представилась ему та пропасть, которая отдѣляетъ эту деревню отъ города. Все имъ, горожанамъ, а мужику ничего, развѣ только какія-нибудь крохи изъ милости. Отчего? Чѣмъ они виноваты? За что они должны погибать въ темнотѣ, какъ звѣри, и отовсюду ихъ гонятъ, вездѣ предъ ними затворяютъ двери?"... „Братцы,—рыдая воскликнулъ Митюха,—братцы... вѣдь люди же мы; люди, ай нѣтъ?"

Но „братцы" молчали, да и гдѣ они, эти братцы? И злоба, и отчаяніе закипѣли въ сердцѣ Митюхи. Проклятый городъ, шумный, равнодушный, жадный! Они для него работаютъ, онъ жретъ ихъ хлѣбъ, ихъ кровь, ихъ силы; онъ все взялъ себѣ, а имъ не даетъ ничего... „Жизнь одинокая, жизнь безпріютная"...

Но въ душѣ добродушнаго увальня Митюхи такое настроеніе продержалось недолго. Когда онъ возвратился въ деревню, въ немъ уже не было злобы, отчаянія и тоски; осталась одна любовь, и онъ несъ ее въ деревню, всѣмъ темнымъ, забитымъ деревенскимъ людямъ.

Подъ вліяніемъ этой покорной и смирной любви, — любви-резиньяціи, наименѣе активнаго изъ всѣхъ человѣческихъ чувствованій,—Митюха хочетъ слиться съ темною деревней, хочетъ отречься отъ своихъ

исканій свѣта, хочетъ отказаться отъ своей любимицы-книги. „Видно, надоть въ свой мужицкій хомутъ влѣзать, какъ слѣдуетъ быть... больше ничего“. „Мужикъ ты, мужикъ и есть,—говоритъ онъ своему благопріятелю, учителю толстовцу, — и живи по-мужичьи, какъ отцы и дѣды жили, а къ прочему не лѣзь. Все равно, изъ темноты, да изъ нужды никогда не вылѣзешь... Вѣдь, мы землей заросли, насъ и не укулупаешь ничѣмъ... Вѣдь, мы чисто меренья рабочіе. Запрегъ въ хомутъ, треснулъ вдоль спины—вали. И оглянуться вокругъ себя неколи. Вѣдь, замѣсто Бога-то у насъ въ каждомъ углу домовой сидитъ... Ужъ коли въ запряжку, такъ въ запряжку, потому податься некуда. А книжки... отъ нихъ только пуще тоска забираетъ. Пущай ужъ не надо ихъ. Сколько ихъ ни читай, отъ своей судьбы не уйдешь. Ты думаешь, ты человѣкъ,—анъ нѣтъ, не выходитъ дѣло. Скотина ты, больше ничего“.

Но мягкотѣлому и слабовольному Митюхѣ ворожитъ бабушка или г-жа Дмитріева. Онъ все же выплываетъ. Учитель устраиваетъ его „по-хорошему“, даетъ ему мѣсто учителя въ земской школѣ грамотности, и что всего удивительнѣе, ему, Митюхѣ, удается даже примирить съ своимъ свѣтомъ и дикую свою семью, и свою безпардонную и глуповатую бабу Домну, которая плѣняется званіемъ „учительши“ и начинаетъ тоже учиться грамотѣ... Выходитъ совершеннѣйшая идиллія. Такъ что даже какъ будто немного и не хорошо. Авторъ какъ будто защищаетъ скверную мысль, что, молъ, ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ, что, молъ, если кротость, терпѣніе и смиренномудріе и, главное, непротивленіе злу, такъ и въ деревнѣ выкарабкаться возможно. Любовь спасаетъ, а ненависть и супротивничество губятъ. Мягкотѣлый увалень Митюха устроился такъ, что дай Богъ всякому; ну, а вотъ супротивный парень Сенька—такъ тотъ пропалъ... Нехорошо выходитъ, и счастье и для автора, и для читателя, что первый не даетъ послѣднему успокоиться въ этомъ „чарованьи красныхъ вымысловъ“, и въ послѣднихъ строкахъ повѣсти напоминаетъ ему о погибающихъ... „За стѣною плакала и стонала вьюга, и въ этихъ стонахъ и вопляхъ чудились Митрію голоса многихъ тысячъ людей, погибающихъ тамъ, въ темнотѣ, отъ холода и нищеты“. Да и не отъ однихъ холода и нищеты, а и отъ многого другого...

Г-жа Дмитріева заканчиваетъ свою повѣсть тонами вполнѣ романтическими. И намъ думается, что это довольно характерно для нашего времени, тѣмъ болѣе, что возрожденіе этой, повидимому, совершенно уже пережитой нами стадіи развитія въ искусствѣ замѣчается не у ней одной. Такое возвращеніе или переживаніе наврядъ ли въ достаточной степени объясняется только недостаткомъ художественныхъ силъ нашихъ беллетристовъ. Въ такую эпоху, какъ наша, въ такомъ обществѣ, основы жизни котораго подвергаются разложенію, но которое тѣмъ не менѣе полно силъ, надеждъ и вѣрованій, — это явленіе естественное. Именно потому, что силы не выяснились, что надежды смутны и неопредѣленны, а вѣрованія неустойчивы, всѣ мотивы искусства и дѣйствія должны пріобрѣтать оттѣнокъ нѣкоторой растрепанности и романтизма. Людямъ хочется, — и хорошо, что хочется, — надѣяться, хочется вѣрить, хочется любить, хотя бы всѣ эти чувствованія и не имѣли точно и ясно опредѣленнаго объекта. И, повторяемъ, счастье, что, несмотря на мрачную окраску дѣйствительности, людямъ любится, вѣрится, что они надѣятся... Надежда во всякомъ случаѣ болѣе могу-

чій и болѣе плодотворный принципъ общественнаго дѣланія, чѣмъ страхъ. А вѣра и любовь — это порожденія надежды, ее скрашивающія. Неопредѣленность, смутность надеждъ порождаетъ романтичность любви и вызываетъ отсутствіе протеста и ненависти, — той ненависти, которая есть спутникъ и другая сторона любви. Это, пожалуй, ужъ и печально, но что же дѣлать? Приходится ждать, когда молодое усчитаетъ свои силы, опредѣлитъ свои надежды и переведетъ свое романтическое чувство любви въ чувство реальное и соціологически-дѣятельное и плодотворное. А пока лучше быть романтикомъ, чѣмъ накрахмаленнымъ пессимистомъ.

Изъ другихъ беллетристическихъ произведеній разбираемыхъ книгъ журналовъ отмѣтимъ начало, очевидно, большого романа или повѣсти: *Напасть* г. Немировскаго въ *Русскомъ Богатствѣ* и разсказъ г. Фонвизина: *Мужъ* въ *Вѣстникѣ Европы*.

Произведеніе г. Немировскаго, — если не ошибаемся, начинающаго беллетриста, — обѣщаетъ быть интереснымъ какъ по содержанію, такъ и по манерѣ трактованія сюжета. Сюжетъ — холерные безпорядки въ одномъ большомъ приволжскомъ городѣ, вѣроятно, Саратовѣ. Пока въ началѣ повѣсти г. Немировскій проводитъ предъ читателемъ довольно значительную по количеству массу лицъ изъ культурнаго общества и показываетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи взволнованную толпу. Это сдѣлано авторомъ умѣло и ярко. Совершенно ясно обрисовывается безпомощность культурнаго общества, никакъ не могущаго уразумѣть духа и характера простонародной толпы и потому или смѣшного, или жалкаго, а иногда даже и отвратительнаго въ своихъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ, повидимому, на пользу этой самой толпы. Это культурное общество искренно, задушевно, даже не глупо, авторъ видимо желаетъ отнестись къ нему и безпристрастно и даже любовно. Оно искренно желаетъ блага толпѣ, готово кое-чѣмъ, даже многимъ, пожертвовать для нея, и изо всѣхъ этихъ благихъ пожеланій ничего не выходитъ, или даже хуже: выходятъ одни недоразумѣнія, тяжелыя, уничтожающія всякія иллюзіи недоразумѣнія. Оно, это культурное общество, вполнѣ искренно недоумѣваетъ, какимъ образомъ въ селѣ Вертуновкѣ, въ которомъ существуетъ лучшая земская школа, крестьяне тѣмъ не менѣе сожгли фельдшера и лѣкарства. Оно довольно легкомысленно заключаетъ изъ этого факта, что грамота для нашего мужика и не нужна, что она ему не ко двору, такъ какъ „грамоту въ школахъ берутъ, а дикость при себѣ оставляютъ“ и съ удивительнымъ негодованіемъ выслушиваетъ мнѣніе поляка-инженера, что народная школа и дикость—явленія вообще отнюдь не несовмѣстимыя. Оно не можетъ понять, что „давая народу только одну школу грамотности, отъ него можно и требовать только грамотности, но не больше“... Очень еще молодо, наивно и самонадѣянно это культурное общество, и главное—очень склонно вѣрить въ спасительность извѣстной формулы: все для народа и ничего посредствомъ народа. Все это, разумѣется, не особенно ново и не особенно оригинально, но изображено г. Немировскимъ въ живыхъ и реальныхъ образахъ. Очень хороша сцена совѣщанія у губернатора по поводу мѣръ противъ начинающейся эпидеміи и слѣдующая за ней сцена появленія уличной толпы мелочныхъ торговцевъ и торговокъ. Тутъ въ нѣсколько туманномъ освѣщеніи появляется мрачная фигура русской „загадочной натуры“, какого-то Митьки Зубка. Фигура, по правдѣ сказать, пока совершенно неопредѣленная

и надъ которой автору стóитъ поработать. Митька Зубокъ не то просто разночинецъ, не то одинъ изъ талантливыхъ, но энергичныхъ неудачниковъ, какіе часто встрѣчаются среди такъ называемыхъ босяковъ. Съ одной стороны, онъ какимъ-то образомъ находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ семьей предводителя, князя Кейстутъ-Вилинскаго, а съ другой—странныя, невидимыя пока нити связываютъ его съ улицей, съ толпой — и онъ, несомнѣнно, во время „напасти", явится ея героемъ и вождемъ. Увидимъ, какъ авторъ справится съ своею сложною и нелегкою задачей набросать широкую картину народнаго волненія... Пока можно только сказать одно: тема интересна и манера разработки довольно хороша.

Мужъ—не первый уже разсказъ г. Фонвизина изъ жизни высшаго петербургскаго общества. Первые его разсказы были, по нашему мнѣнію, не особенно удачны. Всѣ они разрабатывали одну и ту же тему о положеніи женщины въ свѣтскомъ обществѣ столицы. Та же тема разрабатывается и въ новомъ разсказѣ г. Фонвизина, но на этотъ разъ разсказъ болѣе удался, да и сама тема взята гораздо шире. Тутъ дѣло идетъ уже не о нравахъ высшаго только общества и его отношеніи къ женщинѣ, а о правахъ женщины вообще. Авторъ бросаетъ обществу въ лицо горькій, но справедливый упрекъ за то буржуазное легкомысліе и чисто-татарскую нетерпимость, съ которыми относятся къ женщинѣ и ея праву на свою личность, на свободу дѣйствія даже лучшіе люди, на словахъ отстаивающіе права женщины на свободу. Такой лучшій—герой повѣсти Рахмановъ, мужъ красавицы, нѣсколько холодной, нѣсколько кокетливой, любящей поклоненье и потому самому немножко пустоватой, но по натурѣ честной и вполнѣ корректной. Онъ, Рахмановъ, настолько порядочный человѣкъ, что не хотѣлъ увезти жену-красавицу въ деревню, куда его самого тянуло, такъ какъ это значило бы лишить ее ея личной жизни, на что онъ не считалъ себя имѣющимъ право. И, однако, по самому, въ сущности, незначительному поводу, въ силу наговоровъ няни и въ силу того, что Марья Григорьевна, утомленная пустотой свѣтской жизни, чувствующая себя стоящей выше тѣхъ пустыхъ и красивыхъ куколъ, съ которыми ей приходится имѣть дѣло въ свѣтѣ, ищущая, наконецъ, чего-нибудь яркаго, оригинальнаго и не шаблоннаго, увлекается задачей, довольно-таки смѣшной и нелѣпой, но вполнѣ безупречной по существу,—задачей спасти отъ порока страстно влюбленнаго въ нее богача-офицера и для этого ведетъ съ нимъ переписку, катается съ нимъ по вечерамъ; мужъ, этотъ *порядочный* человѣкъ, считаетъ себя вполнѣ правымъ, выгнавъ ее изъ дому, даже не выслушавъ ее, безъ всякаго объясненія. Понятно, что этимъ онъ толкаетъ женщину въ пропасть. Чрезъ семнадцать лѣтъ онъ встрѣчаетъ жену уже содержанкой и кафе-шантанною пѣвицей. Когда онъ узнаетъ, что въ то время она была еще чиста предъ нимъ, онъ раскаивается и предлагаетъ ей снова стать его женой...

Но это ужъ, пожалуй, и не интересно. Что намъ за дѣло до порядочности и поздняго раскаянія какого-то тамъ Рахманова? Но въ высокой степени за то интересенъ тотъ фактъ, что человѣкъ, выкинувшій безъ причины другого человѣка на улицу, считаетъ себя и правымъ, и благороднымъ. Мелочь, разумѣется, но изъ такихъ мелочей складывается жизнь общества. Онѣ, эти мелочи, служатъ ясными признаками отношенія общества къ женщинѣ, какъ къ существу неполноправному, опекаемому и въ качествѣ чужой собственности, въ каче-

ствѣ занятой, не „вакантной“ женщины, не имѣющему права на то, на что имѣетъ право любой, самый даже ничтожный мужчина... Вопросъ о правѣ самоопредѣленія женщины именно въ этихъ житейскихъ мелочахъ такъ широкъ, что онъ не покрывается вопросомъ о ея образованіи и о ея экономической независимости, о ея свободномъ трудѣ... Даже и при всемъ этомъ женщина можетъ по существу оставаться рабыней и только борьба ея за свои права и главное—фактическое пользованіе этими правами, чего бы это ей ни стоило—можетъ перемѣнить ея положеніе и избавить ее не только отъ матеріальнаго, но и отъ духовнаго рабства.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 августа по 1 сентября 1896 г.

Алексѣевъ, П. С. Чѣмъ помочь великому горю? Какъ остановить пьянство? М., 1896 г. Ц. $1\frac{1}{2}$ к.

Базилевскій, М. Соломонъ Бенъ-Исаакъ, называемый Раши. Одесса, 1896 г. Ц. 15 к.

Базилевичъ, Д. Причины упадка предварительнаго слѣдствія. Орелъ, 1896 г.

Бородинъ, С. Краткій учебникъ русской грамматики. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Бравэ, А. Изслѣдованіе о многогранникахъ симметрической формы. Одесса, 1896 г.

Буряты Иркутской губерніи. Иркутскъ, 1896 г.

Бьернстьерне-Бьёрнсона. Два дѣятеля. Спб., 1895 г. Ц. 5 к.

Вараксинъ, Ѳ. И. Практическое руководство къ производству кровельной черепицы. М., 1896 г. Ц. 15 к.

Васильевскій, Н. П. Гигіена и санитарія. Херсонъ, 1896 г.

Вахтеровъ, В. П. Внѣшкольное образованіе народа. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Верга, Д. Маленькій разсказъ. Клейменный рыжій. Спб. Ц. 3 к.

Ветеринарный сборникъ. Варшава, 1896 г.

Вопросы нервно-психической медицины. Кіевъ, 1896 г.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Милосердные звѣри. М., 1896 г. Ц. $1\frac{1}{2}$ к.

Г. Р. Разсказы о Литвѣ и литовцахъ. М., 1896 г. Ц. 15 к.

Грушевській, М. Записки наукового товариства імени Шевченка. Т. IX—XII. У Львові. 1896 г.

— Етнографічний збірник. Т. I. У Львові. 1895 г.

Гюго, В. Послѣдній день приговореннаго къ смерти. Спб., 1896 г. Ц. 10 к.

— Сирота въ неволѣ. М., 1896 г. Ц. 3 к.

Демянскій, В. В. О первоначальномъ преподаваніи игры на фортепіано въ семьѣ. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

де-Амичиса, Э. Мать. Спб., 1895 г Ц. 3 к.

Джевонсъ, В. Металлическія деньги. Одесса, 1896 г. Ц. 30 к.

Диккенсъ, Ч. Страшныя видѣнія. М., 1896 г. Ц. 6 к.

Е. В. Невѣрная жена. М., 1895 г.

Ежегодникъ по геологіи и минералогіи Россіи. Т. I, вып. I. Варшава, 1896 г.

Елинъ, И.: I. О разведеніи ягодныхъ кустовъ въ крестьянскихъ огородахъ. II. О парникахъ и разведенія въ нихъ овощей. М., 1896 г. Ц. $1\frac{1}{2}$ к.

Желенъ, Е. Элементарный курсъ ариѳметики. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Желтовъ, Ѳ. На сходкѣ. М., 1896 г. Ц. 3 к.

Жоржъ-Зандъ. Крылья мужества. Спб., 1895 г. Ц. 8 к.

— Великанъ Іеусъ. Спб., 1895 г. Ц. 5 к.

— Чародѣйка. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Закъ, Л. С. Бумажныя деньги. Вып. VI. Одесса, 1896 г. Ц. 30 к.

Записки пріамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Хабаровскъ, 1896 г.

Зелинскій, В. Критика сочиненій Н. В. Гоголя. Ч. 3. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Земскій сборникъ Черниговской губерніи. Черниговъ, 1896 г.

Зола, Э. Наводненіе. Спб., 1895 г. Ц. 3 к.

Исторія Греціи. Перев. подъ ред. Шамонина и Петрушевскаго. Вып. II. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Іорданскій, Н. Краткій историческій очеркъ дѣятельности общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородск. губ. Казань, 1896 г.

Каталогъ Ессентукской библіотеки.
Коваленко, Г. Какъ лѣчить раны. М., 1896 г. Ц. 1½ к.
Краткій обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія. Спб., 1896 г.
Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XXIX. М., 1896 г.
Кремлевъ, Ан. К. День правды. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
Къ вопросу о денежной реформѣ. Одесса, 1896 г.
Лисовскій, А. Н. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченко. Полтава, 1896 г. Ц. 25 к.
Литвинскій, П. А. Домашній уходъ за учащимся ребенкомъ. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
Lolo. Онѣгинъ нашихъ дней. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Лукьянская, В. Маленькій оборвышъ. М., 1896 г. Ц. 3 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Зимовье на Студеной. Спб., 1896 г. Ц. 3 к.
Мартьяновъ, П. К. Дѣла и люди вѣка. Т. III. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Межеричеръ, П. И. Проекціонное черченіе. Одесса, 1896 г. Ц. 1 р. 35 к.
Мельшинъ, Л. Въ мірѣ отверженныхъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Менчеръ, А. Общественныя задачи правовѣдѣнія. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.
Меркеръ, Максъ. Американское сельское хозяйство. Одесса, 1896 г. Ц. 65 к.
Наши азіатскіе сосѣди китайцы. Одесса, 1896 г. Ц. 25 к.
Обзоръ бакинской нефтяной промышленности за 1895 г. Баку, 1896 г.
Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1895 годъ. Полтава, 1896 г. Ц. 1 р.
Обозрѣніе психіатріи, неврологіи. Подъ ред. В. М. Бехтерева. Спб., 1896 г.
Образцовъ, А. Просвѣтительные завѣты Коменскаго. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
Отчетъ совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая за 1895 г. Томскъ, 1896 г.
Отчетъ тверской губернской земской управы о взаимномъ земскомъ отъ огня страхованіи за 1895 г. Тверь, 1896 г.
Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1893 г. Спб., 1896 г.
Памятная книжка Вологодской губерніи на 1896—1897 гг. Ч. I. Вологда, 1896 г. Ц. 1 р.
Памятная книжка Вологодской губерніи на 1896 — 1897 гг. Ч. II. Вологда, 1896 г. Ц. 50 к.
Пахомовъ, П. Выборъ молочнаго скота и наиболѣе важныя породы его М., 1896 г. Ц. 10 к.
Полтавское губернское земское собраніе XXXI очереднаго созыва. Полтава, 1896 г.
Потѣхинъ, А. А. Около денегъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Птицынъ, В. Селенгинская Даурія. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
Ростовцевъ, П. Горчица. М., 1896 г. Ц. 5 к.
Рубинскій, А. Руководство къ посѣву, уходу, уборкѣ и обмолоту. М., 1896 г. Ц. 3 к.
Рукавишниковъ, Иванъ. Сѣмя поклеванное птицами. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Сагарадзе, М. I. Значеніе А. С. Грибоѣдова въ умственномъ развитіи. Кутаисъ, 1895 г. Ц. 40 к.
Семеновъ, П. П. Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губ. Спб., 1896 г.
Сергѣевъ, С. Русскій рубль. Одесса, 1896 г. Ц. 40 к.
Состояніе хлѣбовъ и травъ въ Костромской губ. 1896 г.
Станюковичъ, К. М. Нянька. Спб., 1895 г. Ц. 8 к.
— Двѣ елки. Спб., 1895 г. Ц. 3 к.
— Между матросами. Спб., Ц. 5 к.
Толстой, Л. Н. Богу или мамонѣ? М., 1896 г. Ц. 1½ к.
Труды пріамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Хабаровскъ, 1896 г.
Фритьофъ Нансенъ. Спб., 1896 г
Чаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Черняева, М. Разсказы объ Австраліи и австралійцахъ. М., 1896 г. Ц. 20 к.
Что читать дѣтямъ дошкольнаго возраста. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
Шахрай, Л. М. Моисей Мендельсонъ, его жизнь и дѣятельность. Одесса, 1896 г. Ц. 15 к.
Шенбахъ, А. Государственный строй Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.
Шерръ, I. Всеобщая исторія литературы. Вып. XIV. М., 1896 г.
Шмуклеръ, И. К. Онанизмъ у дѣтей. Кіевъ, 1896 г. Ц. 30 к.
Штейнгауеръ, И. С. Первые уроки географіи. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ
„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 августа по 1 сентября 1896 г.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.

— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. $1^1/_2$ к.

Библіотека „Русской Мысли".

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.

Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.

— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Альбовъ, М. Юбилей. Цѣна 1 р.

Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Цѣна 1 р.

Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.

***Ладыженскій, В. Н.** Стихотворенія. Ц. 40 к.

***Немировичъ-Данченко, Вл.** Драма за сценой. Ц. 1 р.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утреня, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василія Великаго и Преждесвященныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 3 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Абровъ, Н. Отъ Марселя до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Августинъ, Архимандритъ. Руководство къ основному богословію. М., 1894 г. Ц. 1 р. 30 к.

Аверкіева, Е. Яблоня и груша. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Азбелевъ, И. П. Японія и Корея. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Айволи, Э., д-ръ. Гигіена возмужалости. Одесса, 1893 г. Ц. 40 к.

Акатовъ, Н. Какъ учить писать. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Алексакисъ. Искра любомудрія. М., 1892 г. Цѣна 40 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 8 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М., 1889 г. Ц. по 2 р.

Альмедингенъ. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Алябьевъ, Б. Связка интимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За прав[illegible] за честь женщины. Противъ Крейце[illegible]вой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 189[illegible] Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Прав[illegible] и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 5[illegible]

Андрэ, М. Ф. Упражненія въ три[illegible]нометріи. Сборникъ задачъ съ под[illegible]ными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 3

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.
Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.
Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселянъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.
— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Ц. 45 к.
— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.
— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.
— Руфина Каздоева. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Арнгеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.
Асбьернсена, П. Норвержскія сказки. К., 96 г. Ц. 35 к.
Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
— Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, біографіей и его письменами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Бахтіарова, А. По роднымъ краямъ. Валаамская обитель, съ 3 отдѣльными рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.
Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
— Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.
— О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.
— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.
— О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
— Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
Безэ, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
Беккерледжъ, О. Простой микроскопъ и его изготовленіе. М., 1896 г. Ц. 40 к.
Бендціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Пер. А. Ѳедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
Берже, П. Модная болѣзнь нашего времени слабые нервы. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Бёрне, Л. Сочиненія въ 2 т. въ пер. П. Вейнберга, со статьею о жизни и литературной дѣятельности автора и его портретомъ, Спб., 1896 г. Ц. 3 р., стр. LXII+261+330.
Беръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Бергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
Бернетъ, Френсисъ. Исторія маленькаго лорда. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
Бергеръ, Поль. Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Бернксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
Бессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ-Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
Библіотека экономистовъ: 1) Адамъ Смитъ. 2) Рикардо. 3) Мальтусъ. 4) Милль. 5) Юмъ и Бентамъ. 6) Кенэ. 7) Ж. Б. Сэ и Бастіа. Цѣна каждаго вып. 1 р.
Библіотека-крошка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Ц. 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
Бильдерлингъ, А. Просвѣтители Россіи: Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
Вичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Благовѣщенскій. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Блекслей, Т. Т. Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Блекки, Д. Самовоспитаніе умств., физ. и нрав. П., 1896 г. Ц. 50 к.
— Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.
Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Блиновъ, Н. Сельская общественная служба. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Земская служба. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, М., 1893 г. Ц. 60 к.
Блокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.

Боборыкинъ, П. Д. Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
Богаевскій, П. Мултанское „моленіе" вотяковъ. М., 96 г. Ц. 40 к.
Богдановъ, М. Разсказы о птицахъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.
Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Боголюбовъ. Новыя врачебныя средства. Москва, 1895 г. Ц 75 к.
Бокль, Г. Вліяніе женщины на успѣхи з анія. П., 1896 г. Ц. 25 к.
— Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Бородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Боровичъ, Л. А. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
— Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
Боттонъ. Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
Брассъ, Леонъ. Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ франц. Бессонъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 руб.
Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Брикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Бриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
Брусиловскій, Е. Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на веленевой бум. 60 к.
Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р
Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. 75 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.
— Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.
Брэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.
— Жизнь животныхъ. Популярн. издан. Вып. 19, 20. Ц. вып. 20 к.
Буанъ, Эмиль. Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.
— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.
— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.
Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.
— Задачникъ къ ариѳметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
— Руководство къ ариѳметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
Бузольтъ, Георгъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьк., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.
Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Бьернстьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.
— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
— Сочиненія. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
Бѣлецкій, И. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна 7 руб. 50 к.
Бэръ, Поль. Первыя понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Бюрстенбиндеръ. Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Наши направленія. Спб., 1893 года Ц. 1 р. 50 к.
— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.
— Артельныя начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Вагнеръ. Химическая технологія. Спб. 1892 г. Ц. 8 р.

— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.

— Квентинъ Дорвардтъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.

Вальтеръ, проф. Море и его жизнь. Переводъ съ нѣм. подъ ред. проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предис. Тимирязева. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.

Ванклинъ, Альфредъ. Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Вармингъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.

Васневскій, Г. Гипнотизмъ у животныхъ. Х., 1896 г. Ц. 35 к.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Введенскій, Алексѣй. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 60 к.

— П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.

— Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

— Рѣчь передъ защитой диссертаціи: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.

— Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Цѣна 3 р.

— Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 40 к.

— Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіева Посада. 1894 г. Ц. 3 р.

— Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ". Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.

— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

— Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Вейнбергъ, Павелъ. Новые разсказы и сцены. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Везенковъ. Военная гимнастика. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и ч. 2-я. Москва, 1879 г. По 4 руб. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— На Сѣверной Двинѣ. Изд. 2-е. Москв 1896 г. Ц. 1 р.

— Автобіографіи нѣсколькихъ незамѣч. русскихъ людей. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Наполеонъ I въ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.

— Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.
Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.
Винкельманъ, I. I. Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.
Виноградовъ. Extemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе" философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.
Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.
Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
— Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.
— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.
Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.
Владимірова, А. К. (А. Европеусъ). Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Владиславлевъ, В. Изъ быта крестьянъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
— Книга для учителей. Ц. 60 к.
— Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
— Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
— Разказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
— Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
— Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
— Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
— Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.
— На отдыхъ. Иллюстрирован. разсказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.
— Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.
— Умственное и нравственное развитіе дѣтей (Изд. 4-е Спб. Ц. 2 р.
— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
— Турки. Спб., Ц. 40 к.
Водовозовы, М. и Н. Изданія: Промышленность. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswillenschaften". Ц. 1 р. 50 к.
— Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswillenschaften". Ц. 1 р. 50 к.
Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.
Войславъ, С. Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
— Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
— Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.
Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.
— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
— Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
— Гипнотизмъ и внушеніе. Перевелъ съ нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Въ память Лавуазье. Рѣчи проф. Н. Д. Зелинскаго, И. А. Каблукова и проф. И. М. Сѣченова. М., 1894 г. Ц. 50 к., для студ. 30 к.
Габриловичъ, И. Чахотка и основы ея лѣченія. Ц., 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.
Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Гавкинъ, Н. Я. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.
— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.
Гайсбергъ, С. Ф. Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

Гано, А Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

— Магнетизмъ и электричество. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торговыя сдѣлки. Ред. прив.-доц. Моск. университета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Гаспари, Альфредъ. Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Гвоздевъ, И. Первичный наружный судебно-медицинскій осмотръ мертваго тѣла. П., 1896 г. Ц. 60 к.

— О врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ свойствахъ дѣтей. Ц., 1896 г. Ц. 50 к.

Гегаръ-Альфредъ. Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.

Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь. Ист. ром. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 том. и 6 част. Изд. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.

Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Герценъ, А. Общая физіологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 к.

Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.

Германъ, Ф. Л., д-ръ. Какъ лѣчились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.

— Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.

Гефель, д-ръ, Противъ разврата. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Культурно-историческая библіотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

— Англійскіе реформаторы. М., 1896 г, Ц. 1 р. 25 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.: часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Гиляровъ, А. Н. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гиляровскій. Забытая тетрадь. Цѣна 1 руб.

Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Гиршъ Вильямъ, д-ръ. Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

Глинскій, А. Г. Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Глинскій, Б. Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Говсѣева, А. А. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к

Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 1 р.

— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб.. 1873 г. Ц. 1 р.

Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Гольцевъ, В. Законодательство и нравы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гольцендорфъ, Ф., проф. Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Гомера. Иліада. Перев. Н. М. Минскаго. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Гоніондзскій, З. А. Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Машины и станки для обработки картона. М., 1894 г. Ц. 15 к.
Горацій Сатиры. Перевод. съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
— Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
Горбуновъ. Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
— Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
— Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
Горстманъ, А. О теоріи растворовъ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.
Гортовъ, А. Методическое руководство. Обученіе письму. Е., 1885 г. Ц. 1 р. 30 к.
Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Гравинкель. Справочная книга для электротехник. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
Гранатъ, А., и К°. Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 30 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. колен. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета п. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящн. колен. пер. 6 р.
Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г. Т. III. М., 1896 г. Ц. 4 р.
Григорова, Е. Вилліамъ Шекспиръ. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.
Гримо, Э. Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжка I млад. возр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.
Гримъ. Сказки (въ переплетѣ). К., 96 г. Ц. 1 р.
Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.
Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
— Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.
— О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.
— Устои нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.
— Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. М., 1889 г. Ц. 40 к.
— Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницще и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Гротъ, Я. К. Переписка его съ Плетневымъ. Ц. 3 р.
Гротъ, П. Физическая кристаллографія. Ч. I. П., 1896 г.
Грузинцевъ, А. П. Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.
Грэхэмъ. Ж. Ж. Русо. Его жиз... произведенія и окружающая среда. 1890 г. Ц. 1 р.
Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Сп...
Гулишамбаровъ. Нефтяное отоп... ніе пароходовъ, паровозовъ, котлов... проч. (3-е исправлен. и дополнен. и... Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. ...
Гумпловичъ, Л. Соціологія и ... литика. Ц. 50 к.

***Гурвичъ.** Экономическое положеніе русской деревни. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
Гурьевъ, Н. А., и В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Гурфинкель, М. Дитя и уходъ за нимъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл.—1 р. 75 к.
Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.
— Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. 15 вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 3 р.
Данилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Данилевскій, В. Я., проф. Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
Данилевскій, Н. Я. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
Данте, Алигьери. Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
***Дегіо, К.** Проказа въ прошломъ и настоящемъ и борьба съ нею. П., 1896 г. Ц. 50 к.
Декандолль, Альфонсъ. Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.
Деминевъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Деппъ, Г. Ф. Бездымное сожиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. 50 к.
Дерюжинскій, В. Ф. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к
— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
Джабадари, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтяя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. кажд. т. 1 р. 50 к.
— Святочные разсказы. П., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Цвѣтокъ олеандра. Ц. 1 р. 25 к.
Добкевичъ, Б. Конспектъ по уголовному процессу. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка и др. М., 1894 г. Ц. 90 к.
Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
Догановичъ, А. Ѳомка-теракъ. М., 1896 г. Ц. 15 к.
Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
Додэ, Альфонсъ. Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Дорнблитъ, О., д-ръ. Гигіена умственнаго труда. Одесса, 1891 г. Ц. 50 коп.
Дриль, Дм. Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
Дрейфусъ, Ф. Міровая и соціальная эволюція. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.
Дрэперъ, Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.
Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Блаженный Меѳодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія дня кончины бл. Меѳодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
Дюмуленъ. Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Дюрсенъ, А., д-ръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ 3-го доп. и испр. изд. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
Егоровъ, Ѳ. Методика-ариѳметика. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея за 1895 г. Ц. 1 р.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія 1894 г. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Ельницкій, К. Характеристики дѣвочекъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
Жакье, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Желанскій, А. Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Желиховская, В. Кавказскіе разсказы. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Изъ тьмы къ свѣту. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Въ татарскомъ захолустьѣ. Спб., 95 года. Ц. 1 р. 75 к.
Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Жиро, П., проф. Общество у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
Жукъ, В. Женщины-матери. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
— Какъ мать должна кормить ребенка. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
Жюль Вернъ. Гекторъ Серваданъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
Замбранскій, Ю. Выжиганіе по дереву, кожѣ и тканямъ. М., 1896 г. Ц. 75 коп.
Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
Записная книга на 1896 г. Съ цѣлою стр. въ коленкоров. пер. 1 р. 20 к., съ $^1/_2$ стр. вдоль въ коленкоров. пер. 1 р., съ $^1/_2$ стр. поперекъ 75 к., съ $^1/_3$ стр. 80 к. и сокращен. изд. 60 к. Кожаные переплеты 30 к.
Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.
— Бывальщины и сказки. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 25 к.
Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.
Зеландъ, Н. Здоровье и счастье. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.
— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.
— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.
— Критическій комментарій къ сочинен[illegible] Ѳ. М. Достоевскаго, три части. [illegible] 1894 г. Цѣна по 1 руб.
— Сборникъ критическихъ статей о Н. [illegible] Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣ[illegible] по 1 руб.
— Русская критическая литература о п[illegible] изведеніяхъ А. С. Пушкина, три част[illegible] М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о [illegible]

изведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 35 к.
— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I, М., 1894 г., ч. II 1895 г., ч. III 1896 г. Ц. каждой ч. 1 р.
— Комментаріи къ соч. Островскаго. Ч. 3-я. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. М., 1896 г. Ц. 80 к.
— Критика сочиненій Л. Н. Толстого. Ч. 4-я. М. 1896 г. Ц. 1 р.
Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
Земмерфельдъ, Т., д-ръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и др. заразныхъ болѣзней. Одес., 1895 г. Ц. 30 коп.
Зетъ, Е. Французскіе лирики. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.
Зимницкій, В. Условія и пріемы объяснительнаго чтенія. Москва, 1895 г. Ц. 55 к.
Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Золотаревъ, Л. Родительскія заботы о борьбѣ съ онанизмомъ у дѣтей. М., 1896 г. Ц. 30 к.
Золя, Эмиль. Серія романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.
Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Свадьба Іоланти и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
Ибсенъ, Генрикъ. Привѣдѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
— „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ“. Спб., 1896 г. Цѣна 2 р.
Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
Игнатовъ, Н. Новый путеводитель по жел. дор. и пароходн. путямъ Россіи. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
— Въ Нижній на выставку! Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
Игра футболь съ политипажами въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Изъ дневника Аміеля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894/5 г.
Иллюстрированная пушкинская библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.
Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
Ирусъ, П., д-ръ. Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891 г. Ц. 60 к.
Фонъ - Іерингъ, Рудольфъ. Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
Іерингъ. Борьба за право. Спб., 1895 г. Цѣна 25 к.
Іодль, Ф. Исторія этики въ новой философіи. М., 1896 г. Ц. 2 р.
— Этика и политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
Какъ живутъ люди въ Швейцаріи. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 6 к.
Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г Ц. 80 к.
Калымовъ, В. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. М., 1896 г. Ц. 15 к.
Камаровскій, Л., проф. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
Канониковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
Канторовичъ, Я. Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.

Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.

Каринскій, М. Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.

Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,

— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.

Карышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра". М., 1891 г. Ц. 60 к.

— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Составъ человѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

Карѣевъ, Н. Старые и новые этюды объ эконономическомъ матеріализмѣ. П., 1896 г. Ц. 75 к.

Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Каценеленбогенъ, Г. Краткій курсъ патологическій анатоміи. К., 96 г. Ц. 1 р.

Каццолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и перед. З. Перцовой. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.

— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.

Келльнеръ, Л. Мысли о школьномъ домашнемъ воспитаніи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кенигсбергъ, М. М., д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.

Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.

Кернъ, Э. Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. (Второе изданіе). Тула, 1896 г.

Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кейръ, Ф. Воображеніе и память. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.

Кирстенъ, Г. Пчеловодство. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Кирхнеръ, I. Исторія философіи. П., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кирхманъ, Ф Философія. П., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кистяковскій, А. Ѳ. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. 3-е изданіе. Кіевъ, 1891 г. Ц. 4 р.

Кіари, Х. Техника патолого-анатомическихъ вскрытій. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Клау, Ѳ. Ѳ. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальн. училищъ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.

Клемпереръ, д-ръ. Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Книга здоровья. Ц., 1896 г. Ц. 1 р.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобеллъ. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Лефлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 коп.

Ковалевскій, Е. Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Козловъ, А. А. Очерки изъ истор[і] философіи. Понятія философіи и исто[]ріи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Тардъ (G. Tarde) и его теорія обще[]ства. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Гипнотизмъ и его значеніе для психол[о]гіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 75 [к.]

— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого

„О жизни". М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.
— Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый вмѣсто „Философскаго трехмѣсячника". Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.
— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к.

Козлинина, Е. И. Обездоленныя дѣти. Очеркъ изъ судебной практики. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Колеръ, I., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскош. переплетѣ.

Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кольбе, В. Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. П., 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.
— Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кольберинъ, Н. Русское гражданское право. К., 96 г. Ц. 1 р.

Колэ, Л. Дѣтство и юность великихъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Комаровъ, А. Народная школа. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Коменскій, Я. А. Педагогич. соч. Т. I. Великая дидактика. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Т. II. Мелкія соч. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М, 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
— Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Корнигъ, И. Г., д-ръ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.
— Разсказы дикаго человѣка. М., 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.

Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.
— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
— Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
— Обработка и удобреніе чернозема. Сбп., 1892 г. Ц. 2 р.
— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Краффтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.
— Судебная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 р.
— Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р, 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестный календарь на 1896 г. Гатцука. Ц. 15 к.

Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. (Культурные скиты и культурныя одиночки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А. Военные инженеры. Висячій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.
Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Кричагинъ, Н. Учебникъ ботаники. П., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ,1894 г. Цѣна 1 р.
— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц 1 р. 50к., въ роскошн. перепл.—2 р.
— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированные разсказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Не герои. Очерки и разсказы (Живыя души, т. I). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— На чужомъ полѣ. Очерки и разсказы. (Живыя души, т. II). Изд. 2-е, дополн. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
— Котофей Котофеевичъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Все пріятели. М., 1896 г. Ц. 30 к.
— Изъ золотого дѣтства. М., 1889 г. Ц. 1 р.
Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.
Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Книга II-я, изд.3-е. Кіевъ,1892г. Ц. 40к.
— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
— Книги V, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.
— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.
Кудрявцевъ, В. Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.
Кудрявцевъ-Платоновъ, сочин. Вып. I, II и III. Ц. каждаго 1 р. 50 к.
Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
Кулешовъ, П. Свиноводство. М., 1893 г. Ц. 1 р.
— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.
— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.
Куно - Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.
— Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣна за два вып. 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.
Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.
Курсье, Э. Русско-французско-нѣмецк. обществ. разг. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.
Кюнеръ, д-ръ. Гигіена любви. Одесса, 1896 г. Ц. 50 к.
Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.
Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.
— Основанія политической экономіи. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лависъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.
Ладвезъ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.
Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г. Т. II (части 3 и 4). Ц. 4 р. М., 1895 г. стр. 656; Т. III (часть 5). Ц. 3 р. М., 1896 г. стр. 545.
Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.
Ланге, К. проф. Художественное воспитаніе въ дѣтской. М., 95 г. Ц. 50 к.
Ландцертъ, В. П. Спутникъ по Р сіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 5
Лаоси. „Тао те кингъ". Переводъ китайскаго со введеніемъ Д. П. ниси. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 5(
Леббокъ, С. Идеалы жизни. 1895 г. Ц. 75 к.
Леббокъ, Дж. Красота природы чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Г лова, съ 36 политип. Ц. 1 р. 50 к. М., 18

— Радости жизни. 2-е испр. и доп. изд. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
— Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Лёбе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
Лебо, Эжень. Трактатъ о человѣческой физіономіи. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Лёвенфельдъ. Л. Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
Левицкій, В. Н. Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 г. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.
Ле-Бонъ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Легуве, Э. Исторія духовной жизни женщины. М., 96 г. Ц. 75 к.
Ленотръ, Ж. Революціонный Парижъ. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.
Лейненбергъ, Н. Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Леонтьевъ, Н. I. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
Лессингъ, Г. Минна фонъ-Барнгельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
— Драматич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
Летурно, Ш. Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изданія. Вып. I. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
Лидовъ, А. П., проф. Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.
Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Листъ, Ф. Наказаніе и его цѣли. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Лопатинъ, Л. М. Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
— Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.
Лоранъ, Э. Медицина души. П., 1896 г. Ц. 15 к.
— Нейрастенія. П., 1896 г. Ц. 15 к.
Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.
— Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.
Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
— Бѣшеная лощина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
— Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.
Любимовъ, Н. А. Исторія физики. Ч. I. Періодъ греческой науки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Философ. Декарта. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева. М., 1870 г. Ц. 6 руб.
Лялина, М. Путешествія М. Н. Пржевальскаго. Спб., 91 г. Ц. 2 р.

Магаймъ, Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.
Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.
Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.
Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.
Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
— Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
Малицкій, П. Руководство по исторіи русской церкви. Вып. I. М., 1891 г. Ц. 90 к., вып. II. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.
— Акъ-Бозатъ. Разсказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
— Уральскіе разсказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Три конца. (Уральская лѣтопись). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Весеннія грозы. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Мангуби, И. Практическое винодѣліе. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Мантегацца, П. Физіологія любви. 2-е испр. изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Физіологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Физіономія и выраженіе чувствъ. Пер. съ французск. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Физіологія ненависти. Одесса, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Искусство быть счастливымъ. Одесса, 1890 г. Ц. 50 к.
— Гигіена красоты. Одесса, 1890 г. Ц. 50 коп.
— Лицемѣрный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
— Нервный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
Марконетъ, А. Дворецъ юстиціи въ Парижѣ. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.
Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.
Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
Марксъ, К. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. М, 1896 г., Ц. 1 р. 35 к.
Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 75 к.
Масловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
— Житейскіе напѣвы. Спб., 92 г. Цѣна 1 р. 25 к.
— Басни и были. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.
Маудсли, Генри. Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Маурeръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
— На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
— Васька-горнистъ. М., 1896 г. Ц. 20 к.
Медвѣдевъ, Л. Въ семьѣ. М., 1896 г. Ц. 60 к.
Мейеръ, Аксель, д-ръ. Гигіена бездѣтнаго брака. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.
Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Мёбіусъ, д-ръ. Гигіена, діэта и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Мекензи, Уоллэсъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.
Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.
Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.

Металлодавильное дѣло (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.
Микуличъ, В. Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.
Миллеръ, В. П. Аквaріумъ. Краткое руководство къ уходу за аквaріумомъ и его населеніемъ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
Миллъ, Джонъ-Стюартъ. О подчиненіи женщины. П., 1896 г. Ц. 60 к.
— Автобіографія. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
— Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герои безвременья. Спб.. 1895 г. Ц. 1 р.
Михеевъ, В М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Михневичъ, В. Русская женщина XVIII стол. К., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
Молло, М. Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.
Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.
Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Мороховецъ, Левъ, проф. Имп. Моск. унив. Физико-химическія основы біологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физіологической техникой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.
Моссо, А. Физическое воспитаніе юношества. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
Мункъ, I., д-ръ мед. Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
Мусселіусъ, В. Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Мюссе, А. Ночи. Перев. А. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.
Мясницкій, Ив. Замоскворѣцкія свахи. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— „На добрую память" изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.
МДС. Врачебное искусство и медицинская наука. Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.
N. N. Снабженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ англійскаго инж. техн. Л. Л. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Навиль, Э. Что такое философія. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
Надсонъ, С. Я. Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.
Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьёрнсонъ - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана и др. Ц. 70 к.
Народныя русскія сказки и загадки. Собраны сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.
Народныя русскія сказки. М., 1882 г. Ц. 1 р.
Неверъ, Эмилія. Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Немировичъ-Данченко. В. И. Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к
— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Ѳедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 80 к.
— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
Немировичъ-Данченко, Влад. Ив. Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Нелидова, Л. Дѣвочка Лида. Разск. для дѣтей. Изд. II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
— Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ

текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.
— Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
— Руководство столярнаго ремесла. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
— Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.
Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Никитскій, С. Вѣра православной восточной греко-россійской церкви. Книга 1-я: Вѣроученія. Ц. 50 к. Книга 2-я: О нравственности. Ц. 70 к.
Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
Нимейеръ, Павелъ, д-ръ. Геморрой. Причины болѣзни, способы лѣченія и предупрежденія ея. Пер. В. Бороздича. Казань, 1895 г. Ц. 50 к.
Нотнагель, Г. д-ръ. Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.
Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50.
Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и III вып. по 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.
— Астрономія. П., 1896 г. Ц. 6 р.
Нюренбергъ, А. М. Городовое положеніе (изд. 2-е). Москва, 1893 г. Ц. 80 к.
— Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.
Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Импер. моск. общ. сельск. хоз. М., 1895 г. Ц. 15 к.
Общая патологія инфекціонныхъ болѣзней. К., 96 г. Ц. 30 к.
Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
Объ устройствѣ водяныхъ клозетовъ (16 рис. въ текстѣ). М., 1894 г. Ц. 20 к.
Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ“.
— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
Овсянико-Куликовскій. Языкъ и искусство. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Огіевскій, В. Борьба съ вредными лѣсными насѣкомыми въ Баваріи. Спб., 95 г. Ц. 20 к.
Оглоблинъ, В. Колористическій сборникъ. М., 1896 г. Ц. 5 р.
Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Въ 2 т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Оже, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
Ожешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Орловъ, К. В., д-ръ мед. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправл. и доп. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.
Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психол. общ. М., 1889 г. Ц. 2 р.
Освальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, и дрессировка. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Оствальдъ, В. Несостоятельность научнаго матеріализма и его устраненіе. П., 1896 г. Ц. 30 к.
Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.
— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. М, 1894 г. Ц. 1 р.
— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 50 к.
— Хорошіе люди. Сборникъ разскав. 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. 1 р., въ роскошн. перепл.—1 р. 60
— Изъ исторіи моего учительства. Ка я сдѣлался учителемъ. Спб., 1895 Ц. 1 р. 25 к.
— Бесѣды о препод. словесн. М., 189(Ц. 80 к.

— Этюды русскихъ писателей. М., 1888 г. Ц. 75 к.
— Этюды о русскихъ писателяхъ. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Русскіе писатели. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
Острогорскій и Семеновъ. Русскіе педагогическіе дѣятели. М., 1887 г. Ц. 75 к.
О дѣлахъ житейскихъ М., 1886 г. Ц. 1 р. 25 к.
Очеркъ исторіи греческой философіи Целлера. Перев. съ нѣмецкаго М. Некрасова, подъ редакц. М. Каринскаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей“ (Біографическая библіотека). Ц. кажд. вып. 25 к.
Павоне, К., д-ръ. Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Одесса, 1893 г. Ц. 50 коп.
Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.
Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. М., 1894 г. Ц. 3 р.
Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
Пель. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
Педаевъ, Д. Атмосферное электричество. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.
Пекаторосъ, Г. М. Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
Пелисье, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Пеллико, Сильвіо. Мои темницы. Перев. Гариной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
Перковскій, П. Описаніе судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомогательныхъ механизмовъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.
Перси. Краткое изложеніе рѣзьбы по дереву. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.
Песоцкій, Н. Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Песталоцци, Г. Педагогическія сочиненія въ 2-хъ т. Ц. кажд. т. 2 р. 50 к.
Петерсонъ, О. Семейство Бронтё (Керреръ, Элисъ и Актонъ Белль). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспомож. кончив. высшіе женск. курсы.
Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.
Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. перев. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
Пло, О. Жизнь римскихъ императрицъ. П., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
По, Эдгаръ. Баллады и фантазіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Полное собраніе сочиненій. Вып. I. Киш., 1895 г. Ц. 65 к.
Поворинскій, А. Систематическій указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству. Спб., 1896 г. Типогр. правит. сената стр. XXV+834. Ц. 4 р.
Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.
— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.
Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.
Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Посновъ, А. Руководство къ правильной востановкѣ торговли, контроля и счетоводства обществъ потребителей. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.
— Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Одинъ. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.
— Голодъ. М., 95 г. Ц. 40 к.
Потебни, А. Мысль и языкъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
— Изъ лекцій по теоріи словесности. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
Починъ. Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1896 г. М., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
Прейеръ, В. О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Прессъ. Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.
— Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Прёльсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительною статьей В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Приготовленіе протравъ для дерева и подделка простыхъ породъ дерева. 2-е доп. М., 1892 г. Ц. 40 к.
Принсъ, А. Преступность и общество. М., 1896 г. Ц. 40 к.
Программа чтенія для самообразованія. П., 1895 г. Ц. 40 к.
Проблески. Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Пругавинъ, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Путеводитель по желѣзн. дорог. и пароходн. путямъ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.
Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
Пфлюгеръ, Э. Ф. В. Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Одесса, 1890 г. Ц. 30 к.
Рабовъ, С., проф. Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ, для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. 1 р. 40 к.
Радда-Бай (Е. П. Блаватская). Изъ пещеръ и дебрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ". Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
Радловъ, Э. Л. „Объ истолкованіи" Аристотеля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.
Раменскій, Н. Братья-изгои. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 2 р.
— Докторъ Сафоновъ. М., 1889 г. Ц. 1 р.
Рашевскій, И., д-ръ. Замѣтки по фармакологіи для фельдшеровъ. 2-ое изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.
— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
Ред. Иванова. Новое Manuale Pharmaceuticum. Вып. I. П., 1896 г. Ц. 1 р. 80 к.
Рейтцъ, В. Лекціи по паталогіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рейхъ. Оптическая гигіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.
— Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—ц. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—ц. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.
Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣм. д-ра П. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.
— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Рентгенъ, В. Новый родъ лучей. К., 99 г. Ц. 15 к.
Рено, А. Героизмъ. П., 1896 г. Ц. 1 р.
Рецептура. Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.
Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
— Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб 1895 г. Ц. 25 к.
Риль, А. Теорія науки и метафизик

съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.
Рихтеръ, Е. Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.
Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Робертъ, Карлъ. Краткое руководство живописи на тканяхъ. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.
— Краткое руководство миніатюры. М., 1895 г. Ц. 70 коп.
Рогова, О. И. Рѣпосчетъ. Спб., 95 года. Ц. 2 р.
— Ласточкино гнѣздо. Спб., 94 г. Цѣна 2 руб.
— Ландышъ. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Синъ гетмана. Спб., 91 г. Цѣна 2 руб. 25 к.
Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Спб., 1893 г. Ц. 3 р.
Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій орѳографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію" академика Як. Грота. Изд. третье исправл., Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
Ростовская, М. Ѳ. Звѣздочки. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Жучка. Разсказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Четыре времени года. Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье, испр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Крестьянская школа. П., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Рудзкій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2-е). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Харьк., 1894 г. Ц. 30 к.
Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
Русская библіотека. № 6. Южаковъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7. Карѣевъ, Н., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.
Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ". Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Пер. съ фр. М., 1895 г. Ц. 90 к.
Сазоновъ, Г. П. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству 1865—1896 г., изд. департамента земледѣлія. Ч. I и II. Спб., 1896 г. Ц. по 2 р. томъ.
Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за каждый т. отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.
Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.
Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины". Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.
Сахаровъ, А. По русской землѣ. Второе изданіе. М., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.
Сборникъ общества любителей россійской словесн. на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 р.
Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
Свѣтухинъ, М. И. Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Святловскій, В. В. Фабричная гигіэна (153 рис.). Спб., 1891 г. Ц. 4 р.
— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
Сёлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
Селивановскій, И. Ночь на Рождество. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Семеновъ, Д. Рождественская сказка. М., 1887 г. Ц. 1 р.
Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Т. 1. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Донъ-Кихотъ, томы I и II. П., 1895 г. Ц. за два т. 5 р.

Серебрениковъ, В. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 руб. 25 коп.

Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 30 к.

Сикорскій. Заиканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.

Симсонъ, Э. О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.

Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.

Скворцовъ, Ир. П., проф. Основные вопросы лечебной гигіены. Отдѣлъ первый. Леченіе климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сковорода, Г. С. Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣевымъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.

Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т. II. [М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.

— Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

Скоровъ и Полянскій. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. 2 тома. Цѣна за оба тома 4 руб.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.

Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.

Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Словцовъ, И. Обозрѣніе Россійской имперіи. М., 1896 г. Ц. 45 к.

— Краткая физическая географія. М., 1896 г. Ц. 80 к.

Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.

— Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели". Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Долгъ (Нравственныя обязанности человѣка). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Смирновъ, А. Живыя картинки сборникъ разсказовъ. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

— Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Смирновъ, В. О внутренности земли. М., 1895 г. Ц. 80 к.

Смирнова, А. П. Изъ жизни нашихъ предковъ. Спб., 95 г. Ц. 1 руб. 50 к.

Снегиревъ, Л. Маркизъ де-Нэвъ. Серг. Посадъ. Ц. 60 к.

Снегиревъ. Судебныя драмы. А. Бартеневъ. Убійство Висновской. Г. Шамбижъ. Убійство Грилль. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Жизнь и смерть Сократа. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.

- Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.

— Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.

Соколовъ, Н. Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.

Соковнинъ, А. Бить и казаться. Спб., 95 г. Ц. 2 р.

Соловьевъ, С. Исторія Россіи с древнѣйшихъ временъ. 29 томовъ в 6 книгахъ. Спб., 1895 г. Ц. 24 р.

Сологубъ, Ѳ. Стихи. Книга 1-я. Сп 1896 г. Цѣна 50 к.

Соннэ. Геометрія теоретическая и пра тическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.

Сорокинъ, В. О волостномъ и се скомъ управленіи. М., 1887 г. Ц. 50

Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологіи обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. (1 р. 50 к.
— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Среди цвѣтовъ. Разсказы стараго садовника. 2-е изд. Спб., 95 г. Ц. 2 р.
Средина и постоянство. (Свящ. книга последователей Конфуція). М., 96 г. Ц. 25 к.
Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.
Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Откровенные. Ром. въ двухъ част. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
Стенинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе левантскаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 6 р.
Стэнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.
Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Пов. М, 1893 г. Ц. 30 к.
Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины. Токологія или наука о дѣторожденіи. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
Стороженко, Н. И., проф. Поэзія міровой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
Страховъ, Н. Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Краткая методика закона Божія. М., 1891 г. Ц. 50 коп.
Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
Струве, Генрихъ. Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.
Струнниковъ, А. Вѣра какъ увѣренность по ученію православія. Самара, 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Начатки философіи. М., 1888 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Судебныя драмы. Жанъ Делалонжъ. Ц. 30 к.
— Грекъ Кастоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.
— Убійство Маріи Аннза и ея дѣтей. Ц. 20 к.
— Убійство Бефани. Ц. 40 к.
— Шайка Лемэра. Ц. 30 к.
— Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
— Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
— Ольга Палемъ (Убійство студента Довнара). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 8 р.
Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
Сѣровъ, А. Н. Критическія статьи. Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1895 гг. Ц. за всѣ 4 т. 6 р.
Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Таренецкій, А., проф. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при императ. военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Истор. оч. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М. 1891 г. Ц. 60 к.
Тжаска, А. Русская азбука съ прибавленіемъ церк.-слав. азбуки. М., 96 года. Ц. въ папкѣ 30 к.
Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е. М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.
Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособие для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.

— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. 17 изд. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. 9 изд. Ц. 40 к. М., 1892 г.

— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.

— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.

— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.

— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 30 к.

— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.

— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.

— Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.

— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.

— Вешніе всходы. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія и бесѣдъ. М., 1896 г. Ц. 30 к.

— Вешніе всходы. Книга 2-я. М., 1896 г. Ц. 35 коп.

— Вешніе всходы. Руководство для учителя къ 1-й и 2-й книгѣ. М., 1896 г. Цѣна 30 коп.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ моск. унив. Психическія эпидеміи. М., 1893 г. Ц. 25 к.

— Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.

— Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.

— Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.

— Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированіи. Спб., 1889 г. Ц. 50 к.

— Меряченіе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.

— „Ходите въ свѣтѣ" и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.

— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.

— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Торминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Руководство къ исполненію всякаго рода малярныхъ работъ. Составленіе различнаго рода лаковъ и красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Торговая и дѣловая корреспонденція. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русская исторія, 2-е испр. изд., съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Троицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М. 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.

Трояновскій. Первая помощь у себ[я] дома и на полѣ битвы въ отсутствіи вр[а]ча. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 [к.]

Трубецкой, Евг., кн. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трубецкой, С., кн. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.

Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Противузаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

— Таблицы для таксаціи лѣса. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тэнъ, И. Чтеніе объ искуствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 1884 г. Ц. 1 р. 75 к.

Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уайтъ, Г. Биссофанія. М., 96 г. Ц. 75 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственныя основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень". М. 1893 г. Ц. 2 руб.

Указатель книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Указатель русскихъ книгъ и брошюръ по богословскимъ наукамъ. М., 1891 г. Выпускъ I. Ц. 25 коп. Выпускъ II. Ц. 40 к.

Ульцманнъ, Робертъ, проф. Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Пер. подъ ред. док. мед. Н. П. Федченко. Хар., 1893 г. Ц. 1 р.

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Успѣнскій, П. П. содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Файнштейнъ. С., Мнемоника. 5-е изд. Одесса, 95 г. Ц. 35 к.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.

Фалькенбергъ. Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, испр и доп. Въ 2-хъ ч. М., 1892 г. Ц. 1 р 50 к.

Фарраръ, В. Женщины у домашняго очага. П., 1896 г. Ц. 25 к.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Федоровъ, П. А., техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпиловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папье-маше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

— Изъ прошлаго и настоящаго. Ц. 1 р. 25 к.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фейгинъ, Ф., д-ръ мед. Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Ферре. Фотографированіе безъ фотографіи. М., 1895 г. Ц. 75 к.

— Легкое и дешевое фотографированіе. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Ферри, Энрико. Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Одесса, 1890 г. Ц. 40 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.

— Около жизни и смерти. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Филипповъ, Ал. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фишеръ, Г. Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ пріемамъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.

— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.

— Грамматика древн. церковнаго язык. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жизни по поводу Крейцеровой сонаты. Пер. съ нѣм. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Фраасъ, Э. Геологія. М., 1896 г. Ц. 25 к.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Фредерикъ, Л., проф. Практическія упражненія по физіологіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Фрэпонъ, Г. Акварель. Морскіе виды. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Акварель. Пейзажъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Цвѣты и плоды. М., 95 г. Ц. 1 руб.

— Акварель. Насѣкомыя, животныя, птицы, рыбы. М., 95 г. Ц. 1 р.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.

— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М,. 1893 г.

Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.

— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.

— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

— Темпераментъ и характеръ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Фурнье, А. Леченіе сифилиса. Пер. Говсѣева. Изд. 2-е. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фэйе. Происхожденіе міра. Критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 доп. изд. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Хвольсонъ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.

— Лучи Рентгена. П., 1896 г. Ц. 40 к.

Хиггинсонъ, Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Хитровъ, М. Евстафій Плакида. М., 1888 г. Ц. 50 к.

Ходжетсъ, И. Эдрикъ мореплаватель. Спб., 90 г. Ц. 1 р. 20 к.

Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Хрущовъ, П. Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Цаппъ, А. Какъ влюбляются молодыя дѣвушки. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскі писатели (для старшихъ классовъ гим назій и домашняго чтенія), съ 27 порт ретами. Спб., 1888 г. Ц. 3 р.

— Электрическое освѣщеніе въ примѣн ніяхъ къ жизни и военному искусству (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

Цвѣтковъ, Н. Практическій кур русскаго правописаніе (согласованъ „Руководствомъ Я. Грота“). Ч. I и I Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.

Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.
Циммерманъ, А. Микроскопъ. П., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.
— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.
— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.
— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.
— Рѣчь въ защиту Секста Росція Амерійскаго. Ц. 60 к.
— Рѣчи противъ Катилины. Ц. 50 к. Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.
— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.
Цуриковъ, Н. Темы и планы ученическихъ сочиненій. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Частный почянъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Челпановъ, Г. Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности. Ч. I. К., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
Чешихинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.
Чешихинъ, Всев. Жуковскій, какъ переводч. Шиллера. Ц. 60 к.
— Стихи. Ц. 1 р.
Чижъ, В., проф. Криминальная антропологія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.
— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Опыты по исторіи русскаго права. М., 1858 г. Ц. 1 р.
— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М., 1862 г. Ц. 1 р.
— Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.
— Ч. II. Соціологія. М., 1896 г. Ц. 3 р.
— Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.
— Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.
— Исторія политическихъ ученій. Чч. 2, 3 и 4. Ц. каждой части 3 р.
Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.
Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
Чуевскій, И. А., д-ръ. Конспектъ физіологіи человѣка. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.
Шалуны. Юмористическія сцены съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Шамуринъ-Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Шаховской, Н. Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскош. переп. съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.
Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ. Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 руб.; цѣна. 9 ч. 2 руб. М., 1862 г.
— Гамлетъ принцъ Датскій. Кіевъ, 1896 г. Ц. 15 к.
Шелли. Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Ц. кажд. вып. 50 к.
— Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Шелгунова, Л. П. „Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.
Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.
— Очерки русской жизни. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г Ц. 20 к.

Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.
Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Всеобщая исторія литературы. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга. Изд. Байкова. Принимается подписка. Ц. 6 р. безъ дост., съ пер. и дост. 8 р. Вышли 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13 вып.
Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.
Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Пѣснь о колоколѣ. Ц. 30 к. М., 1896 г.
Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
Шмейдлеръ. Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М. 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ ч., цѣна имъ 7 р. М., 1881 г.
Шмидтъ, О. Русалочка. М., 1892 г. Ц. 50 к.
Шмитцъ, Л., д-ръ. Половая жизнь человѣка. Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.
Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Счевс новича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фрауэнштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Лучи свѣта. П., 1896 г. Ц. 1 р.
Шперкъ, Ѳ. Система Спинозы. Спб., 1893 г.
Шредеръ, В., д-ръ. Половыя болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
Шредеръ. Учебникъ акушерства. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Ц. 5 р.
Шрейдеръ, Д. Японія и японцы. Спб., 95 г. Ц. 4 р.
Штаркенбургъ. Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
Штейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Шумковъ, И. В. Верблюдъ какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р.
Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ш., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
Эдвинсонъ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.
— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.
Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая гигіэна въ примѣненіи къ обыденной жизни). Спб., 1891 г. Ц. 40 к.
Экштейнъ, І., проф. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Экштейнъ, Ф. А. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.
Экштейнъ. Въ карцерѣ. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Э—на, М. Ея Крейцерова соната. К., 96 г.
Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидерація. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
Энцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.

— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.

Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.

Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Южаковъ., С. Н. Афганистанъ исопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Юрьевъ и Владимірскій. Хозяйка дома. П., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г.—15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.

— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юлій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.

Юстусъ, В., д-ръ. Болѣзни волосъ и ихъ лѣченіе. Одесса, 1896 г. Ц. 30 к.

Якимовъ, Н. М. Бѣдный Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 15 к.

Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.

— Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.

Янъ. Термохимія. Спб., 1898 г. Ц. 2 р.

Өедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Album des chefs d'oeuvre de l'art. 16 вып. Ц. 4 р. 80 к. Отдѣльно каждый выпускъ по 35 коп.

Album universel. Съ видами Италіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпусковъ, въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 39 вып. 9 р. 75 к. Каждому отдѣльно 30 коп.

***Autour** du monde. Альбомъ акварелей съ типами и видами всѣхъ странъ свѣта. 25 вып. Ц. 7 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно по 35 к.

Bow, R. H. Графическія данныя раціональнаго разсчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 8 р.

Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.

C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.

— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.

Crocker A. Wheeber. Уходъ за динамо-машинами. М., 1896 г. Ц. 1 р. 85 к.

Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Hager'a, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 вып., съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.

Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.

Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.

— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.

Heitzmann, C., D-r. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.

Iordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.

Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.

***La France.** Альбомъ акварелей съ видами и типами Франціи. 25 вып. Ц. 7 р. 50 к. Отдѣльно каждый вып. по 35 к.

Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.

Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Paul Julius Mocbius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣм. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.

Roux, D-r и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.

Salomonsen, С., проф., и **Черевковъ**, д-ръ. Руководство къ практической (технической) бактеріологіи. Общая и специальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.

Schrader, W. Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.

Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).

Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.

Unwin. Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

Weil-Mantou, d-r. Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книжки.

Французскія азбуки:

L'Abc des tout petits. Couveture en couleurs. Av. 6 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 8 коп.*

L'Abc du premier âge. Couverture en couleurs. Av. 24 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 30 коп.*

L'Alphabet usuel. Av. 24 grandes gravures en couleurs par Adrien-Marie; in 4°. *Цѣна 65 коп.*

L'Album Alphabet. Av. 27 belles illustrationse n coulesur par. E. de Liphart et de nombreuses graurves en noir. grand in 4°. *Цѣна 1 р. 25 к.*

—

Альбомы для дѣтей.

Первая серія.
in 4°. Цѣна по 65 коп.

16 стр. напеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 7 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.

Le dormeur éveillé, illustré par Chovin.
Les animaux domestiques, illustr. par Gambard.
Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.
Au Pays des leurs, illustré par Gambard.

—

Вторая серія.
in 4°. Цѣна по 40 коп.

16 стр. напеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 8 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.

Frère et soeur, ill. par Vogel.
Gargantua. ill. par Myrbach.
Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoé, ill. par Myrbach.

—

Третья серія.
in 4°. Цѣна по 20 коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Martin.
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill. par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
L'oiseau bleu, d'apres M-me d'Aulnoy, ill. par Clérice.
Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par. Chovin.

—

Четвертая серія.
in 8°. Цѣна по 13-ти коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome Pouce, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jazet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

—

Пятая серія.
in 4°. Цѣна по 8-ми коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill. par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Malb'rough, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. par Chovin.
Abc des tous petits, ill. par Bouisset
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouissot

—

Шестая серія.

in 16°. Цѣна по 5-ти коп.

6 гравюръ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. par Godefroy.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godefroy.
Le Bain de Minet, ill. par Bouisset.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
Ca petite Ménagère ill. par Bouisset.

—

Седьмая серія.

in 4°. Цѣна по 1 руб.

Содержитъ около 80 иллюстрацій въ краскахъ. Цѣтная картонная обложка.

Le Voyage de mademoiselle Rosalie, illustré par A. Marie.
Bambins et bambines, ill. par E. Harding.

—

Восьмая серія.

in 4°. Цѣна по 1 руб. 75 коп.

La journée de Bébé. illustrat. par Bouisset. Texte par Arnaud.
Heureux âge, ill. par Harding.
L'Album des enfants sages, illust. par Harding.

—

Книжки для дѣтей отъ 6—8 лѣтъ.

Дѣтская библіотека, форматъ in 6. *Цѣна каждаго тома безъ перепл., цвѣтн. обложка 40 коп., въ перепл. 65 коп.*

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par. P. Andriveau.
Bébés en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bons points de Bébé, par M-me de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.
Scènes enfantines, par M-me Marie de Bosguérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes poupées, par M-me de Bosguérard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M. A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Galouil.
La plage de Wimerux, par M-me Balleyguier.
*Les enfants de cigarette, par Théo-Critt.
*Les bonheurs de bonsheurs de Paulline, par M-me de Bosguérard.
Le théatre de Polichinelle, par le papa de Nénette.
*Une partie de plaisir, par Roger Dombre.
*Les mémoires d'un chèvre, par M-me la comtesse de T.
Les vacances de Paul, par M-me J. de Sobol.

Обозначенныя * имѣются только въ переплетѣ.

—

Книжки для дѣтей отъ 7—10 лѣтъ.

D'Hervilly, L'age d'or de l'enfance. Histoires morales et amusantes, illustré. Цѣна 4 руб.
Marel, Le petit monde. Enfantillage et poésies, illustré. Цѣна 3 руб.

—

Книги для юношества отъ 10—12 лѣтъ.

Bibliothèque blanche.

Каждый томъ многоч. иллюстр въ текстѣ въ переплетѣ по 1 руб.

Dickens Ch. L'Embranchement de Mugbiy.
Dumas (A.). La Bouillie de la comtesse Berthe.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller (Eugène.). Récits enfantins.
Musset, (P. de). M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac (E). Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes, de Grand'Maman.
Sand (George). Gribouille.
Stahl (P.-J). Les Aventures de Tom Pouce.
— Contes de la tante Judith.
Verne (Jules). Un Hivernage dans les glaces.

—

Отъ 10—13 лѣтъ.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., въ перепл. съ зол. обр. 1 р. 75 к.

Anfossi. Le secret de sir William.
„ Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Les Rodimbot.
„ M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un hautcoeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Bovet. Histoire d'un garçon.
Garnoy. La nuit de Noël.
Dumont. Fables pour les petits.
Jane. Les 28 jours de Suzanne.
Monceau. Mon petit frère.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Witt. Les héros modestes.

—

Отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque de la famile in 8°, илл. *Каждый томъ въ переплетѣ съ зол. обр. по 3 р.*

Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès
Carnoy. Les légendes de France, ill. par E. Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par P. Nao.

Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу

отъ 25 коп. до 90 коп.

Первая серія, по 25 коп.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm.— Puck.— Mein Miezi. — Eichhörnchen auf Reisen.—Fürs Herzblättchen.— Im Freien. — Der Kinderomnibus.—Hucke-Puck.—Ein treuer Hausfreund.— Eisenbahn ABC.

—

Вторая серія, по 30 коп.

Bekanntes und Unbekanntes.—Was Vöglein singt.—Wasich weissl — Zoologischer Garten.

—

Третья серія, по 45 коп.

Ein Besuch bei Grossmama.—Der Schneemann. — Unsere Kameraden. — Arch. Noahs.—Ringel, Ringel, Rosenkranz.— Puppen-Gesellschaft„—Die wunderliche Kutsche.— Robinson Crusoe.— In der Maienzeit.—Prinzessin Tausendschön.— Guckkasten.—Wer nicht „liebes Kindchen" sein will.—Spielzeug Alphabot.— Garten Frenden.

—

Четвертая серія, по 60 коп.

Feierstündchen.— Von Nah und Fern.— Kleine und grosse Freunde. — Allerlei Gesellschaft.

—

Пятая серія, по 90 коп.

In Pelz und Flaum I (Der Thiere König). In Pelz und Flaum II (Eine Kleine Wohlthäterin.—Lustige Reigen.—Lieblings Kurzweil.—Komische Clowns.— Unsere Lieblingsthiere.—Familie Fangemaus.—Musjo Clown.—Ein Ausflug auf's Land.—Rothköpfehen.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

Aus der Märchenwelt. Eine Auswahl d. schönsten deutschen Märchen gesammelt von Gebr Grimm, Bechstein und Anderen. Mit 10 bunten Bildern und vielen Textillustrationen вмѣсто 1 р. 25 к. 1 р.

Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Hänschens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hocnzei. ꙇ.ug. Mivielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden вмѣсто 2 р. 85 к.

Buch der Jugend, das., Bd. VII geb. вмѣсто 4 р. 2 р. 50 к.

Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln" und „Noch 50 Fabeln") cartonirt zusammen вмѣсто 8 р. 60 к. 1 р. 50 к.

Deutsche Jugend. Gediegenste Auswal, von Bildern, Erzählungen, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. вмѣсто 3 р. 60 к. 2 руб.

Jugend deutsche. Illustrirte Jugend un-Familienbibliothek f. Knaben und Mädchen hrsg. v. Lohmeyer, вмѣсто 2 р. 70 к. 1 р. 50 к.

Kletke, Hermann. Die Kinderwelt, in Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Original zeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, вмѣсто 1 р. 80 к. 1 р.

Krüger. Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunter 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband, вмѣсто 1 р. 50 к. 85 коп.

Lottka. Kindertäume Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. вмѣсто 3 р. 1 р. 50 к.

Schanz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer., Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, вмѣсто 2 р. 50 к. 1 р. 50 к.

Strässle, Franz. Kleine illustrirte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Elegant gebunden, вмѣсто 3 р. 1 р. 50 к.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Ill. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonnirt, вмѣсто 1 р. 20 к. 75 к.

—

Нѣмецкія азбуки.

Dietlein, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrirte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Auschauungs unterrichte verbundenen ersten Sprech., Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus. въ папкѣ 60 к.

Eisenbahn A. B. C. mit vielen bunten Bildern. 25 к.

Gurcke, J. Schreib—und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von O. Speckter, въ папкѣ 45 к.

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Untorricht. въ папк. 35 к.

Schlimbach. Fibel, въ папкѣ 35 к.

—